Senri Ethnological Reports
74

А.Д.Симуков

Труды о Монголии и для Монголии

Том 3 (часть 1)

составители

Юки Конагая
Санжаасурэнгийн Баяраа
Ичинхорлоогийн Лхагвасурэн

Государственный музей этнологии
Осака 2008

The National Museum of Ethnology
Senri Expo Park, Suita
Osaka 565-8511, Japan

© 2008 by The National Museum of Ethnology
All rights reserved. Printed in Japan

Publication Data
A.D.Simukov Works about Mongolia and for Mongolia (Senri Ethnological Reports 74)
Edited by Yuki Konagaya, Sanjaasuren Bayaraa and Ichinkhorloo Lkhagvasuren
Includes bibliographical references
ISBN 978-4-901906-54-8, C3039
ISSN 1340-6787
1. Simukov A.D., 2. Mongolia, 3. Nomadism, 4. Geography, 5. Ethnography

Book design by B2 Design, Kyoto, Japan
Typeset by Yubunsha Co., Ltd., Osaka, Japan

Оглавление

Дневники, отчеты и программы экспедиций

Зоологические заметки по маршруту Южной партии Монголо-Тибетской экспедиции Г.Г.О. под начальством П.К. Козлова 1925–1926 г. 5

Краткая заметка о результатах двухмесячной стоянки в горах Ноин-Богдо (Центральная Гоби) 37

Отчет по раскопке двух курганов в падях Суцзуктэ и Цзурумтэ 40

Докладная записка о предполагаемой летом 1927 года поездке исследовательской партии Ученого Комитета в Центральную Гоби 46

Очерк работ Гобийской экспедиции Ученого Комитета (июль-ноябрь 1927 года) 52

Очерк работ Гобийской партии Ученого Комитета МНР (июль-ноябрь 1927 года) 61

Письмо А.Д.Симукова П.К.Козлову 15.II.1928 г. 74

Дневник Хангайской экспедиции 1928 года 80

Хангайская Экспедиция Ученого Комитета МНР в 1928 году (Путевые впечатления) 178

Маршрут Уланбатор - Удэ – Байшинту (Гурбан сайхан) – Уланбатор (Путевые заметки Гобийской экспедиции 1929 года. Исправлено и дополнено примечаниями в январе 1935 года) 196

Программа Хангайской экспедиции Ученого Комитета 1930 года 210

Путевые заметки Хангайской экспедиции 1930 года 212

Материалы Хангайской экспедиции 1930 года 232

Программа Гобийской экспедиции Ученого Комитета МНР. 1930 год 241

Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1930 года (Исправлены и снабжены примечаниями в 1935 году) 242

Материалы Гобийской экспедиции 1930 года 274

Предварительный отчет Гобийской экспедиции Научно-Исследовательского Комитета МНР 1931 года 282

Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1931 года
(Обработаны в декабре 1935 года) 298

Работы Гобийской экспедиции НИК'а и ЭКОСО 1931 года
(за период с 13/VI по 13/VII) 379

Работы Гобийской экспедиции НИК'а и ЭКОСО 1931 года
(за период с 15 июля по 1 сентября) 381

План Гобийской экспедиции Научно-Исследовательского Комитета
1932 года 384

Краткий предварительный отчет о работах Гобийской экспедиции
1932 года 388

Путевые заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1932 года
(Исправлены и снабжены примечаниями в 1935 году) 401

Программа полевой работы А.Д.Симукова в сезон 1933 г. 453

Краткий предварительный отчет о работе 1-ой партии Объединенной
экспедиции НКЗ СССР, МСЗ МНР и НИК МНР за время с 20/VII по 8/VIII
1933 г. 455

Краткий предварительный отчет о полевой работе 1933 года
(Приложение: Географический очерк Ихэ тамир сомона Ара-Хангайского
аймага) 458

Предварительный отчет о полевой работе 1935 года 467

По пустыням Западной Гоби (записки исследователя) 471

По пустыням Западной Гоби (записки исследователя) /окончание/ 488

Экспедиция в Цаган богда 504

Экспедиция в Цаган богда /окончание/ 515

Отчет о зимней поездке 1937 г. (январь) в район Западной Гоби 528

Отчет о работе экспедиции 1937 года 541

Путевые заметки по Хангаю и Гоби зимой 1937 года 549

Краткий отчет о работе экспедиции Ученого Комитета
в западные аймаки в 1938 году 558

Тезисы доклада о работах экспедиции Ученого Комитета 1938 года 561

Фотографии 575

Дневники,
отчеты и программы экспедиций

(Архив Музея-квартиры П.К.Козлова (С.-Петербург). Ф. 3. Оп. 9. Д. 3/1177)

1925-1926 г.г.

Подготовка к печати и комментарий директора Мемориального музея-квартиры П.К.Козлова д.и.н. А.И. Андреева

Зоологические заметки по маршруту Южной партии Монголо-Тибетской экспедиции Г.Г.О. под начальством П.К. Козлова 1925–1926 г.

Маршрут:
Урга (28-го июля 1925 г.) – Дайчин-бейсе – горы Хурху (28 августа) – горы Ноин-Богдо (стоянка октябрь-ноябрь) – низовья Эцзин гола (зимовка с декабря по май вкл[ючительно]) – ур[очище] Бухан хуб (50 вёрст вверх от Сого нура, июнь).

Наблюдения вёл А.Симуков

Маршрут Урга – Дайчин-бейсе

I. Mammalia

Число видов, наблюдавшихся в степи по дороге и на стоянках, весьма незначительно, но некоторые виды поражают количеством особей.

Наблюдались следующие виды.

Волк (*Canis lupus subsp?*) встречен лишь однажды, на переходе от Сосын-даба к ур[очищу] Джиргаланту (1/VIII). Это была очень крупная особь, пересекшая в сумерках дорогу вблизи каравана.

Из копытных были встречены дзере (*Antilope gutturosa*). Впервые они наблюдались близ колодца Эрдэн тологой худук. Затем стадо в 7 голов было встречено немного южнее Угомыр-Даба в обширной безлюдной долине. Дзере, очевидно, лежали невдалеке от дороги. Спугнутые, они пересекли дорогу и приостановились в ближайшей лощинке. Охота за ними была неудачной, несмотря на то, что они часто останавливались.

Впоследствии парочка, отбившаяся от стада, залегла чуть ли не на глазах охотника. В тот же день (4/VIII) на закате пара дзере была спугнута уже на кормёжке близ перевала Унэкты-даба. Далее пошла местность более населённая и до Бага-Гадзырыин-Чулу (Дайчин-бейсе) дзере больше не попадались.

Семейство грызунов гораздо многочисленнее видами. Наиболее заметен самый крупный из монгольских грызунов, именно тарабаган (*Arctomys sp*.). Он весьма многочислен на всём пути, за исключением двух-трёх переходов от Урги. Жилые норы его встречаются на самой дороге. Почти по всему пространству степи видишь то тут, то там стоящих столбиками у своих нор, тарабаганов. Кормятся они, по-видимому, весь день. Во всяком случае, не замечено, чтобы они в середине дня уходили бы в норы.

В это время года тарабаганы весьма жирны. Молодые ещё не достигли полного развития. Начался сезон добычи осенней шкурки тарабагана, и монголы разъезжают по степи с кремневками, подстерегая тарабаганов у нор.

Пищухи (*Lagomys sp*.) менее заметны, но не менее, если не более многочисленны. Норами их испещрена вся степь.

Весьма многочисленны также и мыши нескольких видов, все короткохвостые, т. е. полёвки. Живут они большей частью целыми колониями, среди кустиков караганы.

Несколько раз среди степи наблюдался *Cricetus sp*., по-видимому, аналогичный добытому на Ноин-Уле. Один раз наблюдался тушканчик на переходе Сосын-Даба - Джиргаланту, поздними сумерками.

Близ стоянки в Бага-Гадзырыин-Чулу был пойман молодой экземпляр *Lepus tolai*. Более он нигде не наблюдался.

Spermophilus отмечался ср[авнительно] редко.

II. Aves

Заметки о наблюдавшихся птицах необходимо разделить на две части, именно: a) птицы, встречаемые по степи во время переходов, и b) птицы, местообитание которых приурочено к различного рода водоёмам.

a) По всему пространству степи встречены следующие птицы:

Melanocorypha mongolica, Alauda sp.? (эти два вида весьма часто), *Otocoris alpestris* (несколько реже), *Saxicola isabellina* (?).

Из хищников весьма обыкновенен *Milvus lineatus*, предпочитающий держаться вблизи монгольских кочевий, и орлы, о которых весьма трудно сказать что либо определённое. Раза два наблюдались *F. tinnunculus.*

Кроме того, вблизи водоёмов совершенно обязательны несколько

особей *Anthropoides virgo* и *Casarca rutila* (турпан).

b) Теперь об «авистанциях», каковыми являются самые незначительные лужицы, колодцы, болотца, озерки и т. п. Следует сказать о каждой в отдельности.

1. Толу отметить нечем, т. к. мы стояли довольно далеко от нея, на возвышенной береговой террасе. Близ стоянки отмечена стая *Corvus frugilegus*.
2. Тургэн гол (29/VIII). По речке наблюдались кулички, вероятно *Tringa sp.*? Кроме того отмечена пара удодов (*Upupa epops*), летевшая под вечер от скал к аилу.
3. Урочище Бугук (близ Бугук гола). Местность – широкая долина. По тальвегу обширные мочежины, питаемые ключиками. Мочежины эти окружены дэрэсуном и касатиком (*Iris sp.*?). Наблюдались следующие птицы: *Gallinago megala* – стайкой в 5-6 особей в густой траве, растущей по мочежине; *Tringa sp.* (№ 1 коллекции) – стайкой в 20-30 шт., Tringa sp. (№ 4) отдельными экземплярами по лужицам, серые и жёлтые плиски (*Motacilla sp. sp*.).
4. Ур[очище] Гансы-худук. Ключик, разливающийся небольшими мочежинками, и теряющийся потом в степи. Наблюдались *Tringa* тех же видов (1 и 4), *Gallenago Megala* (до 10 особей). Эти последние, как и всегда, держатся в густой траве, растущей по мочежинам.
5. Ур[очище] Хайрхан-буритэ (к югу от Сосын-даба). Озерко-лужа. Здесь можно отметить лишь пару турпанов с выводком ещё не летающих птенцов.
6. Ур[очище] Джиргаланту. Маленький ключик, текущий по степи. Наблюдалась большая стая *Passep sp.*? (№№ 7, 8) и единичный экземпляр *Tringa* (№ 1).
7. Ур[очище] Эрдэн тологой худук. Безлюдное, но богатое кормом урочище. Колодец, несколько лужиц и высохшее дно большой лужи-озерка. Вокруг на большое расстояние заросли дэрэсуна. Кое-где солонцеватые голые площадки. Орнитофауна относительно богатая. Постоянными, по-видимому, обитателями этого урочища являются серые и жёлтые плиски (*Motocilla sp. sp*.) (№№ 10, 11) в большом количестве; *Emb. Schoeniclus* (№ 12) – изредка; *Upupa epops* (один экземпляр) – все эти виды наблюдались в зарослях дэрэсуна. Около воды пара *Charadrius*'ов (№ 13), стайка чибисов (*Vanellus vanellus*) – пролётом, в этом урочище не задержались; затем стайка *Syrrhaptes paradoxus* – первых на пути от Урги. Начиная с этого урочища бульдрук встречался близ каждого водоёма, то стаями, то единичными экземплярами. Кроме того, около лагеря пролетел

единичный экземпляр *Gallinago Megala* (?) – последний, (вероятно) на нашем маршруте.

8. Урочище Баин-барат. Весьма богато водой. Имеется целый ряд озерков с частью песчаными, частью вязкими иловато-глинистыми берегами. Птиц наблюдалось много. Несколько особей *Numenius arquatus*, одна *Larus sp.*, стайки шилоклювок, смешанные стайки нескольких видов мелких куличков (№ 15, 16-17, 18) и утки (чёрная голова, белая грудь, крылья чёрные с белым). На одном из озерков наблюдался большой выводок совсем ещё маленьких утят. В дэрэсуне *Emb. Aureola* и *Emb. Schoeniclus* (№ 12). Кроме того, у большинства колодцев наблюдались удоды.

Маршрут Дайчин-бейсе – горы Хурху

Если первый этап разъезда может быть назван исключительно степным, то второй, вдвое больший, носит уже характер полупустыни, а близ гор Хурху - пустыни.

Mammalia

Из хищных наблюдались волк и лисица. Волк, наверное, распространён по всему данному этапу разъезда, но видели мы его лишь однажды, именно близ ур[очища] Нарын-худук, где он почти на наших глазах задрал бродячую лошадь. Жалобы со стороны монгол на особенное обилие волков мы слышали в районе кол[одца] Дзере-худук.

Лисицу я наблюдал дважды, и оба раза в горах. Можно сказать почти с уверенностью, что на пройденном пути нет горной группы, в которой отсутствовали бы лисицы.

Первую я наблюдал на вечерней экскурсии в окрестностях кол[одца] Дэрэсу-худук. Лисица медленно подвигалась по каменистому склону холма, обыскивая каждый кустик, каждый камень. Вторую же я видел в небольшой горной группе близ ур[очища] Бударган-худук среди дня. Убегая от меня, она останавливалась и отрывисто, хрипло лаяла.

Начиная с Улан-худука на каждом перегоне, в большем или меньшем количестве встречались дзере (*Antilope gutturosa*). Обычно они бывали весьма осторожны. Но, помимо этого, в смысле охоты мне просто не везло, и добыть удалось только взрослую ♀.

Один раз, наблюдая их на довольно близком расстоянии, я слышал звуки, издаваемые ими в встревоженном состоянии. Звуки эти тихи, невнятны и отдалённо напоминают не то мяуканье, не то тявканье. Образ жизни их несложен и сходен с таковым хара сульты, да отчасти и лесных

копытных. Днём дзере лежат, выбирая предпочтительно какой-нибудь пологий склон. Утром и под вечер кормятся. Часть ночи, вероятно, также лежат.

Хара-сульты сменили их южнее гор Бага шанхай. Таким образом, на нашем маршруте границы распространения дзере определяются урочищами Эрдэн тологой худук с севера и Бага шанхай с юга с перерывом от ур[очища] Цаган нур до Улан-худука. Перерыв этот зависит, по-видимому, от большей населённости местности вблизи тамги Дайчин-бейсе.

Хара-сульты же (*Antilope subgutturosa*) попадались, начиная с окрестностей кумирни Барун-цзу, почти на каждом перегоне, причём наибольшее количество их встретилось в пустынной равнине к северу от гор Хурху. Относительно их образа жизни можно повторить сказанное о дзере. Отмечу лишь, что и они издают в встревоженном состоянии звуки, напоминающие фырканье или храп.

О грызунах можно сказать следующее. Тарабаганы (*Arctomys sp*.), столь характерные для севернохалхасской степи, исчезли на первом же перегоне от Дайчин-бейсе. Последние единичные экземпляры наблюдались близ Улан-худука.

Тушканчики (*Dipus sp*.) отмечены близ Дэрэсу-худука, кум[ирни] Аворх-сумэ и Дзере-худука. Таким образом, весьма вероятно, что они встречаются на всём протяжении данного этапа.

Затем близ Дэрэсу-худука замечены, по-видимому, песчанки. Впрочем, в коллекцию не удалось добыть ни одной и поэтому не могу говорить об этом с уверенностью. Далее они не попадались.

Заяц (*Lepus tolai*) наблюдался всего один раз в горах южнее Дэрэсу-худука.

Aves

О птицах по-прежнему приходится говорить по стоянкам, около которых и сосредоточивалась главным образом орнитофауна.

Цзонты-худук. 13/VIII. Отмечены жаворонки (*Alauda sp*., *Melanocorypha mongolica*, *Otocoris Brandti*), затем *Saxicola isabellina*, *Upupa epops*, последний, как обычно, в небольшом числе экземпляров. На перегоне до этого колодца – *Syrrhaptes paradoxus*, которые, впрочем, попадались дальше на каждом перегоне, так что о них я и не буду упоминать.

На переходе в Улан-худук 14/VIII отмечена стайка сивок (*Charadrius sp*.), вероятно того же вида, что и экземпляр, добытый впоследствии на Бударган-худуке (№ 24 колл.). Близ Улан-худука те же жаворонки и чеккан (№ 20, 21, 22). Отмечу, что *Melanocorypha mongolica* далее в пути нам не попадались.

В холмистой местности близ Дэрэсу-худука 15/VIII нам впервые попались в большом числе дрофы (*Otis tarda Dybowskii*), разгуливавшие по каменистым склонам холмов. Кроме того, близ колодца наблюдались в последний раз *Anthropoides virgo.* Турпанов после Дайчин-бейсе мы не видали. На этом же колодце отмечен удод.

16/VIII. Переход от Дэрэсу-худука до Бударган-худука делится на две части. В первой из них, холмистой и богатой скалами, отмечено большое количество дроф, сокол (добыть не удалось). Во второй же, пустынной равнине, отмечена у маленькой ямки с водой одинокая дрофа и стайка сивок. В Бударган-худуке парочка тех же сивок (одна была убита: № 24) и опять одинокая дрофа.

Могойтэ-худук. 17/VIII. В скалистых холмах отмечены *Lanius cristatus*, *Falco tinnunculus, Otocoris* другого вида (добыть не удалось) и впервые *Saxicola atrogularis*? В зарослях же дэрэсуна близ колодца овсянки двух видов (*Emb. schoeniclus* и *Emb. sp*., м[ожет] б[ыть] аналогичная № 50). Кроме того, к лагерю прилетал ворóн (*Corvus corax*), а поодаль я видел одинокую дрофу. Далее мы их не встречали (т. е. дроф).

Следующий большой переход привёл нас в богатое водой урочище Тугрюк. 18-19/VIII. Здесь имеются два небольших озерка, окружённых полосой вязкой красной глины и, далее, песчаными барханами, поросшими хармыком. Много камыша и дэрэсуна. Орнитофауна оказалась, как и следовало ожидать, сравнительно богатой. Отмечены *Numenius arquatus* (в довольно значительном количестве), пара крякв (*Anas boschas*), одинокая чайка, в отношении которой не удалось определить даже рода, много сивок (*Charadrius sp*.), *Tringa* (№ 1 колл.). Затем по дэрэсуну овсянки двух видов, аналогичных отмеченным в Могойтэ-худуке, *Upupa epops*, *Phylloscopus* (см. № 38) и, около колодца, чекканы (*Sax. isabellina*).

Иртын-тологой-худук. 20/VIII. В каменистых холмах Lanius cristatus, камышёвка (см. № 33) и *Saxicola atrogularis*.

После Иртын-тологоя мы пересекли скалистую гряду Тыль, в которой отмечены *Saxicola atrogularis* и в одной из долин *Helidon sp*., и остановились в горах же у кум[ирни] Аворх-сумэ. 21/VIII.

Здесь во время экскурсии я впервые встретил и добыл *Podoces sp.* Отмечены *Saxicola atrogularis*, *Lanius cristatus* и *Falco tinnunculus*.

22/VIII. Следующий переход привёл нас к невысокой гряде Бага шанхай, где в каменистых холмах близ кол[одца] Цаган-хада я встретил нескольких *Upupa epops, Phylloscopus* того же вида, что и в Тугрюке, *Saxicola isabellina* и жёлтую плиску.

После Цаган-хада мне пришлось ехать за проводником в кум[ирню] Барун-цзу, где я и ночевал и, следовательно, не экскурсировал. На другой

же день мы пришли в ур[очище] Нарын-худук. 24/VIII.

Там среди дэрэсуна неожиданно *Caprimulgus sp*., затем камышёвка (№ 33), *Emberiza sp*. (№ 34), оба чеккана (*Saxic. isabellina et atrogularis*), во́рон. В степи, на задранной волками лошади *Milvus lineatus* и, впервые, *Vultur monachus*.

25/VIII. Ур[очище] Гум-усу. По дороге в сухом русле много *Podoces sp*. и чекканы.

26/VIII. На переходе от Гум-усу к Гум-булэ мне повезло в стрельбе из винтовки по хищникам. Добыл *Falco cherrug*, *Buteo sp*. и *Milvus sp*. Кроме того, в степных увалах близ Гум-усу безрезультатно гонялся за парой малых дроф (?).

В Гум-булэ пришли поздно и я не экскурсировал.

На следующий день 27/VIII мы вышли на маршрут Н.М. Пржевальского в ур[очище] Дзере-худук и ночевали южнее ур[очища] Имыгын-булык. Не экскурсировал.

28/VIII мы пришли в горы Хурху и остановились на более продолжительный срок у кол[одца] Хайчи-худук, в центре гор.

Чтобы закончить сводку наблюдений над фауной позвоночных данного этапа, необходимо сказать несколько слов о пресмыкающихся.

Переход от севернохалхасской степи к полупустынной полосе сев[ерной] Гоби сразу был отмечен появлением уже близ Улан-худука первых ящериц обычных в Гоби родов *Eremias* и *Phrynocephalus*. Затем близ Могойтэ-худука отмечена и поймана первая змея (см. коллекцию). Затем ещё один экземпляр этого же вида был пойман близ Имыгын-булага. Ящерицы же обоих родов встречались на каждом или почти на каждом перегоне.

Стоянка в горах Хурху

В горах Хурху мы простояли с 28/VIII по 8/IX. В смысле зоосборов обстоятельства сложились крайне неудачно. Получив от начальника экспедиции задание добыть в этих горах аргали, я почти всё время стоянки употребил на безрезультатную охоту за ними, и на экскурсии за пернатыми осталось каких-либо два дня. О причинах неудачи охоты за аргали и козлами см. ниже.

О млекопитающих этих гор и окрестной пустыни можно сказать следующее.

Из копытных в горах водятся аргали и горные козлы (*Ovis Darvini*? и *Capra sibirica*), в пустыне же у подножья гор, хара сульты. Из хищных

имеется волк, лисица. Весьма вероятно наличие какого-нибудь хорька или каменной куницы, но расспросить об этом подробно было некого, а сами мы ничего в этом роде не видели.

Из грызунов отмечен заяц (*Lepus tolai?*), а из рукокрылых – летучая мышь, добыть которой не удалось.

Об аргали и горных козлах следует сказать несколько подробнее.

Из расспросов местных жителей я узнал, что в самих горах Хурху, близ нашей стоянки аргали не имеется, т. к. этот зверь не любит высоких скалистых гор и узких глубоких ущелий, но что почти наверное после тщательных поисков можно найти аргали в отдельной группе гор, расположенных к югу от вост[очной] части Хурху, в 25 верстах от нашей стоянки. Но и там их весьма немного. Горный же козёл встречается в небольшом количестве, как в основном хребте, так и в упомянутой отдельной группе.

Оба эти зверя, благодаря преследованию их монголами-охотниками, весьма строги, что в соединении с их незначительным количеством, создаёт весьма трудные условия для охоты за ними. Вдобавок ко всему этому я, прекрасно ознакомившийся с условиями охоты в лесу и с привычками лесного зверя, не имел никакого понятия о привычках горных копытных и о методах охоты за ними. Местного же охотника, могущего служить руководителем, мы достать при всём желании не могли.

Наконец, лошадей наших, сильно уставших за переход от Дайчин-бейсе до Хурху, мы сдали на пастьбу и все экскурсии, даже за 25 вёрст в упомянутую группу гор за аргали, приходилось совершать *per pedes apostolorum*, лишь иногда нанимая верблюдов у местных монгол.

Видеть аргали мне всё-таки удалось, так же и горных козлов. Наблюдения же над ними оказались весьма скудными и сводятся к следующему: как аргали, так и козлы предпочитают бродить стадами. Кормясь утром и вечером, они, по крайней мере, в начале осени, ложатся утром весьма поздно и под вечер рано снова встают на кормёжку. Видят и слышат они превосходно. Аргали предпочитают более мягкие формы гор, предгорья, в то время как козлы любят самые дикие, скалистые горы, бедные растительностью, с узкими, глубокими ущельями. Пришлось мне слышать и звуки, издаваемые козлами в тревоге. Они походят на громкий отрывистый свист или чириканье и заставляют новичка предполагать, что поблизости имеется скорее средней величины птица, чем сравнительно крупное четвероногое.

Кстати, несколько слов о монгольском названии горного козла (*Capra sibirica*). Пржевальский, упоминая в 3-м путешествии о горных козлах в горах Хурху, говорит, что монголы называют их «улан-яман», т. е. красный

козёл, вероятно в противоположность куку-яману, т. е. голубому козлу. Я же впервые услышав от монгол об этом козле в кумирне Барун-цзу, начиная от этого пункта и далее, по всем местам, где только заходила речь о нём, везде слышал название «янгер-яман», или просто «янгер». Названия же «улан-яман» мне слышать не приходилось.

Вследствие этого я в дальнейшем буду придерживаться названия «янгер», как очевидно более распространённого в настоящее время.

Aves

Птиц отмечено в горах Хурху около 20 видов.

Из хищных наблюдались *Vultur monachus, Hypaetus barbatus*, державшиеся скалистых вершин, *Falco tinnunculus* и, близ лагеря, *Milvus lineatus*. Вечерами мы неоднократно слышали филина (*Bubo sp.)*.

У высоких скал часто кружились клушицы (*Pyrrhocorax graculus*), а по россыпям крутых склонов клохтали стаи кэкликов (*Caccabis chukar*). Молодые особи этих последних ещё не достигли во время нашего пребывания в Хурху полного роста и отличались от старых оперением.

Из мелких пташек отмечены следующие.

Motacilla sp. (жёлтая) – у ключика и в большом ущелье.

Saxicola sp. (№ 43) – по каменистым ущельям.

Carpodacus sp. (№ 44) – может быть пролётный. Коллекционный экземпляр убит из стайки на ильме у ключика.

Emberiza cia Godlewskii – стайки по ущельям.

Muscicapa sp. – м[ожет] б[ыть] пролётная. Несколько экземпляров по ильмам.

Phylloscopus (зелёная, № 38) – весьма часта по мелким кустарникам склонов ущелий (*Prunus, Caragana*, иногда хармык).

Apus sp. в большом числе летали над скалами.

Кроме того, в большом ущелье близ лагеря наблюдалась стайка *Alauda sp*. и иногда *Upupa epops.*

Наконец, незадолго перед отъездом из Хурху, во время одной из охот в отдельной *SO* группе, я наблюдал самца *Luscinia calliope*, по всей вероятности пролётного.

В пустыне же, начинающейся сразу у подножья гор, наблюдались *Podoces sp.* и *Saxicola isabellina*, а у монгольских кочевий *Motacilla alba baicalensis*, м[ожет] б[ыть] пролётная.

Из пресмыкающихся в самых горах можно отметить лишь маленькую ящерицу неизвестного мне рода, пойманную для коллекции, да изредка *Phrynocephalus'*ов.

Маршрут
Горы Хурху – горы Ноин-Богдо

Этот этап нашего пути пролегал исключительно по Центральной Гоби, притом в широтном направлении.

Mammalia

Неизменные хара сульты по-прежнему попадались на каждом перегоне. Кроме них наш главный караван не видал ни одного крупного млекопитающего. Но по расспросным сведениям в мелких горных группах, попадавшихся на пути, везде имеются волки и лисицы.

Маленький же разъезд наш, отправившийся из Олон-худука в Хара хото, видел западнее ур[очища] Цяйлим трёх хуланов (*Asinus sp*.). Кроме того, по свидетельству разъезда, посланного Учёным Комитетом Монгольского Нар[одного] Правительства в прошлом, 1924 г., хуланы, первые по пути этого разъезда с востока на запад по монголо-китайской границе, были встречены близ ур[очища] Балбырха, а по единогласному утверждению местных монгол они попадаются в широкой пустынной равнине между горами Ноин-Богдо и Сиврэ, далее же к востоку в этой же долине не попадаются.

Таким образом, в этих широтах вероятная восточная граница распространения хуланов определяется линией Сиврэ – Ноин-Богдо – оз[еро] Сого нур.

Из грызунов можно отметить зайца, встреченного в ур[очище] Баин-булык, затем в щебневой пустыне к западу от последнего, и в ур[очище] Тырмыс, среди саксаульника. В саксауловом лесу в ур[очище] Холоин-Гашун в песчаных барханах отмечено большое количество песчанок (*Gerbillus*), экземпляры коллекции взяты именно отсюда.

Весьма вероятно, что по всему этапу встречаются *Dipus*'ы *sp*., так как три пойманных экземпляра распределяются так: один на безводной ночёвке к западу от Баин-булыка, а два близ ур[очища] Холоин-Гашун.

Aves

Теперь о птицах.

8/IX. Первый переход из Хурху привёл нас к весьма приятному среди бесплодной щебневой пустыни уголку, справедливо называемому Баин-булаг, т. е. богатый ключ. Обширные заросли хармыка, дэрэсуна, а главное, необычное в пустыне обилие проточной воды в виде 3-4 маленьких ключиков, привлекли сюда много как оседлой, так и пролётной птицы. К сожалению, сильный ветер, иногда переходивший почти в бурю, мешал

успешному экскурсированию.

Отмечены следующие виды: стайка *Anas boschas* (пролётная), пара Anas sp. (№ 46), до десятка экземпляров *Gallinago megala* (вероятно пролётные), затем *Tringa sp.* (№ 1?), какие-то мелкие кулички, весьма много *Motacilla (alba baicalensis* и № 49), *Alauda sp*. (№ 47), в хармыке *Phylloscopus sp*. (см. г. Хурху) и в дэрэсуне *Emberiza sp*. (№ 50) и *Upupa epops*.

Следующая моя экскурсия была в ур[очище] Сулит-худук 10/IX, где мы останавливались на обед. Отмечены лишь пара *Podoces,* стайка *Otocoris Brandti* и около колодца две-три плиски (*Motacilla sp*.).

У кумирни Аршан хурал я не экскурсировал, т. к. был занят покупкой продовольствия и собиранием некоторых расспросных сведений.

В ур[очище] Тырмыс-худук 13/IX, богатом саксаулом и дэрэсуном, орнитофауна оказалась сравнительно обильной, в особенности по сравнению с предыдущим Сайрэн-худуком, где за экскурсию не было отмечено ни единой пташки. Именно в этом урочище встречен первый и последний на всём пути большой серый сорокопут, похожий на *Lanius excubitor mollis*, б[ыть] м[ожет] даже именно этот вид; добыть его, несмотря на все старания не удалось.

Затем отмечены новый чеккан, пеночка (не зелёная, но тоже аналогичная одному из Ноин-Ульских видов), *Saxicola isabellina*, плиски, *Falco tinnunculus*, и в большом количестве *Emberiza sp*. (та же, что и в Баин-булыке).

Убитые на второй день нашего пребывания в этом урочище перед самым уходом чеккан, пеночка и стренатка не могли быть сейчас же отпрепарированы и, несмотря на заложенный им в горло спирт, к вечеру испортились.

В ур[очище] Холоин-Гашун 15/IX, несмотря на обширные заросли саксаула, птиц оказалось весьма мало. Видел *Podoces*, одинокую *Motacilla sp*., пеночку (№ 51), *Milvus lineatus* и *Milvus sp.* (№ 37).

Следующим переходом мы достигли ур[очища] Шильбисын-гол, 16-17/IX, далеко не оправдавшего наших ожиданий, т. к. воды, кроме колодцев, не оказалось. Из растительности имелись ильмы, саксаул и тамариск. При тщательных поисках здесь, быть может, и удалось бы найти что-либо интересное, но, как на зло, мне нездоровилось и я едва имел силы сделать весьма небольшую экскурсию, во время которой отметил во́рона, *Falco subbuteo* в числе нескольких особей, б[ыть] м[ожет] выводок; затем *Passer sp*. (№ 53) и *Motacilla sp*.

В ур[очище] Олон-худук 18/IX отмечены лишь *Motacilla sp.* Здесь я не экскурсировал, т. к. помогал в сборах нашего разъезда в Хара хото.

В ур[очище] Тарбагай-худук 19/IX наблюдались во́роны, *Emberiza sp.* (вероятно аналогичная № 50), *Motacilla sp*. и чекканы (*Saxicola isabellina et*

atrogularis).

На следующих двух остановках до гор Ноин-Богдо я не экскурсировал, т. к. в ур[очище] Будун-модо разыгралась форменная буря, а в ур[очище] Убутук мне пришлось вести переговоры с местным начальством касательно стоянки в Ноин-Богдо.

В отношении пресмыкающихся Центральная Гоби, как и следовало ожидать, оказалась наиболее богатым районом на нашем пути. Пойманы два вида змей. Экземпляры маленькой зеленоватой змейки добыты – один близ Сулит-худука, другой – близ Холоин-Гашуна. Большая же серая змея поймана близ ур[очища] Сэрбэин-худук.

Затем, начиная уже от Баин-булага, попадались *Eremias sp*. весьма крупного размера (см. коллекцию) и масса обычных мелких *Eremias* и *Phrynocephalus*.

Заметка об осеннем пролёте птиц, наблюдавшемся в горах Хурху, во время пути по Центральной Гоби и в горах Ноин-Богдо

Охарактеризовывая наблюдавшийся пролёт в нескольких словах, приходится сказать, что больших пролётных путей мы не пересекали, наблюдения сводятся к отметке весьма небольшого количества пролётных стай на протяжении большого промежутка времени и, таким образом, массовый пролёт каких бы то ни было видов, не наблюдался.

Больших пролётных станций на нашем пути не было. Поэтому вся крупная птица наблюдалась исключительно в воздухе. В маленьких же оазисах близ ключей и колодцев и в горах отмечены пролётные птицы не крупнее кряквы. Не будучи достаточно знаком с ареалами некоторых видов мелкой птицы, я должен говорить об этих видах, как о пролётных, только в виде предположения, т. к. весьма короткое время пребывания на стоянках в пути не позволяло судить, оседла ли данная птичка в данном месте, или же это лишь временная её остановка в дороге.

В горах Хурху отмечены, как возможно пролётные *Muscicapa sp.* (№ 45 колл[екции]), *Carpodacus* sp. (№ 44 колл[екции]), *Motacilla alba baicalensis* и *Luscinia calliope* – все эти птицы в незначительном числе особей.

В ур[очище] Баин-булаг: *Anas boschas, Anas sp.* (№ 46 к[оллекции]), *Gallinago megala, Tringa sp*. и *Motacilla alba baical*.

После Баин-булыка весь остальной переход по Центральной Гоби до гор Ноин-Богдо отметить нечем. Несколько особей *Motacilla alba* по разным колодцам, да большой серый сорокопут в ур[очище] Тырмыс, вот и всё, да

и то сорокопут под вопросом в смысле пролёта.

В горах Ноин-Богдо, несмотря на продолжительный срок пребывания в них отмечено тоже сравнительно небольшое число пролётной птицы. Стайки *Motacilla* разных видов держались в горах до второй трети октября.

8/X отмечена пролётная стайка *Anthus'*ов (№ 59 к[оллекции]). Кроме того, в эти же сроки изредка отмечались отдельные экземпляры *Phoenicurus sp*., стайки и отдельные особи *Turdus ruficollis* и *Turdus sp.*

В качестве отлётной птицы можно отметить *Saxicola isabellina, Milvus lineatus* и *Tichodroma muraria*.

Касательно же пролёта крупной птицы, наблюдавшегося, как указано выше, исключительно в воздухе, необходимо отметить следующее.

В горах Хурху в первой декаде сентября замечено было несколько стай журавлей и гусей, летевших с некоторым уклоном к востоку, т. е. по направлению к Жёлтой реке.

На дальнейшем пути отмечена стая гусей, летевших ночью над нашим бивуаком в пустыне к *W* от Баин-булыка.

В горах Ноин-Богдо также отмечен ряд гусиных стай, пролетавших над восточной частью этих гор в течение последней недели сентября и всего октября. Особенно усиленный лёт гусей наблюдался в последних числах октября. К удивлению, направление их лёта определяется румбом *SOS*, в то время, как низовья Эцзин гола и, следовательно, такие водные площади, как Сого нур и Гашун-нор лежат в направлении *SW*. Очевидно, птицы направляются в долину Гойцзо и далее к Жёлтой реке.

Кроме всего вышеизложенного, необходимо ещё упомянуть о лёте бульдруков (*Syrrhaptes paradoxus*).

Как было указано в зоологических заметках касательно пути по Северной и Центральной Гоби, бульдруки, столь частые по Хурху, совершенно отсутствовали по маршруту Хурху – Ноин-Богдо. И вот, перед наступлением осенних ноябрьских холодов, в течение всего октября месяца отмечен усиленный лёт их над нашей стоянкой и вблизи её в направлении *SO*, т. е. к сев[ерному] Алашаню и далее к Ордосу. Особенного напряжения лёт этот достиг в последних числах октября, когда над нашими головами со свистом неслись тысячи этой гобийской птицы. Потом лёт бульдруков стал ослабевать, принял беспорядочный характер, т. к. часть стай летела прямо на *O*, даже к *NO*, и к середине ноября лишь иногда проносилась одинокая стайка.

Горы Ноин-Богдо

Наблюдения над животной жизнью в горах Ноин-Богдо велись с некоторыми незначительными перерывами в течение двух осенних месяцев (23/IX – 23/XI). Во главу угла положены были наблюдения над крупными млекопитающими, столь скудные в горах Хурху и почти отсутствовавшие в Халхасской степи и Гоби. Вследствие относительного обилия материала, относящегося к *Mammalia* на этой стоянке, я несколько изменю порядок этого очерка, поместив в начале заметку о птицах. О пресмыкающихся же говорить не придётся вовсе, т. к. в горах они не наблюдались, отчасти, вероятно, вследствие окончания летнего сезона.

Aves

Птиц в горах Ноин-Богдо наблюдалось около 25 видов, включая останавливавшуюся здесь пролётную мелкоту. Перечень наблюдавшихся птиц следующий.

Близ высоких гребней и скалистых вершин неоднократно можно было видеть паривших в воздухе *Vultur monachus* и *Hypaëtus barbatus*.

Над лагерем часто кружил *Milvus lineatus*.

Из более мелких хищников изредка видел я какого-то большого сокола, несколько экземпляров *Falco tinnunculus* и *Falco subbuteo*. Однажды последний наблюдался в момент охоты за мелкими птичками. Хищник воспользовался обыкновением этих последних залетать для водопоя в узкие монгольские колодцы и подстерегал их у отверстия колодца.

По вечерам после наступления темноты мы несколько раз слышали далёкое гуканье филина (*Bubo sp*.). К лагерю изредка прилетали во́роны (*Corvus corax*), а близ скал, над каменистыми ущельями, кружились обыкновенные здесь клушицы (*Pyrrhocorax graculus*). К этим последним в незначительном числе примешиваются галки (№ 61 колл[екции]).

В предгорьях и по широким долинам внутри гор часто можно слышать верещанье саксаульной сойки *(Podoces sp*.). Весьма обыкновенны здесь кэклики (*Caccabis chukar*), придерживающиеся узких каменистых ущелий. Попадаются они стаями от 5 до 30 особей. Молодые в это время уже вполне походили на старых, как оперением, так и величиной (см. Хурху). Здесь кэклики не преследуются человеком, а потому весьма доверчивы и любопытны. Мне приходилось видеть их на расстоянии сажени. Заметив неподвижно стоящего человека, кэклики вытягивают шеи и приближаются, чтобы разглядеть странное явление. Спасаются они всегда сначала бегством, притом в гору. Спугнутые же сверху, слетают вниз на противоположный склон и там бегут опять таки вверх. Летают плохо. Днём их часто можно

видеть в сухих руслах, где они охотно купаются в песке. Кормятся обычно также внизу около русел.

Раза два в скалах наблюдались *Columba rupestris*.

Из мелких птичек отмечены следующие:

Emberiza cia Godlewskii и *Emberiza cioides* стайками, часто вместе, обыкновенны.

Erythrospiza mongolica (№№ 57, 58) – стайками.

Несколько реже овсянок.

Acanthis sp. (№ 60) – стайками.

Accentor fulvescens (№ 56) – весьма часта стайками и единичными экземплярами.

Accentor sp. (№№ 54, 55). Кроме убитых экз[емпляров] не наблюдалась.

Otocoris Brandti – стайками. Чаще стал попадаться в ноябре.

Касательно остальных видов пернатой мелкоты гор Ноин-Богдо – см. заметку о пролёте.

Mammalia

Горы Ноин-Богдо оказались весьма богатыми если не числом видов, то во всяком случае количеством особей крупных млекопитающих.

Перечень наблюдавшихся видов следующий:

Ovis sp.

Capra sibirica?

Antilope subgutturosa (заходит из пустыни в широкие долины среди гор).

Felis irbis

Canis lupus

Vulpes sp.

Lepus sp.

Lagomys sp.

Кроме того, по расспросам оказалось, что здесь имеется какой-то мелкий хищник, из хорьковых, что-нибудь вроде каменной куницы. Помимо её весьма вероятно ещё присутствие различных мышей и тушканчика, к сожалению не добытых и не наблюдавшихся.

Аргали в этих горах весьма обыкновенны, но, конечно, встречаются не сплошь, а большей частью по окраинным горам и холмам, более мягким по очертаниям и более низким. В восточной части гор Ноин-Богдо излюбленным их местопребыванием служит обособленная группа Хоримцук, в которой, как бы особенно подчёркивая её пригодность для обитания аргали, почти совершенно отсутствуют янгеры. При всём этом,

наверное, нельзя встретить аргали лишь на самых диких, скалистых массивах главной оси хребта. Образ жизни их довольно прост и схож с таковым большинства диких копытных. В одиночку, парами и небольшими стадами, до 10-12 шт. в стаде, бродят аргали по каменистым холмам и песчано-галечным сухим руслам родных гор, пощипывая скудную растительность в виде коротенькой травки, или мелких кустарников. Выходя на заре на кормёжку, они кормятся, по крайней мере, осенью, довольно долго, и ложатся, когда солнце поднимется уже порядочно. Для отдыха аргали подыскивают северные склоны холмов, по возможности, затенённые высокими обрывами и скалами. Поздней осенью, когда уже и днём довольно холодно, они ложатся и на солнцепёке. Перед вечером, часов в пять пополудни они снова встают и идут кормиться, ходят до темноты. Ночью, вероятно, также лежат. Перед тем, как лечь, аргали долго стоит неподвижно, прислушиваясь и присматриваясь к окружающему, а затем слегка разгребает лежащий на поверхности земли щебень и ложится в образовавшееся небольшое углубление. Лежит чутко. Да и помимо этого, его окраска настолько сливается с окружающими его камнями и россыпями, что заметить лежащего аргали, даже на сравнительно близком расстоянии – дело трудное. Звуков аргали, по-видимому, не издаёт вовсе.

Вообще же горного барана следует признать животным умным и весьма осторожным. Исключением в смысле осторожности могут быть лишь живущие в малолюдных местностях, где, почему-либо, отсутствуют охотники и, следовательно, аргали не преследуются. Во время кормёжки стадо горных баранов движется обычно медленно и почти бесшумно. Переваливая холм или гребень, они идут гуськом, причём каждая особь, особенно идущие первым и последним, подолгу неподвижно стоит на гребне, лишь изредка поворачивая в разные стороны голову, слушая и высматривая опасность. Видят и слышат они превосходно. Спугнутый аргали бежит или прямо вверх, или наискось по склону, причём почти всегда, пробежав десяток-другой саженей, останавливается, чтобы рассмотреть опасность подробнее. Если горный баран, особенно самец, не слишком напуган шумом, то он часто забегает за выдавшуюся скалу или вершину холма, взбирается на неё и, не показываясь весь, а, только осторожно высовывая свою могучую голову, пытается разглядеть, в чём дело. Если по пути бегства аргали встретит широкую долину или даже небольшой участок пустыни – он не смущается этим и в карьер пускается к дальним спасительным горам. Спугнутые мною как-то раз семь голов аргали, пересекли участок пустыни около 4-х вёрст ширины, всё время подвигаясь крупной рысью.

Весьма любопытным является то, что окраска шерсти аргали,

обитающего в горах Ноин-Богдо, да по расспросам, и во всех соседних хребтах Гобийского Алтая, весьма варьирует, в зависимости от пола и возраста, а может быть и вследствие каких-нибудь других обстоятельств. Окраска молодых и среднего возраста особей варьирует от рыжевато-бурого до рыжевато-серого цвета, но особенно интересна резкая перемена окраски у крупных старых самцов. Общий бурый фон темнеет. Появляется сильная проседь, усиливающаяся постепенно на морде, шее и части спины в виде седла. Кроме того, шерсть на шее удлиняется, образуя как бы гриву. Удлиняется и делается несколько волнистой она и на седле, где седые волосы на определённом участке становятся совсем белыми. Получается на тёмном буром фоне яркое белое седловидное пятно. Ещё не достигший полной яркости новой окраски самец описан у Н.М. Пржевальского в его 3-м путешествии под именем *Ovis Darvini*. Путешественник встретил его к югу от гор Хурху, на северной окраине Галбын-Гоби.

Таким образом, встречая несколько раз большие (10-12 экз.) стада аргали, в состав которых входили особи обоих полов и разных возрастов, я, привыкнув к установившемуся однообразию типов других крупных млекопитающих, был поражён разнообразием окраса аргали, видя вместе и бурых, и серых самцов и самок, и великолепных стариков с пышной седой гривой и белым седлом.

Среди добытых мною и монголами вместе со мной экземпляров аргали имеются три взрослых самца, все отличающиеся друг от друга по окраске. Опираясь на экземпляры, описанные и привезённые Пржевальским, а также шкуру с черепом очень старого самца, привезённую из окрестностей г. Кобдо и подаренную экспедиции, оказавшуюся тоже с седой гривой и белым седлом, можно сказать, что эти изменения окраски имеются у всех, или почти всех монгольских горных баранов от Кобдо и до Хурху, по крайней мере.

Самки с изменившейся окраской, по словам монгол-охотников, встречаются гораздо реже самцов и самые изменения у них не так ярки. Из 80 с лишним особей, которых я видел за свои охоты и странствия, не было ни одной самки с белым пятном, а старых самцов с таковым было штук 7. Одному из наших сотрудников пришлось таки видеть такую старую самку. Между прочим, монголы называют старых самцов «угольцзин», а всех остальных «аргали».

Гон у аргали, если не ошибаюсь, бывает в октябре, а маленькие появляются в марте-апреле месяцах. По крайней мере, в самых первых числах мая я видел в горах Арца-Богдо в стаде самку с маленькими (двумя), прекрасно поспевавшими за стадом.

Во время гона у самцов, по всей вероятности, бывают драки. Однажды

я охотился за парой старых белоспинных самцов. Идя за ними, я вспугнул стадо молодых и самок, соединившееся на моих глазах в бегстве с самцами. Дело было к вечеру, а на следующий день утром мы встретили из вчерашней пары самца поменьше, кормившегося в одиночку. Очевидно, более крупный самец прогнал соперника и овладел стадом. Впоследствии этот крупный самец был убит монголом для экспедиции при совместной охоте.

За исключением времени гона, а может быть даже и в это время, присутствие в стаде лишь одного старика-самца отнюдь не является обязательным. Я встречал стада, как и вовсе без старых самцов, так и с тремя-четырьмя таковыми.

Стада, особенно большие, не спаяны крепко и часто разбиваются без видимых причин на более мелкие группы.

Успешная охота по горным баранам требует большого напряжения всех качеств хорошего охотника, т. е. выносливости в ходьбе по горам, крайней осторожности, большого терпения, хорошего зрения и твёрдой руки. Придя в район, где возможны аргали, охотник начинает пересекать долины и хребты, взлезает на выдающиеся пункты и подолгу высматривает зверя, осторожно высовывая из-за камней голову. Заметив кормящееся стадо, если обстоятельства не дают возможности скрытого обхода, охотник выжидает, пока звери не скроются за противоположным гребнем. Тогда следует возможно скорее перебежать долину к тому месту, где скрылись аргали и, поднявшись к гребню, снова осторожно высматривать. В небольших распадках и долинках часто один из самцов, пока стадо кормится, стоит сторожем на соседнем гребешке. Повторными перебежками, при соблюдении должной осторожности и при благоприятной местности можно приблизиться к стаду за гребнем на верный выстрел.

Мне как-то пришлось гнаться за кормившимися четырьмя аргали версты полторы, и в результате, я настиг их в мелких ложбинках, где была возможность приблизиться к сторожевому самцу на 80 шагов, в то время, как остальные три, невидные мне, были под бугром всего в 50 шагах!

На рану аргали весьма выносливы. Старый самец, с кремнёвочной пулей в сердце, проскакал шагов 300 и только тогда свалился. Раненные почти всегда уходят.

Местные монголы-охотники, благодаря большой практике, с успехом охотятся на аргали с кремнёвками, лучшая из которых бьёт не далее 200 шагов. Нормальный выстрел для них – 100 шагов. Дальше бьют редко, предпочитая выждать, чем пугать и тратить зря заряд. Пули льют сами, даже порох часто делают сами, доставая серу и селитру у китайцев.

Мясо аргали идёт в пищу, шкура выделывается с шерстью или голая.

С шерстью идёт на подстилку для сидения в юртах, иногда на одежду, голая же – на пошивку мешков и перемётных сум. Определённого сбыта нет, покупают при случае китайцы, или не охотящиеся зажиточные монголы. В общем, убитый аргали в сыром виде стоит 5 мекс[иканских] долларов. Рога обычно бросают.

Кроме человека, аргали преследуются, вероятно, волками и барсом, хотя последний предпочитает янгеров и даже кочует в зависимости от количества последних в той или другой скалистой группе. Впрочем, преследованию, вероятно, подвергаются лишь молодые и самки.

В заключение уместно вспомнить, какое огромное наслаждение испытывалось в те минуты, когда среди безмолвных глухих серо-зелёных гор удавалось видеть вблизи красавца-старика аргали, пышногривого, стройного и, вместе с тем, мощного, гордо несущего благородную голову, украшенную громадными рогами. Особенно красив самец тогда, когда ещё не почуял охотника и спокойно идёт своей неторопливой изящной походкой, или недвижно стоит на вершинке, чутко внимая горной тишине.

Гораздо чаще аргали в глубине гор можно встретить янгеров (*Capra sibirica?*). Если аргали я видел за два месяца около 80, то козлов от 200 до 250. В противоположность аргали, янгер выбирает самые дикие, самые бедные растительностью и богатые скалами, самые труднодоступные горы. Среди остроконечных скал, многосаженных обрывов, узких коридорообразных ущелий он чувствует себя прекрасно. Это – его царство.

Окраска его, тёмная серовато-рыжая, вполне подходит к цвету обожжённых гобийским солнцем скал и только привычный, зоркий глаз монгола-охотника сразу открывает присутствие иногда даже большого стада янгеров на, казалось, безжизненных скалах. На этих скалах и проходит вся его жизнь. Бродит он в гораздо более узком районе, нежели аргали и только упорное преследование человеком или барсом, или какие-либо другие, из ряда вон выходящие причины, часто неизвестные местным охотникам, заставляют его предпринимать более или менее дальние перекочёвки.

Кормом ему служит весьма скудная растительность скал и крутых каменистых склонов. На дно значительных ущелий и долин он спускается, лишь переходя с одного массива на другой. Воду он пьёт изредка, находя её в узких, затенённых щелях скал, где, льющаяся водопадом во время редких ливней вода выбила в камне за тысячелетия значительные углубления, играющие роль цистерн.

В этих щелях всегда тень, прохлада, тишина. На редких мягких участках почвы многочисленные следы приходящих на водопой козлов, да

обычно ещё несколько костей, черепов, да громадных, часто полуистлевших рогов их же, безвременно погибших в когтях барса или от пули охотника.

Здесь кстати скажу, что о водопое аргали мне ничего неизвестно. Монголы говорили, что аргали пьёт из таких же водоёмов, но, во-первых, он всегда держится вдали от подобных мест, не заходя в такие скалы, а во-вторых, я никогда не встречал у всех известных мне водоёмов следов и помёта аргали, тем более, их самих. Таким образом, этот вопрос в биологии аргали гор Ноин-Богдо пока открыт.

Образ жизни янгера весьма напоминает таковой аргали. Ночью он лежит, на заре встаёт и кормится, также до довольно позднего утра. Днём он или лежит же, или стоит неподвижно в тени скал на их выступах. Затем снова кормёжка.

При спокойной кормёжке янгер, особенно старый, пожалуй ещё медлительнее аргали, и ещё более последнего любит подолгу стоять совершенно неподвижно. Одиночные попадаются редко. Гораздо чаще можно видеть стада от 3-4 до 20 и даже 25 особей. Можно отметить, что в течение октября и ноября месяцев старые самцы чаще бродят отдельными обществами, чем вместе с самками и молодыми. Как они группируются в остальное время года – мне неизвестно. Стада, особенно большие, часто разделяются без видимых причин, что и произошло однажды на моих глазах, причём я оставался незамеченным.

Ловкость янгеров при лазании по узким карнизам громадных обрывов и при прыжках с камня на камень просто изумительна, тем более, что сложен козёл, особенно старый, не очень пропорционально. Плотное тяжеловатое туловище и короткие мускулистые ноги несколько не соответствуют лёгким и точным прыжкам по скалам.

Осторожен янгер так же, как и аргали. Огибая скалу, каждая особь стада обязательно остановится и, комично наклонив голову набок, заглядывает за угол. При перевале через гребень происходит то же самое.

Заметив опасность, козлы – самки и самцы одинаково – издают резкий свист, или скорее, чириканье, а затем стремительно пускаются в бегство, причём сыплющиеся из-под ног по крутому склону камни, так и грохочут. Если опасность они толком не разглядели, то, пробежав немного, они останавливаются и прислушиваются. Уходят обычно быстро и далеко, так, что найти их снова можно далеко не всегда, да и то, только отлично зная местность. Весьма зорки и чутки.

Старые самцы-янгеры, которых монголы называют «ухун», так же, как и таковые аргали, меняют с возрастом окраску. Вначале появляется более интенсивное, чем у молодых, почернение морды, спинного ремня, ног и лопаток. Таким образом, старый козёл производит впечатление, особенно

спереди, почти чёрного. У очень старых и потому редких экземпляров эта окраска доходит до густого чёрного цвета, в то время как остальная серовато-рыжая шерсть сильно седеет. Наконец, жёлтый оттенок исчезает вовсе и остаётся лишь светлый седой, издали кажущийся почти белым и чёрный цвета. Такие седые экземпляры встречаются весьма редко и рога у них достигают действительно громадных размеров. Я видел таких стариков всего раза 2-3, т. е. 1% общего количества виденных козлов. К сожалению, добыть такой экземпляр я не смог, и это важный пробел в небольшой возрастной серии янгеров, добытой мною в горах Ноин-Богдо.

Охота за янгерами требует от охотника тех же качеств, что и охота за аргали. То, что янгеры встречаются значительно чаще, уравновешивается бóльшей трудностью ходьбы по весьма крутым склонам и лазаньем по скалам, иногда не совсем безопасным. Частенько из-под ног или руки срывается и летит в пропасть камень, заставляя судорожно цепляться за ему подобные острые рёбра скал, которые, в свою очередь, могут оказаться ненадёжными.

Самая схема охоты почти такая же, что и на аргали. Выбрав какой-либо отдельный массив, где по соображению охотника должны быть звери, он, т. е. охотник, сообразуясь с ветром и солнцем (последнее при неудачном выборе направления, стоя утром и вечером низко на небосклоне, может, светя в глаза, помешать точному прицелу), огибает этот массив, пересекая приблизительно в полгоры ущелье за ущельем. Эти постоянные крутые подъёмы и спуски по камням, острым скалам и россыпям крайне утомляют. Перед каждым гребнем следует отдышаться и только тогда осторожно высунуть голову и тщательно осмотреть открывшееся ущелье.

При большой осторожности и благоприятных условиях можно приблизиться к янгерам весьма близко – на 40-50 шагов, хотя обычная дистанция выстрела 100-150 шагов. На рану янгер тоже весьма крепок.

Местные охотники-монголы охотятся за янгерами с таким же усердием, как и за аргали. Первого убивают, конечно, гораздо чаще. Янгер их обычная добыча.

Мясо едят, а прекрасную шкуру выделывают. Мясо янгера хуже мяса аргали и при слабом желудке способствует жестокому запору. Поэтому монголы совершенно правильно считают, что пожилому и больному человеку мясо это вредно. Старики-самцы осенью бывают очень жирны.

Мех у янгера прекрасный: мягкий, густой и прочный, совершенно не похожий на мех аргали, ломкий грубый волос которого очень близок волосу изюбря, косули и кабарги. Поэтому выделанные с шерстью шкуры охотно покупаются монголами же, китайцами, а на севере, у главной оси Алтая, и русскими, и идут на пошивку верхней одежды и меховых штанов.

Голая же кожа употребляется на мешки (тулуны) и перемётные сумы. Мясо в продажу не поступает, а потребляется обычно семьёй охотника. Выделанная осенняя шкура янгера стоит 1-2 мекс[иканских] доллара. Рога обычно бросают.

Кроме человека янгеров усердно преследует барс, да по всей вероятности, маленьких козлят таскает при случае бородатый ягнятник.

Хара-сульта или боро-дзере (*Antilope subgutturosa*) не является, конечно, постоянной обитательницей гор, но по временам заходит в низкие холмы предгорий и в широкие, богатые растительностью долины, глубоко вдающиеся к оси гор Ноин-Богдо. Ведёт себя так же, как и в пустыне. Монголы бьют и её, ценя особенно мясо. Действительно, из всей гобийской крупной дичи мясо молодой хара сульты является самым вкусным и нежным, особенно осенью, когда антилопы достаточно жирны.

Покончив на хара сульте с копытными, перейду к хищникам, из которых, несомненно, на первом месте надо поставить барса (*Felis irbis*), эту великолепную кошку, свойственную в Монголии главным образом Гобийскому и Монгольскому Алтаям. Аргали, янгер и барс составляют трио наиболее характерных для Гобийского Алтая млекопитающих.

К сожалению, о барсе я не могу сказать многое. Его присутствие в окрестных нашему бивуаку горах выявлялось только путём следов, часто весьма чётких и свежих, помёта да лёжек; наблюдать его не пришлось вовсе, и большинство сведений я получил от местных охотников-монгол. Сведения эти сводятся к следующему.

Встречается барс скорее довольно редко, чем часто, так как охотничий район его очень велик и бродит он широко. Главной пищей ему служат янгеры, в излюбленных местах которых он и держится. Следовательно, вероятнее всего его можно встретить в самых труднодоступных частях гор. В восточной части Ноин-Богдо вероятнее всего его можно отыскать в весьма диких ущельях южного склона самого высокого массива этой части гор, на высшей точке которого, считающегося хайрханом, сложено большое обо. Помимо янгеров барс не отказывается от аргали, а, кроме того, изредка нападает на скот кочующих в горах монгол, давя баранов, коз, ослов и даже лошадей. На человека не нападает никогда, даже серьёзно раненный, всегда старается уйти. Поэтому местные монголы совершенно спокойно отправляют детей лет 7-15 пасти баранов и коз, конечно без всякого оружия, версты за 2-3 от юрты.

Не брезгует барс, вероятно, и кэкликами, зайцами и тому подобной мелочью.

Бродит ночью, а днём забирается в самые дикие верхние части скал,

где и лежит. Любит лежать в маленьких пещерках, часто встречающихся в скалистых обрывах. Переходя ночью с массива на массив, барс часто идёт вдоль сухих русел, и здесь именно я встречал на песке и гравии чёткие отпечатки его широких лап. Один, измеренный мной отпечаток лапы имел 13 см длины, 11 см ширины и 37 см в окружности. Встречи с человеком всегда избегает и стремится уйти незамеченным, почему при хороших органах чувств очень редко попадает под пулю охотника. Распространённые у местных монгол волчьи капканы для барса слабы, и он из них всегда освобождается. Исключением в этом случае являются молодые экземпляры.

Его красивая дымчато-серая с чёрными кольцами шкура ценится на месте от 20-25 лан, что составит на наши деньги 35 рублей.

Мясо монголы едят и хвалят.

Следующим по величине хищником является волк, встречающийся в горах Ноин-Богдо сравнительно редко. За два месяца охоты я не видал ни одного.

В скалистые части гор волк не забирается, а рыщет, главным образом, по окраинным холмам и широким долинам.

Несколько чаще волка встречается лисица, которую несколько раз видели мои товарищи по разъезду. Я же, по своей специальности бродивший по горам больше всех, тоже не встретил её ни разу.

Лисица заходит в более дикие ущелья, нежели крупный и тяжеловатый волк, и, следуя руслам, подстерегает за кустами караганы и буйлиса (Prunus sp.) свою добычу – зайцев, кэкликов, мелкую пташку, а по долинам – пищух, мышей и т. д. Поздней осенью любит спать днём на солнцепеке.

Как волк, так и лисица подвергаются усердному преследованию со стороны местных монгол-охотников. Добывают их, главным образом, капканами из железа или стали, по-видимому, русского изделия. Даже монгольское слово «хапкан», возможно заимствовано в новое время с русского.

Цена на шкуры была зимой 25-26 года – волк 10 лан, лисица 6-7 лан.

Наконец, мне удалось узнать, что в горах Ноин-Богдо водится какой-то вид каменной куницы или хорька, обычной для подобных зверьков величины. Встречается этот зверёк редко, по крайней мере, его очень редко видят. Иногда попадается в капканы и тогда его шкурку покупают китайцы, платя лана 2 за шкурку. Живёт этот зверёк в камнях, делая норы. Более подробное описание наружности этого зверька мне получить не удалось, т. к. наш переводчик уехал, а я не обладал достаточным запасом слов.

Из грызунов весьма обыкновенен заяц, живущий по долинам.

Менее заметны пищухи, которые здесь весьма скрытны. Видя их

следочки и норки в камнях, я ни разу не видел самих зверьков. Так и не пришлось добыть хотя бы один экземпляр.

Наконец, по широким долинам весьма возможны тушканчики и мыши, но ни те, ни другие, не наблюдались.

Сводка зимних и весенних наблюдений Южной партии на месте зимовки её близ оз[ера] Сого нур по Зоологическому дневнику партии

Прежде всего, необходимо отметить, что во время зимовки и весеннего пролёта вплоть до 14/V в партии отсутствовало лицо, специально ведающее зоологическими сборами, и поэтому, ясно, что, как дневник, так и наблюдения партии страдают неясностью и неполнотой, тем более, что ни один из зимовавших сотрудников экспедиции не знал хоть сколько-нибудь орнитофауну вообще, а водную в особенности. Н. Пржевальский, много потрудившийся в смысле наблюдений и сбора коллекционных экземпляров, был новичком в этом деле. Поэтому большая детализация пролёта водной птицы невозможна. Можно говорить о нём, главным образом, в общем.

В низовья Эцзин гола партия пришла в начале декабря месяца. Стояла она, за исключением нескольких дней в начале, всё время на одном месте, именно в 5 верстах к *O* от ставки Торгоут-бейли и кумирни, и на таком же расстоянии к *S* от озера. Место наблюдений ограничивалось озером и ближайшими окрестностями места зимовки радиусом до 10-15 вёрст.

Из крупных млекопитающих наиболее обыкновенна была хара сульта, встречавшаяся обычно небольшими стадами от 3-10 шт. Её было много везде поблизости от озера. Там она встречалась, как на ровных солончаковых площадях с кустами тамариска, так и среди бугров с тамариском же.

Образ жизни их зимой отличается разве только тем, что хара сульты значительно дольше бродят и сравнительно мало лежат днём. В конце апреля число хара сульт в районе экскурсий, т. е. от озера и вёрст 10 к югу, стало уменьшаться, и к середине мая их осталось очень немного. Объясняется это тем, что к лету антилопы уходят из обильных не только кормом, но и кусающими насекомыми низовьев Эцзин гола в окрестную пустыню.

Осенью же, когда скудная растительность пустыни почти совсем выгорает, они возвращаются в дельту, где и проводят зиму.

Отмечено, что самцов гораздо меньше, нежели самок.

Местные монголы-торгоуты добывают зимой хара сульт во множестве посредством капканов. Мясо едят, а шкуры выделывают для домашнего употребления.

Из хищных самым крупным является волк. Встречается он в дельте

повсеместно и достаточно многочислен. Скоту торгоутов от него достаётся очень сильно. Весьма любопытен вполне достоверный факт частого скрещивания здесь волка с бродячей собакой. Помесь получается очень крупного роста, сильная, смелая, с более тёмной, местами чёрной окраской шерсти, сильно удлинённой на загривке. Сотрудник южной партии Н. Пржевальский дважды наблюдал подобных гибридов, а сопровождавший нашу партию из Ноин-Богдо на Эцзин гол монгол-охотник видел (дело происходило во время течки) бродячую собаку в компании с волком и гибридом.

Гибриды эти попадаются в капканы и шкуры их наравне с волчьими идут в продажу. Доказательством силы их служит один такой «чёрный волк», протащивший весьма тяжёлый капкан около 30 вёрст. Попав в ловушку около ур[очища] Торцо, эта особь была найдена по следу вблизи ур[очища] Балбырха.

Затем, весьма обильна лисица. Она также обитает повсеместно, охотясь за фазанами, зайцами, песчанками и т. п.

Специальным хищником дельты, т. к. волки и лисицы встречаются и в пустыне, является дикая кошка. По уверениям местных охотников, во множестве её добывающих, здесь имеется два вида кошки: серой и жёлтой окраски меха. Нам удалось приобрести лишь экземпляр серой кошки.

Все эти хищники, за исключением, быть может, волка, ведут весьма скрытный образ жизни, охотясь главным образом, ночью, так что о их присутствии можно судить лишь по следам, часто видным на песчаных площадях.

Кроме того, монголы неоднократно говорили мне, что здесь водится рысь, встречающаяся крайне редко, и барсук (монг. цохор), которого они знают хорошо. К сожалению, ещё раз приходится повторить, что отсутствие переводчика (в горах Ноин-Богдо Аюшеев ездил к начальнику экспедиции, а с зимовки его пришлось уволить по болезни) сильно препятствовало собиранию подробных расспросных сведений. Моих же небольших познаний в монгольском языке совершенно недостаточно, и я обычно мог узнать тот или иной факт лишь в самом общем виде.

Местные охотники добывают волка, лисицу и кошек в значительном количестве путём капканов. Хорошо знакомый нам сосед торгоут, имея 50 капканов (по этим местам целое состояние – капкан стоит 15-18 рублей) поймал за зиму 15 волков, около 50 лисиц и порядочно кошек.

Капканы ставятся здесь без приманки на тропах. Ими перегораживают иногда большие пространства. Цена на пушнину здесь выше, чем в южной Халхе, что объясняется, вероятно, сравнительной близостью больших торговых центров Китая.

Из грызунов наиболее заметен заяц, населяющий заросли дельты во множестве, и совершенно не преследуемый здесь человеком. Он мало боязлив, и видеть его в спокойном состоянии приходится довольно часто. Нередко встречались зайцы группами от 3-5 экз[емпляров]. Во время цветения тополя, зайцы во множестве собирались под деревьями, подбирая опавшие серёжки.

Наконец, во время зимовки была возможность довольно подробно изучить биологию наиболее часто встречающихся мелких грызунов.

Крупные песчанки, вероятно аналогичные добытым в ур[очище] Холоин-Гашун, встречаются не слишком часто, отдельными колониями. Обитают они, как на песчаных площадях с саксаулом, так и на глинистых площадках с *Lycium* и тростником. Норы их идут неглубоко (не более 60-70 см) под поверхностью земли, но очень длинны и представляют собой сеть запутанных переходов и тупиков. У каждой норы несколько выходов. Вообще, в местах колоний почва изрыта весьма сильно.

Эта песчанка ведёт открытый образ жизни, проводя бóльшую часть дня на поверхности земли. Тут она собирает травку и различные растительные остатки. При опасности скрывается в нору, но очень скоро появляется снова, даже после выстрела. Вылезая, она садится у отверстия норы столбиком и кричит, иногда приподнимаясь на задних лапках и с силой ударяя хвостом о землю.

В поставленные ловушки эти песчанки не шли и приманку (рис, мясо, сушённую зелень) не ели. Любопытно отметить, что после 2-3 дней стрельбы по ним, когда было добыто несколько экземпляров, песчанки все до одной покинули колонию и укочевали на новое место.

Другой вид песчанки, меньшего размера, встречается в значительно большем количестве. Норы их встречены во многих местах, между прочим, и у места зимовки. Но главная их масса наблюдалась по S песчаному берегу озера и около устья р[еки] Дунду гола. Норы эти песчанки роют и на буграх под корнями тамариска, и на песчаных площадках с Lycium и в песке с сульхиром, мелким тростником и т. п. Норы эти идут полого под землю, не спускаясь глубже 50 см. Менее запутаны, нежели норы больших песчанок и имеют всего 1-2 выхода. Эти песчанки, подобно большим, также ведут открытый образ жизни, но отличаются тем, что едят решительно всё и, поселясь вблизи человека, сильно вредят, поедая и портя продукты. Поэтому была возможность добыть их посредством ловушки.

При опасности этот грызун прячется в норку и издаёт храп, на который отвечают таким же храпом соседи. При попытке добыть экземпляр этой песчанки путём раскапывания норы, случилось то, что зверёк забежал в слепой ход и, проделав отверстие наружу, убежал.

Кроме песчанок найдено два вида мышей, из которых меньшая размером, вероятно домашняя мышь. Большие серые мыши ещё более многочисленны, нежели малые песчанки. Селятся они почти исключительно в надутых ветром рыхлых бугорках песка под корнями тростника. Соседство тростника для колонии этих мышей совершенно обязательно. Этот вид ведёт скрытый образ жизни, проводя бóльшую часть времени в норках. Норки копаются не только для жилья и убежища в случае опасности, но и для питания, т. к. эта мышь обгрызает под землёй корни тростника, составляющие главную часть её пищи. Коль скоро у одного куста тростника корни обгрызены, мышь бросает норку и переходит к следующему кусту, где копает новую. Видеть их можно изредка, когда они перебегают из норки в норку, так как у одной особи норок иногда несколько. В поставленные ловушки эта мышь не шла и никакой приманки не ела. Добыли её посредством петель.

Этот грызун весьма осторожен. Завидя опасность и спрятавшись в нору, он издаёт весьма слабые звуки, похожие на цырканье и слышные не далее как на расстоянии 4-5 шагов.

Наконец, маленькие мыши, вероятно, обыкновенные домашние, очень часто встречаются в юртах и сильно вредят человеку, т. к. едят и портят решительно всё. Норки они делают тут же, под войлоками, уходя в землю не более, как на пол-аршина. В конце норы делается расширение-камера, которая устилается обрывками войлока. Селятся мыши парами. Кроме юрт они, может быть, селятся и под кустами тамариска.

Врагами всех грызунов являются дикие кошки, лисицы, пустельга, совы и т. д., уничтожающие, вероятно, громадное количество их. Но обилие растительности - корма способствует весьма быстрому восстановлению.

Из насекомоядных отмечены пойманная в юрте землеройка и, появившаяся в 20-х числах апреля первая летучая мышь.

Наблюдавшихся птиц я разделю на три группы: a) зимующие, b) крупные пролётные водные птицы и c) пролётная и прилётная мелкая пташка. Ещё раз повторю, особенно касательно водной птицы, имеются большие пробелы в смысле перечня видов.

Зимой партия наблюдала грифа-монаха, державшегося на Эцзин голе до второй половины февраля. Затем эта птица, по весьма правдоподобному уверению монгол, улетает в горы гнездиться. Вóрон, как и всегда попадался в одиночку и изредка, без различия местности.

Во время стоянки на Хурлын-худуке, близ ставки Торгоут-бэйли, а затем некоторое время и на месте зимовки часто наблюдали чёрную ворону, потом куда-то исчезнувшую. Впрочем, значительно позднее,

именно, в середине июня чёрная ворона наблюдалась однажды в ур[очище] Бухан хуб.

Весьма обычны сороки, державшиеся зимой, главным образом, вблизи жилищ. Весной они перекочевали в рощи для гнездения.

По окраине пустыни иногда попадалась *Podoces*.

Затем, близ места зимовки, а главное, на реке Обон-голе наблюдался фазан, два зимних экземпляра которого были добыты для коллекции. Зимний образ жизни его отличается следующим: в холодные дни он выходит лишь после восхода солнца и кормится почти целый день. Часто встречается стайками по 3-4 штуки. Ложится среди дня иногда не в куст, а на открытой площадке в тростнике. Во время цветения тополя фазаны охотно поедали, подобно зайцам, опавшие серёжки этого дерева и только в это время их можно было наблюдать на деревьях, где они щипали те же серёжки непосредственно с веток.

Бульдрук держится в обследованном районе постоянно, но в незначительном количестве. В январе-феврале месяцах наблюдался весьма незначительный лёт этих птиц к северным румбам (*N, NO, NW*), низко над землёй, небольшими стайками.

Наконец, из зимующей мелочи отмечен лишь *Alauda sp*.

Весенний пролёт водной птицы начался во второй половине марта и достиг maximum'а в 25-30 числах марта и в 1-5 числах апреля. Затем пошёл на убыль.

Отмечены следующие птицы.

Лебедь впервые наблюдался 20/III. Во время пролёта держался на озере в небольшом числе. Ежедневно отмечалось 20-50 шт. Много лебедей осталось гнездиться, как на озере (отметка в дневн[ике] партии от 17/V), так и близ него на озерке ур[очища] Манхын (мои наблюдения 27-го числа того же месяца).

Гуси впервые отмечены 21/III. Их летело необычайно мало. Массового пролёта их не отмечено вовсе. Изредка, главным образом в последних числах марта, наблюдались стаи штук по 100-200. Словом, ясно было, что через озеро Сого нур большого пролётного пути гусей не пролегает. Впрочем, этого надо было и ожидать, так как предыдущей осенью я уже отметил, что направление всех гусиных стай, летевших через нашу стоянку в горах Ноин-Богдо на юг, было не на озёра, а к Гойцзо. Вероятно, этим путём они и возвращаются.

С первых чисел апреля гусей на Сого нуре отмечалось уже весьма мало. Некоторые остались гнездиться.

В противоположность гусям, уток (включая сюда все их виды, летевшие через Сого нур, до чирков вкл[ючительно]) летело много. Они и

ещё, несколько позднее, бакланы составляли основную массу пролётной водной птицы. Прилетели они рано. Первые стайки отмечены 4/III. 10/III на реке близ озера можно было насчитать уже 1500 особей, продержавшихся на месте недели две. Чирков среди них вначале не было вовсе. Больше всего уток летело в последних числах марта. В начале апреля число их сильно убавилось, причём чирков было уже до половины. В дальнейшем чирки явно преобладали. К концу апреля лёт затих, и остались лишь гнездующие.

Кроме уток, как и было упомянуто выше, летели бакланы. Они появились несколько позже, именно 25/III, и максимум их лёта прошёл в первой декаде апреля. В это время их было на озере больше всех других водоплавающих. Ежедневно насчитывалось не менее 1000 особей. Затем лёт их стал уменьшаться и, наконец, остались лишь гнездующие пары.

Турпанов летело немного, и больших стай их отмечено не было. К 30/III количество их несколько уменьшилось, и немного позже остались лишь гнездующие пары.

Лысухи отмечены впервые 23/III. Их летело немного. Лишь 28/III замечена стая около 200 шт.

Из крупных голенастых летели в порядочном количестве колпицы. Впервые отмечены были 27/III. Максимум лёта пришёлся на первые числа апреля, когда их ежедневно отмечалось по нескольку сот. Остались гнездиться.

Затем, начиная с 23/III всё время в небольшом числе экземпляров отмечались серые цапли (20-50 шт. ежедневно). Остались гнездиться.

Чаек и крачек отмечено 3 вида, из них *Sterna caspica* в небольшом числе. Впервые отмечены 17/III. С 25/III число их сильно увеличилось. Ежедневно отмечалось до 1000 экз[емпляров]. Но уже в первых числах апреля число их сильно уменьшилось и осталось чаек очень мало.

Чибисы появились 28/III и в небольшом числе продержались до 7/IV. Позже не отмечались.

Кроншнеп отмечен впервые 4/IV в небольшом числе экземпляров. Остался гнездиться.

Кулички, как и всегда, прилетели позже.

Наконец, 28/III прилетели первые *Ciconia nigra* в небольшом числе экземпляров, оставшиеся гнездиться в рощах тополя.

Что же касается прилётной и пролётной мелочи, то в зоологическом дневнике партии имеются следующие, весьма немногие данные.

Первый коршун отмечен 23/III.

29/III в небольшом числе отмечена даурская галка, позднее не наблюдавшаяся. Прилетела она, вероятно значительно ранее.

16/IV прилетел хохлатый жаворонок и остался гнездиться.

Motacilla alba отмечена впервые 10/IV и в последний раз 26/IV. Вероятно, не остаётся.

Motacilla sp. (с жёлтой головой) прилетела 8/IV, и с этого времени постоянно отмечалась в небольшом числе экземпляров.

Saxicola atrogularis отмечен 1/IV. Гнездится в пустыне и по её окраине.

Saxicola pleschanka прилетел 23/III. После 15/IV не отмечался. Вероятно, не остаётся.

13/IV впервые отмечен удод, попадавшийся далее всё время.

Стриж отмечен 5/V. Остаётся, но встречается в весьма небольшом числе экземпляров.

10/V впервые отмечены козодои, весьма обыкновенная здесь птица.

Общее впечатление от пролёта на оз[ере] Сого нур таково: пролёт беден для такой большой станции. Лишь немногие виды летят в большом количестве. Большинство же летят понемногу и многие остаются гнездиться.

А.Д. Симуков. «Зоологические заметки»

Архив Музея-квартиры П.К.Козлова (С.-Петербург). Ф. 3. Оп. 9. Д. 3/1177.

В архиве Музея-квартиры П.К. Козлова в С.-Петербурге среди материалов участников Монголо-Тибетской экспедиции (1923-1926) хранится небольшая записная книжка А.Д. Симукова. На её переднем форзаце – заголовок, написанный чёрными чернилами рукою автора: «Зоологические заметки по маршруту Южной партии Монголо-Тибетской экспедиции Г.Г.О.[1)] под начальством П.К. Козлова. 1925 – 1926 г.». Ниже указан маршрут партии: «Урга (28 июля 1925 г.) – Дайчин-бейсе – горы Хурху (28 августа) – горы Ноин-Богдо (стоянка октябрь-ноябрь) – низовья Эцзин гола (зимовка с декабря по май вкл.) – ур. Бухан-куб (50 вёрст вверх от Сого нура, июнь)». Внизу страницы приписано: «Наблюдения вёл А. Симуков». Книжка имеет серый клеёнчатый переплёт; её размер – 10.8 на 17.3 см. Пагинация отсутствует. Записи сделаны черными и фиолетовыми чернилами с обеих сторон каждого листа. Их общий объём – 37 листов.

Происхождение этой записной книжки таково. Летом 1925 г. закончились

1) Правильно ГРГО – Государственное Русское географическое общество.

раскопки Ноинулинских курганов. Тогда же окончательно разрешился вопрос о посещении экспедицией Тибета – Москва не дала согласия на такое путешествие[2)], вместе с тем П.К. Козлов получил разрешение на ведение работ в любом районе МНР, в Центральной Гоби и за её пределами. В результате экспедиционный отряд разделился на две партии. Одна из них, возглавляемая С.А. Глаголевым, двинулась на юг, в направлении Гобийского Алтая. Ей предстояло работать в горах Ноин-Богдо в течение октября – ноября 1925 г. и оттуда переместиться на зимовку в низовье Эцзин гола, к озеру Сого нор для проведения раскопок Хара хото и сбора зоологических коллекций. Второй отряд во главе с П.К. Козловым пошёл на запад в Хангай. (В официальных отчётах П.К. Козлова и в его дневнике, эти партии называются Восточной и Западной.).

В состав Глаголевской партии вошли А.Д. Симуков (далее А.Д.), Н. Пржевальский и ещё трое сотрудников. С этим отрядом А.Д. находился до конца осени 1925 г., когда выехал в Ургу (Уланбатор). Оттуда, в январе 1926 г., вместе с зоологическими коллекциями Симуков был командирован Козловым в Москву.

А.Д. хотел быть на Эцзин голе к началу весеннего пролёта птиц и вернулся в Ургу в марте 1926 г. (вместе с москвичом К.К. Даниленко, который находился в кратковременном отпуске у родных), однако обстоятельства разного рода задержали А.Д. в Урге. В конце апреля он прибыл в лагерь П.К.Козлова в Холте, откуда в начале мая отправился на верблюдах в район Эцзин гола, которого и достиг через 10 дней.

«Зоологические заметки» А.Д. Симукова состоят из семи небольших очерков с подробными фаунистическими наблюдениями автора, сделанными на отдельных этапах маршрута «Южной партии»:

1) Ургa – Дайчин-бейсе;
2) Маршрут Дайчин-бейсе – горы Хурху;
3) Стоянка в горах Хурху;
4) Маршрут горы Хурху – горы Ноин Богдо;
5) Заметки об осеннем пролёте птиц, наблюдавшихся в горах Хурху, во время пути по Центральной Гоби и в горах Ноин-Богдо;
6) Горы Ноин-Богдо;
7) Сводка зимних и весенних наблюдений Южной партии на месте зимовки её близ оз. Сого нур (по Зоологическому дневнику партии).

---

2) См.: Андреев А.И., Юсупова Т.И.. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К.Козлова (1923-1926 г.г.). Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51-74.

«Заметки», по видимому, являются сводным отчётом А.Д. Симукова о работе в составе Южной партии, переданным начальнику экспедиции и таким образом оказавшимся в его личном архиве. Все записи сделаны очень аккуратно, практически без помарок; возможно, они были скопированы автором в записную книжку с несохранившихся рукописных оригиналов.

Из этих «заметок» мы узнаём любопытную подробность – о том, что П.К. Козлов поручил Симукову добыть аргали (Ovis sp., Ovis argali), разновидность горного барана, широко распространённого в горах гобийских хребтов. Симукову было хорошо известно, что Н.М. Пржевальский в ходе своей первой и третьей центральноазиатских экспедиций (в 1870-1873 и 1879-1880 гг.) многократно наблюдал это животное на Тибетском нагорье и подробно описал его[3]. Монгольский же аргали был гораздо менее изучен.

За полтора года (1924-1925) жизни и работы в горной тайге Хэнтэя (археологические раскопки Ноинулинских курганов и выполнение самостоятельных заданий по географическому исследованию отдельных районов) А.Д. приобрел опыт наблюдений за животными во время длительных пешеходных маршрутов (около 600 верст за месяц) и стал завзятым охотником.Это помогло ему изучить образ жизни аргали и добыть экземпляр для коллекции.

В 3-ей и 6-ой заметках приводится подробное описание гобийских аргали – их внешнего облика, повадок, мест обитания и особенностей охоты на них. Помимо аргали А.Д. даёт описание и других наблюдавшихся им копытных животных и хищников. Большой интерес также представляют орнитологические наблюдения Симукова (в 5-м и 7-м очерках), дополняющие сведения главного орнитолога экспедиции Е.В. Козловой.

А.И.Андреев

---

3) См.: Н.М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. М., 1946. С. 111-113, 262-263; он же. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. М., 1948. С. 236. Монгольского аргали Пржевальский наблюдал в горах Сума-Хада на юго-восточной окраине Монгольского нагорья во время своего первого путешествия (1870-1873). В Северном Тибете водится белогрудый аргали (Ovis polii), который отличается от монгольского формой рогов и ярко белой грудью.

(Архив Музея-квартиры П.К.Козлова (С.-Петербург). Ф. 3. Оп. 9. Д. 47/1151. Л. 1-6. Рукопись, б/д [1926]. Орфография и пунктуация автора.)

1926 г.

Подготовка к печати
директора Мемориального
музея-квартиры П.К.Козлова
д.и.н. А.И. Андреева

А.Д.Симуков

Краткая заметка о результатах двухмесячной стоянки в горах Ноин-Богдо (Центральная Гоби)

Сильно расчленённый в своей восточной половине Гобийский Алтай выдвигает к великой Алашаньской пустыне целый ряд параллельных хребтов и горных групп, частью связанных друг с другом, частью разделённых седловинами или широкими долинами, напоминающими громадные жолоба. Все эти хребты вытянуты в широтном направлении. Намечается как бы три почти параллельных цепи: 1) Ихэ- и Бага богда, Арца Богдо, Гурбун-Сайхан, Бурэн-Хара, Хурху (это, т[а]к ск[азать], основная цепь), 2) далее к югу Нэмэгэту, Гильбэнт, Сиврэ, Дзёлин и ответвление от последнего, примыкающее к Дунду-Сайхану, Баин-боронуру и Баин-Цаган, 3)самый южный барьер – Тосту, Ноин-Богдо, Кокчун, Дэнг, Цзурумтай, Ихэ- и Бага-Аргалинтэ. Далее же к югу расстилается безбрежное море пустыни и отдельные возвышения и цепи холмов как бы подчёркивают своё бессилие, невозможность нарушить величественное однообразие Центральной и Южной Гоби.

В вост[очной] части гор Ноин-Богдо наша партия в уменьшенном составе провела целиком октябрь и ноябрь месяцы истекшего 1925 года.

Ниже постараюсь дать краткую сводку результатов нашей работы. Горы Ноин-Богдо в восточной своей части представляют собой ряд мощных кристалл[ических] массивов, окружённых ср[а]в[нительно] невысокими холмами и разделённых хорошо разработанными долинами и сухими руслами. Массивы эти сильно выветрены, и наблюдатель видит картину дикого хаоса скал, коридорообразных ущелий, острых пиков и т.п. Окраинные же холмы мягки в очертаниях. [См. рисунок].

Для определения геологического образа местности нач[альником] партии С.А. Глаголевым сделаны соответствующие схемы и собраны

геолог[ические] образцы.

Характер гор, т.е. скалистые массивы в центре и более мягкие формы по периферии, определяет местонахождение того или другого вида растения или животного. Как пример, приведу *Ovis sp.* и *Capra sibirica*. Если первые держатся исключительно по холмам периферии, то вторые не менее исключительно живут в скалах центра, бедных растительностью.

Среди растительного царства выделяются очень редкий ильм (*Ulmus campestr*.), затем кустарники - буйлис (*Prunus mongolica*), карагана (*Caragana sp*.). Много полыней (*Artemisia sp*.), есть какой-то злак, а по большим долинам близ колодцев нередок дырисун (*Lasiagrostis splenden*s). К сожалению, мы пришли уже в конце вегетационного периода и потому в ботанической части ограничились сбором семян (свыше 40 видов).

Фауна богата, если не количеством видов, то относительным обилием этих немногих видов. Встречаются: барс (*Felis sp*.), волк (*Canis lupus subsp*.), лисица (*Canis vulpes susp*.), по расспросам есть какое-то хорьковое, добыть которого не удалось. Далее аргали (*Ovis sp*.), горный козёл-янгер (*Capra sibirica*), в большие долины иногда из пустыни заходят антилопы хара сульты (*Antilope subgututturosa*). Из грызунов отмечу зайца (*Lepus tolai*? – вопрос. знак А.Д. Симукова), немногочисленных пищух (*Lagomys*), добыть которых не удалось, кроме того, весьма вероятны, хоть и не наблюдались, тушканчик и мыши.

Птиц наблюдалось 27 видов, считая и останавливавшихся в горах пролётных. Вот перечень этих видов:

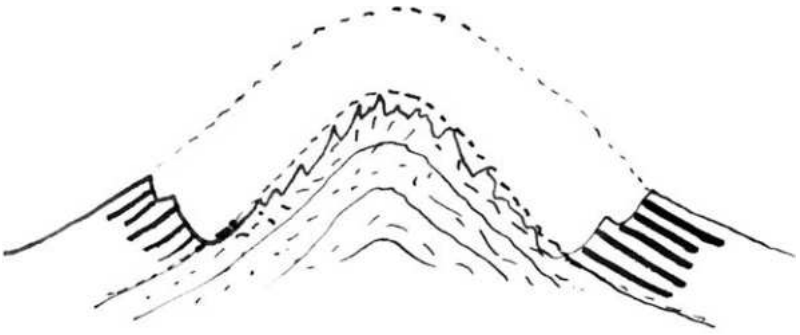
Vultur monachus
Hypaëtus barbatus
Falco subbuteo
F. tinnunculus
Milvus lineatus
Bubo sp.
Corvus corax
Pyrrhocorax graculus
Monedula collaris
Podoces sp.
Caccabis chukar
Columba rupestris
Syrrhaptes paradoxus
Emberiza cioides
Emb. cia Godlewskii
Erythrospiza mong.
Acanthis sp.
Turdus sp. (пр[олетные])
Phoenicurus sp. (пр.)
Accentor fulvescens

Accentor Koslowii?
Motacilla alba baik. (пр.)
Motacilla sp. (пр.)
Anthus sp. (пр.)

Saxicola isabellina
Otocoris Brandti
Tichodroma muraria

Пресмыкающиеся не наблюдались вовсе. Насекомых в Ноин-Богдо собрано немного, т.к. в начале октября они уже исчезли.

Касательно редкого населения гор, кстати сказать, почти поголовно принадлежащего к племени уратов, собраны некоторые экономические и этнографические данные.



(АИГМ № 104, машинопись) **май 1927 г.**

Отчет по раскопке двух курганов в падях Суцзуктэ и Цзурумтэ

Работы Археологической партии Ученого Комитета МНР под руководством сотрудника Учкома А.Д. Симукова

Март-апрель 1927 года

В конце февраля мне было поручено составить смету на раскопку одного кургана в Суцзуктэ и заняться приготовлениями к раскопке.

Предварительная поездка в Цзун модо выяснила наличие на месте ряда необходимых для раскопки принадлежностей, исправное состояние помещения для археологической партии и возможность достать важнейшие продукты на месте.

Смету я составил на 700 тугр., предусмотрев все возможности в связи с современным состоянием цен на рабочие руки, продукты и прочее.

Я предполагал, что до склепа, при возможной глубине в 12-13 м, рабочие дойдут через месяц работы, на выемку же содержимого склепа определил максимально две недели.

Из курганов к раскопке был намечен рекомендованный П.К.Козловым №5 в верхней Суцзуктинской группе, много обещавший своей выдающейся величиной и положением в одном ряду с №№ 1 и 6, так много давшим экспедиции П.К.Козлова.

4-го марта я, с пятью рабочими китайцами, нанятыми в Уланбаторе, и с необходимым багажом выехал на место работ, которые начались с утра 8-го. Первые восемь дней пошли на прохождение мерзлоты, достигшей в этом году мощности в 1,8 м. Прошли ее пожогами. Шурф я зарезал так, что его южный край проходил через центр воронки и, следовательно, через центр кургана. Сторона шурфа равнялась 2,15 м. По прохождении мерзлоты работа пошла успешнее.

Почва все время шла песчановатая, рыхлая, что весьма затрудняло работу, ввиду постоянных осыпей. На глубине 11 м были найдены кости, по-видимому лося, так как имеются остатки рога, и именно на это животное указывает величина костей. На глубине 12 м стали попадаться

совершенно истлевшие остатки дерева, а еще через 0,5 м мы совершенно неожиданно наткнулись на нетронутую почву – разрушенный верхний слой основной породы.

Тщательная очистка площади шурфа на этой глубине обнаружила следующую картину. Склеп оказался совершенно разрушенным. На существование его указывали остатки стен высотой всего в 0,2-0,25 м. Внутренние его размеры были всего навсего 1,75 м на 2,1 м. Остатков крыши и пола, а равно и внешнего склепа не сохранилось вовсе. Так же нет намеков на гроб.

Снаружи С.-В. угла склепа обнаружена небольшого размера урна. Кроме нее в жирном нижнем слое, лежавшем непосредственно на нетронутой почве и обильном совершенно истлевшими остатками дерева, найдено несколько кусков обделанного орнаментированного полупрозрачного зеленоватого камня, несколько кусочков листового золота и обломок железного предмета неопределенного назначения. Микроскопические кусочки красной краски и волоски какого-то меха указывали на наличие в былые времена и других предметов, совершенно истлевших в настоящее время.

Таким образом, курган №5 возлагавшихся на него надежд не оправдал. С технической стороны надо добавить, что шурф книзу был значительно расширен в виде опрокинутой воронки.

Трудно сказать, что именно явилось причиной такого основательного разрушения склепа – плохая ли стройка (это возможно при малой величине его, а следовательно и незнатности (?) покойника, хотя против последнего говорит величина кургана и глубина погребения), рыхлая ли почва, или руки грабителей – вероятнее, что все эти причины вместе.

В раскопках П.К.Козлова был один пример, подобный №5. Это так называемый “Андреевский” курган в долине Цзурумтэ, находящийся на увале левой стороны долины, обособленно от общей группы. Почва в этом кургане также была весьма рыхлая, почти чистый песок, и остатков сохранилось еще меньше, нежели в кургане №5.

Не лишен интереса тот факт, что почва №6-го, расположенного всего на сотню-полторы метров выше, была совершенно иная: тяжелая, глинистая. То же и в №1, расположенном на несколько большем расстоянии ниже №5.

По выяснению всего вышеизложенного, работы были закончены к 30 марта.

Получив после неудачи с курганом №5 в верхней Суцзуктинской группе разрешение на раскопку еще одного кургана, я остановился на малозаметном одиноком кургане в пади Цзурумтэ, расположенном

несколько ниже Цзурумтинской группы, по соседству с другими одинокими курганами. Примером этих последних может служить так называемый "Кондратьевский", раскопанный экспедицией Козлова и обозначенный на съемке экспедиции литерой "В". Выбранный же мною курган, если не ошибаюсь, был тоже нанесен на съемку под литерой "С". К выбору именно его побудили следующие причины:

1. Величина – по наружным обмерам он относится к типу "больших", так как его окружность превышает 60 метров.
2. Отсутствие внешних признаков ограбления, т.е. кольцевого вала выброшенной грабителями земли и глубокой воронки. Вероятно именно про этот курган ходили среди местных китайцев рассказы о неразграбленном кургане именно в данном (по известным приметам) месте.
3. Тяжелая плотная почва, что можно было предполагать по внешним признакам.

Наружная насыпь кургана почти сохранила свой первоначальный вид. Как и насыпи всех прочих курганов ноян-ульского типа она прямоугольна, расположена по странам света и имеет с южной стороны длинный шлейф. Границы насыпи ясно указаны камнями, которыми она обложена. Камни же покрывают ее в большей части и сверху. Вследствие своей горизонтальности, расположенная на слабом скате насыпь в ее западной части совершенно не поднимается над почвой, возвышаясь над последней в восточной части в среднем всего на полметра. Значительно выше приходится лишь Ю.-В. угол. В шлейфе насыпи незаметно вовсе и границы его видны лишь по камням. В середине основной насыпи находится блюдцеобразное углубление около метра глубиной.

Размеры кургана: В. и З. стороны – 17 метров
Ю. и С. " – 15 "
Длина шлейфа – 14 "
Ширина его – 6 "

Линия камней шлейфа не замкнута (см. схему) (*схема в архивах не обнаружена – сост*.).

При начале работ в центральном углублении стояла вода. После удаления ее и снега, бывшего на кургане, был зарезан шурф. Шурф я зарезал, расположив его по странам света, в центре кургана, совпавшем с центром углубления в насыпи. Первоначально пришлось идти пожогами, так как мерзлота достигла мощности в 2,1 м. Грунт оказался глинистый, с примесью песка, красноватого цвета. На той же глубине, где кончилась мерзлота, начался слой больших камней. Попадались камни весом до 160 кг. Мощность слоя этого равнялась 1,5 м. Камни сильно задержали

работу, так как их частью пришлось разбивать. Ниже камней в том же красноватом грунте стали попадаться остатки совершенно истлевшего дерева и уголь (см. образец). На глубине 4 м найден обломок обделанной, гладко отшлифованной пластинки полупрозрачного зеленоватого камня. Тут же стали попадаться остатки неободранных березовых палок и стволов. С глубины 4,7 м начался мощный слой синей глины почти без примеси песка. Работа стала очень трудной, так как вязкая тяжелая масса задерживала в себе кайлы и налипала на лопаты. Начиная с 5,5 м шурф стали расширять. На 6-м метре показалась вода, быстро ликвидированная. Наконец на глубине 7-ми метров показались пересекавшие шурф в направлении с севера на юг круглые бревна, частью прорубленные. Шурф расширили до 16 четвертей в квадрате. При очистке оказалось, что шурф опустился на северный коридор склепа, захватив его примерно двумя третями своего сечения. Остальная треть осталась вне склепа. В то же время выяснилось, что могила ограблена, так как грабительский ход оказался в сечении шурфа. Сопоставляя этот факт с отсутствием внешних следов ограбления, приходится заключить, что разрытый курган был аккуратно засыпан. На это указывает и правильность наслоения камня и глин определенного сорта в вертикальном разрезе шурфа.

Таким образом, погребальное помещение оказалось по отношению к центру наружной насыпи сильно сдвинутым к югу (см. №6, раскопанный Козловым, где было совершенно обратное, т.е. сильный сдвиг к северу). Сохранность постройки великолепная. Этому несомненно способствовал навал 3-х рядов бревен (необделанных) поверх обычного потолка – факт, не обнаруженный ни в одном из прежде раскопанных курганов, за исключением, кажется, раскопанного инж. Баллодом. Мощность этого навала – 0,75 м. Выдавался он за пределы постройки к Ю. и С. на 1-1,2 м. За исключением навала, тип постройки обычный (см. чертеж) /*в архивах не обнаружен – сост.*/. По размерам постройка близка к таковой №6, но отличается от последней отсутствием Ю. коридора, аналогично №1 и другим. Заметна некоторая ассиметрия в положении внутренней камеры, сдвинутой к востоку. Очень хорошей сохранности оказались и капители на стойках-колоннах. К числу мелких индивидуальных особенностей данной постройки относится лишняя стойка во внутренней камере, подпиравшая внутреннюю матицу в непосредственной близости от С. внутренней стойки и положение гроба, оказавшегося в западной половине внутренней камеры, а не в восточной, как было в известных мне курганах. Несомненно то, что лежки не сдвигались. Грабительский ход был прорублен сверху в середине С. коридора и из него через западную половину северной стены внутренней камеры в эту последнюю. Кроме

того было обнаружено небольшое отверстие, прорубленное в восточной стене внутренней камеры. Помимо этих грубо вырубленных топором отверстий в потолке внутренней камеры был обнаружен непонятного назначения люк, аккуратно прорезанный в обоих потолках и открывавшийся частью во внутреннюю камеру, частью в восточный коридор. Несомненно, что люк этот был прорезан не одновременно с грабительскими ходами. Сверху он завален крупными камнями. Таким образом в прилагаемых чертежах реставрированы лишь части, вырубленные грабителями. Остальное же изображает состояние погребального помещения к моменту выемки. При исследовании пола оказалось, что этот последний лежит не непосредственно на коренной породе, а на слое той же синей глины, покрытом сверху тонким слоем сосновых шишек.

По содержанию курган оказался довольно бедным, особенно по сравнению с номерами 6 и 1. Выемку крайне затрудняла масса совершенно чистой вязкой и довольно плотно слежавшейся синей глины, почти полностью заполнявшей все погребальное помещение. Наружный потолок покрыт одноцветной красной плотной тканью, закрытой тонким слоем войлока, превратившимся в подобие картона. Непосредственно на войлоке лежали бревна навала.

Весь пол помещения был, когда-то, покрыт тонким войлочным ковром, обшитым шелком, частью светло-зеленоватым, частью ярко-красным. Кроме того ковер был простеган узором в виде спиралей, подобно уже известным коврам из других погребений. В настоящее время ковер этот совершенно истлел. На былое существование его указывает темная окраска тонкого нижнего слоя глины, сохранившего кое-где отпечатки спиралей, следы войлока и, местами, следы красной окраски, покрывавшей ковер ткани. Лишь под гробовыми лежками, в тех местах, где последние особенно плотно прилегали к полу, мне удалось обнаружить и отделить более ощутимые остатки ковра, подтвердившие вышеуказанные соображения о его характере. Стены, потолки и стойки были обтянуты шелком двух сортов: гладким, одноцветным красным и зеленоватым с тканым ромбическим узором. Опять же обивка эта сохранилась лишь в местах, где части постройки плотно прижимались друг к другу. Так, красный шелк был найден между капителями и лежавшей на них матицей, а узорчатый (фрагменты с отверстием посередине) между капителью и стойкой. Целых фрагментов из серии шерстяных вышивок-гобеленов не найдено вовсе. Их остатками явились пряди разрозненных нитей в массе пронизывавшие нижний слой глины по всем направлениям.

Кроме вышеперечисленных находок совершенно случайно сохранилось еще несколько фрагментов тканей различных сортов, как-то: плотный

темный шелк со сложным тканым орнаментом, грубая ткань, тонкий плотный шелк, ажурный газ с ромбическим орнаментом и тому подобное. Нового в этой области пожалуй нет ничего.

Из различных предметов и обломков их, следует упомянуть неполную лакированную деревянную чашечку обычного типа, с китайской надписью, выцарапанной на лаке по бордюру у дна с наружной стороны, маленькое золоченое изображение лошади, бывшее когда-то нашитым на ткань, часть инструмента для добывания огня трением, именно нижний основной деревянный брусок с многочисленными обугленными углублениями, по-видимому много употреблявшийся, золотые украшения в виде листочков растения, остаток волосяной плетенки. Кроме того найдены черепки урн, раскиданные по всему помещению (урн, по-видимому, было две) и много "чумизы" - китайского проса, бывшего частью содержимого урн.

Центр погребения – гроб – оказался разбитым на части и большей частью вытащенным в северный коридор. Тут же был найден хорошей сохранности череп. Прочие же остатки покойника в виде немногих костей и совершенно истлевшей одежды были найдены в западном коридоре. Даже волоса, столь обильные в виде зашитых в футляры кос, в №6 например, оказались в очень малом количестве и плохой сохранности.

Большая часть предметов найдена в северном коридоре. По мере удаления к югу, число находок постепенно сходит на нет и южная половина помещения не дала почти ничего.

Трудно объяснить такую плохую сохранность, или, в большинстве, совершенное обращение в прах содержимого данного кургана при хороших для сохранения условиях в виде тяжелой глинистой почвы, достаточной глубины (до пола помещения от поверхности земли рулетка показала 9,5 метров) и наличия воды.

Наиболее ценной находкой надо считать чашечку с китайской надписью, с точностью устанавливающую дату погребения. До этого во всех могилах никаких надписей найдено не было и время погребений определялось приблизительно путем аналогий.

Работы были закончены к 4-му мая.

А. Симуков.

(АИГМ без №, машинопись) **1927 г.**

А.Д.Симуков

Докладная записка о предполагаемой летом 1927 года поездке исследовательской партии Ученого Комитета в Центральную Гоби

Целью поездки является детальное исследование ряда районов, примыкающих к южной границе МНР. Основная задача исследования – пополнение возможно большим количеством экспонатов коллекций Музея и повышение научной ценности этих коллекций, т.к. предлагаемые ниже районы наименее исследованы.

Помимо этой основной задачи, намечается целый ряд других, не менее важных для изучения территории МНР, как-то: подробная топографическая съемка, метеорологические наблюдения (как специальные, так и текущие), обследование экономики южных окраин и т.д.

Собирание же музейных экспонатов разбивается на следующие отделы: естественно-исторический (зоология, ботаника, геология) и культурно-исторический (быт, фольклор, исторические памятники и т.д.).

Примерный план поездки таков.

Основной автомобильный маршрут: из Уланбатора на Ю.-Ю.-З. в зависимости от годной для автомобиля дороги, примерно на вост. край Цзун сайхана – по возможности скорое передвижене, летучие наблюдения. В зависимости от обстоятельств, небольшая остановка в районе гор Буур и Номоган. Далее, насколько возможно, продвижение к Ю.-З. в район гор Хонгорчжи. Длительная остановка. Заезд в горы Ноян богда. Остановка. Оттуда к озерам низовьев Эцзин гола. Длительная остановка. От озер к горам Цаган богда и Хуху тумурту-ула - длительная остановка. Поворот к обратному пути с возможной дугой в сторону Чжунгарской впадины. Горы Алтан ула, Идэрэнгиин-нуру, кум. Юм бэйсэ. Отсюда собственно обратный путь, т.е. возможно быстрое передвижение по пути, проложенному торгпредскими автомобилями через Озерную котловину, выезд близ старого уртона Тацин на автодорогу Улясутай – Уланбатор и по этой дороге до последнего (через Уйцзэн ван и Мишик гун).

От мест длительных стоянок автомобиля легкие разъезды на верблюдах, наемных или доставляемых местным населением по способу

“урги”.

Перейду к объяснению причин выбора именно вышеуказанных районов.

При взгляде на карту Центральной Азии с нанесенными маршрутами путешественников-исследователей видно, что именно Центральная Гоби наиболее бедна подобными маршрутами и, следовательно, наименее исследована. Через намеченный район проходят маршруты: Г.Н.Потанина (обратный путь из Ганьсу, Эцзин гол и прямая линия от него к северу – Тосоту, зап. край Нэмэгэту, Ихэ-Богдо и Ламаин гэгэн); Обручева (Сого нур, Ноян богда, Цзолэн, кум. Аршан хурал); П.К.Козлова с помощниками в Камскую экспедицию (основной караван от Цзолэна на дол. Гойцзо, Казнаков - оттуда же через Ноян богда к озерам Эцзин гола и Ладыгин - от Юм-бэйсэ через ур. Шара хулусун на юг к Сучжоу); Козлова же в Монголо-Сычуаньскую [экспедицию] (Гурбан сайхан, кол. Эхин гун, Балбырха, к Сого нуру и обратно тем же путем); партия Ученого Комитета в 1924 г., Казакевич (от гор Буур – Номоган к южной границе МНР, по ней на запад до меридиана оз. Гашун нур, затем к с.-з. через Тосоту к г. Идэрэнгиин-нуру и далее на запад), и Южной партии последней Монгольской экспедиции Козлова, в работах которой участвовал и я (г. Хурху, кум. Аршан хурал, ур. Шильбис, г. Ноян богда, низовья Эцзин гола). При широтном протяжении района до 600 верст, этих маршрутов, пролегающих преимущественно в меридиональном направлении (исключением служат широтные маршруты Казакевича и, частично, Южной партии экспедиции Козлова 1923-1926 г.г.), конечно далеко не достаточно.

Кроме того изучение отчетов экспедиций выясняет еще некоторые обстоятельства, усугубляющие необходимость детального исследования предлагаемого района. Все без исключения исследователи проходили этот район весьма быстро, производя лишь самое поверхностное обследование, т.к. торопились то в Ганьсу и Тибет (Козлов в Камскую и Монголо-Сычуаньскую [экспедицию]), то обратно в Россию (Потанин), или же имели специальные задания, не позволявшие им задерживаться для детального обследования (Обручев – исключительно геология, Казакевич - съемка границ МНР). Частичным исключением может служить разве только Южная партия эксп. Козлова 1923-26 г.г., проведшая два позднеосенних (октябрь-ноябрь) месяца в горах Ноян богда и зиму, весну и половину лета в низовьях Эцзин гола. Но ее работа, благодаря ряду обстоятельств, страдает неполнотой.

Таким образом, сопоставляя отчеты экспедиций, мы видим весьма малое количество фактов и, как следствие, крайнюю поверхностность,

случайность выводов и обобщений, оставляющую данную область в каком-то тумане. А между тем ученые, знакомые с Центральной Азией, крайне интересуются этим районом, т.к. отдельные разрозненные факты указывают на широкую возможность новых открытий в нем, главным образом в естественно-историческом смысле.

Конкретные задания предполагаемой поездки таковы.

Горы Буур и Номоган - весьма мало известное звено Гобийского Алтая. Зоологические сборы и ботаника, долженствующие связать лучше изученные районы гор Гурбан сайхан и Хурху.

Район Цаган улы и Хонгорчжи – местообитание таинственного олгой-хорхой. Многообещающая фауна мелких грызунов. Расспросы о гвозде гобийских тайн – хун-хорхой.

Эцзин гол – любопытная фауна южно-гобийских песков – ночные ящерицы, ночные же грызуны, в зарослях дельты - малоизвестные виды дикой кошки, фазан.

Центром работ должна служить горная группа ***Цаган богда - Хуху тумурту-ула***, где в почти математическом центре Гоби является сравнительно богатая растительность, обилие воды и такие млекопитающие, как медведь, рысь, кабан, барс, и т.д. К этим же горам примыкает область распространения дикого верблюда и, на западе, дикой лошади. Бывший здесь Ладыгин, при быстроте своего громадного разъезда, сообщает лишь самые общие факты.

Вышеизложенные задания – это квинт-эссенция всей работы, добыча фактов, долженствующих поднять научное значение музея в мировом масштабе. Но нельзя забывать и того, что в зародившемся монгольском музее сама Монголия освещена более, чем слабо, а потому партии 1927 года предстоит громадная черновая работа по сбору типичных представителей фауны и флоры Гоби. Относительно почв в этом районе ничего не известно. Что же касается этнографии, то данная область - стык халхасского, уратского, олот-алашаньского и торгоутского племен монгольской расы. Кроме того этот район наименее затронут так называемой цивилизацией – будь то европейская или китайская. Этнографические же исследования прежних путешественников также весьма поверхностны. Экономика края не затронута вовсе.

Работа, следовательно, предстоит большая и благодарная, было бы лишь желание со стороны предполагаемых участников партии посильно ее выполнить, было бы время для детальных исследовании (чем больше времени - тем больше результатов) и немного материальных средств. Последние потребуются в количестве, вдолне доступном скромному бюджету Ученого Комитета.

Снаряжение и средства

Участников партии предполагается не менее пяти. При меньшем количестве работа несомненно будет страдать. Шесть человек было бы еще лучше. Лицами, ответственными за партию и ее работы, могли бы быть Эрдэн-Баир и я. Первый взял бы на себя культурно-исторический отдел и экономику, а я – естественно-исторический отдел и топографию. Затем шофер, могущий выполнять черновую работу по сборам и препарированию, а иногда и небольшую съемку; лицо, ведающее ботаникой и энтомологией (им могла бы быть моя жена), и повар-завхоз, способный также выполнять работу чернового препаратора. Это крайний минимум. Необходимо отметить, что в подобных маленьких экспедициях должна быть тесная спайка между сотрудниками, полное понимание общей задачи и способность сотрудников хоть отчасти заменять друг друга в различных работах. Это, в соединении с крайней неприхотливостью и большой выносливостью персонала партии, и составляет залог успеха поездки при тех весьма небольших средствах, какие может отпустить Ученый Комитет на дело исследования свободной Монголии.

Основное походное снаряжение (майхана, ящики, седла, кухня, оружие) осталось от прежных экпедиций. Кое-что потребует некоторого ремонта и только. Резина и запасные части для автомобиля идут за счет гаража. Таким образом, расходы по передвижению выразятся в суммах около 700-800 долл. на бензин и масло (вычислено с большим, необходимым впрочем, походом, сообразуясь с расстоянием), и 300-400 долл. на наем верблюдов для боковых разъездов в труднодоступные уголки. Пользоваться все время “ургой” крайне нежелательно из-за массы неудобств и неприятностей с населением. Долларов 200-300 понадобится не добавочное снаряжение, закупку необходимых мелочей, выходящих обычно за время экспедиции в расход. Остается пропитание сотрудников. Относительно этого вопроса я предложил бы систему П.К.Козлова – обилие (совершенно необходимое, по опыту, в тяжелых условиях гобийской работы) и крайняя простота, а, следовательно, и дешевизна. Практически это выражается в следующем режиме: русский черный кирпичный чай, весьма компактный, баранина, заменяемая, где только можно, мясом животных, добытых для коллекции; из мучного - достаточный запас дзамбы (жареной муки) и некоторое количество обыкновенной муки, употребляемой иногда в видах разнообразия для лапши, боурцаков и т.д. По возможности сухая зелень, сахар (примерно 1,5 пуда) и самое ограниченное количество консервов, острых (перец, сардины) и сладких (фрукты) - не более 25-30 банок. Немного крупы (рис). Муки (обоих сортов) потребуется около 25 пудов. На месте можно достать лишь буду (пшено сырое и жареное), очень

немного муки, и молочные продукты, тоже в незначительном количестве. Да и то не везде, т.к. местность весьма редко населена и жители сами нуждаются в мучных продуктах. На пропитание потребуется около 500 долл. Наконец, для необходимого в такой дальней экспедиции денежного запаса “на всякий случай” и для закупки предметов этнографии положим еще 500 долл. Таким образом ориентировочная сумма, при которой экспедиция может дать своей работе некоторый размах, выразится в 2500 долларах. Жалованье участникам идет за общий счет Ученого Комитета. Время, потребное, для плодотворной работы, из которого я исходил в вышеприведенных расчетах - 5-6 месяцев, примерно с мая по октябрь включительно. Осень очень важна для зоосборов, т.к. в это время наружный покров птиц и зверей в наилучшем для коллектирования состоянии. Я бы протестовал против сокращения срока, т.к. такое сокращение свело бы детальное обследование к нулю. Розыски и добыча редких форм фауны и флоры, обстоятельная работа по выяснению геологической физиономии местности и целый ряд иногда любопытнейших частных вопросов требует, я это знаю по опыту, массу времени.

Остается сказать несколько слов о технических подробностях поездки. Так как потребное количество бензина и масла совершенно загрузило бы машину, то я предложил бы отправить заранее уртонскими известное количество того и другого в некоторые пункты по пути экспедиции или вблизи его. Такими пунктами могли бы быть: хошунное управление хошуна Дэлгэр хангай, то же хошуна Гурбан сайхан, мон. Оботуинн-хурал (к югу от гор Ноян богда), мон. Юм бэйсэ и хуриэ Уйцзэн ван. Часть пищепродуктов, именно дзамбу и муку, следовало бы также направить на окраинные пункты: Гурбан сайхан, Оботуин-хурул и Юм бэйсэ. Впрочем в этом отношении важны лишь два первых пункта. Громоздкие малопортящиеся коллекции – шкуры, черепа и скелеты крупных млекопитающих – можно отправлять таким же способом в Уланбатор от любого таби дарги.

В случае разъезда в низовья Эцзин гола, даже до Хара хото, факт перехода границы не так важен, т.к. погранпосты отсутствуют, ближайший китайский гарнизон расположен в г[ороде] Момин (в 200-х верстах от Хара хото). Кроме того, я лично знаком и в хороших отношениях с многими видными торгоутами. Таким образом пребывание партии или части ее в течение 10-15 дней в торгоутском княжестве не вызовет, как я думаю, каких-либо осложнений, тем более, что я на всякий случай предупреждал торгоутов о своем возможном приезде.

Что же касается Гоби, к западу от Эцзин гола, то там настолько редкое население, что вообще всякие власти отсутствуют.

На территории МНР необходимо, конечно, оповестить местные власти о предстоящих работах партии и снабдить последнюю солидными документами.

Для более тесного общения с зарубежным населением – уратами, алашаньцами и торгоутами не мешало бы на остаточные суммы приобрести хадаков и мелких подарков. О пользе их я также знаю по опыту.

При удаче и счастье, при соблюдении тех условий, о которых я упоминал, говоря о персонале партии, я уверен, что результаты экспедиции сразу выдвинут Ученый Комитет на видное место и дадут возможность, особенно при некоторой рекламе – это уж дух времени – шире развернуть работу по основным его задачам, долженствующим сделать Ученый Комитет научным Центром Срединной Азии, где европейские научные методы должны соединиться с глубиной азиатского мировоззрения.

(АИГМ №101, машинопись, титульный лист - автограф) **1928 г.**

А.Д.Симуков

Очерк работ Гобийской экспедиции Ученого Комитета (июль-ноябрь 1927 года)

Летом 1927 года Ученый Комитет снарядил небольшую экспедицию для исследования малоизвестной юго-западной Гоби. Заданиями этой экспедиции были: топографическая съемка и подробное географическое описание района исследований, сбор зоологической и ботанической коллекций для Музея, обследование исторических памятников по пути экспедиции и выяснение ряда вопросов узкопрактического характера. К таковым относились: обследование гобийского земледелия, вопрос о границе (в полном его объеме) и др.

Руководство экспедицией Ученый Комитет поручил мне. В помощники себе я взял мою жену, как коллектора по ботанике и фотографа, и моего помощника по музею – Джергала, в качестве практиканта-препаратора и для сношений с местными властями. Кроме того был нанят рабочий-повар.

12-го июля сборы были закончены и мы выехали на частном автомобиле из Уланбатора к Ламин гэгэну, исходной точке нашего путешествия.

Прибыв в этот хуриэнь, где нас любезно принял Монценкоп в лице заведующего местным отделением П.Д.Степанова, я на следующий же день съездил в управление Баян-цзурихэ-ульского хошуна. Чиновники управления отнеслись к моим задачам с большим вниманием, и мы совместно обсудили дальнейшее продвижение экспедиции. Было решено, что я съезжу на пашни р. Байдарага налегке, пользуясь местной сомонной дорогой, а караван экспедиции, по моем возвращении пойдет прямо на юг, к Гобийскому Алтаю.

Через день я с Джергалом поехал на Байдараг. Результаты этой поездки свелись к следующему. В низовьях р. Байдарага, верстах в 30-ти выше впадения последнего в оз. Бон цаган нур, находится небольшой земледельческий оазис. В этом месте р. Байдараг, выйдя из южных предгорий Хангая, течет поперек Озерной котловины, громадного желоба, залегающего между Хангаем и Гобийским Алтаем. Этим положением определяется характер окрестностей байдарагского оазиса. На запад и

восток тянется уходящая за горизонт галечная равнина, местами слабо волнистая. На севере она граничит с низкими каменистыми холмами предгорий Хангая, на юге же ее оградой служат мощные стены хребтов Гобийского Алтая. Растительность этой равнины типичная северно-гобийская. В окрестностях Байдарага преобладает карагана, темными точками усеивающая красноватую равнину. Из крупных животных для этой пустыни характерны хулан и хара сульта – тоже типично гобийские формы.

Все вышеизложенное служит, по моему мнению, достаточным основанием для того, чтобы именовать байдарагское земледелие "гобийским".

Земледелием здесь занимаются исключительно монголы, местные жители, унаследовавшие это занятие с весьма давних времен. О происхождении гобийского земледелия см. ниже в описании оазиса Лэг.

Площадь посевов в настоящее время очень невелика, не превышает нескольких десятин и имеет тенденцию сокращаться. Сокращение это зависит от многих причин. Главную роль играют паводки и частичное засоление. Тарячины не способны бороться с этим не имея перед глазами хорошего примера, хотя бы в виде китайцев-землепашцев. Поэтому же обработка земли носит весьма примитивный характер.

Сеют ячмень и пшеницу. Засоренность посевов велика, так как семенной материал не очищается.

Орошаются пашни водой р. Байдарага путем оросительных канав, проводимых из реки.

Полученное с пашен зерно частью потребляется самими тарячинами, частью расходится среди ближайшего населения. В пищу его употребляют главным образом в виде дзамбы, т.е. муки, приготовленной из обжаренных зерен.

Власти в лице Баян-хонгор-ульского хошунного управления, в земледельческие дела совершенно не вмешиваются. Учет пашен отсутствует. Налогов за землепользование не взимают. Госпомощь отсутствует.

Подробно о байдарагском земледелии см. мой отчет по Гобийской экспедиции 1927 года (архив Ученого Комитета).

Выводы, сделанные мной на основании обследования, следующие. Самый факт обработки земли монголами вполне самостоятельно, на основании лишь традиций, при плохих климатических условиях, заслуживает серьезного внимания. Этот вывод относится ко всем очагам гобийского земледелия, которых немало. Далее, при небольшой материальной и моральной поддержке со стороны центральной власти, Байдарагский земледельческий оазис имеет много данных в будущем

сильно расшириться. Данные таковы: большая площадь пригодных для обработки наносов реки Байдарага, использованная пока лишь частично, весьма солидный запас воды в реке, также весьма мало использованный, и хорошее качество почвы. Тот факт же, что при крайне примитивной обработке пашен и массе вредителей, урожай получается все таки приличный, обещает при изменении этих последних условий очень многое.

Помощь государства могла бы выразиться в инструктировании тарячинов, снабжении их хорошими орудиями и премировании лучших по обработке участков. Возможности по сбыту хлеба окружному населению неограничены.

Подобный же земледельческий оазис существует и на нижнем течении р. Тацаин гола. Посетить его мне не удалось, но по расспросным сведениям и по физическим данным, известным мне, он должен быть весьма схож с Байдарагским.

Сейчас же по моем возвращении с Байдарага мы привели наш багаж в походный порядок и 3-го августа выступили из Ламаин гэгэна на юг, в Гобийский Алтай.

Остановившись в высочайшем хребте Гобийской части Алтая – Ихэ-Богдо, имеющем на вершинах пятна вечного снега, экспедиция обследовала наиболее интересную часть верхнего пояса этого хребта, а именно верховья ущелья Битютэн ама. Констатированы ясные следы древнего оледенения этого хребта в виде ледниковых каров, боковых морен и громадных ледниковых валунов. Кроме того собран весьма интересный гербарий, количеством до 100 видов растений, характеризующий постепенный переход растительности Ихэ-Богдо от гобийской – у подножья хребта - к высокогорно-альпийской – в его верхнем поясе. По ущелью Битютэн ама попадаются рощицы тополей, затем, что особенно любопытно, есть несколько экземпляров березы и, в верховье ущелья, лесок карликовой ивы полярного типа.

Из промысловых животных Ихэ-Богдо, особенно его южный склон, весьма богат тарбаганом.

Перевалив Ихэ-Богдо, экспедиция одним переходом пересекла пустынную долину, ограничивающую этот хребет с юга, и остановилась в ур. Лэг или Лэгин гол.

Здесь в Лэге, среди совершенно пустынных окрестностей также имеется небольшой земледельческий оазис. Странно было видеть пашни в непосредственном соседстве с саксаулом и поросшими бударганой солончаками.

Лэгское земледелие, подобное байдарагскому, также имеет весьма

почтенный возраст. Сохранившиеся у местного населения предания приписывают начало земледелия в целом ряде гобийских оазисов некоему Цаган бар гуну, большому нойону, китайцу(?), жившему весьма давно, еще до Чингиса. К тому времени относятся небольшие развалины, имеющиеся и на Лэгин голе и на Байдараге, а также громадные жернова и каменные молотильные валы, виденные мной в обоих оазисах. Возможно, что мы имеем здесь дело с не лишенной размаха попыткой колонизовать северную Гоби, пользуясь несколькими оазисами как опорными пунктами.

Водой Лэгин гол очень беден. Имеется всего несколько маленьких ключиков, пробивающихся на поверхность по окраине урочища. Водой этих ключиков и орошаются пашни. Обработка земли еще первобытнее байдарагской. Верхний слой почвы сильно истощен, поэтому после каждого засева определенный участок пашни долго отдыхает. Сеют, как и на Байдараге, ячмень и пшеницу. Вся земля и вода принадлежат Ламаин-гэгэнскому монастырю, именно частью лично гэгэну, частью чжасе Дуйнхор дацана. Местные жители засевают, если хватит воды, оставшиеся пригодные клочки. Обрабатываются монастырские пашни местным населением, под присмотром лам. За работу они получают небольшое количество зерна и двух баранов на всех в качестве харчей. В прошедшем году зерна на Лэге было собрано около 600 пудов, возможно даже 700. С монастырских пашен все зерно идет на “нужды богослужения” как мне говорили ламы.

Таким образом о лэгском земледелии можно сказать следующее: большего развития площади посевов, благодаря недостатку воды, ожидать трудно. Увеличить выход зерна можно только улучшением обработки земли, для чего требуются инструктирование и более совершенные орудия. Кроме того надо упорядочить землепользование, хоть немного сократив привилегии Ламаин гэгэнского монастыря.

С Лэгин гола я с Джергалом съездил налегке в хуриэнь Юм бэйсэ и управление Чжибхоланту-ульского хошуна, расположенное около куреня Йосту бэйсэ. Поездка эта осветила в географическом смысле малоизвестный участок района к югу от главной цепи Монгольского Алтая. Кроме того я выяснил ряд вопросов о государственной границе, о которых ниже.

По дороге в Юм бэйсэ я заехал на речку Цаган гол, текущую в широкой долине у юго-западного подножья Ихэ-Богдо. Тут тоже некогда были обширные пашни, ныне совершенно заброшенные. Впрочем местные жители сеяли еще в 1926 году. Прекращение посевов объяснили мне нехваткой воды. Но это неверно, так как Цаган гол представляет собой порядочный ручей, способный оросить сравнительно большую площадь.

Вероятнее всего причиной прекращения сева надо считать постепенное углубление русла речки и, как следствие, увеличивающуюся трудность отвода воды на пашни. Возможность же орошения тут несомненно бóльшая, нежели на Лэгин голе. Словом этот потухший очаг земледелия следовало бы воскресить. Вообще потребность гобийского населения в дешевом хлебе очень велика и было бы весьма хорошо хотя бы часть этой потребности покрывать продуктами местного производства.

В хребте Бай баян ундур, на южном склоне которого лежит мон. Юмбэйсе, порядочное количество тарбаганов. Здесь их южная граница. Но грызун этот находится тут под защитой лам, запрещающих охоту за ним, и небогатое население хошуна лишено естественной доходной статьи.

Кроме того в этом же хребте имеются залежи каменного угля и прекрасной меди. Такое соединение дает возможность создать кустарное производство медной утвари, столь распространенной в южной полосе МНР.

По возвращении моем из Юм бэйсэ на Лэгин гол, экспедиция двинулась дальше на юг. Южная часть хошуна Баян цзурихэ вообще мало населена, а в этом году из-за засухи и совсем пустовала. Поэтому мы не встречали людей на пространстве свыше 100 верст, до хребта Нэмэгэту, где остановились на три дня для ознакомления с этими горами. Перевалив Нэмэгэту мы пересекли новую пустынную долину и вошли в горы Тосоту, находящиеся в крайней южной цепи Гобийского Алтая.

Отсюда я послал Джергала в управление Гурбан сайхан-ульского хошуна с просьбой дать проводников и верблюдов для дальнейшего Следования. Самую важную часть экспедиции - исследование гор Цаган-Богда - я решил выполнить один с двумя местными проводниками. Вызвано было это решение сведениями о возможности столкнуться на пути к этим горам с разбойничьими шайками. Подробности о разбойниках в этом районе см. ниже.

Простояв в горах Тосоту дней 8, мы дождались проводников и верблюдов. Спутники мои двинулись на восток, в соседние Тосту горы Ноян богда. Я же, с двумя проводниками, поехал на юго-запад. Хошунное управление снабдило меня прекрасными спутниками. Один из них, молодой веселый хара хун Лубсан, был жителем гор Тосоту. Года три тому назад он зимовал в Цаган богда и хорошо знал восточную часть этих гор. Явился он с кремневкой, так как немного охотничал. Второй обитатель хребта Цзолэн, пожилой, но очень бодрый хара хун Дорджи, оказался первоклассным охотником, кроме того Дорджи - член МНП и председатель хошунной ячейки. Оба эти человека очень много помогли мне своим знанием пустыни, и животного и растительного мира. Всегда

веселые, покладистые, легко переносившие все невзгоды осеннего путешествия по совершенно безлюдной местности, они делали нашу общую работу, подчас очень нелегкую, веселой и незаметной, всеми силами стараясь принести больше пользы нашему общему делу. Вспоминаю я их всегда с искренней благодарностью.

Итак, 19 сентября мы двинулись. В первый же день сделали 40-верстный переход, пересекши горы Тосоту наискось, к их юго-западному концу. На другой день утром мы заехали в последний на нашем пути аил. Дальше расстилалась совершенно безлюдная местность, по которой мы сделали, не встречая аилов около 600 верст.

Вместо подробного описания этого этапа путешествия, я дам краткий очерк посещенного аймага.

Если ехать из куреня Юм бэйсэ на юг, по большой дороге, идущей к городам Сучжоу и Аньси и далее в Цайдам и Тибет, то путник сразу же по выезде из куреня оказывается в типичной для Центральной Гоби широкой пустынной долине, носящей название Чжинсэту хоолай в восточной своей части и Толийн хоолай – западной. Последнее название происходит от ключей Гурбан толи, расположенных в ее центре.

Далее к югу путешественник переваливает невысокую гряду гор Бургустайн нуру и спускается в следующую долину Долон чоноин хоолай. За этой долиной дорогу пересекает длинная гряда гор Идэрэнгиин-нуру. Перевалив этот расчлененный и невысокий хребет, дорога спускается в широкую пустынную равнину, прорезанную в середине широкой грядой мелких каменистых холмов. Эта часть пустыни носит название Цэнхэр хоолай или Нарин хуху гоби. Южной оградой этой равнины служит длинный – свыше 300 верст – горный хребет, отдельные части которого называются (с востока на запад): Цаган богда, Хуху тумурту, Цзара хайрхан, Ата богда, Дугай хайрхан и Ата богдаин-нуру. За этим хребтом, пересекши еще 2-3 пустынных равнины и столько же холмистых гряд, дорога достигает местности Мацзуншань. Вся эта местность, начиная от Толийн-хоолая, в настоящее время совершенно безлюдна. Но из этого никак нельзя выводить заключение, что она вообще непригодна для кочевок. В старое время, когда существовал еще так называемый “Алтан харул” – линия постов, охранявших ряд правительственных (китайских) золотых приисков, по всем этим горам и долинам, до гор Цаган богда включительно, привольно кочевали аилы из 3-4 соседних хошунов. Официальная граница Халхи проходила по горам Цаган богда, куда и были выдвинуты два поста “Алтан харула”, стоявшие в ур. Хурэн дэл и Шара хулусун. Именно так проводится и сейчас государственная граница МНР на наших официальных картах в Уланбаторе. Хошунная же граница

проходила тогда через западную оконечность Бургастайн-нуру – хребтик Сумун-хада – и ключи Гурбан толи, оставляя широкую (до 150 верст) полосу как бы для общего пользования нескольких смежных хошунов. Таковой она осталась и по сие время. Но "Алтан харула" уже не существует, полоса эта открыта для разбойничьих набегов, а хошуны заботясь лишь о поддержании своей собственной границы, перенесли на последнюю значение государственной и совершенно отказываются от вышеописанной 150-верстной полосы. Таким образом получается ни с чем не сообразная разница в представлениях о южной границе у центра с одной стороны и местных властей – с другой. Мало того, узнав о расположении китайских постов, я пришел к выводу что китайцев совершенно не интересует весь огромный район, между горами Цаган богда и населенной полосой провинции Ганьсу (города Сучжоу, Аньси, Юймынь), ограниченной с востока рекой Эцзин голом и с запада Бэй-шанем, Тянь-шанем и Джунгарской пустыней. Китайские посты стоят по южному краю этого района. Таким образом создается благоприятная обстановка для оседания в богатых водою местах этого района беспокойного разбойничьего элемента, что и имеет место в Мацзуншане. Но о разбойниках ниже.

Мой маршрут охватил восточную треть хребта Цаган богда до пересечения последнего в ур. Шара хулусун Тибетской дорогой. Помимо целого ряда хороших колодцев, я посетил пять богатых водой ключей. Из них особенного внимания заслуживают Шара хулусун и Цаган бургасун. Несмотря на засуху я нашел там много воды, рощи прекрасных тополей, заросли тамариска и буквально непролазные чащи камыша. За исключением Эцзин гола, более красивых и удобных для обитания мест я, изъездивший немалую часть Гоби, не встречал. Кроме того я нашел следы плантаций мака (опий), разводившегося здесь до появления Джа-Ламы китайцами, выходцами из провинции Ганьсу. Джа-лама их прогнал. Плантации эти имелись на ключах Сучжи, Тоорой шанда, Цаган булаг, Эхин гол и Шара хулусун. Следовательно, небольшие участки земли в этих урочищах пригодны и для миниатюрного земледелия. По свидетельству кочевавших ранее в Цаган богда монголов, в хорошие годы горы эти дают прекрасные пастбища.

Кроме Тибетской дороги через Шара хулусун проходит и новая - Цончжийн цзам, недавно проложенная. Она приходит из Гучена и Баркуля к крайней западной оконечности Ата богдаин-нуру и идет далее на восток, заходя в Шара хулусун и Цаган бургасун. Пройдя севернее горы Цаган богда, дорога эта достигает кл. Сэбистей к югу от гор Тосоту. От Сэбистея она поворачивает к Эцзин гольским озерам. Движение по ней порядочное. Недели за 3-4 при мне прошло до 2000 верблюдов, груженных изюмом,

хлопком, шерстью и овчинами.

Теперь о Ма-Цзы-Шане. Западная и юго-западная Гоби издавна были известны как местопребывание разбойничьих шаек. За последнее время, как известно, особенно прославился Джа-лама со своими приспешниками. После его уничтожения, некоторое время было спокойно, но затем в Мацзуншане снова собрались любители легкой наживы и вольного житья. Последние 2 года пограничные халхасы опять страдают от грабежей. В истекшем (1927 г.) году грабежи начали принимать серьезные размеры. Население Ма-цзы-шаня по имеющимся у меня сведениям достигает 150 юрт. Число это делится примерно поровну между тремя народностями: халхасами (беглыми из хошуна Чжибхоланту ула), западными торгоутами и киргизами. Грабежами по всем признакам занимается вторая категория, т.е. торгоуты. Прекрасно вооруженные скорострельными винтовками, они собираются небольшими (до 10-15 человек) шайками, пересекают громадную безлюдную пустыню и появляются в населенной приграничной полосе Халхи. Обычно ночью обстреляв беглым огнем аил, разбойники угоняют верблюдов и возвращаются восвояси, не боясь погони, так как у местного населения кроме кремневок ничего нет. Боясь разбоев, население перекочевывает все дальше вглубь страны, оставляя часто прекрасные пастбища безлюдными. Разбойники же наглея, забираются по следам населения все дальше и дальше. Один из последних известных мне грабежей произошел в конце августа истекшего года на северном склоне Ихэ баян цаган, т.е. невдалеке от Ихэ-Богдо и всего в 20 верстах от Лэгин гола. Это хошун Баян цзурихэ-ула. Одновременно с этим (в данном случае было угнано 12 верблюдов) другая партия разбойников угнала сразу 50 верблюдов из местности Даацийн хоолай. Всего же за года полтора угнано не менее 200 верблюдов. Благодаря этим же Мацзуншаньским разбойникам движение по Тибетской дороге совсем замерло.

Такой дерзости разбойников способствует главным образом полнейшее отсутствие хотя бы самой примитивной охраны границы. Так называемые “пограничные цагды” (их единицы) не считают даже нужным уведомлять хошунное управление о разбоях, как это имело место в горах Тосоту. Только от моего спутника Джергала тамаган узнал подробно обо всех грабежах.

Выводы из всего вышеизложенного относительно положения на описанном участке границы по моему мнению таковы. Было бы весьма желательно закрепить государственную границу по горам Цаган богда путем выдвижения в ур. Шара хулусун военно-пограничного поста. Такая мера, создав внушительную угрозу разбойникам, обезопасила бы движение по Тибетской дороге. Благодаря этому сразу оживилась бы торговля с

Ганьсу и усилилось бы сообщение с этой провинцией, Цайдамом и Тибетом. Кроме того этот крупный пост и несколько мелких распределенных по пограничным аилам, дали бы возможность населению окрестных районов пользоваться в хорошие годы пастбищами большого безлюдного ныне района. Разбои в таком случае сразу прекратятся. Благодаря открытию путей и торговле оживится большой район Республики, в настоящее время глухой и бедный. Вышеуказанная мера окупится в первую очередь таможенным постом в Шара хулусуне, который будет собирать дань с двух больших дорог – Цончжийн цзам и Тибетской.

Вернувшись из разъезда в горы Ноян богда, к своим сотрудникам, я с женой съездил налегке на Эцзин гол, т.е. в самый захолустный хошун Внутренней Монголии. Здесь я встретил большую европейскую экспедицию, работающую под руководством известного шведского путешественника Свена Гедина. Экспедиция носит название "китайско-шведской", т.к. работают в ней кроме шведов и немцев еще и китайцы. Одна из главных работ этой экспедиции – выяснение вопросов климатологии Центральной Гоби и Тянь-шаня. Я провел в их лагере целый день, интересуясь работой экспедиции, ее оборудованием и тому подобным. Заехав в знаменитый "Мертвый город" Хара хото, вернулся в Ноян богда, и на следующий же день караван экспедиции тронулся в дорогу к Уланбатору, так как была уже середина ноября.

3-го декабря на 18-й день беспрерывного хода, мы в последний раз развьючили наших верблюдов во дворе Ученого Комитета.

Результаты экспедиции сводятся к следующему: мною, частью с караваном, частью в разъездах, сделан маршрут около 4000 верст, исследован частью детально, частью поверхностно большой весьма малоизвестный район. По части маршрута сделана буссольная съемка, а по всему - по возможности детальное географическое описание. Собраны для музея МНР зоологическая и ботаническая коллекции. В первой имеется ряд редких и ценных экземпляров, как например дикий верблюд, добытый мной к югу от Цаган богда. К описанию сделано около 100 характерных фотоснимков. Освещен ряд специальных вопросов, как например гобийское земледелие, вопрос о границе, о разбоях и пр. Кроме того собрано много мелких сведений по самым различным отраслям.

Экспедиция продолжалась более 4½ месяца и обошлась около 2000 тугриков.

А. Симуков.

Уланбатор
2/I-28 г.

Журнал "Хозяйство Монголии", 1928 г., №1(8), с. 86-99

А. Симуков

Очерк работ Гобийской партии Ученого Комитета МНР (июль-ноябрь 1927 года)

В самом конце июня истекшего года выяснилась возможность снаряжения небольшой экспедиции для обследования малоизвестной юго-западной окраины МНР. Руководство экспедицией Ученый Комитет поручил мне.

12 июля экспедиция в составе моем, моего помощника по музею Джергала, М.А.Симуковой – коллектора по ботанике и фотографа, и рабочего-повара выехала на автомобиле по направлению к Ламаин гэгэну.

Без особых приключений мы добрались до Ламаин гэгэна. Из этого куреня мы с Джергалом налегке, пользуясь местной сомонной дорогой, съездили на низовья р. Байдараг, для обследования тамошнего земледелия.

Не задерживаясь на описании дороги, перейду прямо к характеристике земледелия в этом районе.

Байдарагские пашни находятся в низовьях р. Байдараг, верстах в 30 выше впадения этой реки в оз. Бон цаган нур, на северной окраине так называемой Озерной котловины. Котловина эта протянулась между хребтами Монгольского Алтая и Хангаем. В самых низких местах ее находятся бессточные озера-испарители стекающих с южного склона Хангая рек. Характер Озерной котловины типичный северно-гобийский. Поверхность ее - галечная пустыня с редкой гобийской растительностью. Местами встречаются участки песков.

Засеваемые участки раскинуты мелкими клочками на пространстве нескольких верст на речных наносах р. Байдараг, в непосредственной близости от последней. Почва пашен суглинистая, хорошего качества. Строение ее мелко-комковато-пылеватое, цвет светлый, серо-каштановый (сырая) или светло-серый (сухая). Толщина почвенного слоя значительна – в массе не менее 30 см.

Пашни орошаются с помощью канав, проводящих воду из реки. Запас воды в реке большой и используется в очень незначительных размерах.

При мне (конец июля) расход воды был примерно, 20 куб. метров в секунду, при скорости течения 1 м в сек. Река течет большей частью в одном русле и вообще не имеет тенденции разливаться широкими шиверами.

Площадь пашен незначительна – она не превышает нескольких десятин.

Занимаются земледелием здесь исключительно местные монголы, унаследовавшие это занятие с весьма давних времен. Сеют ячмень и пшеницу (безостую). Семена высевают поздно - около 15 числа последнего весеннего месяца, разбрасывая прямо по земле и потом запахивая их примитивной сохой китайского типа. Семенной материал не очищают и не сортируют, поэтому засоренность посевов весьма сильная. После посева несколько раз производится поливка. На этом и кончается уход за пашней. Уборка производится в августе. Растения либо просто выдираются с корнем руками, либо срезаются крайне примитивным тупым серпом. Молотят топтанием, прогоняя по сжатому и сложенному на естественном току хлебу скот. Отобрав солому специальными вилами, зерно провеивают на ветру с помощью деревянной лопаты с длинной ручкой. Мелют ручными жерновами, обжаривая предварительно зерно и получая, таким образом, так называемую “дзамбу”. Простую муку мелют редко и понемногу.

Степень урожайности мне показать не могли или не хотели. Несомненно, что урожай мог бы быть вполне приличным, даже при таком примитивном способе обработки, если бы не засоренность и вредители. По ночам на пашни приходят хуланы и хара сульты; кроме них на посевы нападает целая армия грызунов и крупных и мелких зерноядных птиц (журавли, дикие утки, куропатки и мелочь). Кроме всего этого, большой вред приносят и насекомые.

Хлебопродукты потребляются на месте и расходятся среди ближайшего населения.

Система землепользования – пар через год, т.е. половина пашни ежегодно пустует. По словам местных жителей, площадь посевов медленно уменьшается. Причины – паводки, заносящие пашни песком и галькой, засоление и нежелание или неспособность тарячинов бороться с этим и засевать новые участки.

Власти совершенно не вмешиваются. Налогов за землепользование не взимают. Госпомощь отсутствует.

Несомненно, что при небольшой помощи в смысле руководства, выдачи более совершенных орудий и т.п., этот маленький оазис гобийского земледелия можно было бы значительно расширить. Запас воды имеется

большой, запас неиспользованных участков тоже немалый. Потребность же окружного населения в хлебе велика.

Байдарагские пашни - чрезвычайно отрадный оазис на фоне унылой галечной пустыни. Переход от этой последней к ярко зеленым пятнам посевов, раскинутым по берегам быстрой, светлой и глубокой реки, внезапен. С высот обрывистого правого берега долины (левый полог) открывается широкий вид. Равнина Озерной котловины на западе и востоке легкими волнами уходит за горизонт. На юге высятся стены мощных хребтов Гобийского Алтая, непосредственно, без всяких предгорий, встающие над красноватой пустыней. На вершине громады Ихэ богда виднеется пятно вечного снега. На севере же, полого подымается, усеянное каменистыми холмами, окраинное вздутие Хангайского массива.

Собрав образцы хлебов и почвы и выяснив все вышеизложенное, мы выехали обратно в Ламаин гэгэн. Сытые кони местных сомонов галопом несли нас по богатым степным долинам Хангая и до Ламаин гэгэна (около 225 верст) мы доехали в полтора дня.

* * *

3-го августа наш караван – 4 вьюка и 5 верховых (с проводником) – вышел из Ламаин гэгэна на юг. Не задерживаясь в малоинтересной и к тому же известной еще по Потанину местности, мы прошли большими 40-верстными переходами через предгорья Хангая и поперек Озерной котловины и остановились в самом интересном ущелье северного склона Ихэ-Богдо – Битютэн-ама.

Основная цепь Монгольского Алтая, весьма высокая на крайнем западе Монголии, где имеются мощные ледники и многочисленные снежные вершины, тянется далеко на востоко-юго-восток. Имея в своей центральной части несколько параллельных цепей, она почти достигает невысокими скалистыми хребтами восточной своей части меридиана Уланбатора. Сильно сниженная уже на меридиане Улясутая, цепь эта неожиданно снова достигает линии вечного снега в массивах Ихэ богда и Бага богда, снова снижаясь далее к востоку.

Ознакомление с альпийским поясом Ихэ-Богдо было второй задачей экспедиции.

Ущелье Битютэн-ама, как заслуживающее особенного интереса, уже посещалось исследователями. Так, в нем работал отряд экспедиции П.К.Козлова, в частности, орнитолог экспедиции - Е.В.Козлова. Кроме того, это ущелье посетил Зоологический отряд экспедиции по исследованию Северной Монголии РАН. Но, как видно по кратким отчетам и заметкам,

а также по расспросам местных жителей, исследователи эти не заглядывали в верховья ущелья, представляющие особый интерес. Мы же с большими трудностями добрались до истоков ущелья и пятен вечного снега.

Ущелье Битютэн-ама, являясь в своей верхней части продольным, раскалывает самую высокую часть массива надвое. Поворачивая далее к северу, оно становится поперечным и открывается в северную пустыню. Вершина ущелья – типичный ледниковый пейзаж с карами, мощными моренами и т.п. Растительность тут альпийская. Имеется даже небольшой лесок карликовой полярной ивы. Везде сочится вода, собирающаяся в шумную речку, бешено прыгающую по огромным ледниковым валунам. Стада яков привольно бродят по густотравным альпийским лугам, над которыми вздымаются оголенные скалы самого верхнего пояса. Разреженность воздуха, при высоте свыше 3000 метров абсолютной высоты, чувствуется сильно, особенно после пустынной и жаркой Озерной котловины. Свернув к северу, ущелье теряет ледниковый характер, сужается. Речка дико грохочет в глубоком и узком каньоне-коридоре с отвесными стенами до 15 метров высоты, пробитом ею в скале. Кое-где по закраинам лепятся тополя и отдельные экземпляры березы. В самом узком месте вода с шумом падает с пятисаженного уступа, образуя красивый водопад, окруженный отвесными стенами голых скал. Здесь уже к альпийской растительности примешиваются элементы горно-гобийской флоры. Еще ниже каньон кончается, ущелье расширяется и склоны его принимают типичный гобийский характер. По выходе в пустыню многоводная речка быстро теряется в толще слоя горных выносов.

Таким образом, в ущелье Битютэн-ама можно наблюдать на пространстве каких-нибудь 10-12 верст переход от гобийской флоры к типично альпийской. Только в этом ущелье нами было собрано около 100 видов растений, характеризующих этот переход. Отмечу наличие, столь характерной для альпийских лугов запада, горной индейки (хойлык).

Окончив обследование Битютэн-ама, мы перевалили массив Ихэ-Богдо одним из [его] самых высоких перевалов (Сэпсул даба). С соседней перевалу вершины открывается вид на гребень массива, представляющий собою высокое, широкое и плоское альпийское плато, изрезанное глубокими щелями ущелий. Ихэ-Богдо является как бы конденсатором осадков и, хотя в окрестной пустыне стояла засуха, пока мы были в пределах этого массива, нас мочили обильные дожди или обволакивали тяжелые дождевые тучи. Спустившись по южному склону массива, где нами отмечено большое количество тарбаганов, мы одним большим переходом по пустыне достигли местности Лэг и там задержались надолго.

Здесь в Лэге также имеются монгольские пашни, во многом отличающиеся от байдарагских.

Давность лэгского земледелия, как и на Байдараге, большая. Все эти гобийские очаги земледелия местное предание приписывает некоему Цаган бар гуну, жившему давно, еще до Чингиса. В те времена воды в Лэге было значительно больше, так что Цаган бар гун мог обработать значительную площадь. В настоящее время площадь пашен невелика.

Почва глинистая, лессового характера, сильно истощена на поверхности и при отсутствии удобрения и несовершенной обработке земледельцы применяют залежную систему, возвращаясь к определенному участку каждый пятый год. Иначе говоря, ежегодно пустует 4/5 всех пашен. Кроме того, здесь, как и на Байдараге, общее количество пашни год за годом уменьшается. Причин этому несколько: засоление (очень неравномерное), паводки, нехватка воды и т.п. Удобной для посевов целины нет, так как вся пригодная под пашню площадь когда-то засевалась.

Сеют ячмень и безостую пшеницу. Последнюю меньше. Определенной смены сева обоих культур нет. Обработка та же, что и на Байдараге. Плуг еще примитивнее байдарагского. Тяга – верблюд. Высевают оба вида одновременно в II-м месяце монгольского счета, жнут в начале августа. Вегетационный период, по мнению тарячинов, равен 120 суткам.

Все работы на пашне, имеющие круговое движение, производятся не “посолонь”, а против солнца. Значение этого обычая мне объяснить не сумели.

Вся пахота и вода Лэгин гола принадлежат Ламаин гэгэнскому хиду. Местные жители засевают, если хватит воды, оставшиеся пригодные клочки. Монастырская пашня делится на две половины: лично гэгэнскую и чжасы Дуйнхор дацана. Вне монастырской пашни собственности на землю нет. Водой частные лица пользуются после поливки монастырского поля. Обрабатываются монастырские пашни местными жителями, работающими добровольно за харч: на 10-15 чел. два барана и небольшое количество зерна. Ламы – доверенные монастыря приезжают на время вегетации и уезжают, собрав урожай. В 1927 году было собрано всего около 700 пудов зерна. Весь хлеб с ламских пашен идет на нужды монастыря. Вследствие засухи, население в этом (1927) году на Лэге редкое, а на юг и юго-запад вообще никого нет.

* * *

Оставив груз и двух спутников на Лэгин голе, я с Джергалом поехал налегке, на сменных лошадях, в хуриэнь Юм бэйсэ, отстоящий от Лэга по

прямой линии на 150 верст к западу. Поездка эта выяснила характер местности внутри треугольника Ихэ-Богдо, Ихэ-Баян цаган и кум. Йосту бэйсэ. Начиная от Лэга, местность к западу все повышается. У юго-западного подножья Ихэ-Богдо течет речка Цаган гол, по которой также видны следы пашен Цаган бар гун'а. Местные жители прекратили посевы в 1926 году из-за нехватки воды. Таким образом, этот очаг земледелия следует считать угасшим, може быть, временно. Западнее Цаган гола небольшие пустынные долины перемежаются мелкими группами холмов и горок, причем, местность все повышается. На севере один за другим открываются хребты Алтая: низкие Нарин хара, Таряту, затем высокий Баян цаган и далее – длинный вал Гичигэнэ-нуру. Незначительные гряды южной ограды описываемого треугольника повышаются к западу и Юм бэйсэ лежит у южного подножья уже значительного хребта – Бай баян ундур. Верхний угол треугольника западнее меридиана Юм бэйсэ значительно поднят над уровнем моря и характеризуется степной флорой, а из животных – тарбаганом и цаган цзэрэ. Хребты Гичигэнэ-нуру и Баян цаган отличаются сглаженностью вершин и полуальпийским характером флоры. В северных ущельях Гичигэнэ-нуру кое-где попадается лиственница. Это - ее восточная граница в Монгольском Алтае.

Курень Юм бэйсэ лежит, таким образом, на грани области высоких степей - к северу от него, и равнин Центральной Гоби - к югу.

Вследствие засухи пустыня к югу от Юм бэйсэ в 1927 г. была совершенно безлюдна. Собрав нужные мне сведения, мы вернулись в Лэг.

3-го сентября экспедиция вышла из Лэга на юг и двумя 50-тиверстными переходами достигла хребта Нэмэгэту, находящегося, как указано выше, в средней параллельной цепи Гобийского Алтая. На пространстве этих 100 верст мы не встретили ни одного человека: засуха выгнала всех к высоким горам.

В горах Нэмэгэту, впервые после Лэга, мы встретили людей. Экскурсии в этом хребте задержали нас дня на три. Горы Нэмэгэту заметно выделяются своей высотой среди ближайших хребтов той же цепи. Хребет этот неширок, но весьма крут и скалист. Лишь в самой высокой части, его вершины несколько сглажены и лишены скал. Из растений характерен можжевельник (арца), из животных – обычные представители фауны Гобийского Алтая: горный козел, аргали и барс, а из птиц любопытна горная индейка, в соседних хребтах не встречающаяся.

С вершин Нэмэгэту открываются поистине необъятные горизонты. В некоторые стороны видно не менее, как за 200 верст.

Перевалив горы весьма крутым (особенно с юга) и каменистым

перевалом, мы вышли в следующую к югу долину-желоб и увидели крайнюю южную цепь Гобийского Алтая, именно: горы Тосоту, Ноян богда и Дэнг. Пересекши долину, мы остановились на северной окраине первого из этих хребтов. Здесь мы простояли восемь дней, ожидая из хошунного управления верблюдов для дальнейшего следования. Я охотился и добыл для нашей зоологической коллекции несколько хороших экземпляров горного козла. Охота за этим красивым зверем настолько же увлекательна, сколь и трудна. Держится янгер (монгольское название этого козла) исключительно по самым труднодоступным скалам. Коричневато-серая окраска его шерсти делает, подчас, целое стадо козлов совершенно незаметным среди темных от пустынного загара скал. Янгер чуток и осторожен, а лазание по скалам и осыпям требует большого физического напряжения и иногда небезопасно.

* * *

Из гор Тосоту экспедиция вышла по двум направлениям: моих трех спутников и груз я направил на восток, в соседние горы Ноян богда, а сам налегке, с двумя местными жителями, на пяти верблюдах, направился в длинный разъезд на юго-запад, в самые дикие местности Центральной Гоби.

Пересекши горы Тосоту наискось, мы вышли к западной оконечности этих гор, на окраину Центрально-Гобийской впадины.

Центральная и вместе с ней Южная Гоби занимают громадный район, лишь северная окраина которого входит в территорию МНР. Границами этого района служат: на севере - Гобийский Алтай, на востоке – большая излучина Желтой реки, на юге – заселенная полоса пров. Ганьсу, протянувшаяся у северного подножья Нань-шаня, на западе - пустыни Хамийская и Джунгарская и, разделяющая их, восточная оконечность хребта Тянь-шань. Стекающая с ледников Нань-шаня река Эцзин гол, оканчивающаяся близ границы МНР двумя озерами, делит весь район на две половины, разные по характеру. В западной части преобладает галечная пустыня, весьма маловодная и пересеченная несколькими большими грядами гор и холмов (Цаган богда, Бэй-шань и пр.). Восточная же часть, особенно в своей южной половине, весьма богата сыпучими песками. Местами имеются настоящие песчаные моря. Гор в этой половине почти нет или они незначительны. Лишь на восточной границе вздымается громада Алашаньского хребта.

Местность к югу от гор Тосоту и Ноян богда представляет собой пологую, пустынную, весьма маловодную покатость к озерам-испарителям Эцзин гола. Последних два: Сого-нур и Гашун нур. Но об Эцзин голе и

этих озерах ниже.

С южного склона гор Тосоту я увидел синеющий далеко на юго-западе зубчатый силуэт гор Цаган богда, по прямому направлению к которым мы двинулись. В этой части пустыни не был еще ни один исследователь. Пустынная растительность, очень хорошая в этом году в районе гор Тосоту и Нэмэгэту, в верстах 40 от Тосоту как-то сразу исчезла. Мы шли по совершенно голому галечнику. Лишь кое-где торчали полузасохшие пустынные кустарники. Жизни – никакой. По дороге мы пересекали гряды мрачных, черных холмов и обожженных солнцем скал. Воды не встречали на пространстве 70 верст. Ближе к горам Цаган богда, мы впервые увидели старые следы одиноких диких верблюдов.

У ключа Бильгэхи встретили первых на этом пути хуланов. Придя к северному подножью Цаган богда, мы стали на ключе Сучжи.

Чрезвычайно дикий и скалистый массив Цаган богда является крайним к востоку хребтом длинной (до 300 верст) цепи, протянувшейся в широтном направлении. Последовательно к западу отдельные звенья этой цепи носят названия: Хуху тумурту (сливается с Цаган богда), Цзара хайрхан, Ата богда, Дугай хайрхан и далее Ата богдаин-нуру.

Цепь эта исследована лишь частично Ладыгиным (Камская экспедиция П.К.Козлова 1899-1901 г.г.) и мной (в истекшем году). Ее крайная западная треть совершенно неизвестна. Также неизвестна, за исключением узкой полосы Ладыгинского маршрута, и пустыня к северу, а главным образом, к югу от этой цепи. Колоссальные пространства представляют собою совершенную *terra incognita*, по которой бродят дикие верблюды да изредка, неведомыми путями, проезжают шайки разбойников – обитателей южной окраины пустыни, с целью грабежа пограничного населения Халхи.

На ключе Сучжи мы простояли три дня. Интересно было наблюдать почти первобытную жизнь фауны этих мест, небогатой, правда, в этом году количеством особей: в засуху большинство крупных животных укочевывает в более благоприятные места. К ключу среди бела дня подходили табунки хуланов, аргали, со скал пришло стадо козлов. Охотились мы, почти не выходя из палатки.

К удивлению, я нашел около ключа следы небольших плантаций. Проводник рассказал мне, что в начале этого столетия в Цаган богда пришло несколько партий китайцев, осевших по некоторым ключам и занимавшихся, главным образом, разведением мака для получения опия. Следы этих плантаций имеются на ключах (кроме Сучжи), Эхин гол, Шара хулусун, Цаган булаг и Тоорой шанда. Последние три мною посещены. Выгнал китайцев из этих глухих уголков Джа-лама.

От Сучжи мы прошли к западу еще около 100 верст, причем, за исключением 25 верст, шли по совершенно незнакомой проводникам местности, пользуясь схемой съемки Ладыгина. Проплутав немного и переночевав раз совершенно без воды, мы добрались до ключа Цаган-Бургусун, где остановились на несколько дней. До Цаган-Бургусуна дорога шла у северного подножья горы Хуху тумурту. На пути мы видели свежие следы медведя, водящегося в небольшом количестве в этой горной цепи. Чрезвычайно интересен факт нахождения медведя в совершенно гобийской по характеру местности. О наличии этого зверя здесь сообщал еще Ладыгин. К сожалению, нехватка воды помешала розыскам зверя, а далее свежих следов мы уже не встречали.

Урочище Цаган-Бургусун и, лежащий в 15 верстах далее, к западу, Шара хулусун, куда я также съездил, представляют собой удивительно отрадные уголки, среди окрестной пустыни. Порядочные ключи, рощи тополей, заросли камыша и тамариска резко контрастируют с унылыми окрестностями. В Шара хулусуне камышовые джунгли подчас почти непроходимы для человека и достигают вышины в 3 метра. Попадаются тополя свыше двух обхватов в толщину. И все-таки, места эти совершенно безлюдны, хотя лет 20 тому назад там и кочевали халхасы. Зверства Джаламы и несколько лет засухи отпугнули кочевников от этих привольных мест. Через Шара хулусун проходит дорога из Юм бэйсэ в Ань-си и далее через Цайдам – в Тибет. Кроме того, в последнее время здесь стали ходить караваны из Гучена и Баркуля на Хуху хото.

Подробно ознакомившись с обоими урочищами, я повернул назад, сделав внутри гор небольшую петлю.

Не доходя Сучжи, мы перевалили на южный склон хребта и остановились в урочище Цаган булаг, у южного подножья массива Цаган богда. На юг лежала совершенно неизвестная местность. Видно было понижение с громадным тойримом (дно временного озерка) посредине, а дальше – целый ряд неведомых холмистых гряд. Свежие следы диких верблюдов у следующей воды (Тоорой шанда) вызвали поездку верст на 30 к югу, безрезультатную в смысле охоты, но ознакомившую с уголком неизвестных пространств. И в этой дикой пустыне я увидел урочище, весьма богатое тополями и тамариском, не говоря уже о саксауле. В роще тополей я нашел старый пень в 4 обхвата, высохший до полной белизны и невольно задал себе вопрос: “Чьим современником был этот гигант в молодости?”

От урочища Тоорой шанда, возвращаясь к горам Тосоту, мы сделали небольшую дугу к югу и прошли, не встречая воды, около 110 верст. На этом пути мы первый и последний раз встретили диких верблюдов и

добыли для коллекции прекрасный экземпляр старого самца-бура.

Дикий верблюд распространен сейчас в самых диких районах Центральной Гоби, Таримской впадины и Чжунгарской пустыни. В пределах МНР он изредка появляется на юго-западной окраине. Это настоящий пустынный житель, способный оставаться без воды весьма долгое время. Определенного узкого района обитания дикий верблюд не признает и бродит, где ему вздумается, проходя часто почти без остановок громадные пространства. Чрезвычайно чуток и осторожен. Раз вспугнутый, он несется с быстротою ветра и пробегает без остановки весьма большие расстояния. Поэтому охота на диких верблюдов весьма трудна. Очень немногие европейцы могут похвастаться тем, что видели или застрелили хабтагая (монгольское его название). Внешним видом дикий верблюд почти не отличается от домашнего. Осенью чрезвычайно жирен. Мясо и сало отличаются весьма приятным вкусом и нежностью.

Сделав от места встречи с верблюдами ночной переход по совершенно бесплодной пустыне, мы вышли через ключ Сэбистэй к населенным местам и, пройдя вдоль южного склона гор Тосоту по густо населенной халхасами полосе ключей и колодцев, дошли до лагеря моих спутников в горах Ноян богда.

* * *

Услышав от местных жителей о прибытии на Эцзин гол какой-то европейской экспедиции и желая пополнить результаты своей экспедиции некоторыми материалами по этому интересному оазису, я с М.А.Симуковой, взяв местного проводника, выехал 31-го октября из Ноян богда на Эцзин гол. Поехали мы совсем налегке и покрыли в три дня расстояние почти в 150 верст, отделяющее северный склон Ноян богда от ур. Торцо на Эцзин голе.

Путь этот пролегает по почти бесплодной галечной равнине, местами слегка всхолмленной и слабо покатой к эцзингольским озерам. Воды мало. Колодцы сосредоточены у подножья Ноян богда, а далее, на пространстве свыше ста верст, имеется (на нашем пути) лишь один колодец Балбырха, через который проходит южная граница МНР. Эцзин гол, таким образом, относится к Внутренней Монголии.

Под вечер 2-го ноября, идя по совершенно бесплодному галечнику, мы увидели, наконец, вдали высокие песчаные барханы окраины оазиса и светлую полоску озера Сого-нур, которое мы этим же вечером миновали. Озеро это имеет до 20 верст в поперечнике. Северный берег его пустынен и на его обрывах сложено высокое обо (Боро обо), служащее маяком для идущих с севера. К южному же берегу подходят камыши и заросли

тамариска дельты Эцзин гола.

Местное население – эцзин-гольские торгоуты – встретило меня как старого знакомого, весьма радушно. Знали они меня еще по экспедиции П.К.Козлова.

От ур. Торцо мы пошли вверх по крайнему восточному руслу дельты, имея слева широкую гряду совершенно бесплодных песчаных барханов. При малейшем ветре барханы эти начинают куриться и тонкий, чистый песок, их составляющий, пересыпается в направлении ветра.

На нашем же пути заросли тамариска, местами непролазные, сменялись рощами корявых пустынных тополей, обросшими тамариском барханами и покрытыми мелким тростником открытыми площадками. Пройдя за два дня около 50 верст, мы остановились в ур. Бухан хуб, среди красивых тополевых рощ. Место это находится недалеко от главного русла Эцзина - Ихэ гола.

Утром в шагах ста от палатки я заметил стайку фазанов. Красивые длинохвостые птицы, как курицы, копались в земле на совершенно открытом месте. Удачно подобравшись, я застрелил хорошего петуха. Несколько позже мы с проводником поехали в лагерь европейской экспедиции, расположившийся версты на 4 выше нас, на левом берегу Ихэ гола. Подъехав, мы увидели, живописно раскинувшийся в роще тополей на берегу реки, большой оживленный лагерь. На высоком флагштоке реял шведский флаг. Среди многочисленных палаток и нескольких юрт сновали люди. Начальником и организатором экспедиции оказался известный шведский путешественник д-р Свен Гедин. Во время завтрака за общим столом он познакомил меня с его сотрудниками. Разговор велся на немецком языке.

Экспедиция эта называется “Китайско-Шведской” и организована д–ром Гедином для исследования Центральной Гоби и Тянь-шаня, главным образом, в климатическом отношении. Для этого по пути следования экспедиции устраивается ряд временных метеорологических станций. Вышла экспедиция из Пекина весной 1927 года, прошла на Баоту, затем, через Урат аймаг и Алашань – на Эцзин гол. Отсюда экспедиция в дальнейшем двинулась на Хами, где и предполагала зазимовать. Дальнейший путь ее неизвестен.

Состав экспедиции – около 80 человек. Из них свыше 20 – научные сотрудники: шведы, немцы и китайцы.

Груз идет на экспедиционных верблюдах, число которых достигает 300.

Затем, д-р Гедин пригласил меня с женой назавтра к прощальному завтраку, так как 8-го ноября (дело происходило 6-го) было назначено

выступление его каравана в дальнейший путь.

7-го ноября, около полудня, мы вдвоем с женой верхом на верблюдах подъехали к лагерю Гединовской экспедиции. Костюм наш оставлял желать много лучшего, так как обносились мы изрядно.

Еще переезжая широкое русло Ихэ гола, в котором местами текла оставшаяся после половодья вода, мы заметили в лагере оживление. На берегу собралась группа сотрудников и стоял киносъемочный аппарат. Наш приезд был заснят на кинофильму. В лагере д-р Гедин показал нам прекрасно оборудованную метеорологическую станцию, которая проработает на Эцзин голе не менее года. Сотрудникам его я дал ряд сведений по географии западной Гоби, ее фауне и флоре. Лишь около заката солнца мы, сердечно распрощавшись с гостеприимным хозяином и его сотрудниками, уехали домой.

8-го мы с женой съездили к развалинам знаменитого "Мертвого города" – Хара хото, где сделали ряд характерных фотографий. Развалины отстоят от Бухан хуба всего на 16 верст. Дорога идет по пустыне с группами обросших тамариском барханов. Задолго до Хара хото на дороге попадаются черепки, видны следы оросительных канав, кое-где торчат субурганы и остатки построек. Когда-то, лет пятьсот тому назад, жизнь била здесь ключом.

Возвращались мы лунной ночью. Такая ночь в пустыне похожа на странную сказку. Бледные тени мертвенных корявых кустов саксаула, обрывы, похожие на развалины, развалины, похожие на обрывы, темные шапки барханов, стройные силуэты древних субурганов, бесшумная поступь наших верблюдов и тишина.

Обратно к Торцо мы шли руслом Дунду гола, чрезвычайно живописным, в особенности летом. Проведя день у хорошо знакомого торгоута Циндэ, мы, без особых приключений, старым же путем, достигли гор Ноян богда.

На Эцзин голе было еще тепло. Гобийский Алтай встретил нас пронизывающим ноябрьским северо-западным ветром, уныло гудевшим в голых зубчатых скалах. Верблюды для обратного пути были уже готовы и мы, вернувшись в Ноян богда 14-го ноября, 15-го выступили по направлению к Уланбатору.

Этот последний этап экспедиции мы шли быстро, не работая в дороге, так как ноябрьские морозы давали себя знать. Впрочем, особенно холодно было лишь последние дней 10. На восемнадцатый день пути наш караван достиг Уланбатора и мы, усталые, грязные и оборванные, в последний раз положили наших верблюдов во дворе Ученого Комитета. Было уже 3-е декабря.

* * *

Результат этой, почти пятимесячной, экспедиции сводится к следующему: обследован большой район юго-западной Гоби, частью в местах еще не посещенных исследователями; собраны для музея МНР зоологическая и ботаническая коллекции. В первой из них имеется ряд весьма интересных и редких экземпляров. Сделано много фотоснимков. Освещен ряд специальных вопросов, как например вопрос о земледелии в Гоби и др.

* * *

В заключение приведу несколько сведений экономического характера. Сведения эти касаются, главным образом, хошуна Гурбан сайхан, который я посещал последовательно в течение трех лет. Население южной полосы МНР нельзя назвать бедным, так как настоящих бедняков весьма мало. Разводят, главным образом, верблюдов, затем лошадей и, в небольшом числе рогатый скот. Сарлыков почти нет. Их можно встретить лишь в горах Гурбан сайхан и на ближайших к ним хребтах. Из мелкого скота много баранов и особенно (сравнительно с более северными районами) коз. Предметы сбыта – шерсть, главным образом, верблюжья, живой скот, овчины и козлины, пушнина (волк, лисица, барс). Торговли в районе почти нет, так как китайская за последние два года замерла, и население испытывает острую потребность в сбыте сырья и в товарах. Прежде местные жители сами ездили торговать в ближайшие центры Китая, теперь же это сильно затруднено. Для Гурбан сайхана наиболее удобный торговый пункт – кум. Байшинту. От Уланбатора до этого монастыря 20 дней спокойного караванного хода.

Архив Русского географического общества. Ф.18. Оп.3. Д.629

Подготовка к публикации и примечания
Т.И. Юсуповой (СПб филиал Института
истории естествознания и техники РАН)

Письмо А.Д.Симукова П.К.Козлову

Уланбатор-хото 15 февраля 1928 г.

Многоуважаемый и дорогой Петр Кузьмич!

Много виноват перед Вами за столь долгое молчание. Вы, наверное, получили мое письмо, посланное в конце июля из Ламаин гэгэна. Думаю, что Вам интересно будет узнать о результатах моей поездки по Гоби. С этого и начну.

Из Ламаин гэгэна мы обычной дорогой – вниз по Туйин голу – прошли к Ихэ-богдо. Минуя Орок-нор, я вошел прямо в Битютэн-ама, где и простоял дней 5. С большим трудом, пешей экскурсией, мы прошли вдоль всего Вашего каньона и вышли в верховье Битютэн-ама, достигнув его истока. Этот участок ущелья – выше каньона – весьма интересен. Широкое ущелье – дно ледника, ясные морены, ледн[иковые] кары, дивный альпийский луг и пятна вечного снега на окружающих гребнях. Есть даже лесок карликовой широколистной ивы (не той, что в каньоне). Собрали довольно полный гербарий самого верхнего пояса, пофотографировали. В каньоне нашли прелестный водопад, метров до 8-10 высоты. Из Битютэн-ама мы прошли к перевалу Сэпсул даба, расположенному много западнее, чем Хусту-даба. Спускаясь по южному склону, прошли мимо Пунцук-обо. Я заехал на эту горку и видел Ваш ханский мавзолей[1)]. Взял схему, фото снять не удалось – гора была в облаке. Придя на Легин-гол, мы задержались там надолго. К юго-западу от Легин-гола пошаливали скотокрады с юга, население откочевало на север и восток.

Прямо на Шара хулусун меня везти отказывались. Чтобы все поподробнее выяснить, я, оставив караван в Лег'е[2)], налегке съездил в Юм

1) П.К. Козлов посетил Пунцук-обо (Пунцэн-обо) 6 июля 1926 г. См.: Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. СПб., 2003. С.877-879.

2) Так в тексте.

бэйсэ и Йосту бэйсэ (к югу от *SW* оконечности г. Гичигэнэ-нуру). Пересек маршруты А.Н. Казнакова[3)] и В.Ф. Ладыгина[4)]. Местные монголы еще помнят их и очень хорошо отзываются. Вернувшись, я собрал подробные данные о Легин-гольском земледелии, оказавшемся весьма и весьма древним, доставшимся монголам по наследству (об этом еще у Потанина, Ганьсуйское путешествие[5)]). Далее я прошел в Нэмэгэту. Долго задержаться в этом интересном хребте не пришлось – я торопился дальше. Видел там уларов. Перевалив эти горы, мы остановились в горах Тосту. Здесь я направил свой караван в Ноин-богдо, а сам с двумя проводниками-охотниками легким разъездом двинулся к г. Цаган-богдо, в места, теперь небезопасные.

К сожалению в тех краях, т.е. в Цаган-богдо, была сильная засуха, что мне сильно напортило в деле сбора зоолог[ических] коллекций. Верстах в 50 к юго-западу от Потанинского пересечения г. Тосту есть ур[очище] Чоный-боом - группа песчаных барханов с саксаулом и тамариском. В этом урочище мне повезло: я добыл прелестный неповрежденный экземпляр *Salpingotus*'а, выкопав его из едва заметной, засыпанной им изнутри, норки. Не буду утверждать, что это *S. Kozlowi*, т.к. пойманного Колей в Хара хото плохо помню[6)].

Дойдя до Цаган-богдо, я пошел вдоль северного склона Хуху-Тёмирты к Шара хулусуну. Проводник знал дорогу лишь до Хурун-дэль-худука (см.

---

3) Казнаков Александр Николаевич (1871-?) – помощник П.К. Козлова в Монголо-Камской экспедиции 1899-1901 гг. До революции директор Кавказского музея в Тифлисе. Описание маршрута А.Н. Казнакова см.: Казнаков А.Н. Мои пути по Монголии и Каму / Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899-1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907. Т. II. Вып. I. 136 с.

4) Ладыгин Вениамин Федорович (1860-1923) – участник Тибетской экспедиции (1893-1895) В.И. Роборовского и Монголо-Камской экспедиции (1899-1901) П.К. Козлова. С 1912 старший коммерческий агент КВЖД в Харбине. Описание маршрутов В.Ф. Ладыгина см.: Ладыгин В.Ф. О пресечении Гоби от Далын-туру в Су-чжоу. Вести из экспедиции П.К. Козлова // Изв. ИРГО. 1900. Т. XXXVI. Вып. II. С.169-197; *Он же*. Поездка на верховья реки Урунгу (Булугун). Вести из экспедиции П.К. Козлова // Изв. ИРГО. 1900. Т. XXXVI. Вып. I. С.47-66.

5) Имеется в виду Третье Ганьсуйское путешествие Г.Н. Потаниа 1884-1886.

6) Еще во время Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова 1907-1909 гг. недалеко от Хара хото удалось поймать редкий экземпляр тушканчика. Позднее, обрабатывая коллекции экспедиции, зоолог В.С. Виноградов установил, что тушканчик представляет новый вид и род. Он назвал его именем П.К. Козлова (Salpingotus Kozlowi).

Ладыгинскую съемку), поэтому далее мы шли с некоторым риском, руководствуясь грубым изображением Ладыгинской съемки на сорокаверстке. Одну ночь ночевали-таки голодом[7], совсем без воды, после 50-ти верстного перехода. Видели следы медведя. К сожалению, вероятно вследствие засухи, медведей в этом году к востоку от Шара хулусуна почти нет. На громадном расстоянии мы встретили следы всего 2-3 особей. Поэтому несмотря на все старания и поиски мы даже не видели гобийского мишку. С неделю стояли в Цаган-Бургусуне, откуда я съездил посмотреть Шара хулусун. Усердно ловил грызунов, но попадались (кроме *Gerbillus*'ов 2 видов) лишь два вида: короткохвостый хомячок и длиннохвостая мышь. Оба вида в камышах.

Добыли очень интересную антилопу, редкую в Ц[ентральной] Гоби. Монголы называют ее «ада-боро». Я подумал: не Нань-шаньская ли ада – *Procapra picticauda*? Очень похожа на хара сульту (убит самец), но меньше последней. Окраска: светлее, желтее хара сульты и темнее, рыжее цаган цзэрэ. Хвост черный.

На обратном пути вышли на южный склон гор. В общем Хуху-Тёмирты меня несколько разочаровали. За исключением Цаган-Бургусуна и Шара хулусуна, они почти ничем не отличаются от, скажем, Ноин-Богдо. Особо интересных птиц не отметил. Наличие медведя еще ничего не говорит, т.к. по словам монгол он держался в большом числе лет 20 назад, а м.б. и сейчас держится, в горах Этэрингиин-нуру, а лет 30 тому назад попадался в диких участках Тосту. На обратном пути мы дали крюк в дикую пустыню к *SO* от Цаган богда, где и встретили на 110-верстном безводном перегоне прошеных и моленых диких верблюдов. Удалось добыть громадного старого бура в очень хорошем виде. Взял шкуру и полный неповрежденный скелет. Дикий верблюд тех мест ничем не отличается по величине от домашнего.

Благодаря этой охоте наши верблюды не пили 4 дня. В населенные места мы вышли около ур. Кобдэн (Потанин) к югу от Тосту. За весь разъезд не видели ни одной юрты, ни одного монгола.

Заехав в Оботэн-хурул, я приехал в свою базу, стоявшую около Гурбан тушемила. Не задерживаясь в Ноин-Богдо (вернулся я туда в конце октября), снова оставив свой караван, я с женой поехал на Эцзин гол. Был там у Циндэ (помните «хуху-Циндэ»[8]?). Вспоминали Вас.

Проехав на нашу старую стоянку в ур[очище] Бухан хуб, мы побывали

---

7) Так в тексте.

8) Монгол Цэндэ (Циндэ) в мае-июле 1926 г. был проводником в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова.

в гостях у Свена Гедина[9], уже полтора месяца стоявшего на Ихэ-голе. Принял он меня, как Вашего спутника и ученика, прекрасно. Мы с женой были приглашены к официальному завтраку. Гедин показал нам свою мет[еорологическую] станцию, которая проработает на Эцзин голе не менее года. Экспедиция у него очень большая – около 80 чел[овек], из них свыше 20 научных сотрудников, и до 300 верблюдов. Вышел он из Пекина, затем Бауту, пересек Алашань, мимо Хара хото пришел на Эцзин гол. С Эцзин гола он вышел 8 ноября и должен был через Мацзуншань и Бэйшань выйти на Хами, где и зазимовать. Небольшую партию, во главе с геологом, он направил северным путем, вдоль Хуху-Тёмирты, но удался ли этот план – сомневаюсь, так как для громадных совершенно безкормных и безводных переходов в этой местности его верблюды совершенно не годились. Они были в отвратительном состоянии – совершенно без горбов. Собирался он работать в Тянь-Шане, а дальнейшие его планы неизвестны. Главное внимание у него обращено на метеорологию. Почти на каждом переходе пускаются привязные баллоны для изучения верхних слоев воздуха. Насчет сбора естественно-исторических коллекций у Гедина дело совсем швах. Занимается этим делом врач экспедиции, имеющий очень туманное представление о препаровке[10] и совершенно не знающий фауны и флоры Гоби.

О Вас Гедин говорил очень тепло. В его экспедиции участвуют в качестве научных сотрудников и китайцы – они были, очевидно, навязаны ему. Да и вся экспедиция носит название «Китайско-Шведской», хотя китайские деньги там и не участвуют. Так вот, китайцы-археологи предложили Гедину поработать в Хара хото. Он ответил: «Хара хото – открытие и собственность моего друга, знаменитого путешественника Козлова, и я в его городе работать не буду»[11]. Гедин просил предать Вам

---

9) Гедин Свен Андрес (Hedin, Sven Anders) (1865-1952) – известный шведский путешественник, исследователь Среднего Востока и Центральной Азии: Персия, Восточный Туркестан, Тибет, Китай, Монголия.

10) Так в тексте. Имеется в виду «препарирование».

11) Первый раз П.К. Козлов попал в Хара хото в марте 1908 г. во время Монголо-Сычуаньской экспедиции. Произведя обследование древнего города и небольшие археологические раскопки, путешественник отправился далее по запланированному маршруту. В мае 1909 г. экспедиция П.К. Козлова произвела вторичные археологические раскопки. В этот раз находки превзошли все ожидания: в одной из культовых построек – субургане, получившем название “знаменитый”, П.К. Козлову посчастливилось найти богатейшую коллекцию, содержащую тысячи книг и рукописей на тангутском, китайском, тибетском и уйгурском языках, сотни скульптур и икон, святыни из буддийских храмов и т.п. Материалы из “знаменитого” субургана позволили ученым восстановить

наилучшие пожелания и сердечный привет.

Вообще сейчас, минуя Пекин, работать в населенных местах Китая невозможно, особенно по археологии, так как вышел закон о запрещении иностранным экспедициям работать без ведома научных учреждений Китая и о запрещении вывоза исторических и археологических ценностей. Выпускаются лишь дубликаты.

Съездив в Хара хото - я пробыл там всего часа 2-3 – мы вернулись в Ноян богда и на следующий же день, 15 ноября, тронулись в обратный путь. Идя большими переходами, без дневок и не работая в дороге, мы Вашим путем, через Хошун хит на Онгиине, на восемнадцатый день пути были в Уланбаторе. Это было 3 декабря. О нас здесь очень беспокоились и собирались искать.

Помимо подробного дневника (120 таких, как эта, страниц), я привез 20 шкур с черепами, около 15 грызунов в спирту, несколько экземпляров пресмыкающихся, до 300 листов гербария (200 видов) и 80 характерных фотографий. Птиц почти не собирал, привез лишь десятка полтора-два экземпляров и интересных среди них нет. Лучший экземпляр – эцзин-гольский фазан.

Вот вкратце ход и результаты моей Гобийской поездки. Обошлась она в 2000 тугр[иков].

С тех пор, как я получил в начале лета Ваше письмо, много воды утекло, многое переменилось. Самое главное тут то, что если бы Вы пожелали бы снова видеть меня в рядах Вашей новой экспедиции, - мне пришлось бы отказаться. Причин этому много, самого различного свойства. Очень нелегко было мне придти к такому решению, вместо того, чтобы дожидаться весны с мыслью о Тибете. Но… ничего не поделаешь. Мне только очень не хотелось бы, чтобы это мое решение вызвало бы в Вас неприязненные чувства ко мне. Просто такова моя судьба. Грустно мне будет, когда Ваш караван пойдет на юг, но что-же делать?

Все это не помешает мне с удовольствием выполнить Ваши поручения, если таковые будут. Мне очень хочется снова увидеться с Вами, показать свои работы, услышать Ваши советы, получить подкрепление к дальнейшей работе. Ведь я – всецело Ваш ученик и таковым и останусь.

Сюда откуда-то проникли сведения, что Вы будете в Урге уже в апреле. Верно ли это?

Из Тибета новостей не слышно. Сообщения почти нет. Нет известий и

историю забытого тангутского государства Си-Ся, просуществовавшего около 250 лет (982-1227 гг.) на территории современного северного Китая. Третий раз П.К. Козлов был в Хара хото в июне 1926 г.

о Рерихе[12], хотя м.б. Вы знаете о нем уже из иностранной печати. Донир[13] сидит на старом месте. Ему (по письму Коти) я о Вашей экспедиции сообщил. Как идет разборка Ваших материалов? Много ли еще нашли нового?

Старые товарищи меня не забывают. Получил письма от В.А., Васи, Коти, Коли[14]. Как здоровье Елизаветы Владимировны? Ваших детей?

Вы же наверное чувствуете себя сильным и бодрым, вновь облеченным доверием Правительства и общества. Подготовка к новому подвигу идет, вероятно, полным темпом.

Кажется, сказал все, что хотел сказать в этом письме.

Передайте, пожалуйста, мой глубокий поклон и лучшие пожелания Елизавете Владимировне. Привет Владимиру Петровичу и Ольге Петровне, если они еще помнят меня.

Миля просит передать Вам ее лучшие пожелания в успехе подготовки к новой экспедиции. Надеемся проводить Вас из Урги лично.

Ваш А. Симуков

P.S. Долг свой Вам (100 тугр[иков]) я уже давно внес на Ваш текущий счет в Монголбанк. Квитанции не посылаю, боясь утери.

---

12) Рерих Николай Константинович (1874-1947) – художник, путешественник, инициатор движения в защиту памятников культуры. С 1916 г. жил в Финляндии, США, с 1927 г. в Индии. В сентябре 1926 г. во главе Центральноазиатской экспедиции прибыл в Ургу, где пробыл до апреля 1927 г.

13) Донир (дхонир, dhonir) – представитель правительства Далай-ламы XIII в Урге.

14) Имеются в виду члены Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова: Василий Андреевич Гусев, Василий Михайлович Канаев, Константин Константинович Даниленко, Николай Владимирович Пржевальский.

(АИГМ №105, машинопись) **1928 г.**

А.Симуков

Дневник Хангайской экспедиции 1928 года

14/VII

Уже давно приехали мы в начальный пункт моего путешествия – Цэцэрлиг. Из Уланбатора мы тронулись около полудня 30-го июня. Этой дорогой я ехал уже четвертый раз - дважды проскакал я этот путь на уртонских, оба раза зимой, и один раз на машине, осенью. Но только теперь я ясно представляю себе весь этот путь. По жаре и духоте пыхтела наша машина через лога Шара хуб, легко катилась по широким долинам к Толе. На берегу Толы, около моста, мы и заночевали. На следующий день, пообедав на Харухе, мы уже в темноте достигли Орхона около перевоза. Утро 2-го июля было занято переправой через Орхон. Кроме того мы сидели в грязи и поэтому до Цзаина не доехали, остановившись в сумерках в уреме Урду Тамира. Место было выбрано очень удачно. Урема в этом месте напоминала парк со старыми тополями на ярко зеленом газоне. Утром 3-го без труда переехав Тамир, мы очень скоро доехали до Цзаина. Там узнали, что наши стоят на Тамире, много ниже Цзаина, в уреме. Повернули обратно и, проехав верст 9, добрались до наших майханов. Доехали они в общем благополучно. Только на уртоне Аргал, ночью во время сильного ливня у них украли большие богсоны с моими сапогами и ичигами. Кроме того у <...> обнаружился сифилис, и я был вынужден отправить его обратно. В Цзаине замены подыскать не мог. Из Цзаина отправив караван С.А., мы съездили на машине в Эрдэни цзу и сделали несколько мелких экскурсий в окрестностях Цзаина. Вчера около 10-ти часов мы выбрались из Цзаина. Перевалив небольшой перевальчик, ведущий из города к мойкам, мы свернули на <...> и стали подниматься на Халцзан даба. Подъем сносный, но очень длинный. Падь эта (Убур халцзангиин ама), знакомая мне по предыдущим экскурсиям, имеет почти прямое направление. Правая сторона немного облесена. Лес мелкий, частью молодой. Лиственница, береза, ива. Левая сторона крута и обнажена. По тальвегу верхней половины пади – заросли ивы, местами густые. Тальвег ступенчат. В верху пади прекрасная трава. Очень многие

растения еще в полном цвету. По зарослям близ перевала много старых кабаньих роек. Самый Халцзан даба – плоская седловина. Соседние вершины поднимаются над дабаном не намного. Дорога через Халцзан мало разъезжена. Здесь же проходит телеграфная линия. С седла перевала открывается широкий вид. На юге - долина Урду Тамира с резко выделяющейся полосой тополевой уремы. За ней густо облесенные горы, среди которых высится выдвинутый к северу от магистрали голец Субурга хайрхан. Сама магистраль Хангая чуть видна. На севере же совершенно прямая падь идет к долине Хойту Тамира, где также виднеется полоска древесной уремы. На горах, подымающихся к северу от последней реки, лес заметен лишь кое-где.

Спуск с Халцзана оказался крутым и весьма каменистым. Спускаться пришлось очень осторожно и все-таки один воз перевернулся. Заваленная камнями и размытая дорога зигзагами вела по хорошему лиственничому лесу. Подлесок – береза и ива. Спустившись, мы сейчас же выехали из леса и поехали по довольно широкой (1 км) долине Ара халцзангиин ама, направляясь к Хойту-Тамиру. В верху долины жителей нет, но видны один-два убульчжона. Очевидно, зимой прикочевывают с Хойту Тамира. Трава хорошая, местами, особенно под лесом, вполне пригодна для косьбы. Примерно на середине между Халцзаном и Хойту-Тамиром в Халцзангиин-ама впадают справа и слева большие пади. Левая - Шибиртэ отворот с Гурбан даба, правая Арцатаин ама идет от Цаган даба. Последняя в вершине дает 2 ключа (помимо основного), берущих начало от Цзаинских скал. Из них, нижний значительно больше верхнего. Оба склона круты, с густыми сиверами. Левая падь также лесиста. Вообще, к западу от Халцзана полоса леса на водораздельном хребте обоих Тамиров быстро ширится. В правой пади, несколько выше ее слияния с главной, стоит маленький дугун.

Около слияния разбросано много (аилов 8) юрт. Выше же мы отметили только 2. И здесь трава, несмотря на относительную удаленность от леса, хороша. Под косу, правда, почти не идет. На версте от перевала мы выехали в долину Хойту Тамира и повернули на запад, вверх по течению, держась правого (по течению) бока долины. Урема реки - та же, что и на Урду-Тамире. Горы к югу от долины круче, ближе подступают к долине, нежели северные. Последние почти безлесны (убур) и довольно сильно размыты. Слева же все время виден лес, растущий небольшими лиственничными сиверами на подходящих по крутизне и экспликации склонах. Степь много беднее, нежели в южных падях. Много <...>. Но вообще – плоховато. Это и понятно, так как все время видны юрты. Через некоторое время минуем уртон Цзаны хошу. По долине кое-где есть

болотца. Дорога скверная, через несколько верст (долина сужается до 1 км) открывается широкая долина речки Улэнтэй, правого притока Хойту Тамира. Так как выше Тамир делает изгиб, и поэтому дорога, направляющаяся в Цэцэн ван, уходит вверх по Улэнтую, то свернули и мы. Проехав болото на выходе этой речки в долину Тамира, мы стали подниматься по левому краю долины, постепенно удаляясь от самой речки. К югу от нас верстах в 6-7 виднелся высокий, густо облесенный хребет – основной водораздел обоих Тамиров. Над тайгой высились одна-две гольцовых вершины. Видны были узкие, крутые пади. Улэнтэй начинается именно в этих горах. Против устья Улэнтэя на левом берегу – Хойту Тамира длинным обрывом выступает останец левого протока, покрывавшего когда-то почти все пространство современной долины реки в широком смысле. Об этом свидетельствуют многочисленные останцы далее вверх по реке. Поднявшись на пологий перевальчик между Улэнтэй и широким логом Бахан булаг, мы увидели два озерка: Доод нур и Аршанту. Первое лежит в полукилометре южнее дороги в пади Улэнтэй, второе же у самой дороги, в Бахан булаге. Спустившись немного с перевальчика, мы, весьма заинтересованные близостью густой тайги и гольца, решили ночевать под лесом и свернули напрямки туда. Несколько степных увалов заставили-таки наших лошадей попыхтеть порядочно. В Бахан булаге две группы юрт. Против него на Тамире тоже примерно 5-6 аилов. Растительность бедновата: степь (ксерофитная), сильно потравлена скотом. С последнего увала мы увидели лиственничную урему левого истока Улэнтэя – Сумэтэ гол (?). Стояли у уремы, близ быстрой, каменистой речки. Я сейчас же побежал на охоту. Шел уремой, несколько раз переходя речку. Очень скоро увидел козу, но стрелять не стал. Видел старые следы изюбрей. Далее я увидел гурана, которого и свалил одним выстрелом. Вспомнив старину, завьючил его на себя и уже в темноте, вернулся в лагерь.

19/VII

Решил дневать, чтобы ознакомиться с характером тайги. Чухломин на рассвете ушел по зверю, я же занимался всякими мелкими делами и фотографией. Около полудня он вернулся и сообщил, что видел свежие следы стада изюбрей, голов около 7, из них два быка, но найти зверей не мог. После обеда мы пошли оба. Я направился гребнем и прошел по нему верст 5. По дороге убил инзагана, приняв его за кабаргу. Видел помет кабарги, многочисленные старые кабаньи ройки и пару копалух. Пофотографировав, вернулся домой очень густым сивером следующей к западу небольшой падушки. Чухломин рассказал, что видел зверей, но

помешал ветер, подувший к ним. Рога на этот раз добыть не удалось.

Эти две-три экскурсии дали мне довольно ясное представление о характере здешней тайги. Отличием от Хэнтэя является узость лесной полосы, т.е. небольшое (по горизотали и вертикали) расстояние между ксерофитной степью сбегающих к Тамиру мысов и гольцовыми вершинами. Затем замечательно (хотя и не ново для меня) отсутствие сплошных кедровников. Кедр встречен мною в виде отдельных экземпляров кое-где по крутым сиверам. Под самым гольцом он также, по-видимому, лишь примешан к лиственнице, являющейся таким образом единственной массовой породой деревьев хангайской тайги в этом месте. Чухломин подметил еще одно отличие – отсутствие "толстых грив" столь характерных для Хэнтэя, т.е. узость гребней, разделяющих крутобокие пади.

Хвойных, кроме лиственницы и кедра, нет. Из лиственничных отмечена береза, ива, осина. Даже на окраине леса действие рук человека незаметно. Тайга совсем нетронута. Качество леса большей частью очень хорошее: деревья рослы. Много молодой поросли. Из-за нее и валежника лес часто образует густые чащи. Кое-где видны участки увалов, большей частью очень крутых. В верхних областях нередки россыпи. На более выгодно эксплицированных склонах хорошо и обильно растет лесная трава. Брусничник (чистый) отмечен лишь в очень темном сиверу. Крупные обитатели леса уже почти перечислены. Весь этот хребет, осматриваемый с какой-либо высокой точки, представляется довольно солидным, хорошо облесенным хребтом. На восток, к Цзаину, полоса леса быстро сужается. На запад же лучше не заглядывать. Огромные гольцы постоянно окутаны облаками и там очень часто идет дождь.

19-го числа, довольно поздно, мы выбрались с нашей приятной стоянки дальше. Поехали по малозаметной дороге по лесной опушке. Поистине любезные места! Небольшие лога. Редколесье, в котором ярко-розовыми пятнами выделялись сплошные поросли иван-чая, прекрасная трава и ровные покатости, которые так и хочется распахать. Народу нет. Все на Тамире. Ближе к Цэцэн вану стали попадаться порубки, но крайне незначительные. Переехали небольшой ключ Шара булун. Поднявшись на небольшой перевальчик, увидели Цэцэн-вангин-хуриэ. Оставив караван идти по прямой дороге мимо куреня, я сам поскакал туда. Заехав в п[ервичное] отд[еление] МНЦК, я познакомился с зав[едующим]. Андр [еем] Вас[ильевичем] Хмылевым – и кое о чем его расспросил.

На вопрос о сенокосах он мне убежденно сказал, что таковых отвести невозможно. Все тамирские монголы кочуют зимой под лесом и понемногу учатся косить сами. В Улэнтэе расположены сенокосы Ветотдела и МНЦК.

Касательно земледелия. У него успевают созреть ячмень и картофель. Последний иногда мерзнет.

Охотников в округе мало и, несмотря на обилие изюбря, пантов в продажу поступает очень мало. Причина – отсутствие хороших ружей и относительное благосостояние населения, т.е. отсутствие импульса к охоте. Тарабагана он собирает до 8 тысяч. Относительно дальнейшего пути, он посоветовал заглянуть в вершину Хойту Тамира. Рассказал о золоте близ уртона Цзун модо (р. Хурымыйн-гол). В верховье Тамира, по его словам, много аргали и янгеров. Невдалеке от куреня, на г. Баян цзурихэ есть ежи. В округе в этом году порядочно змей. Несколько лет тому назад в окрестностях Гурбан даба нашли коренной зуб мамонта. Находили и клыки. В Цэцэн-вановском курене считается свыше 2000 лам.

Очень интересно, что местные жители называют плоские гольцовые вершины словом “таг” <...>. Цирк (Хэнтэйский “дуг”) именуется просто “биту”. Для главного хребта есть выражение “кюбчу”. Последнее, впрочем, требует проверки.

Пока я был в курене, караван, идя все время правым краем долины, пересек речки Халтыр и Ангархай, миновал хуриэнь и остановился верст на десяток выше последнего и выше пади Сумэтэ. Покончив с расспросами, я быстро покатил разыскивать своих. Проехал мимо куреня. Храмов не очень много и все они смешанного тибето-китайского стиля. Строится новый большой субурган. Вот и все, что можно сказать об этом монастыре при беглом обзоре. Самое место для монастыря выбрано очень удачно. Расположен он на террасе левого берега. Позади него – амфитеатр обнаженных каменистых гор. Перед ним широкая (до 2-х км) долина Хойту Тамира с богатой зеленой уремой вдоль самой реки (тополь и ива). По лугам раскинулись многочисленные аилы. Везде оживлено. По ту сторону долины вздымается мощный лесистый вал хребта, разделяющего оба Тамира. Вал этот увенчан гольцом Хан ундур, на вершине которого простым глазом хорошо видно обо (хошунное). В хребет уходит целый ряд падей, частью глубоких и длинных (Халтыр, Ангархай), частью пологих и коротких. На западе, близ поворота Тамира, виден мощный отрог главного хребта с большими гольцовыми полями и двумя цирками. К востоку же горы постепенно снижаются, мельчают.

В этот же день я для увязки своей съемки, съездил на крутую горку Хайрхан, возвышающуюся между падями Улалцзай и Худжиртэ, напротив нашего лагеря.

На склоне этой горки, в камнях видел <...>. С вершины открывается широкий вид на ближние окрестности. Все, за исключением высоких

гольцовых гряд, зелено. По широкой долине причудливо извиваются рукава Тамира, частью покрытые пышной уремой.

Вдали белым пятном выделяется хуриэ Цэцэн вана. Это на восток. На юге лиственничные леса спускаются почти к самой долине. К Ю.-З. от Хан ундура виднеется мощный голец Сумэтэ ихэ.

У подножья Хайрхана по болотистому лугу извивается небольшая речка Худжиртэ, берущая начало в упоминавшемся выше мощном гольцовом отроге. По ее долине раскинулись многочисленные аилы, бродят стада скота и табуны лошадей. Вверх по Тамиру видно недалеко. Верстах в 12 от нашей стоянки находится слияние двух потоков Хойту Тамира – Хойту гола и Урду гола. Видно что долина сильно сужается, склоны ее становятся весьма крутыми. Вдали видны гольцы магистрали. На обратном пути я заехал в юрту и расспросил о названиях местностей.

20/VII

Утром, довольно поздно, я выбрался снова в хуриэ. По дороге обратил внимание на довольно большое могильное поле. Могилы двух типов: кэрэксуры (круглая насыпь, заключенная в квадрат) и плиточные погребения, часто с перпендикулярно поставленными плитами. Некоторые из последних могил снабжены хвостами – длинными линиями камней. Одну из них, наиболее ярко выраженную, я заснял. Все эти могилы широко разбросаны по широкой террасе, полого спускающейся к реке.

Приехав в хуриэнь и переговорив с Хмылевым я решил следующее: мы постараемся пробраться как можно выше по Хойту голу. Там переднюем. Поохотимся, затем я возьму проводника, сарлыков, и наверну по магистрали прямо к Эгин дабану. Чухломин же с телегами вернется обратно и пройдет через Улалцзай и Цзун модо к Галутэ, где мы и соединимся. Таким образом будет охвачена большая и широкая часть магистрали. Имея это в виду, я заручился бумагой от тамагана к цзангину Баян мандалиин сомона. Кроме того я нанял еще человека, Дугарчжапа, старика 52 лет, рекомендованного мне Хмылевым. Теперь будет легче. Расспрашивая одного молодого охотника я узнал странную вещь, настоятельно требующую проверки. Он уверял меня, что в районе истоков Тамира (о более дальних местах я не спрашивал) водится два вида горных козлов – “янгер” и “яма-гурес”. Отличаются они по рогам (у последних самки чуть ли не комолые) и даже по окраске. Может быть возрастные отличия? Будь это в действительности – открытие. Дэльта хара в округе нет.

Заснял я сцену приемки шерсти. После полудня надвинулась туча, разразившаяся грозой, весьма сильным дождем и градом. Дождь, с

небольшими перерывами, продолжался весь вечер, и я вернулся в несколько подмокшем виде. Не пришлось снять общую фотографию хуриэ, как я собирался.

Здешний тамаган производит довольно приличное впечатление. Бумагу мне выдали скоро, в моих заданиях разбираются хорошо. Есть партийные. Хмылев довольно высокого мнения о здешней общественной жизни.

Весь вечер и всю ночь лил дождь.

21/VII

Дождь продолжался и утром. Анероид упал. Скверно. Я съездил немного вверх, чтобы выяснить местонахождение цзангина. Какой-нибудь верстой выше нас в уреме появляется лиственница. Бока долины, еще довольно широкой, делаются весьма крутыми. По самой долине больше камня.

Вернулся под дождем. Дождь с небольшими перерывами, наворачивает все время. Решили не ехать. Подъехал наш старик. Как будто ничего.

А вообще плохо. Теряем день за днем, все мокро и сыро, боюсь за пленки. Тамир все вздувается. Ни снимков, ни коллектирования. Скверно, только и дела, что писать дневник. С утра, впрочем, барометр стал подыматься. Может быть хоть завтра будет несколько лучше. Такие прекрасные места пропадают для нас из-за дождя совершенно зря.

Поездка в Эрдэни-Цзу

Эту поездку я сделал вместе с Кондратьевыми на нашем автомобиле. Выехали мы 6-го[1)] после полудня. Тамир переехали выше Цэцэрлига. Долина этого последнего внизу широка и сильно заболочена. Урема отсутствует. Несколько выше на крутых склонах ее появляется лес. Около самого впадения этой речки в Урду-Тамир возвышается небольшая горка с обо, называемым Алтан обо. Урема Тамира в этом месте великолепна. Здесь я сделал пару снимков. За Алтан обо мы выехали на нашу старую дорогу и покатили по ней до перевала в долину Ара нур. Там мы оставили старую дорогу влево и поехали вверх по долине. Низ этой долины болотист, много <...>, верх сух. Внизу, ниже дороги, имеется два озера. Вверху – одно, небольшое. На нем мы заметили пару лебедей. Вскоре после небольшого перевальчика, миновав огромный кэрэксур, мы спустились в небольшую котловину к ключику, на котором и заночевали.

1) Имеется ввиду 6 июля 1928 года (*прим. сост.*).

Первый лес был верстах в 4-х к югу от нас. Корма дорогой были плоховаты.

На утро 7-го мы двинулись дальше. Миновали ур. Шара булаг и поднялись на невысокий здесь водораздел Тамир – Орхон. Спустившись с него мы оказались в виду речки Хусыин гол, оставшейся вправо. Дорога повела стороной, поперек увалов и сухих логов. Низом ехать грязно. Дорога идет все время степью, хотя к югу от нас граница леса проходит не более, как в 10 км. С высоких гребней увалов видны гольцы магистрали Хангая и густооблесенные горы между нею и нами. Хусыин гол берет начало не так далеко к югу от нашей дороги. Нам видно было место впадения этой речки в Цаган сумэин гол, левый приток Орхона. Постепенно приближаясь к последнему, мы пересекли падь Улан худжир и выехали к мон. Бэйсин хуриэ, расположенному на левом скате долины р. Цаган сумэин-гол. Монастырь Цаган сумэ остался южнее нас. Из за гор мы его не видели. Простояв около монастыря час (С.А. и М.И.Кондратьевы осматривали его), мы поехали дальше. Переехали незначительную речку Цаган сумэин гол и далее держались правого края ее долины. Пересекли устья нескольких падей. Название запомнил лишь одно – Тэмэ хуцзу. Все пади вверху облесены. Впереди расстилалась широчайшая долина Орхона. Миражом маячили развалины Хара балгасуна. Доехав до этой долины, мы свернули вправо, вверх по Орхону. Эрдэни цзу был уже недалеко. Авто шел по покатой террасе-бэлю. Внизу, в зарослях ивовой уремы, шумел Орхон. Перед самым монастырем пришлось одолеть несколько корявых оврагов. Наконец мы достигли монастыря. Так называемый Новый Эрдэни цзу или Цзугыин сумэ расположен на высокой террасе левого берега Орхона, почти над самой рекой. Ворота его обращены на восток. Сзади его обступают крутые горы, в распадках которых заметны заросли кустарников и небольшие лиственничные рощи. Через Орхон, напротив монастыря, выстроен мост. Стройка китайская, довольно основательная. Часть его недавно была снесена разливом. После этого были построены мостки, очень неосновательные, которыми до сих пор и пользуются. Старый монастырь лежит примерно в 3,5 км к востоку от нового, на степи. Верстах в 3-4 выше нового монастыря Орхон выходит из гор. Далее видны большие леса – <...> оконечность Хангайского лесного массива. Напротив нового монастыря видны остатки старых оросительных сооружений – большая дамба. В постройках обоих монастырей видно много осколков молотильных валов и жерновов, пошедших в кладку. Когда-то дело здесь было поставлено, несомненно, широко. В настоящее же время единственное оросительное сооружение – это канава питающая водой старый монастырь. По поводу этой канавы

мы и ездили в Эрдэни цзу. Побывав в старом монастыре, мы свезли наши вещи на телеге к головному участку канавы и проработали там вечер и утро следующего дня (8-го). Затем осмотрели старый монастырь и, переночевав в новом, 9-го вернулись в наш лагерь на Тамире. Эта поездка помимо прямого задания, выяснила характер местности в этой части угла Тамир – Орхон и <...> границу лесных насаждений. Кроме того, увидев нижнюю часть обширного плацдарма долины среднего Орхона (у Угэй нура) мы взглянули и на верхнюю его часть. Если бы исследование почвы этой Орхонской равнины подтвердило бы возможность широкого развития земледелия на ней, то рельеф места выхода реки из гор допускает сооружение капитальной плотины. Корма около монастыря были плохие.

22/VII

Утром выступили не очень рано. Погода сносная. В полуверсте от лагеря свернули в падь Мухур. Немного поднявшись по ней, мы повернули вправо, на седловину между Мухуром и местом выхода пади Хутугиин ама в долину Хойту Тамира. Обращает внимание обилие погибшего леса. Виноваты тут гусеницы и, может быть, короед. Трава средняя. Много <...>. Несколько плиточных погребений. Одно из них с камнем – "куию" посредине. Хутугин ама - очень узкая и крутобокая падь, берущая начало под гольцом Сумэтэ ихэ. По мнению Чухломина [здесь] должно быть золото. Монголы сообщили, что здесь раньше копал золото какой-то русский, сделал даже кое-какие постройки, но ничего не вышло. Частью помешала подпочвенная вода. За Хутугиин ама долина Тамира несколько расширяется. Левый берег занят высокой террасой, полого спускающейся, а затем круто обрывающейся к современной речной долине. Не есть ли это остаток конечной речной морены? Тем более, что выше ясно выраженных остатков таковой нет. Корма плохие. Внизу, у реки, два аила. Река по-прежнему обрамлена густой уремой. Кстати, забыл упомянуть, что после длительного (свыше суток) дождя вода в русле, около которого мы стояли, прибыла на 80-100 см. Почти напротив Хутугиин ама в Тамир с левой стороны впадает рч. Шибиртэ, начинающаяся под гольцом Шибиртэин-таг. Лесу в ней немного и растет он почти отдельными сиверами. Вообще, по левой стороне Тамира в этом месте, а также, несомненно, и выше, лесу немного. С правой стороны, напротив террасы, тоже плоховато. С террасы мы спустились к бельчиру двух истоков Тамира: Хойту и Урду голов. Расспросив, узнали, что подыматься Хойту голом, как я хотел вначале, невозможно, или почти невозможно. По Урду голу же идет тележница. Кроме того нам пришлось бы пережидать спада воды, т.е. не менее суток.

В тот момент вода подходила под седло средней лошади. Я решил ехать по Урду голу. Напились чаю, запрягли, двинулись. Очень скоро миновали Баян мандал-обо, оригинальную острую сопку, увенчанную обо, близ вершины которой выступает пласт из какой-то твердой породы с отвесными боками. Вулканический или нет? Цвет не темный. Напротив обо мы переехали речку (Урду гол) и поехали вдоль уремы. Я заехал в сомон, но никого там не застал. Потом, догнав караван, послал туда Дугарчжапа, дав ему документы и определенные инструкции относительно подвод. Караван же продолжал двигаться дальше. Ехали левой (по течению) стороной речки. В версте от брода через нее на стрелке – террасе между Урду голом и Шибиртэ (это уж другая) строится новый дугун. Живет хубилган, приехавший из Пурбу гуна, через Цзаин.

Место выбрано красивое, так как Шибиртэ – очень красивая речка, хотя и короткая. Далее, все выше и выше, стали попадаться элементы высокогорного ландшафта: худосочный лес (все-таки сплошная лиственница), мох и окатанные большие камни в русле. А правая сторона – увалы, часто непосредственно переходящие в альпийскую зону. Дело шло к вечеру. Береговые морены как будто сильно разрушены (если только это они). Видели гурана, пересекшего нашу дорогу – спугнули с кормежки. Миновав крутой мысок, мы вышли к широкой боковой морене, образовавшейся в углу крутого изгиба Урду гола. Место довольно типичное в смысле “моренного” ландшафта. Неправильные бугры, усеянные окатанными камнями. Тополь в уреме исчез еще до мыса. Остались заросли кустарника. С правой стороны (по течению) – голые крутые скалистые сопки. Заночевали мы на рч. Цзамтэ, на километр выше слияния ее с рч. Улятуй. Ниже слияния она принимает название Урду гол. Долина Улятуя у слияния перегорожена огромным моренным нагромождением, через которое речка прокопала себе выход. Морена эта сооружена ледником Цзамтэ, достигавшим, по-видимому, огромных размеров. Около слияния [речек], сопки правого берега переходят в совершенно плоский голец. По левой стороне над мореной подымаются невысокие скалистые сопки. Самая долина болотиста. Урема – кустарниковая. Как только караван остановился, мы с Чухломиным побежали на охоту, в разные, конечно, стороны. Я поднялся на лесистую стрелку Цзамтэ – Улятуй. Лес (сплошь лиственница) дикий, много мшистого камня. Деревья в массе малорослы, невысокого качества. Часть леса поражена гусеницами (черные, мохнатые, небольшие). На каждом дереве их сотни. Попадаются крутые кочковатые лога без воды. В лесу старые следы изюбря. А вообще довольно мертво. Лишь когда уже начало темнеть, я спугнул на опушке большую козу. Приняв ее за гурана,

застрелил. Разделал и принес домой. Чухломин видел пару манулов. Вечером за веселым разговором досидели до 12. Дорога за этот день была приличная, лишь небольшой участок около мыса был довольно плох. Цзамтэ - большая речка. Вообще реки северного склона гораздо основательнее таковых южного.

23/VII

Утром встали поздно. Сделал несколько фотографий. Васька добыл <...> и какого-то чеккана. Птица в плохом пере - линяет. Около полудня приехал цзангин с помощником. Собралась куча местных жителей. Гвалту было сколько угодно, но все было по-хорошему. Улу распределили. Проводника дали отличного. Поеду все-таки не хребтом, а севернее, с заездами в верхушки речек. Уехала вся публика не скоро. Двигаться смысла не было и я решил заночевать на старом месте. Вычертил съемку. Приехал проводник с ракушкой. Я узнал у него целый ряд названий хребтов и падей. Из вершины Улятуя дорога (колесная) ведет через Хамар даба к дугуну в вершине Урду Тамира. Колесная дорога по Цзамтэ переваливает в Ара ухуг (система Утаин гола). Последний аил выше нас на 2-2,5 км. Разговаривали о местной жизни. Раньше население истоков Хойту Тамира было боевое. Частенько случалось воровство. Воровали почти все. Теперь затихло. Воровством славится лишь округа Цзаина.

Аргали и янгеров в истоках Цзамтэ мало; ранее их было гораздо больше. Хойлыков тоже немного, водятся они здесь лишь в самом верху. Изюбри летом часто ходят по самым гольцам уходя от леса очень далеко.

Утром Чухломин бегал на охоту, искал манулов, но так ничего и не нашел. Кроме всех дел, мы отобрали необходимое в разъезд. Дзангин рассказал, что недалеко, в одной из падушек Улятуя есть хрусталь, белый и дымчатый. Кроме того какие-то буряты ковыряли и другие цветные камни, какие именно – выяснить не удалось. Днем прошел дождик.

24/VII

Утром стали помаленьку собираться. Перед выездом я съездил на бельчир, сделал несколько засечек. Снял моренный ландшафт. Тем временем караван выехал. Проехали верст 8 вверх по Цзамтэ и стали немного выше ур. Халцзан. Против нашей стоянки, на левом же берегу Цзамтэ находится прекрасный пример “баранего лба” ледникового происхождения. Ледник Цзамтэ был очевидно весьма солидной мощности - до сотни метров во всяком случае. Выше этого лба также находятся сглаженные ледниковые скалы, но все это менее ясно выражено. Вскоре

подъехала ула – 2 человека и 5 лошадей. Завьючились и поехали. С собой я взял Чухломина. Васька с Дугарчжапом остались в лагере. Переехав речку, поехали правой стороной ее долины, под лесом. Несколько выше по речной гальке урема – ивняк.

Верстах в 3-4 долина поворачивает к югу. С угловой морены открывается широкий вид на нее почти до самого верховья. Картина довольно оригинальная. В вершине плоское троговое дно долины сжато почти отвесными высокими утесами, совершенно голыми. Вершины их плоски. Ниже долина расширяется до 0,5 км, даже больше. По закраинам с левой стороны появляется лес, растущий узкой полоской. Лес виден и выше, в устьях узких ущелий. Ровные склоны долины ближе к повороту понижаются. Горы по обеим сторонам реки здесь совершенно плоски. ⌴- образная долина как бы врезана в плоскогорье. По дну долины и по ее закраинам везде видны моренные отложения. За поворотом мы продолжали двигаться левой стороной долины (дорога идет правой), по обомшелой, кочковатой морене. Миновав лог Ангархай с речкой, текущей с гольцового плоскогорья, мы остановились на бурной речке Мухур хуштэ, вершина которой уходит в узкую щель между высокими гольцами. В вершине ее есть немного кедра, откуда и название (*хуш – по-монг. кедр - сост.*). Лесов тут совсем немного. Малорослая лиственница лепится узкой полосой. Трава прекрасная. Чуть выше лагеря в узкой щели речка образует водопад, небольшой, но очень красивый. Высота падения примерно метра 4. Я прошел немного по гребню, отделяющему нижнюю часть ущелья Мухур хуштэ от долины Цзамтэ. В лесочке видел следы кабана (лежка и помет). На самом гребне крохотное озерко. Около него я поднял козу. Надвигался дождь, и я вернулся в майхан. Чухломин ушел охотой вверх по речке. Вернулся поздно и ничего не видел. Вечером лил сильный дождь. Пелху, старик охотник, рассказал мне, что по крутым лесистым скатам ниже поворота долины (мы видели там скалы и крупную россыпь) водится много кабарги. Местные охотники бьют ее по снегу. Способ охоты довольно оригинальный. Идут двое. Подняв кабаргу с лежки, один из них гонит ее по следу, тогда как другой садится где-нибудь невдалеке от лежки. Спугнутая кабарга делает небольшой круг и снова возвращается на старое место. Здесь ее и стреляют. Бьют здешние монголы и кабанов для еды. Все верховье Цзамтэ совершенно безлюдно. Зимой кочевки отдельных аилов доходят до Хоцзогор хайрхана – на несколько верст выше Мухур хуштэ.

По словам Пелху отдельные части водораздела Урду- и Хойту-Тамиров называются следующими именами: Улэнтэин оно (верховья Улэнтэя), Сумэтэин нуру (сюда входит Халта булу (?) и Хан ундур), Хара-

чулуиный-нуру, Чжирхэ нуру, Чжарантай, Хамар дабаный-нуру, Цзайтангиин нуру. Хамар даба – в истоке Улятуя.

Здесь же выпишу названия боковых падей и притоков Урду Тамира и Туйин гола. Моя съемка в 1926 г. страдает отсутствием имен. Выше дугуна с левой стороны в Урду-Тамир впадают следующие пади (считая снизу вверх): Хоримцук, Чиндамани, Доод булаг, Дунду булаг, Дээд булаг, Хирхеро, Айахтэ, Доод хуштэ, Дунду хуштэ, Дээд хуштэ и Убур эмэл. С правой стороны (немного ниже дугуна) Соготэ, Хошиктэн (большой приток), Нарин, Мухур, Хуху даба, Ара мухур, Доод ара хуштэ, Хулюсай даба, Хульчотыйн даба, Гурбун даба и Убур хайрхан даба.

По Туин голу (считая за его исток падь Нам). Правая сторона: Нам, Хуху даба, Хулюсай, Ухуг, Дээд-, Дунду- и Доод чжиргаланту, Обоный ама, Баян-мото, Улцзэйту, Агойтэ (напротив мон. Даянчин хид), Урду нарин, Худжирийн гол, Хачиктэ, Бильгэхиин ама, все это до Эбдэрхэй балгасан.

Левая сторона: Ара нарин, Урду нарин, Цуслэн, Яматэ, Хашатэ, Убугун чжиргаланту, Ара булаг, Уртонты, Ихэ бугутэ, Ара бугутэ, Нарин, Хурум (против Тугэнгольского хуриэ), Бухтэ, Яман усу, Адун чулу, Ургэн хара усу, Шаргольчжуд.

Урочища Хара чулуту и Мухур эриг расположены на <...> склоне хребта Далангиин нуру.

Из животных пока (по мелочи) можно упомянуть весьма многочисленных сусликов, небольшое количество тарабаганов.

25/VII

Чуть стало светать, мы втроем (Пелху, Чухломин и я) поехали на охоту в ущелье Убур хуштэ. Поднимаясь вверх по Цзамтэ, миновали острую сопку Хоцзогор-хайрхан. Внизу гора эта чуть облесена. Подъехав к Убур хуштэ мы стали подниматься дном ущелья, правой стороной речки. После дождя накануне было здорово холодно. Влево от нас шла узкая полоска мшистого, малорослого леса. Справа подымался очень крутой, местами скалистый убур. По нему-то и должны мы были высматривать зверя. Тут могли быть и изюбри (об этом ниже), и козлы (*Capra*). Но как мы ни всматривались в темные еще камни и россыпи – ничего не видели. Тем временем светлело все больше и больше и наконец взошло солнце. Подымаясь все выше и выше, мы дошли, наконец, до верхнего края леса. Тут к лиственнице примешан в небольшом числе низкорослый, корявый кедр.

Погревшись у костра, мы решили посмотреть безлесную верхушку речки. Проехав еще немного вверх, я заметил в боковом ущелье 4-х

янгеров на кормежке. Попробовали мы с Чухломиным подобраться к ним, но было уже поздно и они пошли вверх. За ними полезли и мы. Высота здесь порядочная. Дышать при подъеме трудно. Сердце бьется сильно. Крутой подъем приходится брать медленно. А подъемы действительно из ряда вон круты. Мы так медленно подымались, что я был совершенно уверен, что козлы ушли далеко и лез просто для того чтобы ознакомиться с местом с высоты. Слышал хойлыков. Чухломин где-то отстал. Добравшись до гребня я довольно легко добрался по нему до плоской вершины гольца. Под растениями кое-где лежал снег, выпавший здесь прошлой ночью вместо дождя. Вид во все стороны открывался довольно широкий. На северо-востоке виднелся массив Сумэтэ ихэ, плоский голец Темен Чулуный таг. В сторону Улятуя виднелся низкий и плоский голец, вернее плоскогорье, Хочжеулыйн таг. На вершине этой я пробыл довольно долго. Растений порядочно, но все, конечно, маленькие. Часть собрал. Спускался вниз по крутейшей осыпи, с некоторой опаской. Чухломин мне рассказал, что ему на подъеме стало совсем плохо. Одолела одышка, затем закружилась голова и под конец рвота. Счел за лучшее спуститься. Отдохнув, мы поехали домой. На обратном пути я имел возможность еще раз подробно осмотреть это ущелье. Основные черты его: узость и крутосклонность, глубина, обилие воды (при длине всего версты 4-5 большая шумная речка), немного скал, обилие осыпей, узкая полоска низкорослого леса и прекрасная травяная растительность по дну ущелья. При солнце соединение цветистого луга, весело прыгающей по камням речки, небольшого леска и зеленых склонов давала удивительно приятную картину. Выехав из ущелья в широкую долину Цзамтэ, мы быстро прикатили домой, в Мухур хуштэ. Почти одновременно снизу подъехало трое охотников с Урду Тамира. Старший, еще молодой, вооружен берданкой. Они объехали Улятуй и выехали лесистым краем Хочжеулыйн тага сюда. Изюбрей нет. Стрелок он хороший. В округе славится. Снял их всех. Потом вместе поехали вверх. Они заехали в рч. Ара хуштэ, а мы поднялись еще выше и стали в устье рч. Хорог, следующей за Убур хуштэ. Сидя около огня Пелху заметил в бинокль на той стороне пару янгеров. Были они довольно высоко, в распадке. Я пошел, подойти близко не мог – не позволило место, промазал в 400 шагах, вспугнул стадо штук в 12 и еще несколько раз промазал. Так ни с чем и вернулся. Чухломин ходил вверх по Хорогу, видел утренних 4-х янгеров и тоже преисправно промазал. Хорог - ущелье, очень похожее на Убур хуштэ. Вообще здесь целый ряд смежных ущелий очень похожих друг на друга, отличаясь частностями. Хорог и Убур хуштэ с одной стороны, Ара хуштэ, Дабатэ хуштэ и Мухур хуштэ – с другой. Дождик нас не забывает: опять капал. Ночью было здорово

холодно - немногим выше нуля.

26/VII

Утром я просто не мог встать на рассвете. Послал Чухломина и Йондона вперед, с тем, чтобы они осмотрели ущельице Хасахтэ, следующее за Хорогом. Сам же выехал позже. Встретив их у выхода ущелья, мы поехали вместе на перевал Цзамтэ. Дорога на перевал уходит в следующее за Хасыхтэ ущелье левой стороны. Ущелье довольно большое. Одна из его вершин упирается в кар под высоким гольцом, другая же ведет довольно крутым подъемом на перевал. Трудная, каменистая, местами крутая дорога идет косогором, местами по голой осыпи. По обеим сторонам скалы. Выйдя в седло между двумя соседними перевалу вершинами, тем же самым дорога эта выходит на обширнейшее гольцовое поле, во много десятков кв. верст. Тут дорога поворачивает к югу, пересекает невдалеке от выхода на плоскогорье исток рч. Шара цохеный гол, и снова проходя по гольцовому полю, спускается к рч. Ара ухуг (сист. Уты, исток Дашидогунской речки). Шара цохеный гол также принадлежит к системе Уты. Отсчитав перевал, я полез на соседнюю ему сопку. С вершины открылся обширный вид. Но о нем ниже. Собрал немного растений. Интересна находка того же вида <...>, что и в самом верхнем поясе Ихэ богда. Собрал его листа два. Сняв кое-что, повернул вниз, наметив себе для подъема наивысшую в окрестности гору. Подъехав до истока Шара цохеный гола верхом, я отправил спутников домой с тем, чтобы кто-нибудь привел бы мне коня в вершину Цзамтэ (прямой [путь] перевальное ущелье называемое Убур Цзамтэ), куда думал спуститься. К вершине я подымался довольно долго, идя краем кара. Отсчет анероида дал 501, Дикие картины! Суровые осыпи, отвесные обрывы скал, полная тишина. Летает ягнятник. Что он может найти в этом суровом месте? Кроме него по гребню перелетают пестрые чекканы и серые седоголовые вьюрки типа <...>.

Есть кое-какая растительность. С вершины этой открывается весьма поучительный вид на Хангайскую магистраль. На запад тянется огромное гольцовое поле, почти ровное. По линии водораздела оно переходит в невысокий относительно поля гребень, круто обрывающийся, большей частью карообразными обрывами, в глубокие ущелья северного склона. Его разделяет текущая в западном направлении рч. Шара цохеный гол, одна из составляющих р. Цаган туруту. Обогнув гору Бурин хан, она поворачивает к югу и исчезает с поля зрения за порядочным массивом, общего имени которому нет. Напротив вершины Цзамтэ, в гораздо более пологом и широком ущелье, нежели последняя, берет начало рч. Ара ухуг,

образующая ниже, верстах в 15-20 от истока оз. Хоримту нур. Близ озера на эту речку выходит дорога, ведущая через перевал Цзамтэ. Таким образом Ара ухуг как бы составляет южную границу этого плоского нагорья. В просвет между горным нагромождением в районе истока р. Ара чжиргаланту (1926) и массивом около Бурин хана виден кряж Далангиин нуру (Хара чулуту, Мухур эриг, Сучжи), чувствуется впадина Ологоя, скалистый кряж на левом берегу Утаин гола, г. Баян хонгор. На западе гольцовое поле частью обрывается к истокам Цаган туруту, а близ водораздела переходит в высокую гряду, повидимому, самую высокую в этой части Хангая. Довольно сильно пониженную магистраль пересекает в этом месте мощная гряда, проходящая между Чулуту и Хойту Тамиром с одной стороны, и Цаган туруту и Байдарагом – с другой. На вершинах в центре этой гряды видны пятна снега, не тающего, по словам монгол. Северная оконечность этой гряды – истоки Худжиртэ, близ Улалцзая. Далее к северу водораздел этот сильно снижается. На юге же плоская гряда обрывается немного севернее широты Дашидогуна. На восток и юго-восток виден запутанный лабиринт высоких гор, среди которых чувствуется долина Урду Тамира. Виден Субурга хайрхан. Истоки Урду Тамира (Хулюсай, Хульчотыйн и Хайрхан дабаны) вплоть подходят к истоку Цзамтэ. На севере видны плоские “елани” Хочжеулыйн тага (между Улятуем и Цзамтэ) и водораздела Цзамтэ - Хойту гол. “Еланью” здесь называются обширные плоские гольцовые вершины, болотистые и покрытые приличной травой. Помечу здесь же, что термином “булу” обозначаются округлые отдельные гольцовые вершины. Далеко вдали виднеется гора Баян цзурихэ и массив Сумэтэ ихэ, резко выделяющийся среди окрестных гор. На вершине я провел довольно много времени. Спускался сначала по гребню, а затем по узкому распадку. Везде здесь масса воды. В каждом маленьком ложке бежит ручей. Ниже осыпей в каждом почти распадке прекрасный альпийский луг. И везде вода, вода и вода. Выйдя из распадка я увидел на противоположном склоне Цзамтэ любезного Пелху с парой коней, преважно сидевшего в Чухломинском дождевике и рассматривавшего в бинокль соседние склоны.

Чуть вздохнув, я поехал вверх к перевальчику Эмэлиин даба, ведущему в исток Урду Тамира. Через перевальчик этот ездят лишь охотники, да иногда проходят легко завьюченные яки, так как короткий подъем на него очень крут. В сущности это просто выемка в крутом боку ущелья Цзамтэ, всего в 1,5 км от истока последнего, ведущая коротким ущельицем в крайний западный исток Урду Тамира, близ Хайрхан даба. Отметив его высоту и высоту тальвега под ним, я с Пелху быстро покатил домой. Усталый, я рано лег спать.

Цзамтэ даба зимой закрыт вследствие обильного снега наверху, на гольцовом поле. Дорога по этому полю идет очень долго, верст 15-20 и очень плоха: камениста и болотиста. Близ перевала мы с Чухломиным видели стаю белых куропаток (<...>). Из стелющихся кустарников отмечу иву, березу особого вида, арцу и можжевельник.

27/VII

Утром решили ехать обратно. Чухломин ходил на охоту, видел гурана. Я тоже побродил немного – видел беляка. Прошел хороший дождь. Вследствие этого выбрались мы поздно. Сидя в майхане, я расспрашивал Пелху кое о чем. Вот что рассказал он о здешнем изюбре. Изюбри здесь круглый год передвигаются. Ревут они, спустившись для этого в лесной пояс, в сентябре месяце. После рева большая часть их уходит в истоки и держится осень и всю зиму по крутым скалистым увалам верхних речек (вроде Убур хуштэ). Потеряв там же весной рога, они спускаются снова в леса, где и держатся в чащах до наступления летних жаров, когда обильный по лесам гнус выгоняет их в верхние пояса. В это время они ходят по самому водоразделу, бродя по еланям наравне с аргали, часто довольно далеко от леса. Во время дождей, когда становится несколько прохладней, изюбри спускаются к лесу и охотно держатся по маленьким перелескам близ границы леса. Так проходит лето. А к реву они снова спускаются в леса. Пантовать здесь начинают с 8-го числа первого летнего месяца, кончают к первому августа. На пантовку выезжают обычно вдвоем, втроем и больше, до 7-8 человек. Плохие охотники или не имеющие ружей, часто служат в удобных местах загонщиками. Добыча делится поровну. Если стреляют на крутом увале, стараются попасть по полому месту, в противном случае от рогов часто ничего не остается. Солонцов (мара) в округе очень мало. На них не сидят, а ездят высмотром. При этом залезают верхами на самые высокие елани. Оружие – главным образом кремневки. Берданки редки. Район летнего хода любого изюбря очень велик, так как он не стесняется высоких хребтов. За последнее время повысился спрос на сухой рог, который покупают по числу салан. Вследствие этого многие выезжают весной на поиски упавших рогов, которые ищут по скалистым увалам. Отчасти и это загоняет изюбря весной в чащу. Поиски рогов начинаются примерно с 20-го числа последнего весеннего месяца и продолжаются по конец первого летнего. Инзаганы появляются в начале июня. Матки прячутся в это время по чащам. Быки часто и летом ходят компаниями по 2-3, видели и по 6 голов вместе. Каждый охотник с удовольствием вспоминает свои прежние поездки за пантами.

Гуран (здесь его так и зовут, самка - узур) кочует гораздо меньше. Но и он, спасаясь от гнуса, уходит наверх. Далеко от леса почти не попадается, придерживаясь летом верхней границы последнего. Гон бывает в первом осеннем месяце. К речкам козы летом не спускаются, а кормятся часто на открытых увалах. От гнуса спасаются большей частью в густых ивняках. Коз бьют монголы редко, предпочитая гурана. Из кожи шеи делаю хорошие ремни.

О белке. Оказывается обилие белки осенью, монголы приписывают тому, что она падает с неба! Действительно, трудно объяснить появление ее в большом количестве в таких небольших отдельных колках, как например, Хорог, Убур и Ара хуштэ. Охотятся за ней усердно, но без собак, высмотром. Все-таки в очень обильный год добрый охотник бьет до 15 штук в день. Особенно обильна белка в истоках Улэнтэя.

К полудню дождь прекратился, и мы легкой рысью вместе с вьюками направились обратно. Замечу, что урема (ивняк) по речке начинается примерно с поворота. Относительно геологии надо сказать, что верховья – сплошь кварцит (?). Напротив Мухур хуштэ из-под кварцита показывается гранит. Кварцит лишь прикрывает его нетолстым слоем, да и то не везде. Вниз гранит идет далеко, почти до кумирни. На таборе все оказалось в порядке. Немного поработав, я поехал в аил. Заехал сначала к Йондону, а затем к Пелху. Последний рассказал мне о кочевках и прочем. В этом месте стоит 11 аилов. Сам Пелху кочует от Баян мандал обо и вверх почти до Хоцзогор хайрхана. Вверху – зимой. В районе кочевки корм съедается весь. В самом верху не кочуют, так как скот не может ходить по столь крутым убурам. А альпийский луг дна падей невкусен, не подходит. Насчет сенокошения. Внизу косить негде. Вверху же косить стоит лишь тогда, когда трава в цвету. Но в это время как раз идут дожди. Кроме того скошенное сено обязательно перегрызут мыши, обратя его в труху. А мышей, действительно, много. Поздно же косить не стоит, так как тогда именно эта формация теряет всякий вкус. Словом, с сенокосом плохо. Кочуют несколько раз в году, но в очень узком районе.

Относительно снабжения – товаров довольно, хватает. Публика вообще ездит мало. Муку и пшено достают с Селенги, т.е. свое. Соль везут из Дашидогунского района. Очень высоко ставят свое ближайщее начальство: цзанги и председателя партячейки. Партийных, вообще говоря, много. Разговор с Пелху мы запивали ракушей и расстались поздно вечером совершеннейшими друзьями. Парень он очень хороший.

28/VII

Утром я укладывался и писал письма. Около обеда вдвоем с Васькой

направился в новый разъезд, на истоки Хойту гола. Чухломин же должен был сейчас же после нас отправиться кружной дорогой на уртон Цзун модо, с заездом в Цэцэн ван.

Ачан на этот раз шел на двух сарлыках. От аила, где я несколько задержался, мы полезли прямо на голец, почти сплошь гранитный. Тропа идет краем небольшого лога, спускающегося с Цзамтэ. Вдоль лога тянется полоска леса. По логу болото. На самой вершине голец, гранитный в основе, прикрыт кое-где кварцитом. Поднявшись под дождем на самый верх, мы оказались невдалеке от верхушки пади Шибиртэ, падающей в Урду гол около дугуна. Чуть правее нашего пути, за Шибиртэ возвышалась косая плоскость гольца Тэмэн чулунэй таг, на котором разбросано несколько отдельных скал (*чолу [чулуу] – по-монг. – камень, скала – сост.*), от которых и название. После этого начался крутой спуск по узкой пади Арбульчжонэй ама. Левая ее сторона густо облесена. По прежнему сплошь лиственница. Падь красивая, с лужайками, скалами и поворотами. Внизу она расширяется. К вершине Тэмэн чулуней тага идет высокий каменистый увал. Выехав в широкую в этом месте долину Хойту гола, мы остановились в ивняке за рекой. Здесь смена животным и людям. Вверх по Хойту голу открывается очень красивый вид. Правый берег – крутые лесистые склоны, расчлененные небольшими распадками. Над лесом вздымаются округлые шапки гольцов. Выделяется красноватая вершина Улан булу. Левый берег – безлесные, каменистые, расчлененные падушками увалы, ведущие вверх к мощной гольцовой гряде. Верстах в 10-12 вверх видна развилка реки. Вечером опять шел дождь. Положительно, ни одного дня не обходится без дождя. Вечером приехал проводник в истоки Хойту гола, рослый охотник, очень обстоятельный и порядочный человек. Я долго с ним говорил о разных разностях.

Около нашей стоянки в долину с левой стороны вдается острый скалистый мысок. Название его – Цзурихэ хайрхан.

29/VII

С утра дождь. Выбрался я лишь с полудня. Ачан на двух хайныках. Невдалеке от стоянки в уреме попадается лиственница. Дорога идет по самой долине. Видели орлана-белохвоста. По правой стороне долины все время прекрасный лес. Есть кабарга. Миновали падь Шара булаг (с левой стороны) – короткую и широкую. Почти без леса. Миновав голец Улан булу, несколько выше его в Хойту гол впадает с левой стороны падь Нуриин ама, очень большая. Речка ее несет больше воды, чем основная [река]. О верховьях ниже. В устье этой пади огромная конечная морена, полулунной формы, почти заграждающая основную долину. Видны

большие боковые морены. Напротив Нуриин ама с правой стороны впадает падь Ангархай, довольно широкая в вершине. Обильно облесена. Верхушкой она подходит к Хоцзогор хайрхану (Цзамтэ). Продвигаясь выше (лес подошел с правой стороны к самой реке), мы миновали впадающую с левой стороны падь Хапчик. Узка и немного облесена. На увалах острые скалы. Вершина в высоком гольце. Болотистая долина Хойту гола поросла здесь хорошей травой (ниже корма сильно выбиты). Последний аил миновали у устья Ангархай ама. За Хапчиком мы вышли на порядочную площадку – место слияния истоков Хойту гола. Больших саланов два: Бугутэ (восточная) и Нарин цохе (западная). Бугутэ имеет две вершины, соединяющиеся почти на этой площадке. Нарин цохе имеет отвилок Ихэ цохе. В каждой пади, кроме западной ветви Бугутэ, немного леса. Мы остановились около убульчжона в самом устье Бугутэ, на моренной террасе. К вечеру я с Бальджинемой поехал по восточной ветви Бугутэ. Невдалеке от лагеря на голом увале видели большого гурана. Я не стал стрелять, надеясь далее встретить более интересное. Ехали правой, увальной стороной, тщательно осматривая узкую полоску на противоположной стороне и небольшие распадки со скалами на нашей. Ничего. Забрались высоко, до распадка, ведущего к вершине рч. Убур хуштэ. Затем помаленьку вернулись, наметив место для завтрашней стоянки. На одном из многочисленных болот подняли бекаса. Бальджинема рассказал, что летом бекасы часто попадаются на плоских вершинах гольцов по болотам. Кроме того выяснилось, что здесь многие называют янгера словом “тэхэ”, что почти несомненно является переделкой слова “тэкэ”, которым называют горного козла тюрки Тянь-шаня. Наряду со словом “таг” это, наверно, остаток давнего прошлого. По дороге Бальджинема то и дело показывал мне места, где он в прежние охоты видел или бил изюбрей. Все увалы или голые вершины. Домой в майхан вернулись засветло. Вася лазил на скалы. Ничего не убил кроме одной пищухи. Буквально в трех лиственницах видел бурундука. По-монгольски бурундук “чжирхэ”. Без нас к самому майхану подходил волк. Вечером за разговором выяснилось, что за несколько последних лет в этих лесах появился не то <...> (колонок), не то <...>. Вероятно последний. Ранее его не знали. Теперь его стало много. Горностай по местному – уй, ласка – солонго, хорек – умухэй хурюн. Факт заселения этих лесов новым видом очень интересен. Относительно прочих зверей (крупных) можно сказать, что водятся здесь изюбрь, кое-где кабарга (главным образом ниже), иногда заходит кабан, постоянно встречается коза, затем аргали, горный козел, волк, барс. Последний редок. Бальджинема видел его всего раз, шагов за 400. Он показался охотнику красноватым – (желтый?). Зверя

копытного раньше было очень много, но в 22 году количество его сразу сократилось и намного. Изюбри и аргали здесь теперь просто редкость. Причиной тому сильно засушливый год. Зверь перекочевал. Для аргали указывают западное и юго-западное направление. Изюбри ушли неизвестно куда. Кроме того в то время после гаминов и бароновщины у местного населения появилось много скорострелок, главым образом у богатых, т.е. плохих охотников. Пальба по всем окрестным горам тоже способствовала уходу животных. За последнее время звери стали снова понемногу увеличиваться количеством. Скорострелки отобраны, засухи с тех пор, кажется, не было. Кроме того за последнее время гуран поднялся до границы леса. В этом году на Хойту голе так никто рогов и не убил.

Зимуют на убульчжонах (их два) около нашей стоянки ради корма. А так место очень холодное, снежное. Таким образом здесь кочуют несколько выше, нежели в Цзамтэ. Правда, места здесь несколько удобнее. Кроме того граница леса здесь ближе к водоразделу, нежели в Цзамтэ. Вычисление высот покажет соотношение между водоразделом и границей леса в обеих речках. Улеглись поздно. Замечу, что сон на этой высоте очень тяжел. Очень крепок, но не освежает. Спится много.

30/VII

Утром встали уже после восхода. Понемногу собрались. Я с Васей пошел вперед экскурсией. Собрал немного растений. Вася застрелил пару птичек. После разбивки лагеря я собирал растения. Собрал листов 25. Цветет много. Под вечер пришел с экскурсии Вася. В вершине Убур хуштэ видел в россыпи штук 6 аргали, затем белую куропатку. По местному ее называют ахун. Мелочи почти нет. Перед закатом пошел на экскурсию я. Поднялся на водораздел между обеими ветвями Бугутэ, затем прошел на главный водораздел и, спустившись в верхушку нашей ветви Бугутэ, вернулся в майхан. На вершине побывать было весьма любопытно. В вершине западной ветви Бугутэ водораздел имеет вид узкого гребня, подымающегося невысоко над гольцовым полем Шара цохеный гола. Кстати, поле это имеет несколько названий, которые я сейчас и приведу. Часть поля непосредственно близ перевала Цзамтэ называется Шара хамар. Часть южней Шара цохеный гола – Отоин шара нуру; близ истока Бугутэ – Асахтэ хамар; между последним и Шара хамаром лежит лог Харасханэй сала, впадающий в Шара цохеный гол (?). Гребень, подымающийся над Асахтэ хамаром круто обрывается в западную ветвь Бугутэ. Такой же гребень тянется между перевалом Цзамтэ и истоком восточной ветви Бугутэ, имея высшую точку в вершине Убур хуштэ. В вершине же восточной ветви Бугутэ гребни эти образуют как бы ворота,

где Асахтэ хамар, совершенно плоский, крутым скалистым каром обрывается к истоку речки. Картина любопытная. Как бы видишь сползавший здесь когда то ледник. Спускался я в речку после захода солнца по огромной крутой россыпи из больших острых камней. Тем временем взошла луна и осветила дикую картину, которой я и любовался, сидя среди россыпи. Напротив меня голец, вершина его в россыпях, мелких. Склоны спускаются к речке крутыми скалистыми ребрами. Ровно обрезанная плоскость Асахтэ-хамара, над которой висит бледный фонарь луны, диким каром обрывается в речку. Кругом меня огромные серые камни, имеющие совершенно первобытный вид. Временами цыркают пищухи, уныло чирикают крупные альпийские серые вьюрки. Внизу на моих глазах зарождается речка, уходящая в глубокий разрез долины. Под камнями россыпи также журчит вода. Не без труда спустившись, я совсем поздно пришел домой в майхан.

Ходившие вечером на охоту Бальчжинема и Вася ничего не убили. Днем был небольшой дождь. Ночевать было опять очень холодно. Около нашей стоянки ущелье Бугутэ перегорожено моренным завалом. Трудно решить, конечная ли это морена последней фазы отступавшего ледника, или морена бокового лога, завалившая основное ущелье.

31/ VII

Утром не очень рано выбрались обратно. Я с Бальчжинемой поехал вперед, на перевал Нарин цохе. Мы миновали обо Бурюг и стали подниматься по пади того же названия, что и перевал. Еще в Бугутэ спутник показал мне разбитую выстрелом (вчера) кукушку, довольно странной окраски. Заметили, что она ловила мелких птичек. Вершина горки Бурюг покрыта обрывистым пластом вулканического туфа. Обо чтится и считается началом р. Хойту-Тамир. Правая сторона Нарин цохе облесена. Мы ехали, внимательно всматриваясь в лес. Невысоким и не очень крутым подъемом мы поднялись на магистраль, очень низкую в этом месте. Миновав малозаметный перевал, отмеченный маленьким обо, мы въехали на небольшой бугор с гранитными скалами. Здесь я устроил опорный пункт, благо вид открывался широкий. Бальчжинема помог мне разобраться во всех падях и вершинах южного склона магистрали в этом месте, т.е. в истоках Цаган туруту. Окрестности перевала Нарин цохе – пологие гольцовые увалы, с разбросанными там и сям выветренными гранитными скалами. За перевалом чрезвычайно пологий спуск в лог Улан чулу, превращающийся далее в речку того же названия. На <...>, верстах в 3-х между двумя небольшими вершинами виден перевал Ихэ цохе, к которому ведет короткий, но глубокий распадок от пади Нарин

цохе, о котором выше я забыл упомянуть. С перевала Ихэ цохе дорога спускается по гольцовому полю (все продолжение Шара хамара) в рч. Нарин цохеный гол. Оба эти перевала доступны монгольским телегам и, в противоположность Цзамтэ, действуют зимой. Далее <...> виднелась знакомая картина магистрали у истоков Бугутэ, Убур хуштэ, Хорога и далее, до истока Цзамтэ. На <...> же пологие скаты магистрали невдалеке переходят в мощный гольцовый узел. Хорошо видна южная половина этого узла. Ближе всех других подымается плоская вершина Цзун анагиин нуру, с пятнами снега, почти никогда не тающими. К югу от этой вершины отходит короткий массивный отрог Анагиин нуру. От основного хребта, поворачивающего здесь к юго-западу он отделен продольной троговой долиной р. Улцзэйту (система Цаган туруту). Берущая начало у южного склона Анага (так назову для краткости вышеупомянутую вершину) речка эта огибает Анагиин нуру с запада и далее поворачивает на юг. С восточного склона Анагиин нуру сбегают три короткие речки Цзун, Дунду- и Барун анаг, впадающие в Улан чулу. Последняя же впадает в Улцзэйту-гол. Почти на запад, много далее Анагиин нуру виднеется плоская черная вершина с многочисленными снежными пятнами. Это Йолыйн эхинэй нуру или Сэнчжит-эхинэй-нуру – по речкам, стекающим на юг и север. Вообще здесь горы называются большей частью описательными именами, указывающими их расположение относительно той или другой речки или долины. Поэтому один и тот же кряж или вершина могут иметь два или более названий, в зависимости от того, откуда на них смотрят, или какая местность лучше известна данному проводнику. Собственные имена имеют лишь отдельные горы и горки, часто незначительные по относительно абсолютной высоте, почему- либо чтимые населением. Вершину истока рч. Сэнчжит я буду именовать далее просто “г. Сэнчжит”. Эта гора заслуживает несомненного внимания, считается высшей в округе. От нее к югу идет водораздел Ута – Байдараг, имеющий вид далеко выдвинутой плоской и высокой гольцовой гряды.

Теперь можно сказать об истоках Утаин гола вообще. Основной исток р. Цагаан-Турута, составляется из Улцзэйту-гола, принимающего слева р. Улан чулу (с тремя Анагами) и рч. Нарин цохеный-гол. Ниже последней, миновав чтимую небольшую гору Бурин хан, Улцзэйту-гол сливается с р. Ихэ цохе (она же Шара цохеный-гол), берущей начало под вершиной Цзамтэ (см. о ней выше). Отсюда река принимает название Цаган туруту. Ниже река эта принимает справа крупный приток Доной, затем такой же Йола и далее значительно меньший Гиртиин булаг. С левой же стороны, ниже Ихэ цохе, Цаган туруту принимает рч. Дэлгэриин гол, затем Нарантэ и Тэйль. Ниже крупных притоков нет. Далее, текущая

из под вершины Цзамтэ же рч. Ара ухуг, образующая ниже небольшое озеро Хоримту нур, еще ниже сливается (по-видимому?) с рч. Ара чжиргаланту (1926), затем ниже принимает справа рч. Урготы (Хонгорыйн-гол? 1926, Дашидогунская рч.) и сливаясь с Цаган туруту, именуется ниже Утаин-голом. Замечу все-таки, что этот левый исток Уты для меня еще не совсем ясен, в особенности в самых вершинах. Также точно неизвестно мне начало Уты. Ниже Дашидогуна и выше параллели Цаган обо – вот что я могу сказать об этом. Водоразделы истоков Цаган туруту невысоки и мягки по форме. Водораздел же Шара цохе – Ара ухуг, невысокий вначале (Отоин шара нуру, продолжение Шара - Хамара), быстро повышается и образует в углу Шара цохе – Цаган туруту внушительный массив, уже упоминавшийся выше. Гора Баян-Хонгор является, по-видимому, южным отрогом этого массива. Общего названия этого отрога мне слышать не пришлось. С этого пункта я сделал два больших монтажных снимка. Зачертил вышеописанную схему истоков Цаган туруту и взял высоту. Покончив с работой мы покатили вниз. На склоне наткнулись на вчерашние следы очень большого стада аргали (в несколько десятков голов), пришедшего, повидимому, с южного склона магистрали. Звери держали направление к озеру Хуху нур, по соседству которого мы должны были разбить лагерь. Ехали обратно той же дорогой. Гранит магистрали близ Бурюга (по левому склону Нарин цохе) сменяется кварцитом (?) прикрытым в Бурюге останцом лавового потока. Свернув вниз по Хойту голу мы быстро доехали до устья пади Нуриин ама. По дороге Бальджинема показал мне крыжовник, растущий здесь по скалам. Взобравшись на конечную морену Нуриин ама, мы поехали вверх по последней. Моренные нагромождения по этой речке колоссальны. По дороге заехали в аил. Любопытно было видеть, как бродившие около юрт сарлычата набросились на моего вспотевшего коня и стали его облизывать. Объясняется это недостатком гуджира в месте кочевок этого аила. Порядком задержавшись здесь, мы очень скоро добрались до своих, разбивших майхан среди огромных камней левого склона долины. Немного спустя я пошел к озеру Хуху нур, находившемуся всего верстах в 2½ от нас. Долина Нуриин ама в этом месте довольно широка (до 0,5 км) и очень неудобна для передвижения, так как сильно камениста и местами не менее сильно заболочена. Речка внушительная. Близ нее, среди болота, топкое и глубокое озерцо с солонцовыми берегами. Далее невысокий, но весьма крутой, поросший лиственничым лесом, подъем выводит из Нурыйн ама на обширную плоскую седловину - часть магистрали, заключенную между высоким гольцом в вершине Хапчика и не менее высоким отрогом, выдвинутым вдоль правого края Нуриин ама, вершиной Анаг. В глубокой

впадине этой седловины и лежит озеро Хуху нур, имеющее не менее 6-7 км в окружности. От Нурыйн ама, тальвег которой значительно ниже озера, это последнее отделено узким и плоским перешейком, поверхность которого вероятно моренного происхождения. Озеро имеет сток в Нуриин ама, но слив воды очень малозаметен. Вода в стоке даже не показывается, протекая под камнями русла. Берега озера большей частью оторочены полоской белого песка или гравия, дальше от воды - болотисты. На озере птицы немного – я видел нескольких <...> и вдали, на воде, каких то гагар или уток. Вечерело, и я повернул обратно. Лес немного не доходит до плоскости перешейка, и озеро таким образом лежит выше границы лесной растительности.

На обратном пути прозевал гурана. Вася убил несколько птичек.

Аил, в который мы сегодня заезжали, кочует лишь в пределах Нурыйн ама, не забираясь выше нашей стоянки, т.е. на пространстве каких либо 8 верст. Поэтому корм по убуру носит явные следы постоянной потравы скотом. Болотная же трава внизу не тронута. Скот до нее не охотник.

Граница леса находится верстах в 2-х выше нас. В аиле в этот день мы выпили немного ракуши, и повеселевший Бальджинема пел мне песни. Очень любопытна одна песня Баянхонгорского хошуна, весьма любимая его населением. Мелодия резко отличается от привычных, напоминая больше бурятскую. Спел он мне и “Сэрун сайхан Хангай”. Кроме того выяснилось, что он знает кое-какие улигеры и сказывает их иногда, но без аккомпанемента. К сожалению, впоследствии я совершенно забыл записать их названия.

1/VIII

Довольно рано утром мы с Бальджинемой поехали искать аргали. В болотах и кустарниках Нурыйн-амы подняли стаю белых куропаток. Переехали речку, поднялись, пересекши узкую полоску леса, на озерную террасу. Миновали большое обо, у которого чествуют озеро, и стали подыматься по крутому мысу на голец. На половине подъема отдохнули и я сделал несколько снимков. Отсюда очень отчетливо был виден весь восточный край озера и перешеек. На последнем находится еще 4-5 самостоятельных маленьких озерков. Затем продолжали подыматься и наконец выбрались на плоскую вершину этого обособленного гольца. Называется он, по частям, разно. Примыкающая к озеру часть называется Хуху нуриин урду обогор, к рч. Улан-голу (с правой стороны) – Улан чулунэй-обогор, и т.д. Вершина его плоска, не очень камениста, несколько болотиста и богата травой. Словом, относится к типу “еланных” гольцов средней высоты. Осмотрев глубокую щель истоков Хапчика, мы, все

время верхом, взобрались на крайнюю западную вершину гольца, через которую проходит водораздельная линия магистрали. Отсюда было хорошо видно все озеро, Улан чулу и Анаг. Да и в другие стороны открывался широкий горизонт, так что я и здесь сделал один из опорных пунктов съемки.

Озеро Хуху нур имеет вид вытянутого с запада на восток треугольника, вершина которого, т.е. его западный угол, обращена к водораздельной линии магистрали, здесь чуть заметной. От Улан чулу озеро отделено широкой низкой седловиной без заметного гребня. Таким образом, надо считать, что Хуху нур лежит на самой магистрали. Питается озеро, помимо подпочвенной воды, небольшой речушкой Мухур анаг, берущей начало под южным склоном вершины Анаг, в небольшом цирке, на дне которого виднеется озерко. Таким образом, водораздельная линия магистрали, пройдя между озером и Улан чулу, поднимается к вершине Анаг по гребню между речками Цзун- и Мухур анаг. Вода Хуху нура при взгляде с высоты, имеет интенсивную синюю окраску, местами с изумрудным отливом. Это указывает на значительную глубину озера. Вообще это тихое синее озеро, так высоко поднятое и включенное в рамку суровых, простых по форме и мощных гольцов, производит очень сильное впечатление. Зимой оно посередине, как меня уверяли, не замерзает. От всей картины веет покоем и вечностью.

С моего пункта я сделал засечки и на Субурга хайрхан, и на Сумэтэ ихэ, и на свой "Узловой" в вершине Цзамтэ. Отсчитал высоту.

Затем мы проехали вдоль Улан чулу, где по крутым логам склона гольца растет прекрасная трава. Поднявшись снова на голец, мы почти старым путем вернулись к обо и, переехав речку Нуриин ама, уже под сильным дождем приехали к майхану. Аргали так и не нашли, хотя и видели их свежие следы. На гольце я слышал уларов, видел многочисленных белых куропаток. В логу Улан чулу есть солонец. Кроме того зимой здесь бывает много лисиц. Аргали, между прочим, также ходят на солонцы, но преимущественно днем. Прежде, до ухода зверя, на южном отроге Анага, спускающемся к озеру, и в районе истока Мухур анага постоянно встречали аргали, причем исключительно старых самцов. Почему они собирались именно там? Кроме того Бальчжинема рассказал мне, что зимой, кажется в убул дунду сар (*средний месяц зимы – сост.*), на вершине гольца к <...> от Нуриин ама, в треугольнике Нурин амыйн цзун сала, Харлыкийн барун сала и истоком Нарина, случайно попадающие туда охотники отмечают необычное обилие следов барса, вообще очень редкого здесь. В другое время года в этом же районе барс бродит не чаще, чем в соседних. Обилие пищи его привлекать не может, так как зимой там почти

никто не держится. Остается предположить, что эти безотрадные, особенно зимой, вершины избраны местом встречи во время течки (время, как-будто подходит). Место это является центром расходящихся во все стороны гольцовых гряд, откуда и могут собираться барсы. Без такого сборища, как мне кажется, самцу было бы крайне нелегко найти самку вовремя, принимая во внимание редкость зверя вообще и его огромные охотничьи районы. Факт, безусловно, заслуживающий внимания.

Заехав на обратном пути к солонцовому озерку, мы отметили следы самки изюбря, приходившей прошлой ночью, и гурана. Еще накануне Бальджинема рассказал мне, что в истоках Хойту Тамира отсутствуют горячие источники, но что их много (он назвал целый ряд) в истоках Уты. Там источники (все сернистые) имеются почти в каждой речке. Я же до сих пор слышал лишь об Ара ухугском. Около устья Нуриин ама, на левой стороне есть небольшая сопка, подобно Бурюгу прикрытая останцом лавового потока. На Хойту голе лишь один незначительный ключик левой стороны, ниже Шара булага, холодный, издает запах серы. Очевидно линия горячих ключей Худжиртэ (Ахой бэйсэ), Уйцзенван (2), Ламаин гэгэн (1) – проходит вдоль южного склона Хангая, заканчиваясь около Улясутая. Забыл я, где и кто подтвердил подземный толчок, чуть заметный, бывший 20/VII, когда я был в тамагане этого хошуна. Под дождем я ходил на экскурсию, но ничего примечательного не видел. К вечеру немного прояснило.

2/VIII

Поздно утром я отправился в большую пешеходную экскурсию на голец Анаг. На первую половину пути я взял с собою Васю. Поднявшись напротив нашего лагеря на озерную террасу, мы повернули вправо и постепенно, по ступеням, стали подыматься к Анагу по его юго-восточному отрогу. Сплошной гранит. На всем отроге не видели ничего живого. Пройдя по плоскому гольцовому полю восточнее истока Мухур анага, я отослал Васю обратно домой, а сам стал подниматься на самую вершину по крупной гранитной россыпи. Помимо видных на поверхности незначительных пятен снега, очень много набито его в самой россыпи, в глубоких щелях между огромными кусками гранита. По дороге видел хойлыков. Наконец я достиг совершенно плоской вершины. Ни клочка почвы. Сплошь россыпь из колоссальных остроребрых гранитных кусков. Сделал засечки, отсчитал анероид, показавший 439. Затем прошел краем гольца к его <...> краю и заснял два-три снимка. Спустившись с вершины немного к северу я очутился в весьма интересном месте, где, разделенные узкими гребнями, сошлись вершины речек трех разных систем. На юго-

запад уходила прямая долина Улцзэйту, глубоко врезанная между мрачными грядами Анагиин нуру и магистрали. Это – бессточный бассейн озерной котловины. На востоке в нескольких диких скалистых карах зарождается речка Нуриин ама, принадлежащая системе Хойту-Тамир – Орхон. А на север уходит красивая долина рч. Ацзаг шивэтэ, системы истоков Чулуту, т.е. Селенги. За Улцзэйту-голом чернела вершина Сэнчжит, к которой и уходит отсюда мощным хребтом магистраль. Ацзаг шивэтэ выходит к понижению за которым видна плоская низкая терраса Галутэин-таг. За ним снова поднимаются мощные горы, окружающие перевал Эгин даба. К последнему ведет ущелье Галутэ, также видное отсюда (?). На <...>, за истоком Нуриин ама уходит уже упоминавшийся мощный отрог – водораздел Чулуту – Хойту-Тамир, который я в дальнейшем буду называть по имени самой большой его пади Хармыкским кряжем. Как я уже упоминал, исток Нуриин ама образует целый ряд каров, иззубренные гребни которых местами совершенно недоступны. Самые ущелья истока большей частью ступенчаты, причем почти на каждой ступени имеется крохотное озерко. Все эти озерки с высоты казались глубокого изумрудно-зеленого цвета и, оправленные в раму диких иссеченных скал, были очень красивы. Гребни, разделяющие Улцзэйту, Ацзаг шивэтэ и Нурыйн ама, достигают местами всего 2-5 десятков метров ширины. Здесь я истратил дюжину пленок, несмотря на скверную погоду. Было пасмурно и уже несколько раз падала смешанная с дождем крупа. Суровую картину давали огромные, почти черные хребты с нависшими над ними рваными тучами, в просветы которых виднелось вечернее небо. Спускаться в Нуриин ама я стал на закате. На закате же сделал последние два снимка. Глубокая тишина в этих глухих закоулках скал на маленьких изумрудных озерах. Клочки зелени на скалах, болотца, кое-где след одинокого аргали или козла, стайка вьюрков да пара чекканов – вот и вся природа этих мест. Быстро я зашагал по болоту и моренным камням вниз. Миновал высокую стену Анага и версты через 4 пришел на слияние основных ветвей Нурыйн ама. Здесь стало совсем темно. До восхода луны я медленно пробирался по россыпям и болотам, прыгая в темноте с камня на камень, спотыкаясь и проваливаясь в болото. Чем ближе к лагерю, тем медленей шел я, окончательно измучившись. Взошедшая луна помогла мне мало. Верстах в двух от майхана меня встретили с конем и минут через 20 я уже сидел за тарбаганьим мясом. Дома Вася стрелял по волчице, интересных птиц никаких не видел. Я же по дороге ночью опять поднял белых куропаток.

Таким образом я довольно хорошо ознакомился с интереснейшими окрестностями озера Хуху нур и узлом-водоразделом трех систем.

3/VIII

Утром отправились назад. Быстро дошли до устья Нуриин ама и повернули вниз по Хойту голу. Во впадине выше конечной морены Нуриин ама я взял образец солеобразного белого осадка (не гуджир). Миновали Шара булаг, Арбульчжонэй ама и Цзурихэ хайрхан, миновали падь Нарин и остановились немного выше огромной конечной морены Харлыкиин ама, в аиле нашего проводника, милейшего Шамая. Юрта его стоит как раз напротив вершины Тэмэн чулунэй тага, к которой ведет крутой и густой сивер. Новым за сегодняшний день была лишь дорога от Цзурихэ хайрхана до стоянки, т.е. на протяжении каких нибудь 5-6 верст.

Сейчас же ниже Цзурихэ хайрхана горы левого берега несколько отступают от реки, образуя пологую покатость со степной растительностью. Немного ниже долина опять чуть сужается. Нарин выбегает из гор узкой щелью. В уреме его есть лиственница, которая сопутствуя речке, пересекает негустой аллеей долину Хойту гола. Вверх по Нарину видны густые лиственничые сивера. Сама речка весьма камениста, но ясно выраженных моренных образований не имеет. От аила Шамая до слияния Хойту - и Урду гола остается совсем немного, верст 5-6. В Хойту гол на этом расстоянии с левой стороны впадает еще речка Имтэй.

Расположились мы в юрте Шамая, достаточно просторной. Вася сбегал за реку с винтовкой. Вернулся ни с чем, но видел на границе леса пасущуюся самку изюбря. Здесь я купил барана и вечером мы дружной компанией ели бараньи внутренности и пили ракушу.

В разговоре мы подсчитали количество домохозяев в районе истоков Хойту Тамира, выше пади Мухур. Оказалось не менее 70. Цзамтэ-11, все на одном месте. Ниже по Урду голу сначала 3, потом около Мандал-обо аилов 6-7. Небольшой дугун. На бельчире 2, ниже около 7-8 в 3-х местах. В Нуриин ама 4, на ее устье 3, ниже 1, потом снова 3-4, в Шара булаге аилов 5-6, у устья Арбульджонэ ама – 6, у Бальчжинемы 4, Шамая – 4-5, да ниже его свыше 10 аилов. И все они кочуют в чрезвычайно узком районе. Пастбища используются все, т.е. удобные. Остаются елани, крутые скаты гольцов, лес, да болотистые верхушки речек. Все эти места использовать нелегко. Аилы с малым количеством скота кочуют – не менее 4-х раз в год. Зимой на одном месте. Богатые же зимой кочуют в зависимости от корма, а летом не менее 2-х раз в три месяца, так как около стойбища скопляется чересчур много навоза и грязи. Зимовки расположены большей частью на моренных отложениях, в небольших западинах. Некоторые (Бальчжинема) зимуют на самой реке, в зарослях ивы. Некоторые зимовки расположены высоко в падях (устье Бугутэ,

Нуриин ама), куда влечет обилие ветоши. Скот – сарлыки, хайныки (немного), коровы, лошади, бараны. Коз мало. Живут в общем зажиточно. Поинтересовался я, как ведут породу лошадей. Жеребцом выбирают крепкого телом коня, с густым хвостом и гривой, не интересуясь особенно его ростом. А далее дело просто: жеребец в свой табун чужих не пускает.

Охотничают по билетам. Платят смотря по состоянию. Рога в этом году убиты одни – убил Чжамцаран, хороший охотник. В товарах недостатка особенного не заметно.

Последнее время китайцы охотно покупают степные грибы, растущие по каменистым склонам. Платят от 1-2 тугр. за джин сушеных. Местные монголы собирают их очень усердно. И Бальчжинема и Шамай – партийцы.

4/VIII

Утром я снимал скот и обитателей аила. Очень поздно завьючились и направились вверх по Харлыкиин ама. Падь веселая. Дно завалено моренами, по правому берегу густой сивер. По речке урема – ивняк и лиственница. Пройдя совсем немного мы остановились на месте слияния двух крайних ветвей этой пади, на широком, красивом месте. Харлыкиин ама имеет несколько верхушек, глубоко врезавшихся в Харлыкский кряж. Почти в каждой ветви большой кар. Днем я пособирал растения. Под вечер подъехал Шамай и мы с ним полезли верхами на один из соседних гольцов охотиться. Ничего не видели, кроме хойлыков. А Васька, ушедший совсем недалеко от лагеря и поднявшийся на границу леса, видел большого быка изюбря. Бальджинема тоже ничего не видел.

С гольца, на который мы подымались, открывается широкий вид в сторону Цзаина. Хорошо видны Сумэтэ ихэ и Субурга хайрхан. Этот последний поистине прекрасен. Именно отсюда вершина его имеет правильную заостренно-куполообразную форму, одиноко вздымясь над окружающим морем гор. Любоваться им можно без конца и это знает всякий местный житель, поднимавшийся на вершины. Во время охоты я видел его и на закате.

Голец, на котором я был, ничем не отличается от ему подобных, разве только обилием стоячих кусков гранита, что придает его плоской вершине несколько оригинальный вид.

На вершине мы пробыли до темноты. Не без труда спустившись к коням, оставленным под россыпью, мы стали спускаться вниз. Еще и еще раз подивишься на способность монгольских коней переть рысцой в полной темноте вниз, крутейшим откосом или пробираться по россыпи. Сломать шею здесь – дело плевое, а почти всегда обходится благополучно.

По приезде в майхан, я сбегал на ближний большой солонец, но ничего на нем не видел. Осматривая его днем, мы с Бальджинемой видели многочисленные следы старого быка, виденного Васей. Итак, с охотой дело обстоит совсем плохо. Васе не попадаются белые куропатки и хойлыки, которых вижу я, а он видит крупную дичь, не попадающуюся мне. Так и ходим кругом да около. На дневной экскурсии Вася видел нескольких глухарей. Из куриных здесь, следовательно, имеется хойлык, глухарь, белая и серая куропатки. Рябчика и тетерева, повидимому, нет. Монголы, как будто, их тоже не знают. Из крупных хищников довольно част орлан-белохвост. Ягнятник весьма редок, грифа (пару) я видел лишь один раз в Убур хуштэ.

Мышей и сусликов, как везде, много.

5/VIII

Утром я собирал растения. Вася ходил на охоту. Около полудня мы собрались посмотреть крайнюю западную ветвь Хармыкиин-ама, кары которой смежны с карами Нуриин ама и Хангалыйн-гол (система Чулуту). Вначале с правой (по течению) стороны идет хороший густой сивер. Уремные заросли ивняка велики и тоже очень густы. Мы ехали немного болотистой левой стороной. Выше слияния со средней ветвью, долина западной сузилась и мы поднялись на первую (снизу) террасу.

На границе леса, по россыпи, есть немного кедра. Кроме того, не доезжая еще границы леса, я видел на увале заросль мелкорослой осины. Далее мы ехали по типичному ледниковому желобу-долине с кочковатым болотистым дном. Огромные скалы истока были уже близко. Наконец мы подъехали вплоть к ним. Поднявшись на следующую террасу, мы разошлись. Я занялся фото и растениями, Вася полез стрелять высокогорных вьюрков, державшихся по россыпи. И тут ему не повезло. Уже почти спустившись обратно, он получил от большого камня, сорвавшегося сверху, сильный удар по ступне. Попади этот камень по голени – поломал бы, в грудь – может быть и совсем крышка. Бедняга почти не мог двинуться с места и с большим трудом сполз по россыпи к месту, куда можно было подвести коня. Неприятное место! Странно иззубренные гребни очень тонки и верхушки держатся буквально на честном слове. Загремит гром – летят камни. Выстрелишь – тоже. А часто летят и без всякой причины. Отвесы и россыпи большей частью совершенно недоступны. Кроме того нас здесь встретил холодный дождь с грозой. Отправив Васю с улачином домой, я с дробовиком полез на голец, думая на склоне найти хойлыков. Лезть по россыпи было очень трудно. Медленно добрался я по склону и гольцу до стрелки двух падей, а немного

ниже меня встретил Бальджинема с конем. Хойлыков я так и не видел, да вообще видел очень мало живности. По дороге в лагерь Бальджинема сообщил мне, что в речке Хангал имеется золото, почти на поверхности. Сказано это было под большим секретом, на основании его большого расположения ко мне. Приехав в лагерь, я решил назавтра перевалить в рч. Бумботу, где нас должен был ожидать Чухломин. Этот разъезд по верховьям Хойту Тамира сильно меня утомил. Постоянная довольно напряженная деятельность на большой высоте, частые пешие восхождения на высокие вершины, по крупной россыпи, где каждый шаг требует упругой, верной ноги и непрестанного внимания – все это подействовало, и мне надо было отдохнуть. У Васи вечером был жар, нога порядком вспухла. Ходить он почти не мог. Монголы вспомнили 2-3 таких же случая с местной публикой.

Наша стоянка в Харлыкиин ама – примерно граница кочевок. Здесь кочуют не только зимой, но и летом. В этом году, впрочем, аил этот на Хойту голе.

6/VIII

Вышли почти в полдень. Стали подыматься по восточной ветви Харлыкин-ама. Долина широка, берега речки поросли кустарником, по правой стороне еще держится лес, дно долины весьма болотисто. Поднявшись порядочно вверх, мы свернули влево и стали подыматься узенькой тропкой на крутой мыс. Вслед за этим тропа повела крутым косогором все вверх и вверх. Здесь мы видели нору барсука. Зверь этот здесь достаточно распространен и подымается намного выше границы леса, копая себе норы на гольцовых лугах. По местному его называют “халцзатэй” или “мангис”. Бьют не часто. Вреда особенного он не приносит. Под самой вершиной подняли стаю хойлыков, очень быстро удравших. Затем мы выехали на гольцовое поле, совершенно плоское – гребень Харлыкского кряжа. В одну сторону падали отвесы кара средней ветви Харлыка, в другую – голец крутыми россыпями спускался в исток рч. Бумботу. Оставив сарлыков идти тропой, мы с Бальчжинемой свернули в сторону, осмотрели сверху боковой лог последней пади, а затем я полез на соседнюю вершину и связал съемку. Речка Бумботу была как на ладони. Левой стороной ее шел полосой довольно густой лес. На правой, увальной стороне также виднелись многочисленные лиственничные колки. Далеко виднелся Субурган-хайрхан, на запад уходила громада Харлыкского кряжа. Забыл упомянуть, что из верхушки той ветви, по которой мы подымались, есть вьючный перевал в рч. Цзун модо (система Хануя). Между Бумботу и Цзун модо есть еще падь Мухур, тоже относящаяся к

Ханую. Таким образом, водораздел Бумботу — Мухур есть в то же время водораздел Чулуту — Хануй. Если истоком Хануя считать Мухур, то ниже справа, т.е. с водораздела Хануй — Тамир, будут выходить следующие пади: Цзун модо, Бага ангархай, Ихэ ангархай (в вершине Худжирийн-даба), Ара улацзай, Ара хуху даба (к <...> от Баян цзурихэ, против хуриэ Цэцэн вана). В вершине же Чулуту картина такова: из под г. Сэнчжита, бегут речки Сэнчжит и Дабатэ (в последней перевал в Улцзэйту-гол, система Цаган туруту). Главной считается последняя, Сэнчжит же ее левый приток. Далее Дабатэ принимает справа небольшую речку Арцатэ, затем рч. Ацзак-Шивэтэ. После этого Дабатэ принимает название Хурумиин гол и течет некоторое время в <...> направлении, параллельно Харлыкскому кряжу. Здесь она принимает рч. Хангал, незначительный ключ Хушотэйн гол и рч. Бумботу. После этого Хурумиин гол сворачивает к <...> и несколько далее сливается с Галутэ, откуда и называется уже Чулуту (?). Осторожно спустившись (все верхом) с внушительных крутяков, мы достигли истока Бумботу. Здесь мне посчастливилось убить грифа, притаившегося в гнезде, устроенном на невысокой сломанной сверху лиственнице. Спускаться было так круто, что я стрелял в полусотне шагов сверху в гнездо. Гриф оказался в линьке. Новые перья еще не совсем вылезли из чехлов. Тут нас хватило коротким, но сильным градом, вернее крупой. Пожалуй и правда, что на вершинах никогда не бывает настоящего дождя, а в лучшем случае смешанная с дождем крупа. Спускаясь далее вниз, мы увидели следы наших сарлыков, очевидно благополучно спустившихся с “перевала”, а кроме того недавние следы стада изюбрей. Проехав версты три, мы увидели на чистом бугорке среди леса наш майхан. Так как было уже достаточно поздно (19 [часов]), я сейчас же побежал на охоту. Прошел немного. Видел козу с двумя уже большими инзаганами. Коза эта долго старалась увести меня подальше от них. Стрелять ее я не стал, хотя вначале она долго стояла всего в 30 шагах. Кроме нее ничего не видел. Полоса леса неширока, но густа и богата кустарником. Часты ключи, скрытые заросшими тем же кустарником россыпями. Домой вернулся поздно.

7/VIII

На восходе поехали с Бальчжинемой на охоту. Пересекши полосу леса, болотистым гольцовым логом стали подыматься на пологую седловину между Бумботу и Хангалом. Поднявшись на нее, мы проехали, чуть спускаясь, гольцом к началу крутого спуска в Хангал и отсюда стали осматривать эту речку. Сидели долго, но так ничего живого и не видели. Хангал облесен значительно менее Бумботу, впрочем о нем подробно

ниже. На обратном пути около самого лагеря, в лесу, ехавший впереди Бальчжинема заметил матку с цзорголом, просто молниеносно сорвался с коня и начал целиться. Так же быстро сорвался и я. Матку мы ранили, потом Бальчжинема стрелял ее еще раз, но она так и ушла. На поиски мы потратили полдня, но не нашли. Снова забирались к Хангалу, крутили по россыпям, распутывая следы. Солнце было уже низко, когда я прекратил поиски и решил двигаться дальше. Пошли быстро, все время подгоняя сарлыков легкой трусцой. Я с Бальчжинемой ехал впереди. Тропа все время вела правой увальной стороной. По дороге почти все время болото, иногда достаточно вязкое. Часты большие заросли кустарников, местами с увала подходят обросшие лесом россыпи. Падь вообще сравнительно богата лесом и весьма болотиста. Вид ее весьма живописен. Быстро подвигаясь вперед, мы через 2 часа, доехав почти до нижней окраины леса, заметили на левом берегу наш большой майхан и телеги.

Хойту-Тамирский разъезд был закончен. Чухломин уже серьезно о нас беспокоился, так как приехали мы лишь на 11-й день. Лошади оказались в прекрасном состоянии. На пути из Цзамтэ он заехал в Цэцэн ван, где местный дархан починил ему лопнувшую шину, продневал там и легко добрался до Бумботу. Перевал Улалцзай оказался нетрудным, лишь косогористым. А водораздела Хануй — Чулуту он почти и не заметил, настолько последний в этом месте незначителен. В Бумботу он раза два ездил на охоту. Около нашей вчерашней стоянки видел стадо изюбрей и безрезультатно палил по ним. Винтовка здорово брала в сторону. Видел кабана, который здесь не редкость. Вот почти и все. Дня через два собирался нас искать. Около стоянки он пробовал мыть золото, но ничего не нашел. Дугарчжап уже подумал о дальнейших проводниках. Вечер мы провели в разговорах за котлом супа с лапшой. Назавтра я решил съездить с Чухломиным в Хангал. Проводники же наши должны были вернуться обратно. Не хотелось расставаться с Бальчжинемой, ему тоже было грустно оставлять нас. Дней через десяток он собирался ехать на Урду-Тэрхи тарабаганить.

8/VIII

Утро прошло в сборах и расчете с проводниками. Лишь около полудня мы с Чухломиным выбрались в дорогу, взяв с собой одну вьючную лошадь со всем необходимым. Васю я отправил с проводниками, так как они собирались отыскать матку, а я хотел забрать шкуру для коллекции. Какими-нибудь 1½ верстами ниже нашей стоянки рч. Бумботу выходит из своей долины в долину Хурумиин гола. В устье ее долины развернулась большая конечная морена правильной полулунной формы.

Внутри ее вогнутости широкая болотистая ровная площадка, вероятно бывшая ранее дном озерка. Небольшая лужа есть и сейчас. Пересекши морену, мы свернули на запад и поехали краем леса, имеющего здесь очень приличный вид. Переехали ключ Хушотэин-гол, имеющий всего 5-6 верст в длину. Вершина его широка и полога. За ним мы стали подыматься все выше и выше, по очень высокой относительно Хурумиин гола боковой морене, правильной валообразной формы. Высокий скат ее, обращенный к речке, облесен. Места, вообще говоря, удивительно приятные. Лес приличный. Много молодняка. Любезное место для козы и изюбря! Поднимаясь все выше и выше мы почти достигли границы леса и оказались на высоком мысу над Хангалом, в том месте, где он выбегает из собственной долины к Хурумиин голу. Спустившись между большими гранитными валунами к речке, мы выехали на тропу и стали подниматься вверх по долине. Правый ее скат очень каменист, левый крут, богат россыпями, а следовательно и беден лесом. Последнего здесь значительно меньше чем в Бумботу. Плоское дно долины болотисто. По убуру все время следы стойбищ — убульчжоны. Они подымаются вверх по пади версты на 4. Несколько выше падь перегорожена низким мысом, выдвинувшимся с левого берега. За ним долина расширяется. Лес почти исчезает. На востоке видна седловина, ведущая из Бумботу. Дорога отвратительная: камни и болото. Видели белых куропаток. Сделав небольшой привал, мы напились чаю и сделали первую пробу на золото, промыв пару лотков из речки. Шлих и одна-две пылинки. Золото, значит есть. Решили забраться, несмотря на позднее время, в вершину. Подымясь все выше и выше, добрались до озерка. Оставили коней и полезли дальше. Промыли лоток в боковом ключике. Ничего. Больше уже из-за темноты и не могли, а взобрались на следующую террасу, где и оставили лоток и лопату. Над этой площадкой высится почти отвесный гребень, страшно иззубренный, лишь у подножья прикрытый осыпью. Это водораздел с Харлыком. Остроконечные зубцы эти монголы называют – “Балин цохе” за сходство с ... . Чухломин же назвал это место “без скандалу ни на час”, так как пока мы курили 2-3 ганзы, несмотря на полную тишину, раза три сверху летели камни. Уже в полутьме мы вернулись к коням и повернули обратно, думая заночевать у первых деревьев. В полной темноте мы пробирались по болотам и россыпям и наконец поравнялись с первой сверху рощицей. Она смутно темнела на другом берегу речки. Перебраться с конями оказалось немыслимым. Поэтому мы оставили их, завьючили на себя наш багаж и стали пробираться, прыгая с камня на камень, через речку. За речкой началось болото, потом опять крупная россыпь. До лесу, растущего также в камнях, едва добрались. Все это происходило в темноте.

С трудом найдя маленькую ровную площадку среди валунов, мы расположились на ночь. Воду я принес снизу, каким то чудом, пронеся полную чашу по россыпи. Затрещал огонек и мы преуютно поужинали сухарями и чаем. Долго еще говорили о разных разностях, и после полуночи улеглись.

9/VIII

Рано утром Чухломин сходил на охоту, но ничего не видел. На соседних скалах переливчато свистели улары. Довольно поздно мы снова выбрались в вершину. Коней оставили еще выше 1-го озерка. Поднявшись на террасу, промыли несколько лотков из речки. Снова шлих и пыль. Потом еще поднялись на две последовательные террасы. Там уже пыли не видели и дошли до стен основного кара. Отдохнув, повернули обратно, дошли до коней и направились вниз, к оставленным вещам. Напившись воды и доев сухари, поехали через долину, собираясь перевалить в Бумботу.

Несколько слов о вершинах ледниковых речек. Типичная форма их такова. В самой вершине более или менее правильной формы полукруглый кар. Сильно скошенные крылья его почти замыкают округлую площадку его дна, обычно ровную, очень небольшую, болотистую, поросшую осокой и другими гольцово-болотными травами, часто с небольшим изумрудно-зеленым озерком. Наличие озерка можно считать даже за правило. С площадки этой далее вниз ведет крутой участок россыпи, по которой шумит, прорвавшая барьер речка. Крутой, но короткий спуск, заканчивается новой площадкой, такого же характера, но несколько бóльших размеров, тоже с озерком. Сюда часто открываются один-два боковых кара, таких же висячих по отношению к этой площадке, как и основной. Тот же крутой спуск по россыпи ведет или к третьей площадке, или выводит в правильную ⌣- образную троговую долину с чуть вогнутым дном и крутыми ровными скатами. Долина эта обычно прямолинейна, с небольшим падением. Затем короткий участок со значительно бóльшим падением выводит или снова в такую же долину, или в более широкую, больше размытую, богатую неправильными моренными нагромождениями.

Боковые долинки очень часто висячи и в миниатюре повторяют строение главной. На болотистых площадках верхнего участка всегда прохладно и тихо. Птиц мало: 3-4 вида (вьюрок, чеккан, как постоянные, кроме зимы, обитатели, да еще случайных вид-два. Клушиц и йолу не считаю). Из грызунов тарабаган и суслик в эти болота не забираются, здесь царство пищух, за которыми охотится горностай, неоднократно

нами виденный. Мышей не видно, хотя они в незначительном количестве может быть и имеются. Из копытных в жару сюда любят заходить и отдыхать изюбри и аргали. Следы их я находил почти в каждой такой вершинке. Охотники говорили, что им неоднократно приходилось убивать изюбря именно здесь. Находясь около изумрудного озерка на такой площадке чувствуешь себя оторванным от всего мира. Несколько давит полная тишина. Лишь в очень скалистых карах нет-нет да и сорвется сверху, подточенный ветром и водой, камень, глухо ударится несколько раз об скалу и с шумом прокатится по россыпи, увлекая часть ее за собой. И снова тишина. Мертвая, лишь иногда раздастся слабое унылое чириканье вьюрков.

В Харлыкиин ама, когда случайный камень расшиб Васе ногу, на обратном пути к табору я слышал грохот значительного обвала, продолжавшийся несколько минут.

Теперь о золоте. Оно в Хангале несомненно есть. И, вероятно, в достаточном количестве. Мы брали песок прямо из русла, с поверхности – и то находили золотые пылинки. В массе гранита имеются кварцевые жилы – кварцевая галька в русле не редкость. Кварц подозрительный – иногда почти синий, иногда ржавый, часто полуразрушенный. Кроме того в гальке иногда попадаются куски метаморфизованного гранита и как будто другой породы (?). Может быть золото зависит от контакта? Солидная разведка несомненно нашла бы стоящее золото.

Во время работы нашей в истоке Хангала высота давала себя знать. Одышка ни на минуту не покидала нас, даже при спуске. Говорили мы медленно, несколько сдавленным голосом. Часто присаживались. В голове чувствовалась тяжесть и какая-то глухота. Устали мы здорово.

Из долины Хангала мы довольно рискованным подъемом въехали на голец, где, пробираясь между россыпями и болотами, направились к спуску в Бумботу. На гребне прозевали одинокого самца аргали, очевидно лежавшего и быстро скрывшегося за гребнем. Знакомый спуск в Бумботу не дал ничего нового. Было уже не рано. Промыв и здесь в обрывах и русле несколько лотков (и здесь как будто следы золота) мы быстро направились домой. Лесистая Бумботу оказалась на закате чрезвычайно красивой. Внимательно следя за опушкой леса, мы быстро продвигались по знакомой тропе и были дома еще до наступления полной темноты. Охотники наши матку не нашли, и Вася вернулся ни с чем. Подумав, я решил посидеть дня два на месте, подогнать свои хвосты, отдохнуть, а тем временем послать Дугарчжапа в Цогто хайрхан сомон требовать новых проводников по истокам Чулуту.

10/VIII

С утра занялся вычерчиванием съемки. Получилась полная и подробная картина истоков Хойту Тамира, где непосещенными остались лишь Худжиртэ и Улятуй. Кроме того получилось схематичное изображение части истоков р. Цаган туруту. Через Цзаин, Субурга хайрхан и отчасти Эмэлиин даба я связался со своей съемкой 1926 года, когда заснял Урду-Тамир. Наметились истоки Хануя. Магистраль в этом районе вполне выяснена. Имеется полная возможность составить карту лесов и карту бывшего оледенения, схему современных кочевок и верхнюю их границу. Кстати о границах. Хошунная идет в непосредственной близости от Цзаина по водоразделу двух Тамиров, самый верхний участок (выше дугуна) Урду Тамира отходит Хан ундуру. Затем она идет по магистрали, охватывая истоки Хойту Тамира и Чулуту и заворачивает на водораздел Тэрхиин-гол — Чулуту.

Сомонные же границы таковы. Граница первого на нашем пути сомона <...> со следующим, Хан ундур сомоном проходит через устье Улэнтэя. Эта речка – кочевье Хан ундурцев. Их верхняя граница - падь Сумэтэ (выше хуриэня) и Улалцзай. Мне говорили, что в этом сомоне число юрт неполное. Следующий сомон – Баян мандал. Его граница известна мне пока точнее других. Со следующим сомоном (Цогто хайрхан) он граничит по Харлыкскому кряжу. Истоки Хануя – Баян хайрхан сомон. В Баян мандале и Цокто-Хайрхане число юрт полное.

Вечером я переписал всех птиц, а затем занялся проявлением двух пробных дюжин пленок. Аппарат в порядке. Ошибся я в слишком частом употреблении светофильтра при ветре. Большая часть фотографий чуть смазаны. Не думаю, что тут виноват фокус. Хотя для опыта придется, пожалуй, проявить еще одну дюжину.

Еще рано вернувшийся из сомона Дугарчжап рассказал, что люди назначены на послезавтра. Ехать решил я один, для скорости. Публику отправляю в Урду тэрхи. С негативами я работал до 3-х часов ночи.

11/VIII

С утра отвратительная погода. Я занялся дневником. Вася убежал на охоту, Фролыч спал, а Дугарчжап уехал в аил.

Был порядочный дождь, а налетевший с гольцов сильный ветер разорвал по верхней перекладине наш большой майхан. Спешная починка при общем хохоте. Вася принес из леса прекрасной малины. Ягод здесь, оказывается, порядочно. Вечером все отдыхали за разговором у огонька в большом майхане. Погода несколько разгулялась. Заезжали к нам монголы

и посоветовали направить телеги не кружным путем через бельчир Чулуту - Тэрхи, как я хотел, а все-таки через падь Улцзэйту. Дело в том (и это у меня, кажется, еще не записано), что небольшие правые притоки Тэрхиин гола ниже Урду-Тэрхи берут начало не с магистрали, а с выдвинутого притока Галутэ (?) рч. Улцзэйту. Из вершины этой последней два перевала ведут прямо в Урду-Тэрхи. Один из них вполне доступен телегам. Ранее я слышал лишь о другом, для телег недоступном. Мой же маршрут в этом разъезде таков: исток Хурумиин гола, г. Сэнчжит, Эгин даба (в его стороне сильное понижение магистрали) и по Галутэ до Улцзэйту же. А там видно будет. Вьюк беру один.

В Бумботу, к удивлению, Вася выудил нескольких прекрасных хариусов. Заметил рыбу он также и в устье Нарыин-ама.

Необходимо отметить, что часы мои остановились 20-го или 21-го. Насчет дэльте хара и цубур чоно я спрашивал неоднократно. Здесь нет. Большинство указывает неопределенно – Гоби. Один раз для дэльте указали хошун Пурбу гуна (район Шара усу). Насчет цубур чоно говорили, что он есть в юго-западной Гоби, а один раз указали на цзахачинов, где он же именуется и шара-нохой, т.е. красный волк (<...>). Также неоднократно я спрашивал относительно племенного состава. Халха и халха, старые же роды свои все позабыли. Словом “борби”, вернее “архиный борби” здесь называют просто небольшую флягу, сшитую из сырой кожи, без всяких рисунков. “Хухур” – мешок для айрака.

Еще о золоте. Наше с Чухломиным мнение, что россыпь почти новейшего происхождения. Может быть даже в периоде образования. Основание – следы в новейших наносах в самой вершине. А разрушение основных пород идет, как мы видели, весьма интенсивно.

12/VIII

Утром, пользуясь довольно слабым солнцем, я напечатал большую часть проявленных негативов. Единственный и крупный недостаток – злоупотребление светофильтром, а следовательно и длительной выдержкой, при ветре. А так данные правильны. Довольно поздно подъехал один улачин с ачаным конем. Второго так и не дождались. Уложился и поехал. Выехав из долины Бумботу и миновав морену, мы спустились много ниже, чем тогда с Чухломиным и выехали прямо к Хурумиин голу выше впадения Хутотыйн-гола. Картина открылась довольно занимательная. Между Харлыкским кряжем и водоразделом Чулуту (вернее Галутэ) – Урду-Тэрхи залегает большое понижение, в вершине которого находится Эгин даба. Понижение это разделено продольной возвышенностью, спускающейся с Сэнчжита. По одну сторону его собирается Хурумиин

гол, по другую - Галутэ. Понижение это заперто внизу горой Улцзэйту-убур (?), соединенной очень низкой седловиной с отрогом Харлыка между Бумботу и Мухуром и, таким образом, являющейся частью водораздела Чулуту – Хануй. За седловиной хорошо видна гора Баян цзурихэ, а, следовательно, также и обращенный к Ханую склон Харлыка до Ара-Улалцзай. В месте слияния Хурумиин гол – Бумботу большая котловина, к <...> от нее отдельная гора (небольшая) Цокто-Хайрхан. <...> склон ее сплошь завален моренными отложениями. Пока еще для меня неясно, откуда они принесены. На восточном склоне небольшой дугун, сомонный. В упомянутой котловине порядочно населения. Я насчитал примерно 20-23 юрты. Далее мы поехали вверх по Хурумиин голу, довольно далеко от него, левой стороной. Все время по моренным отложениям. Завернули в аил, где живет второй улачин, но оказывается, он не получил распоряжения и уехал тарабаганить на несколько дней. Здесь 3-4 юрты. Так и поехали далее. По дороге в камнях подняли филина. Чуть выше устья Хангала на Хурумиин голе кочует сейчас уртон Галутэ. Около него 2 юрты. Заехали, думая найти человека. Не вышло. Немногим далее Хурумиин гол выходит из гор. Свернув по нему в горы, мы остановились ночевать в аиле (2 юрты), разбив палатку у самой реки. Мирная картина! Светлая река течет здесь тихо, под высоким яром. Кругом луга, огороженные горами. Сзади небольшой лесок, а дальше гольцы. Около аила табун, стадо сарлыков. В вечерней тишине звенит вольная песня, звонкими голосами перекликаются дети. Закатное небо ясно. Воздух чист и свеж. Мы с Сереном долго сидели у входа в майхан, молчаливо думая каждый о своем. Вечером я немного поработал, писал дневник.

Все эти вышеперечисленные юрты укочевывают зимой в лесистые пади (Бумботу, Хангал, Дабатэ, в первую не выше нашего лагеря – болотисто). Растительность по моренам за сегодняшний день – ксерофиты, главным образом полыни. Кое-где попадаются болотца с осокой.

13/VIII

Из аила выбрались поздно. Думали сговорить себе человека. Потом не ладился вьюк, словом времени ушло много. Невдалеке от аила устье Ацзаг шивэтэ, которая оказалась много короче Хангала. Миновав небольшой лесок и устье упомянутой речки, мы довольно ходко шли далее по Дабатэ (как я уже упоминал, Хурумиин гол считается с места слияния Дабатэ и Ацзаг шивэтэ). Лесу почти нет. По левой стороне все время следы убульчжонов. Подымаясь все выше и выше, здесь уже вдоль магистрали, мы увидели наконец пятна снега на черном каре Сэнчжита. Миновали чуть облесенную короткую падь Арцатэ, распадок Модон

судуг и остановились напротив границы леса, у ручья с кустарником. Арцатэ и Модон судуг – справа. Слева же в Дабатэ падают незаметные распадки – щели. Пока чай да отдых, в вершине сгустились тучи и пошел не то дождь, не то снег — что-то бело было. У нас тоже малость покапал. Я решил никуда не ходить и не ездить, а занялся дневником все еще малость запущенным. Вечером кроме того поговорил с Сереном; сведения от него уже частично записаны выше. Осину они называют – "тоорай". Близко к истине! Он тоже говорил, что за последние 6 лет почти не стало зверя. Ранее же на пройденном нами сегодня расстоянии обязательно должны были бы поднять пару-другую. В котловине слияния Галутэ – Хуримийн гол ранее велись дзере, теперь вовсе исчезнувшие из этого места.

14/VIII

Утром встали на восходе и стали собираться на экскурсию в исток Сэнчжита. Майхан и одного коня оставили без присмотра. Долина полностью схожа с десятками подобных. По дну болотисто, крутые склоны в россыпях. Верстах в 2 выше лагеря слияние короткой Дабатэ (всего версты две до верхушки) и Сэнчжитэ, который и есть собственно главный исток Хурумиин гола. Постепенно подымаясь мы добрались до истока Сэнчжита, такого же террасового, как и большинство подобных истоков. Место очень любопытное. Самый исток – большой кар, вырезанный в громадной толще горизонтальных слоев вулканических пород. Контакт гранита и этих пород проходит в непосредственной близости от кара. Чуть ниже кара в долину с правой стороны вдается высокая скала, гладко обточенная льдом. Сторона, обращенная к долине, совершенно отвесна. Вид ее чрезвычайно оригинален. В вершине кара пятна вечного снега. Гребень его совершенно ровный. Собираясь подняться возможно выше верхом, мы взобрались на край висячей боковой долинки Хара хунке. Поднялись на барьер. Вдруг Серен бросился назад и шепнул мне, что впереди аргали. Мы соскочили с коней и я прополз между камней вперед. Действительно, на противоположной стороне болотистого ложка, у подножья крутого, покрытого россыпью высокого бока долинки лежали три самца аргали, головами в разные стороны. Лежали они спокойно и я имел возможность немного понаблюдать за ними и выбрать самого крупного. До угольцзинов было около 400 шагов. Картинка была из типичных и вместе с тем любопытная. Отдохнув я тщательно прицелился и выпалил. Все три как в ни в чем не бывало, вскочили и стали подыматься по россыпи. Вслед, уже на 600 шагов, я послал еще 4 пули. Один отделился, отошел и остался стоять, в то время как другие два осторожными

прыжками одолевали крутую россыпь. В бинокль было видно, что аргали мой сильно ранен. Вскоре он лег, дрыгнулся несколько раз и затих. Я сфотографировал его, затем ободрал и разделал. С трудом завьючив голову, шкуру и часть мяса (остальное спрятали), я послал Серена в лагерь с обоими конями, а сам стал подыматься на гребень кара. Подъем был не очень труден и взобрался я скоро. По дороге видел стаю хойлыков и пожалел, что отправил винтовку назад. По острой вулканической россыпи и по иссеченному гребню я добрался наконец до вершины. Она оказалась, конечно, совершенно плоской и, что необычно, покрытой мелкой россыпью и даже галькой и гравием. Площадь довольно большая. Видно было чрезвычайно далеко.

В сторону Цаган туруту уходили короткие гольцовые отроги. Между ними течет ряд речек. Из них Дабатэ (Убур) и Нарин, совсем короткие, впадают в р. Улцзэйту. Далее идут Аца и Урготы, повидимому, соединяющиеся в Доной. Далее из-под довольно высокой черной вершины падает рч. Йола. Все эти пади лишь намечаются и в подробностях не видны. Далее на глазах вся посещенная мной часть магистрали. Хорошо виден Анаг, чувствуется впадина Хуху нура. Далеко на юге, за хорошо видным Баян-Хонгором, кажущимся отсюда незначительной горкой, виден длинный вал Далангиин нуру. А над ним в голубом небе чуть синеет вершина Ихэ-Богдо. Под чистым светлым небом в той стороне (над Хангаем почти всегда облака) чувствуются жаркие сухие просторы Гоби. Как все-таки тянет туда! Ихэ-Богдо я обрадовался, как родному. Вообще, к югу тянет гораздо больше, нежели к северу. Виден также Субурга хайрхан. На запад и северо-запад видно также довольно далеко. В ту сторону область высоких гор – магистрали и ее больших отрогов – расширяется и значительно. В ту сторону вообще идет поднятие, если не магистрали, то ближайших районов. Далеко на западе виден отрог с большими снежными пятнами. Я тщетно искал в той стороне вершину Отхан тэнгри, будто бы видную отсюда, но так и не нашел. Очевидно она видна с другого места, так как площадка Сэнчжитэ довольно обширна. Кроме того Отхан тэнгри виден с чжинсы Сумбэру хайрхана. На севере — хаос гор. Вблизи видно расширение долины Чулуту, за которым река скрывается из глаз. В сторону Эгин дабана уходит небольшая безлесная падь Урто ангархай, одна из составляющих рч. Ботогон. Эгин даба от Сэнчжита совсем недалек. В его сторону видно значительное понижение магистрали, очень полого спускающееся к речке Ботогон. На вершине я пробыл довольно долго, хотя меня и пробирал холодный ветер. Затем, отсчитав анероиды, еще раз полюбовавшись на далекий Ихэ-Богдо, я направился огибать кар к истоку Дабатэ. Шлось легко, по гальке, мелкой

россыпи, а далее по гольцовому болотистому лугу. Подходил к краю, там, где вулканические породы сменяются гранитом. Отвесы страшные, сглаженные ледником. На линии контакта взял несколько образцов кварца. После этого я подошел к спуску в Дабатэ. Название обманчивое. Перевалить можно только верхом, да и то отлично зная тропу и на привычной к крутякам и россыпям лошади. Спустившись я довольно быстро дошел по Дабатэ до лагеря. Серен шкуру и мясо довез благополучно.

Несколько восточнее Дабатэ на магистрали виден островок вулканических пород. На месте контакта мне попалось несколько кусков кварцита. Тарабаганы – почти до самого верха. На юг вулканические породы идут по крайней мере до вершины Йолы. По приходе в майхан я застал там охотника за тарбаганами, охотящегося без ружья с собакой. Ужинали мясом аргали. Я таки попробовал в этом году грудины аргали. По причине ночных морозов растительность верхушек за последние несколько дней приняла совсем осенний вид. Все пожелтело, свернулось, сохнет. Рано наступает осень на Хангайских высотах!

Должен отметить, что сведения об истоке Доноя и соседних речках несколько сбивчивы, может быть ошибка.

Об истоке Уты мне сказали, что он находится западнее Цаган туруту, т.е. стекает с байдарагского водораздела. Номон хани хуриэ находится на Цаган-Туруте.

15/VIII

Половина августа, а я все еще на магистрали! Впрочем магистраль – главнейшая задача, далее просмотрю мельком. Утром я обрабатывал шкуру, Серен чистил череп. Это все заняло довольно много времени. Очень поздно стали ачаниться, вдобавок кобыла наша не захотела нести сильно потяжелевший вьюк и не будь подъехавшего вскоре охотника, мы вдвоем ачанились бы до вечера. Наладили все и пошли обратно. Дошли только до аила, где и заночевали. Вулканические пласты прикрывают гранит левого борта долины на всем протяжении до выхода Хурумиин гола из гор. Мыс правого берега напротив аила также составлен ими. Больше ничего нового по дороге не отметил. Вечер провел частью в палатке, частью в юртах. Один тип знает немного Дорджи гэшуна, моего прошлогоднего спутника по Юго-Западной Гоби. Мало в Монголии народу!

Погода за последнее время стояла приличная. Общая характеристика такова: утром ясно и холодно. Часам к 12 появляются отдельные обрывки <...>, затем перья <...>, все это сгущается и под вечер почти каждый день

пахнет дождем. Поздно все это расходится и ночь ясна и морозна. Стороной, но неизменно над магистралью, проходили большие дожди. Над Гоби же неизменно ясное небо.

Тарабаган выспел. Рога, пожалуй, уже кончились. Вообще осенью пахнет здорово. Из-за времени мне придется магистраль за Эгином просмотреть лишь вскользь. Я сильно запоздал. Очень интересно, как справляется С.А. Хотя у него много народу. Я же совсем один. Частенько трудно приходится, намного труднее, чем в прошлом году. Плохо со сборами. По ботанике у меня всего листов 70.

16/VIII

Утром собирались долго и выбрались поздно. Все вдвоем. Из аила поднялись на низкий плоский таг – водораздел Галутэ – Хурумиин гол. Поверхность его – обычный гольцовый кочковатый осоковый луг с небольшими участками россыпи. Валуны вулканических пород перемешаны с гранитными. Поверхность, по-видимому, носит следы воздействия ледника. Именно этот постепенно снижающийся таг упирается в возвышенность Цокто-Хайрхан. Не по нему ли полз ледник, набросавший у последней горы столько моренного материала? С этого тага мы спустились в долину Галутэ, ровный желоб которой врезан в таг, продолжающийся и на другой стороне долины. Верховья Галутэ – три речки (Галутэин — Гурбан — Эхин), остались невдалеке от нас влево. Все они берут начало под украшенным чжинсой отрогом Сэнчжита (Сумбэру хайрхан). Гора эта чтится теперь сомоном. Образована она теми же вулканическими породами, что и Сэнчжит. Лесу в верхушках чуть-чуть. Вообще у долины Галутэ довольно унылый вид. Слияние Галутэ и Ботогона осталось недалеко вправо от нас. Поднявшись на следующую возвышенность, совершенно такого же характера, что и первый таг, я поднялся на небольшой холм. Под ним, напротив высоких красных скал, находится стрелка речек Бугутэ и Ботого — Йола. Хорошо видно пологое понижение Эгина. Спустившись, мы пересекли Бугутэ и направились к расположенным невдалеке по Ботогону аилам. По дороге приостановились около аинчи. Последние возили с Селенги в Баян-Хонгор ханы для юрт и запаслись солью и баранами. В аиле мы отдохнули, оставили свой вьюк и поехали налегке на Эгин даба, до которого оставалось не более 10 верст. Прямо от аила мы поднялись на плоский таг, разделяющий Бугутэ и Ботогон. Проехав несколько верст по нему, мы спустились в очень высокую здесь верхнюю часть Ботогона, в которую и ведет пологий спуск с Эгина. Вершина Ботогона составляется опять-таки из трех речек (Гурбан ангархай). Верхняя из них бежит из угла магистрали, находящегося

несколько юго-западнее Сэнжита, с этого же угла начинается р. Убур йола. Таким образом, излом магистрали не Сэнжит, как я думал ранее, а Йолыйн эхинэй нуру. Нижняя Ангархай начинается под Сэнжитом, гранича там с рч. Сэнжит. Участок Сэнжит – Йола также накрыт мощным слоем вулканических пород. В средней Ангархай ясно видна горизонтальная граница их с гранитом. В верхней Ангархай виден порядочный кар. Нижняя, по выходе из высоких гор на плоскость спускающегося с Эгина тага, отделена от Бугутэ незаметным перешейком. Соседняя Бугутэ врезана в таг гораздо глубже. Переехав бедный здесь водой Ботогон (его настоящим началом считается верхняя Ангархай), мы пологим косогором поднялись к большому обо Эгина, поставленному на плоской седловине перевала. Местные жители считают Эгин даба как бы центром Хангая и чтят его. Находясь вблизи, они не называют его "Эгин", а говорят "Хангаин даба". Обо я заснял. С дабана, особенно отъехав несколько в сторону, открылись довольно широкие перспективы. На юго-западе вдали чувствовалась широкая долина Байдарага, уходившая на юг. Начало Байдарага не так далеко к север-западу от Эгина. За Байдарагом виднелись уже полугобийского характера горы, за ними чуть виднелись еще горы, находящиеся, повидимому, за Цзагом. Вблизи намечались долины левых притоков Байдарага: Хапцагай, Хара хурум (из под г. Йола), Тэйль и Ногон дунд. Впрочем толком разобраться было трудно. На <...> видна была гора Баян цзурихэ. К юго-западу от дабана спуск также пологий. Местность в ту сторону совсем другая. Гольцов далее магистрали нет. Довольно пологие горы, с выходами скал на вершинах, чувствуются широкие долины. Ледниковая деятельность, очевидно, распространялась в этом направлении недалеко.

Серен мой долго молился на обо и оставил по пряди конских волос. Сидели мы там довольно долго. Анероиды я отсчитал дважды. Получается чуть ли не на километр ниже Сэнчжита! Суслики и тарабаганы поднимаются почти до перевала. Потолковали с возвращающимся в Улан чулу улачином. Затем собрались обратно. Той же дорогой быстро (ехали около часа) вернулись в аил. Слияние Ботогон – Йола осталось к <...> от нас. Колесная дорога на перевал идет по Ботогону. Она полога. Единственный недостаток – камни. А то можно было бы перевалить и на машине. Поверхность тага на обратном пути обычна. И здесь кое-где попадаются в большом числе вулканические валуны. Сам Эгин – гранит. Интересно, где же был вулкан, выбросивший такую массу лавы? Вернулись еще до заката. Вечером занимался дневником. Здесь в этих окрестностях лесу совсем мало. Кое-где небольшие колочки. Вернее, эту местность можно назвать безлесной.

В аиле, где мы ночуем, 7-8 юрт. Выше по Йоле еще 5 юрт. Бугутэ и

Галутэ совершенно безлюдны. Вершина Бугутэ составляется из двух падей – Дээд ама и Доод ама.

Таким образом, на участке Хурум – Эгин всего 8 падей. Следующая за Эгином часть магистрали называется Цэлиг.

Волков здесь порядочно. Перед нами волки зарезали барана прямо в хотоне.

Публика приветливая, встречает везде хорошо.

17/VIII

Утром я снял прекрасно видный из аила Сумбэру хайрхан. Довольно поздно мы выбрались вниз. С Улан хады я взял образец. Порода какая-то другая. Как будто кварцит. У подножья скал кэрэксуры. Очевидно, что здесь, так же как и в Хэнтэе (С.А.), граница современного заселения почти совпадает с границей древних могильников. Далее мы ехали плоским галечным дном долины Чулуту, имея слева крутой скалистый склон со скалистым же гребнем, а справа не менее крутой, но гладкий склон Галутэин тага. Между прочим, с речками дело обстоит следующим образом: Ботого впадает в Йолу, которая сохраняет свое название до слияния с Бугутэ, т.е. до Улан-хада. Далее вниз идет Чулуту. Миновали падающий слева распадок Салхитэ. Небольшой лесок и две юрты. По дороге кое-где кэрэксуры. Что удивительно, почти никаких следов ледника. Ни намека на боковые морены. Еще ниже слева подошли две слившиеся пади – верхняя, короткая – Нарин и нижняя, большая – Цаган сайр. Именно эту последнюю я и видел с истока Ацзак-Шивэтэ. Лесу в них уже значительно больше. Дно Цаган сайра у устья плоско и широко. Растительность бедновата. 2 юрты на виду. Вершина этой пади уходит под вершину рч. Улцзэйту. Несколькими верстами ниже долину неожиданно перегородила солидная морена. Это как раз у впадения Галутэ. И далее вниз ландшафт долины стал моренным. Таким образом и с этой стороны понижение Чулуту имеет моренные нагромождения до Цогто хайрхана. Я так и не могу понять, в чем дело? Неужели весь Галутэин таг был под огромным ледником? В таком случае долины Галутэ (боковые морены отсутствуют), Бугутэ и нижней Йолы прорыты позднее водой. Если и был такой ледник, то он сползал двумя языками: по теперешнему Хурумыийн голу и Чулуту, набрасывая моренные валы на нижнюю часть Галутэин тага. Моренный материал – почти сплошь гранит, с примесью вулканических туфов. Ниже Галутэ аил. Юрт 6-7. Бока долины становятся совсем низкими. Еще ниже слева впадает небольшая падь Цохетэ. В ее устье тоже 7-8 юрт. Напротив впадения Галутэ слева же была большая падушка Маратэ (лесок). Миновав Цохетэ, мы доехали наконец до устья

Улцзэйту-гола. Хурум впадает в Чулуту еще ниже. В стрелке небольшая горка Тэг (совсем гобийское имя!). На устье Улцзэйту около 10 юрт. Вниз по Чулуту видно верст на 20. Далее глаз упирается в высокую плоскую гору Уха чулуту, часть водораздела Чулуту – Хануй. На ее западной стороне хуриэ Ширэту гэгэна. По словам Серена хуриэ этот многим меньше Цэцэн вана. Ниже Улцзэйту в Чулуту с левой стороны впадают следующие пади: три Чжиргаланту и Цзун модо. Ниже будто бы больших падей нет. Серен назвал еще два урочища – Улан тологой и Хара хада. За ними есть еще речка Тэйль, исток которой находится близ истока рч. Цзун модо, а устье - ниже Хара хада и выше Ширэту-Гэгэна. С правой же стороны Серен назвал мне небольшие, почти безводные пади Чжапчлик (?!) (без воды), Торомтэ (ключ). Хурумиин гол по выходе в широкую здесь долину Чулуту еще долго течет отдельно, сливаясь ниже Чжапчлика.

На устье Улцзэйту мы заехали в аил дарги, но не застали его дома и двинули вверх по пади. Даргу встретили по дороге и переговорили о смене. Пройдя еще версты две стали на ночевку. Вечером еще приезжал дарга и послал бошко за сменой. Чуть ниже нас две юрты. Долина здесь широка. Впрочем об Улцзэйту-голе подробнее завтра, по ознакомлении. О наших слышно, что перевалили. Как уж — не знаю.

18/VIII

Хорошо выспавшись утром я полез на гребень между Улцзэйту ама и Цохетэ. Добравшись до него я долго сидел на гранитной вершинке. Вид открывается отсюда весьма широкий. Виден весь Харлыкский кряж и часть магистрали до Сэнчжита включительно. На свежую память подробно о нем. Наибольшее повышение, как следовало ожидать, чувствуется вокруг Сэнчжита. Этот последний фактически не виден, будучи заслонен ближним отрогом (Сумбэру хайрхан). Видна лишь юго-восточная часть кара. Из под Сумбэру хайрхана выходят три ущелья истока Галутэ, все хорошо видные. На восток от Сэнчжита (вернее на северо-восток) идет сначала магистраль, а затем Харлыкский кряж, крайний голец которого лежит северо-восточнее пади Цзун модо. Вся эта линия ровна. Кроме Сэнчжита незначительное повышение чувствуется в узле Анага. Вид всей этой линии гольцов весьма внушителен. Глубокие долины речек разделены широкими и плоскими мощными гольцовыми отрогами центральной линии. Эта последняя в некоторых местах (узел Харлыктэ – Хангал – Нуриин ама) сильно подточена и там видны уже знакомые мне иссеченные гребни. Так последовательно видны, кроме упомянутых уже истоков Галутэ, исток Хурумыйн-гола, т.е. Ацзаг шивэтэ, кроме самой верхушки, затем часть Дабатэ и вся Арцатэ. Хорошо виден изгиб Хурумыйн-гола по

выходе из гор. Ближе, отделенный массивным отрогом, широкой дугой изогнулся Хангал. Об его вершине я только что упоминал. Еще ближе, за раздвоенным на мысу впадиной Хушотэ гольцом, течет Бумботу. В ее вершине виден кар, на верхушку которого я лазил. Далее Бумботу, опять таки за широким гольцовым отрогом, видна большая падь Цзун модо. Мухур, оказывается, просто боковой ее приток в вершине, с левой стороны. Цзун модо – последняя большая падь Харлыкского кряжа. Далее идет большое облесенное понижение, ведущее к седловине Худжирийн дабана. Следующие пади: Угомыр, Бага-и Ихэ ангархай коротки и незначительны. За Худжирийн дабаном видна невысокая горка, отделяющая его от Улалцзая. Далее этот водораздельный гребень скрыт ближней горой Улцзэйту-убур. В понижении Худжирийн дабана видны далее лежащие Хан ундур и Сумэтэ ихэ. Впрочем на счет этого есть тень сомнения. Съемка покажет. От отрога Бумботу Цзун модо еле заметный пологий водораздел Ялатэин дюрюльчжи ведет к довольно высокой горе Улцзэйту-убур, которой собственно и начинается настоящий водораздел Хануй – Чулуту. Этот последний представляется довольно высоким и широким горным хребтом, без гольцовых вершин, изрезанным сухими, или почти сухими логами и падями, разделенный более или менее острыми гребнями. Довольно далеко вниз, немного ниже изгиба Чулуту, в хребте этом выделяется высокая плоская гора Уха чулуту (название имеется на сорокаверстке). Внизу почти видно слияние Хурумыйн-гола и Чулуту. Как на ладони видна горка Цокто-хайрхан, к которой приводит постепенно понижающийся язык Галутэин тага. Лесу на водоразделе Хануй – Чулуту почти не видно. Кое-где чуть видны полоски его. Больше всего леса по устьям Цзун модо, Бумботу, Хангала. Улцзэйту и Цохетэ тоже хорошо облесены (с сиверовой стороны). В сторону их истоков виден внушительный полукруг гольцовых вершин с одной большой седловиной посредине. Долина Улцзэйту видна вверх на несколько верст, до сужения. Ниже его, до устья она широка и плоска. Убур совершенно безлесен, кое-где выходы пород в виде небольших скал. По речке в месте сужения значительная кустарниковая урема. Участок уремы имеется и около устья, где речка прижимается к левому берегу. Правый гребень Улцзэйту составлен гранитом, кое-где образующим выветренные скалы, хорошо облесен и разделен небольшими крутыми распадками. Падь Цохетэ, как будто, не очень длинна. Ниже Улцзэйту виден еще ряд падей. Лесу не видно, так как в мою сторону обращены убуры. По гребням впрочем видны линии деревьев.

Вообще в эту сторону ничего не видно, кроме хаоса острых гребней. Разобрать долину Чулуту и Тэрхи не представляется возможным, так как

они сливаются вероятно намного ниже. Горизонт замыкается отдельно возвышающейся горой с двумя вершинами, на которую я уже неоднократно делал засечки.

Обратно я спускался лесом. Качество его неважное — малорослый и тонкий. Вверху порядочно валунов. Нижний ярус — трава в кочках. Порубок довольно много. Спугнул большую козу, видел бурундука. Следов разных довольно много. Трудно лишь разобрать, чьи. Здесь намного теплее чем в гольцах, поэтому многое еще цветет и наступление осени еще не так заметно. На обратном пути взял образец гранита. В лагере без перемен. Смена так и не едет. В устье Хурумиин гола 12 юрт, да одну видел в ложке на Галутэин-таге.

В Цаган Туруте, Аца и вершина Доная – одно и то же. Темным остался вопрос о Бурин хане. Путает меня мой чертеж. Шара цохе и Ихэ цохе текут ли по обеим сторонам Бурин хана, или по одну сторону? Как будто по обеим сторонам.

Расспросил Серена подробно о кочевках в его сомоне. Границы сомона определились. С одной стороны Харлыкский кряж, с другой магистраль, затем водораздельный отрог Улцзэйту, затем гребень Дунду-Цзун Чжиргаланту, гора Улцзэйту убур и далее почти по Ялатэин дюрюльчжи (маленький кусок остается) к гребню Цзун модо – Бумботу. Цзун модо относится к Баян хайрхан сомону.

В сомоне Цогто хайрхан полностью 150 юрт. Площадь его велика, но много занято непригодными для проживания гольцовыми грядами, болотистыми вершинами речек. Кроме того много места занято двумя уртонами (Галутэ полностью и большая часть уртона Цзун модо). Уртонные пастбища определяются так: Галутэ занимает рч. Бугутэ, устье Йолы, Галутэ, Хурумийн гол от мыса до устья Хангала включительно. Район кочевок уртона Цзун модо начинается с Хушотэ гола (даже чуточку дальше) и идет вниз по Хуруму, охватывает устье Бумботу, Ялатэин дюрюльчжи и уходит в пределы Баян-Хайрхан сомона. Таким образом на долю обитателей кочевок Цогто хайрхана остается не так много. Каждая юрта кочует недалеко - в пределах десятка верст и поблизости от арбанай-дарги. Годовое число кочевок различно. Зависит от характера хозяина и от количества скота. Некоторые любят частые перекочевки, другие предпочитают подольше посидеть на месте. Наибольшее число перекочевок падает на весну, когда стараются скорее поправить скот новой зеленью. Используются убуры и дно долин, кроме болотистых верхушек. На этих местах, повидимому, старая трава съедается вся. Так, по крайней мере, говорит Серен.

Подтверждается, что траву болотистых плоскостей тагов и болотистых

верхушек, а также и лесную траву скот ест неохотно и плохо жиреет и заправляется. Таким образом основным кормом является формация сухих склонов и почти сухих же речных долин, низкорослая, содержащая много полыни. Фактически получается то, что жители богатого сочным разнотравием Хангая ищут для своего скота формацию, наиболее близкую к гобийским. О гобийских травах все отзываются очень хорошо. Исследование кормовых свойств ксерофитной полынной степи помогло бы разгадать загадку, почему жиреет гобийский скот на столь скудной растительности. Густотравие речных верхушек используется лишь отчасти и то зимой. Малоиспользованной площадью в Цогто хайрхане остается низкая часть Галутэин тага. Причина тому – безводие. Кочевки охватывают лишь его окраины близ речек, да зимой и весной кое-кто кочует по нему, пользуясь снегом. Снегу вообще выпадает не так много – 3-4 пальца, четверть. Более этого (я говорю об открытых и низких местах) бывает лишь после пург – шурганов.

Сомонная граница строго не соблюдается. Приграничные аилы соседних сомонов кочуют по обе стороны границы. В случае сильной засухи в одном сомоне и лучших условий в другом, перекочевки в этот другой сомон, с согласия дарги, принимают более массовый характер. Беспорядочное перекочевывание по районам других аилов допускается лишь в засуху. Тогда же случается, что прикочевывают и из соседнего хошуна, например, из Баян-Хонгора, правда, лишь приграничные жители. Распределения кочевок сверху, через сомон или сомоннное собрание, не бывает. Публику старается удержать в пределах досягаемости арбанай дарга, вообще ответственный за каждую отдельную личность. Поместить в этот сомон, при наличии 2 уртонов, еще 20-30 аилов Серен считает почти невозможным. Что же касается косьбы высоких лесных и болотных трав (так как вся другая съедается), то это было бы, несмотря на их низкие кормовые качества, большим подспорьем зимой и ранней весной, когда вообще падает скот и особенно бараны. Здесь нужен пример, толчок. Это также мнение Серена. Но заниматься сенокосом здесь довольно затруднительно, так как именно в самое благоприятное в смысле состояния трав время идут дожди. Кроме того в большинстве случаев вывоз сена весьма затруднителен, по причине россыпей и болот. Вообще улучшение быта должно быть предварено тщательным изучением условий, так как оно связано со значительной ломкой общего бытового уклада.

Попыток земледелия здесь никогда не производилось. Сомоны, расположенные вниз по Чулуту и Ханую, находятся в лучших условиях, в смысле отсутствия уртонов и значительно меньшей площади непригодных для пастьбы угодий, но зато и общая площадь их, при одинаковом числе

юрт, относительно меньше.

Таким образом я считаю довольно подробно обследованным, в виде образца, два сомона: Баян мандал и Цокто-Хайрхан. Хан ундур обследован более чем наполовину. Плохо только с ботаникой и почвами. Последние, впрочем, в этом районе не так интересны, вследствие его абсолютной высоты. Ниже 1500 метров я не спускался, кроме окрестностей Цэцэн вана. На подробную карту могу нанести формации, лес, кочевки, число юрт.

Снабжение населения товарами вполне сносно. Недостаток того или другого зависит от перебоев доставки такового в центр – Уланбатор. Затруднений в сбыте сырья также нет. Количество скота если и уменьшается, то только вследствие падежей. При достаточной же ветпомощи оно должно увеличиваться. Живым скот продают мало, сознавая его необходимость. Налоги выплачивают продавая шерсть и прочие продукты (главным образом). Кроме того дарги-сборщики следят за числом скота и стараются, чтобы последнее не убывало бы без уважительных причин. В случае уменьшения числа бодо нет конца вопросам, почему да отчего.

Белки в этом сомоне значительно меньше, чем в Баян мандале. В хороший год охотник за день бьет 3-4 штуки. Рогов за этот сезон убили всего две пары и очень маленьких. Цена за первосортные 10-12 саланные достигает 200 и выше тугриков. Спросил Серена о шахматах. Здесь играют уже по западным правилам: ферзь ходит по - европейски. Спрашивал, далее, об улигерчи. Сказывают, но мало; хороших, с аккомпанементом, нет.

Относительно общего положения. Вследствие близости к центру, распоряжения его понимаются и выполняются правильно. Год от года жить становится лучше, глубже разрабатываются основы государственного уклада. Добром поминающих старое почти нет, он, т.е. Серен, уверяет, что нет вовсе. Словом, с этой стороны дела обстоят хорошо. Ламы прикреплены к монастырям. Обязательных поборов в пользу последних нет. Но добровольные сборы производятся все таки через власть. Чжяса просит о помощи тот или другой сомон. Собираются арбанные хурулы и каждый, по желанию, дает, что может. Делами веры распоряжается шачжинай ямунь, из 7 габчжей, стоящий наравне с хошунными учреждениями. Гелюны и габчжи, впрочем, требуют почета почти по-старинному. Скот монастырский пасется по аилам.

Китайская торговля находится в сильном упадке. По мнению Серена, китайцы должны едва перебиваться, изображая из себя случайных перекупщиков – панзачей. Монополией их остались лишь панты (а как мало их бьют!) и грибы (<...>). Пантов, правда, в Баян-Хайрхане угробили

в этом году пары 4. Таким образом на район Цэцэн вана пантов пришлось в этом году вероятно немногим больше 10 пар (Баян-мандал – 1, Цогто хайрхан – 2, Баян-Хайрхан – 3-4, остается Хан ундур – неизвестно).

Известных певцов в сомоне нет. Старинная песня в некотором упадке – молодежь поет новое.

Ула моя так и не заявилась. День не потерян только благодаря расспросам.

19/VIII

Черт бы их побрал. Вечер второго дня, а смены нет. Весь день в ожидании бил баклуши. А день много значит. Нового узнал лишь то, что летом бараны и козлы – производители пасутся отдельно. Их собирают из многих аилов в одно стадо, пасет которое один какой-нибудь аил, получая за это шерсть с пасомых баранов и эквивалент шерстью же за козлов.

Осенью со среднего месяца их припускают в стада. Отлучают снова с первого летнего месяца. В производители отбирают крупные и сильные экземпляры. Точно так же и у крупного рогатого скота – выбирается хороший экземпляр, для сарлыков с хорошей шерстью. У коней бегом не интересуются, отбирая лишь гривастых, крепких телом производителей.

Вчера я забыл записать время замерзания и таяния речек. Замерзают в последнем осеннем, тают в последнем весеннем месяцах.

Вечером сходил на охоту. Ничего не видел, а прошел порядочно. Далее видны большие участки леса. Подтверждается первое наблюдение, что лес плохой: тонкий и малорослый. Следов эксплуатации много. Видел чиндагана (<...>).

Сын Серена, между прочим, учился в Ленинграде и служит сейчас, кажется, в охране в Улясутае.

Долина Улцзэйту с притоками, видимо, довольно густо заселена. Эти два дня мимо нас все время проезжают взад и вперед люди. На устье Улцзэйту стоит небольшой хашан с несколькими постройками китайского типа. Это “дворец” князя Барун гуна. Сейчас в нем никто не живет, а принадлежит он сомонному дугуну, от которого там дежурит сторож.

Позавчера вечером пролил небольшой дождь. Вчера также пробовало капать. Сегодня, несмотря на тучи, обошлось благополучно.

Попробую сделать сводку геологических данных. Цзамтэ – вверху кварцит, ниже из-под него показывается гранит. Кварцит его кое-где прикрывает. Гранит распространяется далеко вниз, охватывая и Урду гол. В верховьях Хойту гола в Бугутэ вверху частью также кварцит, ниже гранит. Магистраль в окрестностях Цохе – гранит. Левый бок – кварцит, два незначительных останца туфов. Нуриин ама и Хуху нур – сплошь

гранит. Харлык – так же. Сэнчжит и Йола - туфы. Туфы же прикрывают левый берег Дабатэ, выступая и на правом мысу. В контакте кое-где кварцит (?). Гранит вперемежку с туфами в верхней части Галутэин тага и в окрестностях Эгина. Эгин - гранит. Улан-хада и далее левый берег Чулуту – кварцит. Низовье Улцзэйту – снова гранит. Гранит же, по-видимому, и почти по всему водоразделу обоих Тамиров. Лавовые останцы по Хойту-Тамиру.

Ула и 20-го не заявилась. Чтобы подтолкнуть я съездил в сомон, благо вернулся из аймага настоящий сомонный дарга - Долгорчжап. Видимо, умный и дельный человек. Его, кажется, прочат в делегаты на Великий Хурул. Назавтра назначили двух молодых парней. Остаток дня я с Нямбу-даргой (наринбичигин дарга) проездил по аилам. Время провели весело. Сомон стоит на Хурумиин голе, между Улцзэйту-убур и Цогто хайрхан. Аилов 5-6. Низкая стрелка Чулуту – Хурумиин гол – лавовый поток. На склоне Цогто хайрхана – рощица. Вот все новое, что можно отметить. 21-го выбрался я лишь около полудня. Распрощался с Сереном. Вьюк пошел на двух конях. Немногим выше нас Улцзэйту получает справа большой приток Хомон гэр, правая сторона которого обильно облесена. Вершина в гольцах, довольно высоких. Выше Хомон гэра долина Улцзэйту сужается. Появляется обильная урема.

С левой стороны к реке подступают гранитные скалы. Далее справа в реку впадает незначительный ключик Ангир булаг. Выше его в долину слева врезается невысокая гранитная коса. За ней слева же подходит небольшая падь Улан чулу. Это – граница гранита и кварцита, выступающего далее по левому берегу высокими скалами. Еще немногим выше Улцзэйту получает справа большой приток Бугутэ. Почти напротив Бугутэ, немного выше слева подходит небольшое ущелье Нарин улан чулу, затем небольшой лог Доод булаг. Здесь долина Улцзэйту значительно расширяется, исчезает урема и по долине появляется моренный материал. Немногим выше слева же подходит ключ Дээд булаг. Почти против него справа впадает большая падь Ухан марта, а за ней - Нарин. Миновав Нарин, мы остановились немного выше его, почти под большой конечной мореной Улцзэйту. В месте морены значительное сужение долины, по обеим сторонам которой подымаются два высоких крутых гольца. Из них южный, более высокий, поднимается над рекой почти на 700 метров. Теперь несколько подробнее об Улцзэйту. Как видно из краткого перечня притоков, крупные все приходят справа, причем Нарин и Ухан марта берут начало с магистрали.

Следующей к Эгину речкой, текущей с магистрали, будет Цаган сайр, а далее следует Йола. Бугутэ и Хомон гэр берут начало с короткого, но

высокого гольцового кряжа – водораздела Чулуту – Улцзэйту, отходящего от магистрали между Ухан марта и Цаган сайром. Водоразделы третьего порядка: Нарин - Ухан марта, Ухан марта - Бугутэ, Бугутэ - Хомон гэр – все довольно высоки и имеют гольцовый характер. Все эти речки по правой стороне прилично облесены и, кроме разве Нарина, имеют в вершинах небольшие разветвления. Дно долин – большей частью (насколько можно судить издалека) полуболотистый кочковатый луг. Убуры безлесны, круты и мало расчленены. С левой стороны Улцзэйту не получает ни одного большого притока. Ключи (имеющиеся лишь в верхней части долины) коротки и незначительны. Гольцы с этой стороны начинаются несколько ниже Доод булага. Эта сторона Улцзэйту совершенно безлесна. Формация склонов – ксерофитный убур. Самая долина реки имеет большей частью галечную почву и травы, очень основательно вытравленные (за исключением небольших участков), также большей частью относятся к сухой формации. Аилов много. Всего по Улцзэйту с притоками кочует до 50 юрт, распределенных следующим образом: около нашей трехдневной стоянки – уже упомянутые две юрты. Затем в устье Хомон гэра – 8, выше по этой пади – 7, напротив ее устья – 8. Далее в Улан чулу – 3, в Бугутэ – 4-5, у Дээд булага – 12, на устье Нарина – 5. Вытравив летом траву по самой Улцзэйту, они перекочевали сейчас на осеннюю кочевку. Зимовать будут по мелким распадкам в притоках, а частью по убуру самой реки. Нямбу, например, зимует на убуре почти напротив нашей “долгой” стоянки. Охотников поядочно, сейчас все тарабаганят, частью в Цаган сайре и Йоле, частью в Гичигэнэ и Урду-Тэрхи.

Между прочим, Серен неправильно перечислил мне пади левой стороны Чулуту, ниже Улцзэйту. Сначала идут Гурбан-Джиргаланту, а потом уже Цзун модо. Непосредственно с водораздела второго порядка Тэрху — Чулуту берет начало последняя, прочие же начинаются ниже, с водораздела 3-го порядка.

Ниже Хара-хада в Чулуту с левой стороны впадает приток Халун усу, с сернистым аршаном. Температура его не очень высока – тело терпит. Там устроено несколько ванн. И уже ниже Халун усу с этой же стороны впадает Тэйль. До него от устья Улцзэйту надо считать примерно около среднего уртона (верст 30). Говорят, почти столько же, сколько от Улцзэйту до Эгина. Ниже Улцзэйту-убура часть водораздела Чулуту-Хануй носит название Табун цохе (?). Халун усу - большая падь.

Вечером со стоянки, я полез на высокий голец к юго-западу от лагеря. Лез я более 1½ часов. К сожалению, во-первых, было довольно поздно-на вершину я забрался к 7-ми часам; во-вторых погода окончательно

испортилась. Все было в тучах, временами, при сильном ветре хлестал холодный дождь. Насчет видов было скверно. Чуть мог различить я вдали Харлыкский кряж и разобрать хоть отчасти подробности строения правых притоков Улцзэйту. Видно было и в сторону истока этой реки, но об этом ниже. Голец этот сложен кварцитом. И на склонах, и на вершине, за исключением небольших участков россыпи – приличная гольцовая трава. Обратно я спустился в полчаса, почти все время бегом. Разность отсчета анероида показала чуть ли не 660 метров от вершины до лагеря. Спускался я, следовательно, на 22 метра в минуту. А всего этот голец, считая, что настоящая вершина осталась немного далее, да наш лагерь был значительно поднят над руслом реки – поднимается над последним почти на 700 метров. Пока варили обед, ветер усилился, дождь хлестал вовсю, темь была непроглядная. Магистраль напоследки хочет запугать меня. Но мы преуютно поужинали, сдобрив мясо чашкой ракуши.

22/VIII

Утром двинулись далее. Сейчас же за стоянкой перевалили конечную морену и этим самым прошли в неширокие ворота между высокими и крутыми гольцами. Начался гранит, из которого и составлена главным образом конечная морена. Почти в самом проходе с левой стороны в Улцзэйту падает узкое и крутое ущелье Ангархай, начало которого стиснуто в высоких и очень крутых черных кварцитовых гольцах. Далее тропа, носящая оригинальное название “Хулагайчин цзам” (“Воровская дорога” – *прим. сост*.), повела по болотам и валунам вдоль текущей среди невысоких беспорядочных гранитных сопок речки. Пройдя верст 8-9, мы остановились близ истока Улцзэйту на границе леса. Пообедав, мы с Идамчжапом заседлали коней и полезли вверх, на намеченную заранее гранитную сопку. Лезли долго, объезжая россыпи и болота. Живого ничего не видели, за исключением белых куропаток.

Вид с этой сопки открылся не очень широкий, но достаточно примечательный. Мы были на магистрали, но в довольно странном месте. В мощном горном центре (отсюда расходятся многие важные отроги), в самой середине расположена неправильной формы котловина, заполненная относительно невысокими гранитными сопками и холмами. Холмы эти носят явные следы обтачивания леднкиом, образуя местами типичные “бараньи лбы”.

Между сопками этими залегают пологие долины и ложбины, болотистые, частью заваленные валунами, с рядом озерков. Разделенные незначительными седловинами, здесь берут начало р. Улцзэйту, Байдараг, Будун гичигэнэ и, немного далее, за пределами этой котловины, Урду-

Тэрхи и Цзаг. Окружена эта котловина высокими кварцитовыми гольцами обычного типа, значительной высоты. Чувствуется, что находишься в центре огромного гольцового узла. С этой котловины Байдараг, Улцзэйту и Гичигэнэ уходят в глубокие и узкие щели-проходы межд упомянутыми гольцами. Скала, с которой я рассматривал всю эту картину - высшая из гранитных холмов. В деталях окрестности ее таковы: на юг идет низкая седловина – вал, примыкающая к высокому и длинному гольцу, на <...> крыло которого я лазил, вчера. Часть этого гольца (назовем его Нарин), самая высокая, его западное крыло и только что упомянутая седловина составляют участок магистрали. В седловине верховой и легко вьючный перевал Дуру хангинахин из Улцзэйту в Байдараг. Далее магистраль идет к <...> от скалы, мало заметным увалом разделяя собственно вершину Улцзэйту от главного истока Байдарага, текущего здесь параллельно магистрали и проходящего у подножья моей скалы. Верстах в 6 увал упирается в подошедший с севера высокий гольцовый отрог. ***Здесь линия водораздела поворачивает к западу*** (см. далее). Между этим отрогом и таким же, следующим к западу – узкие ворота. ***В их устье чувствуется перегиб Байдараг – Будун-гичигин.*** Собственно исток Байдарага немного западнее. Обогнув этот исток, магистраль поворачивает к юго-западу и дает к югу небольшие отроги, разделяющие три истока Байдарага. Пройдя затем небольшую седловину между крайним западным истоком Байдарага и истоком Урду-Тэрхи, магистраль упирается в высокий голец, в 12-15 км на запад (248) от скалы. Далее не видно. Таким образом наибольшее понижение магистрали – участок между Гичигэнэом и <...> крылом г. Нарин. От только что упомянутого высокого гольца (назову его Тэрхи), вдоль правого берега западного истока Байдарага, идет мощная гольцовая гряда, образующая вместе с <...> крылом Нарина ворота Байдарага и сопровождающая последний далее. За ней чувствуется глубокая долина и видна еще одна гряда, отходящая, как будто параллельно упомянутой, также от узла Тэрхи. Не есть ли эта долина исток Цзага? Тем более, что Идамчжаб уверяет, будто Байдараг в вершине и до самого Цзага не получает ни одного большого притока справа.

Слияние трех Байдарагов тут же и почти видно со скалы. Высокие гольцы от истока Гичигэнэа к востоку дают широкую дугу к <...>, примыкая затем к воротам Улцзэйту. Они очень высоки и круты. В одном месте виден солидный кар. Из под них бегут ключи левой стороны Улцзэйту – Доод булаг и Гелгэр.

Пока мы были на скале, кругом ходили оборванные тучи. Черные гольцы временами задергивались беловатыми завесами снежной крупы. Полоса ее нашла и на нас и изрядно нас похлестала. Угрюмый, суровый,

дикий вид у этого места! Суровые горы, пожелтевшая, кочковатая трава, седые россыпи и почти полное отсутствие видимой жизни. И в тишине, под тучами, в свисте ветра зарождаются реки, имеющие такую разную судьбу. Быстрый веселый Байдараг, бодро пробиваясь через сухосклонные серо-зеленые горы южного склона Хангая, борясь с пустыней, бессильно разливается озером, встретив неодолимые стены Гобийского Алтая, сухие и жаркие. Дорога же капли, упавшей верстой дальше, совсем иная. Шумят многоводные речки хангайских сиверов, то и дело сливаясь в многоводную Селенгу, встречаясь в ней с водами Хубсугула, урянхайской границы, с водами Хэнтэя и бурятской тайги. Выбравшись из бездонного провала Байкала, все эти воды достигают наконец великого Енисея, мерно, плавно и разливисто текущего в Великое Северное Море.

Проделав всю необходимую работу и насмотревшись вдоволь на исток Байдарага, как первый его исследователь, я с Идамчжапом поехал обратно, под хлестким холодным дождем. До лагеря дошли быстро. Близ нашей стоянки в изобилии имелось странное растение “тэмэн сууль”, впервые виденное мною в Дабатэ. Растение это встречается исключительно в альпийской зоне, близ границы леса, давая лучшие экземпляры по россыпям. Несколько экземпляров я взял. Далее, в окрестностях этой же стоянки есть несколько убульчжонов, собственно боуц. Кочуют зимой и весной. По гранитным убурам растительность, действительно, для скота подходящая. Место это называется Очирга. По речке довольно много кустарника, главным образом ивы. На одной из скал несколько кустов осины. Черная кислица по-монгольски хада, крыжовник – тошило, жимолость (? синие продолговатые ягоды) — чоно элик. Невыясненным остается ухурыйн нюду.

От Очирги расходится несколько троп (едва заметных, впрочем). Одна из них ведет через Дуру хангинахин по западному истоку Байдарага к истоку Урду-Тэрхи. От нее ответвляется тропа вниз по Байдарагу к хуриэ Цэцэн вана, до которого отсюда больше уртона. Хуре этот верст на 20 (?) выше устья Ногон хундэй. Затем от Очирги идет тропа в Будун гичигэнэ, а охотники хребтами пробираются к истокам Шара-и Хара-усу. Название “Хулагайчин цзам” – нарицательное, прилагается всякой малозаметной трудной тропе. Спускаться я решил в Будун гичигэнэ.

23/VIII

Утром заачанились и поднялись на каменистую гряду перевала Улцзэйту – Байдараг (магистраль). С нее пологий, равнинный спуск повел к мысу черного гольца, подходящего к магистрали с севера. По дороге я заехал на одинокую гранитную горку, возвышающуюся над самым

Байдарагом и, пользуясь выглянувшим солнцем, снял несколько фотографий. Доехав до гольцового мыса, я увидел, что за ним не спуск в Гичигэнэ, как я думал вчера, а довольно широкая и болотистая долина истинного истока Байдарага, окруженная высокими гольцами. Исток Байдарага огибает, таким образом, истоки Улцзэйту, начинаясь с <...> склона высокой вершины, с <...> склона которой течет Гелгэр, <...> приток верхнего Улцзэйту. Магистраль, таким образом, выкидывает здесь странное коленце. Гольцы, окружающие эту высокую и тихую долину, весьма высоки. Обогнув следующий гольцовый мыс, мы вышли наконец к перевалу в Гичигэнэ. Но надо закончить о Байдараге. Почти прямая долина его по выходе из высоких гольцов, т.е. ниже нашего пересечения, широка и полога. Россыпей нет, гранитных выходов, за исключением, посещенной нами сопки, также. Покрыта она кочковатой гольцовой травой, болот немного. Гольцы правого берега поднимаются над ней очень невысоко. Вся эта местность как будто специально предназначена для обитания аргали и, тем не менее, мы ни одного не встретили.

Вид в сторону Гичигэнэа был внушительный. С чуть приподнятой над Байдарагом плоской седловины круто ниспадали узкие щели. Несколько далее ущелье Хапчик (правый приток Будун гичигэнэа) уходило в прорыв между высоченными гольцами, почти отвесно, каскадом скал, падающими ко дну ущелья. Глубоко внизу виднелись речка и лес. Быстро спустившись по не очень скверной тропе на значительную глубину, мы оказались в приятнейшем месте, живо напомнившем мне лучшие ущелья Цзамтэ. Дно ущелья – богатый, густой альпийский луг. Крутые склоны по-осеннему ярко расцвечены. Ползучие, низкорослые кустарники окрашены во все переходы от ярко-зеленого и буро-фиолетового до ярко-желто-красного. Получается чрезвычайно красивый, цветистый ковер. Все это заключено в рамку круторебрых скал, высящихся на головокружительной высоте.

Лес – лиственница. Продолжая спускаться, мы вскоре доехали до выхода из этого колоссального прорыва. Перед выходом по левым скалам появился немногочисленный кедр. Сделав небольшой поворот, мы внезапно очутились на краю обширной долины верхнего Будун гичигэнэа. С боков снова появились гранитные гряды и моренные отложения. Влево на морене растет густой лиственничый лес. Пройдя еще немного, мы остановились около речки, с версту не доехав до первого аила Далай-вановского хошуна. Сегодняшний перевал называется Хапчикийн даба. Я сходил на небольшой моренный бугор на левой стороне речки, сделав его точкой съемки. Ознакомившись несколько с окрестностями, я успел еще сходить в аил и расспросить о названиях местностей. В аиле этом мне

бросились в глаза совершенно олотского типа торцаки с длинными кистями. Живо вспомнился Эцзин гол. Это уже, по-видимому, западное влияние. Вернулся поздно, решив завтра ранним утром залезть на левый бок Хапчика и в последний раз взглянуть на магистраль. Между прочим, виденная нами со скалы долина за западным истоком Байдарага принадлежит не Дзаку, как мы думали, а правому притоку верхнего Байдарага, рч. Мандал. Впадает она в Байдараг, как будто, немного ниже Цэцэн ванского хуриэ. Но вообще надо сказать, что за пределами Улцзэйту мои проводники – пасс. Плоховаты. Названия вершин тоже не знают. Все-таки я записал названия магистрали между Эгин даба и истоком Байдарага. Сначала идет Цэхэлик, в истоках Йолы - Хуху дабанай-нуру. Верховой перевал Хуху даба в падь того же имени, впадающую в Байдараг выше Ван хуриэ. Далее идут Цаган сайрэн-нуру, Бугутэин нуру. В последнем верховой перевал в рч. Мурэн (Бугутэин даба) – Байдараг. Из Ухан марта (нуру того же имени) перевал в Ара бугутэ.

Голец, на который я подымался со стоянки в Улцзэйту, называется Салхир нуру. Его продолжение – Хурун тобогор. Перевал из Байдарага в Урду-Тэрхи называется Хуху даба. Горы левой стороны Улцзэйту имеют следующие названия (снизу вверх): Цалу (напротив моей "долгой стоянки"), Ханангиин нуру (напротив Хомон гэра), затем Салхитэ нуру, Хурун тобогор и Булыгиин даба.

24/VIII

Чуть стало светать, мы с Идамчжапом заседлали коней и направились вверх по гранитному мысу, к намеченной мною накануне вершине. Верхом я доехал почти до границы леса, а затем стал подыматься по крутому мысу. Самый верхний участок пути – узкий и крутой скалистый гребень с очень крутыми россыпями в обе стороны. Пока я подымался, взошло солнце. Дивно прекрасен восход его в горах! Зарозовели вершины, посветлела белая от инея долина. С озерков хлопьями потянулся туман. В россыпях переливчато засвистели улары. Сверху тянуло холодком. Тишина и свежесть ясного осеннего утра. Наконец, после несколько рискованного пути, я на вершине. Мельком оглядевшись, я устроился в закрытом от ветра месте и стал осматривать открывшуюся передо мной долину правого притока Гичигэнэа, к вершине которого падали крутые осыпи и скалы кара.

Вскоре я заметил далеко подо мной лежащих на бугорке козлов. Их было пять. Один, очень старый, с редкостными рогами. Любопытно было наблюдать в бинокль, как они спокойно лежали, иногда посматривая в разные стороны. Вот один встал, потянулся, почесал задней ногой за ухом,

снова лег, совсем вытянувшись. Через некоторое время они встали и помаленьку, с прохладцей, стали кормиться. Смотрел я на них довольно долго. Большое удовольствие наблюдать за непотревоженными зверями. На вершине, несмотря на довольно высоко поднявшееся солнце, было здорово холодно – всего +2,5. Горизонт открылся обширный. На севере он замыкался длинным и пологим хребтом Тарбагатай. В одной из падей его, открытой к югу и широкой, виднелся хуриэ Далай-вана (Таряту). Так как подробно исследовать Тарбагатай мне не придется, скажу несколько слов об его общем характере. Отсюда, с Цзун ганга (название моей вершины) он представляется длинным и ровным хребтом с весьма пологим южным склоном, разделенным широкими падями. Лесу не видно. Последний несомненно есть и на южном склоне, но в небольшом количестве. Отдельные вершины поднимаются над хребтом незначительно. Все они весьма пологи и не имеют характерного для гольцов ступенчато-плоского строения. Каров, крутяков, обильных на магистрали Хангая, в Тарбагатае не видно. Место сочленения Тарбагатая с магистралью не разобрать. Во всяком случае оно особой высотой не отличается.

Теперь о магистрали. Хорошо виден уже описанный исток Байдарага. От Цзун ганга к воротам Улцзэйту идет узкий и высокий гребень с тремя высокими вершинами, не ниже, если только не выше Цзун ганга. По водоразделу Гичигэнэ – Улцзэйту уходит ряд мощных отрогов, разделенных глубокими падями – правыми притоками Гичигэнэа. Вследствие высоты отрогов, далеко в ту сторону не видно. Лишь на горизонте виднеется плоская вершина, вероятно г. Уха чулуту. Что же касается водораздела Гичигэнэ - Урду – и далее просто Тэрхи, то он имеет вид высокого гольцового отрога с короткими падями – левыми притоками Гичигэнэа. В головном участке его подымается несколько высоких вершин с карами. Участок между вершинами трех истоков Байдарага, Гичигэнэа и Урду-Тэрхи занят невысоким сплошным ступенчатым гольцовым массивом. Далеко на западе виден снежный Отхан тэнгри. Между прочим “снежный кряж”, виденный мной с Сэнчжитэ, - почти несомненно часть его. На юге горизонт замыкается грядой гольцов, через которую прорывается Байдараг. Далеко видна чжинса Сумбэру хайрхана, Сэнчжит, Йола и мыс южного (Байдарагского) отрога магистрали в районе Ногон хундэй. На запад и северо-запад, таким образом, особо выдающихся узлов и высот не видно. Магистраль в ту сторону представляется мощной и в общем одинаковой по высоте массой гольцов. Таким образом, хоть и недетально, ее характер в моем участке выяснен полностью.

Любовался всеми этими перспективами я довольно долго. Снял монтаж (что только выйдет из моих монтажей!). Полюбовавшись еще раз

на <...> пятерки тэхэ, я спустился не старой дорогой, а более легкой, по крутому и узкому распадку. Здесь мне попались кустики, очень похожие на <...>, к сожалению без цветов.

Навстречу мне привели коня и я добрался до сложенного уже лагеря. Вышли около полудня. Не доходя речки Гичигэнэ, я обратил внимание на погребение (квадрат из горизонтальных на ребро поставленных плит), с каменной бабой, плоской и довольно грубо сделанной. Фото. Переехав Гичигэнэ у слияния с Хапчиком, стали подыматься на левый склон долины. И здесь, следовательно, подтверждается положение, что в давние времена граница обитаемости проходила примерно там же, где и сейчас. Перевалив гранитный мыс, мы попали в широкую падь с порядочным озером, может быть ледникового происхождения. Пересекши широкое болотистое дно пади, мы стали подыматься по узкому ущелью Бобирга.

Теперь об истоке Будун гичигэнэ вообще. Самой вершины ее я так и не видел. Находится она невдалеке от вершины Урду-Тэрхи, ниже, т.е. к <...> от последней. От <...> конца короткого кряжа Хапчикиин - Барун ганга долина Гичигэнэа имеет почти прямое направление (<...> 46). В виденном мною участке она широка (до 3 км) и заполнена следами ледниковой деятельности. В ней, между двумя мощными кварцитовыми водораздельными грядами, снова выступает гранит, очевидно подстилающий кварциты в большом районе. По обеим сторонам долины он показывается в виде сильно денудированных, местами обтертых ледником, невысоких закраин, гряд и мысов, частью покрытых моренными отложениями, составляя таким образом передовой барьер водораздельных гряд. В самой долине, несколько ниже Хапчика, имеется целая плеяда небольших озерков моренного происхождения. Кроме них озерки по отдельности имеются и в ближнем к вершине участке Гичигэнэа, и в левых падях-притоках. Последних целый ряд. Легко доступных перевалов нет почти ни одного. Ниже Хапчика, Будун гичигэнэ принимает справа рч. Цаган сайр, один салан которой начинается под Цзун ганга, а другой – под узловой вершиной Байдараг - Гелгэр (Улцзэйту).

Облесена Будун гичигэнэ довольно хорошо. Что есть в этих лесах – сказать не сумею. Населения много. С вершины и до устья Цаган сайра не менее 30 юрт. Кочуют недалеко, зимуют в боковых ущельях. Корм приличный, особенно, как и всегда, на гранитных убурах.

Район Гичигэнэ сомона

Лес здесь хоть и невысокий, все-таки толще, чем в Улцзэйту. Ущельем Бобирга мы поднялись до границы леса. Окраина последнего -

исключительно кедр. Общий характер ущелья обычен. Болотистый альпийский луг, болото, россыпь и гольцы. Никакого перевала не оказалось, и нам пришлось лезть прямиком на голец, по невысокому, но очень крутому луговому валу. Досталось и коням, особенно вьючным, и нам. Вьюки чуть-чуть не спустили вместе с конями. Поднявшись, мы оказались на гольцовой вершине, с которой открывался широкий вид на север. Снова развернулся передо мной Тарбагатай, пятнышком замаячили Таряту. Под ногами узкими падями уходили истоки пади Хуху дабанайама, последняя соединялась с размашистой долиной Урду-Тэрхи. Спустившись по крутому лесистому мысу, мы заночевали на стрелке Арцатэ – Хуху даба. Долинка Арцатэ типична. Корытообразное болотистое дно, в вершине голец, по бокам крутые сивера. В вершине немного кедра. Самая падь Хуху даба (восточнее Арцатэ) шире, увальная сторона обнажена, лесу в сиверу меньше. Первый аил верстой ниже нас. Устал я за этот день, одолев пешком два гольца, сильно. Но зато впечатлений довольно. С последнего гольца виден был еще участок Тэрхиин цаган нура. Далеко на северо-западе виднелся какой то оснеженный кряж - я все-таки сомневаюсь в том, что это Отхан. Выяснить это сможет только общая сводка. Водораздел обеих Тэрхи широк и высок. Место слияния их почти видно. Общий характер Тарбагатая при более подробном осмотре оказался таким же, каким представлялся с Цзун ганга.

О Чухломине в аиле не слышали, зато слышали о подводах С.А.

25/VIII

Пошли вниз. Миновав короткую лесистую падушку Хуштэ (слева) и идя вдоль хорошего лиственничого леса, мы свернули к западу и, перевалив низенькую седловину, широким распадком спустились к устью большой пади Аршанту. Левее распадка остался отдельный круглый голец. В вершине Аршанту виден высокий и очень крутой, со скалистыми карами, черный кряж (кварцит?), включенный между вершиной Гичигэнэа и Урду-Тэрхи. Последняя огибает его с запада. Между этим кряжем и Урду-Тэрхи, западнее Аршанту выдвинулся широкий и невысокий отрог Ноян хангай, замечательный целым рядом отдельно торчащих скал, резко выделяющихся на его округло-плоской поверхности. Название отрог этот получил, вероятно, именно благодаря этим скалам. И здесь про наших ничего не слыхали. Выехав в долину Урду-Тэрхи, мы проехали еще несколько верст вверх по ней. По правому склону небольшие сиверки. Левый каменист и сух. Местами прорезан сухими же падями. Вверх долина видна еще на несколько верст. Далее она огибает Ноян хангай и скрывается из виду. На изгибе в нее слева впадает большая впадь

Худжиртэ (?). На ее правом склоне видна узкая полоска леса. Уверившись, что Чухломин здесь не проезжал, мы повернули назад и остановились у мыска в устье Хуху дабанай-ама. Тэрхи делает в этом месте широкую дугу. Долина местами болотиста, кочковата, местами ровна с галечной почвой. Прошел порядочный дождь с грозой. Я съездил в богатую юрту сомонного дарги (тайчжи). И тут ничего не узнал. Сомон называется Баян цзурихэ. Выше по Тэрхи – Ноян хангай. Тем временем Идамчжап узнал у проезжего, что Чухломин проехал по Нарин-Гичигэнэу и направился в Таряту. Мы решили вечером же двигать туда. Заачанились и рысью поперли по прекрасной дороге на север, вниз по Урду-Тэрхи. Солнце близилось к закату. Влево подымался высокий водораздел Урду- и Хойту тэрхи. Вершины гольцовые. С него к реке спускались короткие пади, немного облесенные. Справа же, ниже Хуху дабанай-ама, отмечу две: по одной, длинной, к Урду-Тэрхи спускается Улясутайская дорога, минующая Таряту. О ней ниже. В устье следующей небольшой пади стоит небольшой монастырек с постоянным штатом лам – Цзогыйн дугун. Падь называется Цзог. Весьма вероятно, что и предыдущая падь носит то же имя. Далее мы пересекли долину Урду-Тэрхи наискось и подъехали к высокой (гольцовая вершина) плоской горе Байсхалан, возвышающейся на узком отроге, сопровождающим справа самый нижний участок течения Урду-Тэрхи. Огибая эту гору с юга, мы поднялись к небольшому перевальчику через этот отрог и заночевали в распадке, на опушке небольшого леска. По соседству стояло два майхана тарабаганщиков. Последних везде полно – местность по Урду-Тэрхи славится обилием тарбагана. Мы видели и хан-ундурцев и пришлых с Идэра. В каждом распадке видны кони и слышна стрельба.

26/VIII

С солнцем вышли, сейчас же поднялись на перевал, а затем по прекрасной дороге рысью покатили прямо к Тарятам. Дорога шла у восточного подножья г. Байсхалан. Место широкое, привольное. Вправо открылась широкая, плоская долина, в восточном конце которой виднелось начало большого озера Тэрхиин-Цаган нур. Ближе его, на южной стороне р. Тэрхи, имеются еще два небольших озера Нот нур. К западному из них с юга подходит небольшая пологая падь Нотаин ама. Все еще довольно далеко (верстах в 12) виднелся хуриэ Таряту. Вблизи на р. Тэрхи, виднелись мойки МНЦК и Стормонга. Я поскакал вперед и вскоре увидел нашу палатку, стоявшую невдалеке от моек.

Публика моя, оказывается, здорово намучилась. Они поднялись по Улцзэйту до Дээд булага. Ключ этот оказался совсем коротким. Из него

перевалили в вершину Доод булага, завернувшую к западу и обогнувшую Дээд булаг. Оттуда шел труднейший перевал через широкую гольцовую гряду – водораздел Улцзэйту – Цзун модо. Камни и болото. Эти несколько верст одолели с большим трудом. Цзун модо берет начало под высоким конусом – восточной оконечностью высокого гольцового гребня, тянущегося к Цзун ганга. Пересекши вершину Цзун модо наискось, Чухломин заехал в длинное (до 10 км) пологое, с очень крутыми боками, ущелье, берущее начало под центральной вершиной только что упомянутого гребня (Цаган сайрэн-эхинэй-нуру). Из под нее же берет начало Байдараг, Цаган сайр и Гелгор. Боковым ущельицем они попали на пологий перевальчик-щель в рч. Уртонтэ, правый приток Будун гичигэнэа, по которой и спускались целых 30-35 верст. По дороге речка эта слилась с двумя или тремя падями (слева), первая из которых носит название Тэйль. Какое имя имеет речка при впадении в Будун гичигэнэ – сказать мне не могли. Пересекши долину Будун гичигэнэ, они с большим трудом забрались на гольцовый перевал и попали в правый исток Нарин-Гичигэнэа, по которому спускались около 10 км. Исток этот идет прямо на север. Затем они стали подыматься по левому истоку Нарин-Гичигэнэа. Ниже бельчира видели порядочное озеро (верстах в 7). Поднимались они (здесь по Гичигэнэу поднимается уже упомянутая Улясутайская дорога) верст 15 и взобрались на пологий и плоский луговой перевал. Улясутайская дорога ушла в длинную падь, выходящую к Урду-Тэрхи выше Цзогыйн дугуна и уже упомянутую мной. Сворачивая вправо (они огибали плоскую полугольцовую вершину), Чухломин попал на вершину пади Цзог, а затем через небольшой перевал в падь Гатаин ама, по которой и спустился к озерам Нот и, далее, к мойкам. Путь, таким образом, они проделали очень трудный и очень интересный. Об общем характере местности между Будун гичигэнэом и Урду-Тэрхи – ниже.

Под вечер к нам заехали кое-кто из русской колонии. На закате я вместе с ветфельдшером Булыкиным уехал верхом в Таряту, до которых было примерно около 8-9 км. После пятнадцатидневного разъезда было весьма приятно отдохнуть в чистой постели (ночевал я у Булыкина). Расспросил его кое о чем. Хошун очень богатый. По его мнению официально количество скота преуменьшено. Тарабагана через Таряту в этом году должно пройти до 150 тысяч. Белок собирают до 50-60 тысяч. Из скота держат большей частью сарлыков и хайныков. Но есть и верблюды. Трава стравливается почти вся – хошун населен густо. Кое-где пробуют косить, частью по примеру его и прочих русских. Кроме ветдела, Булыкин немного медик и имеет в округе порядочную практику среди местного населения, относящегося к нему большей частью с доверием.

Русских в Тарятах сейчас немного: семей всего 6, да человек 5-6 одиноких.

27/VIII

Весь день пробыл в Тарятах, отдыхая и кое о чем расспрашивая. И.И.Пестерев (Стормонг), местный старожил и монголист, подтвердил сведения касательно съедания кормов. Рассказал кое-что о дороге на Дурекчиван. Других особых сведений я от него не получил. Советовал он мне заглянуть на Сумэин-гол, на лавовый поток – плотину Тэхиин-Цаган нура.

Заехал я и в тамаган. Отнеслись хорошо. Потребовал назавтра 5 лошадей при двух проводниках – решил все-таки сделать двух-трехдневную экскурсию по Тарбагатаю. В монастырь не заглядывал, так как был без аппарата. Перебывал во всех русских семьях. Живут тесновато и скучно. В Тарятах имеется почтовое отделение. На закате вернулся домой. Затем, вместе с Чухломиным сходил на Стормонговскую мойку, к некоему Рябенке, бывшему народоармейцу Монголармии, служившему еще при Сухэ-Баторе. Человек он бывалый и слушать его очень интересно. Нашлись и общие воспоминания о знакомых нам обоим местах. Он прошел с баранами Экспортной компании из Дайчинвана в Хуху хото, через Лэг и севернее Гурбан сайхана. Видел многое. Рассказывает правдиво. Одно только странно: в Гоби около Хотын Судль (к <...> от Бага богда) он с товарищами на вечерней заре и на рассвете видел пару животных, будто бы ***одногорбых*** диких верблюдов. О них же ему говорили и монголы. Надо проверить у Ц.Г.Бадмажапова. Затем он говорил о золоте, по-видимому, в Дэлгэр хангайском хошуне, которое хищнически разрабатывают местные жители. Вспоминал боевые времена Сухэ-Батора, разъезды на уртонских, встречи с бандитами на восточной границе и т.п. Проболтали мы чуть ли не до рассвета.

По Тэрхи есть гуси (гуменник и индийский), бакланы, ржанки, лебеди, всяческое куличье. Рыбы не очень много.

Климат этих мест, по отзывам всех, довольно суровый.

28/VIII

Утром работал дома. Днем съездил в хуриэнь, отвез письма, еще раз побывал кое у кого. Проводники пришли, но я решил ехать завтра. Был сильный град и потом почти весь день моросил дождь. Соседние вершины были присыпаны снежком.

29/VIII

Довольно поздно выехал в новый разъезд. Поехали мы вниз по Тэрхи. Миновав скалистую оконечность левого мыса Тарятинской пади, мы выехали в широкую долину – низовье трех Наринов. Восточная часть этой долины имеет название Олумтэ. Продвигаясь все на восток, мы проехали по месту слияния этой долины с долиной Тэрхи почти до западного конца Тэрхиин цаган нура. С небольшой горки я снял это красивое синее озеро. Затем мы повернули прямо на север и по ровной степи поскакали к устью Дунду нарина. По дороге я осмотрел очень интересные могилы с каменными статуями. О них мне рассказывал накануне Булыкин. На совершенно ровной степи в нескольких метрах друг от друга стоят две большие статуи, очень аккуратно сделаные из серого гранита. Они вделаны во вкопанные в землю квадратные гранитные плиты. За каждой из них в 2-3 метрах прямоугольники из плит (место самого погребения?). Все это окружено малозаметным круглым кольцеобразным валом примерно 30 метров в диаметре. Пересекая вал, от прямоугольников в степь уходят две параллельные линии камней. <...>. Подробности отделки статуй удивительно хорошо сохранились (см. фото). На случай неудачи с фотографией постараюсь их описать. На голове остроконечный клобук с ребром спереди, напоминающий буддийские клобуки (Цзонхава). Сзади не то нависает полукруглая прическа, не то зад клобука. В ушах серьги. Одежда с широким воротом (как у лам) запахивается справа налево. Рукава узкие. Левая рука висит вдоль тела, правая согнута в локте и держит напротив груди полукруглую чашу. Намечается пояс. Это восточная (левая) статуя. У правой отбита голова, остатков которой я найти не мог. На этой статуе хорошо виден пояс – узкий, ровный. С правой стороны повешено что то круглое. Кроме того свешиваются еще один-два конца. В левой руке, также опущенной, эта статуя держит короткий жезл. В левой статуе жезл этот, как будто, отсутствует. Возникает предположение, что здесь были похоронены муж и жена, причем у мужа – вероятно князя впоследствии с намерением отбита голова. Далее у самого устья Дунду нарина имеется еще одно погребение совершенно такого же типа, но беднее. Статуя меньше, обе без головы. Подставок не видно, все сооружение значительно меньше.

В середине этой большой пади (устья Наринов) имеется порядочное озеро – около 5 км в окружности. Называется оно Худо нур. Сток, едва заметный, в Урду-Тэрхи. Сфотографировав это последнее погребение, я въехал в небольшую падь Дунду нарин. Проехав версты две, мы свернули к западу, поднялись немного по крутому логу и остановились у опушки

леса. После чаю я прошел охотой в вершину Дунду нарина. Пока скажу лишь о характере леса. Неширокая полоска лиственничого сивера (убур здесь в вершине также безлесен). Лес невысок – его граница <...> – но не тонок. Порядочно ернику. Живого не видел ничего. Следы коз и крик белых куропаток. Вернулся в лагерь.

Еще немного о прежнем пути. Перевалив из Гичигэнэа в Урду-Тэрхи, я попал в Баян цзурихэ-сомон. Выше Аршанту – Ноян хангай- сомон. Около Цзога – не знаю. Либо Байсхалан, либо Тарятин. От Хуху даба до г. Байсхалан 80 юрт. Больше всего около Цзога. В Аршанту около устья и по Урду-Тэрхи в этом районе около - 20 юрт. Выше по Аршанту еще видны аилы. Летуют по Тэрхи. Корм выбит здорово. Боковые падушки берегут для зимы. В вершинах последних, впрочем, корм неподходящий, кроме увала, - болотная формация. Скота много, часто попадаются богатые юрты.

Район по Урду-Тэрхи напротив Тарят я промахнул быстро и останавливаться на нем не буду. Замечу, что аилов между Байсхаланом и Тэрхиин-Цаган нуром много. Корм скверный. Тарятинская падь также хорошо заселена. В районе Олумтэ - два верхних Нарина (нижнего я в подробностях не видел), аилов 12-15. С кормами плохо вообще. Весной дождей не было, а от летних трава не подымается. Следовательно ее урожай зависит только от весны.

Торговый городок Тарят называется, между прочим Ирэн модо.

Мой Дугарчжап рассказал мне, что Урду-Тамир выше Цзаина также относится к Хан ундуру. Там размещаются сомоны Барун баян цзурихэ и Цзун-Баян цзурихэ. Первый выше в районе Тэйля. К последнему относится и Улэнтэйх оно и почти весь Улэнтэй, и Арцатаин ама. Устье Улэнтэй и далее вниз по Хойту-Тамиру - Чимит сомон. Верхняя половина Улалцзая - Баян хайрхан. В Хан ундур сомоне примерно 120-130 юрт.

30/VIII

Утром я с одним проводником направился верхом на вершину Хутукулы, одного из выдающихся гольцов Тарбагатая, лежащего в вершине Дээд-Нарина. Погода была прекрасная. Легкий подъем вел по плоскопокатым гольцовым полям к пологой вершине. На ней два больших обо из жердей и целая куча маленьких из камня. Вид широкий, но не благодаря высоте гольца – она невелика, – а благодаря его положению в центре низких сравнительно гор. На юге отлично видна гряда Сумбэин шомбон (вершина Цзун модо) – Гелгэр (Цаган сайрэн-эхинэй-нуру) – Цзун и Барун ганга с Хапчикским прорывом. Водораздел Чулуту – Гичигэнэ и далее к <...> от Сумбэин шомбон продолжает оставаться довольно высоким и

ровным, с несколькими незначительными перевальными понижениями. Ближе тянется менее высокая сплошная гольцовая гряда, очень ровная. Это водораздел Будун гичигэнэ – Тэрхи. Угол между ним, Урду-Тэрхи и Тэрхиин-голом, к <...> от Хуху даба, заполнен плосковершинными довольно пологими горами, прилично облесенными. Гребни и вершины (гольцового характера) очень часто подымаются выше границы леса. Это – гольцы "третьего порядка" по моей градации, т.е. без россыпей, сплошь луговые. Здесь именно и находятся пади Нарин-Гичигэнэ, Цзог, Нотаин ама. Далее к западу на горизонте, но ближе Барун ганга, видна высокая крутая гряда Аршанту-ин-нуру. Ноян хангай виден хорошо. Идущие далее на запад горы остались мало разобранными, так как проводники мои знали лишь близлежащую местность. Отмечу лишь, что на участке магистрали от истока Урду-Тэрхи до такового Хойту тэрхи особо выдающихся гряд и вершин нет. Нет даже вершин, подобных Сэнчжиту или Анагу. Немного выделяются всего две-три вершины. Одна из них носит название Улан-хайрхан. В истоке Хойту тэрхи магистраль представляется относительно невысокой, с ровным гребнем и не заслоненной с востока большими отрогами. За незначительным понижением ее ясно видна ослепительно белая сахарная голова Отхан тэнгри. Эта белая точка на горизонте надолго приковала наше внимание. Как прекрасен должен быть Отхан вблизи! Что касается водораздела обоих Тэрхи, то он представляется широким гольцовым отрогом, не очень высоким, на котором выделяется несколько плоских вершин. Восточные из них называются Гану мото и <...>.

Теперь о Тарбагатае. Прежде всего имя это местным жителям, по-видимому, незнакомо. Откуда оно взято – бог ведает. С Хутук-улы была видна большая часть этого хребта. Гребень довольно широкий, ровный и плоский, с небольшим числом незначительно поднимающихся вершин. К западу повышается и довольно значительно. Южный склон пологий и короткий, пади большей частью широки. Облесен совсем плохо. Северный же длинен и глубоко спускается к долине Идэра. Превосходно, густо облесенные ущелья и пади разделены острыми и крутыми гребнями. Таким образом, строение его несложно. Почти прямая линия его водораздела ломается лишь в крайней восточной части его, где, глядя с невысокой Хутук-улы, разобраться в его высоких отрогах трудно. Проводники мои вовсе не знали северного склона Тарбагатая. К востоку от Хутук-улы была хорошо видна вершина Шенатэин нуру, выше первой. С водораздела в районе этой вершины сбегает в Тэрхиин цаган нур многосаланная речка Шенат, хорошо облесенная (для убура). Шенатэин нуру загораживает восточный горизонт. Севернее его виден короткий, но

высокий гольцовый отрог. На запад от Хутук-улы хорошо виден перевал из Тарят на север (Орох даба). Далее, за широкими еланями, поднимается вершина Солонготай нуру. За ней выступает еще Цзагастай нуру. Обе они были чуть присыпаны свежим снегом (на Хутук-уле его не было и в помине). За Цзагастай нуру виднелась какая-то высокая обильно оснеженная вершина. По-видимому, именно на нее я делал засечки с Цзун ганга и Гичигэнэского хребта. Что это за вершина, с вечным снегом, не знаю. А любопытно бы узнать. Съемка укажет, где она. На севере, в пади Тойн ама, в которую уходит дорога с Орох даба, в нескольких верстах виднелся небольшой монастырь Араин хуриэ. Острые, густо облесенные гребни северного склона Тарбагатая, как я уже говорил, сбегают к глубокому провалу долины Идэра, которая явно намечается. Любопытно посмотреть на огромную разницу в высоте между широким степным озерным плато Тэрхиин гола и глубокой долиной Идэра. За Идэром хорошо различим Болнай. Его гребень представляется отсюда совершенно ровным и плоским, без вершин, как ступень или край плато, каковым этот хребет в сущности и является. Ниже его южный склон сильно расчленен и острыми обнаженными гребнями спускается к Идэру. Труднее разобраться в горах западнее начала Селенги. Там горы выше и запутаннее. Торцовый гребень Тарбагатая в окрестностях Хутук-улы очень удобен для разъездов. Ровный луг, россыпей и болот совсем мало. Вся трава пожелтела. На седловинах краснобурые пятна ерника, очень обильного здесь. Вершина самой Хутук-улы - россыпь. Породы кристаллические. Полюбовавшись еще раз на Отхан, мы легко и быстро спустились вниз. Видели белых куропаток. В лагере немного отдохнули. Я сходил в лесок. Лиственницы невысоки, но толсты. Подлеска никакого. Затем мы заачанились, спустились в Дунду нарин и тропой поднялись на перевал. Вершина Дунду нарина – широкий и пологий болотистый лог с участками россыпи, заросший ерником. По склонам ниже дабана протянулись крылья леса. За гребнем на востоке – вершина Доод нарина. С перевала весьма каменистый спуск (дорога) повел сначала ерниковым логом, а затем крутым ключом, заросшим лесом, вниз, в ключ Ара шенат, в восточную верхушку Тойн ама. По сторонам прекрасный густой лиственничый лес с отдельными хорошими экземплярами кедра. Хорошее место для зверя! Слева от нас шел мыс с гарью, частью заросшей молодняком, как будто специально предназначенный для изюбрей. Недлинный спуск привел нас к Ара шенату, по которому мы и поскакали галопом (с вьюками!) вниз. Правая сторона – увал, с небольшими лиственничыми колками. Левая, ведущая к Хутук-уле – прекраснейший густой лес (лиственница перемешана здесь со значительным количеством кедра), спускающийся к самой речке, густо

обросшей тальником. Лесной склон этот расчленен небольшими ключами, один из которых глубоко вдается в серый голец. В его вершине кедровнику еще больше. Настоящий таежный ключ! Зверь здесь есть безусловно. Но какой-нибудь верстой ниже, меня ждало разочарование. Мы наткнулись на аил, скот которого пасся в лесу. Затем еще аил, еще, и далее, на слиянии Ороха с Шенатом еще. Вершина оказалась забитой народом. Грустно. По увалу черно. Совсем выбито. На устье Ороха мы узнали, что Чухломин проехал вниз, и прежним аллюром понеслись вниз по Тойн ама. Солнце уже зашло. Миновали Араин хуриэ. Ехали еще с час и уже в полной темноте нашли наших, ушедших за 25 верст от Тарят. Они хотели остановиться выше, но отсутствие корма заставило их здорово спуститься. Действительно, аилов полно. Дабан, по словам Чухломина, оказался довольно удобным, но несколько каменистым. Переехали его легко. Ночевали, по выходе со стоянки, на южном склоне перевала. Вася видел уже серого гурана. Наша ночная скачка не обошлась без приключений: я кувырнулся вместе с конем, винтовкой и аппаратом. Благополучно.

31/VIII

С утра дождь и так весь день. Пришлось предполагаемую поездку по лесам Тарбагатая отложить на завтра. Отпустил проводников, весь день занимался своими делами. Вычертил съемку. Немного отдохнул.

1/IX

Погода тоже прескверная, но по крайней мере не такой сплошной дождь, как вчера. Часов в 10 вместе с Чухломиным выехал вверх по пади, желая просмотреть участок, по которому я ехал ночью. Парой верст выше стоянки в узкую долину реки вдается справа крутой мыс Тойн тологой. Вверх мы проехали немного выше Араин хуриэ. Заехав в два аила, мы поднялись небольшой падушкой левой стороны на гребень. Подымались сначала увалом, а затем въехали в лес. Нашли тропу и по ней забрались наверх. Хорошо в лесу! Спугнули глухаря, поели брусники. Противоположная сторона гребня оказалась увальной. В просвет между тучами показалось солнце и мы полюбовались косматыми круглыми зелеными сопками и гривами, кое-где чуть тронутым осенним золотом. Снял фото, но к сожалению без забытого в лагере светофильтра. С гребня мы густым сивером спустились в красивую падь Нарин, которой и сбежали к Тойн-тологою. По дороге следы коз и больше ничего. На увале ни одной кабаньей ройки.

Тойн ама – узкая падь, образованная двумя ключами (Орох и Ара шенат). Между их вершинами голец Хутуг ула. Левый склон пади –

крутые сивера, кое-где прорезанные большими и малыми падями. Больших, собственно, две: Нарин и Байца. Устья их почти сходятся. Правая, увальная сторона безлесна, камениста, к речке спускается покатыми степными террасами. Малых падей больше – 3-4. По самой речке местами небольшие лиственничые рощицы, местами участки тальниковой уремы. Корм выбит начисто. Аилов я насчитал 70 на пространстве всего 17 верст. Народ живет все какой-то бедный. К нам относились недоверчиво, на вопросы отвечали с трудом. Все лето кочуют они по этой узкой долине, так что к осени скот забирается на самые высокие увалы и в лес. К зиме берегутся большие боковые пади, куда и забивается вся эта публика. Ясно, что разве только коза выдерживает такое близкое соседство с людьми и скотом. Изюбрь же и кабан держатся близ вершин, в глухих лесных массивах. В зачатке имеется сенокошение - в Нарине я видел скошенные клочки. Косят в увальных логах и около убульчжонов. Таким образом, корм съедается полностью. Вытравливаются и долины речек, и увалы, и опушки леса, и редколесье. Нетронутыми остаются лишь гольцовые вершины и крутые густые сивера. Общее впечатление – грустное. Прекрасное место битком набито бедным, темным, грязно живущим народом, ничего не знающим за пределами своей речки и из нее не выкочевывающим. Корм виден лишь в предназначенных для зимовки падях. Место это – Эрдэн сомон того же Далай-вановского хошуна. Скот – сарлыки, немного монгольского [крупного рогатого скота], лошади, бараны и козы. Монастырек Араин хуриэ невелик. Ламских построек совсем немного. Расположен он красиво, со вкусом. Дождь помешал мне снять фотографию. Построен монастырь на увальном мысу в устье пади Мандар. На сопочке стоит храм, над ним большое обо. От храма вниз ведет аккуратная лесенка, приводящая на огороженную перилами площадку. Здесь симметрично, в ряд, стоят 6 субурганов. Ниже расположены главные храмы и еще ниже две-три улички ламских хашанов. От монастыря прекрасный вид на верхушку Тойн ама и на Хутук-улу. Везде зеленый лес, крутые сиверовые склоны, а наверху, опушенная по границе леса кедром, сереет вершина гольца. Архитектура храмов в Араин хуриэ северная, монголо-китайская. Лишь один храм (чойра), небольшой, построен по-тибетски.

Что же касается леса, то можно сказать, что он здесь “взял силу”. Сиверовые гривы эти сильно напоминают окраинные леса Хэнтэя. И все таки настоящего рослого строевого леса мало. Лес густ, много колодника, на выгодно эксплицированных склонах хорошо растет лесная трава. В тенистых местах развивается толстый слой мха и брусничник. Ягоды много, и крупной. Подлеска почти нет. Березы не видно вовсе. Сейчас уже

по закраинам лиственница начинает желтеть. Жизни в лесу немного. Кедр попадается отдельными экземплярами по гребням. Больше его под главным хребтом. Эксплуатируется лес совсем мало. Порубок почти не видно. Гарей тоже не видать. Единственная, небольшая, в Ара шенатэ. В боковых падях богатая кустарниковая (ива) урема. Относительно охоты так и не пришлось что-нибудь узнать. Мало времени и недоверчивая публика. Даже в майхан к нам почти не заезжали.

2/IX

Рано утром тронулись с места, имея намерение идти на проход до Дурекчи-вана. Время уходит, надо торопиться. Довольно быстро поехали вниз по той же Тойн ама. Характер ее первые несколько верст остается почти тем же, лишь оба склона становятся все более и более каменистыми и обнаженными. Лес отходит. Ниже долина значительно расширяется, принимает степной характер. Горы постепенно снижаются. Незадолго перед Идэром справа открывается падь Хунчжилиин ама, в которую и впадает Тойн. Порядочную речку сопровождают большие лиственничые "острова", т.е. урема. Лиственница прекрасная, настоящая строевая, высокая, прямая и толстая. Еще несколько верст – и мы выезжаем на широкую долину Идэра. Подошедшая с запада (<...>) долина эта, начиная от устья Хунчжила, заворачивает на <...> и скрывается за крутыми скалистыми мысами, сильно сужаясь в том месте. Свернув на запад, мы покатили по приличной дороге правой стороной долины. Миновали пади (этой же стороны) Хапчик и Хоорай. По дороге я заехал в аил. Правда, там были только женщины, но одна, очень разговорчивая, сообщила мне целый ряд названий боковых падей и пожаловалась на плохие корма. Последние, действительно, неважны. За аилом дорога испортилась. То камень, то кочкарник, то площади ириса. Продвигались мы довольно медленно. Встречный монгол посоветовал переехать на левую сторону реки и указал брод. Река настоящая: широкая (30-40 м), быстрая и глубокая – вода хватала выше ступиц.

По другой стороне дело пошло легче. Болот и кочкарника нет, почва песчаная. Встретившийся монгол посоветовал мне ехать не через Шумултай, как я предполагал раньше, а свернуть в падь Хуихтэин ама, через перевал Сэпсул выехать к оз. Сангин-далай, а затем спуститься по Тэсу. Я так и решил. Остановились мы на берегу Идэра, верст на 5 ниже устья Хуихтэин ама, под высокими лиственницами.

Долина Идэра на пройденном нами участке широка: 2-4 км. Горы, ее окружающие, сильно размыты. Правая и левая стороны резко различаются. На правой части виден лес, увалы покрыты травой, по дну долины часто

встречаются кочковатые зеленые пространства, затем заросли дэрэсу, а главным образом ириса. Левая же сторона сильно напоминает полупустыню. Пади с широкими размытыми устьями сухи. Горы каменисты и обнажены. Почва – песок и гравий. Обильна карагана. По песку же растут полыни и <...>. Корм на этой стороне лучше. Народу почти не видно – места зимовок. Пади правой стороны: Хунчжил, Хапчик, Хоорай, Гурбан цэцух, Долон мухур, Элистэ, Цзарта, Хочжул, Гунцзан, Текши. Стоим мы напротив Долон мухура. Левая сторона: Тосон, Хонгор, Хуихтэ, Худжиртэ, Хараганат. Это до Шумултая. Правые, виденные мною, почти все лесисты. Особенно велики Доод- и Дээд цэцух, уходящие к оси Тарбагатая. В них также видны большие леса. Долон мухур – ряд небольших сухих и крутых распадков. Народу везде живет много. Летуют на реке, к зиме уходят либо в пади правой стороны, к лесу, либо на солнечные убуры левой стороны. Большие площади самой долины негодны под пастбище, так как заросли ирисом. От Хунчжила до Хуихтэин ама я насчитал до 100 аилов. От нашей стоянки в Тойне до Идэра было около 30 аилов. На Идэре больше всего сосредоточено их у устья широкой пади Дээд цэцух. В противоположность вершине Тойна, аилы близ Хунчжила и по Идэру производят впечатление богатых. Юрты большие и чистые. Кое-где по Идэру, а также и на устье Хунчжила мы видели верблюдов. По Идэру, действительно, места для них подходящие. Я надеялся встретить в низкой долине Идэра места, годные для земледелия. Но их нет: либо чересчур легкая, песчаная, бедная перегноем почва, либо галечник, болотистый кочкарник. По закраинам попадаются каменистые места. Словом, подходящего, ничего нет.

Уремы по Идэру почти нет. Местами попадаются участки кустарника, а иногда – группы лиственниц. Рыбы, по-видимому, много. Русло реки песчано-галечное.

3/IX

Утром, медленно тащась по песку, мы добрались до устья Хуихтэин ама и свернули в нее. Падь, узкая с устья, быстро расширяется. От гор левой стороны к речке сбегают покатые и ровные степные террасы. В сиверах лес. Правая сторона более камениста и оголена. Несколько выше по речке появляется урема: ива и лиственница. Выше на горах видно все больше и больше леса. Сивера занимают все большую площадь. Наконец впереди видно небольшое расширение долины, речка раздваивается, и на стрелке стоит небольшой монастырек Хуихтэин дугун. Главная падь отворачивает влево. Поднимаясь по ней далее, я заметил, что в боковых падушках стал показываться главный гребень Болная – гольцовый, очень

ровный и плоский. Дав отдохнуть коням, мы свернули в боковой распадок, которым и стали подыматься к Сэпсул даба. Подъем на самый перевал идет коротким и пологим логом. Поднялись мы без затруднений. Гребень Болная едва подымается над границей леса. Он широкий и плоский, покрыт хорошей гольцовой травой. Россыпей почти не видно. Выдающихся вершин поблизости также нет. Это, впрочем, видно было еще с Хутук-улы. Вправо и влево уходит тот же плоский луговой гребень. Спуск в сторону Сангин далая незначителен. Спустившись под перевал, мы заночевали на истоке рч. Сэпсул, среди высокогорного ландшафта. Долина полога, неглубока, болотиста. По речке участки россыпи и ерник. На склонах участки угнетенного лиственничого леса. Белые куропатки. Во время разбивки лагеря полил дождь и было здорово холодно.

Корма по всей Хуихтэин ама неважные. Народу живет порядочно. Насчитал около 40 аилов. Это уже Хуихтэин сомон хошуна Шачжин бату, бывшего Берва гун.

Таким образом южный склон Болная в этом месте представляется сильно расчлененным, с широкими падями, удобно проходимым для вьюков почти во всех направлениях. Верхняя половина хорошо облесена, мысы же к Идэру сухи и каменисты. Лес исключительно лиственничый.

4/IX

Утром я съездил еще раз на перевал. Низкие тучи помешали сделать проверочные засечки на гребень Тарбагатая. Ограничился парой снимков и повторным отсчетом анероида. Отсюда, с севера, лучше была видна лесистость северного склона Тарбагатая и верхней части южного склона Болная. На север с хребта горизонт невелик. Сангин далая не видно. Относительно невысокие горы, широкие и пологие долины. Лишь за Сангин Далаем встают более высокие горы. Это – водораздел с Дэлгэр мурэном. Общий вид гребня Болная очень сильно напоминает пониженные участки гребня Тарбагатая.

Спустившись несколько верст по Сэпсулу, мы вышли на бельчир трех ключей его (спускались по восточному). В вершине среднего та же картина – плоский голец, низкие лиственничые гривы, болотистые плоские долинки с ерником. В нашем и в среднем ключах по паре аилов, забравшихся чуть ли не на зимовку. Ниже бельчира км на 8-10 Сэпсул впадает в <...> конец озера Сангин далай, видный с нашего пути. После этого мы стали пересекать гребни, протянувшиеся от Болная между истоком Тэса и Сангин-Далаем, по направлению к этому последнему. Ехали мы почти параллельно озеру. Таких гребешков мы пересекли два и обогнули третий. Первые два облесены. Обогнув третий мы выехали в широкую степную

долину, сбегающую к тому же Сангин-Далаю. По ней свернули на запад, вверх. Выше в долине появилась вода и около 20 юрт. Место называется Ангиртэ. Расспросив о дороге, мы продолжали подыматься по ставшей болотистой долине. Слева, на низком склоне Болная появился густой лес. Далее дорога пересекла речку и поднялась на низкий гребешок, за которым оказалось большое (10-12 км в окружности) и красивое озеро Гандан нур. Спустившись, мы обогнули его с севера и, держа направление по-прежнему на запад, пересекли 2-3 небольших мыса, спускающихся к залегающей вдоль подножья Болная высокой абсолютно, широкой и болотистой долине, подробно о которой – ниже. Местность унылая, высокая. Проехав от Гандана верст с десяток и не видя впереди ни воды, ни дров, мы остановились на небольшом ключе, у маленького колка леса. Трава сплошь сухая. Вечером шел дождь. День вообще был осенний: с запада дул холодный сильный ветер.

5/IX

Переждав утренний дождь, мы двинулись далее. Ехали все тем же северным краем широкой долины. Несколькими верстами ниже стоянки показались аилы. Слева подошла речка. Из аила мне указали на находящийся посреди долины исток Тэса, отмеченный большим обо. Ниже долина все расширяется. Скоро мы доехали до мыса, за которым увидели, что Тэс повернул прямо к северу. Пересекши его, мы проехали еще несколько верст все тем же краем долины, а затем свернули на невысокий дабан, за которым спустились в широкую долину левого притока Тэса. Двигаясь все время на северо-запад, мы переехали небольшую речку, затем несколько верст ехали по широкой степи и заночевали около двух небольших бессточных озерков, на ключе.

На озерках оказалось много водной птицы <...>, турпаны, чирки, серая цапля, <...> и прочие.

6/IX

Дорога за ключом сразу же потерялась, и мы поехали наугад через широкий, плоский хоолай, сильно напоминающий гобийские. Мелкая полынь и даже мелкие экземпляры эфедры. Переехали небольшую речку-ключик и пологим взъемом, по небольшой пади, поднялись на дабан. По дороге видели нескольких дроф. За перевалом открылось верховье небольшой сухой долины, уходящей на <...>, к Тэсу. В самой вершине несколько лиственничых колков. Пересекши эту долину мы поднялись на новый дабан и спустились в следующую падь, уже хорошо облесенную в вершине. Тут слева подошла большая дорога. Со следующего перевала я

увидел в открывшейся широкой долине Тэса большой хуриэ Дурекчи-вана, расположенный на правом берегу реки. Через 20 минут я был там.

Теперь несколько подробнее об истоках Тэса. Хребет Болная с севера имеет вид невысокого, ровного и длинного кряжа, протянувшегося в широтном направлении. Северный склон расчленен большими и малыми распадками и ключами. Очень хорошо облесен вплоть до подножья. Повидимому только или почти только лиственница. Гребень ровный, вершин, которые особенно выдавались бы, не заметно. Гольцовая зона видна лишь в прорези больших ключей. Над лесом подымается она, как и в районе Сэпсула, очень незначительно. Действительно, при взгляде на Болнай с севера становится возможным предположение, что он представляет собой приподнятый край плоскогорья, глубоко спускающийся к Идэру. Вдоль подножья виденного нами участка Болная тянется широкая и плоская долина, в которой и начинается Тэс. Наибольшая ширина этой долины и, вместе с тем, наибольшее ее понижение приходятся примерно посредине. Здесь ширина ее достигает, примерно, 15 верст. Целый ряд речек вытекает с Болная и образуют после слияния р. Тэс. Эта последняя, прорвав невысокую северную ограду долины, уходит сначала прямо на север, а затем поворачивает на <...>. В узком (3 км) и относительно высоком восточном конце большой долины и расположено озеро Гандан нур. Продолжением этой долины и служит Ангиртэ, спускающаяся уже к Сангин-Далаю. Таким образом у подножья Болная водораздел Сангин далай – Тэс выражен очень неясно. Западная постепенно сужающаяся часть долины истоков Тэса – осталась необследованной. В той стороне Болнай, видимо, расширяется и повышается, значительно выдвигаясь к северу. Оттуда на <...>, к Тэсу, выдвинут ряд пологих, сначала длинных, а затем более коротких и высоких отрогов, разделенных долинами левых притоков Теса. Именно эти отроги и долины мы и пересекали на последнем участке нашего пути к Дурекчи вану. Северная ограда истоков Тэса восточнее его прорыва на север – относительно невысокая, полого – гористая местность, скупо облесенная по <...> склонам. Такова общая орография истоков Тэса. Названия же различных речек следующие: на восток от Гандан нура к Сангин-Далаю течет рч. Ялатэин гол (?) (ниже Ангиртэ). Западнее оба истока Тэса и до прорыва в него впадают следующие ключи: Дашта, Халцзан, Соготэ и Асахтэ. Ограда Дюрюльчжи хундэй (название всей долины истоков Тэса) в месте нашего пересечения называется Цаган шаро. Далее идет левый приток Тэса - Чжиримтай. В районе его вершины виднеется единственный более значительный голец, одиноко возвышающийся над Болнаем. Озерко, у которого мы ночевали, называется Цаган нур. Речка, текущая по широкому хоолаю, называется

Могой. Следующий отрог мы перевалили, кажется, перевалом Батагараин дюрюльчжи. Дальнейший перевал – Хара чолу. Подошедшая слева по пади Байциин ама дорога спускается с перевала Шютиин даба. Последний перед Дурекчи-ваном перевальчик – Нам даба.

Верхний, восточный край Дюрюльчжи-хунд – полуболотистое, кочковатое пространство, поросшее болотной травой, кое-где – поросли <...>. Место высокое, открытое западным ветрам, а потому холодное. Во время нашего проезда трава стояла уже совершенно сухая. Вид у этого места весьма унылый. Никакой живности. Монголы здесь, повидимому, не кочуют. Почва – крупная дресва. Следы стойбищ и аилы показываются ниже, несколько выше Тэсинского обо, т.е. там, где на убурах ограды появляются ксерофиты. Ниже, в районе прорыва, уже вся полугольцовая формация сменяется по долине обычной бедной степью с зелеными кочковатыми пространствами близ реки. Долина Чжиримтая – злаково-полынная степь. Много <...>. Таковой степь и остается до Дурекчи-вана. Густое население я видел лишь в низовьях Чжиримтая. Прекрасные же корма во многих безводных местах используются, вероятно, зимой. Но вообще, я сказал бы, население не густое. В лесах <...> склона Болная (имя это, между прочим, я слышал неоднократно), по рассказам, имеется коза и изюбрь. Как ни странно, тар багана в этом районе чрезвычайно мало – почти нет. В Дурекчи-ване мы остановились во дворе Монголтранспорта. Сейчас же по приезду я получил с оказией весточку от С.А.Кондратьева с известием, что его партия придет не позже 10-го.

7/IX

Был в тамагане и чертил съемку.

8-ое и 9-ое прошли в ожидании, причем 9-го я съездил, надеясь встретить Кондратьевскую партию, на Худжиртэин даба и, далее к красивому озеру Иринчин джугнай, лежащему среди лесистых гор высоко над долиной Тэса. Озеро большое, 12-15 км в окружности.

10/IX Пришла наконец наша Улясутайская партия. По обсуждении сделанного было решено, что в Сын тайгу придется ехать лишь моему отряду. Улясутайцы же пойдут на Хан хухэй.

В тамагане я узнал, что Сын тайга находится на Урянхайской территории, что значительно затруднит доступ к этой горной группе.

11-ое и 12-ое были отданы сборам, а 13-го мы все вместе, налегке, выехали в дальнейший путь вниз по Тэсу. Более подробное описание этого пути, как и окрестностей Дурекчи вана, я оставлю до возвращения с запада, а пока поведу лишь хронологию. 13-го ночевали мы в устье пади Шабар, где впервые увидели растущий вдоль реки густой ельник. 14-го,

проехав устье Цэцэрлига, добрались до большого изгиба Тэса, 15-го же поехали сначала прямой дорогой по сухим степным долинам, а затем свернули напрямки к Тэсу, где и заночевали. Видели цаган дзере (в большом количестве).

16-го мы проехали вниз по Тэсу и остановились верст на 6 выше Ганданг хуриэ, в еловом острове. 17-го я съездил с М.И.К. в хуриэ, где немного поснимал. Кроме того познакомился с двумя русскими в ликвидируемом отделении Госторга и кое о чем их расспросил. Под вечер вызвал из лагеря Лубсана и с ним сходил в местную пограничную таможню, чтобы навести справки о границе. Оказалось, что толком там ничего не знают. Мне никаких препятствий насчет перехода границы не чинили. Наоборот, сказали, что фактически дорога открыта. Точно граница не установлена. Больших разбоев нет, а мелкий грабеж постоянен. Вернулись мы после заката. Вечером Лубсан долго играл, распевая новый улигер о нашем путешествии.

18-го обе наши партии разделились. С.А. поехал дальше вниз по Тэсу, намереваясь побывать в Хан-хухэй, а я, направив Чухломина немного выше стоянки, в устье Бугусугиин ама, поехал вместе с Лубсаном вверх по Тэсу к дороге Буджир улаин сомона. Ехать пришлось далеко - не менее 25 верст. Дарга оказал мне полное содействие и сразу же назначил мне одного проводника, к которому мы с Лубсаном и приехали ночевать. Весь вечер Лубсан сказывал улигер. Слушали его с большим вниманием. Один из молодых лам оказался чуть ли не знакомым – он в 1926 году проездом на Улясутай был на Эцзин голе во время нашей работы там. Знает предания о Хара хото, многие места по Эцзин голу, некоторых моих знакомых торгоутов. Очень приятно было поговорить об Эцзин голе, сидя в юрте на берегу Тэса.

19-го утром мы довольно поздно, вместе с проводником Гендуном, доехали до Чухломина. Около 12-ти выбрались и, переехав Тэс, направились на север, к Урянхаю. Подымались мы падью Бугусугийн ама. Русло сухое. Широкое песчаное дно долины поросло большими отдельно растущими кустами караганы. Между караганой почти сплошной ковыль. Влево от нас поднималась скалистая группа Цзун бэрхэ, вправо – Усу улан. Горы очень скалисты и почти обнажены. Очень напоминают гобийские. Но вместе с тем везде, где только возможно, лепится лиственница, образующая на эксплицированных к северу склонах маленькие сиверочки. Поднявшись несколько верст по Бугусугиин ама мы свернули в ее правый (по течению) приток Цжиргаланту гол, также сухой. Стрелка с высокой красной скалой между двумя этими падями называется Бельчир улан. Выше по Бугусугиин ама, как бы загораживая последнюю, виднелась гора Баян хайрхан,

довольно значительная по высоте, с лиственничым лесом на верхушке. Характер Джиргаланту остался тем же, лишь карагана почти исчезла. Выше Цзун бэрхэ, горы правой стороны значительно снижены. Миновали небольшой надув песка в виде нескольких чуть задерненных барханов. Поравнявшись с Баян хайрханом, мы увидели по левой стороне пади уже значительные сивера; долина сузилась, карагана исчезла. Несколько выше мы миновали сочащийся по руслу ключик и остановились у колодца напротив небольшого дугуна, принадлежавшего ранее караулу Баян булаг. Гендун собрал трех или четырех десятников, причем выяснилось, что знающего места по главному хребту Танну-ула нет ни одного, как нет и хорошо знающего урянхайский язык. Поэтому мне придется, вероятно, взять на день-два еще проводника урянхайца. Ходок оставлю здесь. Граница проходит всего в 15-20 верстах далее к северу и поэтому уже необходимо стеречь коней. Десятники дали нам сторожа. Любопытно было встретить молодого парня, недавно окончившего среднюю школу в Урге. Он работает в тамагане и приехал в этот глухой угол домой, на побывку.

20/IX

20-го утром распределили вещи по вьюкам. Три легких вьюка. Взял еще лошадь. Проводником назначили кроме Гендуна как раз молодого “гимназиста” Даву-Дорчжи. Пока сборы да разговоры, я снял три фото, одну с дугуна (Могой хуриэ). Старик лама, бакши всех окрестных жителей, поднес мне хадак, жалуясь на затруднения с границей. Перед отъездом я съездил к нему с ответным хадаком и маленьким подарком для дугуна. В ответ он передал проводникам приказание одному урянхайцу, своему шаби, сопровождать меня на Сын тайгу. Не знаю, что выйдет. Часов около 11-ти мы выбрались, оставив ходок с лишними вещами в хуриэне. Сейчас же за хуриэнем мы перевалили невысокий перевальчик Номтэ и крутым спуском свалились в широкую долину Баян булагиин-хунде.

Вначале пересекли небольшой распадок Нарин уха, перевалили мыс Хаджютэин даба, пересекли падь Мухур могой у ее впадения в Баян булагиин-хунде и стали подыматься по последней. Общее направление держали на <...>. Вывершив Баян булаг, мы подошли к небольшому перевальчику Хэнгрэктэ дюрюльчжи, где я заехал в первый по пути урянхайский аил.

Теперь чуть подробнее о Баян булагиин-хунде. Это огромная падь, почти совершенно сухая, начинается несколькими распадками (вроде Мухур-Могоя и Нарин уха) под протянувшимся в <...> направлении невысоким белым (известняк?) хребтом. Хребет этот является, вероятно,

тем самым большим отрогом Танну-улы, который упирается в Тэс ниже Гандана. Лес виден по небольшим распадкам убура этого хребта и по гребню. По обеим сторонам Баян булага леса очень мало, а пониже и совсем нет. В Тэс долина эта впадает ниже группы Ихэ бэрхэ. В горах правой стороны выделяется скалистая вершина Бату соер (?). Полого вогнутое дно Баян булага покрыто прекрасной травой, главным образом ковылем. Народу – никого. Видны убульчжоны. Зимует здесь публика из окрестностей Могой хуриэ. Урянхайская граница проходит у подножья белых убуров вышеописанного хребта. В пади Ара булаг (одна из вершин Баяна), в самой верхушке мы видели одинокий урянхайский аил. Один из распадков убура белого хребта называется Аршанту. Там есть пещера, повидимому, довольно глубокая. Местная публика заходить туда боится. Чуть выдающаяся над хребтом скалистая белая вершина западнее Аршанту называется Нурмук.

В аиле ничего особенного я не увидел. Общий уклад почти не отличается от монгольского. Даже между собой публика говорит по-монгольски. Очень незначительная разница в типе лица, в одежде (женщины с поясами) и в головном уборе (совсем не монгольский). Встретили, по-монгольски, чаем. Поговорив кое о чем, мы с Гендуном поехали догонять караван.

За перевальчиком открылась новая широкая хунде (Балбархай-хунде), сильно расчлененная в верхушке. Правый бок ее - упоминавшийся выше белый хребет, спускающийся к долине крутыми, местами скупо облесенными мысами. Горизонт на запад открылся обширнейший. Хорошо виден был ясно выделяющийся хребет Хан хухэй. Очень далеко на западе виднелись горы, лежащие, повидимому, на <...> от Улангома. К <...> от Хан-хухея виднелся плоский кряж – вероятно стык Хангая с Хан хухэй. На видневшемся участке долины Тэса выделяется большое скопление песков. К ним и уходит Балбархай хунде, впадая в долину Тэса выше их. Близ ее устья скалистая группа правого бока носит название Буту цаган. Крайний же мыс этой группы с небольшой остроконечной сопкой называется Аханак. Оставив левее падь Цулыин хундэй (одну из истоков Балбархая), мы стали пересекать упомянутые мысы белого хребта и по очень узкому и довольно крутому распадку поднялись к перевалу Дунду хараган, доступному лишь верховым и легким вьюкам. С перевала хорошо видны подробности строения правого бока долины Тэса. Между Баян булагом и Балбархай вклинилась еще одна короткая и широкая падь Арцаин хундэй. Мыс между ней и Баян булагом называется Халбан уяа. Коротким спуском среди прекрасного лиственничого леса мы вышли в ключ Дунду хараган, на котором и остановились на ночлег. Поздно к нам заехал

урянхаец, оставшийся ночевать. Он сообщил, что кабанов на южном склоне Танну-улы нет. По хребту очень редко появляются дикие северные олени. По здешнему ца (на востоке са). Барса нет вовсе. Аргали в очень незначительном количестве имеются в группе Буту цаган. Оленные (тоджинские) урянхи кочуют иногда и по сию сторону хребта. На Эрсин голе урянхи занимаются хлебопашеством. Кроме того здесь все понемногу косят, употребляя литовки. Последние я видел. Корм пока прекрасный. Насчет разбоев стало совсем тихо.

Забыл упомянуть, что в вершине Цулыин хундэй я видел старую границу – по степи в одну линию положены палки. Оригинально.

Изюбри, говорят, ревут вовсю. Журавли летят. Лиственница в золоте. Лучшее время для странствий! Но надо торопиться. Времени убийственно мало.

Ночующий у нас урянха хорошо знает Сын тайгу (Ак хорум) и Сангилен. Идем мы пока верно. А то до сих пор я шел наугад, лишь догадываясь, что Сын-тайга должна быть в вершине Эрсин гола. Пока мое пребывание в пределах Урянхая не вызывает никаких недоразумений. Все тихо и мирно. Лишь Фролыч чего-то забеспокоился, узнав, что до Сын-тайги еще верст 80-90.

21/IX

Утром я съездил на перевал и кое-что снял. Затем мы двинулись вниз по Харган. Спускались верст 10. Кроме самого нижнего участка падь очень узка. Справа все время крутые скалистые убуры, разделенные крутыми же небольшими логами и распадками. Кое-где листвяк. Порода все та же - известняк с прослойками какой-то кристаллической породы. Слева – густой лиственничый сивер, крутым берегом спускающийся к речке. Русло заросло тальником и ерником. Перед устьем долина раздалась и появились урянхайские аилы. Впереди виднеется участок долины Нарина, за которой встает высокий белый же хребет, страшно скалистый. Скалы, почти белые, кое-где усажены елками. Заехав по дороге в аил, мы подъехали к Нарину. Красивейшая речка! Левый бок – обширные, густые лиственничые сивера, правый – белые скалы и узкие лесистые распадки, по дну же — густой ельник с примесью лиственницы и тополя. Подумав немного и боясь, что Сын-тайга еще далеко, я решил подняться по Нарину, а потом налегке махнуть в Сын тайгу. Решив, велел вьюкам сворачивать вверх по речке. С этого момента пошло сплошное удовольствие. Немного выше мы переехали на увальную сторону долины. Речка большая. На переезде я в первый раз видел облепиху. Далее мы поехали по луговой террасе, довольно высокой, имея внизу все время

густой, таежного типа, ельник. Проехав с Гендуном вперед, я заехал в аил, хозяином которого был старый охотник. При расспросах он сообщил мне следующее: В районе Сын-тайги никаких особо выдающихся вершин нет. Аджам хорум – незначительная гряда, даже без гольцовой зоны. Вообще даже название Сын-тайга мало кто знает (собственно Сон тайга) и все путаются в определении. По-видимому, незначительный участок магистрали, а то и вовсе боковой отрог.

Наивысшей же вершиной всего Тувинского хребта все встреченные мною монголо-урянхи считают гору Улаин хан, находящуюся в вершине Цзай гола. На ней есть пятна вечного снега. После обильной снегом зимы она остается почти сплошь укрытой снегом. Даже от подножья ее почти вся Танну-ула представляется низким и более или менее ровным хребтом. Говорят, что ранее Улаин хан носил иное название (какая-то “тайга”). Во время же китайского правления, кажется не особенно давно, некий Мандар ван, увидав ее однажды во время какой - то поездки, был поражен ее видом и обязал окрестных жителей (целый ряд караулов, включая сюда и Баян булаг) чтить ее. Вследствие всего этого я решил не ездить в Сын тайгу, а заняться малоизвестным узлом в верховьях Нарина. Пока велись разговоры, подъехал некий Галсан, бывший цзахиракчи, а ныне, как будто, член партии. Пришлось пустить в ход всю дипломатию, чтобы оправдать свое бездокументное пребывание в Урянхае. В конце концов все сошло как будто благополучно. Затем мы с Гендуном поехали догонять караван. По дороге я просто не мог налюбоваться общим видом Нарина, тем более, что погода стояла прекрасная. Веселая речка с чистой голубоватой горной водой извивается среди непроходимой еловой уремы. Слева (по течению) спускаются червонно-золотые густые сивера, с уютными распадками и падями, кое-где расцвеченные темной зеленью отдельных елок. Справа в синее небо вонзаются белые пики отвесных известковых скал, иззубренных, кое-где оправленных в золото лиственниц, кое — где усаженных темными стрелками елей. Стена белых скал местами разорвана узкими лесистыми падями. Вдоль нее идет приветливая луговая терраса с несколькими аилами. Миновав особенно высокую скалу Угомыр, мы вновь переехали речку узкой тропой среди непролазной еловой чащи и ехали далее левой стороной. Вскоре ельник поредел и вместо него пошли густые заросли тальника, с отдельными еловыми островами. Мы же ехали большей частью пологой террасой с лиственным редколесьем и прекрасной травой. Хотели доехать до аила, последнего вверх по Нарину, хозяин которого хороший охотник, но соблазнившись хорошим вечером и близостью леса я остановил караван раньше и мы с Чухломиным сейчас же побежали на охоту. За поздним временем пройти удалось немного, и я

ничего не видел. Чухломин же промазал по козам. Сивер очень густ, с богатым молодняком. Дно боковой пади – сплошной непролазный ерник. Увалы круты, невелики. Горы же относительно очень высоки.

Поздно, уже в полной темноте, к нам подъехал молодой лама-гелюн из верхнего аила. Он возвращался с Эрсин гольских пашен и вез вьюк ячменя. Решил ночевать у нас. Разговор завязался длинный. Он сообщил мне, что изучает джюд, а потому является, собственно говоря, последователем красношапочников. Ранее ходил пешком в Гумбум принимать посвящение. Шел кругом, через Кобук сайр, Чучен и Халш. Потолковали мы с ним о сущности джюда. Он мне сообщил, что отец его, старик Пельчже, шаман. Таким образом в одной семье я увижу и древнюю "черную веру" и представителя сокровенной части буддизма. Кроме того он сказал мне, что в верховьях Нарина иногда бывают дикие ца и козлы. Еще перед темнотой заморочило. Когда мы улеглись (все около огня) начал капать дождик. Я не обратил внимания и уснул. Проснувшись среди ночи, я увидел, что дождик превратился в обильный хлипкий снег. Шуба моя вымокла, на подстилке образовались лужи. Под меня подтекало со всех сторон. Вся остальная публика, кроме укрытого моим дождевиком ламы, убралась в майхан. Мне же лезть туда с мокрой постелью не было смысла. Подправив гаснущий огонь, я в одном белье, накрытый мокрой шубой уселся на корточки дожидать утра. Странный был рассвет! По долине хлопьями клубился туман, открывая частями усыпанные свежим снегом горы. По вершинам цеплялись рваные белесые облака. То и дело снова начинал сыпать снег. Все было матово-бело, кроме резко выделявшихся мокрых черных деревьев. Это был первый серьезный снег в нашем путешествии, первое предупреждение грядущей зимы. Так я и досидел до утра в одиночестве, потягивая набитую мокрой дунзой ганзу.

22/IX

Поехал вместе с новым знакомым вперед, в его аил. До аила оставалось версты 3. Горы стали еще выше, скалы появились и по левому боку, на мысах у боковых падей. Началось изюбриное царство. Дорога (вернее тропа) снова перешла на правую забоку. По дну по-прежнему острова ельника перемежались с зарослями тальника. Аил (большая юрта и покрытый войлоками чум) стоял на луговой площадке правой забоки. Остановиться мне старый Пельчже, встретившийся еще по дороге, посоветовал немного (1 верста) выше его. Подошел еще один охотник, здоровый детина, с завидной обнаженной грудью, в шубе на голом теле. Только и разговору было, что об изюбрях. Повидимому, их здесь действительно много. Решили сегодня же сделать загон, благо народу

хватало. Приехав к месту стоянки, я увидел, что Чухломин сумел выбрать теплый табор. Остановился он в ямке, среди красивого, стройного густого ельника. Рядом шумела речка, невдалеке высились скалы. В 10 саженях от лагеря открытая площадка, на которой паслись кони. Пока устраивались да варили обед, на поляне показались уже готовые к загону охотники. Оригинальная, несколько дикая картина: они ехали рядом, старик Пельчже, тот здоровый детина и совсем молодой (18 лет), довольно красивый и аккуратный парень, зять Пельчже и хозяин чума. За спинами висели длинные кремневки, за поясами помимо больших ножей, были заткнуты деревянные трубы – подманивать изюбрей. Ножи здесь носят даже 6-7 летние мальчишки, а парню лет в 8-9 уже дают лук и он стреляет зимой чиндаганов, которые русские берут по четвертаку за штуку. Дудки для подражания изюбря делаются разные, но все склеены из двух выдолбленных половинок. Как правило, трубя, тянут воздух в себя, хотя и есть трубы "для беззубых", как объяснил Пельчже, где дуют в трубу. В последнюю надо вставлять еще пищик. Петь по изюбриному все мастера. После обеда я с гологрудым рысью поехал заезжать на номера. Чухломин с Пельчже отправились другой дорогой. Мы поднялись немного по Нарину, а затем свернули в небольшую боковую увальную падушку Цаган гол, полого поднимающуюся до самого хребта. Поднявшись в вершине на крутой увал, мы разместились в вершине сивера. Вдали послышались крики загонщиков. Они приближались, а зверя так и не было. Хоть бы заяц проскочил! Васька уверяет, что видел изюбря. Очевидно прорвал линию. Так ни с чем и съехались. Мы с Чухломиным решили пройтись еще пешками по соседним увалам, а прочие отправились домой. Вид с вершины увала открывался широкий. На северо-востоке виднелись первые плоские гольцы, указывающие верхнюю часть течения Нарина. На восток же уходили мохнатые, лесистые гривы. Перебежав Цаган гол, я поднялся сивером к крутым увальным скалистым мысам, падающим в Нарин и обошедши их вышел снова к устью Цаган гола. Удобнейшее место для увальной охоты! Скалистые гребешки образуют ряд узких и крутых увальных распадков. К сожалению, ничего не видел. Не было слышно и изюбриного рева. Спустившись к тропе, я встретился с Чухломиным, который видел очень свежие следы небольшого табуна изюбрей, но найти их не мог. Уже в полной темноте мы добрели до нашего майхана, условившись утром снова выбраться на охоту. После недавнего снега, так и не стаившего по сиверам, снова установилась приличная погода. Таборовали мы спокойно, так как Пельчже заверил меня, что не только воров, но и волков в округе очень мало.

23/IX

На охоту утром выбрались довольно поздно. Я успел сделать лишь небольшую экскурсию по увальному гребню, впадающей в Нарин напротив нашей стоянки пади Ирэн модо (левая по течению сторона). Падь довольно широка. Дно сплошной ерник. Увалы очень высоки и круты. По гребню почти все время известняковые скалы. Пройдя очень немного и видя, что солнце уже высоко поднялось, я сивером вернулся к Нарину. Сивер очень густ, но по этой же причине деревья малорослы и худосочны.

Нижний ярус – главным образом моховые подушки. Порядочно брусничника. Ниже деревья становятся крупнее, подмешивается ель, от которой лес делается еще гуще. По гребню все истоптано изюбрями. Козьего следу почти нет. Иногда встречается кабарожий помет. Из птиц отмечен рябчик и глухарь. Общий характер сивера - таежный, несмотря на отсутствие кедра. Глухо и нетронуто.

Вернувшись в лагерь, я в скором времени отправился в аил к Пельчже, так как его сын пришел предупредить меня, что старик собирается камлать. Полдня прошло в разного рода расспросах и разговорах. Обоим я поднес хадаки. Между прочим меня угостили мясом ца. Несколько дней тому назад два охотника, перевалившие Танну нуру, в истоке Нарина увидели следы диких ца в 10 голов и, выследив их, одного убили. Мясо хорошее, похожее на мясо изюбря. Таким образом, в два сезона я попробовал мясо редких млекопитающих двух разных полюсов – дикого верблюда и дикого северного оленя. За беседой незаметно свечерело и старый Пельчже стал готовиться к камланию. Большой бубен, обтянутый медвежьей кожей, был подсушен и нагрет над огнем. Дети притащили маленькое деревцо лиственницы, на ветки которого были привязаны 9 белых полосок материи. Затем деревцо это водрузили напротив двери юрты, шагах в 15 от последней. Затем была извлечена одежда шамана, состоявшая из шапки с венцом перьев филина на верхушке, кожаной куртки со множеством разноцветных подвесок из кожи и материи, свешивавшихся до полу, и мягких кожаных “мокасин” с разводами. Передняя часть круглой шапки изображает нарисованное белым по черному фону лицо. На куртке на плечах нашиты пучки коротких перьев того же филина. На спине ряд подвесок из железа, бренчащих при каждом движении. С шапки спереди спускается черная бахрома, закрывающая лицо. Било для бубна сделано в виде овальной ложки с ручкой, вырезано из кедра и обтянуто кожей ца, с сохранившимися еще волосами. На внутренней стороне несложный резной орнамент, долженствующий изображать небо человеческого рта.

Одевался Пельчже медленно, не торопясь. Попробовал бубен. Зажгли арцу (встречающуюся по Танну в изобилии) и стали его [шамана] окуривать, обнося по солнцу около ног. Наконец, он повернулся лицом к висевшим на стенке рядом с бурханами онгонам и запел призывание, слегка ударяя в бубен. Очень быстро темп пения и ударов участился, движения стали быстры и резки, послышался храп – Пельчже впал в транс. Петь он перестал. Тело завертелось. Голова быстро и резко вертелась во все стороны. Глаза были закрыты. Гулкие удары в бубен, неизменно ритмичные, стали угрожающе сильными, странно волнующими и зовущими. Темп их стал весьма быстрым. Освещенный красноватым отблеском очага, старый Пельчже крутился в неистовом танце жреца древней "черной веры". Временами длинная бахрома его одежды образовывала сплошной мерцающий круг. Глухие ритмичные звуки бубна с аккомпанементом железных подвесок то наполняли пространство и мощным потоком лились на нас, то замирали. Тогда Пельчже наклонялся к бубну и вслушивался в него. Слышался тихий смех, свист и громкий храп. Затем снова начиналась пляска. Временами он пел, пел торопясь и захлебываясь. Бубен то и дело взлетал к самой тоне юрты. А снаружи мерцала глухая лесная ночь. Спали темные мохнатые таежные гривы, чутко сторожили тишину остроконечные белые скалы. Где-то по сопкам в золотом упоении хрусталем осени победно и звонко трубили изюбри – стадо духа гор.

Камланье продолжалось долго. Просто трудно было предположить, что человек в нормальном состоянии и в преклонном возрасте (Пельчже за пятьдесят) может выдержать такой вихрь движений.

Во вторую половину камланья Пельчже неожиданно прыгнул через очаг и выбежал на улицу, где продолжал камланье под открытым небом. И здесь все время курился сладкий дым арцы. Покамлав около изображавшего жертву онгонам деревца, Пельчже вернулся в юрту. Пришло время прорицать. Напевая и подергиваясь, он бросал нам поочередно по несколько раз свое било, которое надо было принимать в полу одежды, а возвращать обеими руками с возгласом "торог!" Напевно, стихотворными строками, но довольно невнятно, он предсказывал всем, начиная с собственных спящих маленьких детей. К сожалению, я очень плохо понимал его говор даже в нормальном состоянии – он сильно разнится от привычного мне среднехалхасского говора. А тут, я вовсе стал в тупик и удовольствовался объяснениями хозяйки.

Предсказывал он по поводу охоты и сказал, что завтра нам попадутся коза и изюбрь, но что одному из нас надо очиститься – ему что-то мешает. После предсказаний он камлал еще довольно долго. Наконец темп стал

замирать, с него упала шапка, постепенно стала сползать одежда. Жена приготовила шубу. В последний момент, когда одежда упала на пол, Пельчже весь выгнулся и в судороге ухватился за уни юрты. Тут на него накинули шубу и общими усилиями заставили сесть. Во время вторичной судороги, когда его скорчило, с него сняли сапоги. Постепенно он пришел в себя, усиленно растирая себе лицо и отдуваясь. С наслаждением выпил чашку чая и затянулся ганзой. Курить во время камлания нельзя было и присутствующим. Камланье это продолжалось не менее трех часов. Посидев еще короткое время, я ушел к себе на табор.

Приведу здесь отрывочные сведения по шаманству, которые мне удалось собрать.

Сам Пельчже – шаман в 9-м колене. Шаманит более 10 лет. С возрастом интенсивность камлания у него как будто понижается. Очень возбуждающе действует принятый перед камланьем алкоголь. Обычная норма камланий для Пельчже – не реже раза в месяц. Раз в год, 3-го числа 1-го месяца, совершается "великое камланье", отличающееся особой силой и продолжительностью. Близкие Пельчже уверяют, что старик во время сильного экстаза "улетает", причем звуки бубна постепенно удаляются, а затем, по прошествии некоторого времени, снова приближаются и Пельчже появляется в юрте. После смерти шамана, тело его отвозится, по гаданию, куда-нибудь на скалу или на гору и с ним все его имущество (шаманское). Новый шаман, появившийся в его роде, делает все аттрибуты заново, пользуясь указаниями какого либо другого шамана, делаемыми во время камланья.

Врачует Пельчже редко, предпочитая уступать поле действия ламам, которых он очень уважает. Онгонов у него много, несколько десятков. Они также каждым новым шаманом делаются заново. К двум группам онгонов у него приделаны "толи". При осмотре оказалось, что бронзовые "толи" эти преставляют собой археологические находки, тождественные с имеющимися у нас в музее. Некоторые группы онгонов объединены изображением "аворга могой". Вышеупомянутые толи — единственные предметы культа, остающиеся в роде. Преемник Пельчже уже намечен – один из его маленьких сыновей, обнаруживающий, по словам отца, способность к камланью. Но камлать он начнет только после смерти предшественника. Бывает, что после смерти шамана в его роду обнаруживается сразу два-три последователя. Тогда говорят, что один не в состоянии вынести присутствие какого-нибудь онгона и дух должен проявлять себя в нескольких.

24/IX

Рано утром мы с Чухломиным выбрались в разные стороны на охоту. Я снова полез на знакомые уже увалы Ирэн-модо. Пройдя почти до самой верхушки пади, я не встретил ничего живого. Лишь на самом хребте несколько раз вдали взревел старый (судя по тембру) бык изюбрь. Следов же масса. На луговых открытых седловинках свежие выбоины, выбитые копытами возбужденных изюбрей. В самом конце пади я увидел нескольких коз, уже уходивших с увала в сивер. Одну убил. Нести ее домой было очень неудобно, так как первый участок пути пролегал по типичному таежному бурелому с "долгомохом", болотистым ключом и прочими таежными прелестями. Да, для южного склона Танну-улы в этом месте характерна именно лиственничая тайга, не виданная мной в других местах. Термин "лес" здесь не подходит. Несмотря на усталость, я наслаждался сочетанием яркой сини неба с узорчато-червонным лесом.

Чухломин вернулся взбешенный. На него набежал двухлетний бычок, остановившийся всего в 90 шагах, а патрон дал осечку. Так и не убил. Но предсказания шамана сбылись.

Дальнейшую работу свою я распределил так. Пельчже согласился сопровождать меня в верховье Нарина, по небольшому участку магистрали Танну-улы и в верховьях Хачика. Старых проводников отправляю назад, а с ними и Васю с парой наших коней. Он должен захватить в Могой хуриэ наш ходок и отправиться на нем в Дурекчи-ван, где предупредит С.А. о моем опоздании к 1-му числу. В хребет же мы поедем трое: я, Чухломин и Пельчже. Выступление я назначил на завтра. Под вечер я снова сходил к Пельчже, где заснял его в полном шаманском одеянии в нескольких позах. Кроме того я сфотографировал и сына его, гелюна, в полном одеянии джюдиста. По-видимому, он – последователь какой-то красношапочной секты. Пельчже пришлось снимать на улице, а потому перед дверьми юрты зажгли арцу и во время фотографирования хозяйка делала возлияния онгонам. Выносить аттрибуты эти без особой надобности из юрты не полагается. Кроме того я снял общий вид аила Пельчже. На таборе мы отобрали нужные в разъезд вещи и надавали Васе кучу предостережений и советов. Сын Пельчже завтра также должен был ехать за покупками в Красный (который именуется местным населением просто Хомийн бэлчир) и даже далее. Ехать он собирался с вьючными лошадьми. Из скота у Пельчже имеются бараны, козы, рогатый скот и всего 5 лошадей. Сарлыков нет, как нет их и в Баян булаге и по всему Нарину. Да и на Тэсе ниже Шабара я их не видел.

25/X

С утра я отправил проводников и Ваську обратно, а сам пошел к Пельчже, в аиле которого происходило большое молебствие о благополучии семьи с приношением жертв бурханам. Специально для этого случая из Наринай хуриэ приехал лама, который и совершал службу вместе с гелюном. Все было очень торжественно и продолжалось достаточно долго. Выбраться нам удалось лишь к вечеру. Не без сожаления мы с Чухломиным покинули наш теплый и уютный табор среди стройных елей. С нами шло два очень легких вьюка – Пельчже дал одну вьючную лошадь. Малозаметная тропа повела вверх по Нарину, сначала правой стороной долины, а затем перешла на левую. Приходилось продираться через густые заросли ивняка, пробираться через заваленные колодником гари. Дорога была не из легких. Общий характер долины остается пока прежним. По речке обширные галечники. Прошли мы к закату всего 8 верст и стали в гари на устье пади Орох ток (левая сторона). По дороге мы миновали пади Доод- и Дээд хара усу (левая сторона) и Цаган гол (правая сторона). Правый берег против нашей стоянки – почти отвесные утесы (все тот же известняк) с прекрасно выраженной складчатостью. Снимок мой, если он только удачен, вполне годится в учебник физико-географии. В месте нашей стоянки верхняя часть долины Нарина поворачивает к <...>.

Ночью по скалам другого берега кричало несколько филинов.

Коней мы пускали не боясь, так как волков в округе очень мало. Стрихнин разрешен. К вечеру погода начала портиться, обещая снег. Сидели мы недолго, так как собирались охотиться. Все же я кое о чем расспросил. Но суммарий всех расспросов по зоологии – ниже.

26/IX

На рассвете Чухломин и я отправились на охоту в разные места, по указанию Пельчже. Мне досталась пологая стрелка левой стороны Орох тока. Места, как-будто специально созданные для изюбря. Тут и густой сивер, и гребень с травянистыми проплешинами, и небольшой увал, и редколесье, и скалы, и луговая седловинка, где так удобно реветь, и гарь с молодняком. Медленно осмотрев все это, я поднялся на хребет, где оказался водораздел Нарина и вершины Бугусугиин-ама. Вершина же Орох тока сходится с одним из правых притоков рч. Хачик. Самый гребень хребта оказался плоским, заросшим ерником и травой. Выпавший еще 21-го снег прочно лежал здесь порядочным слоем. Сегодняшним утром было серо и иногда сыпал мелкий снежок.

К высоко поднятой вершине Бугусугиин-ама спускаются пологие и

короткие увалы и сиверки. Дно ключей плоско и болотисто. Народу не видно. На самом гребне, на открытом месте я видел табунок коз и свежий след только что ушедшей в сивер сого с цзорголом. Последний термин, между прочим, здесь употребляется. К табору я вернулся речкой. Увалы очень высоки и голы, а русло густо заросло ерником. Вершина Орох тока весьма полога и перевал в Хачик удобен. Пользуются им, разумеется, лишь вьючно. Вернувшийся почти в одно время со мной Чухломин также ничего в смысле изюбрей не видел. По мнению Пельчже, зверь был распуган одним-двум днями ранее охотниками из Ара булага.

Погода разгулялась и мы отправились дальше вверх по Нарину. Около самой ночевки копешка сена. Заготовка Пельчже. Но здесь он не зимует, а сено свозит вьюками (?) вниз. По Орохтоку следы кочевок – летовки. Далее дорога пошла трудная. Крутили по зарослям, спускались на галечник русла. Миновали падь Мянга сончжи. Хорошее для охотника название! Тысячеизюбриная падь ... Сон – по-урянхайски изюбрь. Впадает она [падь] в Нарин с левой стороны. Выше ее миновали еще одну падь левой стороны (Йоллак), после которой шли некоторое время по сплошному галечнику, занимающему здесь все неширокое дно долины. По левому краю последней и параллельно ей здесь протянулся высокий и крутой отрог (водораздел Нарин – Йоллак), круто падающий к галечнику Нарина скалистыми ребрами. Лес на этом отроге смешанный (лиственница, кедр, ель), напоминающий о настоящей тайге. Лагерем мы стали напротив этого отрога в устье пади Доод хуху оймок (правая сторона). Ниже ее мы миновали пади Доод хуху оймок и Булагтэ. Под вечер мы стали собираться на охоту и в это самое время на правой стороне нашей пади взревел изюбрь. Я туда и направился. Чухломин же полез на высокий отрог против лагеря. Прошел я не очень много, так как вышел незадолго перед закатом, ничего не видел. Изюбрь мой ревел уже на противоположной стороне пади. Ревел часто и напряженно. Вернувшийся довольно поздно Чухломин сообщил, что гонялся за ревущим изюбрем, но не мог его взять, так как дело происходило в довольно густом сивере. Палатки мы не разбивали, а ночевали у большого огня. Ночь была ясная, звездная. И мы очень долго сидели около огня, слушая, как взапуски перекликались два изюбря, мой и Чухломина. Оба они вышли на крайние мысы к реке и ревели в полуверсте от нас, а то и меньше. Слушать их звонкий рев было большим наслаждением. В промежутках между ревом Пельчже рассказывал о здешних местах. Сводка сведений по зоологии, полученных от него такова.

Лось на южном склоне Танну-улы в данном районе не встречается вовсе, не забредая даже изредка. Да и на северном он начинает попадаться

довольно далеко к <...> от хребта. Пельчже, например, белковавший иногда там, ни разу лося не видел. Места, правда, по южному склону хребта для лося мало подходят. Слишком сухо – нет болот и озерков.

Изюбрь распространен широко и довольно многочислен. Местность по южному склону Танну-улы, посещенная мной, действительно весьма подходяща для оленей. Сильная пересеченность, обилие скал, удобных, крутых и высоких увалов, большие массы густого леса, сравнительно редкое население, близость прохладной гольцовой зоны и многочисленные солонцы – вот благоприятные условия для них. Действительно, нигде в Монголии я не встречал такого количества изюбриных следов, встречающихся решительно везде. Количество изюбрей в данном районе сильно колеблется по годам, независимо от истребления, дождей и прочего. Старики-охотники говорят о массовых перекочевках изюбря на юг, в Болнай и Хангай. Доказательство этого видят в следующем. Когда, по слухам, на юге засуха, то количество изюбрей в данном районе сразу быстро увеличивается, пропорционально ей. И наоборот, если в Хангае достаточно дождей и хорошие корма – изюбрей в Нарине и окрестностях становится значительно меньше. В “хороший” год в каждой небольшой боковой падушке во время рева слышно 3-5 ревущих быков. Положительно, почтенное количество, напоминающее о древних временах. Изюбри здесь не очень боязливы. Ревут не стесняясь, отлично посещают солонцы, находящиеся в самых неудобных местах, как например, на дороге. В общих чертах поведение их ничем не отличается от такового их хэнтэйских собратьев.

В самое жаркое время лета, при обилии насекомых, изюбри охотно перекочевывают в обширную гольцовую зону Танну-ульской магистрали.

Дикий северный олень встречается в небольшом числе на некоторых мощных гольцевых грядах северных отрогов Танну-улы. На магистрали чаще появляется он в районе истоков Эрсин гола, откуда изредка продвигается на восток до гольца Ингенек (исток Нарина). Далее к востоку его нет. Пельчже ни разу не видел ца. По его словам здесь этот зверь никогда не спускается в лес, все время пребывая на “нюцгун-тайга”, т.е. в гольцовой зоне. Очень подвижен и осторожен. Раз спугнутый, убегает очень далеко.

Кабана в районе почти нет. Он заходит сюда с северных склонов Танну-улы, притом нечасто.

Козы мало. Охотясь сравнительно много и по весьма удобным для козы местам, я видел всего 2 небольших табунка коз. След козы виден значительно реже следа изюбря. Хорошая аномалия! Объясняется это чрезвычайно глубокими снегами, выпавшими здесь года три назад и

вызвавшими с одной стороны массовую гибель козы, а с другой – массовую же перекочевку более сильных экземпляров. В тот год обитатели степных долин около Тэса были поражены появлением больших сплоченных стад козы (до 100 голов), двигавшихся по совершенно открытой местности на юг. Очень много обессилевшей козы было истреблено волками и охотниками. Добравшаяся до Тэса часть почему-то (на льду, кажется не было снега) не сумела перебраться на другой берег и бродила по степям. Много козы сохранилось по окраинным колкам, где ее много и сейчас. Нет, конечно, никакого сомнения в том, что в ближайшие годы коза снова густо заселит этот столь подходящий для нее район.

Кабарги в этих местах немного. Я изредка встречал ее след и помет. Держится она, как и всегда, в наиболее диких сиверах.

Аргали, как я уже упоминал, встречается только в группе Буту цаган, более нигде не попадаясь. Количество горного барана там значительно сократилось. Теперь он редок.

Горный козел в прежнее время был довольно многочислен по верхнему Нарину, Джартысу и Эрсину. По Нарину он спускался до аила Пельчже, т.е. весьма низко. Держался он по скалам правого склона долин, не смущаясь близостью леса и был довольно обычной добычей местных охотников.

Затем пришла эпизоотия, страшно опустошившая стада янгеров. В настоящее время их можно встретить очень редко, чуть ли не единицами в самых глухих ущельях и скалах магистрали. В истоке Нарина такое место – ущелье Хапчил.

Из хищных в районе встречается ***медведь***. Распространен он неравномерно. Как правило, немногочислен. Лишь в Джартысе, близ впадения этой речки в Эрсин медведь встречается в значительном количестве. Чем вызывается это скопление – сказать трудно. Большинство охотников избегает этот район, считая встречу с медведем небезопасной. Эта точка зрения совершенно правильна, так как поголовно все вооружены кремневками. Скорострельное оружие, имевшееся в районе ранее, отобрано Правительством. Берлоги в районе редки, так как медведь здешний предпочитает ложиться в небольших пещерах и щелях, столь обычных в известковых скалах. На скот нападает, но не часто. Охотники избегают бить его, так как выгода не оправдывает опасности.

Со старых времен еще осталось прозвище “хайрхан”, данное медведю еще тогда, когда орудия охоты были весьма несовершенны. Большинство населения называет и по сей час медведя именно так. Судя по слову “хайрхан” и по тому, что шаманский бубен обтягивается именно медвежьей кожей, можно предположить в очень древнее время некий культ медведя,

как наиболее мощного хищника тайги. Только его и боятся местные охотники. Пельчже рассказывал историю об одном бесстрашном охотнике, который, увидя как-то трех медведей сразу, испугался в первый раз за свою жизнь и затем решил, что раз испугавшись, он уже не имеет морального права охотиться и продал ружье. Затем, удрученный всем этим, он в скором времени умер.

По словам Пельчже один или два медведя бродили во время нашего пребывания в Нарине по водораздельному хребту Нарин – Баян булаг – Бугусуг. Но я не видел даже следа. Придерживается здешний медведь мест поглуше, потише.

Волк в районе сравнительно редок. Объясняется это целым рядом причин: обилие охотников, возможность пользоваться стрихнином и, наконец, кочевка волков на юг, по неизвестной причине. Рядом же по тэсинским степям и ельникам, по харульским долинам и горам, волков множество. Пельчже картинно выражался, что теперь в Урянхае один сильный внутренний враг – волк, так как внешних нет вовсе, а разбои, вследствие серьезных репрессивных мер, сильно сократились. Поэтому с волками начата беспощадная война. Назначены премии за известное число представленных шкур (кажется 50).

Барса в районе нет вовсе.

Красный волк также, по-видимому, сюда не забегает. И Пельчже подтвердил мне, что на западе (Хобдо) словом “цубур чоно” обозначают именно <...>.

Рысь в этих местах обыкновенна, но ее не слишком много.

Росомаха редка.

Лисица, как и всегда в больших лесах, реже, чем в полустепных районах.

Из мелочи следует заметить, что соболя нет вовсе. Есть горностай, колонок, хорь. Белки довольно много. Очень много беляка, за которым ревностно охотятся подростки. Белка, между прочим, здесь рыжая, западная. Выспевает в тот же срок, что и хэнтэйская.

Граница (западная) черной белки проходит, по-видимому, далеко, где-нибудь близ Хубсугула, если не дальше.

Кроме всех этих сведений, Пельчже часто и много говорил о своей охотничьей практике, рассказывая с одинаковым пафосом и удачные и неудачные случаи. Любопытно, что несмотря на многолетнюю привычку к охоте, занятие это почти по-юношески волнует его, что сильно отражается на его образных рассказах, где слышишь и звукоподражание, видишь резкие жесты и горящие старые глаза.

27/IX

Встали мы, когда было еще совсем темно, и на заре полезли в горы – я на правый, Чухломин на левый берег долины. Лезть мне пришлось очень высоко по узкому и высокому гребню. И тут неудача! Вчерашний изюбрь, судя по удалявшемуся реву, ушел на водораздел Нарин – Эрсин. На моем гребне я спугнул стаю тетерок. Таким образом определились промысловые куриные района. Это глухарь, тетерев, рябчик и обитающая по гольцам белая куропатка.

Постепенно продвигаясь вперед, поздним утром я добрался до водораздела Нарин – Эрсин. Отсюда открылся широкий вид во все стороны. Характер самого водораздела – плоский луговой голец, очень немного поднимающийся над границей леса и обильно заросший густыми порослями ерника. Можно даже сказать, что далее к вершине Нарина граница леса поднимается абсолютно может быть и выше данного места водораздела, но просто климатические условия плоского гольца, открытого всем климатическим агентам, не дают вырасти на нем деревьям. По ту сторону водораздела открылись пологие спуски, поросшие редким лесом, в левые ключи рч. Джартыс, левого же притока Эрсин гола.

Вниз по Нарину виднелись мохнатые золотые густолесные гривы.

Несколько суровее был вид к истоку Нарина, в сторону магистрали. В самом истоке подымалась вершина Ингенек, не очень высокая, характерной формы “двухэтажного” гольца, т.е. на продолговатом плоском основании возвышается отдельная плоско-округлая шапка. Кругом Ингенека заплелся узел плоских гольцовых гряд. Восточнее его из-за этих гряд выглядывали две высокие скалистые вершины, обильно оснеженные. Целый ряд таких вершин виднелся и на порядочном расстоянии к западу от Ингенека, в вершине Эрсина.

Магистраль почти сплошь оснежена, на низких второстепенных отрогах тоже участки снега.

Удивительнее всего было увидеть проходящую по самому гребню гольца торную вьючную дорогу, уходившую вдоль гребня к магистрали. По возвращении Пельчже рассказал мне, что эта, так смело проведенная, вопреки привычному, дорога начинается двумя ветками: в Нарине и Эрсине, а затем идет по гребню водораздела этих двух рек до магистрали, где малозаметным перевалом попадает в левый исток рч. Балик, системы Енисея (Хуа кхем). По ней прогоняют скот, главным образом лошадей, ездят с вьюками и прочее.

После подробного осмотра окрестностей я повернул назад и спустился к табору узкой и красивой падушкой, падающей в Нарин чуть

выше Доод хуху оймока. Охота Чухломина также была неудачна, хотя он и видел своего изюбря. Гонялся долго и обошел всю вершину ущелья Йоллак.

Вечером я расспросил Пельчже о вышеупомянутой дороге и решил снова разделиться.

Чухломин с нашими обоими вьюками должен был вывершить Йоллак и пологим гольцовым перевалом свалиться в один из правых ключей рч. Хачиг. Мы же с Пельчже верхами, с самым необходимым, должны были одним из правых ключей Нарина выбраться на "гольцовую" дорогу, проехать по ней в вершину Балика, а затем как нибудь перебраться в Хачиг, где и встретиться с Чухломиным. Разъезд рассчитан на 2-3 дня.

28/IX

Довольно рано утром мы завьючились, распрощались и одновременно двинулись в разные стороны: я с Пельчже вверх, Чухломин вниз по Нарину. Мы взяли с собой действительно лишь необходимое.

Продвигаясь вверх по галечникам Нарина, мы скоро подъехали к месту настоящего истока вод Нарина. В небольшом расширении долины бьет целый ряд ключей (счетом 9), которые и образуют собственно речку Нарин. Выше этих ключей русло сухо. Еще не доезжая ключей Пельчже указал мне слабо сернистый холодный (но незамерзающий) ключ, ревностно посещаемый изюбрями. Вокруг него ряд прикрытий для ночной охоты. А поблизости охотничьи таборы: традиционные закопченные три камня и чуть поотдаль сложенный из камня же "мандал" с золой арцы. Много же курений возносится "хозяину" местности во время наиболее бойких охотничьих сезонов! Прикрытия около солонцов весьма примитивны и сделаны достаточно небрежно. В лучших, очевидно, нет нужды.

Затем мы свернули влево, в небольшой пологий распадок правой стороны, по которому легко поднялись на гребень водораздела с Эрсином к "гольцовой" дороге. Здесь к лиственнице подмешан единичными экземплярами кедр. И в этом месте характер водораздела совершенно тот же, что и в истоке Доод хуху оймока. Далее мы двинулись уже по дороге. Через несколько верст дорога зигзагом взбирается на небольшую вершину, с которой открывается широчайший вид во все стороны. Далеко на горизонте четко выделялся хребет Хан хухэй, имеющий при взгляде с <...> очень правильную форму: вершины в центре, а по бокам полого спускающиеся крылья. Центр был в это время обильно оснежен. На <...> склоне против главной вершины виднеется большой ледниковый кар.

Восточное крыло Хан-хухея невысокой седловиной сочленяется с лежащими далее к востоку горами (вероятно <...> отроги Болная). Западнее Хан-хухея чуть видны еще большие горные массы. От этих гор вероятно недалеко и до Убсу нура. <...> склон Танну понижается от магистрали к долине Тэса постепенно, закономерно, без неожиданных поднятий и провалов. Нарин виден вниз до Орохтока. Ушедший с водораздела пологими ключами Джартас ниже углубляет свою долину, на правой стороне которой появляются неизменные для этого района белые известковые скалы. Высокие вершины магистрали у верховьев Эрсина видны отсюда хорошо. Хорошо видна и вершина Улаин хана, находящаяся довольно далеко к востоку от Ингенека.

Продолжая продвигаться все той же гольцовой дорогой мы миновали целый ряд правых ключей Нарина и левых Джартаса.

Невдалеке от Ингенека водораздел поворачивает к <...>, огибая небольшой бассейн рч. Хапчил, настоящего истока Нарина. В Хапчиле уже нет древесной растительности. Понижающаяся к устью речки гольцовая плоскость прорезана глубоким каньоном речки. По крутым скалам этого каньона иногда бывают отдельные экземпляры <...>. Вершина Хапчила выходит к магистрали пологим логом. Пологая же седловина соединяет этот исток с истоком левой ветви рч. Балик, относящейся уже к системе Енисея. На болотистой седловине маленькое озерко. Таким образом в данном месте главный водораздел малозаметен. Дорога проходит в стороне от седловины, через пологий увал, на котором перевал из одной системы в другую отмечен маленьким обо. Сделав отсчет анероида мы стали спускаться по пологой долинке Балика вниз. Кое-где по сравнительно пологим склонам долины виднелись отдельные кустики лиственницы. Несколько ниже по обеим сторонам появились известковые скалы. В сухом галечном русле выступила вода. Добравшись до первой небольшой рощицы угнетенных лиственниц, мы остановились на ночлег. Не дожидаясь чая я полез на гольцы левого склона долины, питая слабую надежду на возможность все — таки каким нибудь чудом встретить ца.

Трудный подъем вывел меня на обширные гольцовые елани с выходами известковых скал, такими же белыми валунами. В формации этих еланей кроме немногочисленных низкорослых трав очень большое место занимает кудрявый голубоватый ягель, присутствием которого и объясняется появление здесь, хотя бы и изредка, северных оленей. Но кроме нескольких белых куропаток я ничего не видел. Следы этих птиц встречались еще на “гольцовой” дороге. Вернулся я уже в полной темноте. Бивуак наш имел очень суровый вид. Маленький огонек (до дров было довольно далеко), седельный потник в качестве подстилки и седло в виде

подушки, яманья кость на обед и чашка чаю. А мороз ночью был значительный.

Еще когда мы искали место для бивуака, Пельчже сильно рассмешил меня. Он подъехал к речке и стал внимательно смотреть в воду одного из омутков. На вопрос мой, в чем собственно дело, он наивно ответил, что “говорят здесь есть рыба” (в бассейне Тэса рыбы почти нет).

На следующий день я хотел еще раз попытать счастья в охоте.

С гольца я видел довольно далеко на востоке крутые скалистые гребни - <...> отроги магистрали.

29/IX

На рассвете я одним из левых боковых распадков Балика снова взобрался на гольцовые поля. По дороге я отметил еще одну характерную черточку ботанического ландшафта. Более защищенные и низкие лога покрыты зарослями низкого ерника, смешанного с тэмэн сууль (<...>). Картина довольно оригинальная, так как тэмэн-сууль скорее напоминает какой-нибудь кактус, а не приполярное растение. Пологим увалом я взобрался на самую магистраль Танну-улы и выбрал в качестве наблюдательного пункта отдельный высокий известковый останец. Отсюда я снял два снимка, осмотрелся и отсчитал анероид. Тщательный осмотр ближних и дальних окрестностей в бинокль не обнаружил ничего живого. Никаких ца.

Вид с моей скалы открывался очень широкий. На запад, север и восток всюду виднелись мощные гольцовые гряды. Лишь на <...> и <...>, т.е. в сторону Нарина и Джартаса горы быстро снижались. На западе горизонт замыкался целым рядом высоких и очень крутых скалистых вершин, значительно поднимавшихся над общим уровнем плоских гольцов. Ближайшая из них находилась верстах в 15 от меня. Ближе намечался пологий исток какой-то речки бассейна Енисея, уходивший в глубокое ущелье между гольцов. На <...> гольцам буквально не видно конца-краю. Очень далеко на горизонте виднеется довольно высокая гольцовая группа. Балика почти не видно. Т.е. не видно, куда он уходит. Все загорожено плоскими грядами гольцов. Ингенек и понижение магистрали между ним и моим пунктом видны хорошо. На дальнейшем восточном продолжении магистрали видна высокая, срезанная сверху вершина Улаин-Хана. Бока этой горы весьма круты. К <...> от нее резко выделяются острые скалистые гребни, круто падающие к северу. Все высокие вершины обильны оснежены. Пятнами снег лежит и на более низких плоских гольцовых грядах. Картина в общем очень суровая. Белые камни, останцы скал и очень бедная растительность. Из живности видел опять-таки белых куропаток. К

бивуаку я вернулся около полудня, достаточно усталый, но тем не менее сегодня же решил ехать дальше.

Около часу ночи мы подъехали к бельчиру двух основных истоков Балика, ниже которого речка сворачивает в узкое и глубокое ущелье, обставленное скалистыми боками. Ниже уже виднеются настоящие лиственничые колки.

От бельчира мы стали подниматься правым истоком Балика, более значительным по количеству воды. Дорога стала хуже – больше болот и участков россыпи. Ландшафт стал мрачным. Долинку обступили круглые гольцы, сплошь поросшие фиолетово-черным ерником на фоне зеленовато-голубого ягеля. Колорит так себе. Продвигаясь все выше и выше мы наугад свернули в правый приток-ущельице. Дело в том, что Пельчже был здесь только один раз и весьма почтенное количество лет тому назад. Он забыл, что вполне естественно, каким ущельем надо подыматься к перевальному понижению в Хачик. По этому узкому и крутобокому ущельицу исчезла тропа и дорога там стала весьма скверной даже для верховых. То болото, то камень.

Журнал "Хозяйство Монголии", 1929 г., №1(14), с.78-96

А. Д. Симуков

Хангайская Экспедиция Ученого Комитета МНР в 1928 году
(Путевые впечатления)

Предпринятое Ученым Комитетом МНР планомерное исследование территории Монголии продолжалось и в истекшем 1928 году.

После пересмотра имеющихся материалов, предметом исследовний был избран обширный горный район Центральной Монголии, носящий в географической литературе название "Хангай". В более узком смысле название это приурочивается к мощному горному хребту, протянувшемуся с востоко-юго-востока на западо-северо-запад почти от Уйцзэн вана до Чжибхоланту (Улясутая) и далее на север до хр. Хан-хухэй. Хребет этот является водоразделом бассейна Северного Ледовитого океана и внутренних бессточных бассейнов Монголии. С его северных склонов берут начало р.р. Орхон с обоими Тамирами и два истока Селенги: Чулутэ и Идэр со многими второстепенными притоками. На южном же склоне Хангая берут начало реки, заканчивающиеся в бессточных озерах Северной Гоби: Онгиин гол, Тацаин гол, Туйин гол. Байдараг с притоками, Шара усу, Буянту и Богдоин гол – три истока р. Цзабхан.

Горная страна, лежащая к северу от основного водораздела, входит в состав аймага Цэцэрлиг-Мандал и справедливо считается одним из самых богатых пастбищами и скотом, самых населенных районов Монголии. Тем не менее, изучение имеющейся литературы выяснило целый ряд больших пробелов в исследовании этого, казавшегося таким известным, района.

Сообразно этим пробелам и были намечены в общих чертах маршруты двух партий, на которые предполагалось разбить Хангайскую экспедицию. Кроме маршрутов была составлена программа исследований, в которую помимо чисто географических вопросов были включены некоторые, имеющие узкопрактическое значение, пункты, перечисленные ниже.

Экспедиция работала 4½ месяца (июль-ноябрь). Результаты ее вкратце следующие. Исследованы, главным образом с географической точки зрения: 1) главный хребет Хангая в истоках рек Хойту-Тамир, Чулутэ,

Гичигэнэ, Урду-Тэрхи, Байдараг, Хара-усу и Богдоин гол; 2) продолжение этого хребта на север от г. Чжибхоланту и связь его с системой гор Болнай и Хан-хухэй; 3) часть хр. Тарбагатай, 4) значительная часть гор Болнай и истоки р. Тэс, 5) часть хр. Танну-ула, 6) местность по маршруту Дурекчиван – Мурэн хуриэ – Хадхал – Ван хуриэ – Уланбатор.

В этих районах произведена съемка, охватившая до 30.000 кв. километров, с подробным географическим описанием к ней, иллюстрированным фотоснимками, количество которых достигает 900. Определена высота около 400 пунктов, характеризующих рельеф страны. Собраны небольшие коллекции по геологии, ботанике (альпийская флора) и зоологии. Описаны исторические памятники, исследовано распространение и биология промысловых зверей, составлена приблизительная карта лесов, разобран вопрос о кочевках в некоторых местностях, обследован ряд монастырей, главным образом с архитектурной точки зрения, собраны некоторые экономические сведения и произведены небольшие специальные исследования в области этнографии. Кроме того, обследованы и инструктированы метеорологические станции района.

Весь этот большой материал еще не обработан, поэтому в нижеследующем очерке я не привожу почти никаких научных данных и не останавливаюсь на самой работе экспедиции. Моя задача – я это подчеркиваю – дать образное описание природы посещенных мною мест и некоторых наиболее ярких эпизодов экспедиции. Это впечатления не исследователя, а туриста.

* * *

В силу целого ряда причин Хангайская экспедиция была сформирована лишь к середине июня, когда и был отправлен из Уланбатора общий караван обеих партий.

Руководители же партий – С.А.Кондратьев и я – выехали на автомобиле 30-го июня. Путь наш лежал сначала на Цэцэрлиг (Цзаин шаби), где нас и дождался наш караван.

Партии наши разделились: С.А.Кондратьев ушел прямой дорогой на Чжибхоланту, а я, перевалив от Цэцэрлига в долину Хойту Тамира, занялся исследованием центральной части Хангайской магистрали. Шла уже вторая половина июля.

Ознакомившись попутно с лесами хребта, разделяющего оба Тамира и собрав сведения об интересовавшем меня районе в хуриэне Цэцэн вана, я стал продвигаться к истокам Хойту Тамира.

Окрестности Цэцэн-ван-хуриэ (иначе Сайт ван) очень живописны.

Порядочная река (Хойту-Тамир) извивается по дну широкой долины, обрамленная почти непрерывными линиями тополевой уремы. Мощный лесистый хребет – водораздел обоих Тамиров – посылает к речной долине обильно облесенные скаты и долинки ключей. Над ними высится несколько гольцов (обнаженных вершин, поднимающихся выше границы леса). По имени одного из них (Хан ундур ула) и называется теперь хошун. Лес здесь состоит почти исключительно из лиственницы, к которой в высоких поясах, в очень незначительном количестве, примешивается кедр; сосны нет вовсе. Из промысловых зверей здесь довольно много изюбря, есть кабарга и коза. Общий характер этих лесов – типичная лиственничая подтайга.

Двигаясь выше, мы пришли к месту слияния двух основных истоков Хойту Тамира: р.р. Хойту гол и Урду гол. Здесь мы были свидетелями того, как страшны могут быть горные реки после больших дождей. Дождь в данном случае продолжался всего около 2-х суток, и в результате вода в Хойту-Тамире поднялась в течение одной ночи на целый метр. Даже самый мелкий брод стал небезопасным, так как мутная, вздувшаяся река неслась по своему руслу с большой стремительностью.

Миновав слияние обеих упомянутых рек, мы стали подвигаться к истоку Урду гола. Уже через несколько верст вид долины изменился: исчезла степь, лес спустился к самому дну сузившейся долины и, наконец, появились ледниковые отложения в виде неясной фронтальной морены. Огромное количество камня, снесенного сюда некогда ледником, заставило предположить, что до истока Урду гола еще далеко и что магистраль Хангая достигает в этом районе значительной высоты. Все это оправдалось: фронтальная морена эта находится, примерно, в 35 км выше Цэцэн вана. Проехав (и не без труда) на своих телегах еще верст 5, мы решили остановиться и съездить в верховья налегке. Дальше местность была уже безлюдной, последний (вверх по речке) аил был по соседству от нас.

Местность по долине р. Цзамтэ (так называется верхняя часть р. Урду гол) очень приятна. Близость высоких гор и абсолютная высота самого места обеспечивает летом прохладу. Травянистая растительность очень богата, много цветов. Обращенный к северу склон долины покрыт довольно густым лиственничым лесом. Горы по сторонам здесь еще не очень высоки.

Совершив несколько экскурсий по окрестностям, я собрался в разъезд, наняв для этого через местный сомон двух проводников с вьючными лошадьми (этот способ найма всегда обеспечивает прекрасных спутников). Из трех рабочих, входивших кроме меня в состав партии, я взял с собой лишь одного, оставив прочих в лагере. В один из ясных дней конца июля

наш маленький разъезд двинулся в путь.

По бокам долины все время видны следы ледника в виде боковых морен и так называемых “бараньих лбов”, т.е. сглаженных и прочерченных льдом скал. Некоторые данные указывают на большую мощность сползавшего по этой долине ледника. Меня заинтересовали небольшие ключи с очень крутым падением, сбегавшие с самого верха боковых скатов долины, образуя иногда красивые каскады. Оказалось, что долина Цзамтэ в этом месте как-бы врезана в плоскогорье, поднимающееся выше границы леса. Там наверху - альпийская растительность, есть болотца и много россыпей. В жаркое время года там встречаются аргали (постоянные обитатели верхнего безлесного пояса гор) и изгнанные из лесов насекомыми изюбри, даже козы и кабаны.

Майхан свой мы раскинули на берегу бурно грохочущей речки Мухур хугитэ, притока Цзамтэ, невдалеке от красивого маленького водопада.

На следующий день, чуть стало светлеть на востоке, мы выбрались на охоту. Верхами мы заехали в одно из боковых ущелий Цзамтэ. Было очень холодно - чуть выше нуля (так влияет на температурные колебания значительная абсолютная высота).

Охота заключалась в том, что мы ехали гуськом по берегу шумящей речки и вглядывались в противоположный скалистый, очень крутой и высокий склон, куда должны были выйти на кормежку предполагавшиеся в ущелье звери. По нижней части нашего бока ущелья тянулась узкая полоска обомшелого, искривленного и низкого лиственничого леса. Но как мы ни всматривались в серые скалы – ничего живого обнаружить не могли.

Километра через 2 ½ лесок закончился. По его краю растет искривленный, низкорослый кедр, попадающийся ниже отдельными экземплярами в массе лиственницы.

Греясь у наскоро разложенного костра, мы дождались восхода солнца, а затем решили осмотреть безлесную верхушку ущелья. По-прежнему наши кони мяли пересыпанную яркими и крупными цветами сочную зелень альпийского луга, следуя шумной речке. Трава достигала местами вышины по колено.

В одном из боковых распадков мы заметили табунок горных козлов (яман гурэс), но было уже поздно: козлы уходили с кормежки на прохладные вершины. Мы долго следили как ловко пробирались они по россыпям.

Для общей ориентировки и знакомства с вершинами, я полез наверх. Подъем чрезвычайно крут. Местами приходится лезть на четвереньках.

Эта крутизна – одна из характерных черт верхнего пояса Хангайских гор – вместе со значительной (около 2500 м и выше) абсолютной высотой места сильно затрудняют лазанье по горам Хангая.

Наверху более или менее плоско, сплошная некрупная россыпь, между камнями которой на маленьких участках почвы, занесенной сюда ветром в виде пыли, карликовые растеньица. Разница в 2-3 сотни метров, и тяжелые условия существования делают то, что, например, экземпляр альпийского мака с вершины раз в десять меньше растущего на дне ущелья. Эти хилые растеньица оказались вдобавок присыпанными снегом, заменившим на этих высотах вчерашний дождь (дело происходило в 20-х числах июля).

Часть спуска я сделал по текучей мелкой россыпи, которая сдвинутая мной, поползла вниз целым плотом в несколько десятков кв. метров. Затем мы вернулись в лагерь и в этот же день переехали верст на десяток выше по Цзамтэ.

Я намеренно так подробно остановился на описании этой маленькой экскурсии: посещенное нами ущелье очень типично для данного района Хангайской магистрали и потому может служить хорошим примером. Характерные черты таких ущелий – большая высота и крутосклонность боков, малоизрезанных к тому же; пышный луг по влажному, местами болотистому, дну и бедность растительностью наверху; наличие, если позволяет высота, неширокой полоски угнетенного леса и, почти всегда, бурная речка. Шум пенящейся по большим валунам воды – постоянный аккомпанемент всему происходящему в этих тихих ущельях в летнее время. Воды много, она всегда холодна и прекрасного качества.

Из крупных млекопитающих по одним и тем же местам кормятся и изюбри, и аргали, и горные козлы, и лесные козы. Иногда появляется и кабан. Впрочем, оба последних животных попадаются лишь там, где есть, хоть маленький клочок леса. Словом, они тяготеют к степной растительности в то время, как аргали и козел предпочитают россыпи вершин. Один изюбрь бродит, где ему вздумается, уходя часто за десятки верст от ближайшего леса. Вследствие этого для северянина охота на него здесь представляет особый интерес. Но, говоря вообще, зверя мало. Из хищников наиболее эффектен, конечно барс, встречающийся, впрочем, весьма редко. Профессионалы-охотники видят его раз или два в жизни. Медведя, как и вообще настоящих таежников (лось, соболь, росомаха), в Хангае нет нигде.

Следующая наша экскурсия была на самый гребень хангайской магистрали, до которого оставалось еще больше десятка верст. Таким образом, длина ледника Цзамтэ (от гребня до фронтальной морены)

равнялась примерно 37 км. На гребень я поднялся по колесной (скверной даже для местных телег) дороге к пер. Цзамтэ, ведущему из Хойту Тамира в район Дашидогуна. Зимой этот перевал бывает закрыт по причине снежных заносов. Не удовольствовавшись видом на окрестность с перевала, я, для лучшей ориентировки, полез на самую высокую из находившихся поблизости вершин. Труды мои по подъему были вознаграждены: вершина действительно оказалась наивысшей в большом районе и горизонт открылся достаточно обширный. Бросалась в глаза разница между северным и южным склонами магистрали. На север – крутые, местами чуть ли не отвесные, скаты в глубокие ущелья-пропасти, вершины которых частенько представляют собой ледниковые кары (или цирки). На юг – гораздо более пологие склоны и долины с постепенным падением. Дорога в Дашидогун, после незаметного с юга и очень заметного с севера перевала, проходит по огромному плоскогорью, поверхность которого, равная примерно 300 кв. км – типичный гольцовый пейзаж, т.е. сплошная россыпь с болотцами и скудной альпийской растительностью. В плоскогорье врезаны немногочисленные долины речек бассейна истоков р. Уты, левого притока Байдарага. Это – холодная и унылая высокогорная пустыня. По ней бродят изредка аргали, живут многочисленные табунки белых куропаток (монг. ахун), да во время летних перекочевок забредают изюбри. На юг от этого плоскогорья, за невысокими горами, чуть виднеется степь близ Дашидогуна, а виднеющиеся дальше горы носят полугобийский характер. Лес на южном склоне Хангая виден лишь кое-где незначительными клочками.

На восток от этой вершины вздымается море высоких гор, среди которых выделяется красивый правильный высокий конус гольца Субурга хайрхан, лежащий к северу от истоков Орхона и хорошо видный с окрестных Цэцэрлигу высот.

На западе горизонт замыкается высоким горным узлом на магистрали, на вершинах которого видны пятна вечного снега. Следующий свой разъезд я наметил туда.

Сделав утомительнейший спуск обратно, в долину Цзамтэ, я вернулся в лагерь на высланной мне навстречу лошади.

Отправив телеги кружным путем в долину р. Чулутэ, я с новыми проводниками отправился напрямик в другой исток Хойту Тамира, р. Хойту гол. Этот исток значительнее первого. Побывав снова в двух местах на магистрали, я заехал вверх по самому крупному притоку Хойту гола, р. Нуриин ама. Этот участок оказался одним из самых интересных на хангайской магистрали.

Большая, типично ледниковая долина имеет на устье правильную

полукруглую фронтальную морену. Боковые морены достигают подчас огромных размеров. Магистральная водораздельная линия проходит невдалеке почти параллельно долине Нуриин ама. В главном хребте здесь находится широкая (до 8 км) и совершенно плоская седловина. С юго-востока и северо-запада к ней падают огромными ступенями высокие гольцы. На северо-восток крутой, но короткий спуск, в виде ровной ступени, приводит в долину Нуриин ама, а на юго-западе пологая покатость ведет к одному из истоков Утаин гола. Любопытнее всего то, что посреди этой седловины, т.е. фактически на самом гребне Хангайского хребта, лежит порядочное (до 8 км в окружности) и, по-видимому, весьма глубокое озеро, называемое монголами Хуху нур /*по-монгольски Синее озеро – сост.*/. Название вполне оправдывается прекрасным темным зеленовато-синим цветом его холодной воды. Оно лежит выше границы леса, а потому окрестности его носят несколько суровый оттенок. Озеро это подобно огромному сапфиру в простой, но величественной оправе. Местное население чтит Хуху нур молениями, производимыми ежегодно у большого обо на восточном берегу. Питается озеро маленькой речкой и подпочвенной водой с соседних гор, а избыток воды сливается в речку Нуриин ама.

Не менее интересны и истоки этой последней. Около них находится горный узел, где от основного хребта Хангая отделяется важный водораздел между бассейнами Орхона и Селенги, т.е. в данном месте между истоками Хойту Тамира (левый приток Орхона) и Чулутэ (один из трех истоков Селенги). Головной участок этого водораздела на протяжении 35 км представляет собой огромный, широкий (свыше 20 км), плоский и высокий вал, прорезанный местами глубокими и узкими долинами речек. Все эти долины ледникового характера и в вершинах имеют ясно выраженные ледниковые цирки. Некоторые речки, принадлежащие двум разным указанным выше бассейнам, почти сходятся вершинами. Их разделяют узкие, зубчатые, источенные льдом гребни, дающие подчас живописный, но чрезвычайно дикий вид этой высокой и мрачной местности.

В вышеупомянутом узле находится одна из самых значительных в этом районе вершин, имеющая небольшие пятна вечного снега. Пешеходная экскурсия на эту вершину, отстоявшую на 8 км от нашего лагеря, заняла целых 12 часов. И подыматься и спускаться пришлось все время по россыпи, к которой внизу прибавляется еще болото. Самая вершина плоская и представляет собой сплошную россыпь из огромных камней, нагроможденных в полном беспорядке. Зато вид оттуда вознаграждает за все труды: у ног наблюдателя толпятся горы; в глубоких пропастях на глазах зарождаются реки, серебряными змейками разбегающиеся во все

стороны; в мрачных, глухих закоулках, между извившимися, как драконьи спины, иззубренными гребнями, мерцают, подобно зеленым глазам неведомых чудовищ, изумрудные миниатюрные озерки. Последние, как правило, имеются на дне каждого ледникового цирка.

Исследовав этот небольшой район, я перевалил вышеуказанный головной участок водораздела Орхон – Селенга чрезвычайно трудным вьючным перевалом и спустился в район истоков Чулуту, где встретился со своим караваном.

Послав караван прямо на Таряту, и взяв с собой лишь одного проводника, я отправился объезжать истоки Чулутэ.

На магистральном хребте в этом участке находится высочайшая вершина Центрального Хангая, достигающая высоты не менее 3600 метров над уровнем моря (точное вычисление высот, определенных этой экспедицией, еще не произведено). Вершина эта не имеет, как ни странно, определенного названия. Сложена она вулканическими породами. Вообще вулканические породы имеют широкое распространение в Хангае. Изучение рельефа указывает на то, что в весьма отдаленный период до ледниковой эпохи, здесь имели место грандиозные вулканические извержения, выбросившие на поверхность огромные массы лавы. С указанной вершины я увидел далеко на юге гребень хребта Ихэ-Богдо (Гобийский Алтай; подробно см. мою статью о Гобийской экспедиции 1927 г. “Хоз. Монголии” 1928, №1), находящегося по крайней мере в 300 км к югу.

Верстах в 10 к западу от этой вершины находится один из важных перевалов через Хангайский хребет, именно Эгин даба. Через него ведет уртонский тракт из Уланбатора в Чжибхоланту. Перевал этот находится на высоте, примерно, 2500 метров, подступы к нему довольно пологи, но каменисты. После небольшого исправления здесь могли бы, пожалуй, проходить автомобили. Местное население чтит этот перевал, считая его центром всего хангайского гребня. На высшей точке его сложено громадное обо.

После экскурсии на Эгин даба я, сменив проводника, стал подниматься по крупнейшему левому притоку верхнего Чулутэ, р. Улцзэйту. Вершина этой речки почти сходится с вершиной р. Байдараг. Окрестности этих истоков (тут же поблизости находятся истоки р.р. Урду-Тэрхи и Будун гичигэнэ, относящихся к системе Чулутэ) очень своеобразны. Огромные массы льда, скопившиеся на этих высотах в ледниковую эпоху, стерли и унесли весь верхний покров этого участка главного хребта. Образовалась как бы котловина, окруженная кольцом высоких гольцов, на которой, среди низких, обточенных льдами гранитных холмов, берут начало р.р.

Байдараг и Улцзэйту. Место это высокое, глухое и мрачное: ни человека, ни зверя, лишь изредка бродят аргали. Во второй половине августа там частенько выпадал снег.

Повернув на север, я, спустившись крутейшим спуском от истока Байдарага в глубокий провал ущелья Хапчик, вышел этим последним в долину р. Будун гичигэнэ. Поднявшись на высокий голец Цзун ганга и осмотрев с него еще один участок главного Хангайского хребта, я покончил с этим последним. В результате этого этапа работы выяснились как общий характер, так и детали рельефа хангайской магистрали между Урду-Тамиром и Урду-Тэрхи, т.е. на пространстве, примерно, 150 километров. Площадной съемкой охвачено около 6500 кв. км.

Из долины р. Будун гичигэнэ я, без перевала, напрямик через голец, перевалил в долину р. Урду-Тэрхи и тем самым вышел на автомобильную дорогу Цэцэрлиг – Таряту – Чжибхоланту. Спустившись вниз, достиг Тарят, где и встретился, после 15-тидневного разъезда, со своим караваном. Собрав некоторые расспросные сведения и приведя в порядок материалы, мы двинулись дальше.

Маленький разъезд на г. Хутуг-ула в окрестностях Тарят познакомил меня с характером большого отрога Хангая, разделяющего долины р.р. Тэрхи и Идэра (один из трех истоков Селенги, именно западный), носящего название Тарбагатай. Отрог этот почти на всем протяжении поднимается над границей леса и в своей западной, ближней к магистрали, части несет на себе вершины с большими пятнами вечного снега. Эта часть Тарбагатая до сих пор еще малоизвестна. Кроме того, с Хутуг-улы видна снеговая вершина Отхан-тэнгри (высочайшей горы всего Хангая), подобная сахарной голове. До нее от Хутуг-улы не менее 200 км.

После экскурсии на Хутуг-улу мы спустились к р. Идэр лесистой падью Тойн ама. Северный склон Тарбагатая весь лесист, но вместе с тем очень густо населен. Леса исключительно лиственничые; кедр встречается единичными экземплярами. Из промысловых животных есть кабан, изюбрь, коза, порядочно белки. Долина Идэра лежит значительно ниже долины р. Тэрхи. Ландшафт по ней довольно унылый. Горы по бокам долины оголены; почва то камениста, то песчана, то болотиста. Растительность скудна; много ириса, караганы. Глаз отдыхает лишь на прекрасной полноводной р. Идэр, обильной рыбой, да на далеких лесах в падях северного склона Тарбагатая.

Поднявшись на несколько десятков верст вверх по Идэру, мы свернули снова к северу, в одну из долин, впадающих в р. Идэр с севера и тем самым вступили в район гор Болнай, протянувшихся в широтном направлении между верхним Тэсом и оз. Сангин далай, с одной стороны и долиной

Идэра – с другой. Длинный подъем по долине Хуихтэин ама привел нас к пологому перевалу Сэпсул даба, ведущему к бассейну оз. Сангин-далай. Хребет Болнай в этом районе лишь незначительно поднимается над границей леса, гребень его плоский. Южный склон длинен и изрезан долинами, сбегающими в Идэр. Северный короток, малоизрезан и невысок относительно плоскогорья истоков Тэса. Лес (лиственничый) имеется на обоих склонах, но на северном он гуще и идет сплошной полосой. Пройдя километрах в 10 от большого (до 40 км длиной) озера Сангин-далай, мы свернули к западу, вдоль Болная и, миновав красивое озеро Гандан нур (около 15 км в окружности), вышли в широкую и высоко поднятую над уровнем моря болотистую долину, на которой начинается р. Тэс. Несмотря на начало сентября, на этом высоком нагорье ночами морозило, трава вся пожелтела и высохла.

Продвигаясь далее к северо-западу, мы пересекли ряд отрогов Болная, выдвинувшихся к ушедшей несколько к северу р. Тэс и вышли к хуриэ Дурекчи-вана, где было назначено соединение обеих партий нашей экспедиции. Здесь мы несколько отдохнули и я привел в порядок материалы по пройденному этапу.

Партия С.А.Кондратьева пришла 10-го сентября. Маршрут ее был в общих чертах следующий: караван прошел из Цэцэрлига в Чжибхоланту дорогой, идущей севернее Хангайской магистрали и южнее долины Тэрхиин гола. Съемку этого пути произвел Ф.Ф.Большаков. С.А.Кондратьев проехал на автомобиле параллельным путем – долиной Тэрхиин гола – и, перевалив главный Хангайский хребет через лежащий выше границы леса Тэль дабан, проехал в вершину р. Цзаг, а оттуда - автомобильным трактом в Чжибхоланту. Из Чжибхоланту С.А.Кондратьевым была предпринята экскурсия в район горы Отхан тэнгри, высочайшей вершины Хангая, находящейся в 70 километрах к востоко-северо-востоку от Чжибхоланту.

Высота Отхан тэнгри, а равно нижняя граница и распределение вечноснегового покрова на этой горе до сих пор не были известны. Среди монгол ходили слухи, что взобраться на нее вообще невозможно. Подъем оказался действительно трудным, благодаря крутизне и россыпям. Последний участок подъема идет по плотному снеговому покрову. Самая вершина прикрыта, точно шапкой, огромным сугробом вечного снега, мощность которого достигает 30 метров. Продвигаться по снегу пришлось с крайней осторожностью. Самой вершины из пяти экскурсантов достигли всего двое: С.А.Кондратьев и Ф.Ф.Большаков, топограф партии.

Сделав необходимые измерения, снимки и отсчеты, они вернулись в лагерь только на рассвете. Вся экскурсия на Отхан из разбитого в

ближайшем ущелье лагеря продолжалась 23 часа (из которых лишь 4 были уделены отдыху на холоде, без теплой одежды и огня, на большой высоте). Высота Отхана оказалась равной примерно 4100 метрам (точного вычисления еще не произведено). Во всем районе Отхан тэнгри экспедицией обнаружены выразительные следы древнего оледенения.

После этой экскурсии партия вышла из Чжибхоланту на север и прошла, пересекая верховья р. Идэр, вдоль Хангайской магистрали, поворачивающей здесь на север-северо-запад к хребту Болнай. Большой неожиданностью оказалось, что этот сравнительно высокий район подвергся в прошлом влиянию пустынного режима, следы которого сохранились очень хорошо: в некоторых местах партия нашла группы настоящих песчаных барханов. Кроме того, растительность района также напоминает о пустыне. В результате работ партии, карта этого района подвергнется большим изменениям.

По обсуждении дальнейших маршрутов, мы решили спуститься вниз по Тэсу верст на 130 вместе, а там разделиться. С.А.Кондратьев предполагал пройти к малоизвестному хребту Хан-хухэй (к югу от долины Тэса), а я должен был осмотреть малоизвестный восточный участок хр. Танну-ула, за которым находятся уже истоки Енисея.

Большой объединенный караван выступил из Дурекчивана 13-го сентября. Впереди ехали две тройки, сзади еще две пары (часть багажа мы оставили).

Верст на 25 ниже Дурекчивана по реке появилась еловая урема (заросли, сопровождающие русло реки). Осень стояла ясная и тихая. Синяя река то и дело скрывалась в темно-зеленой стене ельника. Степь желтела бледным осенним ковылем. Видневшиеся кое-где лиственничые леса горели червонным золотом.

На остановках мы не нуждались в палатке: где-нибудь на уютной поляне, среди стройных елей, раскладывался огромный костер, около которого мы ужинали и курили вечернюю трубку. А потом так крепко спалось под морозным осенним ясным небом.

На второй день пути мы увидели на севере высокие, оголенные, запорошенные осенним снегом вершины хребта Танну-ула. Вместе с тем в ближайших окрестностях широкой здесь долины Тэса исчез лес. Горы стали скалистыми и оголенными. С юга здесь к Тэсу сбегают широкие сухие степные долины-хундэй, по которым бродят большие стада цзэрэнов. Колодцев по ним мало, жителей тоже, а потому эти степи поросли прекрасным нетронутым ковылем. Пастбищами этими местное население пользуется после выпадения снега.

На четвертый день пути мы остановились в красивых зарослях

березняка все на том же Тэсе, верстах в 5 от монастыря Гандан. Осмотрев на следующий день монастырь и собрав сведения о дальнейшем пути, 18-го числа мы снова разделились: С.А.Кондратьев ушел со своей партией дальше вниз по Тэсу, а я, вернувшись немного обратно, свернул прямо на север, к Танну-уле.

В первый день мы подымались по широкой сухой долине Бугусугиин-ама. Колеса нашего ходка тяжело тащились по песку, поросшему редким ковылем и караганой. По обеим сторонам подымались крутые, скалистые, иззубренные горы, сильно напоминавшие о Гоби. Запрятанные в теневых щелях маленькие колки лиственничного леса казались диссонансом. Лишь впереди виднелись круглые вершины, поросшие густым лиственничым лесом.

Остановились мы около маленького монастырька Баян булагиин-хуриэ, построенного бывшим караулом Баян булаг. Урянхайская граница проходит в каких-нибудь 20 верстах севернее. В окрестностях этого хуриэ много уже хорошего лиственничого леса. Далее к северу начинается настоящая тайга южных склонов Танну-улы. Ввиду близости границы, местный дарга снарядил сторожа стеречь наших коней: здесь иногда пошаливают урянхайцы-сойоты. Оставив ходок и часть багажа в Баян булагиин хуриэ, мы двинулись дальше вьючно.

Урянхайскую границу мы пересекли в первый же день. Путь наш шел на северо-запад, и мы прошли две широкие сухие степные долины-хундэй, постепенно приближаясь к вытянувшемуся в широтном направлении белому известковому отрогу Танну-улы. В тот же день мы перевалили очень крутой и довольно высокий перевал Дунду харган и заночевали в лесу на его северном склоне. С самого перевала открывается обширный вид на юго-запад. Видны сбегающие к Тэсу сухие долины и разделяющие их скалистые гребни. Намечается самая долина Тэса с участками песков. Далеко за ней виден длинный силуэт хребта Хан-хухэй. Вершины его в это время были уже довольно сильно оснежены.

Утром мы спустились по узкой пади Дунду харган около 10 км и вышли к чрезвычайно живописной долине р. Нарин, правого притока Тэса. По ней мы и стали подниматься к главному хребту Танну-улы. Многоводная голубая речка извиваясь среди густых зарослей высокого темно-зеленого ельника, тополя и разных кустарников, среди которых мы подметили облепиху. Заросли эти местами непроходимы. С левой стороны к речке ниспадали крутые округлые склоны, сплошь укрытые густым золотом осеннего лиственничого леса с отдельными крапинами елей. Склоны эти прорезаны местами красивыми лесистыми падями. По правой стороне сначала идет неширокая степная терраса, а затем острыми

зубцами и гребнями вздымаются к небу высокие белые известковые скалы, кое-где усаженные елями, а на более пологих местах укрытые лиственничым лесом. Урянхайские юрты встречались не часто. Поднявшись по Нарину верст на 15, мы остановились на лугу под столетними лиственницами. Вечером заморочало. Уже в темноте к нам подъехал молодой лама, оставшийся ночевать. Он рассказал, что выше нас есть только одна юрта его отца, шамана и охотника, который, наверно, не откажется показать мне окрестности. Лама этот ехал с пашен Эрсин гола, соседней Нарину речки, и вез вьюк ячменя. Оказывается, кое-где на южном склоне Танну-улы урянхайцы занимаются, правда, в небольших размерах, хлебопашеством. Ночью шел первый настоящий снег (21-го сентября) и утром мы оказались среди совершенно зимнего пейзажа.

Уехав вперед, я заехал в юрту к шаману Пельчже, познакомился с ним и разбил свой лагерь невдалеке от его стойбища. Стоянка была хорошая: в чаще высоких елей, в двух шагах от речки и луга, на котором паслись наши кони. В этот же день мы совместно с урянхайцами устроили загон на изюбрей, кончившийся неудачно. На этом месте мы простояли дня четыре.

Путем коротких охотничьих экскурсий я знакомился с характером окрестной тайги, а бывая часто в юрте Пельчже, интересовался полускотоводческим, полуохотничьим бытом местных сильно омонголенных урянхайцев. Лам здесь немного. За исключением их – все мужчины поголовно охотники. Дети 4-5 лет уже таскают за поясом маленькие ножи в деревянных ножнах, а мальчик лет 8 уже стреляет из детского лука зайцев-беляков, шкурки которых скупаются здесь русскими по четвертаку за штуку. Такой юнец считает себя уже помощником отца. Взрослые же пропадают в тайге целыми днями.

Из промысловых зверей здесь много изюбря, есть коза, немного кабарги, очень редок кабан. Бродит медведь, есть рысь, волк, лисица. Из мелочи – белка, колонок. Изюбря действительно очень много. Мы были в этих местах как раз во время так называемого “рева”, когда быки, гоняя самок, бегают решительно везде. Во время экскурсий я редко видел место, где не было бы хотя бы старого изюбриного следа.

В один из вечеров я был приглашен в аил Пельчже посмотреть на его камланье (т.е. пляску шамана). За медлительными разговорами об охоте (обычная местная тема) совсем стемнело. Старый шаман стал готовиться. Большой бубен из медвежьей кожи был подсушен и нагрет у очага. Затем была извлечена ритуальная одежда и Пельчже стал одеваться: на голову он одел круглую шапку с венцом перьев филина и с нарисованным спереди человеческим лицом; затем он облачился в куртку из оленьей кожи с

прикрепленной сзади и с боков длинной (до полу) бахромой всяческих лент и ремешков; на ноги одел мягкие сапоги тоже из оленьей кожи, похожие скорее на чулки. Когда все было готово, он встал и повернулся лицом к онгонам (изображения шаманских духов), висевшим по обе стороны киота с бурханами. Жена стала окуривать его сладким дымом арцы (вид можжевельника), обнося курильницу вокруг ног. После этого Пельчже запел призывание духов, изредка ударяя в бубен. Мало-помалу темп пения и ударов стал делаться все быстрее и быстрее. Стала увеличиваться и сила удара. Заметно было, что Пельчже впал в экстаз. Глаза его были плотно закрыты. Тело судорожно подергивалось. Петь он перестал и вдруг завертелся в дикой пляске под оглушающий грохот бубна. Движения его были так быстры, что длинная бахрома его одежды образовывала временами сплошной мерцающий круг. Иногда он замедлял темп пляски и тогда снова пел, торопясь и захлебываясь. Бубен то и дело взлетал к самой крыше юрты. Картина была красочная. Снаружи тихо шумела осенняя тайга, плескалась речка, ярко горели полночные звезды. Где-то на сопке раза два взревел изюбрь. Было тихо и глухо. А в одиночной юрте, освещенный неровным красноватым светом очага, старый охотник Пельчже извивался в безумной пляске жреца древней “черной веры”, крутился, как бы желая в этот момент экстатического напряжения вырваться из земной оболочки и легкой пушинкой, вместе с дымом очага, взлететь над спящей тайгой в прозрачной морозной ночи. После сильных порывов, хорошо выражавшихся в бешеном, захватывающем и зрителей, темпе бубна, наступала передышка. Пельчже, жалобно напевая, вслушивался в бубен, чуть его ударяя. Затем снова слышался храп, свист и снова начиналась пляска. В один из таких моментов шаман одним прыжком перемахнул поперек всей юрты через очаг к дверям и продолжал камлать снаружи, под открытым небом. Затем он снова вернулся в юрту. Перед концом он немного прорицал, главным образом, относительно охоты. Наконец с него упала шапка, свалилась одежда. В этот момент он как-то прыгнул и в страшной судороге, весь скрюченный, повис на палках крыши юрты. Жена и старший сын оторвали его оттуда и, накинув шубу, заставили сесть. Постепенно, усиленно растирая лицо и отдуваясь, Пельчже пришел в себя, с жадностью проглотил чашку чая и затянулся трубкой. Камлание продолжалось не менее 3-х часов. Даже и молодому в нормальном состоянии просто невозможно так напряженно вертеться несколько часов. А Пельчже – за пятьдесят.

Способности шамана передаются по наследству. Пельчже, например, шаман в девятом поколении. Готовится и десятое: старик указывал на одного из своих младших сыновей, как на вероятного наследника своего

в общении с духами гор и лесов.

Обычная норма камлания у этого шамана – раз в месяц. На следующий день мне удалось снять Пельчже в полном шаманском наряде.

Дальше в глубь тайги я решил ехать втроем, взяв с собой одного из рабочих и в качестве проводника - Пельчже. Прежних проводников я отправил обратно.

25-го сентября мы пошли вверх по Нарину.

Узкая охотничья тропа то извивалась по карнизам обрывов над рекой, то путалась в зарослях кустарника, то исчезала на гальке речного русла. Попадались участки гарей с серым обгорелым буреломом, через который осторожно шагали наши привычные к тайге кони. Вьючная лошадь, например, шла свободная, без повода. Первый день мы прошли всего верст восемь.

Утром, после охоты, двинулись дальше. Вверху уже показались оснеженные гольцы главного водораздела.

Палатки мы не разбивали, ночуя прямо у костра. В следующую ночь мы слышали рев двух перекликающихся изюбрей всего в полуверсте от нас. Этот чистый, как бы металлический трубный звук, одухотворенный страстью легконогого зверя, удивительно гармонирует с искрящейся звездами, чуть морозной стеклянной осенней ночью. Изюбри перекликались через речку, т.е. через нас, находясь на высоких лесистых мысах. Кругом, под низкой луной, косматились укрытые тайгой сопки и гривы. Пасшиеся поблизости лошади пугливо всхрапывали, неровный огонь потухавшего костра выхватывал из темноты то строгие бронзовые черты старого охотника, то матово поблескивавшие стволы винтовок, то сваленные в кучу наши седла.

На этой стоянке мы снова разделились: рабочий с обеими вьючными лошадьми должен был, перевалив второстепенный гольцовый водораздел, спуститься в соседнюю к востоку речку Хачик, а мы с Пельчже, приторочив к своим седлам лишь самое необходимое, отправились в разъезд на главный водораздел.

Почти от самой стоянки мы поднялись на второстепенный гребень, по которому проходит верховая тропа, соединяющая южный склон Танну-улы с истоками Енисея. Здесь кое-где лежал снег. Кристально чистый горный воздух вершин открывал глазу синие дали. Четко рисовалась оснеженная линия водораздельных гольцов Танну-улы, на юго-запад уходило золотое море леса, на горизонте белел свежим снегом хребет Хан хухэй, за которым виднелись еще горы, находящиеся уже около котловины Убсу нура, т.е. на расстоянии 250 верст от нас. Проехав верст 10, мы подъехали к невысокому перевалу, за которым уже начинались речки

системы верхнего Енисея. Нас окружили суровые гольцы, уже почти сплошь укрытые снегом. Остановились мы около первого леска на северном склоне. Утром я пошел на экскурсию, причем снова забрался на магистраль. Передо мной расстилались обширные каменистые гольцовые поля, скупо поросшие голубоватым ягелем (оленьим мхом) и кое-какой мелкой тундряной травкой. По этим местам изредка бродят дикие северные олени, никогда, по словам охотников, не спускающиеся с этих унылых, напоминающих тундру, "белогорий" (так называются плоские гребни хребтов с мхами и тундровой травой в Саянах, природу которых отчасти напоминает данный участок Танну-улы). Как раз дней за пять до моего приезда в Нарин на этих гольцах охотники убили одного северного оленя из стада в 10 голов. В некоторых местах главного хребта водится еще горный козел, очень близкий гобийскому. Недавно еще козлов было очень много, но потом появилась какая-то эпизоотия и они почти все вымерли.

Наверху пробыл я довольно долго, в подробностях рассматривая окрестности. На севере, к р. Хуа кхему уходило сплошное море гольцов. Вообще вся эта местность имеет очень суровый вид, хотя и не очень высоко поднята над уровнем моря (приблизительно 2000-2500 метров).

После этой экскурсии мы с Пельчже углубились в лабиринт суровых ущелий, намереваясь перевалить снова на южный склон Танну-улы, к р. Хачик. Но старик, проехавший здесь всего один раз и то 20 лет назад, заблудился, и мы ночью, по россыпям, крутякам и болотам, все время верхами, наудачу поднялись на главный хребет, наудачу же спустились с него и заночевали у первого леса. Утром ориентировались, перевалили еще один голец и, поохотившись немного, двинулись обратно. Близ границы я распрощался с Пельчже и скорым ходом по знакомой дороге добрался до Дурекчи-вана.

Работы партии С.А. Кондратьева выяснили характер местности между р. Тэс и хребтами Болнай и Хан-хухэй. Общий характер этого последнего хребта также определился, подтвердились рассказы о хороших лесах на нем, в частности, о сплошных кедровниках, которых я не видел даже на Танну-уле. Кроме того, был обмерен и частью вновь нанесен на карту ряд озер.

Из Дурекчи-вана начался наш совместный обратный путь. Была уже вторая половина октября. Без экскурсий, ровным, напористым ходом ехали мы на восток. Через несколько дней караван наш достиг Мурэн-хуриэ. На этом пути особенно красива долина р. Дэлгэр мурэн, то узкая, обставленная крупными и высокими скалистыми стенами, то широкая, с богатой уремой по реке и лесами на крутых горах правого берега. Из

Мурин-хуриэ, оставив свой караван, мы с С.А.Кондратьевым съездили на случайно подвернувшемся автомобиле в пос. Хадхал, расположенный на южном берегу оз. Хубсугул. По дороге была произведена съемка, а в Хадхале – обревизована метеорологическая станция.

Поездка эта прибавила еще одну яркую страницу к виденному нами в этой экспедиции. Озеро Хубсугул совсем очаровало нас. Ярко-синие волны (я никогда не видел такой интенсивно синей окраски воды) тихо плескались о песчаные косы и берега. С окрестных гор к озеру ниспадали золотые леса, над которыми торчали оголенные вершины. Северного конца озера, отстоящего от Хадхала километров на 140, не было видно, лишь как призрак вставал из синих волн серебристый зубчатый силуэт вечноснегового Мунху сардига, вершины Саянского хребта. Бледное осеннее небо довершало картину. Недостаток времени помешал нам проехать по Хубсугулу на пароходе и сделать ряд фотоснимков этого красивейшего озера в Монголии. Самый Хадхал, как торговый и перевалочный пункт, постепенно умирает. Грузы идут больше на Уланбатор и Алтанбулаг. Тункинский тракт мало оживлен.

По возвращении в Мурэн-хуриэ, мы двинулись дальше, к Селенге, на которую и вышли на третий день пути. Но берега реки так гористы, что ехать вдоль нее на телеге почти невозможно. Поэтому дорога снова ушла от реки и повела широкими маловодными долинами левого (северного) берега Селенги.

На третьем переходе мы снова увидели лиственные леса и, что редко на западе, березняки. Березу за эту экспедицию мы видели лишь на Тэсе, и то в небольшом количестве. Выйдя снова на Селенгу, мы попали в земледельческий район. Почти вся долина реки распахана, везде видны юрты, народ, скирды хлеба, везде движение, шум, дымки. Земледелие здесь почти исключительно монгольское. Сеют пшеницу, ячмень и просо. Скоро мы добрались и до перевоза. Боты на этом перевозе через Селенгу подымают даже автомобиль.

После переправы мы проехали еще несколько верст по пашням долины Селенги, а затем свернули к югу, на пересечение водораздела Орхон – Селенга, намереваясь выйти к Ван-хуриэ. Подымались мы по пади Алтат. Пейзаж был довольно интересен. Старую долину залил некогда до определенной высоты мощный лавовый поток, выравнявший эту местность. Над ним торчали лишь верхние половины гребней, вершин и мысов. После этого, неутомимая работа воды промыла в массе лавы каньоны, по которым и бегут сейчас речки. Этот северный склон водораздела хорошо облесен. На вершинах попадается даже кедр. Из животных очень много козы, есть изюбрь, кабан. Здесь мы поохотились в последний раз перед

Уланбатором. По березнякам вдоль речки нам попадалось очень много тетеревов, четко выделявшихся грузными черными силуэтами среди паутины тонких, безлистных уже, веток берез. Они были совсем незнакомы с выстрелами и поэтому у нас каждый день к обеду была дичь. В этих же лесах наступающая зима послала нам предупреждение: 27-го октября ночью был мороз -29°С.

Двигаясь среди леса, по хорошим кормам, приятно было видеть хорошо оборудованные зимники местных монгол и сравнительно большие запасы сена.

За пологим перевалом вниз к Орхону сразу пошла степь. Небольшие леса остались лишь по большим сопкам. В Ван хуриэ мы въехали поздно вечером. Отдохнув, расспросив о дальнейшей дороге и осмотрев монастырь, мы двинулись дальше.

Обычной прямой дорогой на Уланбатор ехать мы не могли, вследствие полного отсутствия кормов в этом районе. Поэтому была выбрана северная дорога. Мы спустились вниз по Орхону на 100 с лишним верст, переправились через него хорошим бродом (шла уже шуга) и поехали на восток. На Орхоне впервые был мороз в - 35°С. За этой рекой пошли широкие степи. Проехав по ним свыше 100 верст, мы увидели, наконец, сосновые леса гор, окружающих истоки р.р. Боротай и Бургултай. Вскоре мы выехали на Алтанбулагский тракт (около Нарасту даба) и 12-го ноября добрались до Уланбатора.

Экспедиция была закончена.

(АИГМ №159, типогр. текст статьи, авт. правка; титул, предисловие и примечания - автограф)
Журнал "Хозяйство Монголии", 1929 г., № 4 (17), с.72-83

[1929 г., 1935 г.]

А. Д. Симуков

Маршрут Уланбатор – Удэ – Байшинту (Гурбан сайхан) – Уланбатор[1)]

(Путевые заметки Гобийской экспедиции 1929 года. Исправлено и дополнено примечаниями в январе 1935 года)

Предисловие

Настоящая статья написана мною на основании моей совместно с С. А.Кондратьевым краткой поездки по Гоби в 1929 году, во время которой мне была поручена топографическая съемка маршрута, а все остальные записи вел С.А.Кондратьев. По этой причине дневника экспедиции я не вел и эта статья является единственным (не считая съемки) моим материалом по указанной экспедиции. Поэтому я, дополнив статью примечаниями, включаю ее в серию путевых дневников своих экспедиций с 1927 по 1932 год.

* * *

Первая часть маршрута экспедиции пролегала по хорошо известному многим тракту Уланбатор – Калган.

Переехав Толу по так называемому Калганскому мосту и обогнув Богда улу с востока, наш автомобиль поднялся на перевал Холтуин даба через главную ось Хэнтэйского хребта, идущую здесь в юго-западном направлении. Эта ось, проходящая в нескольких десятках км от Уланбатора, служит естественным продолжением "Великого водораздела" бассейнов Северного Ледовитого и Тихого океанов, тянущегося непрерывным хребтом до крайней северо-восточной точки Азиатского материка – мыса Дежнева. Недаром первые русские завоеватели и насельники Восточной

1) Описание маршрута сделано на основании работ Гобийской экспедиции Ученого Комитета МНР. См. статью С.А.Кондратьева ["Гобийская экспедиция Ученого Комитета МНР в 1929 году". // Хоз-во Монголии, 1929. № 4(17) с. 66-71].

Сибири назвали этот хребет “Становым”. В пределах Забайкалья водораздел этот носит название Яблонового хребта, а в Монголии – Хэнтэя.

Пройдя между истоками р.р. Толы и Хэрулуна, хребет этот сильно снижается. На меридиане Уланбатора направление его еще недостаточно выяснено. Как на самом перевале, так и далее к югу, леса нет. Последние леса в этом направлении - Богда ула. За Великим водоразделом начинается степь. Дорога, стремительно бегущая под колеса автомобиля, то распластывается прямой линией на гладких зеленых равнинах, то вьется узкой змейкой по пологим разлогам, взбираясь на размытые, стертые временем гряды. Изредка мелькнет колодец, блеснет солончак или озерко. А затем снова мягкие, округленные линии зеленых равнин и холмов. Жизни мало. В холмах по склонам неуклюже улепетывают при виде автомобиля жирные тарбаганы; около самой дороги, близ полусъеденных трупов павших караванных животных, сидят сонные, наевшиеся орлы. Там, где серебряной ниткой ключа блеснет вода, или сгрудившийся в низине скот укажет колодец, часто стоит несколько юрт. Тогда на зелени окрестных склонов белеются бараньи стада, да в отдалении несется наперерез авто степной табун, за которым скачет от юрт всадник с длинным укрюком, похожим издали на пику[2].

Далеко за станком Угомр, километрах в 160 от Уланбатора, впереди наметилось более значительное повышение с двумя выделяющимися вершинами. Близ этих последних начались гранитные холмы с выветрелыми, источенными временем, выходами и скалами. Мы въехали на так называемое Чойринское гранитное поле. Ночевали на ключике в нескольких милях от станка Чойрин. Обе упомянутые вершины сложены гранитами, в сильной степени разрушены атмосферными агентами и потому имеют весьма суровый вид. Первая, лежащая к западу от дороги, называется Сансар ула, вторая же, возвышающаяся далее к юго-востоку, носит название Богда ула. Около ее подножия находится станок Чойрин и именно эту гору, знакомые с Калганским трактом люди называют “Чойринскими скалами”. Название Сансар ула, как и название третьей горы Оцол ула, лежащей в стороне к востоку от дороги, входит в наименование хошуна (Оцол сансар улаин хошун).

Чойринская возвышенность относительно довольно высока[3], так как

---

2) Южнее Холтуин даба начинается восточный участок Средне-Халхасской возвышенности и описанный здесь ландшафт является типичным для этой последней.

3) Чойринская Богда ула, по-видимому, наивысшая точка Средне-Халхасской

от подножия Богда улы, а тем более с ее вершины, видной издалека, открываются широкие дали. Горизонт здесь ровен и чист. Не видно высоких гряд или хребтов, нарушающих впечатление равнинности или, вернее, стремление к равнине. Здесь уместен термин "пенеплен", означающий слегка всхолмленную, волнистую страну, постепенно превращающуюся, под влиянием постоянной работы нивелирующих атмосферных агентов, в равнину.

Милях в 4 к западу от станка, на плоском гранитном основании среди выветренных скал-останцов, расположен довольно большой монастырь Чжяньчжин-чойра. Многочисленные ламские постройки выстроены из дерева, однотипны и все одинаково выкрашены в белый и красный цвета. Это обстоятельство, в связи с отсутствием хашанов и твердым, усыпанным гравием, грунтом, придает всему монастырю вид оригинального чистенького городка, притаившегося на припеке среди серых гранитных скал.

Чойринские скалы были, по-видимому, уже давно местообитанием человека. Так у подножья Богда улы мы отметили несколько древних могил; кроме того, в ближайших окрестностях находят предметы каменного и бронзового веков.

Вскоре за Чойрином мы миновали полосу базальтов. Лавовый поток теперь размыт и превратился в гряду невысоких холмов. Скалистая вершина Богда улы до самого вечера маячила синим маревом на северном горизонте. Степь здесь значительно беднее, нежели на перегоне Уланбатор - Чойрин. Но все же пустыней ее назвать еще нельзя. Точной терминологии монгольских ландшафтов, основанной на почвенных, ботанических и других признаках, еще не выработано, поэтому дать точное определение ландшафта одним-двумя словами трудно. Правильнее всего обратиться к местной монгольской терминологии. Но здесь надо собрать большой материал, так как указания опрошенных лиц не всегда в точности совпадают. Во всяком случае, равнины к югу от Чойрина носят еще название "тала", т.е. равнина, степь. Названия же "гоби" (понятие, близкое слову "пустыня", но формально еще недостаточно выясненное и трудно изложимое вкратце) начинают встречаться примерно с широты станка Сайн усу[4)].

возвышенности и достигает, по измерению С.А.Кондратьева 1420 м н.у.м.

4) Согласно последующим моим исследованиям (1932 г.) в Чойрине кончается тип ковыльной степи и пространство от Чойрина до Сайн усу занято переходной к Гоби обедненной степью. Несколько выше в статье указано, что "точной терминологии монгольских ландшафтов еще не выработано". Ныне это положение изменилось: сумма исследований последних лет позволила, во-

Наутро мы ехали некоторое время по пологому и невысокому вздутию, усеянному небольшими выходами гранита. Этот небольшой участок действительно напоминал пустыню[5]. Интересно, что на самом гребне этой крайне пологой и сравнительно бедной растительностью возвышенности мы нашли два осколка камня, ясно говоривших о стоянке каменного века. Несомненно, в ту эпоху физические условия были иными. За этой гранитной пустыней перед нами широко раскинулась беспредельная зеленая равнина (Даянгин тала), чуть понижавшаяся к югу. Горизонт замкнулся правильным кругом без всяких неровностей. Изредка дорогу перебегали цзэрэ, желтыми упругими мячиками исчезавшие вдали. Лишь проехав свыше 60 километров, мы увидели впереди довольно значительное понижение, а затем под спуском вынырнул белым, дрожащим в мареве пятнышком, станок Сайн усу. Расспросы показали, что отсюда в Гурбан сайхан хоть дороги и нет, но проехать можно, из Удэ же, как мы и предполагали, сделать это весьма трудно[6].

От станка Сайн усу до Цзамин удэ небольшие желобообразные долины разделены невысокими грядами холмов или небольших гор[7]. И те, и другие вытянуты, грубо, с запада на восток. В первой же из долин, часть которой занята тойримом (высохшая лужа с глинистым дном), мы увидели впервые за весь путь изящных пустынных антилоп – хара сульт, или джейранов. Этот факт указал нам на границу уже настоящей пустыни[8], характерным представителем которой является вышеуказанная антилопа. По расспросным сведениям, в этом же понижении, несколько в стороне от

первых, разделить страну на географические провинции и, во-вторых, систематизировать и определить растительные ландшафты, как наиболее важные в хозяйстве страны (см. мой "Географический очерк МНР").

5) В сущности, понятие "пустыня" в пределах МНР применимо полностью лишь к пограничной полосе страны в пределах Западной Гоби. Поэтому в последних своих работах я избегал этого слова, заменяя его выражением "пустынная степь" или менее удачным "полупустыня". В засуху же слово "пустыня" действительно подходит ко всем пораженным этим бедствием гобийским районам.

6) Но возможно. В 1932 году я проехал на автомобиле в Гурбан сайхан вдоль южной границы республики, правда, не из Удэ, а из того же Сайн усу, проехав сначала в местность Солонг хэрэ.

7) Этот район получил впоследствии название "Области тойримов", входящей в географическую провинцию Холмисто-равнинной Восточной Гоби.

8) Котловина Сайн усу является звеном огромной по своей длине (от Буир нура на востоке до Западной озерной котловины на западе) Центральной впадины, везде служащей резкой границей гобийских ландшафтов. Относительно выражения "пустыня" – см. выше.

дороги, есть небольшая поросль саксаула (цзаг), также являющегося специфически пустынным кустарником. Далее, пересекая гряды холмов и горок, мы видели в нескольких местах в устьях ущелий одиночные экземпляры и небольшие рощицы гобийского ильма (*Ulmus pumila*), резко контрастировавшие яркой зеленью своей листвы с обожженными солнцем темными бесплодными склонами или с мертвой желтизной песчано-глинистых отложений.

Поселок Удэ расположен на южном склоне небольшой скалистой гряды, сложенной в этом месте гранитами. Перед ним расстилается вытянутая, как и все прочие, в широтном направлении долина, за которой видна новая гряда. Мы умышленно назвали Удэ "поселком", так как в монгольских условиях пункт этот смело может называться таковым. Здесь есть телеграф, таможня, уполномоченный ГВО, небольшой погранотряд (часть которого постоянно несет разъездную службу), ветеринарный пункт, автомобильный станок, лавка Стормонга и метеорологическая станция. Самая граница с Китаем (вернее, с Внутренней Монголией) проходит километрах в 80 южнее Удэ.

Подробно расспросив о путях на запад, мы узнали, что двигаться на Гурбан сайхан прямо из Удэ рискованно, так как в этом направлении невдалеке встречаются большие песчаные пространства. Поэтому было решено вернуться в Сайн усу и свернуть на запад оттуда. Помимо этого были расспрошены местные охотники о распространении и кочевках крупных млекопитающих в этом районе. Сводка всех этих сведений будет дана ниже. Подтвердились слухи о наличии в окрестностях Удэ гигантского сухопутного слизняка, размерами достигающего небольшой подошвы, которую он и напоминает внешним видом. Монголы так его и называют "шахай хорхой ", т.е. подошва-червяк. Попадается он отдельными экземплярами в каменистых песках и чрезвычайно редок. По крайней мере людей, видевших его, считают единицами. Судя по рассказам, не имеющим в себе ничего невероятного, и по довольно подробному описанию наружности шахай-хорхоя, вполне возможно предположить, что существование его - факт, а не вымысел. В таком случае мы имеем здесь вымирающий остаток очень древней фауны. К сожалению, крайняя редкость этого слизняка не дает никакой надежды получить хотя бы один экземпляр для изучения. Тут может помочь лишь счастливая случайность.

Закончив в течение полутора дней все дела в Удэ, мы выехали по уже знакомой дороге в Сайн усу. Достав там проводника, знавшего дорогу на протяжении нескольких уртонов, мы свернули на запад. Слово "дорога" здесь нельзя понимать буквально. От Сайн усу и до конечного пункта

нашего путешествия – кумирни Байшинту, т.е. на протяжении 650 км, мы не видели даже вьючной тропы[9)], которая совпадала бы с нашим маршрутом, и ехали в направлении, каждый раз указываемом проводником, в большинстве случаев сами решая тот или другой вариант пересечения или объезда неудобных для движения автомобиля мест.

В первый день мы перевалили пологую возвышенность, растительность которой носит характер обедненной полынно-злаковой степи, и спустились в долину Тугуригин гоби, поросшую редко рассаженными деревянистыми кустиками боро бударганы (*Salsola gemmascens*), сильно задерживавшими движение автомобиля. Путь наш шел по упомянутой долине близ северного подножья невысокой гряды Ихэ дулан ула, по имени которой и называется этот хошун. Людей нигде не было видно. После полудня запас воды для радиатора стал истощаться. Подъехав к месту, где по словам проводника должен был быть колодец, мы увидели, что от последнего остались лишь камни, обозначавшие его местонахождение. Самый колодец, находившийся в сайре, т.е. сухом русле, проложенном дождевыми потоками, был занесен песком и галькой во время большого ливня. В гоби это бывает часто, особенно в редко населенных местностях, где меньше следят за состоянием колодцев. Проехав еще несколько миль, мы встретили небольшой караван, люди которого указали нам новый колодец, находившийся неподалеку в самом тальвеге долины, среди редких кочек дэрисуна. Дэрисун зачастую является указателем близости грунтовых вод и гобийцы хорошо знают это. Недавно выкопанный колодец оказался узкой ямой около двух метров глубины с небольшим количеством холодной и приятной на вкус воды. Такие ямы обычно носят название “шанда”. Мы остановились с наступлением полной темноты у богатого прекрасной водой колодца Янта хурэту, проехав за целый день всего около 80 км.

На следующий день мы миновали западную оконечность описываемой долины, запертой сомкнувшимися горами, перевалили довольно пологим проходом в новое понижение, также замкнутое со всех сторон и, одолев песчаный с порослью караганы подъем, заночевали на перевале в третью долину.

Последовательные участки первой на нашем пути депрессии называются Тугуригин гоби, Сучжиин гоби и Янтаин сухайту гоби. Слово “сухайту” в последнем названии указывает на наличие тамариска (сухай), что в данном районе является большой редкостью. Действительно, в

9) В этом районе немало дорог, гл. обр. старых караванных, ведущих в различные города приграничного Китая, но все они направлены с северо-запада на юго-восток, т.е. перпендикулярно данному маршруту.

стороне от дороги мы видели небольшую заросль этого кустарника. В районе перевала из первой депрессии во вторую (названия которой узнать не удалось), т.е. около гор Ханан, видимо прошел случайный дождь, так как травянистая растительность была здесь значительно лучше таковой в других местах, где почти все выгорело. Это обстоятельство не замедлило привлечь кочевников, аилы которых близ перевала попадались на каждом шагу. Остальные же пространства были почти безлюдны.

На третий день мы ехали вдоль хоолая (так называется тальвег депрессии) долины, между грядами Ашиг чулу (с юга) и Хоргойн чулу (с севера). Желтевшая обширными песками южная окраина долины была расцвечена двумя-тремя ярко-зелеными пятнышками, издали указывавшими местонахождение ключей и колодцев. Кроме того, на желтом фоне почти бесплодных песков четко выделялись немногочисленные большие ильмы, широко раскиданные по пологому скату напротив устья значительного ущелья, в котором зеленела целая рощица.

Миновав значительный ключ Толи и проехав вдоль подножия гор Аргалинту, запирающих долину с запада, мы приостановились на короткое время, чтобы осмотреть огромные, причудливо размытые обрывы красной глины, производившие издали впечатление небольших гор.

Поднявшись на пологую седловину и проехав несколько миль по прекрасному ровному и твердому грунту, мы заночевали у колодца Амаин усу. Колодец этот находится в местности Цзубур и лежит на старой уртонской дороге Улясутай - Пекин, в 80 км юго-восточнее колодца Сайр усу, где от этой дороги отделялась ветка на Ургу. Оба названия (Сайр усу и Цзубур) имеются на русской сорокаверстной карте[10].

На следующий день мы проехали около 20 км по холмам и горкам и остановились около хошунного управления хошуна Хояр-Улцзэйту-ула.

Далее путь лежал вдоль новой долины, на южной окраине которой выделялись более значительные горы Ихэ- и Бага улцзэйту. Дорога была по-прежнему скверная, так как ехали по кустарниковой пустыне, пересекая обильные сайры. Кругом было по-прежнему совершенно безлюдно. В 30 километрах от хошунного управления мы пересекли автомобильную дорогу Уланбатор – Солонг хэрэ[11]. В западной оконечности долины находится маленький монстырек, всего с 5-6 постройками. Такие маленькие, а также и среднего размера, монастыри называют в Гоби хуралами. Этот монастырек носит название Баян булагин хурал. Попутно

10) По крайней мере до Цзубура тянется все та же “Область тойримов”, которую мы пересекли на участке Сайн усу – Удэ.

11) Эта дорога ныне заброшена.

осмотрев его, мы оставили долину и поднялись на широкое, усеянное холмами и небольшими горными грядками, вздутие, за которым открылась новая депрессия, также вытянутая в восточно-западном направлении. Пересекши ее уже в темноте, мы заночевали прямо в пустыне, а на утро подъехали к монастырьку Дучи хурал. Этот последний расположен среди поросших сундулом (*Nitraria Schoberi*) бугристых песков и постепенно заносится ими[12)].

Вскоре за Дучи хуралом, невдалеке от которого мы заночевали, местность несколько изменилась. Большие долины сменились ложбинами и ровными площадками среди невысоких холмов; пустыня перестала быть кустарниковой. Оставив далеко к югу горы Ихэ шанхай, мы свернули несколько к северу и проехали в виду гряды Бага шанхай. В этом месте растительность (мелкие злаки и карагана) снова напомнила давно оставленные северные степи и сейчас же, как следствие, хара сульт сменили цаган цзэрэ. Миновав Бага шанхай, оставшийся к северу, мы проехали по пересеченной, усеянной небольшими грядами холмов, местности, сохранявшей все тот же полупустынный характер, и заночевали на небольшом ключике Балан цзадагай.

Наутро, миновав монастырек Табун хоботуин хурал и гряду Угомр[13)], мы выехали на северную окраину огромной долины, залегающей вдоль северного подножия хребтов Гурбан сайхан, относящихся уже к Гобийскому Алтаю. К сожалению, погода была пасмурная, стоял туман, не давший нам возможности взглянуть на широкую панораму высоких, скалистых хребтов Гобийского Алтая. Спустившись к тальвегу долины, мы пересекли его километров на 20 восточнее ключей Бацзар хуйтэн[14)], расположенных в нем же, и стали подниматься по южному скату долины к перевалу-седловине Охин хутуль между Цзун- и Думда сайханами. Чем выше, тем круче делался подъем, трудность которого усугублялась оврагами, прорезающими здесь бэль (сравнительно пологий щебнистый скат, ведущий к подножию хребта[15)]) обоих Сайханов. Заночевали мы на ключике Чжиргаланту у подножия восточной оконечности Думда сайхана. Несмотря на 1-ое июня, вследствие пасмурной погоды днем и значительной

12) К западу от мон. Баян булаг начинается географическая провинция Шанхайского нагорья.

13) Здесь проходит юго-западная граница Шанхайского нагорья.

14) И почти на столько же западнее нынешнего аймачного центра Южной Гоби – Далан цзадагада.

15) Подробное объяснение этого термина см. в статье [А.Д.Симукова] “Гобийский Алтай и Центральная Гоби”, “Хозяйство Монголии” за 1928 г., [№3(10)], стр. 82. Там же и о природе Гобийского Алтая вообще.

абсолютной высоты (около 2000 метров), ночь была весьма холодна[16].

На следующий день 11 км подъема по плотно убитому сайру, проложившему себе дорогу в мощной толще наносных отложений продуктов разрушения обоих Сайханов, вывели нас к пологому перевалу, за которым начался спуск в обширную котловину, залегающую к югу от Сайханов и обставленную несколькими хребтами Гобийского Алтая. В самом низком месте этой котловины и расположен монастырь Байшинту. Спуск, сначала по сайру, а затем по покатой равнине, был не труден.

Прибытием в Байшинту закончилась важнейшая и наиболее трудная часть пути.

* * *

Характеризуя маршрут Сайн усу – Байшинту в целом, надо сказать, что он делится на две неравные части: Сайн усу – Табун хоботуин хурал и от соседней ему гряды Угомр до Байшинту[17]. Первая часть маршрута пролегает по весьма малоизвестной местности, лишь в 3-4 местах пересекая узкие линии маршрутов некоторых исследователей (В.А.Смирнов – близ Сайн усу, Пржевальский и южная партия экспедиции П.К.Козлова в 1925 г. – близ Бага шанхая, несколько западнее В.А.Казакевич и два маршрута на Солонг хэрэ и по Сайн-усинской дороге)[18]. Всю эту местность можно назвать высокой (абсолютно) холмистой пустыней. Простирание гряд холмов широтное, точнее говоря З.-Ю.-З. – В.-С.-В. Гряды несколько изогнуты и образуют все вместе широкую дугу, выпуклостью направленную к Ю.-Ю.-В. Между отдельными грядами включены замкнутые депрессии-котловины, имеющие вид желобов и вытянутые параллельно грядам. Вряд ли будет ошибкой распространить эту общую характеристику на весь район от Дариганги до Гобийского Алтая и от 45-ой параллели до южной границы МНР[19]. Изрезанность и скалистость холмов зависит от слагающих

16) Через этот перевал [Охин хутуль] ныне наезжена автомобильная дорога из Далан цзадагада в Баян далай.

17) Ныне я делю район маршрута на три части: 1) Сайн усу – Баян булагин хурал (Холмисто-равнинная Восточная Гоби, в частности, область тойримов), 2) Баян булагин хурал – Угомр, или, вернее, тальвег Бацзар хуйтэнского хоолая (Шанхайское нагорье), и 3) далее до Байшинту – Гобийский Алтай.

18) Число исследовательских маршрутов ныне несколько увеличилось. Я пересекал этот район дважды – в 1930 и 1932 годах. Кроме того здесь работала геолог З.А.Лебедева и еще некоторые лица.

19) Указания на это имеются у В.А.Казакевича и у С.А.Глаголева в их съемках, хранящихся в Ученом Комитете МНР. Последующие исследования показали, что это предположение не совсем верно. Только в пределах Холмисто-равнинной Восточной Гоби я выделяю, кроме уже указанной Области

их пород. Выдаются из общего ряда, достигая размеров настоящих гор, лишь отдельные цепи, как например, обе Улцзэйту, Хутуг-ула, Ихэ шанхай, Аргалинту. Скаты долин-депрессий чаще всего имеют характер щебнистой кустарниковой пустыни. Из кустарников часто попадаются теск (*Eurotia ceratoides*) и боро бударгана (*Salsola gemmascens*). По многочисленным сайрам, прорезающим эти скаты, растут кусты крупных гобийских полыней (*Artemisia*), а поближе к горам – дикий миндаль (буйлис, *Amygdalus pedunculata*?). Местами попадаются участки песков с порослью караганы и редко рассаженных злаков. Дно депрессий заполнено отложениями красной глины, образование которых происходит и сейчас, путем сноса мелких частиц с горных склонов дождевой водой во время ливней. Наиболее пониженные места тальвегов, где чаще всего застаивается сбегающая со всех сторон дождевая вода, обычно лишены всякой растительности и представляют собой ровную красноватую площадку то с рыхлой почвой, то гладкую и твердую, как пол. Прочие места этих отложений поросли, как правило, шара бударганой (*Kalidium gracile*?), которую здесь, на востоке, называют "шара модо"[20]. Иногда на глинистых площадях встречаются участки бугристых песков, закрепленных зарослями ползучего сундул'а (*Nitraria Schoeberi*) или хармыка[21]. Такие пески называются монголами "табацак". Гобийский ильм (*Ulmus pumila*) попадается отдельными экземплярами или небольшими группами по всему району, хотя и не часто. Как я уже упоминал, ближе к Сайханам характер растительного покрова несколько меняется: пустыня уступает место полупустынным элементам, кустарники отдают первенство в ландшафте травянистой растительности – злакам, полыням и лукам; наряду с этим появляется цаган цзэрэ, почти всегда связанная с наличием элементов степи. Таким образом, мы имеем здесь как бы язык полупустыни, выдвинутый под прикрытием Сайханов далеко к югу[22].

тойримов, еще следующие участки: Восточно-гобийскую равнину, Хубсугульскую возвышенность и равнинно-холмистую скалистую полосу к югу от последней. Указанная выше в тексте общая изогнутость основных элементов рельефа вполне закономерна и представляет собой юго-восточную часть общей Монгольской дуги, повторяемой почти всеми основными элементами рельефа страны.

20) Подобные места носят у монгол название "тойрим".

21) Пескам такого типа я присваиваю наименование "донных бугристых песков".

22) Этот "язык" является географической провинцией Шанхайского нагорья и отрезан от степной Средне-Халхасской возвышенности пустынными депрессиями Центральной впадины. "Прикрытие" Гурбан сайхана здесь ни при чем, так как растительный ландшафт Шанхайского нагорья зависит

Животный мир этого района беден крупными млекопитающими. Чаще всего встречается хара сульта, заменяемая на западе цаган цзэрэ. В восточной же половине цаган цзэрэ появляются только зимой, гонимые с севера снегами. Из прочих копытных в более крупных массивах (Улцзэйту-ула, Хутуг-ула, Хан Богда ула, находящаяся далеко к югу от гор Ашиг чулу и, может быть, еще два-три массива) отдельными островками живут аргали (горный баран), вероятно относящиеся к мелкой, еще плохо изученной расе. Единичные экземпляры их, очевидно кочующие, попадаются изредка и в других горах, доходя до Удэ. Хуланов и горных козлов в районе нет вовсе. Первые попадались кое-где по району еще лет 30-40 тому назад, доходя чуть ли не до Сайн усу[23], но теперь их можно встретить не ближе подножья Сайханов. Из хищных обычны волк, лисица, корсак и манул.

* * *

Вернемся к монастырю Байшинту. Во все стороны от него развертывается широкая панорама пустыни со скалистыми горными цепями на заднем плане. Особенно высоки хребты северной половины горизонта, где на расстоянии 30-40 км отчетливо видны Баян цаган, Думда сайхан и Цзун сайхан. Барун сайхан заслонен первым из этих хребтов. На юге же проходит южная цепь Гобийского Алтая, из отдельных звеньев которой хорошо видны Ихэ аргалинту и Цзурумтай. Расстояние от Байшинту до первого из этих хребтов равняется всего 15-20 километров. На запад от монастыря километрах в 5 находится небольшая возвышенность Хонгор обо, с которой, благодаря ее удачному положению, хорошо видно расположение большинства хребтов восточной половины Гобийского Алтая. Так, оттуда мы брали засечки, кроме вышеперечисленных хребтов, еще на горы Баян боро нуру, Цзолэн, Дэнг, Ноян богда, Бага аргалинту, Буур, Номоган и Улцзэйту-Ундур.

Окончив все дела в связи с установкой метеорологической станции[24], мы двинулись обратно.

Желая произвести некоторые сборы и дополнительные наблюдения в высокой части Гобийского Алтая, мы подъехали к подножью хребта Баян цаган, где простояли полтора дня. Хребет этот отличается крайней

преимущественно от его абс. высоты (от 1200 до 1500 м, отдельные вершины, м.б., до 2000 м), рельефа и связанных с этими факторами климатических особенностей.

23) Об этом см. мой дневник за 1930 год (Гобийская экспедиция), где говорится о “хуланьей” дороге (Хулангин цзам) на северо-восток, к Буир нуру.

24) Эту метеорологическую станцию я снял в следующем 1930 году.

дикостью. Вследствие абсолютной высоты в нем попадаются арца (*Juniperus sabina*), а из фауны – горная индейка (*Megaloperdix altaicus*?). Абсолютная высота Баян цагана[25], при его сравнительно южном положении (на 450 км южнее Уланбатора), хорошо характеризуется снегом, выпавшим на его вершинах в ночь на 11-ое июня. Правда, снег этот таял сейчас же по выпадении.

Ознакомившись с общим характером этого хребта, еще не посещавшегося исследователями[26], мы приехали к его восточной оконечности, где он почти сливается с Думда-Сайханом, и тем самым выбрались на автомобильные следы, идущие в прямом направлении к Уланбатору. Далее дорога, огибая с северо-запада хребет Думда-Сайхан, повела нас по высокому плато, образованному выносами из хребтов Баян цаган, Барун сайхан и Думда-Сайхан, и короткого, но высокого кряжа Халга, замыкающего это плато с севера. Твердая, удобная колея, извиваясь по увалам между оврагами размытого плато, выводит к пологому перевалу, лежащему на широкой седловине между кряжем Халга и Думда-Сайханом. Перевал этот также носит название Халга, т.е. ворота.

За перевалом мы стали спускаться в долину, ограничивающую Гобийский Алтай с севера и уже пересеченную нами в передний путь. За ней виднелась постепенно повышающаяся и уходящая за горизонт равнина северной Гоби, с разбросанными кое-где незначительными холмистыми грядами.

По мере удаления от Гурбан сайхана, общая панорама его хребтов развертывалась все шире и шире; яснее становилось их взаимное расположение. Далеко на западе виднелся восточный край гор Арца богда с высоким конусом Бугу хайрхан. Спустившись ко дну депрессии, мы миновали причудливо размытые высокие обрывы ярко-красной глины. Под ними начинается, протянувшаяся на несколько км, заросль саксаула. Здесь в Баян цзаге, экспедициями Ученого Комитета и американской (Эндрюс) было сделано в свое время немало палеонтологических находок.

Далее начался постепенный подъем по равнинам Северной Гоби. Ехали мы и после наступления темноты и остановились около юрты, невдалеке от сухого русла Онгиин гола, оставив в стороне также высохшее озеро-испаритель последнего – Онгиин улан нур. По рассказам местных

25) Около 2500-2600 м.

26) Впоследствии, кроме моих экскурсий в этот хребет (1930 и 1931 годы), он был посещен в 1931 году ботаником Н.П.Иконниковым-Галицким и геологом З.А.Лебедевой.

жителей вот уже более 10 лет низовья этой реки и ее озеро остаются сухими. Вода теряется значительно выше.

На покрытом нами в этот день пространстве участки луковой полупустыни сменялись кустарниковой пустыней. Антилопы нам попадались обоих видов, т.е. и цаган цзэрэ и хара сульта[27)].

На следующий день утром, следуя левым берегом Онгиин гола, мы доехали до монастыря Хошун хид, где автомобильная колея, шедшая от самого Байшинту самостоятельно, вступает на большую караванную дорогу. Еще со стоянки, на севере виднелись горы Дэлгэр хангай, служащие в этом месте южной границей степи. Далее, за Дэлгэр-Хангаем кончились щебнистые пространства Северной Гоби и началась высокая холмистая полынно-злаковая степь, где небольшие бессточные ложбины с солончаками сменялись пологими зелеными увалами и грядами холмов. Вечером мы миновали монастырь Сангин далай и заночевали километрах в 30 к северу от него. Здесь появились тарбаганы.

Настал последний день нашего путешествия. Утром мы ехали еще некоторое время по холмам, а затем перед нами открылась широкая (до 40 км) равнина[28)], за которой встали более значительные горные гряды: Адацаг, Хайрхан и др., говорившие о близости Толы и Уланбатора. Миновав высокую скалистую пирамиду Хайрхана и пересекши два-три горных отрога, мы спустились в параллельную Толе долину Шархай хундэй, за которой виднелся отрог Хэнтэйского водораздела, образующий левобережные горы Толы. Поднявшись на перевал через этот отрог (Ганга даба), мы увидели впереди лесистые шапки Богда улы. Спустившись к р. Бухуг и перевалив два западных отрога Богда улы, наш автомобиль выехал на “ярмарочную” равнину и вскоре после заката солнца мы были в Уланбаторе.

В заключение отметим состояние трав в посещенных районах: Уланбатор - Удэ – сносно, Сайн усу - Дучи хурал – плохо, но не исключительно. Район Сайханов – сносно, местами совсем хорошо; Дэлгэр хангай – Уланбатор – прекрасно.

Расстояния между отдельными пунктами, что также имеет непосредственное практическое значение, таковы: Уланбатор - Чойрин – 230 км, Сайн усу – 153 км, Удэ – 118 км, следовательно, Уланбатор – Удэ

---

27) От Баян цзага и до г. Дэлгэр Хангай (см. текст ниже) залегает широкая часть Центральной впадины, а к северу от последних гор начинается Среднехалхасская возвышенность.

28) Здесь, у кол. Боро хошу, проходит северная граница Средне-Халхасской возвышенности. Далее к северу начинается географическая провинция Хэнтэйской горной страны.

– около 500 км. Уланбатор – Сангин далай – 252 км, Хошун хид – 110 км, пер. Халга – 200 км, Байшинту – 46 км, т.е. Уланбатор – Байшинту – около 610 км. Сайн усу – Солонхэрэская дорога – 296 км (хошунное управление Хояр ульцзэйту ула на 25 км меньше), Дучи хурал – 65 км, Охин хутуль – 245 км, и Байшинту – 32 км. Итого Сайн усу – Байшинту – около 640 км. Автомобильную дорогу Уланбатор – Байшинту надо считать в монгольских условиях хорошей, за исключением редких в Гоби дождливых периодов, когда она местами делается труднопроходимой[29)].

Литература

Калганский тракт освещен весьма многими авторами и посещен вновь мной в 1932 году. Из специальных работ можно указать: Б.Б.Полынов и В.И.Лисовский "Рекогносцировочные исследования в области Северной Гоби" и Е.Г.Победимова "Рекогносцировочные ботанические исследования в Юго-Восточной Монголии".

Район Сайн усу – Сайр усу (несколько севернее нашего маршрута) пройден геологом З.А.Лебедевой (результаты еще не напечатаны). Южная окраина Холмисто-равнинной Восточной Гоби и Шанхайское нагорье пересечены американской экспедицией Р.Ч.Эндрюса и посещены В.А.Казакевичем (его отчет за 1923 г. и "Центральная Гоби и Золотой Караул"). См. также мой дневник за 1932 год.

Район Гурбан сайхана посещался многими исследователями. Из последних специальных работ укажу отчет ботаника Н.П.Иконникова-Галицкого, работу геолога З.А.Лебедевой, работу гидрогеолога П.М.Васильевского (все трое работали в 1931 г.) и ряд моих работ, а именно: "Географический очерк МНР", "Гобийские пастбища МНР", "Географический очерк Гобийской окраины МНР", "Кочевки и хотоны Гурбан-сайханского района Южно-Гобийского аймага" и дневник моих экспедиций 1931 и 1932 годов.

Участок Гурбан сайхан – Уланбатор освещен, кроме экспедиций П.К.Козлова, в новейшее время еще экспедицией Р.Ч.Эндрюса (Баян цзаг), В.А.Казакевичем (указанная выше работа), Б.Б.Полыновым и В.И.Лисовским (тоже указанная выше работа), отчасти Н.П.Иконниковым-Галицким, З.А.Лебедевой и П.М.Васильевским в 1931 г., затем З.А.Лебедевой и П.П.Сизовой в 1932 г., и мной в 1930 и 1931 годах (см. мои дневники за эти годы).

Гипсометрия описанного в данной статье маршрута и еще некоторые касающиеся него факты даны в статье С.А.Кондратьева "Гобийская экспедиция Ученого Комитета МНР в 1929 году". //Хозяйство Монголии, 1929 г., № 4 (17), с. 66-71.

29) Ныне по этой дороге до Баян цзага проходит Южно-Гобийский автомобильный тракт (Уланбатор – Далан цзадагад).

(АИГМ № 120, машинопись) **1930 г.**

Программа Хангайской экспедиции Ученого Комитета 1930 года

Состав: руководитель экспедиции – А.Д.Симуков, при нем 1-2 квалифицированных помощника монгола и бурята, топограф Ф.Большаков, препаратор и 1-2 рабочих.

Маршрут: Уланбатор – Улхуин булун – Дольце гэгэн – Эрдэни цзу - Цаган сумэин гол – Угэй нур – Цэцэрлиг – Бату цэнгэл ула – р. Хануй – хуриэ Баньди гэгэн – Мурэн хуриэ - Намнанг ула – Булаган хан ула – Уланбатор.

Задания.

1) Беглый осмотр долины р. Толы в отношении пастбищных и сенокосных угодий.
2) Подробное исследование пастбищ, кочевок, возможности сенокошения в районе истоков Харухи с целью определения места для овцеводческого госхоза.
3) Исследование долины обоих Орхонов и Цаган сумэин гола в отношении возможности земледелия и сенокошения (зерновой госхоз).
4) Исследование района Хануй – Селенга – Эгин гол в отношении существующего и возможного земледелия и сенокошения. Наметка мест для зерновых госхозов.

Кроме того по всему маршруту будут проводиться следующие работы.

1) Топографическая съемка.
2) Общее географическое описание местности.
3) Обследование и нанесение на карту лесов.
4) Обследование и нанесение на карту типовых пастбищ.
5) Изучение кочевок и методов ведения местного скотоводческого хозяйства.
6) Изучение охотничьего промысла в частности и отхожих и

кустарных промыслов вообще.

7) Ознакомление с работой местных колхозов.
8) Регистрация исторических памятников.
9) Сбор гербария и зоологической коллекции, а также коллекций по вышеперечисленным отдельным отраслям.
10) Сбор фотоматериала.
11) Гипсометрические определения.
12) Ревизия метеорологических станций.
13) По возможности небольшие экономические работы (бюджет семьи и т.п.).
14) Участие в работе по районированию.
15) Некоторые гидрологические работы (определение расхода воды, небольшие нивелировки и т.п.).
16) По возможности работа по собиранию местных терминов.

Срок экспедиции – 3½ месяца. Возможны разъезды в восточную часть Хангайского хребта и в район р. Ури.

(АИГМ № 107, маш., финальный абзац – автограф) **1930 г.**

А. Симуков

Путевые заметки Хангайской экспедиции 1930 года

Выезд экспедиции состоялся 2-IX вечером. Первую ночь ночевали около Сонгина, на том самом месте, где стоял последний раз наш караван экспедиции П.К.Козлова в 1926 году. Кстати, число было то же самое. Затем я проехал ниже Сонгинской станции и остановился не доезжая Тургэн гола, в юрте. Тут, дожидаясь второй отставшей телеги, ночевал 3 ночи. Экспедиция, таким образом, началась не очень удачно. 6-IX мы наконец тронулись почти в полном составе дальше (рабочий Вася Марчук догнал на стоянке). Проехали около 25 верст и остановились не доезжая Баярту дугана.

Около Сонгина было много аилов (около 15). Радиус их кочевок - не свыше 10 км. Кочуют нормально 5-6 раз в году. Зимовки частью в зарослях ивняка на Толе (там есть загоны, навесы), частью по убурам окрестных гор. Зимующие в ивняке веснуют там же, уйдя с убульчжона. Держатся там до начала лета, пока не появится гнус. Потом перебираются на степь, где и осенуют, ожидая конца сенокоса. Понемногу косят, беря сенокос с половины у станции. В хороший год трава остается. В засушливом 1928 году на зиму уходили к ноян-уле (Арангату и т.д.). Приблизительный подсчет площади выпаса дает около 4 кв. км на хозяйство. В разговоре отзывались очень хорошо о гобийских кормах, говоря, что “у нас таких нет”. Скот - овцы, козы (у бедняков последних много), рогатый скот, много лошадей (пригоняли табун к реке). Тургэн гол стоял сухой. Несмотря на близость к Уланбатору типично худонское население. Топливо – ивняк.

Во время стоянки 6-IX разобрались в багаже, и я начал работу, взяв три укосных площадки. Напротив, за протокой, косили для Отдела снабжения МНКА. Действовала косилка и конные грабли.

8-IX утром я сделал небольшую экскурсию, а затем мы двинулись дальше. Ехали хорошо, днем немного передохнули, снова поехали и остановились уже в темноте, не доехав до Улхуин булуна км 10-15. За день проехали км 50. Покосы на Толе кончаются примерно около Баярту дугана. Далее по широкой долине, здесь уже без ивовых зарослей, были

видны многочисленные юрты, паслись стада, табуны. Судя по тем юртам, в которые я заходил на стоянке, здесь радиус кочевок также весьма мал. Женщины не были ни разу уртоном ниже, в Наван-цэрэни хуриэ. По долине Толы и отчасти на верхней террасе - большие площади дерисуна. Степь же имеет тот же характер, что и раньше, т.е. ковыльный с кустами караганы. По дороге сарычи, видели волка. Аилы попадались и довольно далеко от реки, на террасе под горами левой стороны. Верблюдов мы видели лишь один табунок, недалеко от стоянки этого дня. Много лошадей, рогатого скота, овец. Коз, по-видимому, мало. Трава по долине была сильно потравлена. Характер тольских сенокосов близ Баярту дугана на месте обследования таков.

Над рекой незначительно возвышается первая терраса, собственно современная долина. Эта терраса и занимает максимальную площадь. На ней располагаются покосы. В большинстве здесь оптимальное увлажнение, максимальная густота и высота травянистого покрова. Илистая наносная почва, нетолстым слоем лежащая на речных песках и галечниках. Вскипания не обнаружено. Терраса изборождена руслами крупных и мелких протоков, а также понижениями, соответствующими старым протокам. Ивовые заросли сопровождают эти русла и понижения (главным образом), а также отдельными кустами заселяют некоторые лужайки. В травянистом покрове видную роль играет пырей, в некоторых местах лук. Довольно часто попадаются почти оголенные площади с галькой на поверхности. Пробы я не брал, но предполагаю здесь либо погребенный галькой ил, либо (вероятнее) старые галечные бугры, не занесенные впоследствии илом. Отдельные места, покрытые сверху почвой, также оголены. И тут я не брал пробы. Слабо намеченной второй террасой служат довольно редкие невысокие плоские гривки с недостаточным увлажнением. Здесь сейчас же появляется обильный ковыль, служащий их показателем. Супесчаная почва на том же речном песке и галечнике. Вскипания также не обнаружено. Третья терраса, определяющая древнюю долину, высока – не менее 8, а местами 10 метров. Увлажнение недостаточно. Показателем служат ковыль и карагана. Далее идут уже горные склоны, мною детально не осмотренные.

Ширина долины при определении на глаз – 5-8 км.

В зарослях, кроме ивняка, других древесных пород я не видел.

Из птиц наблюдались кряквы, чирки, филин <...>, одинокий турпан, бекасы и т.д.

Очень мало мелочи. Я видел стайку овсянок и еще каких-то птичек. Улетать им еще, пожалуй, рано. Вчера ночью около нас остановились аинчи из Арбай хэрэ, со знакомых мест к югу от Аргуин гола. На их

кочевьях дожди были хорошие, но не чрезмерные, как в Уланбаторе. В Гоби, говорили, было плоховато (Я спрашивал о хошунах Хан хугшин и Баян цзурихэ).

Дни стояли холодные, с неустойчивой погодой и обильной облачностью. Ночами при облаках было около нуля, при ясном небе – заморозки. Но дождя пока еще не было, кроме небольшого в Сонгине.

9-IX утром выехали дальше. Вскоре показался хуриэ Наван цэрэни, который мы миновали, оставив его в стороне. Отъехав еще километров пять, остановились на одной из проток. Дело было около полудня. Остановившись, я пошел на экскурсию, охотой. Отойдя довольно далеко, зашел в аил и занялся разговорами и кумысом. Под вечер вернулся, успев убить цаплю.

Утром 10-IX поехал в сумун, заехал в отделение первички, по дороге был в двух аилах.

Место изгиба Толы мною осмотрено бегло. Восточная часть – ровная, более бедная растительностью, часто сухая, главным образом глинистая поверхность с редкими оптимально или избыточно увлажненными понижениями, соответствующими весьма старым протокам. Западная часть богата водой в виде глубоких многоводных проток, питаемых ключами. Протоки эти извилисты и в значительной мере заболочены, особенно по краям, не всегда безопасны для переезда, ввиду вязкости и глубины. Безопасна открытая от берега до берега вода, где под илом обнаруживается песок. Старые протоки образуют цепи болотц, мокрых кочкарников и озерков. В остальном картина почти та же, что и в восточной части - почти оголенные галечники, затем кочкарники, мокрые и сухие, и более или менее ровная луговая поверхность. Недостаточно увлажненных, ровных, глинистых площадей мало. В обеих частях большие площади среднего увлажнения заняты дэрисуном, на корнях которого образовались бугры, гряды и вообще повышения. Таким образом, создается впечатление, что дэрисун заселяет бугры, в то время, как он сам является их созидателем. Повышения эти, главным образом, эолового происхождения – пыль и почвенные частицы, осевшие в зарослях + продукты разложения корней и стеблей дэрисуна.

Таким образом, мы имеем: 1) первичные речные отложения (песок и галька), подземный рельеф которых представляет собой, по-видимому, ряд возвышений, разделенных понижениями, соответствующими различного рода старым руслам (местами эти отложения почти выходят на поверхность); 2) понижения подземного рельефа заняты вторичными речными отложениями (глина и мелкий песок), прикрытыми богатым гумусом – почвенным слоем лугового типа. По этим же понижениям идут

современные русла проток, частью заболоченных, и более старые русла, образующие вышеупомянутые озерки, болотца и кочкарники; 3) современные слабые повышения большей частью заняты дэрисунными буграми эолового происхождения. Первичные отложения вскипания не дают, вторичные также. Бурное вскипание обнаружено в гумусном почвенном слое понижения и менее бурное – в значительной толще эоловых отложений и вторичных отложений под ними. Увлажнение поверхностного слоя очень пестро – от избыточного до недостаточного, но на небольшой глубине оно почти всегда избыточно.

Такова примерная почвенная схема окрестностей нашей стоянки в Улхуин булуне.

Опрос ряда лиц относительтьно кочевок выявил следующие положения.

Долинными пастбищами пользуются весьма усердно. Многие кочуют по долине весну, лето и осень, уходя с реки лишь на зиму в горы. Легкая возобновляемость луговой растительности, обуславливаемая оптимальным или избыточным увлажнением, дает возможность прокормить на сравнительно небольшой площади большое количество скота в течение 2/3 года. Некоторые (более зажиточные) аилы весной и осенью держатся на окраине степи (III-я самая старая терраса), над долиной, так как весной на степи зелень появляется на пригревах раньше (долина холоднее!), а осенью та же зелень, за исключением плодоносящих стеблей, сохраняется дольше, чем в долине. Пользуются речной водой, так как на степи близко колодцев и ключей нет вовсе. Отсутствие колодцев может быть как раз и вызывается близостью долины р. Толы, иначе говоря отсутствием крайней необходимости пользоваться степью летом, весной и осенью. Во всяком случае отвод сенокосов в долине сейчас почти невозможен, так как населению некуда деваться. Немногие удобные места в горах берегутся на зиму. Обнаружение возможности выкопать ряд колодцев в окружающей долину степи дало бы возможность уделить хотя бы часть долины под сенокосы и избавило бы долинные луга от беспощадного вытравливания, которому они сейчас подвергаются. Количество кочевок в год – 5-6, у богатых скотом больше - 7-9 (летом кочуют из-за скопления навоза). Радиус мал – 1-5 км по долине. На зиму, в силу сравнительной удаленности гор, укочевывают за 10-15 км. Иногда отсутствие корма заставляет кочевать и зимой. Сама долина зимой пуста совершенно – все в горах (в понижениях холоднее!). По-видимому, здесь убольчжоны как бы почти закреплены за отдельными аилами. Во всяком случае один из собеседников говорил мне, что иногда приходится гнать из окрестностей убульчжона случайную юрту или аинчинов, имея на это как бы неписанное право.

Сумунные границы мало соблюдаются. Река принимает всех. Пастбищ хватает, но особого избытка их по-видимому нет, так как зимой стараются использовать и безводные места, вроде Гэрельту хундэй, выгоняя туда главным образом конские табуны. Летом же споров из-за пастбищ не слышно. В засушливом 1928 году многие уходили зимовать далеко на север. Словом “шивэ” обозначают лишь метелки ковыля, в то время как самые листья называют “хилагана”. Шивэ летом и осенью в пищу почти не идет, так как острые семена ранят рот и даже желудок (у овец?). Зимой же его охотно едят верблюды и коровы. Весной весьма полезной травой для мелкого скота и лошадей считается полынка “аги” (*Artemisia frigida*), быстро возобновляющая силы, утраченные за зиму. Летом же овцы эту аги почти не едят (?). Весьма полезной считается весенняя смесь ветоши со свежей зеленью Верблюдов здесь почти нет. В этом году от эпизоотии дохли овцы и немного коровы, а о ветпомощи не было слышно совсем.

11-IX. Выбрались лишь в 11 часов. Дорога шла сначала еще по долине, где мы пересекли 1-2 протоки, а затем пошел пологий подъем по сухой степи на окраинный вал. Поднимались около часу, т.е. длина подъема – 6-7 км. В самом начале подъема дорога раздваивается. Левая, южная, идет на Бичигту - Ихэ тухум, а правая, наша, на Дольце гэгэни хуриэ. На подъеме злаковая степь с сильной примесью полыни (мелкой) и караганой. Почва песчанистая. К своему удивлению я отметил здесь несколько экземпляров ящериц рода *Phrynocephalus*, очевидно заходящих сюда с юга. За перевалом пошел пологий спуск, потом, далее новый небольшой подъем и т.д. Мы ехали по высокой волнистой степи, рельеф которой составляют большие хундэй с боковыми логами и пологими увалами между ними. По обеим сторонам видны горы, более значительные на юге (Бичигту и т.д.). Вся эта степь поросла в этом году хорошей травой. Сплошь злаки – ковыль, хацзар, монгол убус и вострец. Караганы крупной нет.

Под вечер стали втягиваться в исток одной из хундэй (хундэй эти имеют сток в Толу). Видневшиеся впереди и по сторонам остроконечные сопки оказались гранитными останцами, сильно выветренными, превратившимися частично в типичные нагромождения матрацевидных отдельностей. Вероятно, это гранитное поле имеет связь с таковым между Тухумом и Мишик гуном, а также с Бичигту и Онгон хайрханом на Ю.-Ю.-З. дороге. В конце хундэй дорога поднимается к перевалу, идя вдоль небольшого оврага-ущельица. Километрах в двух далее, на дне этого оврага есть колодец Норболинг худуг, первая вода от Толы. Переход мы сделали очень большой и без передышки – не менее 45 км, а вероятнее – до 50. Вторая пара наших коней основательно устала.

Вечером я успел сходить в аил недалеко от колодца. Аил, в который зашел я, бедный, маленький, но аккуратный. Шабаганца и молодой парень – охотник. Кочуют круглый год около этого колодца, передвигаясь в разных направлениях. Корма хорошие и по качеству и по количеству. Место уютное, защищено от ветров, зимой тепло. Скота у этого аила мало, таким образом кормов хватает. Узнал несколько терминов. Так например – дэрис, название лишь плодоносящих стеблей, а самые листья называются шимильтэг. Имеются здесь тана, хацзар, шобун хуль; перекати-поле называется хамхул. Есть аги, улан шарельчжа. Есть ковыль. По степи мы видели довольно редких тарбаганов (один лежал около норы - дохлый?) и стайку цзэрэнов, голов в 5. Затем несколько сарычей и все. Жизни мало.

Где-то неподалеку, видимо, есть хрустальные копи: китайцы добывали хрусталь для казны. Дольцэ гэгэни хуриэ называется теперь иначе – Дэбсэг булагин хуриэ – так как гэгэн стал хара, отпустил волосы, курит папиросы и чуть ли не стал гэшуном, т.е. членом общественной организации.

На Ульхе мы видели черных аистов, собравшихся в стаи, довольно много цапель, редких колпиц, крякв, чирков, гусей индийских и других, турпанов, поганок, пеганок, <...>, луней, сокола. Из мелочи - бекасы, черныши, <...>, песочники, галстучники, чибисы, турпанов очень мало. Летом их было гораздо больше. Кроме того отмечу серого журавля и орлана-белохвоста. Но вообще птицы было чрезвычайно мало, что довольно странно, по сравнению с 1926 годом. По протокам местами довольно оживленно. Торчали узкие силуэты цапель, разгуливали аисты. По вечерам долина оживлялась. Пролетали утки, гуси, летали цапли, то и дело слышен был их неприятный голос. Бекасы держались не только в болотах. Я неоднократно вспугивал их в сухих дэрэсунных кочках.

В одном из аилов на Ульхе я видел три сорта высушенных трав на лекарства: дэгдэ - голубой болотный цветок, лекарство от простуды. Хонилэн - вроде подорожника – тоже от простуды, как и башиг.

12/IX ночью пошел дождик, утром дождь, перешедший в крупу, а позже в хлипкий снег. Перерывы были незначительны. Барометр не подымался. Мы сидели на месте, без экскурсий, мерзли и ругались. Двигаться было почти невозможно. Степи Гэрэльту хундэй используются зимой. Мы сами видели ряд убульчжонов в северных горах и холмах. Весной старого корма остается, в общем, мало. Таким образом, если отнять долину Толы, то пастбища почти наверное не хватит, не говоря уже об отсутствии воды. Неизвестно еще, можно ли до нее докопаться. Зимующие по хундэй летуют частью на Толе, частью в стороне Хутуль нура. Вообще говоря, степные корма значительно лучше долинных. По

долине кочуют ради обилия воды, ради возможности многим аилам селиться неподалеку, что доступно благодаря быстрой возобновляемости долинных кормов. Для скота же в долине плохо. Плохой корм, гнус, мокрый грунт – все это плохие условия. Скот легче заболевает, чем на сухой степи. Указания на якобы полезность болотно-лугового корма летом – отговорки (таково мнение опрошенного лица).

Годовой цикл кормов для ***овец*** следующий. ***Весной*** – аги (*Artemisia frigida*) помогает скоту быстро оправиться (хуль аморхан хунгун болху). Кроме овец аги полезна в этом же смысле козам и лошадям. Коровы и верблюды (?) ее не едят. Хучжир весной вреден безусловно, "пережигает нутро" слабому после зимы скоту. ***Летом*** баранов выгоняют на хучжир и особенно полезной им в это время считают хирис, красноватую мелкую солянковую траву на солончаках. От этой травы скот хорошо жиреет. ***Осенью***– главной пищей являются вторичные осенние зеленые побеги злака монгол убус. ***Зимой*** в общем, овцы едят всякую "нарин убус", без особого разбора, избегая лишь грубых трав.

Питание ***коз*** в общем то же. Весной козы особенно охотно идут на йергуй - *Pulsatilla*. Овцы во всякое время очень любят верхушки побегов чихир убус, что им и полезно. По-видимому к козам, как к менее прихотливым, скотоводы присматриваются меньше.

Крупный рогатый скотв степи питается главным образом хилаганой.

Весной и летом хорошо ест крапиву (халагай). Зимой в дело идет шивэ, но первое место все-таки за хилаганой. Охотно ест верхушки караганы. От болезней коровам полезно давать сваренные цоорганай напчу (ревень? лопух?). Вкус таны (*Allium polyrhizum*) передается в молоко.

Лошади весной охотно едят аги, в остальное время главным образом разную нарин убус. Особо полезен ***хяг*** (вострец).

13-IX. В этот день с утра была хорошая погода. На экскурсии я отметил в скалах несколько ильмов, буйлэс, карагану. Видел самку камчатского соловья. Много *Saxicola, Columba, Accentor fulvescens, вьюрки, Eremophila alpestris, Melanocorypha, Falco tinnunculus, Muscicapa;* у колодца *Motacilla alba* и желтая [плиска]. Снег по горам лежал до вечера.

Тронулись поздно. Перевал всего в 1 км от колодца. Подъем в общем пологий. Водораздел плоский. На нем те же гранитные останцы. Южнее был виден узкий и острый остаточный гребень красноватого цвета. Возможно, что это – пегматитовая жила. Очевидно именно здесь китайцы искали хрусталь. За перевалом Люнгин хутуль пошел спуск вдоль короткого ущельица в широкую хундэй. Заехав в аил, покатили дальше и незадолго перед закатом остановились на ключе около озер Хутуль нур.

Озерки эти расположены в центре обширной хундэй, окруженной со всех сторон горами. Народу было много. Вечер был отличный. Состав степи по дороге все тот же – ковыль, аги, хацзар и т.д. Около озер много дэриса, болотца, мелкие озерки. Птицы не очень много. Лебедь, индийский гусь, серый гусь, кроншнеп, турпан, крачка, хохотунья, чибис, чирок, кряква, бекас, кулик плавунчик, песочник, черныш, красноножка, табунок бульдруков (*Syrrhaptes paradoxus*).

Накануне под вечер я сходил пешком за перевал к аилам. Хотон в 6 юрт. Стоялп на степи. Вода была довольно далеко. Бедные и богатые вместе. Это была осеновка - наморчжин. Опрошенная одна юрта кочует часто - раз 10 в году. Снова спрашивал о травах. Бараны зимой едят ботул. Хирис лучше для них осенью, хотя главная пища в это время – побеги монгол убус. Только осенью овцам же очень хорош яманай эбэр. Подтверждается плохое мнение о долинно-болотном корме (у рек живут ради воды). Плодоносящий стебель монгол убус называется йэрхук (*Agropyrum*).

14-IX. В этот день утром я съездил в хошунный тамаган, где пробыл довольно долго. Вернувшись оттуда и побыв немного дома, вечер провел в одном из аилов.

В тамагане спрашивал о многом. Районирование окончательно еще не проведено. О границах на месте почти ничего не знают. Идет закрепление сомонных границ. Данный район несомненно тяготеет к Уланбатору. Колхозная работа до сих пор проводилась слабо. Фактически колхозы существовали на бумаге, так как жили (и живут) врозь, собственного скота не обобществляли. Феодальный скот (250 лошадей и 60 верблюдов) - пасут в одном стаде, но толку от этого мало, так как пользы из этого скота никакой не извлекают. Даже грузов не возят, так как нет хомов. Ссуду не брали. Всего две артели (50 и 60 членов). Одна осталась севернее нашей дороги, другая имеется около Дольце гэгэна. Артели растут, намечены к открытию еще две. Состав – бедняцкий (не выше 50 хуби). За последнее время колхозами здесь занялись, видимо, вплотную. Слышны слова “онца ачжил”, “хампани ачжил” и т.д. В хошуне, кроме дарги, никого. Все в худоне, на работе. Дарга (Дагба) не здешний, из Халюгчин Боролзая. Там - тоже не местный, кажется, из Богда хана. Таким образом, и здесь смена. Старый дарга не служит. Заходил я в отделение первички (сама первичка в Мишик гуне). Более или менее все есть (мука, чай, дунза, далемба, спички, сахар). В лавке и складу чистенько, все в порядке, аккуратно, так же, как и в отделении на Толе. Не в пример гобийским, где я видел большей частью беспорядок (Шанхай и особенно сгоревшая Хояр улцзэйту, где был форменный ...). Значит можно. А раз можно, то и должно.

При хошуне же школа на 50 детей. Ребята только что собрались. Учителей два – по одному на 25 ребят. Один из них, 17-ти летний Батоцерен, селенгинский бурят, только что приехал сюда, окончив Оютан Соргоули. Одинок, на родине не был 5 лет, близких друзей нет. Тяжеленько придется ему на первой службе! Ему я сказал кое-что о краеведении. Показали мне красный уголок - большую для худона постройку с хорошей сценой, залом и задней комнатой. Рисунки животных (школьные), карты, плакаты и т.д. Все это производит очень хорошее впечатление. Пришлось объяснить некоторые рисунки, что было записано. Вообще расстались друзьями. Ребятишки в форме. В хошуне, между прочим, имеются старые карты приличной работы.

Хошунный дарга на мой вопрос о "перенаселении" Халюгчин боролзай, сообщил следующее: раньше очень многие из этого хошуна жили в окрестностях Уланбатора (богатые). В последнее время их оттуда выселили на родину, отчего и получилась большая плотность как населения, так и скота. Пастбищ не хватает, хотя долина Толы и принимает очень много. На зимовку многие выкочевывают за пределы своего хошуна на север в ноян улу и Цзун бурин, и на запад, в Хунцэл чжабчид. Доходят до Орхона и Хары. Всего в Халюгчин Боролзае 13 сомонов, а в Хунцэл чжабчиде – 5, несмотря на значительно бóльшую площадь.

Салбур хорошо снабжается из первички, сыры везет туда же, т.е. в Мишик-гун. Рационально ли это? До Мишик-гуна 60 верст - т.е. 120 верст лишних идут как товар, так и сырье. Ачан в 300 с лишним джинов стоит 3 тугр., иначе говоря около копейки джин, а туда и обратно – две. На пуд падает таким образом больше 50 копеек лишних накладных расходов. Сколько этих копеек наберется по Монголии? Здесь, на Хутуль нуре, мы купили коня за 60 т[угриков]. Нашли настоящего тележного, очень спокойного. Отсюда, из Ихэ тухума и других мест население ездит летом со скотом в Уланбатор, где продает молоко и кумыс. Некоторые кочуют в город чуть ли не со всем домом. Заработки хвалят, особенно идет кумыс, конечно, во время надома. Хозяин проданного коня сообщил мне сказочку о чибисе, которого здесь называют цзон хуруг.

"Нигэ хухэн хуруг харюлчжи ябсан, нохой хошу цзурчжи идэчжи байсан. Гурил идэчжи байгад, тегэлэд ухсэн, энэ шобу тигэт тэрэ хухэни сунис байга има".[1)]

Бекаса здесь называют "хапталцза".

Термин "монгол убус", как название определенной травы, здесь

1) "Одна девушка пасла ягнят и ела кашу из шиповника. Ела-ела, да и подавилась кашей. И эта птица – душа той девушки" (*перевод сост.*).

отрицают. Выдвигается название “ботул” (вероятно *Agropyrum*), что по-видимому, одно и тоже. Про ботул говорят очень одобрительно, считая его полезным во всякое время и особенно ценя его поздние побеги. Прошлогодняя низкая трава, сохранившаяся к весне или лету, очень ценится, так как дает к свежей зелени примесь сухого корма, при котором первая, видимо лучше переваривается. Эта старая трава называется барог.

Проверенные неоднократно сведения сводятся к следующему:

1. Аги (*Artemisia frigida*) - очень сильный корм, поднимающий скот весной очень быстро. 10-15 дней на мелкой аги уже достаточно. В дальнейшем ее почти, а может быть совсем, не едят. Коровы аги не едят, так как не могут захватить ее языком. Ради аги население кочует.

2. Хэрэс (по-видимому солянки) также очень сильный корм, богатый хучжиром. Идет ранней осенью, когда покраснеет. Зеленый почти вреден. Растет на солончаковых низинах. Ради него иногда также кочуют.

3. Хилагана – хороший корм, рано сохнущий. Шивэ же почти не едят, идет лишь во время цзуда.

Здешняя терминология по цзэрэнам такова: шюдлун цзэрэ (по второму году) - цэнхэр он; по третьему и четвертому году - шорон хара; хуху хуцзу – старый и, очень старый, с побелевшими рогами - далгай цаган. Это все самцы. Самка на второй год называется цзусаг шарахчин.

* * *

Спрашивал о жеребцах. Здесь пробуют на бег и оценивают статьи. Кастрируют по третьему году, так что время высмотреть есть. Когда кололи барана для нас, то после варки внутренностей, хозяину предстояла тяжелая работа – разделить их по всем юртам хотона. Так делается в летнее время, когда убой барана – событие редкое. Аилов здесь собирается помногу вместе. Было три хотона по 6-7 юрт, а один до 15-ти. Баранов и, кажется, вообще весь скот гоняют вместе.

Наш ключ называется Бутлунгиин булаг, по имени горки с обо около него. Мишиг гун теперь называется Норомтуин хуриэ или Сайхан баян сумуни хуриэ.

В одиннадцать часов двинулись дальше. Новый конь пошел коренником. В знакомом аиле остановка, кумыс. Аил уртонный. Пришла алба – оказались знакомые люди. С одним мы виделись в Гобийн Сангин далае, затем в Шанхай уле и теперь, совершенно неожиданно, встретились здесь. Быстро покатили затем по отличной дороге, миновали, оставив к северу Дольцэ гэгэн и стали подниматься по Убур чжиргаланту. Доехали до "ворот" и стали под ними, выше. Вечером я сходил в аил.

Плоская котловина Хутуль нура, высоко поднятая по сравнению с Тухумом, пологим спуском-равниной сливается с долиной Убур чжиргаланту, внезапно здесь расширяющейся. Первая как бы впадает в последнюю. Южные горы почти напротив тамагана сходят на нет. Северные уходят на С.-З., где видны гранитные или пегматитные большие скалы. Между этими горами и горами группы Бату хан (левобережные Убур чжиргаланту) есть проход плоской седловиной уводящей к северо-западу.

Правобережные горы еще долго сопровождают речку. Монастырь Дольцэ гэгэна я осматривал в бинокль. У него был довольно грустный вид. Старые постройки, давно не подновлявшиеся. Монастырек небольшой. Храмов 5, китайского стиля. Один (цогчин?) с крышей в виде четырехгранной пирамиды. По долине Чжиргаланту дорога не очень хороша – кочки, а далее, где дорога идет левобережной террасой - мысы, и довольно крутые. Состав степи по дороге оставался прежним. Покров хорош. Порядочно тарбаганов.

Вечером в аиле я узнал следующее. Хотон – 5 юрт. Почти все еще на летовке. Кочуют очень близко и все по Чжиргаланту. Зимовки в окрестных горах. Народ бедный. Радиус кочевок таким образом не свыше 10 км, и число их весьма невелико.

Аил, в который я зашел, входит в артель. Бедняк (не очень, впрочем, вернее малосильный) лама с шабаганцой и ребятишками. Ничего артельного, кроме полного сумбура в голове касательно всяких союзов, партий и прочего. Кое-что пришлось разъяснить. Интересен взгляд, что не надо идти вразрез со временем. Раз пришло время артелей – вали туда. Пришло время ламского оскудения – ничего не попишешь, так и должно быть. Непротивление, словом.

В другой юрте видел любопытную вещь. Висят аккуратным рядком желудки тарбаганов с содержимым. Их, оказывается, зимой дают скоту для поддержки. Считается очень хорошим средством.

На Хутул нуре попадались аилы, зимующие в одном-двух небольших переходах от летовки. Это – богатые.

Вечером в скалах "ворот" кричал сыч и лаял, как волк, дразня собак,

филин.

16-IX. Утром двинулись довольно поздно. Постепенно стали подниматься долиной Убур чжиргаланту. Проехав км 6, подъехали к малозаметному перевалу, а затем стали спускаться по Ара чжиргаланту. Проехав по последней около 12 км, стали неподалеку от аила. Характер Убур чжиргаланту не стоит разбирать, так как это полностью сделано Б.Б.Полыновым и Крашенинниковым. Подъем на дабан легкий, не труднее какого-нибудь бугорка. Ара чжиргаланту нам очень понравилась. Узкая долина, по левой стороне тянется гряда сыпучих песков, образующих настоящие барханы. Дорога идет по правому склону. По дну долины извивается речка и по болотистому лугу растет густая невысокая урема – ива с примесью березы и черемухи. Кустарник частью растет и по пескам. Все ярко расцвечено осенью. К югу возвышается довольно высокая гора (Дулан хайрхан), северный склон которой зарос вверху кустарником, а в вершинках распадков видны колки густого березняка. Корма стояли нетронутые (район убульчжонов). Был хороший день, настоящий сентябрьский, тихо, тепло, ясное бледное небо и яркая расцветка кустарников. Недалеко от перевала я стрелял по крупному волку, сильно ранил его, но волк все-таки ушел.

Через несколько верст горы расступились, долина расширилась. Впереди показались аилы и скот. Заросли сразу оборвались. Дальше пошел болотистый луг, испорченный по окраинам цахилдагом (ирис). Еще в кустах мы видели второго волка. По-видимому, их здесь очень много, что впоследствии подтвердили и местные жители. За расширением долины речка сделала изгиб влево, а мы поднялись на довольно высокий мыс, спускаться с которого пришлось по покрытому слабой растительностью сыпучему песку. За мысом долина речки, подошедшей снова слева, сильно сужена (0,5 км). Здесь мы и остановились.

В настоящее время в данном районе кочуют до 50 юрт. Таким образом на каждое хозяйство падает 3-4 км^2 пастбищ. Это Чжиргаланту сумун Хангай-хайрхан-ульского хошуна.

Зимует население по горам. Летует на речке, очень жалуясь на гнус, главное пристанище которого – по-видимому кусты.

Сейчас осенью они были также на речке. Корма вытравлены довольно основательно. Жалуются и на снега. По мнению населения район северного склона этого водораздела (Ара чжиргаланту, Олон нур, Сангин далай) вообще богат снегопадом, богаче более северного района Цэцэрлигского тракта. А в общем все это не мешает баранам основательно жиреть. Скот, вообще, был в прекрасном состоянии.

17-IX. Накануне я не работал ночью, основательно выспался, встал

довольно поздно и кроме двух-трех разговоров с заезжими, ограничился тем, что сходил в ближайший аил, где заснял стрижку баранов. Здесь ее производят в разное время, но всегда в намор дунду сар (среднем месяце осени). Хвоста не обстригают, так как он очень мерзнет зимой. После полудня собрались и тронулись дальше. Дорога шла все время правым берегом речки, сначала вдоль болота, затем поднялась на террасу и стала срезать угол, который делает здесь речная долина. Путь был труден, так как почва степи здесь песчана. В ложбинах дорога была разбита до глубокого песка. Поднимаясь все выше и выше над долиной мы пересекли две глубокие боковые долины (сухие) с большими наносами песка на дне, в виде заросших барханов.

Растительность по этим ложбинам довольно богата – заросли ивняка и ильмовник, главным образом молодой. Кое-где много буйлэса. Все это в осенней расцветке. Дорога через эти ложбины очень тяжела – глубокий песок. За ложбинами дорога поднялась на последний бугор и стала спускаться наискось к речке, повернувшей здесь почти на север. В самом повороте в Ара чжиргаланту впадает речка с юга (Харлин гол), берущая начало из Олон нура (по словам местных монголов). Низовья этой речки, видные с горы, сильно заболочены. Вверху видны юрты. На повороте и ниже в долине Ара чжиргаланту узкой полосой барханов снова появляются пески. Характер долины здесь и ниже меняется. Заболоченная полоса исчезает. Речка делается типично степной, с широкой сухой долиной. Ниже нашего пересечения в долине Ара чжиргаланту снова появляются пески. По правой стороне видны сначала две отдельные горки темного цвета (Шюлуту), а дальше выступает высокая и сильно изрезанная скалистая группа (Хогин хан), издали живо напоминавшая гобийские горы. Пересекши речку, здесь уже порядочную, мы стали уклоняться к западу, постепенно поднимаясь на сухие степные увалы.

Степь здесь с легкой песчанистой почвой, поросла караганой. Состав обычен – ковыль, хацзар, аги, ботул и т.д. Перевалив 3-4 увала мы стали спускаться к широкой болотистой долине второго левого притока р. Ара чжиргаланту (Убур хобур). Остановились уже после заката у первой воды – в 300 метрах от хорошего озерка, на котором тут же вечером я промазал по уткам, а Вася убил болотную сову. Он же видел филина. На озере порядочно камыша. По краям долины было несколько юрт. Весь день продержался очень теплым. Проехали мы всего около 25 км, но коней, благодаря пескам, упарили сильно. Вечер был очень хорош. Я просидел за работой до часу ночи.

18-IX. Утром Вася убил на нашем озерке лебедя. Я собрался ехать в сумун. Пока проискали коней (бывших поблизости), времени ушло много.

Доехав до Номоган сомона, я никого там не застал – все уехали на хошунный надом. Узнав, что последний близко, я решил съездить туда. Ехал по продолжению нашей же дороги, вдоль подножья Номогана. Проехав км 15 от майхана, я увидел в долине около западной оконечности Номогана пестрые майхана надома. Везде шныряли верховые, суетился народ. Подъехав еще ближе я заметил около одной из юрт автомобиль. Оказалось, что на надом приехал Министр Скотоводства и Земледелия Чимит. Он был в этот момент на собрании. Остаток дня болтался по надому, снимал Чимита среди аратов, потом артистов, борцов. Ритуал борьбы интересен – выход борцов из майханов, расположенных поотдаль, раскачивающейся, танцующей походкой, с вытянутыми в стороны руками, затем позы перед схваткой, подзадоривание, секунданты со шляпами борцов в руках, подговаривающие и подшлепывающие - все это очень любопытно. Победивший подходит к “трибуне”, где стоит таз с борцаками, тут секундант надевает ему шапку, борцу насыпают пригоршню борцаков, из которых он один берет в рот, а остальные разбрасывает по сторонам. Затем он возвращается к себе в майхан. Некоторые схватки продолжаются долго. Так, последняя пара боролась около часу, потом спорили о результате около трибуны и боролись снова. Все это закончилось уже почти в темноте. Это был конец надома. Артисты (не местные, а то ли из аймага, то ли из Уланбатора) были менее интересны и я на них смотрел мало. Толкался среди народа, усердно пил кумыс и снимал. Ночевал в юрте с артистами и Чимитом. Вечером еще был спектакль, который я посмотрел. Дело касалось Банчен Богдо. Эту живую агитку стоило записать.

Банчен Богдо (Агитка)

Сцена I. Сидят Далай Лама и Банчен Богдо. Рассуждают о своем спасении. Далай Лама жмет в сторону англичан, а Банчен в сторону Китая и Японии. Кончается ссорой и Банчен Богдо уезжает в Китай.

Сцена II. К Далай ламе приезжает англичанин, заранее рассуждающий о том, как он оплетет Далай ламу. Они заключают договор. Рад Далай Лама, рад и англичанин, считающий Тибет уже своим.

Сцена III. К Чжан сюэ ляну приезжает японец, считающий Чжана своим слугой. Он говорит о гегемонии Японии в Азии, о необходимости прибрать к рукам Монголию, как Внутреннюю, так и Внешнюю. Как на средство он указывает на Банчен Богдо, едущего в Китай. Надо воспользоваться религией. Призывается Банчен Богдо и Мэрсэ, служащий мелкой сошкой – осведомителем.

Заключается общий договор, распределяется работа по овладению Монголией. В результате японец накидывает петлю на шее Чжану и Банченю (буквально) и управляя ими удаляется.

Сцена IV. Югодзар хутухту Йонцзон Хамбо и какой то ноян сговариваются бежать за границу для связи с Банченем, мечтая о восстановлении своей власти. Пишут прокламацию. Боятся пограничной стражи, но собираются и едут.

Сцена V. Погранотряд на ученьи. Командир говорит о необходимости строгой охраны границ. Мэрсэ, в качестве соглядатая, рассматривает отряд издали. В это время через границу пытаются пробраться Югодзар хутухту и ноян. Их останавливает дозор и тащит в отряд. По выяснении личностей их отправляют в Уланбатор. Появляются Банчен, Чжан и японец, управляющий ими вожжами и подгоняющий саблей, они пытаются пробраться в Монголию, но погранотряд их прогоняет.

Сцена VI. Приводят хутухту и нояна, представитель правительства читает приговор, который тут же приводится в исполнение – обоих расстреливают.

Это была очень современная и живая агитка, интересная тем, что выступали действительно существующие или существовавшие лица. Символами служили лишь англичанин и японец. Все же прочие – живые лица. Далай Лама, Банчен, Чжан сюэ лян, Мэрсэ, Югодзар и т.д.

Дело затянулось очень поздно – почти до 2-х часов ночи. ***Публика смотрела очень внимательно и досидела до конца.***

Но особенно напряженно смотрели все-таки борьбу. Тут раздавались крики одобрения, нетерпения и т.д.

19-IX. Утро я провел в разговорах со служащими хошунного управления и уехал домой довольно поздно, дождавшись конца партсобрания.

Горы Номоган – отдельная небольшая группа, довольно ясно выраженная, типичная для степных возвышенностей. Более или менее округлые формы и местами каменистые выходы, изредка (особенно в западной части) принимающие характер скал (небольших). Ущелья, по-видимому, сухи, хотя к западу от небольшого дугана, стоящего высоко в полугоре убура восточной части гор, значительно ниже подножья гор и показываются два ключа.

20-IX. Утром довольно поздно я проехался вниз от стоянки к Тарни голу. Ночью шел дождь, по дальним горам лег небольшой снег. Осмотрев

местность и заехав в два аила, я вернулся домой. Довольно поздно мы наконец собрались и поехали вверх по долине. Ехали быстро. Остановились на ключе не доезжая 2-х км до гор Эриэн.

21-IX утром я ходил на охоту. Видел козу и куропаток. С гребня Эриэн открывается далекий вид. На юго-западном горизонте – гольцы Хангая, которые были очень оснежены. Под ними синева лесов. Упираясь вершиной в облака встает Субурга хайрхан. Волнующая картина! Виден сниженный водораздел – восточное продолжение Хангайского. Он тоже был слегка оснежен.

Вернувшись я слазил еще на ближайшую гору, откуда сделал засечки и еще раз осмотрел местность по направлению к Убур хобуру. Затем мы тронулись дальше. Расспросив о дороге в Барун хуриэ, поехали на восток и, перевалив два перевала, спустились в широкую хундэй, сбегающую на запад к Орхонам. Кони сдали, а потому пришлось остановиться в урочище Шара буриду.

Утром 22-IX мы тронулись дальше и часов в 11 добрались до Барун хуриэ.

Горы Эриэн ула представляют собою короткий кряж, с относительной высотой не менее 200-250 метров. Направление З.-С.-З – В.-Ю.-В. Северный склон чрезвычайно крут и прорезан короткими и весьма крутыми распадками. По распадкам колки леса: главным образом чахлый березняк, затем довольно хороший осинник, немного ильма и местами участки хорошего лиственяка. В одном из восточных распадков лиственяка много. Подниматься по этим распадкам весьма и весьма трудно по причине крутизны. Травяной покров в лесу и под лесом типичен. Скал почти нет. В лесу пусто. Птичьей мелкоты, кроме коньков, никакой. Гребень Эриэн имеет более или менее плоский характер, с увальной растительностью. Южные склоны значительно положе и длиннее северных. Туда спускаются длинные пологие мысы с распадками между ними. По этим распадкам обильные заросли кустарника и участки лиственичного леса. По склонам верхушек распадков прекрасные увальные сенокосы. Дно распадков чуть заболочено. Внизу вероятно кое-где выступает вода. Дальше на юго-запад видна плоская степная долина, за которой поднимается увенчанная скалистыми выходами гора с большим лиственничным лесом на северном склоне. Еще далее был виден безлесный, чуть оснеженный последним снегом невысокий водораздел (северный вариант Великого водораздела в этом месте). В лесных колках Эриэн держится в незначительном числе коза, изредка проходит, по указанию монгол, кабан. Из птиц мы видели лишь коньков, да стайку куропаток. В распадках северного склона воды нами не обнаружено. От холмов и гор, лежащих к С.-В. от Эриэн, кряж

этот отделен довольно крутым и гладким бэлем. Бэль этот образует три впадины в виде чаш, на дне которых появляются ключи. Восточная впадина образует головной участок степной долины среди холмов, с небольшим, по-видимому, прерывистым ключиком. Средняя впадина отделена от восточной очень пологой седловиной.

Два ключика соединяются и текут в русло-прорыв, разрезающее грядку к северу от бэля Эриэн. Долина, начинающаяся восточной впадиной, огибает эту гряду с востока. Русло-прорыв, имеющее характер сайра, открывается парой километров ниже в широкую степную хундэй, низовья которой и есть Убур хобур. В эту хундэй открывается и вышеупомянутая восточная падь (Сувэ). По обеим сторонам плоского дна хундэй идут пологие степные холмы и мысы, разделенные падями и распадками, открывающимися в хундэй. Кое-где есть небольшие ключики. Нам бросился в глаза род канавы, по которой тек ключ под холмами, над тальвегом хундэй. Сначала мы предположили наличие земледельческого арыка, но местное население уверяет, что вода была отведена для добычи тарбаганов на степи путем заливания нор. Ниже, невдалеке от нашей стоянки хундэй расширяется в котловину (собственно Убур хобур), местами сильно заболоченную, с дэрисуном, хирисом, кочкарниками и обильными выцветами хучжира. Местами озерки. Течет небольшой ключик. С севера к Убур хобуру непосредственно примыкают горы Номоган. Ключики из падей этих гор (см. выше) также стекают к Убур хобуру. Болота Убур хобура непосредственно примыкают к низине Тарни гола, продолжение той же Ара чжиргаланту. Тарни гол делает здесь луку к западу. Выше Убур хобура эта речка течет среди песчаных увалов, лишь частью задерненных. Правый берег Тарни гола сопровождается значительной, широкой грядой песков, тянущейся далеко вниз. По этой гряде кое-где растут хайлясы и кустарник. Далее идет старая степная терраса, на которой возвышаются упомянутые выше горки Шюлюту и, дальше, Хогин хан. Далее к востоку степь повышается, видны холмы, но горы имеются лишь в районе истока Ара чжиргаланту (Бату хан?).

По выходе из песчаного прохода, там где левобережная терраса Тарни гола заворачивает к западу и становится правобережной террасой Убур хобура, первая речка разливисто и мелко течет по песчаному ложу. Берега низкие, заливного характера, образуют вполне годный для сенокоса луг. Ниже я подробно не видел. Далее Тарни гол проходит мимо восточного конца Номогана и западного – Хогин хана и исчезает с глаз.

Гряда (довольно высокая), ограничивающая вышеописанную хундэй с С.-З, соединяется седловинами с Номоганом с одной стороны и г. Эриэн - с другой. Дорога ведет через Убур хобур к первой седловине и

переваливает ее. Далее начинается спуск в долину Гэцэгин хобур, имеющую сток на северо-восток.

Номоган упирается своим западным мысом в эту долину. Против этого мыса на Гэцэгин хобуре и происходил надом. Выше, насколько видно, эта долина расширяется, затем ее стискивают горы. Верховьями этой долины служит западная впадина бэля Эриэн, суживающаяся в долину с порядочным ключом Чжалба. Западная часть этой впадины выклинивается в долинку, идущую к узкой, но крутой водораздельной перемычке, водоразделу Хугшин орхона и Харухи. Долина Гэцэгин хобура имеет сток, по-видимому, в Харуху (по расспросам). Такова, в общих чертах, характеристика рельефа этого района. Относительно растительности частью сказано выше (Эриэн и Убур хобур). Растительность хундэй – типичная степь. Ковыль, хацзар, аги, ботул. Населения много. Около нас (Убур хобур) был хотон в 23 юрты. Немного дальше на Тарни голе три хотона – 10-12 юрт. Вокруг Убур хобура, не считая упомянутых, около 30 юрт, в 9-10 хотонах. Выше по хундэй, с боковыми распадками, насчитывалось до 40 юрт в 7 хотонах. Итого в районе этой орографической системы стояло свыше 100 юрт, то есть почти то же количество хозяйств. Примерный подсчет площади кочевок дал 350-400 кв. км. Выкидывая км 50, как неудобные (пески, горные вершины и т.д.), получим на хозяйство в среднем 3-3,5 кв. км годового выпаса, т.е. то же, что и в Ара чжиргаланту. Сравнивая хангайские условия (2-2,5 кв. км), можно заключить следующее: плотность населения в значительной степени зависит от характера пастбищ. В среднестепной полосе на хозяйство падает 3-4 кв. км годового выпаса. В лесостепной (Хангай) – 2-3 кв. км. Подлежит большому сомнению значительное увеличение скота на старой экстенсивной основе хозяйства.

Вышеупомянутый крутой перевал через водораздел Харуха – Орхон ведет к широкой хундэй, идущей в почти западном направлении. Тип ее обычен. Плоские размытые формы рельефа, степная растительность, группа озерков и обильное население. Юрты и скот видны были везде. К югу от этой хундэй возвышаются валообразные небольшие горы Бага эриэн. Дорога идет южным краем упомянтой хундэй и перевалив через холм спускается к Хугшин Орхону против Барун хуриэ. Чуть ниже хуриэ, отроги Бага эриэн и отроги расположенной между обоими Орхонами к С.-В. от хуриэ г. Шанха почти сходятся, и Хугшин орхон проходит через небольшие ворота. После этого речка течет мимо восточных отрогов г. Шанха и выходит на Эрдэни цзускую равнину. В эту же равнину выходит и вышеописанная хундэй, частью упирающаяся в Хугшин Орхон и восточные отроги г. Шанха.

Барун хуриэ таким образом расположен довольно удачно. Место

закрыто с запада, севера и востока. Выше хуриэ долина Хугшина довольно широка, далее она раздваивается и к Ю.-В. виден лесистый и скалистый массив (Дулан хайрхан?). С севера и северо-востока его огибает долина Сарин гола. С западной стороны массив этот ограничен другой речкой.

Вопрос с верховьями Хугшин орхона для меня все-таки неясен. Горы Бага эриэн безлесны. Гора Шанха облесена хорошо.

Выехав из Барун хуриэ довольно поздно 24-го, мы одолели несколько неудобных оврагов и по бэлю Шанха спустились на Эрдэни цзускую равнину. Миновав монастырь, мы проехали еще около 5 км и остановились близ Орхона, на краю зарослей. На следующий день 25-го я поехал в сумун, для чего мне пришлось пересечь равнину поперек. Сумун был расположен в хундэй с хучжирными озерками Цаган нур, падающей к равнине с Ю.-В. Договорившись о проводнике я тем же путем вернулся домой. Вскоре подъехал проводник и я уехал в разъезд. Заночевал на Хугшин Орхоне. Утром 26-го проехал вниз до Лунгин обо, пересек равнину в западном направлении и поздно в темноте вернулся домой. На следующий день (27-го) утром я проехал в Эрдэни цзу, потом в Цзугин сумэ, на закате вернулся домой, а на следующий день (28-IX) мы тронулись дальше.

Эрдэни цзуская равнина огорожена с юга г. Шанха, с запада левобережными лесистыми горами Орхона, а с востока пологими степными увалами, переходящими далее в степные же горы водораздела Орхон - Харуха. К северу долина открыта. По обеим сторонам ее текут р.р. Орхон и Хугшин Орхон. Первая река выходит на равнину из узкого ущелья и идет сначала под самими левобережными горами, имея слева крутые обрывы. Ниже река постепенно отходит к востоку, оставляя слева широкую закраину. Слева в нее впадают пади Бага Арцату, Ихэ Арцату, Баян гол. Ниже Баян гола с запада открывается широкая долина Цаган сумэин гола. Далеко на севере видны горы около Тамирин Улан хошу, прорыв далее на север и горы около Угэй нура. Справа в районе исследований, помимо нескольких сухих логов, в равнину открывается одна, уже упомянутая выше падь с озерками Цаган нур. Около ее широкого устья, ниже, в равнину вдается островок с горкой Лунгин обо. О воде Орхона говорить не приходится. Хугшин Орхон беден водой. Постоянно вода имеется около Барун хуриэ и немного ниже. Против начала равнины вода обычно уже исчезает и далее идет сухое русло, исчезающее в нижнем болоте. Кроме Хугшина имеется ключ, начинающийся в нижней части пади Цаган нур, близ Лунгин обо. Ключ этот течет под холмами правой стороны равнины, отделяя от них Лунгин обо. Мне не известно, теряется ли этот ключ ниже в болоте, или течет и дальше. Этой водой ограничивается

орошение Эрдэни цзуской равнины. Левобережные пади Орхона осенью внизу безводны (Баян гол?).

Ниже Лунгин обо начинается болото.

Выехав по Цэцэрлигской дороге, мы доехали на второй день до ур. Хуйсу, где нас застал большой снег. С большим трудом, пробиваясь через пургу, добрался я верхом до Цэцэрлига, куда мои телеги прибыли только через несколько дней. На этом и была закончена собственно полевая работа экспедиции, хотя я и сделал для ознакомления разъезд к Субурга хайрхану, а затем через Хан ундур и Хануй выехал в Ван хуриэ, откуда вернулся в Уланбатор.

(АИГМ №107, машинопись, автограф) **[1930 г.]**

А.Д.Симуков

Материалы Хангайской экспедиции 1930 года

Характер почвенного покрова в Улхуин булуне

Место изгиба Толы мною осмотрено бегло. Восточная часть ровная, более бедная растительностью, часто сухая, главным образом, глинистая поверхность с редкими оптимальными или избыточно увлажненными понижениями, соответствующими весьма старым протокам. Западная часть богата водой в виде многоводных глубоких проток, питаемых ключами. Протоки эти извилисты и в значительной мере заболочены, особенно по краям. Не всегда безопасны для переезда ввиду вязкости и глубины. Безопасна открытая от берега до берега вода, где под илом обнаруживается песок. Старые протоки образуют цепи болот, мокрых кочкарников и озерков. В остальном, картина почти та же, что и в восточной части - почти оголенные галечники, кочкарники, мокрые и сухие и более или менее ровная луговая поверхность. Недостаточно увлажненных ровных глинистых площадей мало. В обеих частях большие площади среднего увлажнения заняты дэрисуном, на корнях которого образовались бугры, гряды и вообще повышения. Таким образом, создается впечатление, что дэрисун заселяет бугры, в то время как он сам является их созидателем. Повышения эти, главным образом, эолового происхождения, пыль и почвенные частицы, осевшие в зарослях плюс продукты разложения корней и стеблей дэрисуна. Таким образом, мы имеем:

1) Первичные речные отложения (песок и галька), подземный рельеф которых представляет собой, по-видимому, ряд возвышений, разделенных понижениями, соответствующими различного рода старым руслам. Местами эти отложения почти выходят на поверхность.
2) Понижения подземного рельефа заняты вторичными речными отложениями (глина и песок), прикрытыми богатым гумусом почвенным слоем лугового типа. По этим же понижениям идут современные русла проток, часто заболоченных, и старые русла, образующие вышеупомянутые озерки, болотца и кочкарники.

3) Современные слабые повышения большей частью заняты дэрисунными буграми эолового происхождения. Первичные отложения вскипания не дают. Вторичные также. Бурное вскипание обнаружено в гумусном почвенном слое понижений и менее бурное в значительных толщах эоловых отложений и вторичных отложений под ним. Увлажнение поверхностного слоя очень пестро – от избыточного до недостаточного, но на небольшой глубине оно почти всегда избыточно. Такова примерная почвенная схема окрестностей нашей стянки в Улхуин булуне.

Почвенный разрез № 5.

Изгиб Толы. Улхуин булун.
1-ая терраса, галечник с плохим покровом.
Глубина разреза - 30 см.
Почвенный слой /А/ - 7 см.
Горизонт В - песок с галькой, есть прослойка одной гальки.
Вскипания не обнаружено. Увлажнение оптимальное, внизу избыточное. Близок водоносный горизонт.
Горизонт А богат гумусом темного цвета, слабо пронизан корнями, проникающими частично в песок. Покров плохой низкий и редкий. В горизонте А обильна галька. Образец горизонта А.

Почвенный разрез № 6.

Там же в 30 метрах.
1-я терраса, слабо кочковатый луг.
Густота покрова – 1.
Глубина разреза – 65 см.
Горизонт А (почвенный слой) – 14 см.
Затем идет тонкая прослойка песку (1-2 см).
Горизонт В - синяя глина с примесью песка.
Увлажнение почти избыточное.
В месте водоносного горизонта (45 см) яркая ржаво-бурая окраска.
С поверхности вскипание бурное. Начиная с прослойки песка и ниже вскипания не обнаружено.
В нижней части почвенного слоя менее бурное.
Горизонт А богат гумусом темного цвета, густо пронизан корнями, почти не проникающими дальше. Дерн очень плотный. Образец горизонта А.

Почвенный разрез № 7.

Там же в 30 метрах от № 5.

Закраина бугра с <...>.
Глубина разреза - 90 см.
Горизонт А густо переплетенный корнями, супесчаный сухой рассыпчатый, слой 18 см.
Горизонт А - 34 см, сероватая супесь с корнями. В сухом виде светло-желтовато-серого цвета.
Горизонт В - сухой мелкий песок с примесью глины с гнездами и прослойками чистой (почти) синей глины. Вскипание обнаружено по всему разрезу. Сильнее всего (бурное) на границе горизонта А и В. Ниже в горизонте В слабее. В горизонте А слабо, с поверхности малозаметно.

Характер Тольских сенокосов близ Баярту дугана

На месте обследования рельеф таков. Над рекой незначительно возвышается первая терраса, собственно современная долина. Эта терраса и занимает максимальную площадь. На ней располагаются покосы. В большинстве оптимальное увлажнение, максимальная густота и высота травянистого покрова. Илистая наносная почва, нетолстым слоем лежащая на речных песках и галечниках. Вскипания не обнаружено. Терраса изборождена руслами крупных и мелких протоков, а также понижениями, соответствующими старым протокам. Ивовые заросли сопровождают эти русла и понижения (главным образом), а также отдельными кустами заселяют некоторые лужайки. В травянистом покрове видную роль играет вострец, в некоторых местах лук. Довольно часто попадаются почти оголенные площади с галькой на поверхности. Пробы я не брал, но предполагаю здесь либо погребенный галькой ил, либо (вероятно) старые галечные бугры, но занесённые впоследствии илом. Отдельные места, покрытые сверху почвой, также оголены. Слабо намеченной второй террасой служат довольно редкие, невысокие плоские гривки с недостаточным увлажнением. Здесь тотчас же появляется обильный ковыль, служащий их показателем. Супесчанная почва на том же редком песке и галечнике. Вскипания также не обнаружено. Третья терраса, определяющая древнюю долину, высока – не менее 8, а местами и 10 метров. Увлажнение недостаточное. Показателем служит ковыль и карагана. Далее идут уже горные склоны, мною детально не осмотренные. Ширина долины при определении на глаз 5-8 верст. В зарослях, кроме ивняка, других древесных пород я не видел.

Образцы кормов

Площадка № 1. Близ Баярту дугана - 1 м^2
Высокая сухая (2-я) терраса над Толой.

Ровная. Тип плакорных степей.

Зеленых полынок	-	120
Вострец голубой	-	60
Разных полыней	-	2
<...>	-	50
Хяг	-	100
Хацзар	-	15
<...>	-	2
Лебеда	-	5

Мелкая харагана. Массой превалирует <...>

Нижний ярус – общая травянистая масса - 10-15 см

Верхний ярус – метелки ковыля - 35-40 см

Общую массу составляет <...> и хяг. Изредка попадается лук (табунхуль) в совершенно высохшем состоянии с остатками семян.

Площадка № 2. Там же - 1 м^2

Условия те же.

Больше голубого вострека, чем в № 1.

Общая масса <...> и голубой вострец.

Нижний ярус - <...> - 15-20 см

Верхний ярус - <...> - 35-40 см

Площадка № 3. Там же - 1 м^2

Хороший участок над нижней (1-й) террасой.

Оптимальная увлажненность. Заболоченности нет.

Верхний ярус – сплошная густая поросль вострека – 40-50 см

Нижний – редкая мелочь

Сухой вес – 75 (750 кг/га)

Площадка № 4. Тот же район. Ниже на 3 км. 1-я терраса на острове.

Ровная, сухая. Недостаточная увлажненность.

Почти исключительно <...>, затем хяг.

Остального немного. Попадается лук.

Верхний ярус – метелки ковыля – 50-60 см

Нижний ярус - <...> - 10-20 см

Площадка № 5. Там же. Нижняя терраса. Ровно. Оптимальное увлажнение. Редкие кусты ивняка. Густота – 0,9

Хяг, вострец, зонтичные.

Первый ярус (сверху) – лебеда – 40-50 см

Второй ярус (сверху) – вострец – 35-45 см

Третий ярус (сверху) – остальное – 15-20 см

Сухой вес – 205 ; 2050 кг/га

Площадка № 6. Почти там же, где и предыдущая.
Оптимальное увлажнение. Редкие кусты.
Густота 0,6 – 0,7.
Преобладает лук.
1 ярус (верхний) – лебеда и полынь - 60-65 см
2 ярус - лук (головки) - 40-50 см
3 ярус - остальное до 25 см

Образцы почв

Почвенный разрез № 1 (к площадкам 1-2). Обрыв над оврагом на верхней террасе Толы, соответствующей плакорной степи. Толщина почвенного слоя (А-В) – 70 см. Ниже – угловатый галечник. Галька с карбонатной корочкой снизу, разных размеров. Слой гальки в 60 см связан темно-серым песком, глубже – белым, с прослойками чистого песка. Разрез прослежен на 250 см. В почвенном слое гнезда гальки также со следами карбонатной корочки. Почвенный слой отваливается характерными призматическими отдельностями.

Горизонт А. 0-15-20 см серо-бурого цвета. Далее идет более светлый.

Горизонт В. 15-20-45-50 см с почти белыми гнездами. Ниже – галечник. Глубина вскипания – 12 см, бурного – 15-16 см. Весь почвенный слой пронизан свежими и отмершими корнями, главным образом горизонт А. Песок в галечнике вскипает слабо. Взяты горизонт А и горизонт В.

Почвенный разрез № 2 (к площадке 3). Пойма р.Толы у обрыва верхней террасы.

До подпочвы не дошли. Глубина разреза 65 см. Илистая почва.

Горизонт $А_1$ 15 см. Темного цвета. Густо переплетен корнями.

Горизонт $А_2$ 10 см. Темного цвета. Густо переплетен корнями.

Глубина вскипания 25 см.

Горизонт В 25-30 см, темный.

Горизонт С Ниже – совсем темный.

Взяты горизонты А и С.

Почвенный разрез № 3 (к площадке 4).

Общая глубина разреза 60 см. Толщина почвенного слоя 45 см. Ниже – речной галечник с песком (сырой). Верхний слой ($А_1$ – 9 см). Рыхлый, сильно песчанистый, с корнями. Весь почвенный слой однотонный, серый. Строение мелко-комковато-пылеватое. Корнями прорезан главным образом

A_1 и A_2 слой до 20 см. Отмершие корни на гальке. Вскипания не обнаружено. Образец смешанный A_2 и A_1.

Почвенный разрез № 4 (к площадке 6).
Глубина разреза - 35 см. Почвенный слой – 22 см
Ниже – песок с галькой (речной). Цвет темный, ровный. Вскипания не обнаружено. Корни до песка.
Образец горизонта А.

Эрдэни цзуская долина, как место для зерногосхоза

Под названием "Эрдэни цзуская долина" я подразумеваю долину верхнего участка среднего течения р. Орхон, на протяжении от мон. Эрдэни цзу до оз. Угэй нур (примерно <...> км). Долина эта образована двумя реками, именно Орхоном и Хугшин Орхоном, имеет направление с юга на север, широка (до 15 км ширины) и плоскодонна.

В былые времена, как известно, местность эта была центром оседлости, о чем свидетельствуют многочисленные развалины вплоть до развалин городов, а также следы древних оросительных канав и пашен.

Это обстоятельство в связи с наличием возможностей орошения и сравнительно небольшой абсолютной высотой места послужило поводом к тому, что в задания Хангайской экспедиции было включено предварительное исследование данного района с точки зрения организации зерногосхоза. Мною был осмотрен верхний (южный участок) Эрдэни цзуской долины в непосредственной близости от монастыря Эрдэни цзу (он открыт на север и огорожен горами с запада, юга и востока). Горы к западу высоки, частично (вверху) облесены и круто ниспадают к долине. Восточные горы же низки и безлесны, мягки по очертаниям и спускаются к долине пологими мысами и увалами. С юга долина замыкается горой Шанха, разделяющей здесь долины Орхона и Хугшин орхона. На этой горе, несколько менее высокой, чем западные горы и более полого спускающейся к долине, также есть лес. В промежутке между восточными горами и г. Шанха, вдоль русла Хугшин орхона, Эрдэни цзуская долина дает довольно широкий рукав к югу, уходящий затем падью Шара буриду на восток, к горам Ихэ ирэн, где у перевала Бугэрин даба он и заканчивается. Осмотренный участок имеет в длину (с севера на юг) около 16 км и в ширину (с востока на запад) - 8 км. Иначе говоря, площадь его близка к 125 кв. км.

Все это пространство представляет собой почти ровную, слабо покатую к северу степь с преобладанием, в основном, ковыля. Мною было сделано 17 небольших почвенных разрезов по трем линиям (направление этих

линий и примерные места почвенных ямок указаны на прилагаемом плане).[1)]

Привожу подробное описание разрезов (Приведенные описания иллюстрированы прилагаемым чертежом).[2)]

Общие выводы о почве рассматриваемого участка можно свести к следующему.

1. Почвы рассматриваемого участка в огромном большинстве (кроме узкой линии вдоль Хугшин-Орхона) следует отнести к разряду буроземов.
2. Характер их большей частью супесчаный.
3. Вскипание, как правило, отсутствует.
4. Толщина почвенного покрова, в общем, незначительна.
5. Ниже залегает хорошо дренированная галечная или песчаная подпочва.

Поверхность участка слегка разнообразится редкими старыми руслами, сосредоточенными в западной части его, ближе к Орхону, небольшими впадинами и буграми. На последних выступает галька и почвенный слой сходит на нет. Но эти изменения рельефа крайне незначительны и в общем поверхность участка надо считать более или менее ровной. Общую площадь годной под запашку земли можно определить в 5-6 тыс. десятин.

Реку Хугшин Орхон по характеру следует отнести к разряду небольших степных речек. Она течет под правым берегом долины нешироким руслом, на 1-1,5 метра врезанным в степь. Вода доходит до собственно Эрдэни цзуской долины лишь в период дождей. Таким образом, на орошение этой водой сколько-нибудь значительного участка земли рассчитывать нельзя.

Иначе обстоит дело с быстрым и многоводным Орхоном, подмывающим левый крутой берег долины. Эта река течет почти без проток по галечному руслу, немного (метра на 2) углубленному по отношению к долине. Почти на всем протяжении вдоль описываемого участка русло Орхона сопровождается ивовой уремой.

На Эрдэни цзускую долину Орхон выходит из узкого, сжатого горами ущелья. Отвод капитальной канавы из Орхона не представляет особых

---

1) В архивных материалах план не найден (*прим. сост.*).

2) В архивных материалах описание разрезов и чертеж не найдены (*прим. сост.*).

затруднений. Уже в давние времена ламами Эрдэни цзу, в целях снабжения монастыря водой была проведена небольшая канава, головной участок которой находится как раз в устье ущелья (см. план). Канава эта действует до сих пор.

Ниже осмотренного участка в Эрдэни цзуской долине начинаются заболоченные луговые пространства, дающие приличный сенокос и допускающие при отводе болотных вод травосеяние.

Этот район осмотру мною не подвергался.

Сведения о нем имеются в работах С.И.Лебединского (1926 и 1928 г.г.). По его словам в нижнем участке описываемой долины (в окрестностях Угэй нура) имеются большие площади удобной земли, годной под непосредственную распашку. Абсолютная высота русла Орхона против мон. Эрдэни цзу около 1390 метров. Высота его около Угэй нура – 1275 метров. Ширина русла реки колеблется в пределах 20-50 метров (приблизительно). Скорость течения близ Эрдэни цзу (при воде немного выше среднего) – 1.5 метров в секунду, расход воды при тех же условиях - не менее 30 кубометров в секунду.

Истоки Орхона находятся в высокогорной зоне северных склонов главной магистрали Хангая, богатой в этом месте лесами почти таежного характера. Абсолютная высота Хангая в этом районе (в среднем 3000-3200 метров) и наличие лесных массивов обеспечивают значительные запасы влаги и гарантируют Орхон от высыхания. Регулирование же водоснабжения вполне возможно при устройстве плотины.

Снегу на этой долине выпадает сравнительно мало, население жалуется на сильные холода зимой, что вполне понятно, принимая во внимание размеры долины, открытой, вдобавок, к северу. Старые пашни сосредоточены преимущественно внизу, близ Угэй нура и устья Тамира. Кроме того, они имеются в восточной части осмотренного участка и по Цаган-сумэин голу, впадающему в Орхон слева, против Люнгиин обо.

Необходимо упомянуть, что С.И.Лебединским отмечен сильный град в середине июня, сопровождавшийся морозом до -2°С.

Географическое положение описываемого участка очень удобно. Мон. Эрдэни цзу связан хорошими автодорогами с Цэцэрлигом (130 км), с Арбай хэрэ и Хан хугшином (через Улцзэйту хан). Возможно удобное сообщение с Мишик гуном. Тракт Уланбатор – Цэцэрлиг пролегает в 60 км к северу. С гаражами Угэй нур и Хадасан также возможно автомобильное сообщение. Возможно прямое сообщение с Уланбатором (на самой прямой дороге, идущей через Ара чжиргаланту, мимо мон. Дольце гэгэн и местность Хутуль нур, есть, впрочем, небольшой участок песков).

Таким образом, результаты осмотра южного участка Эрдэни цзуской долины сводятся к следующему.

1. Почвы вполне пригодны для обработки.
2. Площадь достаточна велика.
3. Запас воды для орошения достаточен.
4. Площадь удобна для орошения.
5. Лес под руками.
6. Имеются в достаточном количестве сенокосы.
7. Участок связан удобными путями сообщения с соседними районами и Уланбатором.

Все эти данные положительны. К отрицательным следует отнести незащищенность участка с севера, что, в связи с указанной выше абсолютной высотой, должно сильно сокращать вегетативный период (см. указания С.И.Лебединского).

Конкретный вывод: организовывать на данном участке зерногосхоз рискованно. Во всяком случае необходимо предварительные метеорологические наблюдения. С другой стороны, освоение всей долины, ввиду удобства организации на ней крупного хозяйства, желательно. Поэтому необходимо:

1) дополнительно исследовать ее северный участок (около устья Тамира и Угэй нура), лежащий более, чем на 100 км ниже описанного, по линии организации зерногосхоза,

2) определить рентабельность использования южного участка для животноводческого госхоза с подсобными посевами культур с короткой вегетацией и широкими травосеянием. Направление хозяйства может быть мясомолочным с выработкой масла и сыра. (Относительно организации овцеводческого хозяйства см. специальную работу “О возможностях организации овцеводческих госхозов в юго-восточного углу Ара-Хангайского аймага”).

Во всяком случае район Эрдэни цзу - Угэй нур безусловно заслуживает серьезного внимания, вследствие обилия воды, удобного географического положения, равнинного рельефа и других положительных факторов.

(АИГМ №120, машинопись) **1930 г.**

Программа Гобийской экспедиции Ученого Комитета МНР. 1930 год

Состав: руководитель экспедиции – А.Д.Симуков,
топограф – Ф.Большаков,
коллектор – В.Бадмажапова,
препаратор – В.Марчук.

Маршрут: Уланбатор – Дэлгэр–Хангай – Байшинту (Гурбан–Сайхан) – граница Хоток–ула и Шанхай ула – тамаган Хояр улцзэйту ула – Уланбатор.

Задания:
1) ликвидация метеорологической станции в Байшинту,
2) топографическая съемка по маршруту,
3) общее географическое описание по маршруту,
4) обследование вновь открытой большой пещеры на границе Хоток улы,
5) сбор ботанической и зоологической коллекций,
6) сбор фотоматериала,
7) по возможности сбор материалов по кочевкам, пастбищам, скотоводческому хозяйству, промыслам и т.п.,
8) работа по вопросу о переселении населения из засушливых районов на север,
9) регистрация исторических памятников,
10) сбор терминологического материала.

Срок экспедиции – 3 недели.

(А.Симуков)

(АИГМ №109, маш., тит. лист и примечания – автограф) **1930, 1935 г.г.**

А.Симуков

Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1930 года
(Исправлены и снабжены примечаниями в 1935 году)

В состав этой экспедиции вошли: автор, как руководитель, Ф.Ф.Большаков (топограф), В.Балашова (коллектор), В.Марчук (рабочий) и шофер А.Вагапов.

Мною был намечен следующий маршрут: Уланбатор – мон. Байшинту (Гурбан сайхан) – Гурбан цзэрдэ – г. Хояр улцзэйту – Уланбатор.

Экспедиция выехала на автомобиле "Додж" **9/VII**, в 16 часов 20 минут, под проливным дождем, иногда прекращавшимся.

Тургэн гол, сухой в месте переезда в нормальное время, шумел, но мы перебрались через него без затруднений. Довольно поздно, после заката, спустились к Бухуг голу. Машина шла по сырой земле очень тяжело. По степи резала колесами и на ровном месте нужна была 2-ая, а иногда и 1-ая скорости. По долине Бухуга довольно редко были разбросаны аилы. Ночь выдалась без дождя, с участками ясного неба. К утру же снова затянуло и моросил дождь. Бухуг, несмотря на большую воду, переехали хорошо. На другой стороне по дороге трясины нет. Почва глинистая и есть глубокие колдобины. Подъем по пади к Ганга даба был нелегок, несмотря на пологость, из-за сырости почвы.

Трава на всем участке Уланбатор – Ганга даба в прекрасном виде, вследствие обильных дождей. Чуть ли не основной фон дает вострец и, следовательно, качество корма очень высоко.

По Шарахай хундэй почва стала заметно суше и автомобиль сразу пошел быстрей. Дождя здесь выпало несомненно меньше, хотя травы были тоже очень хороши. Встретились первые цзэрэ. По всему участку отмечено значительное количество пернатых хищников: степные орлы, сарычи и пр. В начале Шарахай хундэй встречена пара крупных соколов (типа *Falco cherrug*), из которых убита самка. Далее, в холмах, брали воду из колодца. Глубина водоносного слоя приблизительно 1,5 метра. Около Цзоргол хайрхана обедали. Здесь (немного раньше) мы выехали из-под циклона и увидели солнце. Около скал убиты *Monticola saxatilis* и *Saxicola*

pleshanka. По скалам у Хайрхана растет порядочный ильмовник (*Ulmus sp.*), толщиной в ногу. Из расспросов я узнал, что дожди (и небольшие) прошли недавно, а до того было сухо.

В большой Адацагской степи к югу от Хайрхана мы пересекли участок с очень плохой, выгоревшей травой, в дальнейшем ставшей гораздо лучше. Снова встретились цзэрэ и впервые бульдруки, здесь гнездящиеся (отмечены нелетающие птенцы). Общий характер степи – преимущественно злаковая с примесью полыни. Отмечены тарабаганы (в небольшом, сравнительно, числе) на равнине. На ночлег встали на кол. Баян хошу.

Типичная для Средне-Халхасской возвышенности картина. Ложбина с дэрисом, невдалеке солончак, на склоне колодец, рядом на бугре каменистые выходы.

В этот день население было встречено в вершине пади к Ганга даба, на южном его склоне, близ Цзоргол хайрхана, вдали под Адацагом и близ стоянки в Баян хошу.

Вечером начало снова надвигаться с С.-З. Над Уланбатором, вероятно, шли повторные дожди.

11/VII

Выехали около 7 часов. На подъеме проехали участок почти чистой луковой степи. Лук был сплошь в цвету. Далее снова пошла преимущественно злаковая степь с богатой примесью ковыля. Много прошлогоднего ковыля. К Ухтал Сангин Далаю корма пошли хуже. Дождь в этом районе прошел поздний и малый. В перегоне за Сангин далаем появились *Phrynocephalus*'ы. В разных местах все время попадались цзэрэ и боцзолаги. Последние – один из видов суслика. Часто попадались участки караганной степи. В травяном покрове явно преобладают злаки. Около Дэлгэр хангаяя встретились первые тойримы. С травой все хуже и хуже. Последний участок под Хошу хидом – изумительная дорога по очень бедной равнине уже пустынного характера. Здесь появился багалур. Против Дэлгэр хангая на тойриме – хармаг по буграм. Основываясь на вышеприведенных признаках (граница тарбаганов, граница ящериц, не принимая во внимание лишь злаков) можно считать северную окраину хошуна Дэлгэр хангаяй полосой скорее полупустынной, нежели степной. В Хошу хиде меня ожидала новость: Онгиин гол течет уже в продолжении 7-8 дней. Сюда он не докатывался, кажется, 4-5 лет. Ночевали мы несколько ниже монастыря, на берегу реки, в песчаных буграх с дэрисуном[1)].

1) О районе Сангин Далая и Хошу хида см. работу Б.Б.Полынова и В.И.Лисовского

12/VII

Утром выбрались на левобережную террасу и покатили по изумительной дороге. Чем дальше вниз, тем чаще стал попадаться багалур, свежий, очевидно, недавно появившийся. Завиднелись Сайханы. На песчаном пространстве перед плоской возвышенностью Баян тэг пришлось ехать напрямки – не нашли отворота с большой дороги. Здесь залегает песчаная пустыня, густо поросшая типичными кустарниками, вплоть до мелкого саксаула. С Баян тэга той же кустарниковой пустыней, более редко насаженной, спустились к тойриму, находящемуся к востоку от Онгиин улан нура, где подняли первую хара-сульту (*Antilope subgutturosa*). Далее хара-сульты попадались все время. Около тойрима в аиле я расспрашивал о засухе. Дожди здесь и далее к югу прошли лишь незадолго до нашего проезда, до того же была засуха. Теперь трава поправилась и пустыня зеленела. Не доезжая Баян цзага, на песчаном подъеме мы окончательно сожгли диски сцепления, подорванные еще Баян тэгскими песками, и застряли до следующего утра. Из-за позднего дождя луки, например, вылезли недавно и только собирались цвести.

В район нашей дороги из Шанхай-ульского хошуна, где была засуха, никто не перекочевывал. Говорили, что много народу скочевало к Годли балгасу и Мани голу у Цзун сайхана. Кругом кое-где в этот день прошли хорошие дожди с грозой.

13/VII

С машиной мы провозились до обеда. Я сфотографировал ряд растений. Затем тронулись дальше. Почти без остановки проехали Баян цзаг[2)] и выехали к ключу Дала. Воды в нем, по-моему, в этом 1930 г. было больше, чем в 1929 г. На ключе стояло до десятка юрт. Ключ Дала течет из под террасы, окружен в начале дэрисуном, ирисом и т.п. Невдалеке от него я застрелил цаган цзэрэ. На перевал Халга поехали прямой дорогой. Подъем по бэлю отличный, твердый, равномерный, без оврагов. Корма были вполне хороши. Кое-где были видны юрты. Сзади нас очень медленно догонял сухой туман. Остановились у колодца Амаин усу. Он находится в правом от дороги боковом ущельице, непосредственно под хребтом Халга, среди размытых пластов песчаника (?). Воды много, и

"Рекогносцировочные исследования в области Северной Гоби". АН СССР, мат. комиссии по иссл. Монг. и Тув. Народ. Респуб. и БМ АССР, вып. 9.

Через Хошу хид шел еще П.К.Козлов в 1908 году.

2) Одно из мест работ американской экспедиции Р.Ч.Эндрюса 1925 года.

вода хорошая.

14/VII

Утром стали подыматься дальше. Оказывается, не зря существует окружная к востоку дорога, так как из ущелья к перевалу надо выбираться по крутому мысу. Наша машина с трудом взяла первый взлобок, а дальше пришлось разгружаться, втаскивать вещи наверх, а авто задним ходом едва залез наверх при нашей помощи[3)].

Дальше пошло легко, а вниз с перевала и совсем хорошо. До самого Байшинту докатили быстро. Л.С.Пучковский встретил нас за монастырем[4)]. Устроившись, мы с ним и с Ф.Большаковым в качестве шофера покатили по Цончжиин цзам в тамаган, перекочевавший в 1930 г. в Баян тухум[5)]. Дорога отличная. На самой дороге от Баян далая до Тухума воды нет. В тамагане, поговорив предварительно о делах, я учел возможность побывать в хр. Баян цаган; часов в 10 вечера пришли 4 коня при двух людях и мы отправились вверх по крутейшему и очень каменистому бэлю.

Но о поездке этой ниже. Вернулись в тамаган около двух часов пополудни следующего дня. Закончив окончательно все разговоры, под вечер мы двинулись обратно и приехали в Байшинту довольно поздно, уже в темноте. Следующий день (16/VII) был посвящен делам, касавшимся Л.С.Пучковского, вечер – кое-какой укладке, а 17-го, уже в четвертом часу дня мы смогли выехать. Сначала заехали в Баян далай к проводнику нашему Бацзару и далее покатили на восток по Цончжиин цзам. Дорога очень хороша. Несколько в стороне остались колодцы Утугэр, Чжимагэр и Чиндамани[6)]. От вулканического холма Чиндамани с большим обо на нем, мы свернули наискось к северу, чтобы попасть к подножью Цзун сайхана. Бэль ровен, глубоких оврагов нет, камня мало. До подножья доехали легко. Остановились в ущелье Шара амаа у колодца.

18-го утром я с Ф.Большаковым сделал экскурсию в высокогорную часть.

---

3) Впоследствии выяснилось, что мы поднимались не в том месте где следовало.

4) Студент Л.С.Пучковский был оставлен в мон. Байшинту нашей экспедицией 1929 года для производства стационарных метеорологических наблюдений в течение одного года. В 1930-м году я забрал его в Уланбатор и снял метеорологическую станцию в Байшинту.

5) До этого хошунное управление находилось у мон. Цаган дэрэсу на южном склоне Цзолэна.

6) Через Баян тухум и здесь проходил в 1899 году А.Н.Казнаков, а около Чиндамани – П.К.Козлов (см. ниже о его астрономическом пункте).

Из географических добавлений: кол. Шинэ хобур (астрономический пункт П.К.Козлова) теперь называется Баян хобур. Он находится к югу от холма Чиндамани. Последний холм – вулканический. Бэль Цзун сайхана пологий, ровный, не каменист. Хребет Цзун сайхан широк. В нем можно различить следующие части: северная гряда – довольно высокая и скалистая, средняя часть ее особенно богата скалами, местами труднодоступна и носит название "Йола". Западная часть и центр – низкие, частью холмообразные горы, местами имеющие характер почти "царама",[7] иногда скалистые. Южная часть – изрезанная, раздельная, высокая группа. Высшая точка – Хошу обо. Кроме нее сильно выдается седлообразная весьма крутая и скалистая сопка Агцза. Подъем на Хошу обо весьма легок с запада по ущелью, устье которого называется Шара амааа. Кроме колодца того же названия в этом ущелье есть колодец Булаган хошу, а почти у западного подножья Хошу обо – ключ Ара шанда. Несколько восточнее его в соседнем ущелье – ключ Бумба. Чуть в стороне от Шара амааа, к С.-З от Агцзы – маленький ключ Сучжи. Над бэлем к западу от кол. Шара амааа, км в 2-3 – кол. Баян обо. Ур[очище] Уголцзин тологой – без воды, находится чуть к востоку от Шара ама. Общий характер массива Цзун сайхана – параллельные валы, направления грубо с востока на запад.

В хр. Баян цаган на южном склоне воды почти нет, на северном, кажется, много колодцев в ара ходасе[8]. Ущелья круты и весь хребет весьма и весьма скалист. Бэль крут и очень каменист. Хр. Цзолэн производит сверху очень странное впечатление: он кажется плоскогорьем, страшно изрезанным, горы как-будто одной высоты.

От Байшинту мы выехали на Баян далай, а затем направились на восток по Цончжиин цзам. Дорога превосходна. Указанные Казнаковым колодцы Утугэр и Джимагэр, расположены в самом тальвеге ара хоолая[9] Ихэ аргалинту; дорога идет здесь вдоль тальвега, к С. от него. По тальвегу нитрариевые бугристые пески. Саксаула нет. От холма Чиндамани мы без дороги свернули к Цзун сайхану и стали подниматься по бэлю. Подъем хорош. Длинен, но не каменист. Без особых затруднений поднялись, спустились около самых гор во врезанный в бэль сайр и проехав с версту

---

7) "Царам" – слегка всхолмленная междугорная высокая плоскость или очень широкий и плоский гребень возвышенности или хребта.

8) "Ходас" – высокая междугорная продольная долина, иногда тоже всхолмленная.

9) "Хоолай" – в Гоби широкая (иногда до 30-40 км ширины) слабо вогнутая продольная долина, а в более узком смысле – тальвег или дно такой долины. Ара - северный, задний. Убур – южный, передний.

вверх, стали среди скал около колодца Шара амааа. После стоянки в Цзун сайхане мы поехали восточным краем сайра прямо вниз и на нижнем перегибе бэля, когда кончились русла, свернули на восток, к ур. Цаган гол, расположенному к С. от горок Булаган хурумэин.

Вскоре подошла тропа, ведущая очевидно от Чиндамани. К вечеру мы были на Цаган голе. Ключ этот до 1,5 км длиной, начинается под террасой, подошедшей от Цзун сайхана низкой гряды. Около него два отдельных вулканических холма. Ниже, к югу, в нескольких км - горки Хурум. На Цаган голе мы ночевали. Далее поехали без дороги на левый край этой гряды (вулканическая же) по изумительно гладкой степи. Левее остался ключ Цаган дэрис, правее, около гряды, кол. Ганца тологой худуг. Далеко не доезжая Цончжиин цзам[10)], сворачивающей здесь далее к югу (ее здесь и около Байшинту называют почему то "Шара цзам"), мы свернули на восток по направлению к горам Буур и севернее Улцзэйту ундура. Последний низкой грядой холмов соединяется с горами Бага аргалинту. Последние же связаны с Ихэ аргалинту. Расположенный на убуре Булаган хурума Шюлютуин хуриэ остался, таким образом, в стороне. Левее (севернее) плоского хоолая, по которому мы ехали, осталась низкая плоская возвышенность, отделенная широкой седловиной от гор Буур. Далее мы, постепенно поднимаясь, стали объезжать Улцзэйту ундур с севера и втянулись в широкую долину между последним и горами Буур. Улцзэйту ундур – невысокая, почти лишенная воды (на северном склоне ее нет) гряда, вытянутая в восточно-западном (грубо) направлении. Западная часть более высока, восточная – просто шлейф низких холмов.

Горы (не более 200 м над бэлем?) Буур в западной части – также просто гряда низких холмов. Лишь далее, в центральной части их, видны более высокие массивы. Миновали расположенный на убуре Буура кол. Сайрин худуг. Затем проехали перегиб долины. Падение стало на восток. Заехали к кол. Хушо худуг, осмотрев по дороге три хушо (намогильных камня) без надписей и без рисунков. Колодец этот также расположен на убуре низких холмов Буура. Далее, все по той же долине (против Хушо есть еще колодец к югу у подножья южных холмов, там как-будто прорыв к Номоганскому ара-хоолаю) мы выехали к большой шанде (тойриму) с остатками воды. У В.А.Казакевича эта шанда названа "Хярин нур". Здесь долина замкнулась. Шлейф Улцзэйту ундура примкнул к холмам хр. Буур; мы взяли к югу, въехали на холмы. Открылся гладкий ара хоолай

10) Цончжиин цзам – дорога в Цончжи (Гучен), т.е. старая караванная дорога из Китая (Калган, Хуху хото, Баоту) в Синьцзян. Название "Шара цзам" является почтительным, так как желтый цвет в Китае считался императорским.

Номогана и самые горы, имеющие с севера очень дикий вид. Пересекши неширокий хоолай мы стали на колодце Уцзюр сучжи, так как я решил передневать в Номогане. Колодец этот расположен над бэлем восточного конца Ихэ номогана среди пятна ириса и дэрисуна, под самыми скалами. Вечером я сбегал на охоту, а 22-го сделал экскурсию на вершину. Номоган делится на три части. Центральный массив, собственно Ихэ номоган, резко встает над пустыней, высок, очень крут, скалист и изрезан. Ширина его не превышает 5-6 км. Непосредственным продолжением его к западу служит Барун номоган, значительно более низкий и более широкий. В самом хребте воды нет. На северном склоне Барун номогана – кл. Булаг сучжи, Ихэ номогана - кол. Уцзюр сучжи. Южные склоны Ихэ номогана, может быть, чуть мягче. Есть 1-2 колодца. Ихэ номоган можно перевалить верхом по крайней мере в 2-х местах, где в основном гребне имеются глубокие седловины. Восточная лежит к западу от вершины с двумя малыми обо, западная – к востоку от главной вершины (одно обо). Через главную вершину проходит граница хошунов Гурбан сайхан ула и Шанхай ула. Хребет вытянут с С.-З. к Ю.-В. Бага Номоган ниже, как-будто немного шире, расположен к Ю.-В. от Ихэ номогана и вытянут в том же направлении, может быть чуть более широтно. Он отделен от Ихэ номогана высокой и широкой седловиной, образованной продуктами выноса и изрезанной оврагами. С вершины Ихэ номогана открывается широкий вид во все стороны. К северу, за низкой и узкой грядой Буурин хира, видна Хан ула, плоская “тэбши”[11)] вулканического происхождения.

Ближе и к востоку виден огромный тойрим Годли балгаса. Далее к северу, правее понижения Мани гола[12)], видна окраина Шанхайского нагорья с незначительными повышениями. К С.-В. видны Гурбан гэдэрэг, границ которого я определить, за незнанием, не мог, и более четкая группа Хачиг. Ара хоолай Номогана км в 30 к востоку замыкается или почти замыкается возвышением, отделившимся от Бага номогана. В хоолае видны два озерка Хармагтай. За Бага номоганом довольно четко встают горы Хурхэ. Выделяется одна конусообразная вершина. Далее на Ю.-В. и Ю. четко намечается лишь гряда Цохио - Устин гурбан ундур.

---

11) “Тэбши” – “корыто”. Большинство плоских с обрывистыми крутыми краями вулканических останцов носит в Монголии указанное название вследствие сходства таких гор с перевернутым корытом. Услышав подобное название, можно процентов на 80 быть уверенным, что имеешь дело с горой вулканического происхождения.

12) Мани гол (от имени мон. Мани хурал) – ара хоолай Цзун сайхана, иначе Бацзар хуйтэн. На его юго-восточной окраине расположен теперь Далан цзадагад – аймачный центр Южно-Гобийского аймага.

Продолжением этой гряды к западу служат какие-то светло-желтые холмы, уходящие довольно далеко. На самом Ю.-З. горизонте синеет, очевидно, Цаган ула. В направлении Эцзингольских озер – почти равнина, ограниченная с севера обоими Аргалинту и Цзурумтаем. Ближе, на понижении между Номоганами и Цохио, видны низкие грядки. Правее (к западу) Цохио торчит одинокая конусообразная горка Того хайрхана. За восточным концом Цохио видны еще две небольшие, но довольно высокие грядки. Вдали на С.-З. видны Цзолэн, Хонгор обо, Баян цаган, массив Цзун сайхана, Хурум. Хр. Ихэ аргалинту имеет на севере отдельную параллельную гряду, отделенную от основного хребта ходасом. На северном бэле этого хребта полоса плоских песков, называемая Хонгиль. Вершина его носит название Баян ундур. Бага аргалинту– собственно расплывчатый араг[13] бугром, с песками на бэле и в самых горах. Один вариант Шара цзам уходит через холмы между Улцзэйту ундуром и Бага аргалинту к кл. Борцзон южнее г. Хурхэ.

Теперь кое-что о растительности. Всю пустыню к югу от Сайханов до Аргалинту (как-будто), по крайней мере до Шара цзам, нельзя назвать кустарниковой. Крупный кустарник отсутствует начисто (за исключением, разумеется, "гол гацзар" в тальвеге[14]). Встречается лишь мелкий тэсх (*Eurotia ceratoides*). Однолетние – обычных видов: местами почти чистый багалур (таких мест мало), местами (особенно к Цзун сайхану) хилагана, местами тана или тана с хилаганой. Местами же, особенно внизу, не было совершенно ничего. Это места, где за лето не упала ни одна капля дождя. По окраине Баян тухума - бугристые пески с шара бударганой. По тальвегу ара хоолая Аргалинту - бугристые пески. В Цзун сайхане в средней зоне по сайрам очень заметен темно-зеленый хара шабаг. По склонам характерные пятна арцы, правда, в этом году очень хилой, желтоватой. Специально горной, альпийской флоры почти не видно. У подножья Тахилги (Хошу обо) нами был встречен миниатюрный альпийский мак. В остальном вся растительность носит скорее полупустынный характер. Кустарника, кроме арцы, мало, больше по скалам. Буйлэса почти не видно. С альпийской флорой было тем хуже, что под самой Тахилгой стоял аил и все кругом было основательно

13) Араг – гобийское слово, обозначающее чаще беспорядочное скопление невысоких холмов, иногда на большой площади.

14) "Гол гацзар" – "речное место". Так в Гоби называют либо окрестности одного или нескольких ключей со специфической растительностью (дэрис, нитрария, шара бударгана, солончаковые луга), либо полосу этой растительности, обусловленную близостью подпочвенных вод, почти обязательно в тальвеге хоолая.

вытравлено.

Далее растительность носила тот же характер. Ровная пустыня, местами бесплодная, местами с небольшим однолетним покровом. Мелкий тэсх почти повсеместен. Ара хоолай Номогана был почти бесплоден. В самых горах Номоган кустарниковая эфедра, карагана, а в остальном вплоть до вершины – пустынная растительность. Словом, типичные гобийские горы. Суровые, пустынные, каменистые, безводные.

Животный мир представляется в следующем виде. По степи почти повсеместно (кроме тальвегов, разве) наравне с хара сультами встречаются цзэрэ, придерживающиеся, впрочем, более богатых кормом мест, что не всегда можно сказать про хара-сульт. В районе Улцзэйту ундура (вокруг него) неожиданностью для меня оказались хуланы (*Asinus hemionus*), в довольно значительном количестве. Далее к востоку их нет. Несколько хуланов держались в районе Баян далая. Убитых нами в Баян цагане горных козлов мы застали на утренней кормежке на дне ущелья. Их всего было 2. Проводники видели нескольких самок. Там же в Баян цагане я видел помет хойлыков и след барса.

Мне удалось довольно хорошо ознакомиться с животным населением Цзун сайхана. Здесь есть барс, много волков (видели трех), козлы (видели стадо голов 5-6), аргали. Есть гриф, ягнятник, хойлики (*Megaloperdix*). В посещенной нами части козлы держатся в районе Агцза хайрхана и далее к Тахилге[15]. Кроме того они же должны держаться и в северной гряде Цзун сайхана (Йола). Аргали мы, по указанию проводника, буквально во множестве встретили в северо-западной части массива, когда с одной точки были видны одновременно не менее 5-6 табунков. Две самки были нами убиты. Слиняли, но еще носили остатки старой шерсти. Молодые к этому времени уже основательно подросли, как и у цзэрэнов. Цзэрэ между прочим приносят одного, хара сульта - почти всегда двух детенышей. Далее и козлы и аргали были встречены в Ихэ номогане. Аргали в этих горах, против правил, не избегают бродить по скалам и крутейшим откосам. Я встретил почти на самом гребне трех уголцзинов, а Федя с Васей – самок с молодыми.

В Цзун сайхане, кроме того, встречены в большом количестве ухур огдай оготоно (*Ohotona Pricei?*). На самой Тахилге я видел очень интересного крупного вьюрка. Оперение – темно-серое с небольшим количеством темно-рыжего. К большому удивлению от самого Дэлгэр хангаяя и до Гобийн сангин далая мы не видели ни одной саксаульной

15) Тахилга - чтимая гора с обо. В данном случае это синоним названия “Хошу обо”, т.е. хошунное обо.

сойки. Кроме того в горах я не видел ни одной *Caccabis*.

От колодца Уцзюр сучжи дорога лежала по тому же хоолаю мимо Бага номогана и тойрима Хармагтай (как всегда, около него бугры с хармагом). Колодец того же имени. Далее, оставив узкое продолжение хоолая влево, мы стали пробираться по арагу. Пересекши его, мы достигли порядочной котловины, на дне которой, невдалеке от ключа, расположен мон. Сангин далай. Пересеченный нами араг, как всегда, запутан. К северу в гряде Буур, выделяется скалистая красноватая гряда Баян улан. Упомянутый араг, по-видимому, связывает Бага Номоган с Хурхэ. В Сангин далае нас одолевала томительная духота. Из этого монастыря мы выехали около полудня 24/VII. За небольшим бугром сразу же начался Хурхэин ара хоолай. Снизившаяся в араг гряда Буур перешла в гряду Хачиг. Ара хоолаем (дорога отличная) мы доехали до кол. Улан худуг, где пересекли маршрут южной партии экспедиции П.К.Козлова 1925 года. По дороге миновали кол. Даругай. Около Улан худуга мы выехали на северный вариант Цончжиин цзама, подошедший из Сангин далая же, и далее покатили по нему, почти тальвегом хоолая, вдоль северного склона гор Хурхэ. Дорогу везде можно считать хорошей, один только раз мы повозились в песке большого сайра тальвега. Хребет Хурхэ кажется с севера очень недоступным и высоким. Особенно это касается центральной части, расположенной к востоку от Хайчи даба. Бэля почти нет. Больших ущелий не видно, или они кажутся щелями. Весьма скалистые, сурового вида горы на глаз почти отвесно падают к равнине, переходя в нее внезапно. Это производит более сильное впечатление, чем например, в Баян цагане или в Ихэ номогане. Далее к востоку Хурхэ несколько снижается и идет ровной линией. Гряды группы Хачиг постепенно отступают к северу. Хоолай расширяется и горизонт на восток открыт. Дорога мало-помалу подошла к подножью гор Хурхэ.

В этом месте из гор выходит ущелье Уртуин гол с ключом, достигающим в дождливые годы бэля. В горах находится небольшой хурал называемый Уртугийн хурал. Сейчас же за устьем ущелья дорога огибает выдавшийся к северо-востоку мыс Хурхэ (на бугре стоит большое обо) и идет дальше поросшим буйлясом бэлем на Ю.-В. Снова приблизившись к горам мы въехали в ущелье-прорыв Цзамтэ, пересекли им крайнюю восточную оконечность Хурхэ и выехали на южный склон гор. Впереди на юге, отделенные от Хурхэ несколько бугристой седловиной, встали горы Ихи (?), за ними левее еще один кряж, левее его – еще один (имена остались неизвестными). Еще далее виднелась характерная вершина Ундур богда. Наконец последними на юго-восток в этом ряду стоят горы Хоту. На восток открывается бескрайняя Цзаг сучжиин гоби. Продолжая

ехать по Шара цзам, мы миновали Ундур богда, затем колодцы Нюдун и Цзамин шанда. Дорога подошла к северному бэлю г. Хоту. Решив осмотреть горы, мы свернули к ним, поднялись по весьма каменистому бэлю и въехали в ущелье. Тропинка указала нам колодец. Жители юрты, стоявшей поблизости, убежали при нашем приближении в горы. Колодец называется Ара сучжи. Утром следующего дня я сходил на охоту, затем экскурсировал; после полудня подъехали пограничники, вызванные жителями юрты. На пустой машине я поехал на пост. Последний стоял на кол. Шинэ усу, к югу от кол. Цзаг сучжи. Наутро 26-го к полудню я вернулся с новым проводником в лагерь, мы погрузились и отправились в объезд Цзаг сучжиин гоби с севера. По хорошей дороге (без троп) мы доехали до кол. Бугутэриин боро обо и заночевали на нем.

27-го утром подъехали к мон. Баг модо хурал[16], сменили проводника, расспросили обо всем и направились искать аил с баранами, так как продовольствие у нас вышло окончательно. Такой аил нашли в ур. Бурханту.

Горы Хоту – порядочная группа довольно разнообразная по петрографическому составу. На окраине выступают светлые глинистые сланцы. В центре горы двух цветов: зеленые и красноватые. Внутри гор можно различить несколько частей. Западная – высокий кряж, круто обрывающийся внутрь гор, к сайру и размытыми ущельями и мысами спускающийся к широкой и пологой седловине в направлении Ундур богда. Восточный хяр наиболее высок и весьма скалист. Средняя часть заполнена запутанной системой остроконечных зеленых и красных горок, прорезанной узкими ущельицами. Особо выделяются юго-восточная часть, зеленоватого цвета, отделенная от северной части понижением. В посещенной нами части два больших русла, отделяющих среднюю пониженную часть от высоких боковых.

Общий характер гор – очень изрезаны, скалисты и каменисты. Весьма заметная гора Ундур богда – по всей видимости вулкан. Темная порода, кажущаяся издали почти черной, с красными подтеками россыпи. Вершина кольцеобразна и похожа на кратер. С одной стороны последний разорван ущельицем. Гора одинока и стоит на высоком пьедестале. К югу от нее есть еще две плоские черные горки, подтверждающие основной вулканический характер Ундур богда.

Теперь о Цзаг сучжиин гоби. Наибольшее понижение, по-видимому, около колодца Цзаг сучжи. Горы Хоту спускаются к этому понижению довольно крутым и очень каменистым бэлем, изрезанным небольшими

16) “Баг модо” – “роща деревьев” (хайлясы по руслам).

руслами. Ниже идет неширокая полоса мертвого, упавшего, очень старого саксаула, затем довольно редкий живой саксаул. Последнего, вообще, немного. В самых понижениях ярко зеленеет шара бударгана. Почва – вероятно исключительно красная глина. Бугристых песков мало. С юга эта гоби замкнута небольшим повышением с грядкой Баян хара. С севера идет окраина Шанхайского нагорья – ряд грядок и арагов. От них к югу полого спускается обширная покатость с широкими сайрами. Именно по этой покатости мы объезжали эту гоби с севера. Сондоков (высоких песчаных бугров) почти нет. Здесь не знают этого слова. Я видел лишь один холм в С.-З. части этой гоби около колодца Табун алдан[17]. На упомянутой покатости местами выступают небольшие возвышения. Одно из них сложено белым песчаником. Очень характерны широкие сайры, сбегающие с Шанхайского нагорья в гоби. Между ними обычны низкие холмики, а вдоль сайров растут многочисленные ильмы, образующие местами чуть ли не аллеи. Ильмы эти по сайрам спускаются далеко вниз. По самой впадине Цзаг сучжи также имеются ильмы. Такой характер эта местность имеет до того места, где мы свернули вниз на юго-восток, снова к границе.

Вниз, к границе, мы направились от ур. Бурханту, по одному из вариантов старых путей в Китай. Идя все время под уклон, развивали скорость до 35 км. Это происходило 28/VII. Миновав кол. Олон шанда, остановились около кол. Табун модо. Несколько ниже есть еще колодец.

Китайская граница была в нескольких км. К востоку – горки Гурбан цзэрдэ, где мы должны были искать пещеру. У колодца русло с несколькими ильмами. Кругом бугристые пески с нитрарией. На севере - подъем к Шанхайскому нагорью, где местами видны низкие гряды. К западу невдалеке видна отдельная плоская обрывистая гора Хуца. Начиная с района Буур – Номогана перестали встречаться цаган цзэрэ (вернее с района Ульцзэйту ундура). Сульт, вследствие засухи, мы встречали далее очень мало. Местами их не было вовсе. В горах Хоту есть янгеры и аргали. В хороший год их бывает очень много. Теперь же я видел лишь одну самку, да Вася 2-3-х самок же. Говорят, что тут же иногда встречается барс, есть рыси. Жители окрестностей Сангин далая весьма удивлены по поводу повления в их районе хуланов, чего на их памяти не было. Спрашивали даже меня “к чему бы это”. Вместе с тем я еще раз слышал о “Хулангин цзам” к северо-востоку, в районе Хояр улцзэйту[18]. Хурхэ, по

17) Название указывает на глубину колодца (“пять маховых саженей”), относительно большую для монгольской Гоби.

18) О “Хуланьей дороге” (Хулангин цзам) я слышал впервые в 1929 году. Местные

всей вероятности, совсем не так беден зверями, как я представлял себе это с 1925 г. (может быть на основании неправильных расспросных сведений). Наш проводник с Цаган гола говорил мне, что хайрт бура[19] убивали еще в дни его детства. Красный волк бывает, как-будто очень редко, в районе Сайханов. Хярса (корсак) на степи почти повсеместна. В Цзаг сучжи много всякой мелочи. Еще в Хоту в один вечер мы поймали многоножку (арбальчжи) и цаган-тэмэ (фалангу). На другой день Веру через рубашку укусил скорпион (яманай оуца, дибгуранца). Олгой-хорхой[20] в Цзаг сучжи довольно обыкновенен. Говорят о нем много и очень боятся. Если он появляется в юрте – скочевывают. На поверхности он появляется чаще всего после дождей, когда земля немного сыровата. В юртах он вылезает чаще всего под ведрами, где бывает сыро. Население упорно говорит о его ядовитости. Цвет определяют "как белая парча". Кроме того указывают на "тэмэн суль хорхой", определяя его как бесхвостую ящерицу. Из насекомых – хумус хорхой, величиной и формой, как ноготь; хумуриг бухэр хорхой, встречающийся в навозе. Хун-хорхоя (медведки) нет. Отмечу, что мы до Бурханту не встречали ни одной саксаульной сойки, хотя встречаться они должны были с Дэлгэр хангаяя. Я не видел и не слышал ни одного кэклика. Не видно совсем бульдруков. С птицей, вообще было, более чем слабо, очевидно вследствие засухи.

В районе Табун модо иногда попадается шара цогонда (один из южных видов дикой кошки). Цзэрэ в районе Бурханту ловят капканами. Мы добыли *Dipus sowerbyi* и молодого *Lanius excubitor*. Я думаю, что в районе есть *Salpingotus*.

Горки Цзэрдэ находятся недалеко от дороги. Доехали мы до них благополучно. День потратили на поиски пещеры. Лазили очень много. Нашли одну дырку в несколько метров, оказавшуюся замкнутой. Очень

жители говорят со слов стариков, что еще не очень давно хуланы ходили по совершенно определенному направлению – "дороге" на северо-восток, к Буир нуру, где и сейчас они сохранились, правда, в очень небольшом числе. В настоящее время эта "дорога" существовать перестала.

19) О хайрт-буре см. мой дневник за 1927 год. Это предание или легенда (а может быть и быль), что в старое время в Западной Гоби охотники изредка убивали самцов дикого верблюда огромной величины – из их самых длинных ребер (дурбэн ундур хабирга) можно было делать палки к вьючному седлу.

20) Ологой хорхой – змееобразное пресмыкающееся, земноводное или гигантский червь, пока, по-видимому, неизвестный науке. Встречается в жарких низинах с саксаулом. Ведет подземный образ жизни. Очень крупные экземпляры, говорят, бывают толщиной в руку у запястья и почти в метр длиной. Концы как бы обрублены и не утончаются. Голову определить невозможно.

устали. Наутро проводник поискал пещеру еще[21]. Дул сильный ветер, несший тучи песку. Все было занесено им. Воду кончили. Настроение у всех было скверное. Учтя все это плюс наличие мяса всего на два варева, я решил ехать назад. В обед погрузились и доехали до кол. Табун модо.

Места эти – южная окраина Галбаин гоби. Куполообразная гора Галба или Хан богда видна на севере, где она выделяляется довольно резко среди окружающих арагов.

Происхождение горок Цзэрдэ – мраморизованные известняки.

Из животных там иногда бродят аргали, есть волк, лисица, дикая кошка. Из птиц я видел *Podoces, Athene, Lanius*'а (большого). Пустыня между Табун модо и Цзэрдэ кустарниковая, покрыта нетолстым слоем песка, скопляющимся в понижениях. На буграх обнажается щебнистая поверхность. Из кустарников около гор больше всего *Zygophyllum* (2-3-х видов). На песке кое-где виден сульхир. По одному из русел несколько кустов тамариска, с выросшим под его защитой камышом.

От Табун модо мы поехали старой дорогой, двигаясь так же быстро. Беспрепятственно добрались до Бурханту, поднявшись таким образом на Шанхайское нагорье. Далее безостановочно поехали все по той же дороге, уклоняясь на северо-запад. Ночевали около кол. Хуху хада, полузасыпанного уиром (ливневым потоком). Сами раскопали там воду.

31/VII двинулись дальше, думая сменить проводника в ур. Ульцзэйту булаг, но там никого не оказалось (вернее, этого урочища мы не нашли). Тогда мы свернули с дороги на северо-восток, затем на север, наткнулись на Хобдо-Калганский тракт и, ища воду, опять покатили на северо-запад. С горы увидели далеко на севере, в холмах за хоолаем, монастырек Ламаин дуган, свернули напрямки к нему и там заночевали.

1/VIII утром приехали в тамаган Шанхай-ульского тамагана, где простояли день. Местность от Бурханту до Улцзэйту булага представляет собой очень широкое и пологое вздутие – очевидно остатки хребта. Направление, грубо говоря, широтное. Гряда эта является, по-видимому, продолжением гряды Хачиг.

Южный склон полог и весьма длинен. Северный – тоже полог, но узок. Таким образом ара хоолай этой гряды значительно выше южного его подножья. Поверхность ее - размытые араги, сеть которых крайне запутана. Везде пологие холмы, небольшие котловины, скалы выступают редко. Поверхность почвы большей частью щебниста. По понижениям и сайрам наносы, большей частью бугристые, с нитрарией. Сильно выдается

21) Этот проводник, взятый из мон. Баг модо, очевидно, нарочно не показал нам пещеры, уводя нас в противоположный ей конец гор.

над местностью лишь гора Галба. Сток южного склона – большие сайры, вроде Ундагиин гола и пересеченных нами западнее последнего. Истоки их находятся, по-видимому, на водоразделе. Заканчиваются эти сайры в хоолаях Галбаин гоби, Дайчин гоби и Цзаг сучжиин гоби. Вода (колодцы и редкие ключи) встречается в этой гряде по сайрам довольно часто. К северу от упомянутой гряды (общего имени ей, кажется, нет; имеют название отдельные ее части) идет неглубокий хоолай, уходящий довольно далеко на восток (там, кажется, он замкнут) и на запад. В последнем направлении он расширяется и вливается в хоолай между грядой Цэцэй - Аргалинту и грядой Хачиг. К С.-В. от выхода дороги в хоолай, он ограничен с севера небольшой, но высокой и крутой грядкой Ихэ ула (Ихэ лус)[22]. Поднятие, на котором стоит последняя, тянется на восток и, после седловины восточнее этой горы, переходит в группу Обо (?). Далее к северу проходит широкий хоолай между упомянутой грядкой и Ихэ Шанхаем. Грядка Ихэ ула на западе выклинивается почти напротив Улцзэйту булага и этот северный хоолай, соединившись с южным хоолаем, уходит на запад, к югу от Цэцэй. Восточный его конец остался неразобранным, но, по-видимому, туда открыто далеко. Горы Ихэ шанхай вытянуты в обычном для этих мест восточно-западном направлении, довольно скалисты, но невысоки. С юга они загорожены довольно широкой полосой холмов, в которых спрятан мон. Ламаин дуган. Между ними и короткой, но скалистой и относительно высокой грядой Цэцэй – широкий проход-седловина. Тамаган расположен на бэле северного склона западной оконечности Ихэ Шанхая.

Несколько слов о дорогах.

1) Цончжиин цзам (Синьцзян - Китай). Идет от Байшинту на Шюлютэ, затем убуром Улцзэйту ундура. Здесь, по-видимому, раздваивается. Северный вариант идет к Сангин далаю, по ара хоолаю Хурхэ, пересекает его восточную оконечность, проходит севернее Ундур богда, восточнее Хоту и за Цзаг сучжи уходит за границу. Водопои и корма: хоолай около Шюлютэ, Сангин далай (ключ), Цзаг сучжи. Южный вариант идет через Борцзонгиин гоби и уходит за границу, где-то к югу от Ундур богда. К Сангин далаю подходит какая-то дорога с севера или северо-запада.

2) Хобдо-Калганский тракт встречен нами к юго-востоку от Цэцэй.

3) К западу от Бугутэриин усу мы пересекли дорогу, пришедшую с северо-запада и направляющуюся, по-видимому, на Баоту.

4) На участке Гурбан цзэрдэ (вернее Табун модо) – Ульцзэйту булаг, мы ехали по дороге, направляющейся, по-видимому, также на Баоту. Севернее

22) Эта горка есть на маршруте экспедиции Р.Ч.Эндрюса.

она, вероятно, сливается с дорогой Хобдо – Калган, а может быть (об этом говорил проводник) она же проходит и далее на север к кл. Шанхай цзадагай, кол. Амаин усу и кол. Цаган хада (около Бага шанхая). В последнем случае, (а это в дальнейшем выяснится) она является веткой пути Улясутай – Калган.

На осмотренном участке большой безводный переход есть лишь между Бурханту и Олон шанда. Возможен большой перегон без воды к северо-западу от Улцзэйту булага. В южной Шанхайской гряде проследить ее местами уже трудно – заброшена. Кроме того она идет местами по сайрам, дэрисуну, нитрарии, и автомобилю приходится делать объезды. Цончжиин цзам на виденных нами участках затруднений для автодвижения не представит. Нужен объезд, кажется, лишь около Цзаг сучжи.

Небольшая дорога подошла с юга к Хобдо-Калганскому тракту на гряде к югу от Ламаин дугана. В этом же почти месте мы с удивлением увидели дорогу, направляющуюся на северо-восток. Может быть в дальнейшем ее назначение выяснится.

Из Байшинту, помимо Цончжиин цзам и Алашаньской, идут дороги на Эцзин гол и мон. Ловун чимбу. Заметных меридианальных дорог мы не пересекли[23].

От тамагана Шанхай ула мы поехали на северо-восток, имея справа сначала горы Ихэ шанхай, а слева глубокий и широкий хоолай, не имеющий общего названия. Недалеко в стороне остались горки с мон. Барун су. На горизонте виднелся Цзун сайхан. За хоолаем поднималось нагорье, ведущее к Бага Шанхаю (Шарахацар). Ехали мы поперек пологого склона, песчаного и безводного. Вскоре на восточном горизонте обозначилась вершина Баян обо (около Дучи хурала). Хоолай начал повышаться и выклиниваться. Мы подъехали к северным арагам и почти против кол. Хабирга пересекли наш прошлогодний (1929 г.) маршрут. Перевалив против Улан худуга араг, мы выехали на его северный бэль, к ара хоолаю, почти против спрятавшегося в г. Хунчжиль мон. Далай хурал. Взяв направление на восток, мы поехали к Баян обо и заночевали к западу от этой группы на кол. Худуг хармагтай. Хоолай, вдоль которого мы ехали, очень широк и уходит далеко на запад, проходя, как говорят, убуром Шара-Хацара. Далее, обогнув Баян обо с севера, мы выехали снова на прошлогодний маршрут, поднялись на пологий перевал к югу от горы Бурал уголцза и выехали к Баян булагин хуралу. Почти по старым следам, огибая открывшийся хоолай с севера ехали далее на восток. По совету встречных монголов, горы Нумургэ мы объезжали с севера, по

23) О дорогах района см. мой дневник 1931 года.

прекрасной дороге, не в пример прошлогоднему тэсху и оврагам.

Пересекши Соланхэрэский тракт, вскоре выехали на автодорогу[24], проложенную от бывшего станка Хабирга на тамаган Хояр улцзэйту. Быстро доехали до кол. Шабагтай – нашей стоянки в 1929 г. - и теми же следами, проехав еще несколько километров на северо-восток (тамаган перекочевал) достигли гобийской базы Монценкопа на самом закате. Наутро, обсудив положение, я решил, оставив багаж и всех помощников кроме Феди, съездить снова в Шанхай ульский тамаган и, если дадут хорошего проводника, то и в Гурбан цзэрдэ, благо бензину должно было хватить. С собой с базы я взял Е.К.Кузнецова, старого монголиста, большого любителя всяких поездок и дилетанта-натуралиста. В Шанхай уле я, действительно, получил проводника, бывшего в самой пещере. Мы проехали в Гурбан цзэрдэ по известной уже дороге, осмотрели пещеру (о ней см. ниже), той же дорогой вернулись в Хояр улцзэйту и уже без работы по дороге вернулись в Уланбатор.

Теперь о растительности по всему маршруту[25].

В самой северной части хошуна Дэлгэр хангаяй (от Сангин далая до г. Дэлгэр хангаяй) растительность носит еще степной характер, пожалуй, с преобладанием злаков, может быть, вследствие песчаной почвы. Много караганы, образующей часто типичный ландшафт караганно-злаковых степей. Покров надо считать ниже среднего. Около Сангин далая прошел поздний дождь, а весной было совсем скандально. Далее, против Дэлгэр хангаяя и по равнине около Хошу хида, где начинается уже настоящая Гоби, идут поросли багалура, почти отсутствовавшего. Покров был очень плох. В районе Баян тэга начинается кустарниковая пустыня. Есть карагана, нохой ширин. Около кустов наметен песок. Покров здесь был несколько лучше. Южнее, ближе к тойриму, он еще улучшился: после весенней засухи прошел поздний дождь. То же положение и далее к югу, до Баян цзага. С этого района я стал брать укосные площадки. Далее по ара бэлю Сайханов, корма (идет сплошная луковая степь) можно было считать средними, а для засухи и вовсе хорошими. То же наблюдается и в районе Халги, где также преобладает тана. С выездом на убур бэль картина резко изменилась. По верхней его части еще кое-что было. Чем ниже, тем дело обстояло хуже. Багалур еще кое-где держался. Что же

---

24) Соланхэрэский автомобильный тракт был проложен для сообщения Уланбатора с пограничным отрядом в местности Соланг хэрэ. Ныне он заброшен.

25) Во время этой экспедиции мною была начата работа по изучению гобийских пастбищ, путем сбора укосных площадок.

касается хилаганы, то от нее остались лишь мертвые кочки. Внизу местами совсем нет ничего. Общий характер спуска Халга – Байшинту - полынная, луковая и солянковая (багалуровая) степь без кустарников. Участок к Баян тухуму также был плох. Чуть лучше в Баян цагане (горы!). К югу от Цзурумтая и в районе Сэбэрэй - ноян-Богда по слухам было очень плохо[26]. Не было даже того, что кое-где вылезло в районе Байшинту. Далее на восток сохранялась та же картина. По хоолаю, кроме нитрарии, было совсем плохо. На бэле значительно лучше, но все же покров оставался плохим. В горах, как всегда, лучше. Покров близок к среднему. Характер его описан выше. По бэлю тэсховая степь. К западу от Цаган-гола местами было совсем голо. Но в районе самого Цаган гола покров почти средний, благодаря небольшому позднему дождю. Начиная от гор Хурум в направлении Улцзэйту ундура опять совсем плохо. Местами ничего не было. Пустыня с редким тэсхом.

Далее к востоку по ара хоолаю Ульцзэйту ундура почти совершенно оголенные площади сменялись участками с довольно приличным кормом. Близ Хушо худуга местность повышается. Тэск исчезает. Ара хоолай Ихэ номогана был совершенно оголен[27], кустарник отсутствует. В самых горах Номоган, как и следовало ожидать, вполне приличный покров особенно по площадкам верхней зоны и по узким ущельям. Характер его указан выше. Далее по дороге к Сангин Далаю первая половина пути была совсем плоха. Некоторые места голы начисто. Кое-где, впрочем, прошел уир, стекший с гор Буур, и на этих местах появилась хорошая растительность, резко граничащая с оголенной пустыней, не захваченной уиром. В районе озерков Хармагтай прошел небольшой дождь и покров был уже гораздо лучше. Далее до Сангин Далая покров был более или менее приличен. Кустарниковый покров почти отсутствует, за исключением скалистых холмов в араге. Около ключа Сангин далай бугристые пески с нитрарией. Далее к востоку корма быстро исчезают и ара хоолай Хурхэ, а также ара бэль этого хребта были совершенно бесплодны. Этим летом здесь не было ни одного дождя. Одним из самых засухоустойчивых растений оказывается умухэй убус (*Peganum nigellastrum*). По тальвегу хоолая далее к востоку были видны отдельные хайлясы. Бедная растительность появилась лишь около восточной оконечности Хурхэ, где,

26) Как я узнал уже в 1935 г., население последнего района жестоко пострадало от засухи 1930 года, оправившись лишь через 4-5 лет. Вымер даже горный зверь, почему-либо не укочевавший (горные козлы и аргали).

27) Проезжая по этому же ара хоолаю в 1932 г., я был поражен колоссальной разницей в состоянии растительности по сравнению с 1930 г. Совершенно голые пространства превратились в пышную цветущую луковую степь.

по-видимому, были слабые осадки (багалур). Здесь же я видел редкую поросль буйляса. По ущ. Цзамтэ – хайлясы. За кол. Боро хошу, на окраине Цзаг сучжиин гоби, растительность снова ухудшилась и покров почти исчез. Близ ара бэля Хоту нам впервые после Баян цзага, встретилась поросль саксаула. Самый бэль – кустарниковая пустыня, довольно разнообразная по составу (цзагсагал, хотор (нохой ширин), буйлэс, шара модо, улан бударгана, багалур). В самых горах, как и всегда, растительность лучше равнинной. Обильны кустарники (хотор, шара модо, есть буйлэс, улан бударгана). Местами растет хайляс. Из травянистых – хилагана, тана. По дороге к Цзаг сучжи – кустарниковая пустыня, затем саксаул, частью вымерший. По понижениям – шара бударгана. Травянистого покрова почти нет. По самой котловине кое-где хайляс. На дальнейшем пути к Бугутэриин боро обо после поворота с Шара-Цзам – покров отсутствует начисто. Даже нитрария высохла совершенно. Вдали от дороги видел два древовидных куста. Проводник сказал, что это – яшил модо, очень редко встречающийся здесь на юге кустарник.

По оголенной пустыне лишь кое-где попадался чуть живой, а то и вовсе высохший багалур. В то же время проводник указывал, что в хорошие времена по этой покатости растет хорошая трава, много злаков (например буднур). Около Бугутэриин боро обо - хайлясы. Впрочем о хайлясах по меридианальным сайрам я уже упоминал. Кое-где попадается цзаг. Далее к востоку начинают попадаться мелкие кустарники (улан бударгана, боро бударгана, нитрария, шара модо, далее прибавляется багалур).

Около мон. Баг модо покров был несколько лучше, попадался багалур и отдельные экземпляры таны. Несколько более приличная растительность была встречена в районе Бурханту. Багалур, шара модо, улан бударгана. В месте прорыва Ундагиин гола на равнину – обилен хайляс. В кочках с шара бударганой и нитрарией около кол. Хулусун худуг – отдельные, очень мелкие экземпляры сухая. По дороге к Гурбан цзэрдэ покров был очень плох: чуть живые кустарнички улан- и боро бударганы, и багалура. Далее местами был совершенно высохший покров. По хоолаю в стороне от дороги в районе кол. Шонхот местами цзаг, хайлясы. Далее кое-где багалур, боро бударгана. В районе кол. Табун модо – отдельные хайлясы, бугристые пески с нитрарией, несколько отдельных кустов сухая, торлаг модо. Пустыня кругом – кустарниковая. Около Гурбан цзэрдэ следующий подбор: цзаг, улан бударгана, шара модо, боро бударгана, цзагсагал, хотор, буйлэс, мелкая карагана, багалур. По песку росло порядочно сульхира, очень мелкого в том году. В горах кое-какая мелочь, вроде хилаганы. Местами цзаг образует заросли. По руслам - несколько крупных

кустов сухая, с растущим под его защитой камышом – знакомое по Эцзин голу сообщество! Но в общем, в районе Цзэрдэ было очень плохо. Далее на Шанхайском нагорье к северо-западу от Бурханту покров был приличный. Здесь впервые в обилии были встречены ягоды хармага. Попадается хороший дэрис, в хармаге встречается кустарник долган модо. Хайлясы исчезают. По щебню преобладает багалур, попадается тана и хилагана. По ложбинам местами шара бударгана, улан бударгана. Далее к северу количество таны и хилаганы увеличивалось. Ара бэль южной гряды был хуже. Ара хоолай пересечен нами по двум (даже трем) направлениям. Тальвег был почти оголен. Местами посох даже хармаг. Между Ихэ- и Бага улой – мелкий кустарник (улан бударгана, местами багалур). К югу от Цэцэй, в одном из сайров – шара шабаг.

Убур бэль Ихэ Шанхая был немного лучше. По сайрам крупные полыни. По равнине – тана и хилагана. Кое-где тэсх.

Далее, за тамгой Шанхай ула, в районе песков ара бэля этих гор покров был почти средний. Начинает встречаться хумуль, тана исчезает. В злаках появляется хяг, хацзар, цулбур убус. Много караганы разных видов. Крупные полыни (боро шабаг, шара шабаг). Вообще покров уже полупустынный. За полосой песков временно прекращаются кустарники. Травянистая растительность тут была немного хуже (ниже среднего). За кол. Хабирга по арагу появляется обильный местами тэсх. За кол. Хармагтай кустарник связан с песчаной почвой. Попадается тэсх, караганы. Травянистый покров был приличен. Состав травостоя гобийский (тана, боролзай, хилагана, багалур). Приличный покров шел и далее, к Баян булагу, Нумургэ и до тамги Хояр улцзэйту. В районе Баян булага по бэлям – кустарник. Ближе к Соланхэрэской дороге, к северу от Нумургэ он почти отсутствует (есть немного тэсха). Далее, снова появляется в значительном количестве. По тойримам – шара бударгана, нитрария. Недалеко от Шабагтая попадаются заросли хуйрика. На бэлях тана, багалур, хилагана. В этом районе попадается в значительном количестве шивэ – мелкий злак. За Хояр улцзэйту вскоре идет высокая караганная степь с хорошим нижним ярусом (хилагана, боролзай). Далее начинается понижение с саксаулом, довольно обильным, но не достигающим большого роста. На песке было довольно много, очень мелкого сульхира. Понижение сменяется снова караганной степью. На щебнистых и гравийных пространствах еще держится багалур. Местами очень много хумуля. За местностью Сологой полупустыня окончательно переходит в степь, сначала с большим количеством таны. Покров здесь был превосходен и оставался таковым до самого Уланбатора.

Замечания относительно отдельных растений. Хотор очень похож на

нохой ширин. Заменяет последний по южной границе. Легко отличим по запаху при горении! Пахнет гораздо приятнее нохой ширина. Цзагсагал – очень распространенный кустарник. На западе я его как-то не замечал, но на восточном пересечении он встречался от южной границы до ур. Хутуль усу. Относится к *Zygophyllum*'ам.

Яшил модо остался невыясненным. Очень любопытен кустарник хуйрик, встретившийся мне около Шабагтай усу. Внимание мое на него обратил Е.К.Кузнецов, рассказавший, что он уже давно присматривается к этому кустарнику. Дело в том, что Кузнецов считает этот кустарник вымирающим, так как уже в течение многих лет он не видел ни разу чтобы хуйрик зеленел бы по-настоящему. Всегда и везде хилые, обшарпанные полусухие кустики, часто вовсе мертвые. На некоторых зеленеют одна-две веточки, на других немного больше, отдельные кустики (редкие) зеленеют почти сплошь, но все это имеет чрезвычайно хилый, заморенный, уставший вид.

Записал любопытную пословицу: тулэни му - уртул, хуни му - сартул[28]. Шара бударгана в пределах хошуна Хояр улцзэйту называется шара модо.

Восточной границей Шанхайского нагорья следует считать Баян булагин хурал. От Хояр улцзэйту мы выехали на Улясутайский тракт около Цзубура (чуть ниже его), затем, придерживаясь этого тракта, поехали на северо-запад и около колодца Хутуль усу выехали на Соланхэрэский автомобильный тракт, по которому и направились в Уланбатор. Местность (Среднехалхасская возвышенность) вся в целом, в общем, мало выразительна. В памяти осталось мало. Близ Хутуль усу нам попались цзаговые котловины, являющиеся, возможно, продолжением депрессии Тугрюк, а может быть и Сайн усу (Центральная впадина). Их можно считать северной границей Шанхайского нагорья. Интересно, что горки около Хутуль усу весьма обильны скорпионами и змеями. Примерно от Сологоя начинается высокая холмистая степь с прекрасным кормом. Далеко на горизонте были видны горы Оцол-сансарского хошуна. Очень скоро за уртоном Тала булаг, на котором ночевали (незадолго до него ночью ковыляли по дэрисунам каких-то низин), мы выехали около Эрдэни тологоя на наш путь 1925 г. и по нему через Сосин даба, мимо Ганца худуга и через Бухуг гол приехали в Уланбатор. На перегоне до Тала булага видели огромные стада цаган цзэрэ – по 1.000-2.000 голов, а всего

28) "Худшие дрова – уртул (один гобийский кустарник), худший из людей – сартул". (Племя сартулов, омонголенных тюрков, живет к северу от Чжибхуланту или Улясутая).

за день свыше 10.000.

На всем пространстве хошуна Дэлгэр цогто корма были превосходны. Впрочем и на юге при нас в Шанхай уле прошел обильный дождь на 6 пальцев, захвативший и Хояр улцзэйту и местность к северо-западу от этой последней тамги. Как далеко прошел он на юг – мне осталось неизвестно. Этот дождь безусловно обеспечил кормом по крайней мере северную половину Шанхай-ульского хошуна.

{[29] От Хояр улцзэйту мы ехали на 2-х автомобилях – шел "фордик" МНЦК с Е.К.Кузнецовым. Один раз наш "Додж" основательно залетел в тойрим. Пришлось пускать в ход доски. Еще несколько саженей дальше - и он угруз бы окончательно. В районе Сологоя он же засел в песке и ребята копались более чем достаточно}.

Теперь о засухе. В 1930 г. засухой в сильной степени были охвачены южная половина хошуна Гурбан сайхан, южная полоса Шанхай ула и, вероятно, южная же полоса хошуна Хутуг ула. Севернее очень скверные участки попадались изредка, отдельными клочками (южный хоолай Цэцэй и Ихэ Шанхая). Северная половина Гурбан сайхана местами (ара бэль) была совсем благополучна. Дэлгэр хангаяй – поздняя трава ниже среднего. Близ Хошу хида было совсем плохо. Северная половина Шанхай улы – ниже среднего и средне. Хояр улцзэйту – почти средне, за исключением С.-В. части, где, по расспросам, было плохо. Дэлгэр Цогту – отлично.

Засуха в гобийских районах – явление довольно частое, но, с другой стороны, редко охватывающее сплошь большие районы. В большинстве случаев состояние гобийских кормов дает чрезвычайно пеструю картину переходов от почти совершенно оголенных участков к более и более благополучным. Пример – по маршруту этой экспедиции. Около Хошу хида очень плохой участок. Далее к югу шло пространство с кормом немного ниже среднего. Ара бэль Сайханов – очень хорошо. Убур бэль – плохо, и чем ниже, тем хуже. Островком выделился район Цаган гола с приличным кормом. Таким же островком выделялся Сангин Далай. Между ними – почти голо. И лишь самая южная полоса была, по-видимому, сплошь засушлива, хотя и тут указывали на окрестности Ундур богда, как на островок с кое-каким кормом. Периодичность засух выяснить очень трудно. Расспросами этими я занимался довольно усердно, но результатов мало. Для Гурбан сайхана, Шанхай улы и Хутуг улы указывают на лоу могой чжил (кажется, до приезда Далай ламы). По

29) { } – текст взят из фрагментарного материала А.Симукова "Полевой дневник Гобийской экспедиции 1930 года" (с.23 машинописного текста, АИГМ №108).

южным гобям Шанхай улы и может быть Хутуг улы (?) засуха держится 7-8 лет, хотя есть указание, что в районе Цзэрдэ 5-6 лет назад (лоу чжил) были хорошие корма, в противоположность Шанхайскому нагорью.

Общие указания: кроме упомянутой засухи (лоу), год проезда Далай ламы (1905?) был исключительно хорош (вроде 1927 г.). Затем, на памяти людей за 20 лет – 4-5 мелких засух местного характера, примерно с равными промежутками.

Таким образом, сводя эти данные в рабочую схему, получим период больших засух – 25-30 лет, малых, местного значения - 4-5 лет. Последствием засух является частый падеж скота (главным образом на следующую зиму), сильное уменьшение удоя, что с отсутствием в засушливые годы диких суррогатов хлеба, заставляет резать скот для еды. Укочевывает копытный зверь, понижается уровень подпочвенных вод, потому исчезают некоторые ключи (главным образом в сайрах). Другие же ключи, питающиеся более глубокими слоями, остаются почти без изменения. Единственное средство применяемое населением в защиту от засухи – укочевка в благополучные районы. Укочевки эти заводят некоторых за сотню и две километров от привычного нутуга. Такие примеры я встречал неоднократно. По-видимому, гобийские районы в хороший год являются ненасыщенными скотом, что допускает уплотнение, в случае засухи в соседних районах.

Недоразумения при хороших кормах, могут быть лишь из-за нехватки воды. В 1930 г. многие из южной части Шанхай улы ушли в Дэлгэр Цогту и в северную часть Дэлгэр хангаяя. Другие кочевали по северной части Шанхай улы. И лишь отдельные аилы сидели на старых местах, с трудом перебиваясь. Вместе с тем засухи и другие стихийные бедствия не отпугивают население от привычных, родных нутугов и в данном случае можно наблюдать своеобразную “любовь к родине”, хотя на этой самой родине ничего нет, кроме песка и щебня. После всех далеких укочевок, получив известие, что на его “настоящей” родине есть корма, гобиец направляется обратно и селится в знакомом районе. Скот также тяготеет к привычным пастбищам и знакомому ландшафту.

Районы, пораженные длительной засухой, были почти совершенно безлюдны. Так, по всему маршруту от окрестностей Сангин Далая до Цзэрдэ и далее до тамги Шанхай ула экспедицией были встречены 4-5 аилов в Хоту и в Цзаг сучжи, столько же в Бурханту (эти скоро укочевали на север). Далее один аил был около Хара обо и один к западу от Улцзэйту булага. По несколько юрт было около Баг модо и Ламаин дугана, но это были “монастырские”, а не чисто худонские юрты. В стороне от дороги остались юрты около Уртийн хурала в Хурху (там мы видели пару

лошадей), несколько аилов в районе Ундур богда, да несколько аилов мы видели в районе Улцзэйту булага. Объезжая Цзаг сучжиин гоби с севера мы пересекли несколько следов перекочевывающих нудэльчинов, направлявшихся с юга на север, да издали видели один караван. Пришедших с юга я встретил в районе Дучи хурала, затем в районе Баян булага (были аилы из-под Галбы) и в районе Хутуль усу. Вследствие плохих кормов (сравнительно) в этих районах публика не засиживалась на месте и часто меняла стойбища. Нудэльчины и только что осевшие встречались на каждом шагу. Относительно кочевок мною собрано немного сведений. Цзун сайханские аилы (с сарлыками) кочуют летом внутри гор, забираясь на большие высоты (под Тахилгу), а на зиму выкочевывают на бэль, вероятно, вследствие обилия снега в горах. Относительно южной части Шанхай улы имеются следующие сведения: кочуют нормально 5-6 раз в год. Зимой к Гоби (Цзаг сучжи, Дайчин гоби), летом на нагорье. Сумунных границ нет. В течение зимы, вследствие недостатка кормов, также перекочевывают. Нормально особо далекие кочевки бывают редко. Я сфотографировал два типичных убульчжона – один на северном склоне Ихэ номогана, другой – около Цзаг сучжи. Первый - хорошая кладка из камня, второй – из дерна и саксаула. Огромное большинство колодцев, виденных нами, неглубоки. Во многих воду можно достать рукой. Глубокими были лишь один-два колодца на линии Бугутэрин усу (считая и этот последний). В сайрах южного склона южной гряды Шанхайского нагорья вода часто идет в непосредственной близости от поверхности, выбиваясь в хорошие годы ключами наружу.

Заметка о пещере Гурбан цзэрдэ

Небольшая горная группа Гурбан цзэрдэ расположена на стыке границ хошунов Хутуг ула, Шанхай ула и Урат думда гун (Китай). Пещера находится на северном склоне крайней западной горы группы Гурбан цзэрдэ.

Отверстие пещеры находится на нижней границе верхней трети довольно крутого, но ровного, неизрезанного каменистого склона. Вблизи никаких других отверстий, карманов выветривания и тому подобного нет. Отверстие ориентировано на северо-запад и немного вверх. Ширина его – 80 см, высота – 180 см. Края неровны, иззубрены, имеют рваный, обсыпавшийся вид. Из отверстия довольно широкий колодец ведет прямо вниз, на глубину приблизительно 5 метров. Над колодцем купол, в стенке его напротив отверстия – большая ниша. Мы спускались и подымались по веревкам, привязанным к доске, положенной снаружи поперек отверстия.

Но при некоторой ловкости и навыках можно обходиться и без этих приспособлений. Дно колодца покато к Ю.-Ю.-З. и туда идет, как бы под арку, широкий и высокий ход, с крутым падением вниз. Спускаться приходится увязая в большом наносном конусе песка, перемешанного с птичьим пометом и катящегося вниз. За аркой ход расширяется в залу, имеющую ширину (от края колодца до противоположной стены по азимуту 200) – 16 метров, а наибольшую длину (по азимуту 285) – 20 метров, при высоте метра в 4. Свод куполом, форма зала – грубо эллиптическая. Пол отчасти засыпан упомянутым песком, отчасти (по краям) крупными камнями-отторженцами. Эта зала имеет продолжение на восток (аз. 60), отделенное колоссальным отторженцем-скалой. Продолжение это, клинообразно суживающееся и сходящее тупо на нет, имеет длину до 15 метров. Дно его довольно круто идет вниз. И сюда проник конусообразный язык сыпучего песку. Таково главное помещение. В большой зале, примерно напротив входа, у южной стены, имеется узкий колодец, глубиной около 2-х метров. Продолжением его служит довольно узкий, низкий проход, полого спускающийся вниз к Ю.-З.

Метрах в 8 от колодца ход этот расширяется в небольшое помещение, где можно стоять, а в дальнейшем раздваивается. Левая, южная ветка метра через 3 заканчивается тупиком. Правая, западная, тянется узким проходом метров 9-10. Здесь имеется значительное сужение. Проход так узок, что пролезть далее почти нет возможности. Осветив его возможно дальше, я отметил, что он несколько расширяется, направлен полого вниз и метра через 3 как-будто заворачивает вниз и к югу, довольно круто. Осмотреть его, несмотря на все попытки, оказалось невозможным. По всей вероятности он также заканчивается вскоре тупиком, но я этого не видел и поэтому вопрос остается открытым. Кроме этого основного хода по периферии обоих зал имеется много щелей, ходов и полостей. Пещера эта представляет собой естественную полость в известковых, частью мраморизованных толщах. Первоначально она не имела отверстия наружу, обе залы составляли одно целое. Затем произошел обвал, образовавший входной колодец и отверстие наружу. Огромная скала, оторвавшаяся от потолка, разделила основную пещеру на две части. Более мелкие обломки, скатившиеся к периферии, образовали ряд щелей, ходов и полостей. Первоначально же имелся лишь вышеописанный длинный ход и может быть еще 2-3 неглубоких ниши. Участки потолка, где произошел обвал, легко отличимы от первоначальных поверхностей рваным трещиноватым строением. Первоначальные же поверхности имеют крупнобугристое строение, представляя собой как бы систему налепленных друг на друга полушарий. Полушария эти покрыты вторичной известковой коркой

желтовато-розового цвета, сильно шероховатой, почти пузырчатой или игольчатой на ощупь. Кроме этой корки вторичные известковые образования представлены несколькими (4-5) крупными (до 70-80 см высотой) сталагмитами и серией мелких (10-15 см) сталагмитов, имеющейся в дальнем коридоре. Сталактитов нами не обнаружено. Строение сталагмитов разное. В одном обнаружена ярко выраженная крупная листоватость, в других, включая мелкие, – кольцеобразные лучистые наслоения.

Вся свободная от песка поверхность пещеры, за исключением потолка, покрыта слоем очень тонкой серой пыли, облаком поднимающейся в воздух при малейшем неосторожном движении. Пыль эта так едка, что, попадая в глотку, вызывала у многих товарищей рвоту. Вероятно она занесена ветрами снаружи, через входное отверстие. За исключением небольшого участка около колодца, во всей пещере царит полная темнота и работать нам приходилось все время при свечах. Воздух в ней сильно застоялся и длительное (2-3 часа) пребывание в пещере вызывает сонливость – признак легкого отравления. Температура в пещере значительно ниже, чем снаружи, где пекло, надо сказать, сильно. Воздух пещеры в настоящее время весьма сух, следов влаги никаких и, таким образом, образование вторичных известковых отложений безусловно не происходит. Наличие же старых образований указывает на значительно большую влажность климата в весьма отдаленные времена, может быть в те времена, когда в Гоби водились олени, жирафы, кабаны и пр. (палеонтологические раскопки Козлова в Северной Гоби 1926 года).

Пещера Гурбан цзэрдэ была несомненно обитаема в течение весьма длительного периода. На это указывает сильная закопченность потолка главным образом большой пещеры. Местами сажа скристализовалась в сосульки, плавящиеся и горящие на пламени свечи. Определить давность обитаемости без раскопок нет возможности, а таковых мы не производили из-за отсутствия времени, необходимых приспособлений, а главное, вследствие пыли. Это – дело будущего. В различных частях пещеры были обнаружены: несколько ежей, высохших до степени мумии, много высохших же голубей, череп с остатками кожи, очевидно пустынной рыси, затем череп же лисицы, кости и части шкур этих животных, высохшая змея и высохший скорпион, словом целая коллекция мумий.

Из предметов обихода человека, новейшего происхождения отмечу ланхон (лю) из под ханшина, очевидно сброшенную сверху корзину со всякой дрянью, старую монгольскую шапку, обломки палок. Во второй пещере лежал прислоненный к стене ствол саксаула. Самой интересной находкой явилась, конечно, естественная мумия человека, найденная в

комнатообразном расширении дальнего хода. Труп был прислонен правым боком к выемке в стене, над полом. Труп представляется сильно высохшим, скорчившимся. Правое бедро приведено к животу, левое слегка отведено. Грудная клетка и туловище искривлены в правую сторону. На лице и лбу сохранились частично следы кожи и связок. Черепная коробка вся покрыта черными волосами. Волосы спереди немного подстрижены. Нижняя челюсть сильно выдается вперед. Зубы почти все целы, за исключением частично выкрошившихся верхних резцов. На шее в области горла как будто имеются ножевые разрезы (??). Под челюстью и в области горла кожа и мясо обгрызены животными. Туловище сплошь покрыто высохшей кожей. Грудная клетка сильно сжата. На правом боку в области живота слегка подгрызено. Туловище, в общем, цело. Верхние конечности с верхней трети обнажены от кожи. Локтевые суставы отсутствуют. Нижние конечности частично (на бедрах) сохранили кожу. Кости сильно иструпели. Коленные суставы сохранены. Голени с нижней трети отсутствуют вместе со ступнями. На левой ноге сохранились части обеих берцовых костей, на правой малая берцовая отсутствует. Колени полусогнуты. Половой орган и железы сохранены. Заднепроходное отверстие сильно выедено.

По развитию скелета, груди и всех костей можно заключить, что труп принадлежит юноше. Давность трупа определить трудно. Но, предположительно, можно сказать, что труп лежит в пещере лет 300-400[30)].

Никаких следов одежды или утвари ни на самом трупе, ни вблизи его не найдено. Ц.Ж.Жамцарано высказал впоследствии предположение, что юноша был казнен посредством отрубания конечностей. Это отчасти подтверждается скорченностью трупа, как бы выражающей сильное страдание. Весьма любопытен следующий факт. В той самой комнате, где найден труп, имеется два крупных сталагмита. У обоих конические верхушки как бы срезаны и в центре образовавшейся плоскости сделано небольшое углубление. Получается впечатление, как-будто эти сталагмиты употреблялись либо как подставки для светильников, либо как курильницы. Несомненно одно, что это дело рук человека. Потолок этого помещения не закопчен. Сталагмиты в прочих частях пещеры сохранили коническую форму. Срезанные сталагмиты, один сбит нами целиком, а у другого сбита нами же верхушка. Оба предмета доставлены в Уланбатор, вместе с образцами известковых корок, мелких сталагмитов, камней с закопченной поверхностью и образующих пещеру известняков.

Порядок событий таков: обвал произошел весьма давно, во время

30) Труп этот находится ныне в Уланбаторском музее.

образования некоторых вторичных известковых наслоений. Населена была пещера после обвала, но быть может еще до окончания упомянутых наслоений. Кое-какие соображения указывают на это.

В окрестностях пещеры есть еще исторические памятники. К таковым относятся два огромных обо. Расположены они на крайних высоких мысах (восточном и западном) группы Цзэрдэ. Форма несколько необычна для монгольских обо (см. фотографии). Основу составляет грубая кладка из угловатых камней, составляющая сильно усеченную пирамиду (четырехгранную). Сверху наложена небольшая кучка камней. Бока обложены камнем, образующим род небольшой ограды, расположенной у восточного обо у северного фаса, а у западного обо - у южного. В северном фасе восточного обо имеется небольшая ниша. В западном обо таковая не замечена. Зато на западном обо имеется род лесенки, винтообразно идущей наверх. Получается впечатление сторожевых башен, ориентированных в разные стороны. На плоской поверхности гряды около восточного обо есть несколько сооружений вроде херексуров. Затем (мы об этом узнали после отъезда) в окрестностях пещеры и обоих обо имеются остатки какого-то укрепления, где находят бронзовые (?) стрелы. Подробных преданий о пещере, обоих обо и укреплениях не сохранилось (по-видимому), что указывает на древность сооружений и трупа. Пещеру считают жилищем мифического “мангуса” и укрепление называют “мангусин хуриэ” или “хоро” (?). У В.А.Казакевича, бывшего в этих местах, нет никаких упоминаний ни об обо, ни о пещере, ни об укреплении. Места считаются сомнительными в смысле духов, так как имени Хуца-Хайрхана (плоская гора к западу от кол. Табун модо) упоминать нельзя, иначе подует ветер (об этом сказано и у Казакевича, а нам это сообщил проводник). Второй проводник сообщил то же самое о Гурбан цзэрдэ. В первую поездку (ночь ночевали в Табун модо) следующая ночь около Цзэрдэ была очень ветрена и на следующий день мы уехали под завывания песчаной бури. То же повторилось и в следующий раз. Первая ночь была спокойна, а к вечеру следующего дня поднялся ветер, засыпавший наши постели и, проночевав, мы уезжали опять под вой горячего ветра, свист песка и в основательную жару. С Казакевичем, судя по его отчету, произошла та же история. Вообще г. Гурбан цзэрдэ оставили плохое впечатление: сильная жара, горячий сухой ветер, все заносящий, хрустящий на зубах песок, перманентная жажда и общая усталость – первый раз вследствие бесплодных поисков, второй – вследствие тяжелого воздуха в пещере. В восточной гряде много ниш и коротких ходов, кроме того во многих местах скалы при ударе издают пустотный звук – “бунчат”, как выражались мои сотрудники. Вероятно, имеются еще более или менее

значительные пустоты. Рассказы о посещенной нами пещере ходили самые разнообразные – о необычайной ее длине и т.д., но все это, конечно, не оправдалось. Монголами она посещалась редко и залезали они туда, страха ради, компаниями. Всех пугал "покойник".

{[31] Еще о засухе. Опрашивая о возможности переселения ряд местных жителей (таково было задание ЭКОСО), я вынес впечатление, что полного переселения не пожелает никто. Все слишком привязаны к своим нутугам и покидают их во время засухи лишь временно, так сказать с болью в душе.

В Сайхане народу в коммунах порядочно, свыше сотни. Первоначально за организацию взялся тамаган и в порядке албы силой согнал бедноту с насиженных нутугов на одно место. Можно себе представить, сколько недовольства и разговоров возбудила подобная мера. Долгое время коммуны (первоначально 2 или 3) болтались по соседству с Байшинту, что тоже не пошло им на пользу. Наконец, недавно появился инструктор (Намсарай), прошедший коротенькие курсы при Колхозотделе. Он наладил кое-какую просветработу и несколько упорядочил дело, соединив коммуны в одну и переведя их в соседстве тамагана (Баян тухум). Но все же дело обстоит неважно. Нет ничего производственного, да и неоткуда ему скоро быть. Феодального скота мало. Засуха, верблюды сухи и, например, вопрос о переброске грузов первички (а таковая в Сайхане, *horribile dictu*[32], появилась) в Сайн ноян вызывает прения: дойдут ли верблюды или нет. Несколько человек служат галчинами и заролгами в тамге. Кое-кто охотится – и все. Живут не очень важно. Уже по приезде в УБХ /Уланбатор хото/ я узнал, что они ходатайствовали о разрешении разрабатывать хрусталь и свинец в Булгане. Охотники, сопровождавшие меня в Баян цаган, были из коммуны, и один долго изливался относительно непорядков и неудобств. К сожалению мешал ветер и я почти ничего не понял.

В Шанхай уле все более парадно. Культработа идет бойко, сравнительно богатая литературой красная юрта, инструктор более боевой и так далее. Публика собирается строить общий кирпичный дом и сама делает кирпичи, занимаясь этим довольно усердно. Но производств, за исключением небольшого извоза, связанного с местной первичкой и ее

---

31) { } –текст взят из фрагментарного материала А.Д.Симукова "Полевой дневник Гобийской экспедиции 1930 года" (с.31-34 машинописного текста, АИГМ №108).

32) Страшно сказать – (лат.).

отделениями, [нет]. Зимой может быть работа по добыче каменного угля для нужд тамагана, первички и медпункта. И это, пожалуй, все. Вообще придумать что-нибудь производственное для гобийских колхозов очень трудно.

О районировании известно всем. Новые границы уже проводятся. Расспрашивая о центре Южно-Гобийского аймага, я получал ответ что Дэлгэр хангаяй выбран, пожалуй, неудачно. Слишком близко к северной границе. Несомненно более центральным местом был бы хотя бы ара хоолай Сайханов, около Бацзар хуйтэна. Богатые ключи, корма, автодорога из УБХ и центральное положение – вот плюсы, с которыми согласно и население. Любопытно отметить, как буквально понимается на местах бумажная разметка новых аймагов. Так, например, в Сайханах меня серьезно поправляли, когда я говорил, что "Ваш хошун отходит к Южно-Гобийскому аймагу – "...." Не весь, а 90 с чем то %", хотя несколько процентов этих – ненаселенный западный угол, прямой линии ради отходящий к Западно-Гобийскому аймагу. Северная граница Гобийских аймагов, в смысле ландшафтном, проведена в общем правильно (Сангин далай, Салагой, Чойрэн). Вопрос о центре Восточно-Гобийского аймага для меня по-прежнему открыт.

Населению пока очень трудно свыкнуться с мыслью, что хошунов не будет. Многие с большим трудом понимают новое положение и конечно названия хошунов, как определение места, еще просуществуют довольно долго.

О МНЦК. База в Хояр улцзэйту была удачна для 3-х хошунов: Хояр улцзэйту, Хоток и Шанхай. Сайхан был уже далек. Теперь ее переводят к Дэлгэр хангаяю, и она должна обслуживать Южно-Гобийский аймаг. При нас товаров было довольно много. Снабжение первичек зависело от их своевременных запросов и транспорта. В первичках вообще дела обстояли хуже. Отвратительно в некоторых с отчетностью. Очевидно, есть растраты. При нас сгорела первичка Хояр улцзэйту, причем еще до этого на базе был разговор, что они не досчитают 4-5 тысяч. Сгорели документы, товар, большая часть сырья (шерсти). Тамга отнеслась очень мягко – свои ! База же определенно подозревает поджог. Первички любят забирать товар, не учитывая потребности в нем – лишь бы база давала.

Интересно, что Уланбатор счел нужным в числе товаров прислать ... шелковые дамские чулки. Стормонга в районе нет вовсе.

В Шанхай уле имеется медицинский пункт 3-ей медсанэкспедиции СССР в Монголии, с небольшим стационаром. Популярность его ограничивается тамгой с поселком (коммуна, пионеры и т.д.) и ближайшими окрестностями (15-20 верст радиусом). Больных, конечно, очень немного.

Но важность наличия пункта здесь не в этом. Персонал – врач, сестра, переводчик и санитар в одном лице и повар-китаец. Несколько юрт и все.

Настроения юга хорошо выражены в докладе Л.С.Пучковского. Мне прибавлять почти нечего. Тамаганное начальство теперь в Сайханах не местное. Даргу я не видел, а зам. – Гендун - родом из Намнан улы. В свою очередь, Юндун цзанги работает в Хан ундуре. Мера эта весьма уместна и может быть ее следовало бы провести в большинстве южных хошунов. По крайней мере ангиин тулелехчи [охотничий инспектор] в Сангин далае, Юндун намекал на это же по отношению к Шанхай уле, хотя я ни в чем не могу упрекнуть даргу этого хошуна, Батоцзаба. О настроениях мне говорил как-то и Кислицын, говоря о повороте в его районе на 90° в плохую сторону. К сожалению, я не видел Дорджи, а следовало бы поболтать с ним о разных разностях}.

Монгольская терминология растений

(более полно она приведена в моей работе “Гобийские пастбища Монгольской Народной Республики”.)

Хармаг, сундул	*Nitraria Schoeberi, N. Sphaerocarpa*
Багалур	*Anabasis brevifolia*
Дэрисун	*Stipa splendens*
Тэск	*Eurotia ceratoides*
Тана (главным образом)	*Allium polyrhizum*
Хилагана	*Stipa gobica*
Шара бударгана	*Kalidium gracile*
Хара шабаг	*Artemisia sacrorum*
Арца	*Juniperus sabina*
Буйлэсу	*Amygdalus pedunculata*
Сульхир	*Agriophyllum gobicum*
Нохой ширин	*Zygophyllum xanthoxylon*
Хайлясу	*Ulmus pumila*
Цзагсагал	*Salsola laricifolia? Zygophyllum sp.?*
Хотор	*Zygophyllum sp.*
Шара модо	*?*
Улан бударгана	*Reaumuria soongorica*
Яшил модо	*?*
Цзаг (саксаул)	*Haloxylon ammodendri*
Боро бударгана	*Salsola gemmascens*

Сухай (тамариск)	*Tamarix sp.*
Торлаг	*Calligonum mongolicum*
Долган модо	*?*
Шара шабаг	*Artemisia arenaria*
Хумуль	*Allium mongolicum*
Улэн	*Carex (stenophylla?)*
Хацзар	*Diplachne serotina (squarrosa?)*
Цулбур убус	(какой-то песчаный злак)
Боро шабаг	*Artemisia xerophytica*
Боролзай	*Tanacetum trifidum (achilleoides?)*
Шивэ	*Aristida adscensionis*
Хуйрик	*Potaninia mongolica*

Литература

1. А.Д.Симуков. “Географический очерк МНР”.
2. В.А.Казакевич. “Предварительный отчет о поездке 1923 г.”.
3. В.А.Казакевич. “Центральная Гоби и Золотой караул”.
4. М.В.Певцов. <...>.
5. П.К.Козлов. “Монголия и Кам”.
6. П.К.Козлов. “Монголия, Амдо и мертвый город Хара-хото”.
7. А.Н.Казнаков. “Мои пути по Монголии и Тибету”.
8. Н.М.Пржевальский. <...>.
9. Н.М.Пржевальский. <...>.
10. Материалы экспедиции Р.Ч.Эндрюса.
11. З.А.Лебедева. <...>.
12. Н.П.Иконников-Галицкий. <...>.
13. П.М.Васильевский. <...>.
14. А.Д.Симуков. Дневник за 1931 г.
15. А.Д.Симуков. Дневник за 1932 г.
16. А.Д.Симуков. “Гобийские пастбища МНР”.
17. А.Д.Симуков. “Кочевки и хотоны Гурбан сайханского района Южно Гобийского аймага”.
18. А.Д.Симуков. “Географический очерк гобийской окраины МНР”.
19. А.Д.Симуков. “Маршрут Уланбатор – Удэ – Байшинту - Уланбатор”.
20. С.А.Кондратьев. “Гобийская экспедиция Ученого Комитета в 1929 году”.

(АИГМ № 110, машинопись) **1930 г.**

А.Симуков

Материалы Гобийской экспедиции 1930 года

Заметки о растительности по маршруту

На участке Уланбатор – Ганга даба травы были в прекрасном состоянии, вследствие обильных дождей. Чуть ли не основной тон дает вострец и, следовательно, качество корма очень высоко. По Шарахай хундэй травы были тоже очень хороши, хотя дождя выпало несомненно меньше. На скалах Хайрхан отмечен порядочный ильмовник, толщиной до 20 сантиметров. Дожди здесь (небольшие) прошли недавно, а до того было сухо. На Адацагской степи мы пересекли участок с очень плохой выгоревшей травой, в дальнейшем ставшей гораздо лучше.

Общий характер степи здесь - преимущественно злаковая с примесью полыни.

За Адацагской степью попался участок почти чистой луковой степи. Лук весь в цвету (11/VII). Далее снова пошла преимущественно злаковая степь, с богатой примесью ковыля. Много прошлогоднего ковыля. К Сангин-Далаю корма пошли хуже. Дождь в этом районе прошел поздний и малый. За Сангин-Далаем часто попадались участки караганной степи. В травяном покрове все-таки преобладают злаки, может быть по причине песчанистой почвы. Около Дэлгэр хангая первые тойримы. Трава все время ухудшалась. На тойримах хармык по буграм. На участке под Хошу хидом растительность очень бедна. Появился багалур. Граница Гоби. За Хошу хидом все чаще стал попадаться багалур (*Anabasis brevifolia*) свежий, очевидно, недавно появившийся. В районе Баян тэга песчаная пустыня, густо поросшая типичными пустынными кустарниками, вплоть до мелкого саксаула. За Баян тэгом вплоть до тойрима тоже кустарниковая пустыня с главным образом щебнистой поверхностью и более редко рассаженными кустами.

Дожди здесь и далее к югу прошли недавно, а до того была засуха. После дождей трава поправилась и пустыня зеленела. Из-за позднего дождя лук вылез недавно, и только собирался цвести (13/VII). Кругом Баян цзага кое-где прошли хорошие дожди с грозой.

Травы на подъеме к Сайханам (почти сплошная луковая степь) были вполне приличны.

Всю пустыню к югу от Сайханов до Аргалинту (или, по крайней мере, до Цончжиин цзам) нельзя назвать кустарниковой. Крупный кустарник отсутствует, за исключением тальвегов, где отмечен хармык. Встречается лишь мелкий тэсх (*Eurotia ceratoides*). Травянистый покров обычен. Местами почти чистый багалур (*Anabasis*) – таких мест немного, местами (особенно к Цзун сайхану) хилагана (мелк. *Stipa*), местами тана (*Allium*) или тана с хилаганой. Местами же, особенно внизу, совершенно не было ничего. Это участки, где за лето не упало ни одной капли дождя.

По окраине впадины Баян тухум отмечены бугристые пески с хармыком и шара бударганой (*Kalidium gracile*).

В Цзун сайхане по сайрам средней зоны очень заметен темно-зеленый хара шабак (*Artemisia sacrorum*). По склонам характерные пятна арцы (*Juniperus*), правда, в этом году очень хилой и желтоватой. Специально горной альпийской зоны почти не видно. У подножья вершины (Хошу обо) нами встречен миниатюрный альпийский мак. В остальном вся растительность носит скорее полупустынный характер. Кустарника, кроме арцы мало, больше по скалам. Буйлэса (*Amygdalus*) почти не видно. С альпийской зоной было тем хуже, что почти под самой вершиной стоял аил и все кругом было основательно вытравлено.

Далее за Сайханами растительность носила тот же характер. Ровная пустыня, местами (без дождя) бесплодная, местами с небольшим однолетним покровом.

Мелкий тэсх (*Eurotia*) повсеместен.

Ара хоолай Номогана был почти бесплодным. Кустарник отсутствует, как и около Хушу хида. Ихэ номоган – кустарниковая эфедра, карагана, а в остальном вплоть до вершины пустынная растительность. Типичные гобийские горы.

Около ур. Хармагтай отмечены бугристые пески с хармагом. То же около Сангин Далая.

Ильмы отмечены в ущелье Цзамтэ (восточная оконечность Хурхэ) и в различных частях Цзаг сучжиин гоби и Дайчин гоби, а также в горах Хоту и в районе Гурбан цзэрдэ. Особенно многочисленны они вдоль больших сайров, сбегающих в упомянутые гоби с Шанхайского нагорья. Так, на Ундагиин голе ими образована большая аллея. Саксаула в Цзаг сучжин гоби не так много. В наиболее глубоких понижениях ярко зеленела шара бударгана (*Kalidium*). Бэль гор Хоту – типичная кустарниковая пустыня. Кустарниковая же пустыня отмечена в окрестностях г. Гурбан цзэрдэ. Здесь она покрыта нетолстым слоем песка,

скопляющегося в понижениях. На буграх обнажается щебнистая поверхность. Из кустарников около гор больше всего *Zygophyllum*'а 2-3 видов. На песке кое-где виден сульхир. По одному из сайров несколько кусков тамариска, с выросшим под его защитой камышом.

К востоку от Сангин Далая корма быстро исчезли и ара хоолай хр. Хурхэ, а также его ара бэль совершенно бесплодны. Там не было ни одного дождя. Одним из самых засухоустойчивых растений оказывается умухэй убус. По тальвегу к востоку по направлению к Цзаг сучжин гоби видны отдельные хайлясы. Бедная растительность появилась лишь около восточной оконечности Хурхэ, где, по-видимому, были слабые осадки (багалур). Здесь же отмечена редкая поросль буйлэса.

За кол. Боро хошу на окраине Цзаг сучжин гоби растительность снова ухудшилась и покров почти исчез. Близ ара бэля Хоту нам впервые после Баян цзага встретилась поросль саксаула. Кустарниковая пустыня бэля г. Хоту довольно разнообразна по составу (цзагсагал, хотор, буйлэс, шара модо, улан бударгана, багалур). В самых горах, как и всегда, растительность лучше равнинной. Обильны кустарники (хотор, шара модо, буйлэс, улан бударгана). Местами растет хайляс. Из травянистых тана и хилагана. Около Цзаг сучжи отмечен участок вымершего саксаула.

На дальнейшем пути к Бугутэриин обо покров отсутствует начисто. Даже хармак высох совершенно. В стороне от дороги мы видели два древовидных куста, о которых проводник сказал, что это яшил модо, очень редко встречающийся здесь на юге кустарник. По оголенной пустыне лишь кое-где попадался чуть живой, а то и вовсе высохший багалур. В то же время проводник указал, что в хорошие годы по этой покатости растет хорошая трава, много злаков (напр. буднур). Около Бугутэриин усу кое-где попадается цзаг. Далее к востоку начинают попадаться мелкие кустарники (улан бударгана, боро бударгана, хармаг, шара модо, далее прибавляется багалур). Около мон. Бага мото покров был несколько лучше, попадался багалур и отдельные экземпляры таны. Более приличная растительность была встречена в районе Бурхантэ: багалур, шара модо, улан бударгана. В кочках с шара бударганой и хармагом около кол. Хулусун худуг - отдельные очень мелкие экземпляры сухая. По дороге к Гурбан цзэрдэ покров очень плох. Чуть живые кустарнички улан- и боро бударганы и багалура. Далее местами совершенно высохший покров. По хоолаю в стороне от дороги в районе кол. Шонхот, местами цзаг, хайлясы, далее кое-где багалур, боро бударгана. В районе кол. Табун модо отдельные хайлясы, бугристые пески с нитрарией, несколько отдельных кустов сухая, торлаг модо. Пустыня кругом –

кустарниковая. Около Гурбан цзэрдэ следующий подбор: цзаг, улан бударгана, шара модо, боро бударгана, цзагсагал, хотор, буйлэс, мелкая карагана, багалур. По песку росло порядочно сульхира, очень мелкого в том году. В горах росла кое-какая мелочь вроде хилаганы. Местами цзаг образует заросли. Но в общем в районе Цзэрдэ было очень плохо. Далее на Шанхайском нагорье к северу от Бурхантэ покров был приличный. Здесь впервые в обилии были встречены ягоды хармага. Попадается хороший дэрис. В хармаге встречается кустарник долган модо. Хайлясы исчезают. По щебню преобладает багалур, попадается тана и хилагана. По ложбинам местами шара бударгана. Далее к северу количество таны и хилаганы увеличилось. Ара бэль южной гряды был хуже. Ара хоолай пересечен нами по двум (даже трем) направлениям. Тальвег был почти оголен, местами посох даже хармаг. Между Ихэ- и Бага улой – мелкий кустарник (улан бударгана, местами багалур). К югу от Цэцэй в одном из сайров – шара шабаг.

Убур бэль Ихэ-Шанхая был немного лучше. По сайрам крупные полыни. На равнине тана и хилагана, кое-где тэсх.

Далее за тамгой Шанхай ула, в районе песков ара бэля этих гор, покров был почти средний. Начинает встречаться хумуль. Тана исчезает. В злаках появляется хяг, хацзар, цулбур убус, много караганы разных видов. Крупные полыни (боро шабаг). Вообще покров уже полупустынный. За полосой песков временно прекращаются кустарники. Травянистая растительность тут была немного хуже (ниже среднего). За кол. Хабирга по арагу появляется обильный местами тэсх. За кол. Хармагтай кустарник связан с песчаной почвой. Попадается тэсх, караганы. Травянистый покров был приличен. Состав травостоя гобийский (тана, боролзай, хилагана, багалур). Приличный покров шел и далее к Баян булагу, Нумургэ и до тамги Хояр улцзэйту. В районе Баян булага по бэлям – кустарник. Ближе к Соланхэрской дороге к северу от Нумургэ он почти отсутствует. Есть немного тэсха. Далее кустарник снова появляется в значительном количестве. По тойримам – шара бударгана, нитрария. Недалеко от Шара шабагтая попадаются заросли уртул модо. На бэлях – тана, багалур, хилагана. В этом районе попадается в значительном количестве шивэ – мелкий злак. За Хояр улцзэйту вскоре идет высокая караганная степь с хорошим нижним ярусом (хилагана, боролзай). Далее начинается понижение с саксаулом, довольно обильным, но не достигающим большого роста. На песке было довольно много очень мелкого сульхира. Понижения сменяются снова караганной степью. На щебнистых и гравийных пространствах еще держится багалур. Местами очень много хумуля. За местностью Сологой

полупустыня окончательно переходит в степь, сначала с большим количеством таны. Покров здесь был превосходен и оставался таковым до самого Уланбатора.

Замечания относительно отдельных растений. Хотор очень похож на нохой ширин. Заменяет последний по южной границе. Легко отличим по запаху при горении. Пахнет гораздо приятнее нохой ширина. Цзагсагал – очень распространенный кустарник. На западе я его как-то не замечал, но на восточном пересечении он встречался от южной границы до ур. Хутуль усу. Относится к *Zygophyllum*'ам. Яшил модо остался невыясненным. Очень любопытен кустарник уртул модо, встретившийся мне около Шабагтай усу. Внимание на него обратил Е.К.Кузнецов, рассказавший, что он уже давно присматривается к этому кустарнику. Дело в том, что Кузнецов считает этот кустарник вымирающим, так как уже в течение многих лет он не видел ни разу, чтобы уртул модо зеленел бы по-настоящему. Всегда и везде хилые, обшарпанные, полусухие кустики, часто вовсе мертвые. На некоторых зеленеют одна-две веточки, на других немного больше. Отдельные кустики (редкие) зеленеют почти сплошь. Но все это имеет чрезвычайно хилый, заморенный, уставший вид. Записал любопытную пословицу: "туленей му уртул, хуней му сартул"[1]. Шара бударгана в пределах хошуна Хояр улцзэйту называется шара модо.

Зоология. Биологические наблюдения

Июль. На участке Уланбатор – Хайрхан отмечено значительное количество пернатых хищников – степных орлов и сарычей. В северной части Шарахай хундэй встречена пара соколов типа *Falco cherrug*. На скалах Хайрхан отмечены *Monticola saxatilis* и *Saxicola pleschanka*. Первые цзэрэны на Шарахай хундэй. По Адацагской степи снова цзэрэны и *Syrrhaptes paradoxus* здесь гнездящиеся (нелетающие птенцы) (10/VII). Отмечены в небольшом числе тарбаганы на равнине.

За Сангин далаем появились *Phrynocephalus*'ы, тарбаганы исчезли. В разных местах отмечен боцзолаг (полупустынный суслик). Все время цзэрэ. Первые *Antilope subgutturosa* отмечены между Баян тэгом и Баян цзагом на тойриме. Далее они попадались все время (до Баян цзага). На кормежку выходят задолго перед закатом. За ключом Дала, в начале подъема к Сайханам встречены цаган цзэрэ. Они же есть в районе перевала Халга.

В хребте Баян цаган (южная степь), по-видимому, только *Capra*.

1) "Худшие дрова - уртул, худший из людей – сартул".

Отмечен помет *Megaloperdix*. Ухуны ходят, по-видимому, отдельно. Пара встречена на утренней кормежке на дне ущелья. В 1929 году в начале июня ухуны встречены с самками. Барс в Баян цагане есть (следы).

По южной Сайханской депрессии почти везде, (кроме, может быть тальвегов) цаган цзэрэ встречены наравне с хара сультами. Правда, первые придерживаются более богатых кормов, что не всегда можно сказать о хара сультах.

Вокруг Ульцзейту Ундура, довольно неожиданно для меня, оказались в приличном количестве хуланы (*Asinus hemionus*). Несколько хуланов держалось в районе кл. Баян далай (к северу от Байшинту). Жители окрестностей Сангин Далая (монголы) очень удивлены появлением в 1930 году в их районе хуланов, чего на их памяти раньше не случалось. Все это тем более странно, что весь этот район был почти поражен засухой и хуланы должны были отойти к западу. Может быть, там было еще хуже?

Подтверждаются сведения о существовавшей в былые времена в районе Хояр улцзэйту "Хулангиин цзам" (хуланьей тропы) ведшей в район Сайн усу.

В Цзун сайхане имеется барс, довольно много волков (население жалуется), козлы, аргали, гриф, ягнятник, улары (*Megaloperdix*). В посещенной нами части хребта козлы держатся в районе Агцза-Хайрхана и далее к Хошу обо. Кроме того они же должны держаться в северной гряде Цзун сайхана (Йола). Аргали мы, по указанию проводника, буквально во множестве встречали в северо-западной части массива, где с одной точки нам были видны 5-6 табунов на кормежке. Были добыты две самки. Слиняли, но еще носили остатки старой шерсти. Молодые подросли уже основательно, как и у цзэрэнов. Уллары встречены на Агцза-Хайрхане. Многочисленны пищухи (*Ohotona Pricei?*). По расспросам, самка цаган цзэрэ приносит одного детеныша, а хара сульта - почти всегда - двух.

В Ихэ номогане встречены козлы и аргали. Последние в этих горах не избегают бродить по скалам и крутейшим откосам. Самцы (в числе 3-х) отмечены отдельно от самок и молодых (последние также были нами встречены).

Отмечу, что от Дэлгэр хангаяя и до Сангин Далая (т.е. Хурхэ) мы не видели ни одной саксаульной сойки, что довольно странно. В горах (Баян цаган, Цзун хайрхан и Ихэ номоган) не замечено ни одного кэклика (*Caccabis*).

На запад от Улцзэйту ундур перестали встречаться цаган цзэрэ. Хара сульт, вследствие засухи, мы встречали далее очень мало. Местами их не было вовсе.

В горах Хоту есть янгеры (*Capra*), и аргали. в хороший год их бывает

очень много. Нами же отмечены всего 2-3 самки аргали. Говорят, что сюда иногда заходит барс, есть рысь. Хребет Хурхэ по всей вероятности, совсем не так беден зверем, как отмечено мной в работах Южной партии экспедиции Козлова за 1925 год. Тогда могли иметь место неправильные расспросные сведения.

Наш проводник с Цаган гола (к <...> от Цзун сайхана), пожилой сомонный дарга, безусловно, внушавший доверие, говорил мне, что охотники убивали ***хайрт буров*** (гигантский дикий верблюд), еще во времена его детства, т.е. сравнительно недавно (см. отчет о Гобийской экспедиции 1927 г.).

Хярса на равнинах почти повсеместна (для южной Сайханской депрессии и нагорья Буур – Номоган).

Красный волк (*Canis alpinus*) как будто бывает (очень редко) в районе Сайханов.

В горах Хоту отмечены ***фаланга,*** гобийская ***многоножка*** (арбальчжи) и ***скорпионы.***

В Цзаг сучжин гоби собраны расспросные сведения о редких насекомых, пресмыкающихся и т.д.

Олгой хорхой в Цзаг сучжин гоби довольно обыкновенен. Говорят о нем много и очень боятся. Если он появляется в юрте – скочевывают. На поверхности он появляется чаще всего после дождей, когда земля сыровата. В юртах олгой хорхой появляется по большей части под ведрами, где бывает сыро. Упорно говорят о его ядовитости. Цвет определяют как “белая парча”. Кроме олгой хорхоя жители Цзаг сучжин гоби говорили о “темен суль хорхой”, определяя его как безхвостую ящерицу. Из насекомых упоминали о хумус хорхой, величиной и формой как ноготь, бухэг или хумурик хорхой, встречающемся в навозе. О последнем я впоследствии узнал у Е.К. Кузнецова, что это мокрица, почти круглой формы. Хун-хорхоя в Цзаг сучжи нет. Отсутствие *Podoces* отмечено и на перевале Сангин Далай – Бурхантэ. В г. Хоту кэклики (*Caccabis*) также не обнаружены. Причина, вероятно, в засухе.

В гор. Гурбан цзэрдэ иногда бродят аргали (отмечен след самца), есть волк, лисица, дикая кошка (какой вид?). Из птиц отмечены: *Podoces, Athene, Gamus*. Добыт *Dipus Sowerbyi*. Есть *Erinaceus auritus*.

Август. В районе Бурхантэ хара сульт ловят капканами. Сульты попадались нам по всему пути от Бурхантэ до Хояр улцзэйту и еще немного севернее. Несколько штук отмечено и в районе кол. Табун модо. Около кол. Хутуль усу, где мы выехали на Соланхэрэский тракт, встречены в обилии скорпионы. Говорят, что тут много змей.

В районе к югу от уртона Тала булаг отмечены огромные стада цаган

цзэрэ по 1.000-2.000 голов.

Всего мы видели за один день 10.000.

Список монастырей хошуна Шанхай ула

1	Сангийн далай	+	11	Уртугиин хурал	+
2	Булган хурал	+	12	Бага модони хурал	+
3	Улан эрги	+	13	Долон щарцзак сумэ	+
4	Эхин цзаг	+	14	Ламаин дуган	+
5	Балгасин хид	+	15	Дучи хурал	+
6	Мани хурал	+	16	Далай дуган	+
7	Табун хоботэин хурал	+	17	Шара добу хурал	
8	Цэцэй хурал	+	18	Люнгиин хурал	
9	Абораху сумэ	+	19	Булаг билю хурал	
10	Барун су сумэ	+	20	Хара ноянэ хурал	

Список монастырей хошуна Гурбан сайхан

1	Байшинту хид	+	7	Цаган субурга Хурал (г.Сэбэрэй)	+
2	Гучи хурал	+	8	Ноян богдаин хурал	+
3	Аршан хурал	+	9	Цаган Дэрэсун хурал	+
4	Цаган улаин сумэ	+	10	Шюлютэ хурал	+
5	Оботэн хурал	+	11	Дуган голин хурал	+
6	Цаган субурга хурал (г.Тосоту)	+			

(+) - отмечены монастыри, обозначенные на съемке.

(АИГМ № 116, автограф) **1931 г.**

А.Симуков

Предварительный отчет Гобийской экспедиции Научно-Исследовательского Комитета МНР 1931 года

В предлагаемом ниже отчете вкратце изложен характер работ экспедиции, очерчены результаты этих работ и даны соответствующие выводы. Краткость и схематичность приводимых положений вынуждают считать этот отчет предварительным и зависят от неразработанности материалов экспедиции, подвергшихся пока лишь самой общей разборке.

I.

Программа экспедиции в основном сводилась к следующим трем пунктам.

1. Отыскание мест для новых аймачных центров Южно-Гобийского и Алтайского аймагов (задание ЭКОСО).
2. Исследования общегеографического характера на юге и юго-западе страны.
3. Исследование гобийских пастбищ – определение кормовой производительности отдельных комплексов растительных ассоциаций и их картирование.

Состав экспедиции по линии НИК-а определился 4 работниками: Симуковым А.Д. (географ), Ураковым С.М. (топограф), Симуковой М.А. (коллектор) и Вагаповым А. (шофер). От Экономсовета МНР к экспедиции был прикомандирован сотрудник этого учреждения В.Д.Якимов. Он принимал участие в обсуждении различных вопросов, связанных с выбором новых аймачных центров на месте, и вел самостоятельную работу по обследованию колхозов, освещению состояния товароснабжения и определению продуктивности местного скота по молоку. В этой работе он отчитался перед соответствующими учреждениями и в дальнейшем я о ней упоминать не буду. Мои личные беглые наблюдения, касающиеся колхозного строительства, товароснабжения и других моментов

политической и хозяйственной жизни страны, не воошедшие в вышеприведенную программу, не вошли в полевой дневник и зафиксированы особо.

Хронология и маршрут экспедиции сводятся к следующим основным моментам.

Экспедиция выехала из Уланбатора на грузовом автомобиле НИК-а 13-го июня 1931 года в юго-западном направлении по так называемой Сайханской автодороге. В 60 км к северу от Дэлгэр хангая произошла серьезная поломка несколько перегруженного автомобиля, задержавшая часть экспедиции на целый месяц. Мы же с В.Д.Якимовым выехали уртонскими в аймуправление Южно-Гобийского аймага, провели там предварительное совещание по вопросу о новом центре и также уртонскими проехали до Шарангутая (райконтора МНЦК №12), откуда на автомобиле МНЦК совершили объезд Южно-Гобийского аймага по маршруту Шарангутай – Догшихо – Шанхай ула (боковой разъезд в Галба сомон) – кл. Далан цзадагай - Баян тухум (Гурбан сайхан). Из Баян тухума я сделах разъезд верхом в Цзун сайхан с целью осмотра угольного месторождения, а затем уртонской дорогой выехал в Дэлгэр-Хангай, куда несколько ранее прибыл на том же автомобиле МНЦК В.Д.Якимов. 11-го июля я доехал до Дэлгэр хангая, а 13-го туда же прибыл исправленный автомобиль экспедиции. Необходимость сделать личный доклад о выборе нового центра Южно-Гобийского аймага и одновременно связаться с прибывшими из СССР отрядами Монгольской Экспедиций побудила меня съездить в Уланбатор, где я и пробыл с 15-го по 28-ое июля. По моем возвращении в Дэлгэр-Хангай экспедиция в целом выехала в Баян тухум (Гурбан сайхан), где была устроена база. М.А.Симукова и С.М.Ураков остались в Баян тухуме для работы в районе Гурбан сайхана. В.Д.Якимов же и я 6-го августа выехали из Баян тухума на запад, в Алтайский аймаг, для отыскания места нового центра этого аймага. 850 км очень тяжелого пути до Хан тайшири заняли 10 суток и мы прибыли на место лишь 16-го августа. По обсуждении вопроса о новом центре с аймуправлением и аймпарткомом, мы 18-го выехали на автомобиле МНЦК в разъезд по Алтайскому аймагу, откуда вернулись 21-го августа. Вопрос о центре был предварительно решен и решение согласовано с айморганизациями. 25-го мы выехали в Цэцэрлиг, так как ввиду трудности гобийской дороги для автомобиля, я решил ехать в Гурбан сайхан северным путем. Вследствие разлива рек (р.р. Цзаг и Байдараг), автомобиль добрался до Цэцэрлига лишь 1-го сентября. В.Д.Якимов прямо из Цэцэрлига вернулся в Уланбатор с моими докладами НИК-у и ЭКОСО о проделанной работе. Получение денег из Уланбатора и разные дела задержали меня в Цэцэрлиге до 10-го

сентября.

По выезде из этого пункта на р. Урду Тамир произошла вторая серьезная поломка, задержавшая меня в Цэцэрлиге до 3-го октября. Это время было использовано мною для разъездов на Хойту Тамир и в истоки Ихэ могоя и для приведения в порядок дневника, съемки и т.п. Следуя, полученной из НИК-а телеграмме, я 3-го выехал в Уланбатор, куда прибыл 4-го.

5-го же октября на автомобиле гидрогеологического отряда Монгольской Экспедиции я выехал в Баян тухум, где завершил свою работу совместно с гидрогеологом П.М.Васильевским и геологом З.А.Лебедевой разъездом вокруг г. Цзун сайхан.

21-го мы с М.А.Симуковой, также принимавшей участие в этом разъезде, вернулись с попутным автомобилем ГВО в Уланбатор. С.М.Ураков вернулся в Уланбатор несколько раньше – 13 октября. Таким образом экспедиция продолжалась около 4 месяцев.

II.

Как было указано выше, первым и основным заданием было определение новых аймачных центров двух южных аймагов на основании изучения вопроса на месте.

При определении нового аймачного центра требовалось принять во внимание географическое положение, густоту населения, пути сообщения, удобство администрирования, экономическое тяготение, абсолютную высоту, климат и ландшафт вообще, воду и топливо. Подробно о ходе работ по этому заданию и о выбранных новых центрах см. мои подробные доклады Экономсовету, приложенные к настоящему отчету (*материалы помещены в настоящем сборнике, том 3(2) в разделе "Материалы по районированию МНР" – сост.*). Здесь же остановлюсь на этом вкратце.

Новым центром Южно-Гобийского аймага был выбран ключ Далан цзадагай, расположенный в нескольких км к северу от восточной оконечности хр. Цзун сайхан, на покатой равнине, спускающейся к тальвегу Цзун сайханского ара хоолая. Ключ этот мало страдает от засух, не промерзает насквозь зимой и является самым большим в аймаге (осенью он давал около 50.000 ведер в сутки). Топливо, в виде бурого угля, вполне пригодного для этой цели, находится в 30 км к западу. Уголь выходит на поверхность и к выходам можно близко подъехать на автомобиле. Абс. высота Далана – около 1400-1450 м. Население кочует в окрестностях круглый год. Корма – обедненная злаково-полынно-луковая степь с караганой, более богатая, нежели окружающие это пятно полупустыни. В непосредственной близости проходит старая караванная

дорога, доступная автодвижению и пересекающая аймаг в широтном направлении. Есть возможность проложить прямую и удобную автодорогу на Уланбатор через Шарангутай. Максимальные расстояния до границ аймага почти во все стороны более или менее одинаковы. Некоторая сдвинутость к югу облегчает обслуживание южных сомонов и объясняется кроме того особенностями ландшафта. Аймачные организации вполне согласились с моим выбором, и мой доклад о новом центре перед специальным совещанием по этому поводу в Экономсовете не вызвал ни одного возражения. Мое предложение было утверждено, и в конце октября сего года аймачное управление уже перекочевало на новое место. Попутно я внес еще два предложения – о передаче ряда северных сомонов Южно-Гобийского аймага Центральному (Уланбаторскому) и о перенесении Соланхэрского тракта к западу с тем, чтобы он проходил через аймаг. Оба эти предложения были также утверждены. Первое из них было вызвано желанием уменьшить сферу деятельности Южно-Гобийского аймуправления, бедного работниками, за счет сильного людьми Уланбаторского аймага. Кроме того ландшафт этих сомонов тождественен ландшафту южной половины Уланбаторского аймага и не имеет специфически гобийских черт.

Перед выездом в Алтайский аймаг мне казалось, что вследствие моего малого знакомства с его территорией, выбор центра там будет затруднителен. Но на деле оказалось иначе. Разъезд в 300 км и маршрут по территории аймага по дороге в Хан тайшири длиною тоже в 300 км были достаточными, чтобы составить себе представление о важнейших факторах, определяющих местонахождение нового центра и найти этот последний. Конечно, много помогла привычка к ориентировке и схематизации основных географических элементов.

Новый центр Алтайского аймага будет находиться (ибо переезд назначен летом 1932 г.) км в 40 по прямой линии к югу от Хан тайшири, на седловине между Тайширским хребтом и Алтаин нуру с одной стороны, и низкими котловинами Биггэр нур и Шаргаин гоби с другой. У верхнего юго-восточного края Шаргаин гоби и расположен ключ Халюн - новый аймачный центр. Абсолютная высота его - около 1500 м (на 800 м ниже Хан тайшири).

Через Халюн проходит старый китайский торговый тракт, перерезающий аймаг в широтном направлении. На север к Чжибхоланту ведут два перевала, доступные автомашинам.

На юг через Алтаин нуру также есть доступный автомобилю перевал, ведущий к земледельческому оазису Цзахой цзарман. К востоку и западу от Халюна лежат глубокие жаркие впадины Биггэр нур и Шаргаин гоби,

на дне которых у ключей и речек имеются крупные для Гоби очаги земледелия. Небольшие участки посевов разбросаны и по приподнятым окраинам этих впадин и на седловине между ними. Таким образом, Халюн оказывается в центре Алтайского земледелия. На самом ключе этого имени имеются посевы площадью около 30 га. Ключ Халюн - речка, выбегающая из мощных источников и текущая 2-3 км, после чего она уходит под землю. Топливо – около 20.000 га саксаула на расстоянии в 30 км от Халюна. Кроме того в районе имеется каменный уголь. Словом, избрав ключ Халюн, как новый аймачный центр, я мог защитить свой выбор по всем пунктам с основательным знанием обстановки. Выбор этот был согласован с аймачными организациями и утвержден Экономсоветом.

Единственный минус Халюна – снежные заносы зимой на одном из перевалов, ведущих к северу. Перекочевка аймачного центра в Халюн из Хан тайшири предполагается летом 1932 года.

Таким образом, основное задание экспедиции можно считать полностью, на 100% выполненным.

Кроме того на основании личного осмотра значительной части Алтайского аймага мною было внесено в Экономсовет предложение о некоторых изменениях и уточнениях в границах этого аймага. Предложение это пока, за недостатком времени, детально не рассмотрено.

Специально на изучение вопроса о новых аймачных центрах и на выбор их мною было потрачено около 40 дней.

III.

Параллельно с работой по определению аймачных центров, мною велась работа по общему географическому исследованию страны. Удачно выбранный маршрут в соединении с опытом прежних лет и общим знакомством с материалами по посещенной местности дал мне возможность сделать ряд обобщений, довольно четко рисующих схему ландшафтно-географических провинций или участков на значительной (30%) части территорий МНР.

Разделение любой территории на ландшафтно-географические участки или провинции позволяет быстро и систематически охватить все особенности данной территорий и ее отдельных частей, обобщить и экстраполировать отрывочные данные по естественным производительным силам, помогает проведению экономическо-хозяйственного районирования и разработке реальных хозяйственных планов, особенно в тех странах, где хозяйство еще в значительной мере зависит от ландшафтных факторов. В качестве примера можно указать, что при разработке проекта нового

районирования МНР схема географических провинций страны сыграла немалую роль. Перейду к конкретным положениям.

1. К югу от предгорий Хэнтэя (в широком смысле), границей которых грубо может служить 47-ая параллель, залегает обширная холмистая возвышенность, которую я предложил бы назвать “Средней” или “Средне-халхасской возвышенностью”. Основой этой возвышенности служат пенепленизированные гранитные поля, местами с полуразрушенными примазками осадочных толщ – остатками “крыши”. Устойчивая средняя высота этого района - 1300 м. Местами однообразный холмистый, с мелкими котловинками, ландшафт разнообразится невысокими горными кряжами – Бага гацзариин чулу, Ихэ гацзариин чулу и некоторыми другими. Наивысшей точкой описываемой возвышенности будут, пожалуй, Чойринские скалы (1420 м).

Очертания Средне-Халхасской возвышенности предположительно следующие. На севере, как указано выше, она ограничена 47-ой параллелью и упирается в размытую южную окраину Хэнтэйской горной страны. На северо-западе она доходит до восточного пониженного продолжения Хангайского водораздела. На западе условной ее границей служит, вероятно, р. Онгиин гол. На юге граница этой возвышенности проходит немного севернее Дэлгэр хангаяя, или по этому хребту и по этой широте идет на восток, где проходит между Чойрином и Сайн усу. Стык ее с Восточно-Монольской равниной мне неизвестен, условно же за восточную границу описываемой возвышенности можно принять 110-й меридиан (от Гринвича). Очерченная таким образом площадь измеряется 70-75 тысячами кв. км или 7-7.5 миллионов га. Среднехалхасская возвышенность имеет типично степной облик. Древесная растительность совершенно отсутствует. Степь по преимуществу злаковая (ковыльная), местами с примесью полыней и луков. Больших рек и озер нет. Ключи и, особенно, колодцы часты и в водопоях особого недостатка не ощущается. В низинах обычен дэрис. Местами степь принимает облик злаково-караганной. С точки зрения скотоводства – это типичный овцеводческий район. Хорошо подходит он также и для лощадей. Рогатый скот чувствует себя в этом ландшафте неплохо, но хуже, чем в лесостепном. Административно почти вся Среднехалхасская возвышенность входит в Уланбаторский (Центральный) аймаг, составляя его южную треть.

2. Следующим к югу ландшафтно-географическим участком будет “Центральная впадина”. Термин этот новый, впервые вводимый мною. Многочисленные меридианальные маршруты позволяют проследить, что

так называемая Южная озерная котловина, лежащая между Хангаем и Гобийским Алтаем, тянется далеко на восток и органичивает с юга не только Хангайскую горную страну, но и Среднехалхасскую возвышенность. Прежними исследователями достаточно четко выделялась западная ее часть до меридиана сухого озера Онгиин улан нур на восток. Теперь же можно с уверенностью очертить среднюю часть этой впадины. К востоку от указанного меридиана она значительно расширяется, достигая 100-120 км в поперечнике (от южного бэля Дэлгэр хангаяя до северного бэля Барун и Думда сайханов). Но далее, сжатая с юга широким массивом древнего Шанхайского нагорья (см. ниже), Центральная впадина суживается и глубокой долиной в 30-40 км шириной отделяет в дальнейшем Среднехалхасскую возвышенность от Шанхайского нагорья.

Восточный участок описываемой впадины пока наименее ясен. Профиль по тракту Уланбатор – Удэ показывает наибольшее понижение в Сайн-усинской депрессии, которую можно предположительно связать с Центральной впадиной, тем более, что депрессия эта лежит как раз на линии направления указанной впадины.

Есть некоторые данные предполагать, что Центральная впадина, сохраняя обращенную выпуклостью к югу изогнутость, общую почти всем основным формам рельефа Монголии, уходит далее на северо-восток к Буир нуру, делаясь все мнее и менее заметной. Но это пока лишь гипотеза. На западе Центральная впадина за озерами-испарителями р. Байдарага ***непосредственно*** переходит в небольшую, но глубокую Биггэрскую котловину. Перегораживающего ее на картах меридианального хребтика Дурбельчжин нуру, по-видимому, ***не существует***, тем более что очертания, придаваемые ему на картах, идут вразрез с общим законом направления основных элементов рельефа страны. Биггэрская котловина отделена высокой, но узкой седловиной, сжатой хребтами Алтаин нуру с юга и Тайширским с севера, от обширной и не менее глубокой котловины Шаргаин гоби. Шаргаин гоби, имеет, в свою очередь, открытый проход на равнину Хуйсин гоби, уходящую на северо-запад к Хобдоским озерам.

Таким образом, гипотетически мы можем себе представить Центральную впадину, как сравнительно узкую, но очень длинную и довольно глубокую депрессию, пологой дугой охватывающую с юга 2/3 страны и служащую ясной северной границей гобийских ландшафтов. Максимальная гипотетическая длина ее (Дургэ нур – Буир нур) доходит до 2000 км. Определенно можно говорить об ее участке длиной в 800 км (Биггэр нур – меридиан Уланбатора), несколько предположительно – о 1000 км (Биггэр нур – Сайн усу).

Максимальная ширина Центральной впадины была указана выше. Высоты различных точек ее тальвега на тысячеверстном участке колеблются в пределах от 750 м (Сайн усу) до 1100 м абс (Орог нур).

Вся или почти вся Центральная впадина наполнена осадочными толщами преимущественно мезозойского возраста (З.А.Лебедева), в которых преобладают песчаники, глины и некоторые другие породы.

Ландшафт всей Центральной впадины (без исключений) несет на себе яркий отпечаток пустынности. Здесь северная граница массового распространения таких типичных пустынников, как саксаул и др. специфические виды (*Zygophyllum xanthoxylon, Potaninia mongolica* т.д.).

На территории Центральной впадины мы встречаемся со всеми или почти со всеми типичными гобийскими ассоциациями, развивающимися на типичных же гобийских почвах. Здесь мы находим и оголенные барханные пески, и задерненные равнинные пески с *Allium mongolicum*, специфическими злаками и т.д., и глинистые тойримы с саксаулом, *Kalidium gracile* и мелкокустарниковые ассоциации с *Salsola gemmascens* и *Reaumuria soongorica* и бугристые пески с *Nitraria*, и ковыльково-луковую щебнисто-галечную полупустыню (*Allium polyrhizum et Stipa gobica*).

Соответственно растительности и фауна Центральной впадины имеет пустынный облик. Здесь водятся хара сульта и хулан - животные, приуроченные в МНР к пустыне и полупустыне. Центральная впадина, как и следовало ожидать, служит северной границей их распространения.

Климат описываемого района очень сух, континентален. Лето жарко. Осадков выпадает очень мало. Часты обширные безводные пространства. С другой стороны, на территории Центральной впадины находятся низовья и озера-испарители речек южного склона Хангая (р.р. Туй, Тац, Байдараг, Онгиин). Население редко (за исключением особо благоприятных мест, вроде низовьев Туйин гола с Орог нуром). В стаде, по сравнению с прилегающими к Центральной впадине более северными районами, заметны крупные изменения. Большую роль играет верблюд, крупного рогатого скота мало.

3. Третьим ландшафтно-географическим участком четко оформившимся в результате работ экспедиции 1931 года будет Шанхайское нагорье. Термин этот тоже новый, впервые примененный сотрудником НИК-а Кондратьевым в 1929 г. Этим именем, происходящим от названия двух небольших горных групп Ихэ шанхай и Бага Шанхай, находящихся на данном участке, мы предлагаем называть сложенное древними осадочными породами (граувакково-аргиллитовая свита – З.А.Лебедева) пенепленизированное нагорье, расположенное в южной трети Республики на меридиане

Уланбатора. Границами его служат: на севере и западе – Центральная впадина, на юге – восточная оконечность Гобийского Алтая до гор Хурхэ включительно, и Цзаг-Сучжинская депрессия на востоке – примерно 108-й меридиан. Площадь Шанхайского нагорья равна примерно 50.000 кв. км (5.000.000 га). Его рельеф – вытянутые в широтном направлении гряды холмов и невысоких гор, разделенные неглубокими долинами того же направления. Абс. высота нагорья колеблется в пределах 1200-1600 м. Отдельные вершины могут быть немного выше.

Эта приподнятость Шанхайского нагорья в связи с почвенными и иными условиями приводит к тому, что растительность его необходимо целиком отнести к полупустынной зоне, именно к комплексу ассоциаций травянистой полупустыни, характеризующемуся сравнительно немногими фоновыми растениями – *Stipa gobica* (хилагана), *Allium polyrhizum* (тана), *Tanacetum sp.* (боролзай) и др. В южной половине нагорья появляется обильный *Anabasis brevifolia* (багалур). Более пустынный характер имеют преимущественно замкнутые низины, вернее их дно, с типичными тойримами (*Kalidium gracile*), бугристыми песками (*Nitraria*) и узкой оторочкой солянок (*Salsola gemmascens et Reaumuria soongorica*). В некоторых же местах мы имеем обедненную злаково-полынно-караганную степь. Саксаула собственно на нагорье, по-видимому, нет нигде. Из фаунистических признаков отмечу обилие цаган дзере (*Antilope gutturosa*), явно избегающего пустынных формаций.

Осадков в Шанхайском нагорье выпадает, вероятно, несколько больше, чем по Центральной впадине. Лето менее жарко. Ключи на Шанхайском нагорье сравнительно редки. Колодцев много и население по густоте надо считать, по-гобийски, средним. В описанном ландшафте из скота хорошо себя чувствуют верблюд (особенно в южной половине), овца, коза. Неплохо и лошади.

Восточная граница Шанхайского нагорья выяснена еще плохо. В этом году я нащупал ее к востоку от г. Галба, много севернее одна из точек этой границы намечена около мон. Баян булаг. На юге Шанхайское нагорье вплотную подходит к Гобийскому Алтаю, будучи отделено от него Бацзар-хуйтэнской долиной и, отчасти, котловиной Годли балгас. Далее к востоку на небольшом участке против мон. Сангин Далай границы Шанхайского нагорья и Гобийского Алтая стираются, еще же дальше к востоку их начинает разделять ара-хоолай гор Хурхэ, уходящий в Цзаг сучжиин гоби. Крайний западный пункт Шанхайского нагорья находится на меридиане ключа Бацзар.

4. Крайний юго-восточный угол Республики не был затронут мной в

экспедицию этого года. Но в связи с оформлением Шанхайского нагорья и Центральной впадины, очертания его определяются более четко. Судить об этом участке я могу лишь по материалам Гобийской экспедиций НИК-а 1929 года, маршрут которой пересек с северо-востока на юго-запад северную половину этого района. Участок маршрута этой экспедиции от Сайн усу до Баян булага был назван С.А.Кондратьевым "Областью тойримов" и характеризуется сетью невысоких холмистых гряд, имеющих *SW–NO* направление и слегка изогнутых выпуклостью к югу, между которыми заключены замкнутые котловины, вытянутые в том же направлении. Основные высотные показатели – 800-1100 м для низин, и 1000-1200 м для гребней.

Возможно, что такой характер сохраняется и в южной половине участка. Более подробно останавливаться на этом районе я не буду, лишь позволю себе предложить обозначающий его термин. Название "Холмисто-равнинная восточная Гоби" кажется мне пока наиболее подходящим.

5. Понятие "Гобийский Алтай" особого пояснения не требует. Повторю лишь, что восточной оконечностью собственно Алтаин нуру или Монгольского Алтая я считаю хр. Гичигэнэин нуру.

В области Гобийского Алтая мною разобран ряд деталей, подробно останавливаться на которых я не буду.

Так, выяснено взаимоотношенеие элементов рельефа в районе Цзун сайхана (в широком смысле), полностью прослежены пески Хонгор элэсу, освещена южная часть пустыни между г. Сэбэрэй и Бага богда, выяснены отношение Нэмэгэтинского ара хоолая к Цзун-модской впадине, характер этого хоолая, характер района к западу от Лэгин гола и т.д.

За пределами очерченных выше географических участков также сделан ряд наблюдений по отдельным районам, детализирующий и пополняющий прежние сведения о них. Приведу примеры.

Выяснены: соотношение элементов рельефа в районе оз. Хутуг нур, пространство Хан тайшири – Цаган олум – Баян хонгор и на юг до Сэрхэ богда, южный склон Эгин даба, район между Цэцэрлигом и Субурга хайрханом.

Наконец, по всему рабочему маршруту дано подробное ландшафтно-географическое описание в форме полевого дневника объемом до 500 стр.[1)]

В описании этом, помимо рельефа, флоры и фауны, кратких заметок по геологии, населению и т.д., собран ряд расспросных сведений о

1) Дневник, кроме отдельных фрагментов, до настоящего времени в архивах не найден (*прим. сост.*).

полезных ископаемых. Отмечено несколько (5-6) месторождений каменного угля, из которых 3 проверено; получены сведения о месторождениях золота и горючего сланца.

Список этих месторождений см. в приложении[2)].

Подробно разобран вопрос о путях сообщения (преимущественно старых китайских дорогах) на территории Южно-Гобийского аймага и в посещенной части Алтайского аймага.

Собраны расспросные сведения о горячих источниках Цэцэрлигского района.

Записан ряд сведений по скотоводческому хозяйству.

По всему рабочему маршруту экспедицией произведена маршрутно-глазомерная буссольная съемка, вычерченная в масштабе 1:400.000 (4 км в 1 см). Засняты следующие участки.

1. Дэлгэр-Хангай – Шарангутай.
2. Автодорога Шарангутай – Шанхай ула.
3. Участок старой Хобдо-Калганской дороги и окрестностей от Шанхай улы до кл. Баян булаг к востоку от горы Галба.
4. Участок этой же дороги Шанхай ула – г. Хан ула.
5. Район Гурбан сайхана по следующим маршрутам:
   a) г. Хан ула – кл. Далан цзадагай – кл. Бацзар – пер. Халга,
   в) ур. Баян тухум – кл. Цаган-гол – кл. Эрдэн булаг – г. Ихэ-Номоган,
   c) кл. Цаган-гол – восточная оконечность г. Цзун сайхан – кл. Далан-Цзадагай,
   d) кл. Бацзар – пер. Охин хутуль – кл. Баян – ур. Баян тухум,
   e) ур. Баян тухум – долина Буктэ – кл. Эрдэн булаг.
6. Маршрут Баян тухум – оз. Хутуг нур – оз. Биггэр нур - Хан тайшири.
7. Маршрут Хан тайшири – Хапчикин даба – Шаргаин гол – кл. Халюн – кл. Намалцзаха – пер. Дуту даба – Хан тайшири.
8. Автодорога Хан тайшири – Цаган олум –Эгин даба.

Съемкой охвачена площадь в 50.000 кв. км. Общая длина заснятых маршрутов около 3.000 км.

Контрольные засечки на опорные пункты (высокие вершины), производившиеся с расстояния 200-300 км, показывают хорошее качество

2) Приложение в архивах не найдено (*прим. сост.*).

съемки в смысле правильного учета расстояний и направлений.

Удачное направление маршрутов экспедиции позволяет сделать на основании произведенной экспедицией съемки увязку и проверку целого ряда прежних маршрутных съемок как экспедиций НИК-а (1923, 1924, 1927, 1929 и 1930 годов), так и других экспедиций.

IV.

Третьим основным заданием экспедиции было изучение гобийских пастбищ в отношении их характера, распределения различных комплексов растительных ассоциаций на исследованной площади и кормовой производительности этих комплексов. Работа эта явилась продолжением работ Гобийской Экспедиций НИК-а прошлого 1930 года. Поэтому приводимые ниже данные, выводы и соображения являются отчасти результатами работ не только текущего, 1931-го, но и прошлого 1930-го года. Метод исследования был принят следующий.

Прежде всего по всем маршрутам систематически отмечался характер растительного покрова, что дает возможность картировать его на основе съемки экспедиции. Далее, сотрудником экспедиции М.А.Симуковой был предпринят ряд экскурсий в районе базы экспедиции в местн. Баян тухум с целью сбора пробных укосных площадок. Экскурсии эти захватили серию типичных гобийских растительных комплексов, в каждом из которых выбиралось несколько опять-таки наиболее типичных по составу и качеству площадок, которые и скашивались.

Низкий и редкий травостой и наличие у многих растений Гоби деревянистых стволиков, не идущих в корм, вынудили прибегнуть к ручному выщипыванию площадок. Собранная зеленая масса взвешивалась с точностью до 1 г, затем высушивалась и снова взвешивалась. Размер стандартных площадок был определен в 4 $м^2$. На густом травостое (солончаковые луга, часть горных пастбищ) размер этот уменьшался до 1$м^2$. При скашивании производился грубый подсчет фоновых растений с записью результатов. Таким образом, запись каждой пробной площадки содержит в себе:

1. Порядковый №.
2. Дату.
3. Место.
4. Характер поверхности почвы.
5. Видовой состав (в основном) с указанием количества растений.
6. Вес сырой и сухой кормовой массы данной площадки по видам.
7. Вес сырой и сухой кормовой массы данного типа на га.
8. Примерный процент влажности.

9. Определение типа ассоциации.
10. Различные примечания.

Таких пробных площадок было собрано в эту экспедицию 125.

Исключительно обильные дожди этого года позволяют рассматривать полученные цифры кормовой производительности, как масксимальные. В противоположность им, сборы прошлого года (100 площадок по маршруту) дают минимальные и средние цифры. Сопоставляя результаты исследований обоих годов мы получаем полную амплитуду колебаний кормовой производительности гобийских пастбищ. Схематическое картирование растительных комплексов в соединении с данными по их продуктивности позволяет нам вычислить запасы кормов по трем вариантам - засушливому, среднему и максимальному, иначе, учесть базу гобийского скотоводства.

Шестилетний опыт по Гоби дает мне возможность отнестись критически как к собранному материалу, так и к последующим вычислениям и внести известные коррективы в полученные результаты.

Взяв, как пример, Южно-Гобийский аймаг, мы получаем следующие цифры:

Кормовая производительность Южно-Гобийского аймага

Площадь аймага в га	Максимальная кормовая продукция в пудах	Средняя кормовая продукция в пудах	Минимальная кормовая продукция в пудах
20.500.000	300.000.000	150.000.000	75.000.000

Эти цифры прежде всего устанавливают тот факт, что неустойчивость гобийского скотоводства зависит прежде всего от резких колебаний производительности пастбищ, зависящих в свою очередь от крайне неравномерного выпадения скудных осадков. Взяв скот Южно-Гобийского аймага и вычислив потребность этого скота в корме, мы видим, что полученная цифра примерно соответствует ***средней*** продукции пастбищ аймага. Следовательно, в хороший год гобийские пастбища явно недонасыщены скотом. Если же возьмем год, равномерно засушливый для всего аймага, то обеспеченной кормом явится только половина скота. Остальные 50% должны пасть. Но такие падежи только по причине бескормицы бывают редко (мы здесь не принимаем пока во внимание эпизотии, снега, пурги и т.д.). Происходит это по следующей принине.

Расспросные данные, литературный материал и мои личные наблюдения устанавливают тот факт, что обычно засуха в Гоби не захватывает сплошь больших площадей, а носит пятнистый характер.

Наряду с совершенно бесплодными из-за отсутствия осадков районами, мы видим в том же году в отношении кормов районы ниже среднего и средние. Могут быть районы и выше среднего. Таким образом, падеж от бескормицы затрагивает лишь наиболее безнадежные участки аймага, да и то не целиком, так как часть хозяйств откочевывает в более благополучные районы.

Такие местные засухи повторяются для каждого района через 4-5 лет (расспросные сведения). Сильные засухи, охватывающие большие районы, имеют период в 25-30 лет. Для того, чтобы дать гобийскому скотоводству некоторую твердую базу хотя бы для удержания его на одном уровне необходимо как-то пополнять недостаток кормов в случае засухи в том или ином районе.

Предупредительной мерой, не требующей особых затрат, но и не решающей вопроса полностью, могут быть организованные перекочевки населения на время засухи в соседние, более благополучные районы. Стихийно этот метод практикуется и сейчас. В этом случае необходимо озаботиться увеличением числа колодцев и обводнением ими безводных пространств для наиболее полного использования кормовых запасов этих более благополучных районов. Как правило, обычно в каждом данном районе питьевой воды хватает на нормальное количество скота, но при подобных перекочевках часто бывает нехватка.

Для правильной организации перекочевок и полного использования кормовых запасов следует в каждом данном случае знать распространение засухи, местонахождение благополучных районов и количевство скота предположенного к перекочевке. Ясно, что проще и с большим эффектом это мероприятие можно провести с организованным населением, т.е. с колхозами.

Но фактически такие перекочевки не увеличат количевства кормов. Здесь нужны и другие пути. Необходимо создание кормовых баз на поливной земле. Только это мероприятие подведет прочный фундамент под гобийское скотоводство. Следует в срочном порядке провести ряд научно-исследовательских опытных работ для наиболее полного выявления всех возможностей. Необходимо: 1) поставить сельхозопытную станцию для подбора кормовых культур, изучения почвенных и иных условий, 2) продолжить изучение наружных вод (ключей и колодцев); 3) произвести работы по изучению артезианских вод с определением возможности их использования; 4) изучить экономику тех или иных мероприятий по кормодобыванию.

В лучшем случае мы сможем: 1) использовать для полива кормовых посевов все ключи, 2) увеличить эти посевы до нужных размеров на базе

артезианской воды, и 3) использовать для этой же цели дождевую воду, магазинируя ее в наиболее удобных местах (некоторые ущелья гобийских хребтов).

Таково существующее положение и ***возможные*** перспективы.

V.

В этом отчете я коснулся, повторяю, лишь основных затронутых экспедицией вопросов, оставляя пока в стороне основной фактический материал, ввиду его громоздкости и неразработанности.

После разработки результатов экспедиции мною будут даны следующие работы:

1. Подробный географический обзор Средне-Халхасской возвышенности, Центральной впадины, Шанхайского нагорья и Гобийского Алтая с детальными данными по маршруту экспедиции 1931 года.
2. Заметки по участкам маршрута этой же экспедиции, не вошедшим в вышеперечисленные географические области.
3. Карта растительных комплексов по маршруту экспедиции в масштабе 1:400.000.
4. Работа “Типы Гобийских пастбищ и их кормовая производительность”.
5. Карта растительного покрова Южно-Гобийского аймага и исчисление кормовой производительности его пастбищ.
6. Специальная заметка о путях сообщения Южно-Гобийского аймага и восточной половины Алтайского аймага.
7. Сводка фаунистических наблюдений по маршруту экспедиции.
8. Заметка по вопросу о путях развития сельского хозяйства в Гоби.
9. Заметка о земледелии в Алтайском аймаге.
10. Ряд мелких заметок по разным вопросам, затронутым экспедицией (кочевки, скотоводство, полезные ископаемые, горячие источники и т.д.).

* * *

В заключение, считаю необходимым отметить, что весь указанный большой материал собран, несмотря на целый ряд неблагоприятных объективных обстоятельств, задерживавших работу. Автомобиль экспедиции простоял вследствие поломок 2 месяца из 4-х. Это обстоятельство в сильнейшей степени связало сотрудников экспедиции и

сократило срок работ. Меньше всего времени потерял я (около 2-х недель), стараясь так или иначе восполнить эти прорывы в работе. Остальные сотрудники вынуждены были потерять в бездействии около месяца. Далее, некоторые события в окрестностях базы экспедиции в Баян тухуме в сильной степены сократили радиус работ остававшихся на базе сотрудников экспедиций и на некоторое время даже совсем прекратили эти работы.

Кроме работы по Гобийской экспедиции, М.А.Симукова и С.М.Ураков приняли участие в работах гидрогеологического отряда Монгольской Экспедиции АН СССР, что было заранее условлено во время моего пребывания в Уланбаторе в июле месяце как с начальником гидрогеологического отряда П.М.Васильевским, так и с Научно-Исследовательским Комитетом.

декабрь 1931 г.
Уланбатор.

(АИГМ №115, машинопись, титул - автограф) **1931, 1935 гг.**

А.Симуков

Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1931 года
(Обработаны в декабре 1935 года)

Экспедиция выехала из Уланбатора 13 июня 1931 года на грузовом автомобиле “Шевроле” в направлении на юго-запад (Сангин далай – Хушу хид – Гурбан сайхан), имея целью географические исследования на территории Южно-Гобийского и Алтайского аймагов.

{[1] Выпишу для памяти программу экспедиции “Гобийская Экспедиция НИК и ЭКОСО 1931 года”.

Маршрут: Уланбатор – Дэлгэр хангаяай – Бацзар хуйтэн – Байшинту – Юм бэйсэ – Хан тайшири – Улан батор с возможным разъездом в Цаган богда (на верблюдах).

Состав:
Симуков А. - географ
Якимов В. - экономист
Симукова М. - коллектор
Ураков С. - топограф
Климов С. - рабочий и переводчик
Вагапов А. - шофер

Задания:

Специальное задание ЭКОСО
1. Собирание материалов по определению аймачных центров в Южно-Гобийском и Алтайском аймагах (Якимов и Симуков).

Вопросы экономики
2. Вопросы товароснабжения в Гоби (Якимов).
3. Изучение бюджета семьи, доходности, потребления, оседания сырья и т.д. (Якимов).
4. Взвешивание удоев (Якимов).
5. Положение различных слоев гобийских аратов зимой и весной в связи с плохими кормами (Якимов).

---

1) { }здесь и далее в фигурных скобках дается текст, взятый из фрагментов дневника Гобийской экспедиции НИК-а и ЭКОСО 1931 года (*прим. сост.*).

	6. Современное положение местных колхозов (Якимов).
	7. Юго-западные пути сообщения (Симуков, Якимов).
	8. Изучение кочевок и местного скотоводства (Симуков, Якимов).
Специальные	9. Вопросы переписи (Якимов).
вопросы	10. Юго-западная граница (Симуков, Якимов).
География и	11. Топографическая съемка (Ураков, Симуков).
хозяйственные	12. Общее географическое описание (Симуков).
возможности	13. Гипсометрические определения (Симуков).
	14. Гобийские корма (Симуков, Симукова).
	15. Гербарий (Симукова).
	16. Засухи (Симуков, Якимов).
	17. Золото в Цзолэне (Симуков).
	18. Уголь в Цзурумтае (Симуков).
	19. Медь и уголь в Юм бэйсэ (Симуков).
	20. Нефть в Цаган богда (Якимов, Симуков).
	21. Почвенные образцы (Симуков).
	22. Гобийское земледелие (Симуков).
	23. Фауна. Наблюдения и коллектирование (Симуков).
	24. Термины (Симуков).
	25. Фотоматериал (Симукова, Симуков, Якимов).
	26. Мелкие вопросы.

Срок	40-45 дней
Смета в [тугриках]	
Бензин и масло	800
Суточные Симукову А.	200 (40 дней)
Суточные Якимову	200
Суточные Уракову	140
Суточные Вагапову	145
Зарплата Симуковой	200
Зарплата Климову	175
Разъезды и проводники	200
Дополнительное снаряжение	440
Итого:	2.500 туг.

Из них 1000 туг. ассигнована ЭКОСО и 1500 НИК-ом.}

Первый участок пути был хорошо известен по прежним поездкам (см. материалы экспедиций 1929 и 1930 гг.). Из отдельных фактов следует отметить, что долина Шарахай хундэй отходит в сторону Улхуин булуна

в изгибе Толы и должна соединиться с долиной Мухур, выходящей к этому южному изгибу Толы с востока. Скалистая группа Цзоргол хайрхан соединяется с Бичигту улан хада, а Адацагская степь уходит в сторону Ихэ тухумской впадины. К характеристике Средне-Халхасской возвышенности, данной в 1929 и 1930 г.г., добавлять почти нечего. От Дэлгэр хангаяя она отделена хоолаем и очень заметна с юга. Далее на запад эта возвышенность, видимо, спускается южнее и, вероятно, переходит на правый берег Онгиин гола, к востоку же отходит на север. По меридиональному маршруту С.А.Глаголева южной границей этой области служит, по-видимому, Тугуригский хоолай, к югу от которого начинается уже Шанхайское нагорье. Необходимо, впрочем, оговориться, что местность к северу от Тугурига несколько разнится по характеру от волнистого ландшафта западного пересечения Средне-Халхасской возвышенности (например через мон. Сангин Далай), будучи разнообразнее. Чаще попадаются как скалистые хребтики (Могойту ула), так и более или менее обширные понижения (Мандалин гоби и др.). Но тем не менее, сравнивая все три меридиональные пересечения (Сангин-далайское, Дэлгэр-цогтуское и Соланхэрское), можно прийти к заключению, что выделение всего этого района в особую ландшафтную область (Среднехалхасская возвышенность) сделано мною правильно.

Тугуригский хоолай сам по себе очень интересен. Рассматривая карту и ряд меридиональных маршрутов (Сайханская дорога севернее Баян цзага, мои наблюдения по дороге в Шарангад относительно наличия к югу большой депрессии, глаголевский маршрут, Соланхэрская дорога в районе Сайр усу, Калганский тракт у Сайн усу) можно выдвинуть гипотезу о существовании большой, не очень широкой, но весьма длинной депрессии, слабо изогнутой (выпуклостью к югу) примерно параллельно общему изгибу гряд к югу от нее и Хэнтэйско-Хангайской дуге. Гипотетически она определяется следующими пунктами и местностями: Южная озерная котловина (Орог нур приблизительно 1200 м) с Онгиин улан нуром (около 1000 м), хоолай к югу от Шарангада, Тугуригский хоолай (высота по Пржевальскому - <...> м, самое глубокое место на маршруте Урга - г. Хурхэ), район кол. Хутул-усу на Соланхэрском тракте и Сайн-усинская впадина (750 м). Возможно, что описываемая депрессия уходит и дальше на северо-восток, в сторону Дариганги, Матад хана и Халха гола к Буир нуру. К северу от этой депрессии идут: Хангай, Среднехалхасская возвышенность и Восточные степи (Восточно-Монгольская равнина). К югу – Гобийский Алтай, Шанхайское нагорье, Юго-восточная холмисто-равнинная гоби и Эрдэни-цаганская возвышенность (район мон. Югуцзэри).

Из мелочей отмечу маленький монастырек к северо-востоку от Сангин-Далая, на 240-м (примерно) километре от Уланбатора. Расположен он к востоку от дороги, в полукилометре от нее и отмечен стоящим на соседнем увале субурганом. Состоит всего из двух-трех зданий. Название этого монастырька – Хадан усу.

Километрах в 60 севернее г. Дэлгэр хангаяй с автомобилем экспедиции произошла серьезная авария. Для связи с Уланбатором и продолжения работ я выехал верхом через пос. Дэлгэр хангаяй в отделение МНЦК в Шарангаде.

Типичная для района мон. Сангин далай, пологая гряда, на северном склоне которой произошла поломка, называется Шабагин цзан. Последняя по дороге перед спуском к западному концу Дэлгэр хангаяя гряда называется Дэлгэрэху. В промежутке между ними, восточнее дороги, примерно в 330 км от Уланбатора выдается сложенный, вероятно, гранитами скалистый хребтик Цапчир, на южном склоне которого расположен небольшой мон. Цапчирин дуган, около которого проходит старая почтовая дорога Пекин – Улясутай. К востоку от Шабагин цзана находится глубокая степная долина, имеющая, как будто, меридианальное направление и заканчивающаяся на широте гряды Дэлгэрэху (примерно) порядочным тойримом. Тойрим этот отделен довольно высоким барьером от Дэлгэр-хангайского ара хоолая.

Самые горы Дэлгэр хангаяй имеют, при взгляде издали, совершенно гобийский характер. Узкий, четко выраженный хребет крутой стеной, без предгорий, встает над бэлем. Гребень зубчат. Склоны круты. Северный круче южного.

Поселок Дэлгэр хангаяй расположен верстах в двух к северу от восточной части хребта на совершенно плоской степной равнинке и защищен с севера небольшим холмом, а с востока гранитным мелкосопочником. Колодец (Ара хашиату) находится в сайре к востоку от холма.

Старый тракт Улясутай – Калган проходит здесь, по-видимому, двумя вариантами. Северный идет южнее гряды Цапчир, а южный по южному склону Дэлгэрэху, по мысам северной окраины ара хоолая Дэлгэр хангая и далее на юго-восток.

Дорога на Шарангад уходит от поселка Дэлгэр хангаяй на Ю.-В., к подножью г. Дэлгэр хангаяй, в промежуток между последними и гранитным мелкосопочником Баян, и идет этим промежутком на восток. У южного подножья Баяна в этом месте 1-2 колодца. Затем дорога сворачивает немного к северу, срезает по ущелью Ю.-В. угол Баяна и выходит к его восточному краю. Примерно на этом же меридиане заканчивается

восточный хребтик Дэлгэр хангая. Далее к востоку открывается обширное понижение с тойримом в северной части, огороженное с запада Дэлгэр-Хангаем и Баяном, с востока грядкой Тэг, с севера мелкими холмами и группой Хурэн ошихи. С юга понижение это также огорожено мелкими грядками. На Ю.-З. имеется, по-видимому, выход без значительных возвышенностей к южному склону Дэлгэр хангая. Дорога постепенно спускаясь, идет северной окраиной впадины, имея к северу холмистое повышение. На самом низком месте, около небольшой горки – колодец Хохо-тологой. Далее дорога пересекает рукав понижения, уходящий к северо-востоку, к группе Хурэн ошихи и горам Холод, и поднимается на пологий северный мыс грядки Тэг. Спустившись с него, дорога снова пересекает понижение, огибающее этот мыс и уходящее к юго-востоку, и поднимается к южному подножью гор Холод, вдоль которых и идет в дальнейшем, придерживаясь восточного направления. Здесь она соединяется со старым уртонским трактом Калган – Улясутай (южный его вариант?). Признаком тракта служат большие обо, насыпанные кое-где на дороге. Здесь, на южном склоне г. Холод с одного из довольно высоких мысов открывается широкий вид на юг. Упомянутый выше рукав понижения, ограничивающий г. Холод с юга, замыкается холмами, тянущимися от южного края г. Тэг к Ю.-В. краю г. Холод. Дорога пересекает в дальнейшем эту гряду, проходя у северного подножья остроконечной горки с обо на вершине. Далее за упомянутыми холмами виднеется большая широтная депрессия-хоолай, по всей вероятности та же самая, что и у кол. Тугуриг (см. выше). Конца этой депрессии не видно. За ней темнеют северные грядки Шанхайского нагорья. Далее по дороге, сейчас же за остроконечной горкой начинается спуск. Левее (к северу) дороги под холмами два колодца. С холмика по пути – широкий вид на восток. Понижение с разбросанными в беспорядке группами небольших гор, холмов и отдельными горками, разделенными долинами и равнинами разных размеров. Далеко видны горки около Шарангада. Более значительным возвышением кажется гряда Хэцу - Тэг, расположенная к северо-западу от Шарангада.

Дорога на этом участке извивается между холмами, взбирается на мысы и в общем делает небольшую дугу к югу. Воды на этом перегоне непосредственно на дороге не встречается. Качество дороги можно считать хорошим. Крутых и больших подъемов нигде нет, песку, кроме нескольких узких сайров, - тоже. Отсутствуют места, сомнительные в смысле грязи после дождя. Каменистые участки крайне невелики.

Передний путь из Дэлгэр хангаяя в Шарангад я сделал по уртонам, не совпадающим с автодорогой. Первый уртон находился на западном бэле

грядки Тэг. По дороге к нему мы пересекли у подножья этого бэля один-два песчаных оврага и небольшой хоолай. Второй уртон (мы долго искали его ночью), оказался намного севернее автомобильной дороги и нам пришлось пересечь горную группу Холод, на Ю.-В. окраине которой мною отмечены конгломераты. Со второго уртона (Чжирим) большой переход прямо к Шарангаду. К северу от дороги осталась группа Лоса, с небольшим дуганом Лосаин сумэ у южного подножья. Маршрут С.А.Глаголева (1925 г.) проходит в нескольких км западнее Шарангада, через грядку Могойту.

Растительность на участке Уланбатор – Сангин далай охарактеризована в материалах моей экспедиции 1930 года. Осадки 1931 года распределялись следующим образом: до Ганга даба - исключительно хорошо. Дальше хорошо вплоть до южной окраины Адацагской равнины. Затем идет резкое ухудшение и к северу от Сангин далая настоящая засуха. Далее к югу отмечен недавний дождик и в общем участок Сангин далай – Дэлгэр хангаяй ниже среднего с отдельными средними участками. Дэлгэр хангаяй и Тэг – плохо, почти ничего нет, г. Холод – средне, а на всем остальном пространстве до Шарангада совсем плохо.

Весь район от места аварии автомобиля до Дэлгэр хангая – караганная степь с песчаным грунтом. Низина с тойримом к востоку от Дэлгэр хангаяя – боро бударгана (*Salsola gemmascens*), редкий багалур (*Anabasis brevifolia*) и тэсх (*Eurotia ceratoides*). У тойрима шара бударгана (*Kalidium gracile*). В Баяне шара шабаг (*Artemisia arenaria*), у Тэга – *Amygdalus pedunculata* (буйлэсу). Далее в районе г. Холод – переходная полоса (хумуль, злаки и т.д.). Последний участок – типично гобийский: *Salsola gemmascens, Reaumuria soongorica, Anabasis brevifolia, Stipa gobica* (хилагана). Около Шарангутая то же с добавлением нохой ширина (*Zygophyllum xanthoxylon*). Попадается *Nitraria Schoeberi* и *Eurotia ceratoides*. Карагана в районе Сангин Далай - Дэлгэр хангаяй в полном цвету.

Наличие в Шарангаде и окрестностях типичной гобийской растительности в связи с некоторыми зоологическими фактами (появление хара сульты) заставляет предположить, что травянистая полупустыня Шанхайского нагорья (вернее его северной половины) отделена от переходной полосы обедненной степи нешироким рукавом типичной пустынной растительности, связанной с депрессиями центральной впадины.

Кроме того, мы можем констатировать, что граница пустынного растительного комплекса, т.е. кустарниковой полупустыни отодвигается на меридиане Шарангада несколько к северу, причем этот комплекс занимает пятнами дно депрессий.

Фаунистические заметки на участке Уланбатор – Шарангад были незначительны. По-прежнему первая *Antilope gutturosa* и первый *Syrrhaptes paradoxus* были встречены нами в Шарахай хундэй. В большом числе цзэрэны попадались южнее, ближе к Сангин далаю. К северу от Дэлгэр хангаяя отмечено гнездо степного орла с одним птенцом, недавно вылупившимся. Распространение суслика-боцзолага - по-видимому, переходная полоса полупустыни и караганной степи, начиная с Сангин далая. Здесь между прочим его ловят и едят. Употребляются для этой цели специальные капканы-ловушки из дерева. Хара сульту я впервые встретил на пути из Дэлгэр хангаяя в Шарангад на меридиане Лоса в типично пустынной обстановке. Здесь она встречается в небольшом числе наряду с цаган цзэрэ.

Окрестности Шарангада весьма богаты змеями. Есть скорпионы. Обычного типа ящерицы (*Phrynocephalus et Eremias*) стали попадаться с Сангин далая.

Из разговоров с монголами в Шарангаде выяснилось, что я пересек глаголевский маршрут 1925 г., пролегающий невдалеке (10-15 км) к западу от Шарангада, причем пересек его в непосредственной близости от кол. Могойту, оставив последний к югу. Таким образом, хоолай, виденный мною от г. Холод и был как раз Тугуригским.

Невдалеке к западу от Шарангада имеется дуган. Южный вариант Улясутайского тракта проходит, очевидно, через Тугуриг. Северный же – в 2-3 км к северу от Шарангада.

Горы, помеченные на глаголевской съемке именем “Тыль”, а на 40-верстке “Тайлагэин-хара”, на самом деле называются “Дэль”, что оправдывается их характером (узкие каменистые гребни: “гривы” по выражению монголов).

Упомяну, что о существовании “Тугуригского” хоолая мне говорил на основании рассказов монголов еще Ц.Жамцарано.

В Шарангаде нам показали выветрелый уголь, добытый почти с поверхности км в 50 отсюда. Площадь, занимаемая им, довольно велика. Пробовали зажигать, чуть смочив предварительно бензином. По выгорании последнего, уголь начинает тлеть. Передавали слухи о нахождении угля в г. Хунчжил. Затем в Дэлгэр хангаяе говорили о наличиии угля в Цзун сайхане. Это сведение подтвердил один арат из этой последней местности, которого я встретил в Шарангаде. Он слышал об угле внутри гор, примерно в районе ущелья Йола. В самом Шарангаде необходимо отметить прекрасную жирную глину. Относительно сайханского угля говорили, что брать его можно прямо с поверхности. Кроме того указывали, что в 2-х уртонах к С.-С.-В. от Д[элгэр] – Х[ангая] в местности

Унисту также имеется каменный уголь.

Несколько слов о встреченных породах[2]. Цапчир – гранит. Гранит же появляется и в Баяне (у Дэлгэр хангаяя). На окраине г. Холод – конгломераты. По дороге с уртона Улан чжирим к Шарангаду встречены вулканические породы. Окрестные Шарангаду горы – плотный известняк, сильно напоминающий мраморизованные известняки Гурбан цзэрдэ (см. материалы 1930 г.). По пути к Сангин далаю бросаются в глаза белые выходы кварца.

Шарангад (ныне станок на автомобильном тракте Уланбатор – Далан цзадагад) расположен на южной окраине большого тойрима, между тремя небольшими горками, на ровной щебнисто-гравийной площади. От него расходятся автомобильные дороги: на Уланбатор, на Соланхэрский тракт, на Шанхай ула и на Дэлгэр хангаяй. Колодец (с плохой водой) – в полукилометре, другой (Уйцзэн, с хорошей водой) – в 4-5 км[3].

По собранным сведениям в данном отрезке среднестепной полосы на летовки аилы выкочевывают в первой половине июня. Ближе к Гоби это проделывается немного раньше. Кочуют нормально 4-6 раз в году. При плохих кормах число кочевок увеличивается до 10 и выше. То же и с расстояниями, тем более, что однообразный рельеф не стимулирует закономерных дальних перекочевок.

{**Об аймачном центре.** В результате небольшого собрания в Дэлгэр хангаяяе с участием всего актива (кроме больного дарги и отсуствовавшего секретаря РСМ) выяснилось следующее положение: географические особенности аймага допускают строительство центра либо на северной окраине, либо на восточной окраине (Шанхайское нагорье), либо по линии хребтов Гобийского Алтая. Дэлгэр хангаяяй бракуется вследствие неважной воды и вообще плохого места (нет топлива, вывозят одни пути сообщения). Шарангутай бракуется безусловно (особенно вследствие воды). В северной полосе актив не мог указать ни одного подходящего места. Постановление о постройке центра в Догшихо было вызвано единственно лишь относительно центральным положением этого места в аймаге, так как в числе минусов – вода, топливо и дороги. Многое стоит за Бацзар хуйтэн, тем более, что секретарь парткома говорил о наличии там каменного угля, что необходимо проверить.

Собрание вел я и я же резюмировал все мнения по поводу различных

---

2) См. заметки З.А.Лебедевой в ее работах.

3) Ныне Шарангад потерял свое значение, так как база МНЦК переехала в 1931-1932 г.г. в Далан цзадагад, а в 1935 перенесен к западу и автомобильный тракт, на котором в Шарангаде был станок.

мест. Решено все же осмотреть это место (т.е. Бацзар хуйтэн) вкупе с монценкопцами, а потом составить общее постановление.

Еще об аймачном центре. Был разговор в аймачной конторе МНЦК (Шарангутайской), где против Бацзар хуйтэна не было высказано ни одного серьезного возражения, тем более, что публика ссылалась на проект ЭКОСО, упоминающий о Бацзар хуйтэне. У меня появилась еще мысль о том, что для лучшего обслуживания Южно-Гобийского аймага, помимо перенесения центра в ара хоолай Сайханов, следует еще отрезать северную полосу этого аймага к Центральному. Помимо вышеприведенной причины необходимо отметить, что полоса эта по ландшафту принадлежит безусловно к степной зоне, т.е. к Центральному аймагу. Границу ее я провел бы через Дэлгэрэх и наискось к востоку-северо-востоку на стык 3-х аймагов в Баян цогто. Обслуживание этой полосы Уланбатором не представит затруднений. Бацзар хуйтэн окажется более, чем в центре. Местное население наверняка ничего не будет иметь против такой комбинации. А обслуживание южных сомонов весьма важно и с политической точки зрения.

База и райконтора МНЦК, гордо называемые “Шарангутай хото”, состоят из дощатой ограды, где под открытым небом, прикрытые брезентом, хранятся товары и сырье, и десятка полтора юрт. Кроме служащих – никого. В ближайших окрестностях – также. Все варятся в собственном соку. Сейчас затруднения с транспортом. На базе есть чай, много муки. Надо отправить по первичкам. Скопилось порядком сырья. Надо отправить в Уланбатор. Верблюдов нет и это понятно, так как сейчас время линьки и нагуливания. Говорят (есть уже постановление) чуть ли не о мобилизации. По политлинии достаточно вредная вещь. А между прочим все это, при расторопности, можно было бы сделать гораздо раньше и в самом спокойном порядке. Но... тогда в УБ не было, как-будто, товаров. Вина ложится, главным образом, на центральный аппарат, очевидно, плохо представляющий себе местные условия и не могущий поэтому правильно спланировать снабжение гобийской полосы. Народу много, а толку не то, чтобы очень. Вместе с тем снабжение и притом бесперебойное именно южной полосы крайне важно политически, ввиду близости торговых центров Китая и оживленных когда-то сношений с ними. Кроме этого, этим летом должно быть проведено 6 кампаний. При проведении их на политически отсталом юге было бы крайне важно иметь под ногами почву, хотя бы в виде регулярного товароснабжения. Далее, часто в местные кооперативы попадают совершенно неспособные люди. Их выбирают для того, чтобы хоть кем-нибудь заполнить пустое место. Кому, в самом деле, охота возиться с кооперативом, с которого много спрашивают, но мало и с перебоями дают? Идеология же еще слаба и ради бескорыстного желания

помочь делу пока еще никто не идет. В центральном аппарате же, по-видимому, далеко не изжиты казенщина, бюрократизм, нежелание вникнуть в нужду и особенности страны. Да вообще отрицательных черт можно было бы подобрать немало. Вся организация должна быть гибкой и каждый работник должен отчетливо представлять себе физиономию каждого аймага}.

26-го июня я выехал на автомобиле МНЦК из Шарангада в Шанхай улу. Дорога шла туда не прямо, а широкой дугой, выпуклой к западу. От Шарангутая идет постепенный подъем, причем дорога эта расходится с дорогой на Дэлгэр-Хангай под очень острым углом. Миновав грядку слева, дорога (просто автомобильные следы) шла по волнистой равнине, открытой к востоку, югу и юго-западу. Здесь, не доезжая колодца Дэби добу[4)], мы пересекли глаголевский маршрут 1925 года. Могойту худуг остался к северу, Тугуриг (полностью Гурбан тугуриг) – к югу. Горки Могойту были на виду верстах в 10-15. Автомобильная дорога из Дэлгэр хангаяя в Шарангад проходит, видимо севернее их. Через колодец Дэби добу проходит маршрут Н.М.Пржевальского, перекрещивающийся с глаголевским в Тугуриге. В ближайшем соседстве Шарангада растительность по дороге типично гобийская – боро-бударганная степь. В дальнейшем растительность переходит в пустынно-степную. Около Дэби добу участок караганной степи. За Дэби добу дорога идет все время по той же волнистой степи-равнине, имеющей как-будто слабый наклон к югу. Направление продолжает оставаться юго-западным. Горы Холод остаются неподалеку к северу. Далее наклон становится более заметным. На западе появляется силуэт Дэлгэр хангая. Спускаясь вниз, мы миновали монастырек Олдаху хид. Обычная для юга глинобитная стройка, около 200 лам, 2-3 колодца. Окрестности голые, гладкие. Покатая к расположенному невдалеке на юге тойриму равнина. За тойримом начался постепенный подъем. Почва песчаная. Отсюда открывается довольно широкий вид на север, достаточно уясняющий общую картину. К северу идет гладкий, широкий и более или менее ровный подъем, заканчивающийся рядом горных хребтиков. С запада высится Дэлгэр-Хангай, затем к востоку на одной широте с ним тянутся низкие грядки, соединяющиеся (с некоторыми перерывами) с грядкой Тэг. Последняя, как было уже описано выше, низкими холмами соединяется с Ю.-В. оконечностью гор Холод, также хорошо видных.

Восточнее г. Холод гор нет. Их заменяет та самая волнистая высокая степь, по которой мы приехали из Шарангада. Вся эта линия гор идет

4) Здесь проходит маршрут Н.М.Пржевальского.

сначала (на западе) в чисто широтном направлении, а затем сворачивает к востоко-северо-востоку. В этом направлении больших высот нет на большом расстоянии. Соответственно вышеописанной линии направляется и депрессия Центральной впадины, выраженная здесь в общем довольно ясно. Дно ее разделяется пологими перемычками на ряд замкнутых тойримов. К ним относятся небольшой тойрим около Олдаху хид, пересеченный нами, и расположенный к северо-востоку от него Гурбан-тугуригский хоолай. На глаз (так как анероидов я с собой не взял в эту поездку) район Шарангада кажется большой замкнутой котловиной, не сообщающейся с южной широтной депрессией. Маршрут Дэлгэр-Хангай – Шарангад и Шарангад – Шанхай ула был для меня очень важен в картографическом отношении, так как он связывает целый ряд меридианальных маршрутов (мой 1929 года, глаголевский 1925, Пржевальского, Казакевича 1924 г., мой 1930 г. и т.д.).

Немного южнее (приблизительно в 3-х км) Дэби добу мы пересекли южный вариант Улясутайского тракта, пришедший сюда от южного подножья г. Холод. В дальнейшем он проходит в ближайшем соседстве кол. Гурбан тугуриг (см. съемку Глаголева).

От Олдахуского тойрима по неважной песчаной и бугристой дороге мы поехали дальше, придерживаясь азимута 215-217. Влево обозначалось понижение, впереди гряды запутанных каменистых холмов. Желая объехать кочки, мы без следов взяли несколько вправо и вскоре достигли этой гряды и поехали по ее восточному краю. Дорога плохая – много песку. Пересекши небольшой тойрим, мы въехали в холмы и выбрались на большую дорогу, пришедшую с северо-запада. По ней свернули на юго-восток. Дорога эта известна мне по маршруту Хошу хид – Сайханы. Сайханская дорога, идя сначала левым берегом Онгиина, сливается с ней и идет по ней несколько км до пересечения Баян-тэгских песков. В дальнейшем описываемая дорога идет через колодец Догшиху, затем на Цаган хада у северного подножья Бага шанхая, на Амаин усу (см. маршрут 1929 г.), Шанхай цзадагай и проходит значительно южнее Дучи хурала. В дальнейшем точное ее направление мне неизвестно[5)].

Свернув по этой дороге на юго-восток, мы поехали по изрытому рытвинами южному склону возвышенности, имея справа красный тойрим с мелким саксаулом (первый саксаул от Уланбатора). Сзади, к западу остались небольшие горки зубчатого, скалистого вида (Баян боро, Ологой

5) Впоследствии выяснилось, что эта дорога пересекает горы Ихэ шанхай к г. Ихэ лус, где сливается с веерообразно расходящимися тремя дорогами, ведущими в Ю.-В. направлении через Галбинскую гряду.

хайрхан). Восточный конец тойрима сузился в сайр, который мы и пересекли. В сайре на дороге колодец. За колодцем подъем на узкую плоскую гряду Цзун баян (?), сложенную красной глиной (третичная?), с размытыми обрывистыми боками. Здесь в промоинах я отметил первые гобийские хайлясы (*Ulmus pumila*). С этой гряды еще виден Дэлгэр-Хангай. Беглый взгляд на пространства к северу убеждает в том, что все пространство от данной гряды до Олдаху, вернее до северных гряд линии Дэлгэр хангая (южный край Средне-Халхасской возвышенности) надо считать общей большой депрессией, разбитой на отдельные котловины с небольшими возвышенностями между ними (часть Центральной впадины). Описываемая гряда служит на данном меридиане как бы передовым с севера барьером Шанхайского нагорья. Любопытно наличие толщ красной глины почти на одной широте с Баян цзагской. Если продолжить эту линию далее на запад, то невдалеке от Баян цзага мы снова столкнемся с такими же толщами в районе Бугу хайрхана, на южном склоне восточной оконечности г. Арца богда. На восток же эти толщи встретятся на той же широте к С.-В. от ур. Цзубур на старой Улясутайско – Калганской дороге. Насколько помнится, в других местах таких останцов я не встречал[6]. Принимая во внимание направление возвышенностей и депрессий, главным образом Центральной (так можно назвать описанную выше большую депрессию), нельзя не поставить все эти останцы в некоторую гипотетическую связь, объяснение которой легко найдут геологи.

Упомянутая красная гряда (Цзун баян) по характеру своему непосредственно к Шанхайскому нагорью (сложенному метаморфическими сланцами) не относится. Оно начинается несколько дальше. Гряда эта называется Баян или Хояр баян. Небольшой участок спуска с нее по размытым гребням был очень плох, по-просту говоря, опасен. Далее идет спуск к обширному тойриму, западный конец которого дорога пересекает. Вправо остаются горы Дэриту (?). Дорога идет по их бэлю, затем они остаются позади. Имея слева все время тойрим, маршрут выходит к округлой белой известковой горке с обо, обозначающей собой колодцы Догшиху, расположенные непосредственно за ней. Три колодца находятся во впадине между двумя известковыми холмами и окружены песчаными буграми с нитрарией. Вода среднего качества. Монголы считают ее плохой[7]. С Догшихуского обо открывается довольно широкий вид. На

6) Аналогичные мощные толщи, но уже не глины, а красного песчаника отмечены в том же 31 г., а более подробно - в 35 г. в районе Ширэгин-гашунской котловины к югу от г. Бага богда.

7) О Догшиху см. В.А.Казакевича (“Центр. Гоби и Золотой караул”).

севере за обширным (особенно в его западном конце) тойримом, тянется гряда Баян, к востоку повышающаяся и называемая там Бумботуин цзо (см. съемку Глаголева в 1925 г.). Северо-восток закрыт грядками, относящимися к системе гор Дэль и находящимися к югу от Абораху сумэ. На юго-востоке, куда от Догшиху идет подъем, видна гряда Бага Шанхай. Юг и юго-запад – повышенная волнистая степная равнина. Запад (вернее запад-северо-запад) – горки Дэриту.

Кол. Догшиху оказался как раз в 90 милях (144 км) от Шарангада. Здесь, собственно, и проходит истинная северо-западная граница Шанхайского нагорья. Попутно уместно попытаться выяснить его границы вообще.

На севере это нагорье граничит с Центральной впадиной, проходя примерно через колодец Иртын (Эрдэни) тологой худуг (на маршруте Глаголева). Обогнув горы Дэль с северо-запада, граница нагорья уклоняется к югу и идет через Догшиху в общем на юго-запад в направлении к Бацзар хуйтэну вплоть до ара хоолая Сайханов. Отсюда она поворачивает на юго-восток и примыкает к восточному мысу Цзун сайхана (один вариант). В этом случае котловину Годли балгас надо считать выключенной в нагорье. По второму варианту она огибает с севера и эту котловину и только тогда примыкает к "плоскогорью Буур-Номоган" (термин В.А.Казакевича, "Центральная Гоби и Золотой караул"). Далее она условно (так как здесь Шанхайское нагорье сливается с восточной оконечностью Гобийского Алтая) идет вдоль северного склона гор Буур и западной части Хурхэ. К востоку от меридиана кол. Улан худуг (маршруты Глаголева 1925 г. и мой 1930 г.) г. Хурхэ уходят в юго-восточном направлении. Граница же Шанхайского нагорья направляется прямо на восток. Здесь между ними вклинивается северо-западный угол Цзаг сучжиин гоби. Сохраняя восточное направление, южная граница Шанхайского нагорья проходит через мон. Баг модо, пересекает сухое русло Ундагиин гол[8)] и уходит далше на восток. Ю.-В. угол нагорья и восточная его граница неясны[9)]. Есть только один пункт, определяющий последнюю. Это – Баян булагин хурал на моем маршруте 1929 г. (см. высоты по этому маршруту, обработанные Кондратьевым). Также неясен и северо-восточный угол, так как быстрое возвращение в 1930 г. из Хояр улцзэйту по Солангхэрскому тракту не дало мне в этом отношении почти ничего. Можно только предположить, что местность

8) Об этом районе см. мои материалы 1930 года.

9) Ю.-В. угол нагорья определился в результате работы этого же 1931 г. (см. ниже – поездка к г. Галба) и, главным образом, 1932 года.

вокруг старого уртона Хабирга на этом тракте может быть условно отнесена к нагорью, равно, как район Улясутайско – Калганского тракта в восточной половине участка Цзубур – Хутуль усу. В этом случае нагорье дает в северо-восточном углу язык к востоку и крайней восточной его точкой будет примерно Цзубур.

Основной меридианальной осью Шанхайского нагорья может служить, примерно, глаголевский маршрут 1925 года. Возможно, впрочем, что в этом случае западная половина нагорья окажется меньше восточной. Мой маршрут 1929 года пересекает нагорье почти правильно по диагонали от Цзубура на Бацзар-Хуйтэн, оставляя последний несколько в стороне к западу.

От Догшиху, повышающейся волнистой степью, мы поехали к западной части гряды Бага шанхай. Вскоре автомобильные следы отошли от большой дороги, уходящей на кол. Цаган хада, находящийся у северного подножья этой гряды, оставив ее левее. В нескольких километрах к западу от Цаган хада, мы пересекли Бага Шанхай едва заметной седловиной, через которую ведет вьючная тропа; затем этой же тропой пересекли степь к югу от этого хребтика и подъехали к гряде Шарахацар у кол. Сучжи, где получилось таким образом скрещение трех маршрутов: 1925 года (Глаголев), 1929 г. (мой) и 1931 г. (тоже мой). Перевалив гряду Шарахацар несколько песчаной дорогой, и проехав немного по высокой степи, мы спустились в небольшой хоолай, по дну которого дорога оказалась плохой. Впереди в тумане маячили горки около монастырька Барун су, известного мне по экспедиции 1925 года. Вечер был очень туманный и это не позволило делать засечки, хотя например хребтик Цэцэй должен был быть видным. Далее начался постепенный подъем степью к горам Ихэ шанхай. Миновав по дороге колодец и оставив горки Барун су к югу, мы поздно добрались до поселка Шанхай ула[10].

По дороге я получил дополнительные сведения о монастырях хошуна Шанхай.

Четыре из них, ранее известных мне лишь по названию, расположены следующим образом: Шара добу - к северу от Табун хоботу; Люнгиин хурал – невдалеке к С.-В. от Ламаин дугана; Булаг билю в г. Дэль; Хара ноян хурал – на южном склоне г. Бурал уголцза. Итого в хошунах Гурбан сайхан и Шанхай ула 31 монастырь.

В Шанхай уле мне сообщили о возможном золоте у восточной оконечности гор Дэль, в местности Бутэлиин цаган (хада). Там когда-то кто-то копал. Результаты неизвестны. Потом как-будто был найден

10) Впоследствии Цэцэй суму.

самородок. Рядом горка из белого камня (кварц?), указал бывший сумунный дарга Улцзэйту сумуна Шанхай-ульского хошуна Чжигмитсерен. Он же говорил о большой пещере на склоне горы Дэль к востоку от мон. Абораху, прямо к северу от г. Хунчжил в горе Баян хонгор. Золото в том же направлении от Абораху, уртонах в 1,5 – 2-х.

Заметки о растительности по пути. На участке Шарангад - Олдаху идут последовательно: сначала типичная боро-бударганная (*Salsola gemmascens*) степь, потом травянистая (хумуль, тана) пустынная степь, около Дэби добу с караганой. Таким образом типично гобийская растительность в окрестностях Шарангада является островом. Далее к югу от Олдахуского тойрима отмечена песчаная почва с полупустынной, частью кустарниковой растительностью. В дальнейшем участок крупной кустарниковой полыни. В Баянгиин хоолае (тойрим) – первый цзаг, мелкий, но очень свежий, яркий. Здесь же первые хайлясы. Роща хайлясов была видна от Догшихуского обо на Ю.-В. склоне Бумботу-цзо. В 1925 г. первые хайлясы отмечены на этой же широте, сейчас же к югу от мон. Абораху. Рассматривая их границу, можно сказать следующее: линия ее идет от Сайн усу примерно вдоль Центральной впадины до меридиана Догшиху или западнее, а потом сворачивает круто к югу, пересекает Гобийский Алтай и идет его южным краем до ноян-Богдо, откуда спускается к Эцзин голу (где хайляса нет). Граница эта, впрочем, достаточно условна, так как хайлясы не встречены на участке Цзубур – Баян булаг и по всему Шанхайскому нагорью, исключая окрестности мон. Абораху и южную окраину нагорья (Ундагиин-гол)[11].

В тойриме к югу от Баяна - гобийская растительность. Попадается шара бударгана (*Kalidium gracile*). За Догшиху и до Шанхай-улы - обедненная степь и травянистая полупустыня, столь характерные для северной половины Шанхайского нагорья. Выпадает лишь хоолай к югу от Шарахацара, где встречается нохой ширин и другие типично гобийские растения. С осадками везде было плохо. Прошли лишь небольшие дожди, да и то не везде. Расспросы показали, что в общем осадков до моего приезда по Шанхай уле было мало, особенно на юге. В г. Гурбан сайхан было хорошо, к югу и юго-западу от этих гор – плохо.

Два последних дня стояла плохая погода, было пасмурно и холодно с ветром, а дождя не было. На ветры в пос. Шанхай ула вообще жаловались. Основательную бурю мы перенесли в Шарангаде, где она нас застала во время экскурсии на вершине горы. Голые руки (я был в майке) исхлестало

11) Это северная граница гобийского ильма. Хангайский же ареал этого дерева отделен от гобийского значительным пространством.

песком докрасна, стоять было трудно.

По фауне на пройденном участке от Шарангада до Шанхай улы заметок было мало. Хара сульты встречались в небольшом числе по всему пути от Шарангада, частью вместе с цаган цзэрэ. Больше ничего отмечено не было. Цаган цзэрэ маловато.

В Шанхай уле я решил съездить к г. Галба в местность Далай булаг, проверить один из слухов о нефти. 28-го после полудня мы выехали на юго-восток, ночевали две ночи и 30-го в полдень вернулись обратно.

Успехом в отношении нефти эта поездка не увенчалась, но была очень любопытна в географическом отношении и дала много топографического материала.

Описание маршрута. Из Шанхай-ульского кооператива мы выехали почти по следам прошлого (1930) года, следуя бэлем г. Ихэ шанхай в широкий проход между этим последним и кряжем Цэцэй. Постепенно спускаясь, и пересекши по пути западную окраину холмов, составляющей как бы размытую Ю.-З. часть бэля г. Ихэ шанхай, мы выехали на Хобдо – Калганский тракт и покатили по нему в юго-восточном направлении. По очень хорошей дороге мы быстро доехали до кл. Хэрэ булаг. Обычная для Северной гоби картина: у подножья небольшого холма, почти на дне долины небольшой ключ, окруженный бугристыми песками с нитрарией и дэрэсуном. За ключом мы оставили (вернее, с объездами неудобных мест потеряли) дорогу и напрямик, объезжая тальвеги с бугристыми песками, поехали к восточному мысу скалистой Ихэ улы (Ихэ лус), где, как я знал по прошлому 1930 году, должна проходить дорога. Там, на гладком увале, ограничивающем убур хоолай Ихэ Шанхая с юга (на нем насажена Ихэ ула), мы снова нашли эту дорогу. За бугром она спускается в порядочную котловину, окруженную холмами и имеющую желобообразный выход к западу, между Ихэ-улой и Бага улой. Котловина эта ограничена с С.-В. группой Обо, с Ю.-В. холмами Цзамин шабагтай хойту нуру, с юга обширными холмами, в которых находится кл. Улцзэйту булаг (см. 1930 год). Дорога идет восточным краем котловины, пересекая несколько пологих мысов. Как известно, по этому тракту прошла на автомобилях экспедиция Р.Ч.Эндрюса. Кроме того именно на этом участке прошел в <...> году М.В.Певцов.

За этой котловиной, перевалив грядку холмов, мы выехали в долину к кол. Цзамин шабагтай и остановились в сумунном управлении Чжибхуланту сумуна. Долина эта замкнута тут же у дороги с запада и открыта к востоку, где видна равнина. Далее, пройдя восточным краем холмов Сучжи, дорога выходит в новую долину, также открытую к востоку и замкнутую на западе. Пересекши ее мы перевалили седловину

между выделяющимися по высоте среди окрестных холмов горками Гурбан галют. С их южного склона открывается обширный вид на восток, но о нем несколько ниже. За этими горками дорога раздваивается, причем по-видимому, оба варианта идут на Калган. Правая дорога, пересекши небольшую долинку, подымается на холмистую гряду с отдельными выдающимися горками Бага- и Ихэ харату, переваливает ее, оставляя на спуске влево красноватые холмы Цзамин улан и Ошигин цохио, и пересекает широкий песчаный сайр с колодцем Халиб. После этого идет пологий подъем к гряде Галбаин хяра и г. Галба хайрхан (она же Хан богда). Далее эта дорога пересекает Галбаин хяра и уходит на Ю.-В. к г. Номоган. В общем дорогу на описанном протяжении можно считать вполне сносной в монгольских условиях. Удобные участки преобладают, плохих мало. К последним надо отнести участок по хоолаю к Ю.-В. от Хэрэ булага (дорога здесь, видимо пропадает). Очень плох сыпучий сайр около Халиб худуга. Кроме того местами попадаются узкие тальвеги с бугристым песком. Грунт дороги плотный, каменистый или гравийно-щебнистый. О втором варианте дороги – ниже.

От аила у Халиб худуга я поехал на сменных от юрты к юрте верблюдах на восток. Ехал все время вдоль северного подножья гряды Галбаин хяра. Доехав назавтра к полудню до кл. Баян булаг, я выяснил интересовавший меня вопрос в отрицательном смысле и тем же путем и способом вернулся к автомобилю.

Общая картина этого маршрута следующая. Хоолай, тянущийся к югу от гор Ихэ шанхай и Цэцэй, разделяет Шанхайское нагорье на две половины: северную и южную. На западе он соединяется с котловиной Годли балгасу, восточного продолжения его я не видел. Северной границей его к западу от Цэцэй служат горы Бага- и Ихэ аргалинту с грядами холмов между ними. С юга идут: гряда с Ихэ улой (выклинивается), Бага-ула и холмистый северный склон южного водораздела нагорья (по маршруту 1930 г. об этом водоразделе см. в заметках по этому маршруту). Далее к западу хоолай сильно расширяется и видимой его границей служит хорошо видная от Цэцэй гряда Ихэ хачиг. К северу от нее видны незначительные грядки (см. съемку Глаголева 1925 г.), но на далеком расстоянии они стушевываются. В дальнейшем к западу хоолай этот, по-видимому, снова сужается, так как с юга выступает возвышенность Гурбан гэдэрэг (см. Казакевича, цитированная работа 1924 г.). Новое расширение дает котловина Годли балгасу. Этот основной хоолай Шанхайского нагорья является в известной мере границей разных растительных формаций. На севере преобладает травянистая пустынная степь с пятнами обедненной степи (местами караганная степь). На юге же

мы имеем типичную травянистую полупустыню и частью кустарниковую пустынную степь (т.е. травянистый ковыльково- луковый комплекс – тана-хилагана-багалуровые ассоциации в первом случае и мелкокустарниковый комплекс – улан- и боро-бударганные ассоциации – во втором). За этим хоолаем дорога идет по восточной окраине Шанхайского нагорья, имея к западу почти сплошную холмистую возвышенность и пересекая ее снижающиеся к востоку и быстро выклинивающиеся отроги. Таким образом граница холмистой части южной половины Шанхайского нагорья идет с С.-З. (восточные окрестности Ихэ улы, приблизительно горы Обо) к Ю.-В. (восточная оконечность Галбаин хяра – Цокцолаин хяра). Иначе говоря, южная гряда Шанхайского нагорья, прорванная в районе маршрута 1930 г. сайром Ундайин гол (Ундагиин гол), в которой находится г. Галба, как раз и образует крайний Ю.-В. угол этого нагорья. Оттуда можно провести линию на Баян булагин хурал – это и будет примерно восточной и юго-восточной границей Шанхайского нагорья.

Сток всех сайров по маршруту 1931 г. направлен на восток. Очевидно, что главный водораздел южной части нагорья выклинивается либо около Цзамиин шабагтая, либо по соседству. Сайр Халиб худуга служит тальвегом небольшого хоолая, приходящегося примерно против равнинки, отделяющей главный водораздел южной части Шанхайского нагорья от гряды Галба - Бурханту. Он тоже направлен на восток, т.е. без малого перпендикулярно Ундайин голу.

Местность к востоку от дороги (1931 г.) и к северу и северо-востоку от восточной половины Галбаин хяра представляет собой огромную равнину, уходящую на восток. Ее северная часть довольно высока и на ней разбросан ряд более или менее изолированных друг от друга отдельных горок и мелких грядок. Среди них особенно выделяется г. Субурга – одинокий скалистый черный пик – и г. Сумун с более спокойными формами. Остальные, сосредоточенные к западу и северу от упомянутых – мелочь. Очень далеко на севере видна еще одна гряда с острым пиком-вершиной. Судя по расстоянию до этой горы, она должна быть недалеко к югу от гор Хояр улцзэйту.

В центре видимой с нашего маршрута части этой равнины расположена небольшая грядка Гурбан хэрэс, по имени которой эта часть равнины и называется Гурбан хэрэсиин гоби. Понижение равнины направлено к востоку. Южнее Гурбан хэрэса залегает уходящий в сторону хоолай, к которому сходится большинство сайров и долин, виденных нами, по крайней мере от Гурбан галют и до Баян булага. Хоолай этот проходит в дальнейшем к северу от холмов Дурульчжи, лежащих к северу от Цокцолаин хяра. Разделяющая эти две возвышенности долина наклонна

на запад, затем ее главный сайр, огибает холмы Дурульчжи с юга и, влившись в вышеупомянутый хоолай, уходит с ним на восток. Долина эта на востоке почти замкнута. Через седловину видна далеко синеющая горная группа Алаг баянгиин ула. К западу от нее, по словам монголов, залегает большая депрессия с тойримом, к которой и уходит равнина Гурбан хэрэсиин гоби. Тут, словом, начинается настоящая юго-восточная, Хутуг-ульская или Мэргэнвановская Гоби. Галбинская гряда невысока, но чрезвычайно скалиста, зубчата, изрезана узкими коридорообразными ущельями. Высота отдельных мест гряды почти одинакова. Отдельным куполом торчит лишь Галба хайрхан, невысокая, но характерная и заметная гора. Цокцолаин хяр мягче и представляет собой обычную гряду холмов.

Гряда Оушькин цохио, залегающая к северу от Халиб Худугского сайра, невысока и, как показывает название, скалиста и красновата. Сайры, пересекаемые дорогой на участке Гурбан галют – Ихэ Харату впадают в долину, уходящую на В.-Ю.-В. под острым углом к дороге, впадающую в основной хоолай и отделенную от Гурбан хэрэсиин гоби низкой сероватой грядой. Долина эта называется, кажется, Харганаин ама. По ней направляется левый, восточный вариант описанной выше дороги. В долине вариант этот основательно передут и испорчен. В дальнейшем эта дорога (собственно Хобдо – Халганский тракт) пересекает основной хоолай, подымается на ара бэль восточной части Галбаин хяра и уходит внутрь гор. На бэле она хорошо сохранилась. Других дорог в данном районе не отмечено. На бугре к востоку от Ихэ улы описываемый тракт пересекает наезженную дорогу, направляющуюся с С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В. На севере она пересекает г. Ихэ шанхай, на юге уходит к Улцзэйту булагу и должна пересекать нашу дорогу 1930 г. на Бурханту. Она является продолжением дороги Догшиху – Цаган хада – Амаин усу, и направляется на Баоту. Обе же другие дороги (через Бурханту и Галба хайрхан) идут на Хуху хото.

Растительность по пути также указывает на восточную границу Шанхайского нагорья. По самой дороге на Галбу она не изменяется. Тана, багалур, хилагана и т.д. У воды нитрария. Зато по левому варианту дороги (на Калган), т.е. по Харганаин ама – ясно выраженная крупно-кустарниковая пустыня – хуйрик, тэсх. По ара бэлю Галбаин хяра и дальше на восток – шара модо, нохой ширин, хуйрик, изредка цзагсагал. В горах буйлэсу. К востоку от Баян булага виднелась поросль цзага. Это уже ясное доказательство того, что Шанхайское нагорье кончилось. По северной окраине Галбаин хяра и далее на восток много хайлясов. Отдельные экземпляры растут и в хоолае. Хайлясы здесь достигают

полной меры – попадались прекрасные экземпляры в два обхвата.

С кормами по маршруту было плоховато. В убур Шанхайском хоолае почти голо, так же, как и в прошлом 1930 году. Далее чуть лучше, тоже одинаково с аналогичным сезоном 1930 г. Позже в том году прошли небольшие дожди. В районе Халиб худуга был приличный багалур, выросший после весеннего большого снега. Дождей до нас не было, при нас выпал на 2 пальца. Багалуром этим объедались верблюды, приходя с пастбища с животом, натянутым как барабан. Вещь для них опасная, так как иногда они сдыхают от вспучивания брюха.

{**Хуримин сомон.** Хозяйств 295, душ 1.628, верблюдов 1939, баранов 18.893, крупного рогатого скота 1.018, лошадей 3.073, коз 18.992.

Сэбэрэй сомон. Хозяйств 252, душ 1.530, верблюдов 2.294, баранов 13.336, крупного рогатого скота 396, лошадей 1.565, коз 21.555.

Норбо сомон. Хозяйств 277, душ 1.383, верблюдов 3.580, баранов 32.229, крупного рогатого скота 982, лошадей 4.650, коз 28.279.

Процентное соотношение будет следующее:

Сомон	*Верблюды*	*Лошади*	*Кр.рогат.скот*	*Бараны*	*Козы*
Хуримин	4.4	7.0	2.3	43.0	43.3
Сэбэрэй	5.9	4.0	1.0	34.0	55.1
Норбо	5.1	6.7	1.4	46.2	40.6

Эти цифры – данные Сайханского кооператива по 3-м сомонам. Интересное добавление к моей работе по скоту. Необходимо точно выяснить границы этих сомонов, детально охарактеризовать характер их ландшафта (для чего я достаточно хорошо знаком с местностью) и произвести анализ вышеприведенных цифр. Кроме того, можно будет определить площади сомонов и количество кв. км, приходящееся на одно хозяйство. В смысле количества членов семьи можно привести следующие цифры:

Хуримин сомон - 5.5
Сэбэрэй сомон - 6.1
Норбо сомон - 4.9

Цифры эти ориентировочны, так как за неимением уточненных сведений, предполагается, что все души находятся в хозяйствах и свободных в этом отношении нет. Из верхних цифр можно кроме того, с некоторой натяжкой получить площадь выпаса на единицу скота, что, конечно, достаточно интересно, особенно если это дело поставить в связь с кормовой производительностью.}

Мы ехали ночью на верблюдах, пришедших с пастбища. Пришлось остановиться из-за одного из них, которому пришлось плохо. Он лежал и

беспрерывно рыгал. Через полчаса ему полегчало, живот несколько опал и дальше мы ехали беспрепятственно.

Как я указывал выше, на юго-восток мы поехали для того, чтобы проверить слух о нефти. Был назван ключик Далай булаг, находящийся как оказалось, в Цокцолаин хяре. До него мы и не доехали, так как на ключе Баян булаг оказались явления, аналогичные Далай-булагским. Подъехав к Баян булагу, мы увидели обычную для ключей зеленую площадку и небольшое русло с двумя-тремя ямами. Тут же оказался колодец с большим количеством воды. Собственно текучей воды, вследствие отсутствия дождей, не оказалось. В одной из впадин с глинистым дном мы обнаружили черно-ржавую застоявшуюся воду. Она была настолько черна, что при толщине слоя в 1-2 см прозрачность уже отсутствовала и окраска оказывалась насыщенной. Вода ничем не плоха. В сине-серой глине со дна посторонняя окраска отсутствовала совершенно. На поверхности воды не было обнаружено никаких жирных пятен. Подробный осмотр всех водовместилищ и почвы в их окрестности выявил следующее.

Вода, поступающая непосредственно из-под почвы (колодец, ямы по руслу с возможной слабой подземной текучестью) чиста, прозрачна, не имеет запаха и каких-нибудь налетов.

Глинистая почва (самое русло более или менее песчано) насыщена гниющими вследствие сырости остатками скотского кала и во многих местах издает резкий запах аммиака. Очевидно, что застаивающаяся на этой глине вода представляет собой настой этих остатков. Кочевники окрестных мест всегда живут в окрестностях этого ключа и скот, особенно в засуху, постоянно топчется на зеленых лужайках у воды. Большие уиры уносят настоявшуюся воду и после них новая вода держится некоторое время чистой. В дальнейшем она снова настаивается и делается такой же черной. Эти соображения подтверждены и местными жителями. Далай булаг беднее водой, нежели Баян булаг. На нем обнаруживаются явления, аналогичные вышеописанным.

Маршрут Шанхай ула – Баян тухум

На запад из Шанхая мы выехали 1-го числа июля месяца. По моему указанию направились без дороги в юго-западном направлении с тем, чтобы выехать на Хобдо – Халганский тракт западнее Цэцэй. Путь шел высокой, волнистой степью, характерной для района к западу от Шанхай улы. Горки Табун тологой (месторождение каменного угля, см. Казакевича *op.cit.*) остались налево. Описав изрядную дугу, мы выехали на тракт

немного западнее Цэцэй[12]. Дорога в этом месте спускается с ара бэля Цэцэй в небольшую котловину. Внизу справа подходят холмы, слева бугристые донные пески, и дорога идет по самой их границе. У подножья двух-трех более высоких холмов дорога пересекает довольно неудобный сайр, окруженный теми же буграми, тут же минует колодец с приличной водой и огибает высокую группку холмов справа (с севера). На их Ю.-З. подножье дэрэс, донные бугры и была видна вода (лужа после дождя?). В дальнейшем тракт, имея справа холмы, спускается в котловину Шобун чжирим, имеющую округлую форму. В центре котловины ярко зеленеет небольшой оазис того же имени. Дэрэсу, донные бугры, луковая площадка и небольшой ключ[13]. Объехав этот оазис слева, мы стали подниматься по бэлю небольшой скалистой группы Бага аргалинту к седловине между этой группой и южной грядой холмов. Надо заметить, что от самого Цэцэй мы все время имели слева на некотором расстоянии гряду холмов, соединяющих Цэцэй с Бага аргалинту. Удобный подъем привел к седловине почти у самого южного подножья Бага аргалинту. Затем начался новый спуск в глубокую котловину, разделяющую Бага- и Ихэ аргалинту.

В тальвеге этой котловины есть большой сайр, имеющий сток как-будто на север (?). То же с вопросом можно сказать и о ранее пересеченных котловинах. Либо они бессточны, либо имеют выход к северу. Южные холмы на спуске к упомянутому сайру отошли к югу и снизились. На дороге у сайра вода не отмечена. Далее идет подъем на ара бэль Ихэ аргалинту, вернее на холмистую возвышенность, на которой находится эта весьма скалистая и расчлененная небольшая группа.

На меридиане Ихэ аргалинту мы перевалили эту возвышенность и, чуть сдав к северу, стали спускаться к сайру, уходящему в холмы. Влево, на бэле Аргалинту, холмов нет. Внизу мы обогнули по сайру справа группу холмов, миновали расположенный в сайре кол. Гэцзэг, а затем поднялись на плоскую возвышенность, откуда открылся широкий вид. На западе невдалеке виднелась плоская, с обрывистыми, почти отвесными краями, чуть покатая к северу Хан ула. За ней высилась скалистая громада Цзун сайхана, вершины которого были в облаках. Чуть правее виднелся Думда сайхан. На юге, за ясно чувствующейся глубокой впадиной Годли балгасунского тойрима, хорошо видна гряда Буур (о ней подробнее см. у Казакевича), кажущаяся с севера гораздо более высокой, нежели с юга (см. дневник 1930 г.). За ней виден гребень Ихэ номогана. На юге видны

12) Отсюда и до Хан улы мой маршрут совпадает с маршрутом Р.Ч.Эндрюса.

13) Где-то здесь мы пересекли маршрут С.А.Глаголева (1925 года).

расчлененные горки - вероятно Баян ула и окрестные. К юго-востоку виднеется плоская возвышенность Гурбан гэдэрэг. Отсюда я взял ряд контрольных засечек, для увязки со съемкой 1930 года.

Далее дорога постепенно спускается в выемку, ограничивающую Хан улу с востока, пересекает здесь маршрут Казакевича (1924 г.) и поднимается среди мелких холмов к крайнему северному мысу Хан-улы. Перевалив его небольшой седловинкой, тракт начинает спускаться в обширную Ара-сайханскую депрессию. Желая попасть на ара бэль Цзун сайхана и объехать тальвег депрессии с юга, мы вскоре оставили дорогу и круто повернули к восточной оконечности Цзун сайхана. С поворота были видны: г.г. Угомор (см. маршрут 1929 г.), Халга, Дунду-Сайхан, Охин хутуль и Цзун сайхан. Взяв направление на восточную вершину последнего, мы стали без дороги спускаться в понижение между Цзун сайханом и Хан-улой. Вскоре въехали в мелкие холмы. Седловина между Балгасунской и Ара-Сайханской депрессиями осталась влево. Холмами мы незаметно проехали низшую точку, оставили невдалеке вправо ключ Далан цзадагад (не зная об этом) и выехали из холмов на покатую к северу равнину, залегающую между собственно бэлем Цзун сайхана и тальвегом депрессии. Проехав немного по этой равнине, мы остановились у одного из аилов, с целью осмотреть Далан цзадагад. В дальнейшем мы двинулись все той же степью прямо на видневшиеся на горизонте горки Бацзар, оставив ключ Хуйтэн к северу. Миновав мон. Мани хурал (он остался к С.-В. примерно в 1-1.5 км), мы подъехали к ключу Бацзар, осмотрели его и в дальнейшем двинулись уже к перевалу Халга, около которого я закончил свою съемку, сомкнув ее со съемкой 1929 года. Ночевали мы не доезжая перевала, на том же колодце, что и в 1929 г., причем там оказалась та же юрта.

Во время этой поездки я хорошо ознакомился со всей ара депрессией Сайханов. Она ограничена Цзун- и Думда-Сайханами с юга, Хан улой с востока и Шанхайским нагорьем с севера. Между Цзун сайханом и Хан-улой залегает холмистая седловина, довольно высокая относительно депрессии. Хан ула же непосредственно примыкает к Шанхайскому нагорью. От нее на восток тянется гряда холмов (Нарин хара шили по Казакевичу), вдоль и по которой мы ехали от Шанхай улы к Далай цзадагаду. От хоолая депрессии к северу также идет подъем на нагорье, заканчивающийся Угоморской грядой. Между восточной частью этой гряды и Хан улой с Нарин хара шили находится возвышенная равнина, полого спускающаяся к ара хоолаю Сайханов и уходящая на В.-С.-В. за горизонт. Судя по направлению, она переходит в равнину к югу от Шарахацара и, следовательно (?), идет к Дучи хуралу и выклинивается около Улцзэйту (баян) обо. Убур-хунчжильский хоолай, вероятно,

проходит к югу от Бага шанхая.

Угоморская гряда заканчивается на меридиане холмов Бацзар. Здесь находится крайний западный угол Шанхайского нагорья. Далее к западу и северо-западу залегает Баян цзагская депрессия, являющаяся частью наиболее широкой в этом месте (от Дэлгэр хангаяя до Сайханов не менее 150 верст, исключая широкие бэли) Центральной впадины.

Нагорье полого спускается к этой депрессии. С верхнего края бэля у Халги виден Дэлгэр хангаяй и правобережная возвышенность Онгиин гола. В центре этой части впадины ясно видна гряда красных глин, заканчивающаяся в Баян цзаге. На восток же она тянется далеко и, возможно, соединяется с глинами Баян- и Бумбатуин цзо. С.-З. граница Шанхайского нагорья идет, следовательно, от западного своего угла против Бацзара на Догшихо, может быть, делая небольшой изгиб к С.-З.

Самый тальвег Цзун сайханской депрессии ограничен с запада горками Бацзар, на восток он тянется примерно до меридиана Далан цзадагада. Основных ключей, действующих, за редкими исключениями, всегда в этом районе три: Бацзар, Хуйтэн и Далан цзадагай. Первые два находятся в самом тальвеге, в западной его части. Далан же на склоне, ведущем к тальвегу с седловины Хан ула – Цзун сайхан. Больше крупных ключей нет. Мелкие появляются кое-где после дождей.

Далан цзадагай представляет собой расположенную на пологом открытом склоне большую и очень богатую водой кочковатую мочажину, местами зыбучую, окруженную дэрэсунным наносным валом. На мочажине в целом ряде мест бьют ключики, соединяющиеся в небольшой ручей, текущий вниз, в хоолай. Мы проследили его на 3-4 км. Сейчас ключ этот бежит не по своему старому руслу, а по главной канаве, орошавшей старые (“Дорчжи-мэйрэновские”) пашни. На пашнях есть развалины небольших построек из сырцового кирпича, остатки мельницы (сохранились хорошие жернова), молотильные валы. Довольно хорошо сохранились канавы. Общая площадь пашен – примерно 20 десятин (?). Вокруг ключа – ровная, слегка покатая к северу, степь.

Ключа Хуйтэн мы не осматривали, а на Бацзаре останавливались. Донные бугристые пески с нитрарией, солонечный кочкарник, обильный гуджир. Порядочный ключик, вытекающий из небольшого болотца с хвощом и парой кустиков камыша. После дождя в болоте было много воды. Вода в ключе на вкус гуджиристая, может быть вследствие дождя. Место довольно унылое. Тут же имеется обильный водой колодец. По словам местных жителей в засуху Бацзар и Хуйтэн почти исчезают. Далан не страдает от засух и богаче всех водой.

Начиная от горок Бацзар идет пологий водораздел, отделяющий Цзун

сайханскую северную депрессию от северо-западной (Баян цзаг и дальше). По-видимому, он проходит наискось от входа к перевалу Халга на западный угол Шанхайского нагорья, хотя участка от этого угла до Бацзара я толком разобрать не мог. Между этим водоразделом и северным бэлем Дунду-Сайхана залегает постепенно выклинивающаяся впадина, идущая от Бацзара. Мы ехали правым северным ее краем, по склону водораздела. Перевалив Халгу по хорошо знакомой мне дороге, мы свернули с этого перевала прямо на Баян тухум и, описав во избежание сайров бэля, небольшую дугу, выехали на Цончжиин цзам[14] уже около самого сумуна. Баян тухум ярко зеленеет. После дождя дорогу по окраине тойрима размыло и мы основательно засели в глубокой красной глине. Порядочно покопались.

{В бывшем Гурбан сайханском хошуне сейчас 5 сомонов: Хурмин, Норбо, Хонгор, Сэбэрэй и Ноян. Центры их находятся на Цаган голе, у <...> оконечности Барун сайхана, в Баян тухуме, на <...> склоне Ихэ номогана (против Цаган субурга) и на <...> склоне Ноян богда (Хубгун, около <...> конца Хоримцука). Палатки МНЦК при сомонах, за исключением Хонгорской, находящейся в Наране. Центральная первичка в Баян тухуме. Есть сомонная дорога на аймаг и на Ноян богда.

Теперь еще раз об аймачном центре. Осмотрев кл. Далан цзадагай мы с Якимовым решили, что место это достаточно подходящее. Вместе с тем, местная публика заявила, что ни о каком угле она не слышала. Заявление это было настолько единогласно, что я стал в тупик, совершенно не предполагая укрывательства. Вместе с тем заявление секретаря аймпарткома (см. выше) было достаточно определенным. В свое время я упустил из виду записать с его слов названия мест, понадеявшись на местных жителей. Положение было безвыходное, и мы должны были проехать дальше, оставив вопрос открытым до получения более определенных сведений об угле, так как вопрос стоял только о топливе. Сегодня (4-го июля) я зашел на партсобрание ячейки Хонгор сомона и сделал внеочередное заявление о выборе места для аймага. Когда я сообщил, что вопрос лишь за углем, посыпались заявления, что уголь есть, нашелся человек, копавший его, сразу назвали место. Это на <...> склоне Цзун сайхана, невдалеке от Охин хутуля в местности Шабаганца шанда.

Вообще перевод аймага в Далан цзадагай всемерно одобрили и вынесли по этому поводу соответствующее постановление. Завтра с утра я попру туда с проводником.

Рассмотрим еще раз плюсы Далан Цзатагая. Место – хорошее. Вода

14) Старая дорога из собственно Китая в Синьцзян.

хорошая и в достаточном количестве. Топливо – уголь (количество?), примерно в 40 км. Сравнительный центр – на равном расстоянии от западной и восточной границ, чуть ближе к южной, нежели к северной границе. Последнее не вредит, а является по многим причинам скорее плюсом.

Пути сообщения. На Уланбатор два направления: Сайханская (Фыновская) дорога, причем от Баян цзага поворот по Калган - Хобдоскому тракту и по северной стороне Цзун-сайханской депрессии (можно ехать и южной стороной без дороги) и Шарангутайская (тут следует пробить новый путь до Докшихо по нагорью прямо на Далан). От Докшихо следует проехать западнее Бага шанхая, по западному мысу Шарахацара и потом по равнине к Хан уле. Для выпрямления необходимо попытаться отыскать путь из Шарангутая через Тугурюгский хоолай, или в объезд его (с <...> стороны), с расчетом попасть между г.Дэль и Бумботуин цзо, обогнуть Докшихинский тойрим с востока и попасть либо на Докшихо, либо прямо на <...> край Бага шанхая. Это была бы самая лучшая и самая прямая дорога. Вопрос лишь в сравнительно небольшом участке Тугурюг - Докшихо. Эти обе дороги одновременно связывают аймачный центр с <...> углами аймага. Поперек идет Хобдо-Калганский тракт и Цончжиин цзам. На севере – Улясутайский тракт (на Калган) и диагональю – вариант на Баоту. Через Сайханы два перевала. На юго-восток путь мимо Цзун сайхана к Цаган голу или прямо на Улцзэйту ундур и Сангин Далай. Таким образом, аймаг вполне обеспечен авто-сообщением.

Положение его на юге очень важно политически, тем более, что дела тут сильно ухудшились, о чем упомяну ниже.

Помимо всего этого окрестности Далана почти всегда густо населены, так как и в засуху народ частенько собирается на дэрис, бударгану и болотины этого хоолая. Сайханы же служат серьезным конденсатором влаги и дожди в этом районе чаще других. Корма почти всегда приличны.

Наводил справки о золоте в Цзолэне. Гора, (вернее вода), указанная в записке Банзарахчи (Цзабак) имеется и находится на южном склоне Цзолэна, западнее Цаган дэрэса. Попутно один из старых знакомых (Аотай) сначала намекнул, а потом сказал определенно о золоте в Баян боро нуру, к <...> от бывшего Цзурахай дацана, близ воды Хапцагай, где когда-то произошел случай, аналогичный Цзолэнскому – был найден самородок. Пожалуй, придется осмотреть и это место.

Вопрос, что случилось с нашими? Ни слуху, ни духу. Времени прошло очень много и положение ребят на дороге, а также и Мили в аймаге – пиковое. Мы решили, выяснив вопрос с углем, возвращаться в аймаг, а там будет видно. Возможно, что двинем сюда на уртонских верблюдах и на

наемных двинемся дальше.}

Растительность по маршруту Шанхай ула – Баян тухум можно разбить на три участка: 1) Шанхай ула – Хан ула, 2) Хан ула – южный выход с перевала Халга и 3) убур бэль Баян цагана. Первый участок – типичная пустынная степь Шанхайского нагорья с участием багалура. На щебнистой поверхности тана, хилагана, багалур. Изредка боро- и улан-бударгана. Состояние этой степи было средним, пожалуй ниже среднего. Второй участок скорее можно назвать обедненной степью, так как покров сравнительно густ, преобладают, пожалуй, злаки, распространена карагана. Тип караганной обедненной степи. Правда местами попадается и багалур. Аги нет. Она выше. Хилагану мне назвали "монгол убус". Состояние корма было среднее. Примерно в эту же группу (по качеству) можно включить и горную обедненную степь перевала Халга. Третий участок – пустынная степь с багалуром, таной, хилаганой, боро бударганой. Местами кустарники (главным образом по сайрам). Корм во время проезда был плохой. При нас прошли значительные дожди, начиная почти от Ихэ Шанхая, по ара хоолаю Сайханов, в Халге и Сайханах, в Баян тухуме, на запад до ноян Богда включительно, на юге, вероятно, до границы. Кроме того, по-видимому, значительные дожди прошли после нашего проезда на севере, в районе Дэлгэр хангаяя и севернее. По Центральной впадине было хуже: дожди прошли, но небольшие.

По Сайханам при нас дождь лил основательно. В общем насчитывали до 10 дней с хорошими дождями. В Баян цагане и Тухуме уже меньше. А в общем такого дождливого года не было уже очень давно.

Из Баян тухума я съездил верхом на месторождение угля, указанное мне населением близ кол. Шабганца шанда. Колодец этот находится в верхней части бэля С.-З. края Цзун сайхана, примерно в 2-х км на восток или на В.-Ю.-В. от ключика Чжиргаланту. Уголь выступает на поверхность в ближайших к колодцу оврагах, находящихся к С.-З. от колодца. Выходы обнаружены по дну оврагов на довольно большом (около 200 м) протяжении. Около него пласты конгломератов, песчаники разной плотности, глины. Падение, видимо, приблизительно на север.

В некоторых местах уголь прикрыт лишь метровым слоем почвы, а затем он уходит под пласты упомянутых пород. Толщина, несомненно, значительная. Проследить удалось всего на 0.5-1 метр. Мелкие сайры оврагов идут по поверхности пласта, размыв его в этих местах не более полуметра.

Верхний слой сильно разрушен, особенно в результате последних дождей, и местами даже потерял темную окраску, приобретя серовато-бурый цвет. По мере углубления он делается все более плотным. Площадь,

занимаемая данным пластом угля, также должна быть безусловна значительной. Углем этим (по-видимому он относится к разряду бурых углей) пользовалось местное население, частью как топливом, частью для кузнечной работы. Расстояние от Далан цзадагада – км 30-40, дорога все время вниз: серьезных препятствий нет, возможен подъезд на машинах[15].

Второе месторождение находится внутри Цзун сайхана, в продольной долине у южного склона хребта Йола (северный хребет всей группы) в местности Йолаин энгэрин боуца. Этого месторождения я не видел. Качество должно быть приличным, так как им пользовались, по слухам, китайцы.

Третье месторождение указано Миле секретарем аймпарткома Дамбой (он же указывал и на Шабганца шанда). Оно находится в Думда Сайхане в местности Думда улцзар. Кроме того араты упоминали о месторождении на северном склоне г. Буур.

В Баян тухуме я получил сведения о горючем сланце. Месторождение находится к востоку от горки Хурмэин, что на юге от Цаган гола (к югу от восточной части Цзун сайхана), км в 15 от нее, и к востоку же от воды Хашан цаган дэрэс, в оврагах местности Хабхастуин адаг. По рассказам хорошо горит с поверхности (зажигают дети).

Хорошие же качества (с поверхности пользуются как топливом) аинчин приписывают и сланцу, находящемуся в районе г. Аргалинту, что к западу от Шанхай улы.

Арат из Сайхан обо сумуна (почти крайний С.-З. сумун Южно-Гобийского аймага) говорил о наличии угля в береговых обрывах Онгиин гола, выше Хошу хида, примерно около следующего кверху монастыря. Кроме того этот же арат указывал на яму, из которой добывают соль. Называется она Цаган бируту дабусу, находится в том же Сайхан Обо сумуне.

В Баян тухуме мы пробыли недолго. Приехали 3-го июля, 4-го пробыли там, 5-го я выехал ургой к Охин Хутулю на уголь. Проездил 4 дня и вернулся поздним вечером 8-го числа. Машина уже уехала. 9-го, около полудня, я выехал уртонными лошадьми на аймаг и 11-го примерно в это же время был в аймаге.

Поездка из Баян тухума на Охин хутуль

Эта поездка была предпринята для осмотра описанного выше

15) Этот уголь был осмотрен в том же 1931 году геологом Лебедевой З.А., а затем им пользовалась геолого-разведочная экспедиция при МТП МНР.

месторождения каменного угля в местности Шабганца шанда. Я выехал 5-го июля около полудня на сумунных лошадях. Проехали от Тухума наискось по бэлю к восточной оконечности Баян цагана, где въехали в горы, мелкие, но сильно расчлененные. Неожиданностью для меня было наличие в этих горах небольшого монастыря Ламаин хуриэ, который таким образом является 12-м в бывшем хошуне Гурбан сайхан. Монастырь этот спрятан в холмах в довольно уютном местечке, имеет 2 больших дугана и 1 малый. Лам свыше 100, раньше было больше. От дунганского нашествия монастырь не страдал и насчитывает со дня основания около 90 лет. Вода – хороший колодец. Не знал я о нем до этих пор потому, что зная число монастырей Гурбан сайхана (11) я считал в их числе и Цаган улаин сумэ, который собственно является чужим, уратским.

От монастыря мы свернули к самому выезду из гор между Баян-цаганом и Думда-Сайханом ("ворота"), миновали не доезжая Халгинского убур сайра кол. Шара-хада и поднялись по сайру к ключику Сучжи. Оттуда поехали горами по убуру Думда Сайхана, у подножья главной цепи, имея справа, к югу, предгорья.

На всем протяжении до Охин хутуля мы миновали следующие колодцы: Барун-дэлгэрху (кол.), Цзун дэлгэрху (кол.), Улан-дэль (кол.), Субурга (кол.), Цзадагай шанда (кол.), Ширэг туру (кол.), Сарул булаг (кл.), Улан тологой (кол.?), Барун хадату (кл.), Хадату (кл.), Барун бильгэхи (кл.), Цзун бильгэхи (кл.), Олон сала (кл.), Мухур эрги (кл.). Далее через Охин хутуль: Ара хучжир (кл.), Арслан (кол.), Гун-худуг (кол.), Улан тологойн шанда (кол.), Шарга мориту (кол.), Чжиргаланту (кл.), Шабганца шанда (кол.). Итого на этом расстоянии (беря от Сучжи до северного выхода с Охин хутуля) 23 водных источника почти по одной линии, да наверняка 2-3 еще пропущено. Из них 11 ключей. В среднем на один источник падает всего километр маршрута. Весьма вероятно, наверняка даже, что часть ключей в засушливые годы исчезает, тем не менее в гобийских условиях этот район весьма богат водой.

Оставшиеся к югу от пути предгорья, будучи сначала мелкими, в районе Дэлгэрху превратились в настоящие горы, небольшие правда, со своей отдельной вершинкой Далангиин обо.

За кл. Цзадагай шанда (т.е. к востоку от него) предгорья эти неожиданно оборвались и заменились высоким и довольно крутым бэлем, прорезанным глубокими крутобокими оврагами сайров. Поперек этих оврагов и идет верховая тропа, вьющаяся под самыми склонами гор. Устья ущелий в этом месте узки, крутобоки и дики. Особенно дикими казались они мне благодаря дождю и туману, из-за которых я почти не вылезал все четыре дня поездки. Хлестал холодный дождь и из пастей

ущелий выползали, цепляясь за скалы, клочья серых облаков.

Охин хутуль – такая же высокая и широкая седловина, как и Халга, немного пouже. Кроме более или менее горизонтальных пластов здесь есть и выходы основных пород в виде небольших гор. Дорога через него (главная) идет все время по руслу, как северному, так и южному.

Любопытно название одного места (кажется колодец у Охин хутуля – Лу ясту). Окрестности – овраги в красноватых толщах отложений, где вполне возможна находка ископаемых костей. Местная публика скрывает и название, и место.

С некоторых мест убура Думда-Сайхана я делал ряд засечек, любуясь вместе с тем широкими горизонтами, открывающимися с этих высот. Таким местом была, например, горка у кол. Ширэг туру. С нее хорошо видны: Цзун сайхан, оба Аргалинту, Байшинту, Хонгор обо, Цзурумтай, Дэнг, Цзолэн, вершины ноян-Богда, Баян-цаган. Между западным концом Цзурумтая и восточным Дэнга ясно виден узкий, четкий проход, напоминающий ворота (Боро хацабчи, см. П.К.Козлова, Камская экспедиция).

Травы везде были очень хороши. По главному хребту Думда-Сайхана все время виднеется арца, которой население усердно пользуется, как топливом. Каких-либо резких особенностей отметить не пришлось. Отмечу, что вверху (Охин хутуль) исчезает тана, превалируют злаки (йерхуг), аги, которой мало внизу. Вообще покров в среднем и верхнем поясе уже горностепной, хангайский.

Из фауны единственное, что мы встретили – крупную светло-желтую лисицу, недалеко от Сучжи. Спутник (Лубсан дагба) говорил, что видел и стрелял в районе нашей дороги янгеров и аргали.

По дороге познакомился со стариком-охотником, одним из лучших в хошуне. Он подтвердил, что в этом районе (особенно ноян-Богдо, Тосоту, Баян цаган) появляются иногда красные волки. Различия между барсами по его мнению индивидуальны, хоть и носят у монголов специальные названия (хара цохор, шара цохор и т.д.).

Населения по линии маршрута было немало. Особенно много скопилось его в районе Охин-Хутуля. Я насчитал (с Сучжи до Шабаганца шанда) не менее 50 юрт. Словом, и по густоте населения район почти хангайский. Обильные дожди уже надоели населению и входящий в юрту начал уже задавать вопрос: “борон ду цутрбу?” (*монг. – устали ли от дождя? – прим. сост.*). В юртах сырость, грязь, снаружи грязь с навозом, растоптанная скотом. Все мокры. С топливом плохо. Было ясно видно, что обычный уклад жизни монгола создавался в сухом климате и к дождям сайханцы свершенно не приспособлены.

Спрашивал своего спутника Лубсан-дагбу о кормах.

Овцы Весна: аги, шабун хуль, хара шабаг.
Лето: очень охотно едят цветы (напр., хараганы), вообще же не брезгуют почти ничем.
Осень: зеленое - тана, кустарники по сайрам.
Зима: дэрэс.
Для гучжира определенного времени нет.

Козы Более или менее одинаково с овцами. Весной также идут на аги. Большие любители кустов.

Верблюды Жиреют лучше всего от багалура. Тана, шара- боро- и улан бударгана, хумуль.
Зимой харагана.

Кр. рог. скот Длинная трава, главным образом дэрэс.

Лошади Аги, хилагана, йерхуг, хяг, улэн (*Carex*). Все едят плохо.

Между прочим во время нашего проезда (начало июля) только что начали привязывать жеребят – доить кобыл.

Обратный путь я ехал по тем же самым аилам вплоть до Ламаин хуриэ. Возвращение ничего нового не дало. Около Далангиин обо у подножья горы мы заметили группу празднично разодетых людей, преимущественно лам, человек 8, собравшихся чествовать обо.

От Ламаин хуриэ мы поехали горами – восточной оконечностью Баян цагана, до того ущелья, где мы стояли с автомобилем в 1929 г. Горы здесь в значительной мере расчленены, невысоки и доступны для верховой езды почти во всех направлениях. Отдельные большие по высоте массивы видны лишь к северу от монастыря и находящегося неподалеку от него к западу колодца Цзараг.

Выехав из ущелья на бэль, мы свернули уже в виду Баян тухума еще к западу, миновали колодец, и остановились в аиле у следующего колодца, тоже под горами. Оттуда, уже в темноте, свернули вниз, к Баян тухуму, по самой высокой и очень каменистой части бэля.

Машина, оказывается, уже ушла, дожидаясь меня до 14 часов (я приехал в 22 часа). Выспавшись, наутро я заказал уртонного верблюда и поехал по сумунной дороге в аймаг. Дорога эта была уже знакомой до Ламаин хуриэ. Далее началось новое меридианальное пересечение Сайханы - Дэлгэр хангаяй, идущее параллельно автодороге, неподалеку от нее.

Вскоре за монастырем, взяв направление на вершину хр. Халга, мы миновали упомянутые выше массивы и выехали на высокую равнину, покатую к Халгинскому южному выходу, отделяющую в этом месте Баян-цаган и Баян боро нуру от Халги и Барун сайхана. Равнина эта уходит на запад, повышаясь и выклинивается, если не изменяет память, около кол.

Хуху тологой. Помнится, что там снова понижение и есть прорыв через горы к северу. На равнине этой растет главным образом тана. Дорога ровная, отличная. Ближе к хр. Халга начались увалы-мысы, протянувшиеся от Халги к главному южному сайру седловины. Здесь стоял сумун Хуху худуг. Взяв там лошадей, мы поехали прямо через Халгу, немного восточнее вершины. Поднялись мысами к хребту, взяли его крутой тропкой и спустились вниз крутейшим мало изрезанным ущельем. Гребень Халги весьма узок и действительно заслуживает термина "гребень". По ущелью обилие арцы и еще целого ряда кустарников. Устье ущелья вывело нас на слабо разрезанный оврагами бэль, ниже которого виднеются горки восточного мыса Барун сайхана. Мы направились на самый восточный край их и уже в темноте подъехали к уртону сумуна Норбо, управление которого находилось тут же (кол. Дарбагай). Зайдя в сумун, я поехал далее ночью, снова на лошади. Проводником был почтенный старичок-бедняк, ничего не видевший. Луна должна была взойти перед рассветом и было совсем темно. Перегон около 35 км мы ехали почти всю ночь. Гладкая равнина, покатая к северу. Ночью никаких знаков. Вести пришлось мне, расспросив предварительно дорогу по звездам. Направление было чуть восточнее Полярной [звезды]. Наконец взошла луна. Показались глинистые яры. Проехав 3-4 км руслом, по которому показались бугристые донные пески с нитрарией, мы решили переждать до света – оставалось не более часа. Уртон должен быть неподалеку. Он действительно был не далее, чем в километре. Следовательно в направлении мы ошиблись очень немного. Уртон этот – Дала хашату. С кормами было очень плохо. Дожди в этой впадине почти не шли. Кругом глинистые овраги, русла и отсутствие растительности. Отдохнув с час, я поехал дальше уже на верблюде. Волнистая местность, быстро ставшая песчаной, с крупным кустарником, привела нас к первой цепи холмов Хана, полузасыпанных здесь песком. Вблизи остался колодец Гойоту. Песок, жара, кое-какой кустарник. Миновав первую гряду холмов сайром-прорывом, мы выбрались немного выше и по волнистой же степи, песчаной по почве, с караганой, оставив к востоку небольшую пологую горку, мы спустились снова ниже и остановились на уртоне Долон у подножья главной цепи холмов-горок Ханан. Там снова взял коня. В этом месте цепь Ханан довольно широка – несколько километров. С запада подходят известняки. Пересекли и эту цепь, затем небольшую долинку и последние холмы. Затем началась слабоволнистая пустыня, с постепенным подъемом к северу. Растительность типично пустынная – бударганы, иногда цзаг. Стояла жара, был самый полдень и пекло сильно. Пересекли глиняное русло с саксаулом, имеющее сток на запад, вдоль северного подножья Ханана, к Улан нуру. Головной

участок этого русла находится где-то близ Баянгиин хоолая. Местами стояли лужи воды – накануне прошел хороший дождь. Было странно видеть воду среди цзага и покрытых точками мелких кустарников бугров. Перегон этот оказался весьма большим. Немного не доезжая до уртона мы пересекли большую дорогу, идущую с С.-З. на Ю.-В. Это та самая дорога, по которой частью идет сайханская автомобильная дорога между Онгиин голом и песками Баян тэг, и на которую выходит около Баяна автодорога Шарангад - Шанхай. Еще далеко не доезжая ее, с одной из грядок, более высокой, я взял несколько засечек. Оттуда были видны Арца богда, Бугу хайрхан, Сайханская цепь, Дэлгэр хангаяй. На востоке неподалеку виднелись горки близ Баяна: Баян боро и др. На уртоне мы выпили огромное количество чаю и мне пришлось повязать голову мокрым полотенцем, так как она заболела от жары и духоты. Затем мне оседлали атана огромного роста (еле доставали рукой до макушки горба) и я снова тронулся на север. Колодец уртона находится в сайре-прорыве между двумя пологими грядами. По сайру и выше бугристые пески с нитрарией и саксаулом. Корма были очень плохие.

Когда мы выбрались на покатую к югу равнину и миновали пески, я пустил верблюда полной рысью и мы приехали на следующий уртон, как только стемнело. Вся дорога – заметный подъем, по гладкой, чуть волнистой равнине. Типичная пустыня депрессии переходит здесь в травянистую полупустыню, правда, очень бедную. Уртон стоял у подножья двух небольших кряжей, разорванных руслом.

Утром 11-го июля я поехал дальше. Проехав прорыв, мы, все время подымаясь, поехали вновь по волнистой полупустыне, здесь уже с приличным кормом. Сделав хороший перегон, доехали до уртона, последнего перед Дэлгэр хангаяем. Расположен он был в долинке под бэлем гор Дэлгэр хангаяй, против высокой их части. Последний перегон был невелик. Мы обогнули высокую часть гор с востока, перевалили их небольшим перевалом и выехали невдалеке от аймага[16]. Растительность внутри гор полупустынная и сами горы не очень скалисты. Есть пологие травянистые долинки. Аймаг уже издали производил праздничное впечатление – был как раз первый день праздника десятилетия МНР. Везде носились всадники, виднелись богатые майханы и т.д.

{Заехал я, лихо подскакав, в юрту “гуна доктора”, где и узнал, что и Коликов и Якимов здесь. Остаток дня пробродил по празднику. Видел скачки, борьбу и т.д. Имел разговор с Уполномоченным Правительства

16) Участок Гурбан сайхан - Дэлгэр-Хангай пересечен В.А.Казакевичем (см. его работу “Центральная Гоби и Золотой караул”).

Самданом относительно юга. Подробно высказал ему свою точку зрения на положение там. Вечером был спектакль, на котором я также потолкался.}

13-го под дождем неожиданно приехала в полном порядке моя машина. Шофер А.Вагапов дважды ездил в Уланбатор и в последний раз привез целую коробку скоростей. Но, ставя ее на место, он ухитрился засадить себе в глаз железную стружку и на общем совете было решено отправить его снова в Уланбатор. Лагерь свой мы раскинули в стороне от аймага, неподалеку от колодца, под гранитными холмами.

Вместе с Вагаповым ехать в Уланбатор для связи решил и я. 14-го не очень рано мы выехали по хорошо знакомой дороге на север. В мон. Сангин далай заезжали на цам – костюмы были очень хороши. Там пили чай с борцоками в одной из чжяс, где благодушно настроенный гелюн, порядочно пьяный, поил и кормил разнаряженную толпу богомольцев. Затем двинулись дальше, миновали Хадан усу, в одном месте сидели часа два-три в грязи – накануне прошел сильный ливень. Перед Адацагской равниной стемнело и мы уже с фарами, почти пересекши ее, заночевали в аиле на дороге. Утром довольно рано мы выехали дальше и около 10 часов утра 15/VII приехали на Уланбаторскую ярмарку, к нашей комитетской юрте. По всей дороге от Дэлгэр хангаяя шли до нас хорошие дожди и корма были великолепны. В Уланбаторе начался съезд экспедиций и на очереди было много вопросов. Я пробыл в городе до 28/VII.

В результате нашей работы по выбору места для аймачного центра я сделал доклад на монгольском языке смешанной комиссии, составленной из представителей ЭКОСО, Монголтранса, ЦК Ревсомола, ЦК Партии и Малого хурала. После небольшого обсуждения было вынесено следующее заключение.

1) Признать Далан цзадагай местом, вполне для аймачного центра подходящим и утвердить его.

2) Признать необходимым передачу некоторых северных сомонов Центральному аймагу. Проведение новой границы поручить комиссии из представителей обоих заинтересованных аймагов.

3) Считать необходимым перемещение Соланхэрского тракта к западу, сделав его путем сообщения Южно-Гобийского аймачного центра с Уланбатором. Поручить Монголтрансу сделать необходимые изыскания в этом направлении.

4) Райконтору МНЦК №12 перевести в новый аймцентр. Во избежание обратных перевозок организовать близ северной границы аймага (например, в Цахире) товарную подсобную базу.

{Монголтранс взялся за порученное ему дело весьма быстро, во

всяком случае, когда я 29-го числа июля месяца приехал в Дэлгэр хангаяай, то там уже сидел уполномоченный Монголтранса, правда, с поломанной машиной. Мой приезд был весьма кстати и мы в подробности разобрали с ним возможные варианты дорог, причем я просил его просмотреть предположенный мной вариант из Шарангутая мимо Тугурига, к западу от гор Дэль, мимо Докшихо, по западному краю Бага шанхая и Шарахацара на равнину к югу от последнего и далее мимо Хан улы на Далан цзадагай. Это – самый прямой путь из Уланбатора в Далан цзадагай. Вопрос лишь в небольшом участке от Дэби добу до окрестностей Догшихо. Именно на этот участок я и направлял уполномоченного Монголтранса.}

1/VIII я провел небольшую экскурсию с целью инструктировать М.А.Симукову по сбору укосных площадок.

На экскурсии мною отмечено следующее: пространство с севера от Баян тухума до начала собственно Баян-цаганского бэля, имеет в смысле растительности весьма малотипичный характер и кормовой ценности собой не представляет. Багалура, таны, боролзая нет. Растет всякая мелочь, больше всего мелкого шивэ. Изредка встречается хилагана. Местами почти чистые поросли средней величины полыни. Причина заключается на мой взгляд в том, что этот участок, находясь прямо против наиболее высокой части Баян-цагана, представляет собой сплошь размытые, каменистые концы сайров бэля и потому не подходит для типичных кормовых видов. Там, где этот характер несколько меняется, сразу появляется багалур. Последующая экскурсия в Баян цаган показала тот же характер и для бэля, где по руслам прибавляется ряд кустарников (буйляс, карагана и др.). В этом отношении бэль Баян цагана, вообще очень высокий и крутой, сильно разнится от обычных бэлей окрестных хребтов - Сайханов и других - где в большинстве распространена типичная равнинная растительность травянистой полупустыни: тана, хилагана, багалур и др.

М.А.Симуковой я оставил следующую инструкцию по сбору кормовых площадок:

Задание I Выяснить кормовую производительность гобийских пастбищ при разных условиях.

Решение Берутся площадки стандартного размера (4 м^2 на редкой растительности и 1 м^2 на густой) на всех основных типах гобийских пастбищ при разных осадках.

Замечания

1. 1931 год в районе Гурбан сайхана является исключительно благоприятным в смысле осадков, распределенных при этом довольно равномерно по всей территории хошуна. Поэтому оценка отдельных

площадей в смысле их состояния является излишней, что значительно облегчает работу.

2. Основных типов гобийских пастбищ немного и каждый тип варьирует довольно слабо. Это обстоятельство позволяет:
    1) быстро освоиться и легко разбираться в них,
    2) производить сбор площадок почти в любом месте, отмечая лишь общий характер места и упоминая наименование типа,
    3) легко картировать основные типы с последующим вычислением валовой производительности больших площадей по маршруту или просто на основании общего географического ландшафта местности.
3. Вместе с тем необходимость вычисления валовой производительности больших площадей требует для большей точности результата сбора возможно большего числа площадок на возможно большей площади для получения наиболее близкого к истине среднего.
4. Основные типы растительных ассоциаций (пастбищ).
    1) Растительность тойримов (главным образом шара бударгана).
    2) Растительность бугристых песков (главным образом по закраинам тойримов). Основное растение – нитрария.
    3) Растительность ключевых урочищ.
    4) Растительность песчаных почв (закрепленных ровных песков) – цаган соль и др.
    5) Травянистая полупустыня (щебнистая или гравийная поверхность). Тана, багалур, хилагана, хацзар. Отмечать уклоны: луковая полупустыня (тана), багалуровая и т.д. в зависимости от преобладания основных видов.
    6) Мелкокустарниковая пустыня – боро бударгана, улан бударгана.
    7) Крупнокустарниковая пустыня – нохой ширин. ***Примечание:*** Наличие редкого тэсха, караганы и буйляса не служит основанием к определению типа, как крупнокустарниковой пустыни.
    8) Горные пастбища, не относящиеся к вышеописанным.

Задание II Выяснить содержание влаги в основных видах гобийских кормов. Решение этой задачи весьма просто и сводится к взвешиванию в сыром и сухом виде (результаты этого исследования вошли в мою работу “Пастбища гобийской окраины МНР”).

Перед отъездом на запад мы всей экспедицией совершили экскурсию

в Баян-цаган, верхами. Багаж шел на верблюде. Остановились у южного подножья на ключике Наран. Все бегали по горам, но никто ничего не убил, хотя каждый видел козлов. Я ездил верхом с М.Симуковой вверх по ущелью Хурэн хабцагай и видел всего одного козла. Оставив лошадей, лазали по скалам. Слышали хойлыков, но козлов больше я не видел. Вернулись в лагерь в темноте.

Западный разъезд

Перед отъездом я задал М.Симуковой ряд разъездов по радиусам от Баян тухума: 1) к Цзолэну, 2) на запад по хоолаю, 3) в Баян-цаган, 4) в восточную часть Баян-цагана, 5) к Баян-далаю, и 6) к седловине Хонгор обо – Цзолэн. По всем направлениям следовало взять линии укосных площадок.

Мы тронулись на запад 6/VIII сначала по Цончжиин-цзам. Дорога идет краем дэрэсуна, часто захватывая его. Поэтому местами пришлось делать небольшие объезды. Прилежащая часть бэля все время в достаточной степени камениста. Самый Баян тухум тянется от нашей стоянки еще на <...> км к западу, где постепенно выклинивается.

Здесь начинается заметный подъем по луковой (тана) полупустыне к западной оконечности Баян-цагана. Самая долина также подымается, дорога идет кроме того по большому конусу выноса к самым горам. Подъем не из легких, тем более что размытая дорога идет частью вверх по сайрам. В начале подъема горы справа очень круты, идут сплошной стеной и не дают ущелий. Вместо последних видны крутейшие, почти отвесные стены. В долине неширокой полоской начинаются барханы. Полупустыня была в цвету. Белела тана, внизу было много желтизны от цветущего хучжи убус.

Наверху оборвался Баян-цаган. Горы отступили на несколько км к северу. Самый хребет Баян боро нуру оказался загороженным с юга грядой Цахир, сложенной осадочными породами, слои которых были ясно видны на расстоянии в несколько км. Гряда эта обрывается к югу, а к северу вероятно полога. Здесь на бэль выбегает большой сайр. Невдалеке к западу от него, севернее и выше дороги, очень близко от последней, находится ключ Хабтарга. Сейчас же за ним с севера наступают низкие холмы. Дорога огибает их снизу, с юга. Пески делаются все значительнее и здесь составляют уже большую сплошную гряду. Напротив, в Цзолэне выделяется устье большого ущелья, идущего на юго-запад. Это Бургуту хундэй Казнакова. Здесь мы пересекли маршруты его и П.К. Козлова (Камская экспедиция).

С этого ключа еще видна вершина Ихэ аргалинту. Пески впереди все

растут. Виден округлый холм, довольно резко выделяющийся, причем трудно сказать состоит ли он только из песка или основа его иная. К югу от этого холма пески вплотную прилегают к Цзолэну. По-видимому, это место служит для южной стороны песков перегибом, откуда начинается снижение на запад.

Холмы к северу от дороги, на отроги которых мы поднялись, скоро кончились. Снова показались лишенные всяких предгорий Баян боро нуру, расстояние между которыми и грядой песков около 10 км. Пространство это занято каменистой равниной, слабо волнистой, постепенно покатой на запад. Ее нижний участок, ближе к пескам, местами песчанист. Пески здесь поднимаются уже высокой сплошной грядой. Дорога скверная: то песчаниста или глиниста и размыта, то идет по камням, с руслами и овражками. Кое-где отмечена небольшими обо.

Растительность - по песчаным местам цаган соль, по прочим – лук. Част хумуль, много злаков. Таким образом эту степь можно отнести к высокой полупустыне, приближающейся к обедненной степи. Вдали были видны стада цзэрэнов. На самой же дороге нам попался лишь один самец хара сульты. Спускаясь все ниже и ниже, мы миновали видный из-за песков Бага номоган, затем на севере оборвались и перешли в плоскую и довольно высокую седловину горы Баян боро нуру. На смену Бага номогану вырос Ихэ номоган и против него в песках обозначилось резкое снижение, через которое проходит дорога с Эцзин гола в Уланбатор (мои пересечения 1926 и 1927 г.г.). Затем стала видна высокая седловина Номоган - Сэбэрэй и сами горы Сэбэрэй. Стемнело. Пески выросли в настоящие песчаные горы с острыми верхушками и ребристыми боками. Растительности на них – почти никакой.

Между дорогой и песками начались поросшие нитрарией и бударганой бугры, появился саксаул. Это знак, что началось ключевое урочище Хонгорин гол, краем которого и идет дорога. Проехав в темноте до западного конца урочища, мы заметили две юрты, к которым и подъехали. Зимуют эти юрты обычно на северном склоне обоих Номоганов. В прошлом 1930-м году была сильная засуха и эти хозяйства спасались в Арца богда, где корма были хороши. Часть там и зимовала. 1929 год был в отношении кормов довольно сносным. Нам жаловались на обилие мелких гусениц, уничтожавших корм, и в частности, сульхир. Багалура они также не щадят. Уместно вспомнить, что проезжая Халгу из Баян тухума в Дэлгэр хангаяй я поразился обилию мелких белых (вернее сероватых) бабочек ночного типа. На обратном пути я обратил внимание на то, что на том же перевале буквально на каждом растении сидела гусеница. Здесь они едят корма не сплошь, а полосами. Последние дни

количество их уменьшилось, зато бабочек стало снова намного больше.

7/VIII с утра мы обменяли наш бочонок с вылетевшим по дороге дном и с приплатой взяли новый, маленький. С этим запасом воды и тронулись дальше. Как оказалось впоследствии, запас был очень мал. Прямо на север от аила возвышалась плоская гряда Эриэн, которой и заканчивается линия Баян боро нуру.

Роль обоих Номоганов для меня стала более или менее ясна. Это высокие массивы на С.-З. склоне Цзолэна, влитые в него, причем Ихэ номоган составляет крайний С.-З. угол последнего.

В аиле нас предупредили, что пробраться далее по дороге невозможно, ибо ее преграждают широкие пески. В свое время автомобили Чойбалсана свернули через седловину между Баян боро нуру и Эриэн на северо-запад и выбрались на вариант Хобдо - Калганского тракта. Я расспросил примерно об объезде и мы тронулись дальше. Очень скоро за аилом (около 5 км) возвышенность Эриэн сошла на нет и перед нами открылась обширная Гоби, залегающая между Сэбэрэй и Гильбэнту с одной стороны и Арца богда и Бага богда - с другой. Почва стала сильно песчаной. Появился крупный кустарник, покрывающий всю видимую часть равнины. Около дороги отмечены большие кусты караганы Бунге, торлага, мелкий сульхир и цаган соль. Первым испытанием был переезд через глубокий овраг с сильно песчаным спуском. Проскочили удачно, но тем самым отрезали себе путь назад. Овраг этот отмечен на западной стороне выходом красного песчаника. Далее дорога продолжает идти невдалеке от подножья все еще очень высоких песчаных гор Хонгорин элэсу. С одного из высоких пунктов я сделал ряд засечек. Вид на север открывается очень широкий. Беда была в тумане из-за которого я с грехом пополам мог разобрать лишь мелкие гряды в северной части пустыни, а подробностей северной цепи Гобийского Алтая рассмотреть не мог. Общее впечатление – южная часть этой Гоби равнина, северная вся испещрена мелкими и средними грядами и грядками, часть которых мне была знакома еще с 1926 г. (например, Тубши). Все эти грядки вытянуты, в общем, широтном направлении. О западном крае этой равнины скажу несколько ниже. Часть этих гряд и отдельных горок вулканического происхождения (те же Тубши, горки к западу от глаголевского маршрута), невдалеке от ур. Хабцабчи и еще некоторые характерные отдельные холмики, вроде Хатон судля к югу от Бага богда. Наиболее глубокая на глаз часть этой Гоби находится где-то близ самых южных грядок. Оттуда во все стороны идет, как будто, повышение. Разобраться же окончательно в этой путанице гряд

на большом расстоянии, да еще в туман – далеко труднее[17].

В нескольких км от точки, где я делал засечки, мы подъехали к стоящему на краю террасы большому обо из цзага. Оно было знаком, что дальше ехать нельзя. Гряда Хонгорин элэсу снизилась и расплылась в низкие, поросшие саксаулом волны и гряды, заполнившие низину у нас под ногами и уходившие верст на 10, если не больше, на запад. Край террасы, высокий и обрывистый, уходил на север, туда же тянулись и пески. На Ю.-З. виднелся свободный от них бэль и подбельная полоса Гильбэнта, за песками были видны красные останцы песчаника, за которыми на С.-З. от места наблюдения возвышалась пологая расплывчатая холмистая возвышенность Чоноин шорголга, заканчивающаяся на юге приметной известковой горкой. Соваться в эти пески не имело смысла и мы повернули на север. Жара стояла основательная (35°С в тени по крайней мере) и радиатор кипел поминутно. На север идет довольно заметный спуск кустарниковой равниной. Из кустов отмечены, что-то вроде шара модо, хуйрик (*Potaninia mongolica*), кустарниковый *Convolvulus Gortschakovii*; много ревеня.

Мы ехали близко к краю террасы и не один раз бегали на разведку смотреть нельзя ли пересечь пески. Вся терраса (т.е. вероятно вся эта покатая к северу пустыня) сложена, судя по обнажениям в разных местах, красным песчаником. Почва местами песчано-гравийная с галькой, местами песчаная. В последнем случае кусты становятся крупнее и кое-где появляется саксаул. Во впадине валы песка с саксаулом, торчат отдельные останцы, плоские, с крутыми боками. Наконец ехать стало трудно – из-за песка, наступил полдень и мы решили сделать детальную разведку дороги. Последнюю нашел я, отыскав среди гряд песка с саксаулом узкий галечный проход, лишь в одном месте слегка передутый. В поисках этого прохода пробегал пешком верст 20. Внизу, в саксауле, мертво. Видел немного песчанок, пару ящериц - все. Кое-где близка вода. Наткнулся на обвалившийся колодец, где оставалась вода, на глубине 1,5 метров. К северу от найденного прохода впадина эта почти перегорожена двумя останцами, полузасыпанными песками. Далее к северу виднеется тойрим, уходящий к прорыву между первыми грядами северной части этой гоби. В прорыве видны снова высокие барханы. К западу от Тубши и к югу от ее продолжения на запад залегает впадина с покрытыми растительностью буграми, яркой зеленью и саксаулом. К ней и спускается довольно полого терраса от Хонгор элэсу. Вероятно есть вода. На окраине этой впадины я усмотрел в бинокль шесть хуланов, первых в этом году. Обогнув с востока

17) Хорошо разобрался я в этом районе в 1932 году.

и севера небольшой бархан, выросший на берегу террасы, мы спустились крутым спуском во впадину и удачно ее пересекли. На спуске чуть было не перевернулись. На той стороне начались безжизненные прикрытые галькой песчаниковые или глинистые обрывы и террасы. Тальвег впадины мы пересекли в самом узком месте – прорыве между этими террасами и упомянутыми выше останцами, перегородившими долину. Растительность пошла очень бедная - чахлая, редкая боро бударгана. Настали сумерки. Вспугнули небольшое стадо хуланов – кобыл с жеребятами. Поднимаясь все выше мы стали снова сдавать к югу, выбираясь на старую дорогу. Пересекши несколько больших троп, направлявшихся на С.-З., затем напали на большую дорогу и по ней свернули на запад, в каменистые холмы Чоноин шорголга. Стало совсем темно и проехав еще немного с зажженными фарами, мы стали на ночлег. Вода нам в этот день не попадалась. Поэтому мы были экономны: выпили один чайник днем и один перед сном.

Ночь была пасмурная и очень темная. Я пошел за дровами, потом решил поискать колодец, а на обратном пути заблудился, чего со мной давно не бывало. Пришлось кричать и идти на выстрел. Заблудиться было тем более легко, что местность в этом отношении плохая – мелкие каменистые холмы и такие же мелкие русла.

Утром 8/VIII мы поднялись очень рано и поехали далее по дороге. Очень скоро (с километр) от стоянки открылась долина с тойримом и цзагом, уходящая на север. Дорога пересекла ее и направилась далее в горы. Пробраться по ним оказалось невозможным, да и направление было не очень подходящее – на Лэгин гол. Поэтому мы свернули на юг и сначала долиной, а затем холмами стали выбираться на Цончжиин цзам. Утром чаю не пили, воду берегли для радиатора. Очень скоро стало жарко и радиатор стал упорно кипеть.

Немного не доезжая известковой горки, южного мыса группы Шорголга, мы напали на дорогу и снова свернули по ней на запад. Дорога здесь заметна плохая, после китайцев по ней совсем не ходили. Пошел подъем наверх. Дорога плотная, вполне хорошая. За перевалом пошел длинный спуск в глубокую долину. На западной ее стороне виднелся красный останец, Барун шире, к которому и пошла дорога. Внизу саксаул, расширяющийся в широкой котловине к северу. Котловина уходит далее на север и, видимо, отделяет холмистую группу, которую мы обогнули с Ю.-В. от основной гряды Баянгин нуру. К югу от дороги идут большие овраги с саксаулом, разделенные останцами-террасами[18]. Жара стояла

18) Это место было снова посещено в 1935 г. (см. очерк о Ширэгин-гашунской

нестерпимая и мы останавливались каждый километр, а иногда и чаще. За красными останцами Барун шире дорога раздвоилась, расплылась. Мы поехали северной тропкой вдоль саксаула, оставшегося к югу. Жара достигла максимума. Воды оставалось очень немного и мы берегли ее для радиатора. Сами мы не пили с предыдущего вечера. В горле все пересохло. В голове мутилось, плавали красные круги. Все ехали молча, на остановках ложились и не знали куда деваться от жары и жажды. Температура в тени достигала до 37°С, а может быть и выше. Переехали русло с цзагом, поднялись на террасу. Стала видна почти в подробностях гряда Баян-цаган, маячившая впереди еще с перевальчика. Я прошел километра три пешком и чувствовал себя прескверно. Остальным было, как видно, не лучше. Лица были серьезны, осунулись. Воды оставалось несколько чашек, радиатор поминутно кипел, а до гор оставалось еще много. Настроение у всех было тяжелое. Вспомнили про имеющуюся у нас бутылку кагора и решили ее оставить на случай, если придется идти к воде пешком. Так километр за километром мы поднимались к спасительным горам, где я надеялся найти знакомый по 1927 году колодец Цзун толи. Наконец, когда состояние духа и тела стало совсем скверным и в мозгу начали проскальзывать мрачные мысли о возможных исходах положения, хлынул довольно сильный дождь. Сразу посвежело. Все мы старались намокнуть, лизали воду, стекавшую по стеклу, крыше, брезенту. Собирали воду, собиравшуюся в брезенте и делили по глотку. Сразу стало веселее, легче пошла по холодку машина и чувствовалось, что теперь-то до воды доберемся, хоть и пешком. Вместе с тем в радиатор была влита последняя капля, а затем пришлось идти на крайнюю меру – влить туда бензина. Временами, давая мотору остывать, мы километр за километром подвигались к горам. Я начал постепенно узнавать место и мысленно намечал точку, где должен быть колодец. Вдруг, совершенно неожиданно, на гладком без растительности месте по малозаметной тропе оказалась скопившаяся на глинистой почве лужица воды. Все с радостным криком бросились к ней и стали пить, пить, пить...

Здесь, видимо, прошел сильный ливень. Из этой лужицы нам удалось, осторожно выкопав ямку, собрать полный бочонок воды. Уже уверенные в благополучной ночевке мы двинулись дальше. С километр далее дорогу преградило размытое русло, нашлась большая лужа и мы решили ночевать. Сварили чай и уснули как мертвые, не раздеваясь.

Следующий день, 9/VIII, Вагапов проверял машину. Все оказалось в исправности, за исключением стартера, отказавшегося работать. Мы с

впадине).

Якимовым пошли разными путями на С.-З. искать колодец. Сошлись у него и разными же путями вернулись. Под вечер Климов ходил на юг и километрах в 3-х наткнулся на 3 колодца в саксауле (Гун сухай). Пока он ходил, мы раздумывали, как удобнее добраться на автомобиле к колодцу, найденному нами. В этот момент в русле около нас показался медленно катившийся вниз к хоолаю дождевой поток. День был пасмурный и над горами пролил основательный дождь. Колодцы были забыты и мы мигом заполнили процеженной через полотенце водой бочку из-под бензина. Словом, дождь помог нам во всех отношениях.

Начиная от впадины с песком растительность по дороге поражала (для этого года) бедностью. Весь этот район следует целиком отнести к настоящей пустыне. На галечных площадях встречался редкий багалур, боро бударгана. Не знаю, отсутствовали ли здесь дожди и виденные нами были первые, или здесь вообще земля – "ундус угэй" (без корней).

Во всяком случае разницы с 1927 г., определенно в этих местах засушливым, было очень немного[19]. В районе стоянки и далее к горам ровные галечные площади были совершенно обнажены и растительность (крупные кустарники и мелочь) сосредоточивалась в руслах и руслецах, покрывающих пустыню в этом месте сплошной сетью. Из кустарников особенно заметны буйлэс, карагана, какой-то куст с желтыми цветами (*Piptanthus mongolicus?*), местами нохой ширин, шара-модо и др.

Стояли мы невдалеке от восточной оконечности скалистых гранитных холмов, протянувшихся вдоль южного подножья Бага баяна и Ихэ баяна. Найденный нами колодец очень похож на Толи, но отсутствует маленькое болотце, которое я помню хорошо. Около колодца, отмеченного темными холмиками с запада и пятном дэриса и находящегося между горами и гранитными холмами, ближе к последним, саксаул, *Glycyrrhiza*, дэрис, тростник; глинистый рыхлый солонцовый наплыв. Несколько кустов *Tamarix*'а. Этот последний уже несколько раз попадался нам по дороге. Особенного развития он достигает в некоторых местах головных участков сайров-прорывов через холмы в окрестностях этого колодца (назову его условно "Толи"). К западу от него невдалеке виднелось еще зеленое пятно, быть может, как раз настоящее Цзун толи[20].

Из фауны нами отмечены всего 4 [хара] сульты, зайцы. Следы хуланов, но немногочисленные. Вообще по всей дороге очень мертво. Редко, когда мелькнет [хара] сульта. Настоящая пустыня.

10/VIII. Был ясный день. Утром выехали не очень рано – около семи

19) В 1935 г. большая часть этой равнины была покрыта боро бударганой.

20) Так оно и оказалось (1935 год).

часов. Заехали на найденные Климовым колодцы и сменили старую воду свежей. Далее пришлось сдать к югу и пересечь впадину с цзагом. За ним мы взобрались на глинистую террасу и покатили по приличной дороге снова на запад. Пустыня здесь стояла совершенно голая. Редко попадались кустики багалура и боро бударганы. Далее мы ехали по гребню террасы, покатой к югу, к тальвегу, где виднелся редкий саксаул, и обрывистой к северу. Общий разрез всего хоолая таков: <...>.

Подножье гранитных холмов почти все заросло цзагом. Последний заполняет обширные впадины, прорывающие местами террасу. Во второй большой впадине мы увидели поросшие цзагом два-три бархана, запирающие собой выход из впадины. За ними виднелась яркая зелень. Здесь чаевали. Экскурсия обнаружила большую площадь глинистого солонца, большей частью пухлого, с большими кустами шара бударганы, здесь уже совсем деревянистой. Кроме нее есть заросли тамариска, крупных, нормальных для юга размеров, местами образующие типичные бугры, частью мертвые. Много цзага, частью тоже мертвого. По северной окраине, близ гор, порядочная рощица тоораев – сотни две деревьев. Тооpаи среднего размера – до полуметра в диаметре. Есть молодые. В одном месте пятно дэриса с провонявшим колодцем. В общем типичная для юго-западных оазисов картина.

Попадались следы [хара] сульт и хуланов. Рядом - та же почти бесплодная пустыня с редким багалуром и боро бударганой. За ней в бинокль я различил в хребте Нэмэгэту место Хушо худуга, устье Улан-хундэй, щель Шатаин даба и места, где я охотился в 1927 году. Где-то здесь мы пересекли маршрут Г.Н.Потанина (район Боро хацабчи).

Выехали не рано. Ехали очень медленно, радиатор все время кипел, дорога шла в гору, попалось рыхлое место и автомобиль немилосердно резал землю. Подъехали к следующей впадине перед темнотой. Плохо рассмотрев местность впереди, мы побоялись видневшегося в нижней части впадины густого цзага и решили пересекать ее по верхней части. Проехав с милю заночевали. К вечеру чуть захмарило. Ветра не было и стояла духота. Температура была 26°С. При свете ярко горевшего большого костра из саксаула бродили и пили чай полуголые бородатые люди. Спали без майхана.

11/VIII была все время очень тяжелая дорога по размытой котловине с цзагом плюс подъем и рыхлые глины. Овраги, останцы типичной розоватой окраски. Растительность по-прежнему скверная. К середине дня (проехали мы очень мало) мы миновали Цзун обо и Барун боро обо (по Казакевичу) почти у их подножья и остановились к западу от последнего в районе помеченного Казакевичем кол. Хараин шанда, которого мы не

видели. Барун боро обо – последняя горная группа на линии гранитных холмов, к югу от которых мы ехали. Темная сланцевая порода, непосредственно к которой примыкают с севера гранитные выходы, здесь уже узкие и мелкие. Западное крыло Барун боро обо прорвано несколькими ущельями (мы осмотрели три). Второе с запада вполне доступно для проезда автомобиля. В первом и третьем маленькие ключики, может быть, временные. Вместе с тем около них (особенно около восточного) ряд охотничьих ноуц (засад), остроумно приспособленных в скалах. Возможно, что ключи текут и в засуху. Есть следы стойбищ, но колодца найти мы не могли. Непосредственно к западному крылу Барун боро обо примыкает приподнятый край террасы, образующий крутой высокий обрыв, падающий к югу и составленной все той же розовой глиной. Условно я обозначил его именем "Яган тэг" (*ягаан по-монгольски розовый – прим. сост.*). В месте контакта его со сланцевыми холмами в седловине есть наплыв с верхней террасы, поросший саксаулом, *Tamarix*'ом и в одном месте густым тростником, достигающим в некоторых случаях моего роста. Поиски воды успеха не имели, хотя в кустах есть убульчжоны. В одном из распадов склона Яган тэга, поросшим частью тамариском (последний, между прочим, почти везде в цвету – указание на поздние дожди?) я обнаружил странную картину. Разбитое стойбище. Разбросаны двери от юрты, часть хан, разбитая чаша, деревянный домбо, ведерко для чая, несколько абдаров, частью разбитых, частью целых. В одном оказались аккуратно перевязанные три нома в хорошем состоянии. Листки номов были разбросаны в большом количестве в одном из кустов тамариска. Валялись павлиньи перья из бумбу, крышечка самого бумбу. Подержаный малагай. Все эти подробности заставляют предположить грабеж. Произошло это не так давно, во всяком случае в этом году. Песком не занесено, лишь чуть замыто последними дождями. Листочки номов почти совсем не пострадали. Кроме того по этим окрестностям, включая данное место, Яган тэг и упомянутые выше ущелья, сегодня утром или вчера вечером проехало, кружа, несколько верховых и два верблюда. Такие таинственности всегда любопытны. Напившись чаю, мы подъехали к ключу (нижнему – их два) в восточном ущелье, осмотренном Климовым, набрали воды, пофотографировали. Скалы, обставляющие ущелья коридором, довольно живописны и очень темного цвета. Около ключей и в самом прорыве среднего ущелья небольшие рощицы совсем молодых тоораев. Выехав из ущелья обратно, мы поднялись средним широким ущельем-прорывом, размытым, без скал и обставленным лишь низкими холмами, перевалили маленькую гранитную грядку и оказались на покатой к югу равнине, поднимавшейся к гряде Баян цаган. О

подробностях рельефа этого места – ниже. Пока скажу о картине, открывающейся на юг с Яган тэга, откуда я брал засечки.

От г. Алтан улы на запад идет длинный и низкий шлейф с малозаметными возвышениями на западном конце. Сама г. Алтан ула прикрыта с С.-В. отрогом - крылом хр. Нэмэгэту. Дорога с седловины (Хутул усу) этих двух хребтов (путь Потанина) идет, вероятно, через ущелье-прорыв в этом крыле. При взгляде на Нэмэгэту в профиль на его северном склоне против западной половины высокой части выделяется параллельный основной оси крутой и довольно высокий хребтик, прорванный, вероятно, общими с главным хребтом, ущельями. За шлейфом Алтан улы виднеется зубчатый гребень хр. Тосоту, также имеющий на западе длинный, низкий и ровный шлейф с отдельными небольшими возвышенностями[21)].

Далее на запад от шлейфа Алтан улы виднеется отдельная горная группа (Онгон улан Казакевича?)[22)], невысокая и небольшая. В понижениях между шлейфом и ней в тумане чуть виднелся хребет Цаган богда.

К северу от шлейфа Алтан улы виден хоолай, уходящий на Ю.-З., где должны находиться колодцы Бумбу и Цзун модо. Место первого как-будто намечается обильным цзагом с заросшими им же барханами.

Выехав на упомянутую выше равнину, мы стали подниматься по ней почти прямо на север, надеясь найти дорогу или удобное место для движения на запад. Ночевали невдалеке от ее верхнего края, т.е. Баян-цаганской гряды.

12/VIII утром выехали снова на север, по большому сайру. Несколько километров ехали холмами, затем выехали на равнину, за которой и начиналась собственно Баянская гряда. Здесь повернули на запад и проехали километров 5 у северного подножья холмов. Соблазнившись гладкой равниной мы снова повернули к северу, подъехали к холмам Баян-цаганской гряды и по большому сайру въехали в них. Поднявшись немного мы влезли на гору, чтобы рассмотреть местность впереди. Вид открылся широкий. На севере ясно в подробностях виднелся хр. Ихэ богда. На юге – г.г. Нэмэгэту и Алтан ула. До перевала оставалось немного и дорога была хороша. Мы решили продвинуться еще к северу и попасть прямо в мон. Хан тайшири, минуя мон. Юм бэйсэ. К перевалу ехали пологими степными подъемами между низкими холмиками и самого перевала почти не заметили. Дороги не было.

Легко спустились по сайру, а потом по широкой долине вниз, после

21) г.г. Сэртэнг, Сариг и др. (1935 г., Симуков).

22) Это действительно Онгон улан (1935 г., Симуков).

чего стали сдавать к западу по покатому к северу гладкому бэлю. Спустившись наискось вниз, мы наткнулись на большую дорогу и поехали по ней на запад. Ехали долго, почти до Чжинсэту улы. Дорога эта является северным вариантом Цончжиин цзама и идет к Юм бэйсэ, а затем проходит через оба Толи и Цзагиин худуг (по расспросам)[23]. На восток один вариант идет через Лэгин гол на Бацзар хуйтэн (Эрдэни булаг, Халцзан, Эмту тугуриг), другой выходит по-видимому к Баян тухуму через Чоноин шорголга. Вечером заехали в аил, купили барана, расспросили кое о чем и вскоре после аила свернули с дороги на северо-запад. Проехав еще километров 4, заночевали. С некоторых точек по дороге открывался широкий вид на всю северную цепь Гобийского Алтая. Панорамой открывались хребты Ихэ богда, ноян-хяр, низкая гряда Таряту, далее Бохар, Цэцэн, Баян цаган, далеко на западе виднелись Гичигэнэ нуру. Намечался проход к Хутуг нуру. Между Баянской грядой и северной цепью залегает ряд низких хребтиков, большей частью розового цвета. Сложены они (судя по одному виденному холму) известняками. Определение всему пространству между Убур цаган голом и Гичигэнэ нуру, данное мной в 1927 г., не совсем верно. Непосредственно к западу от Убур цаган гола имеется скопление мелких гряд, а затем идет широкая равнина, открытая во всю ширину между главными цепями. Она образует замкнутую котловину и постепенно повышаясь уходит на запад в направлении Хутуг нура. Далее на ней есть один-два хребтика – Унтагиин цахир и Баян Булагин ула. Главный сток всей этой равнины направляется к Ногон нуру, расположенному к северу от Унтагиин цахира и к Ю.-В. или В.-Ю.-В, от Цэцэна. Есть второстепенные котловинки, в которых задержалась вода недавнего дождя. Я видел их две. Покатая равнина ара бэля Баянской гряды упирается в место нашего спуска в розовую гряду (Цаган булагин хяр), находящуюся в самом низу, и составляющую часть вышеописанного скопления гряд. Далее на восток холмы спускаются ниже и уходят к самому хоолаю в районе Сучжи (к западу от Лэгин гола). На запад же эта равнина подымается выше и отделена от большой впадины небольшими грядками холмов с просветами между ними. В районе Чжинсэту улы холмы эти становятся значительнее и составляют уже как бы предгорья Баян ундура. О той части, впрочем детально ниже. Баян цаган мне здесь назвали Бай баян цаганом.

Совсем особый характер имеет Баянская гряда. В месте нашего пересечения это обширное пологое вздутие, усеянное мелкими холмами и горками. К югу можно наметить несколько гряд, прорванных руслами. К

23) См. Ладыгина и Казнакова.

югу от собственно Баянской гряды идет покатая к Ю. равнина, имеющая выход на восток, к Нарангиин хяру (там она загорожена лишь увалами-мысами бэля). Южнее идет новая гряда, четкая на севере и расплывчатая и широкая на юге. Ее северный склон - черная порода. Южный – граниты, сильно выветренные. Последней грядой можно считать гранитный кряж между Толи и Барун боро обо. Равнина, которую мы пересекли к северу от Барун боро обо, уходит на восток к подножью Ихэ Баян цагана и, вероятно, почти соединяется с бэлем Бага баяна близ Толи. Правда, в ту сторону она уходит сужающимся клином. С перевала Баянской гряды на запад было видно ее продолжение, имеющее уже другой характер. Туда ведет повышение и там гряда имеет весьма скалистый характер, без пологих широких долинок. На восток идет снижение и там резко выделяются Ихэ баян, Бага-Баян и еще 1-2 кряжа к северу от Ихэ Баяна. Как я уже знаю по 1927 году, восточная часть гряды холмиста и запутанна.

Уместно будет перечислить котловины-хоолаи на нашем маршруте. Одну линию составляют Баян тухум - Хонгорин гол - ара хоолай Нэмэгэту - Цзун-модский хоолай. Котловина с песками около Шорголга имеет как-будто, выход на север, хотя это еще под вопросом – слишком неясно было пересеченное нами русло. Падения же я разобрать не мог. Тойрим севернее пересечения, по-видимому, определенный скат к северу. Туда же идет и хоолай, начинающийся под Тубши. Ската котловины за известковой горкой, около Ширэ, разобрать толком я тоже не мог. Северная цепь впадин дает хоолай к югу от западной оконечности Арца богда, Лэгский хоолай и Ногон-нурскую котловину. Все же, как видно из этого перечисления, весьма важные котловины остаются пока детально невыясненными. Как раз пространство между Бага богда и нашим пересечением продолжает быть неясным (оно было выяснено мною в 1932 году). Да и наше пересечение Хонгорин гол – Толи мало внесло нового; было не до наблюдений. Вместе с тем именно эта котловина и является, пожалуй, важнейшей в этом районе, наиболее обширной и глубокой.

13/VIII выехали рано и стали спускаться в котловину без дороги, держа направление на северо-запад. Левее оставались холмистые мысы (один собственно). Далее мы поехали в промежуток между Унтагиин цахиром и Чихини хяром. Стали массами попадаться хуланы, по которым мы начали стрелять. Подъехав к небольшому известковому холму, находящемуся недалеко от западной оконечности Унтагиин цахира, мы остановились и взошли на него. Вся равнина кругом была усеяна хуланьими стадами. Количество их было наверняка не менее 10.000. В бинокль хорошо были видны вольно бродившие табуны, хуланы

кормились, бегали, играли, дрались. Отдельные экземпляры носились взад и вперед, подымая клубы пыли. В воздухе стояло беспрерывное ржание, напоминавшее отдаленный скрип немазанных телег на деревянном ходу. Библейские времена в двадцатом веке! Публика, конечно, не выдержала. Решено было немного погоняться за ними. Мы свернули и врезались в самое большое стадо. Кругом были хуланы, спокойным поскоком пересекавшие сплошными массами путь автомобилю. Отдельные табуны останавливались неподалеку и смотрели на нас. Началась пальба. В результате довольно длительной погони, во время которой мы крутились по степи западнее Унтагиин цахира, оказалось 5 убитых хуланов, да два наверняка раненых, но ушедших. Началась возня с обдиркой. Первых двух ободрали подъехавшие на выстрелы со стороны Ногон нура монголы. Остальных трех ободрали сами. Попотели изрядно и возились долго. На мясо подъехала еще целая партия монгол со стороны Баян булага. Я сам убил одного хулана. Под вечер выбрались, наконец, дальше и проехав до красноватых холмов остановились у аилов на ключе Баян булаг. Здесь мы выехали на маршрут Камской экспедиции П.К.Козлова, по которому ехали в дальнейшем до Биггэр нура. Араты катали войлока. В этих местах овец стригут всего один раз, в это время. За этот день растительность была хорошая. Преимущественно тана, местами немного багалура, хилагана. Местами поросли тэсха, местами почти чистая мелкозлаковая степь. В низинах попадается улан- и боро-бударгана. От аила хорошо видна была Чжинсэту ула, Ихэ богда, Таряту, Цэцэн и Баян цаган.

Наутро 14/VIII мы двинулись дальше по дороге, на которую выехали еще при погоне за хуланами. Дорога эта проходит у южного склона Баян-цагана и Цэцэна, и уходит к Ногон нуру, севернее Унтагиин цахира. Это уже южный вариант пути Хобдо - Хуху хото или Калган.

Дорога пошла все вверх, к седловине Баян цаган - Гичигэнэ нуру, приближаясь к первому. Ее пересекает целый ряд кочковатых, поросших дэрисом долинок, по некоторым из которых текут ключи. Переезжать их очень неудобно и портят дорогу они сильно. В истоках одного из ключей (Далан-туру Козлова?) под самыми горами видны развалины небольшого монастыря. Вероятно старый мон. Юм бэйсэ (см. это место у Козлова).

Настоящая седловина осталась внизу, к югу. Хребет Гичигэнэ нуру несколько расплывается на восточном своем конце. Хребтик Чихини хяр почти сливается с его предгорьями. Есть небольшая седловина, за которой видна равнинка, уходящая к Ю.-В. К западу от нее идут холмы, соединяющиеся (на глаз) уже с Баян-ундуром. Равнинки, по которой я ехал в 1927 году от Баян ундура к Шара булагу, не видно.

В восточных предгорьях Гичигэнэ нуру выделяется белая гряда,

заканчивающаяся хорошо видной среди невысоких темных холмов белой остроконечной горой, отмеченной на моей съемке.

Мы поднялись по дороге очень высоко, почти к самому подножью западной оконечности Баян цагана, до которого оставалось не больше 2-3-х км. Затем начался волнообразный, вследствие поперечных дороге долинок, спуск в котловину Хутуг нура. В предпоследней из пересеченных долинок – ключик Хараин шанда.

Далее пошел довольно удобный спуск к озеру, которое стало видно невдалеке впереди. Высокий хребет Баян цагана кончился и расплылся в низкую гряду горок, отошедшую от дороги. Наоборот, Гичигэнэ нуру поднялся довольно высоко, имея вполне хангайский (здесь можно сказать "алтайский") характер. Плосковатые округлые вершины, сравнительно слабо расчлененные круто- и гладкобокие горные массы.

Ближе к Хутуг нуру справа снова подошли невысокие горки Унигэту, доходящие холмами до самого озера. На западе горизонт закрылся большой отдельной горой Чиндамани, как будто вышедшей к озеру из хребта Гичигэнэ нуру и сильно схожей с отдельными вершинами этого хребта. Вот схематический вид этого участка с востока: <...>

По возможности не задерживаясь, мы двигались все дальше и дальше. На Хутуг нур я бросил лишь беглый взгляд с холмика, где делал засечки. Озеро невелико, неправильной формы. Берега в большинстве оголены. На южной стороне зеленеет ключевое (?) урочище. Общее впечатление – высокое, холодное, унылое место среди суровых высоких гор. Далее долина огибает г. Чиндамани с севера. Дорога следует ей. За горками Унигэту, в которых выделяется острая красноватая вершина, северные горы снова отступают к северу. С южных холмиков Унигэту, хр. Баян цаган виден в профиль. Намечается его южный склон, на котором видна довольно высокая вершина. Очевидно, что за низким нешироким западным продолжением Баян цагана сразу начинается впадина Южной озерной котловины. Это чувствуется на глаз. Таким образом, в схеме, не считая выступа Унигэту с севера и выступа Чиндамани, соединенной низкой седловиной с Гичигэнэ нуру, с юга, общая картина района в меридианальном разрезе, начиная с Толиин хоолая Заалтайской Гоби на юге, представится в следующем виде: <...>

К северу от Чиндамани и дороги, проходящей км в 3-х от этой горы, имеется понижение с ключами – упомянутое еще Козловым ур. Шара буриду.

Вся долина в этом месте поросла дэрисом, особенно разросшимся около ключей. Дорога наша, давно заброшенная, шла здесь все время по кочкам, и автомобилю доставалось здорово. Далее долина обогнула г.

Чиндамани и снова направилась на запад, несколько повышаясь. Впереди наметилась седловина, ограничивающая впадину Хутуг нур – Шара буриду с запада.

Отступившие на меридиане Шара буриду к северу горы снова подошли к дороге и стали несколько выше.

Монголы назвали мне этот кряж именем Даглант. Примерно в районе седловины поросли дэриса кончились, дорога стала значительно лучше и шла вдоль южного склона г. Даглант, в непосредственной от них близости. Слева по-прежнему возвышался ровный, высокий вал Алтаин нуру – название, здесь употребительное. Долина здесь неширока – около 10 км. Со спуска открылся вид на запад. Долина уходила вниз и упиралась вдали в тот же Алтаин нуру, делающий в дальнейшем колено к северу. Справа тянулась линия гор средней высоты, но гораздо более скалистых, нежели Алтаин нуру. Проход в Биггэр нурскую впадину не виден. Интенсивный спуск по хорошей дороге быстро привел нас к ключу Голин эхин, где большой сайр, начинающийся в ущельях Алтаин нуру, прорывает узким, скалистым ущельем северную ограду долины. В головном участке этого ущелья и находится упомянутый ключ. Расспросив в аиле на ключе о дороге, мы двинулись дальше, имея справа скалистые горы, в которых мы безрезультатно стреляли по паре волков. Здесь каменистая дорога очень быстро привела нас ко второму прорыву, уже без ключа в головном участке. Дорога сворачивает в этот прорыв и идет большей частью по дну большого сайра. Участок также довольно каменистый. 2-3 километра спуска по прорыву вывели нас из гор, дорога взяла снова на С.-З. С бугорка у выхода из ущелья открылся широкий вид на обширную и очень глубокую Биггэрскую котловину. Далеко внизу на северо-западе поблескивало озеро Биггэр нур. За котловиной, на севере, протянулся хребет Сэрхэ богдаин нуру, имеющий широтное направление и правильную форму - от находящейся почти в центре его вершины к востоку и западу полого опускаются длинные крылья. На востоке он сходит на нет и в ту сторону котловина имеет свободный от гор широкий выход в Южную озерную впадину. Выход этот, конечно, несколько выше Биггэр нура, имеющего таким образом замкнутый характер. На западе пониженное крыло Сэрхэ Богдо переходит гористой седловиной в восточное крыло высокого Тайширского хребта. Седловина между Биггэрской и Шаргаинской котловинами довольно высока и узка, так как с юга ее сжимает колено Алтаин нуру, дающее здесь очень высокую группу Бурхан будда, а с севера - южные широкие предгорья Тайширского хребта. Сама седловина закрыта холмами, и открытого прохода к Шаргаин гоби не видно.

Начался спуск с высокого каменистого бэля по очень приличной здесь дороге, хорошо натоптанной. Невдалеке от выхода из ущелья мы миновали ключ Сучжи с небольшим клочком посевов. Около них стояла бедная юртешка земледельца. Сам он встретил наш автомобиль, опершись на лопату, так как производил поливку. Колоритная для юго-запада МНР картинка!

Длинный и сравнительно крутой спуск – мы ехали все время с выключенным мотором – уводил нас к озеру. Через несколько километров мы пересекли быстро бегущую в котловину с Алтаин нуру речку, прорезающую здесь все тот же пустынный каменистый бэль, без всякой зелени по берегам. Уже темнело. Еще через несколько км мы доехали до Ю.-В. окраины дэрисуна, заполняющего самое дно котловины. Дорога пошла его Ю. краем. Расспросив в стоявших на упомянутой речке [юртах] о местонахождении сумуна мы высматривали его юрты в дэрисуне и заметили их уже перед наступлением темноты. Свернули с дороги и, попрыгав немного по кочкам дэриса, стали в полукилометре от юрт, на рыхлой солончаковой почве среди дэрисуна. Нас сейчас же окружили съехавшиеся на собрание араты и ... комары. Майхан пришлось закрыть наглухо и подымить. Стоянка была вообще не из уютных. За водой на ключ надо было ходить довольно далеко, аргала поблизости не было, почва скверная и комары.

15/VIII полдня провели на месте. У меня был интересный разговор с одним стариком, причем я попытался выяснить причины, вернее принципы, которыми руководствуется хозяин при подборе стада (в смысле видов). Все это происходит, конечно, не случайно. Отбросив пока в сторону влияние ландшафта, мы получим следующие факторы, принимаемые в этом случае во внимание. Разъезды и пастьба – лошади; заработок извозом – верблюд и, на севере, бык; заработок сырьем – главным образом верблюд и овца. Войлока – овца; мясо - главным образом овца и коза. Молоко для чая – коза, молоко для прочего – корова. В идеальном случае все производится дома и скот определенного вида держат по размерам нужды в том или ином продукте. Наиболее рентабельным считают верблюда (извоз + кочевки + шерсть), на втором месте в данном районе стоит, пожалуй, сарлык (кочевки + молочные продукты + масло на продажу). В мелком скоте рентабельнее овца (мясо + шерсть). Коза ценится из-за молока ***для чая***. Лошадь на последнем месте. Ее количество в первую голову определяется ***потребностью*** данной семьи. У бедноты дело обстоит, конечно, иначе. Таким образом гипотетически видовой состав хошунного стада является результатом взаимодействия всех потребностей хозяйств хошуна и его географического ландшафта, плюс

некоторая поправка на социальный состав. Для детального выяснения интересующего меня вопроса, следует помимо изучения сумунных списков, выявить еще и потребности хозяйства, изучая списки под этим углом зрения. Когда я заговорил о лошадях в примерном нормальном хозяйстве, мне прежде всего задали вопрос: а сколько в этом хозяйстве душ, и именно взрослых, главным образом мужчин? Ибо отчасти и от этого зависит количество лошадей.

Расспрашивал о засухах. За последнее время здесь была всего одна, именно в трехлетний период 28-29-30 г.г. Другие указывают лишь на два последних года. Этот год [1931 г.] дожди прошли порядочные, особенно по горам, но корма там тоже неважны, так как за три года уже успели частью отмереть корни. Если и в будущем году будет достаточно осадков, то только тогда растительность разовьется в полном соответствии с ними. Любопытно, что примерно то же самое говорили ранее в Баян тухуме относительно южной пограничной полосы Гурбан сайхана, где в этом году несмотря на дожди, растительность оставляет желать лучшего. Конечно там для того, чтобы отмерли корни, потребовался гораздо больший период засухи, так как гобийские растения гораздо более выносливы в этом отношении. Далее, следует отметить, что в упомянутые засушливые для описываемого района годы, снегу зимой выпадало все-таки очень много (по хребтам, конечно). Тем не менее таяние его не давало достаточной влаги для произрастания весенних трав. Происходит это явление вследствие весенних сухих ветров, “съедающих” снег на месте. То есть, иначе говоря, и здесь происходит испарение снега прямо в воздух, несмотря на большие его запасы. Лесной покров мог бы задержать весеннюю влагу, но его нет и, при таких условиях, появление его подвержено большим сомнениям.

Биггэрнурских пашен мы так и не видели. Расположены они восточнее озера. Помимо этого в районе разбросано много мелких клочков, вроде виденного нами в Сучжи. Такие клочки есть, например, в верховьях пересеченной нами речки в ур. Мингат. Урожаи на Биггэрских пашнях хорошие - в благополучный год сам 7-8. Никаких современных земледельческих орудий сюда еще не поступало. Минимальный урожай расценивается в сам 2-3. Размеры посевов – 200 чаш по 12 чжинов. Думается, что цифра эта преуменьшена.

Биггэрский сумун насчитывает свыше 500 (580) хозяйств. Причина такого большого числа в том, что котловина Биггэр нура кормит много скота и площадь сумуна невелика – не более 60-70 км в поперечнике.

Выехали мы из жаркой Биггэрской котловины много спустя после полудня, взяв в сумуне проводника. С нашей стоянки можно было

разобрать в подробностях выход Хутуг-нурской долины к Биггэр нуру. Гряда с двумя прорывами, по восточному из которых мы выехали к Сучжи, очень скоро обрывается. Невдалеке от ее западного конца протекает пересеченная нами речка. Участок покатости от Алтаин нуру к Биггэру между этой речкой и изгибом Алтаин нуру к северу, т.е. до группы Бурхан будда, перегорожен вытянутой в широтном направлении грядкой Баян араг.

Грядка эта лежит не на линии пересеченных нами по ущелью гор, а несколько севернее. Ее восточный мыс находится невдалеке от речки, а западным концом она смыкается с предгорьями г. Бурхан будда.

Южный склон Сэрхэ богда сильно расчленен и на вид имеет вполне гобийский характер. По гребню же заметны плоскости, соответствующие уже Хангаю или Алтаю.

Со стоянки мы ехали по дороге, иногда объезжая кочковатые из-за рослого дэрисуна, места. Вскоре миновали небольшой монастырек, спрятанный в дэрисуне, а в дальнейшем подъехали к порядочному монастырю Биггэр Номун хан хуриэ, где я сделал 1-2 снимка. От монастыря дорога стала делиться. Одна ушла в дэрисун и направилась прямо на Хан тайшири, а другая – продолжение [дороги] Шара цзам – на запад, к седловине между Биггэром и Шаргаин гоби. Поехали мы по последней, желая избегнуть дэрисуна и глины, обильных на прямой дороге. Очень скоро после монастыря дорога испортилась, так как ее стали пересекать многочисленные сайры с обрывистыми берегами, размытые дождями этого года. Под знаком беспрерывного ныряния мы подъехали к глинистой гряде, загородившей подъем на седловину к Шаргаин гоби. Заросли дэриса почти от самого монастыря отошли книзу. Дорога уходит в ущелье, отмеченное размытыми характерными выходами красной глины. Подъехав почти вплотную к ним, мы повернули вниз, на север, и без дороги, по тем же сайрам, убийственным для автомобиля, направились по направлению к дороге, ушедшей еще от Биггэрин хуриэ прямо на Хан тайшири. Проехав 2-3 км и одолев полосу кустарников с рытвинами и водомоинами между ними, мы остановились на ночевку на ключике, выбегающем в 1-2 км из той же глинистой гряды. Ключ, кажется, называется Сайн булаг. Под холмами в его начале были видны клочки посевов и 2-3 юрты.

Внизу, на самом дне Биггэрской котловины, к западу от озера, протянулась в том же широтном направлении гряда холмов, совершенно изолированная. Холмы же, где берет начало Сайн булаг, отходят несколько к С.-З. и скоро выклиниваются. Севернее их, на запад идет равнинный подъем все на ту же седловину к Шаргаин гоби.

16/VIII, на десятые сутки по отъезде из Баян тухума, мы выехали с места ночевки все в том же северном направлении. Вскоре выбрались из сопровождающего ключ кустарника (карагана и т.д.) и по галечно-щебнистой равнине, иногда пересекая сайры, без особого труда выбрались на дорогу в Хан тайшири. Свернули по ней на северо-запад. Здесь все время идет чувствительный подъем. Вскоре дорога выходит к большому сайру и следует вверх по нему. По сторонам начинаются холмы – Ю.-В. предгорья Тайширского хребта. Южнее дороги намечается гряда Дулан хара, довольно скалистая и имеющая гобийский характер. Она и составляет собственно юго-восточные предгорья Тайшири улы. Далее дорога выходит к ключу Цахир булаг, на котором также имеются небольшие посевы. Здесь соединяются два-три сайра, образующие то большое русло, по которому мы ехали. Горы Дулан хара здесь, посредством каменистых холмов, сливаются с Ю.-В. оконечностью собственно Тайширского хребта. Миновав Цахир булаг, мы стали подыматься по самому южному сайру, среди невысоких каменистых горок. Довольно длинный подъем вывел нас без перевала на небольшую, замкнутую со всех сторон горами, равнину Хучжиртуин тала, отделяющую центральную часть Тайширского хребта от его южных предгорий. Ширина равнины – несколько км (меньше 10, 6-7), длина – 20-25 км. Наш сайр оказался одним из сайров-прорывов, уходящих с этой равнины. Абсолютная высота этой равнины должна быть значительна. Дорога по сайру была довольно прилична, во всяком случае проходима для автомобиля. Горная дорога наискось через равнину привела нас к южному подножью Тайширского хребта, к ущелью Хучжиртуин ама (ключ). Поднявшись немного по этому ущелью мы остановились около палатки МНЦК сомона Наранг. Пообедав, мы тронулись дальше. Дорога свернула из ущелья на запад и по окраинным холмам прошла до следующего к западу ущелья Думда голин ама, тоже с ключом. Только здесь, после спуска в это ущелье, начался подъем на Дуту даба, перевал через высокую центральную часть Тайширского хребта.

Ущелье, ведущее к перевалу, узко и крутобоко. Дорога часто идет по опасным для автомобиля косогорам. {Абдурахман, плохо рассмотрев дорогу, вперся в русло в очень узком месте и едва оттуда вылез. Авто сидел в этой канаве совсем перекошенный. С трудом выбравшись из этой канавы,} постепенно мы поднялись на самый перевал, который представляет собой обширную площадку с гольцовыми болотинками, откуда начинаются ущелья как южного, так и северного склонов, разделенных поднимающимися довольно высоко над площадкой гребнями. С этой площадки начинаются по крайней мере три ущелья южного склона и два северного. Подъехав к головному участку ущелья, ведущего на

северо-запад, мы увидели км в 18, большой хуриэ Хан тайшири. Крутой спуск местами с опасными косогорами, был пройден без приключений. Мы спустились на равнину и по равнине, вдоль северного склона Тайширского хребта, покатили к хуриэ, куда в скором времени и прибыли. Майхан раскинули во дворе райконторы МНЦК. В этот день больше ничего не делали, отложив все дела на завтра. Как-то не верилось, что, несмотря на все трудности, мы все-таки добрались до Хан тайшири, после 10 суток странствований. Машина была изрядно покарябана. Сменной передней рессоры не стало, стартер не действовал, переднюю тягу с фарами пришлось снять и автомобиль пришел без "глаз". Кузов отчаянно расшатался и жалобно пищал при каждом движении.

Растительность на участке Баян булаг – Хан тайшири

Флора подъема на седловину к Хутуг нуру имеет главным образом полупустынный характер, приближаясь к обедненной степи. Долинки с ключами заняты дэрисуном и мелкой болотной травкой. Корма были средние. Этот же характер сохраняется и на спуске к Хутуг нуру. В окрестностях последнего – солянки до шара бударганы включительно и дэрис. Далее около Шара буриду – обширные поросли дэрисуна. Под горами (вероятно) степная растительность. На середине к Биггэру – степь с ковылем. Она же и на спуске к ущельям-прорывам. Южный бэль Биггэрской котловины – каменистая и щебневатая пустыня с негустым багалуром, и местами, редкой порослью тэсха. Эта ассоциация, вероятно, занимает также и северный бэль котловины. По дну ее обширные поросли дэриса и других злаков, сопутствующих солончаковой почве. По окраине дэриса, местами бугры с нитрарией. Попадается шара бударгана.

На подъеме к Дуту даба полупустыня, частью горная. На Хучжиртуин тала – тоже (тана, местами даже багалур). Лишь в самом Тайширском хребте начинается горно-степная [растительность], переходящая наверху в зачатки альпийской (осоковые гольцовые болотца). Быть может район перевала вытравлен, но на меня растительность Тайширского хребта произвела очень плохое впечатление. Было голо, очень голо и желтовато. Никаких кустарников. Арцы и в помине нет. По-моему, даже в Сайханах растительность куда богаче, не говоря уже о Хангае.

Около Хан тайшири степь, вытравленная и бедная. Говоря вообще, корма на всем протяжении от Баян булага до Тайшири включительно были плоховаты. Их можно было расценить как средние.

Такой изумительной таны, как около Сайханов, на Баян-цаганской гряде и по ее северному склону, мы нигде больше не видели.

Теперь два слова о населении. Весь участок в общем населен средне,

в некоторых местах даже хорошо. Так, останавливаясь около Голин эхин мы насчитывали в бинокль в устьях двух-трех смежных падей Алтаин нуру 2-3 десятка юрт. О Биггэрской котловине я уже упоминал. По Хучжиртуин тала, тоже в устьях ущелий, было довольно много юрт. Ранее группа юрт нам попалась в Хараин шанда, много аилов отмечено на Шара буриду, несколько юрт виднелось за Хутуг нуром.

Определение стран света везде ***западное***.

Шаргаинский разъезд

17/VIII я работал со съемкой, и писал. {Кроме того, мы побывали в аймаге и поговорили с аймачным даргой и еще с некоторыми активными работниками о работе по нахождению нового центра. Дарга выразил большую радость по поводу нашего приезда, так как у них до сих пор не составилось определенного мнения на этот счет. Поминструктора МНЦК Шишкина (студента) мы сговорили насчет машины, дали пуда три своего бензина и назначили выезд в разъезд на 18-ое число.}

18/VIII днем наша комиссия в лице нас с Якимовым, Шишкина и представителя парткома Иринцина выехала на грузовом форде МНЦК из Хан тайшири. Маршрут был намечен следующий: Хабчигин даба, Шаргаин гоби, с заездом на Шаргаингольские пашни, седловина между Шаргаин гоби и Биггэр нуром и обратно. Сначала мы поехали на З.-С.-З от Хан тайшири по старой автодороге на Хобдо. Она идет под самым северным склоном западной части Тайширского хребта. Этот участок ниже центрального, но сохраняет, в смысле ландшафта тот же характер. Хорошая дорога, идущая волнами по низким мысам, привела нас км через 18 к едва заметному с севера короткому и пологому перевалу Хабчигин даба. С бугра около него открывается широкий вид. Тайширский хребет здесь заканчивается, резко снижается и низкой, но гористой, расчлененной седловиной, расположенной ниже перевала, смыкается с хребтом Хасагту хайрхан, уходящим на северо-запад. Юго-восточная часть этого последнего представляет собой мощную нерасчлененную плоскую гряду. За ней видна наиболее высокая часть Хасагту хайрхана, характеризующаяся острыми крутобокими пиками розоватого цвета.

Весь хребет представляется в достаточной степени мощным и высоким. На юго-запад же уходит огромная и очень глубокая котловина Шаргаин гоби с небольшим озером Шаргаин цаган нур в ее западной части. За ней видны хребты Алтаин нуру. Несколько ближе их, невдалеке к С.-З. от озера протянулась гряда Дариби нуру, между которой и Хасагту хайрханом открывается широкий равнинный проход в Хуйсуин гоби, ненамного возвышающийся над Шаргаинской котловиной. Хасагту хайрхан

спускается к последней расчлененными предгорьями. За Дариби нуру чуть виднелась какая-то большая вершина округлой формы – вероятно Судай ула. Отсчитав анероиды и взяв засечки, мы двинулись дальше. С северной стороны у перевала есть ключик, да еще один ключик мы проехали по дороге к перевалу.

Спуск с Хапчигин даба довольно длинен, крут и не очень удобен, так как идет по каменистому ущелью, весьма крутобокому, уже не носящему полуальпийский характер, как например, вершина ущелий около Дуту даба. Ущелье это выводит в большой сайр, глубоко оврагом врезанный в бэль. Видные со спуска западные склоны Тайширского хребта довольно сильно изрезаны и местами покрыты клочками лиственничного леса. Я забыл упомянуть о двух небольших клочках леса, имеющихся на северном склоне Тайширского хребта, недалеко к востоку от Хан тайшири в сторону Дуту даба.

В некоторых местах склоны оврага несколько размыты и обнажают красноватую глину.

Растительность – ковыльная степь, вполне типичная. Спустившись немного по оврагу, мы свернули в одно из левых его ответвлений и почти тут же очень крутым, но гладким подъемом выбрались на террасу бэля, по которой и покатили дальше вниз, направляясь почти прямо на юг. Степь постепенно бледнела. Появилась карагана. Вскоре слева подошел еще один сайр, меньшего размера, нежели главный, и менее врезанный в террасу. По нему мы спустились, пересекая его наискось, почти до ур. Могой булаг, где увидели снова посевы. Немного не доезжая их, мы выбрались снова на террасу, все ту же, с караганно-степной формацией, где проехав несколько км, подъехали к новому сайру у ключа Цзун булаг. Непересыхающий ключ с дэрисом и порядочной кормовой площадкой. Пересекши и этот сайр, мы вскоре спустились с первой, высокой террасы и поехали по второй, для которой была характерна обедненная степь, переходящая ниже в багалуровую полупустыню. Здесь мы подняли нескольких сульт и одного единственного хулана. Следующая терраса поросла чистым багалуром с примесью кое-где боро бударганы, т.е. явилась чистой пустыней. Спустившись еще ниже мы попали на четвертую террасу, самую нижнюю, где сразу начался сплошной саксаул, сначала редковатый и чахлый, на песчановатой с гравием и галькой почве. Далее песок перешел в красную глину типичного тойрима, перемежающуюся с пятнами песка. Саксаул здесь густ и высок, дает хорошие ярко-зеленые экземпляры. Автомобильная дорога вьется по зарослям, выбирая удобные места и огибая ключи Шаргаин гола. Пересекши заросли, автомобильные следы выходят на ту же Шара цзам из Хуху хото в Хобдо, по которой мы

ехали до Биггэр нура, вернее, до Сайн булага. Таким образом наш маршрут снова вышел на путь П.К.Козлова в Камскую экспедицию. По этой дороге мы свернули, следуя тем же автоследам, на запад, вдоль Ю. края долинки Шаргаин гола. Дорогу, впрочем, следы скоро оставляют, так как она идет по неудобным местам. Галечные площади с чистой багалуровой порослью сменяются полосами саксаула, уходящими довольно далеко на юг. Вскоре саксаул прекращается, дорога приближается к краю Шаргаин гольской долинки и идет чистой багалуровой полупустыней, занимающей, по-видимому, большие пространства. Ближе к дэрисуновым порослям Шаргаин гола к багалуру примешивается улан бударгана, а местами и шара бударгана. Дорога, в общем, вполне прилична. Ехали вниз по Шаргаин голу мы довольно долго. Миновали урочище Шабар туру (см. П.К.Козлова), где стояла палатка МНЦК, кумиренку с амбарами (Дацанг) и далеко внизу, чуть выше пашен свернули к палатке СТМ, отмеченной высоким флагштоком с красным флагом. Около нее по дороге чистая поросль редкой шара бударганы. Палатка стояла на арыке. Работали в ней два китайца, у которых мы преуютно и расположились. Я работал до поздней ночи, благо был удобный столик. Поздно вечером – никто еще не спал – был заметный подземный толчек, испытанный мною впервые. Я обратил внимание на то, что стол мой кто-то усердно толкает и мешает писать. Оглядевшись, я заметил, что колеблется и пол, и вся юрта. Остальные тоже обратили внимание и все мы с интересом следили за колебаниями. Явление продолжалось две-три минуты. В Хобдо же, во второй декаде этого месяца, все время наблюдались толчки, иногда настолько серьезные, что валились хашаны и стены давали трещины. То же наблюдалось и в Бус хайрхане (Цзуйлиин хуриэ) в ночь с 9-го на 10-ое.

19/VIII утром мы поехали на пашни, отстоявшие от палатки не далее 3-х км. Почва все время рыхлая, глинистая. Бугры, часто с нитрарией, дэрис. Между ними квадратики старых пашен. Здесь практикуется залежная система с отдыхом в 3 года (на Лэге - 4, см. отчет о моей экспедиции 1927 г.). Наконец, начались посевы. Здесь, в жаркой котловине, начали уже жать и везде был народ. Жнут монгольскими серпами. Русский серп попался только один.

Видели речку Шаргаин гол. Воды очень много и ее хватило бы на очень большую площадь. Мутная речка с илистым топким дном и довольно быстрым течением. Между пашнями участки прекрасных поливных покосов, которыми население совершенно не пользуется. Урожай прекрасный. Сеют пшеницу и ячмень.

В стороне – песчаные бугры с кустарником. Недаром урочище наз.

”Сондог”. Пофотографировали, на обратном пути заехали к амбарушкам из сырцового кирпича, где засняли плуг. Затем вернулись в палатку. Тут же немного ниже находилась вторая палатка МНЦК.

С юга Шаргаин гоби ограничена в восточной своей части хребтом Хара ацзарганай нуру. Мощная гряда, вполне хангайско-алтайского характера – плосковерхая с гладкими крутыми склонами. На северном склоне много клочков лиственничного леса, растущего часто на внушительных крутяках. Далее к западу и южнее, чем Хара ацзарга, кулисообразно к нему идет хребет Бурал хайрхан, короче, нежели первый. Далее, чуть севернее Бурал хайрхана протянулся на С.-З. хребет Цаган хайрхан. За ним по горизонту идут на С.-З еще горы, заходящие за Ю.-З. мыс гряды Дариби. В них выделяется острая вершина. Гряда Дариби стоит как бы отдельно и вытянута (на глаз) с С.-В на Ю.-З. Между ее Ю.-З. концом и упомянутой острой вершиной на горизонте чувствуется широкий проход или седловина, ведущая к Тонхил нуру. На севере хорошо виден Хасагту хайрхан, быстро снижающийся к западу. Его низкий западный мыс уходит за горизонт. Между этим мысом и расплывчатым С.-В. концом Дариби - широкий равнинный проход в Хуйсин гоби. Вся Шаргаин гоби равнинна, со всех сторон постепенная покатость к Шаргаин голу и озеру, до которого мы не доехали всего 10-12 км. Основная растительная ассоциация – багалуровая полупустыня. Саксаул занимает сплошной порослью площадь не менее 200 кв. км.

По Шаргаин голу густые заросли дэриса, полуболотные луга, донные бугры. Местами бургасник (ивняк). Монголы говорили, пониже Шабар туру в бургаснике в небольшом числе (несколько штук) живут кабаны. Кабаны же есть и на Алаг нуре (см. Казнакова) и, как-будто, на Цэцэг нуре. Летом по речке одолевают комары и прочий гнус, и стоит сильная жара, на которую жаловались китайцы, говорившие что и ночью, при отсутствии движения, происходит сильное потоотделение.

Обратно мы ехали по старой же дороге на восток. Около Шабар туру была остановка и я успел взять две площадки: типичную багалуровую и окраинную к дэрису багалуровую с улан бударганой. Судай ула от Шабар туру видна.

Двигаясь все время по Шара цзам, мы оставили вскоре автоследы, ушедшие к Хапчигин даба, и стали постепенно подниматься на седловину к Биггэр нуру, куда уходила открытая долина, сильно в дальнейшем сужающаяся. Слева тянулись поросли цзага, поднимающегося по долине довольно высоко. Затем поросли эти прекратились. Дорога испортилась, пошли сплошные тэсховые заросли с буграми у корней. По самой дороге местами шла вода, [которая] размыла ее до степени оврага. Слева подошли

Ю.-З. холмы южных предгорий Тайширского хребта, справа – В. оконечность Хара ацзарганай нуру, отделенная от следующих к востоку гор понижением с ущельем Алагин ама. В устье этого сайра виднелось пятно посевов (?), вероятно есть ключ. Еще выше дорога стала несколько лучше, пошла северной стороной долины. Холмы подошли ближе и на их Ю. конце наметился холм повыше, между которым и Алтаин нуру оставался проход не шире 3-4 х км. Подъехав к этому холму, мы оказались у нижнего конца пашен, питаемых речкой Халюн, а проехав еще 2-3 км, стали в юрте у источника этой речки.

Попутно мы осмотрели пашни. Как и на Шаргаин голе, прекрасный урожай ячменя и пшеницы. Хлеба созревали и араты уже начали жать свой хлеб. Всего здесь засевают до 30-40 десятин. Воды хватает. Почва легкая супесчаная. Вытекает Халюн гол из круглой порядочной ключевины, очень богатой водой. Вытекает сразу большой речкой, но пробежав версты 2-3 и отдав часть воды пашням, уходит под землю. Несомненно эта же вода появляется впоследствии в ключах Шаргаин гола. Ключевина окружена обрывистым яром, поросшим наверху дэрисом. Растительность кругом смешанная – полупустынная и обедненая степная. В горах к югу виднеются порядочные колки лиственничного леса.

Этот участок Алтаин нуру носит название Гурбан хабтаргай. С холма, откуда я делал засечки, видна почти вся южная половина Шаргаин гоби. За Дариби нуру отсюда видны горы к северу от "острой на западном горизонте"[24], соединяющейся с Судай улой. Снял несколько фото, отсчитал анероиды. Осмотр пашен и засечки я делал уже утром 20/VIII. Затем собрались и поехали дальше.

Неудобная, размытая старая дорога шла серединой все повышающейся долины почти прямо на восток. Основной тон покрову дает все тот же тэсх. Слева идут, несколько отступившие после холма около Халюна, невысокие холмы, представляющие собой как бы край террасы, падающей к описываемой долине. Километрах в 5 от Халюна в холмах этих наметился пятном посевов ключик Хоримту. Справа же идут пониженные предгорья Алтаин нуру. Через несколько км слева от долины встает параллельная ей невысокая, узкая, но крутая грядка Гурбан худуг. Справа предгорья Алтаин нуру снижаются еще более и бэль большим клином вдается в них на юг, к устью пади Цэцэрэнг. Ключом, выбегающим из этой пади, орошаются пересеченные нами посевы урочища Борцог, находящиеся посреди долины.

---

24) По-видимому, цитата, источник которой идентифицировать не удалось (*прим. сост.*).

Путаясь по кочкам и оросительным канавам, мы миновали это урочище и продолжали подниматься по той же долине вверх.

Проехав еще несколько километров, мы снова увидели пашни, относящиеся уже к урочищу Намалцзаха. Поднявшись на несколько км выше пашен, мы остановились в одной из юрт и я пошел в небольшую экскурсию специально для целей съемки. Точку удалось выбрать очень удачную. Вид открывался достаточно широкий. Холм, на котором я находился, является частью водораздела между Биггэр нурской и Шаргаинской впадинами. Прямо на юг от него высится громада г. Бурхан будда, резко выделяющаяся среди окрестных ей участков Алтаин нуру. Высота этого массива весьма значительна и, вероятно, лишь немного не достает до нижней границы пятен вечного снега. В результате ночного дождя она была оснежена по гребню. Отсюда, с севера, эта гора представляет собой короткий иззубренный оголенный скалистый гребень, с очень крутым склоном, куда падают чрезвычайно дикие, скалистые ущелья, разделенные крутыми, круто падающими отрогами. Справа и слева от основного гребня возвышаются значительно более низкие две отдельные конусообразные вершины, отделенные от гребня глубокими седловинами. В западной седловине виден пожелтевший участок альпийского луга. Внизу в одном-двух местах видны небольшие колки лиственничного леса, низкого и корявого по рассказам. Все вместе дает мощную и суровую картину, не скоро забываемую, особенно, когда за ребристые бока массива цепляются рваные облака, а оснеженная вершина блестит под утренним солнцем. Северные ущелья Бурхан-будды соединяются и открываются в круглую болотистую котловину, откуда вытекает ручей Намалцзаха, прорывающийся затем через холмы предгорий Бурхан-будды и сворачивающий около нашей стоянки, напротив моего наблюдательного пункта, на восток, в Халюнскую долину. Таким образом основной тальвег западного склона (гораздо более длинного, нежели восточный) седловины между Биггэрской и Шаргаинской впадинами начинается ущельями северного склона Бурхан-будды и идет сначала на север, проходит через болотистую котловину, ручьем Намалцзаха сворачивает на запад, сухой долиной идет до Халюна; здесь снова появляется вода, скоро исчезающая; далее идет сухой спуск в Шаргаинскую впадину, а затем вода вновь появляется на поверхность в виде Шаргаин гола, заканчивающегося Шаргаин цаган нуром, который и является конечным звеном всей этой системы. <...>

Общая длина всей системы - <...> км. Падение (от вершины Бурхан-будды до Цаган нура) – не менее 2500 м, от Намалцзахи до Цаган нура – 700-750 метров.

Падь Цэцэрэнг как бы отделяет массив Бурхан будда от дальнейших к западу массивов Алтая. Северо-восточным барьером Бурхан-будды со стороны Биггэр нура служит гряда холмов, довольно широкая, идущая в северо-западном направлении. Высокая ее часть заканчивается моим холмом. Холм этот соединен узкой и низкой перемычкой-гребешком, где размывы обнажают красную глину, с упомянутой выше грядкой Гурбан худуг. Эта линия и служит границей Намалцзаха – Халюнской долины. К северу от этого холма лежит широкая равнинка, покатая к Биггэру и отделяющая здесь холмы Халюнской долины от гор Дулан хара – передового барьера Тайширского хребта. На западе равнинка эта сужается и перегораживается холмами. Водосток к Биггэр нуру сомнителен, так как на востоке она почти перегорожена северным пониженным отрогом той же холмистой гряды Оши. Кроме того налицо желтое пятно тойрима. Равнинка эта отделена от Намалцзахи лишь упомянутым низким размытым гребешком красной глины, который и представляет собой, таким образом, перевал из Биггэра в Шаргу.

Долины же, разделенные им, параллельны и “валетообразны”, т.е. стоки их направлены в разные стороны. Шара цзам пересекает гряду холмов Оши (условное обозначение) у подножья моего холма, сейчас же к югу от него, идет пологими холмами и замкнутой долинкой между ними на восток и км в 10-ти выходит к красным глинам Сайн булага.

С этого же холма была видна довольно хорошо гряда Сэрхэ богда, Тайширский хребет и г. Дулан хара. Около болотистой котловины Намалцзахи стоит дуган - один храмик. Ночевали мы в юрте, довольно зажиточной.

21/VIII утром двинулись в обратный путь, решив не спускаться к Биггэру, а взять к Дуту даба напрямки, через Дулан хара. Это было тем более важно, так как необходимо было посмотреть варианты прямого пути Дуту даба - Халюн. Легко перебравшись через речку Намалцзаха, мы без труда взобрались на глинистый гребешок и без дороги поехали поперек равнинки, направляясь к понижению в горах Дулан хара, где видно было устье значительного ущелья. Плохой дорога стала лишь близ этого последнего, где стали попадаться русла с обрывистыми краями и бэль был очень каменист. По ущелью стали подниматься вверх. Горы Дулан Хара совсем гобийского характера и очень подходят для обитания как янгеров, так и аргали. Путь по сайру, а частью и по обочинам, был вполне доступен для нашего автомобиля.

По дороге близко видели крупного волка, и конечно, по нему промазали. Через несколько км ущелье раздвоилось и мы поехали левым, западным ответвлением (правым по течению).

Горы по сторонам снизились и наконец мы выбрались на северную окраину Дулан хара. К удивлению ущелье не оказалось прорывом, а отделено от равнинки Хучжиртуин тала маленьким перевальчиком-барьером. Таким образом ущелье это находится в стадии, предшествующей образованию прорыва, причем размыв идет главным образом с юга, в его вершине.

В нижней части ущелье называется Цаган дэрис, в верхней – Хутуль шанда (?).

Проехав поперек равнинки Хучжиртуин тала, мы въехали в устье ущелья Хучжирту ама, откуда я еще раз осмотрел местность. Здесь маршрут Шаргинского разъезда сомкнулся с маршрутом Баян тухум – Хан тайшири. Немного западнее пересеченного нами перевальчика видно устье уже настоящего ущелья–прорыва Хацабчи, уходящего по-видимому, на юго-запад. Нижний конец его, возможно, выходит где-нибудь неподалеку от Хоримту и Халюна, но навряд ли открывается в пересеченную нами равнинку (Сэгсэгэйн тала?). На запад Хучжиртуин тала уходит еще км на 10. Где-то в том районе находится монастырь Хамбо хуриэ. Горы около Хацабчи носят уже другое название – Маран нуру.

Уже известным путем мы проехали к Наран-сумунской палатке, остановились там, затем поднялись на Дуту даба, на этот раз беспрепятственно, и скоро были в Хан тайшири.

Шаргаинский разъезд был окончен.

В результате я довольно подробно ознакомился с Шаргаин гоби и седловиной между ней и Биггэр нуром, уяснил себе распространение Тайширских лесов, земледелия Алтайского аймага, было подобрано место для нового аймачного центра – Халюн, сделана топографическая съемка, охватывающая <...> кв. км. Длина маршрута разъезда получилась свыше 300 км, почти 200 миль.

Все это было очень удачно. Хан тайшири хуриэ нас не задержал. Относительно обратного пути пришлось подумать. Было решено ехать на Цэцэрлиг через Цаган олум, Цзаг и Эгин даба.

Писание отчетов, докладов, черчение съемки и устный доклад в аймаге заполнили 21, 22, 23 и 24 августа. Выехать в дальнейший путь мы смогли лишь 25-го.

Аймачные власти вполне одобрили наш выбор места для центра и составили в таком духе постановление, направляемое в Уланбатор.

Таким образом эта задача в отношении малознакомого мне Алтайского аймага была также благополучно разрешена.

Маршрут Хан тайшири - Цэцэрлиг

25-/VIII, мы после полудня выехали из Хан тайшири по направлению к Цаган олуму, т.е. почти на север. Хорошо накатанная автодорога ведет сначала заметным спуском вниз по ровной типично ковыльной степи. Спуск этот преграждается грядой холмов, у южного подножья которых, правее дороги, находится несколько маленьких озерков (Олон нур). На север открывается еще с самого Хан тайшири широкий вид на предгорья Хангая, находящиеся внутри большого изгиба р. Цзабхан. Узкая долина этой последней только чувствуется, так как закрыта мелкими нагромождениями гор и холмов. В сторону Хангайской магистрали Цзабханские горы (хороший термин!) постепенно повышаются и вдали видны уже настоящие гольцы, только что покрывшиеся снегом. Вообще за все время нашего пребывания в Хан тайшири над Хангаем постоянно стояли тучи и лил дождь. Вершины Отхан тэнгри не видно. Южная часть Цзабханских гор имеет расчлененный, размытый вид, не давая какой-либо определенной орографической схемы. На С.-З. горы эти почти смыкаются с холмами предгорий Хасагту хайрхана, будучи отделены лишь узкой долиной р. Цзабхан. На В.-С.-В. же намечается повышенная волнистая равнина.

Холмы дорога огибает слева, с запада, следуя восточным краем поросшего дэрисом русла-долинки с ключевинами, направляющегося на север. Обогнув и вторую гряду холмов, дорога переходит на западную сторону русла и выбирается на небольшую равнинку. Растительность здесь делается полупустынной. Попадается заморенный багалур, тана. Спускаясь все ниже и ниже дорога пересекает небольшой ключик, текущий с запада, и приближается к размытым холмам и оврагам, сложенным осадочными породами. Начинается хорошо заметный спуск к Цзабхану, сначала ущельем, после которого дорога пересекает автотракт Чжиргаланту – Уланбатор, весьма основательно накатанный. Станок Цаган олум был расположен в стороне от него, на расстоянии 5 км, на самом берегу р. Цзабхана, куда ведет сильный спуск. На станке несколько юрт, столовая. Вода на Цзабхане была большая. Мутная река быстро несла свои воды по галечному руслу, подмывая низкие берега. Долина Цзабхана в этом месте узка, обставлена расчлененными горами и холмами, и довольно глубоко врезана. Как к северу, так и к югу идут заметные подъемы. Пробыв некоторое время на станке, мы вернулись на главный тракт и поехали по нему на восток, огибая луку Цзабхана на некотором расстоянии от реки. Шел постепенный волнистый подъем по слегка холмистой и волнистой местности. Встречались стада цаган цзэрэ и даже (!) пара хара сульт.

Растительность большей частью полупустынная, с переходом к обедненной и степной. За плоским степным перевалом дорога свернула к С.-В., начался спуск и вскоре мы снова оказались почти на берегу Цзабхана. Южный берег реки здесь холмист, северный берег – горист. Долина реки по прежнему глубоко врезана. На самой реке небольшие заросли бургасника, много юрт. Местность довольно красивая.

Проехав немного вдоль реки, мы снова сдали к востоку, взяв небольшой подъем, выбрались на плоскогорье и покатили по ровной степи. Стемнело и подробности этого участка таким образом от меня ускользнули. Растительность снова стала степной. Появился в большом числе прекрасный ковыль. По дороге то и дело сумасшедшими мячиками метались в полосе света автофар тушканчики. Чувствовалось, что идет постепенный подъем по волнистой степи. К северу от дороги все время темнели холмы и горы, к которым мы под острым углом и подъезжали. Наконец начались холмы и заметный подъем. Через несколько км мы стали на ночевку на станке Баян хонгор, проехав от Цаган олума около 150 км.

Станок Баян хонгор расположен в гранитных холмах обширного гранитного поля, на небольшом тут же вытекающем из-под холма, ключике. Небольшое озерко-лужа, на котором оказалась, помимо всего прочего, пара снежно-белых колпиц. Для засечек я поднялся на один из холмов, откуда открылся довольно широкий вид на юг и юго-запад. Баян хонгор находится почти на меридиане восточной оконечности хр. Сэрхэ-Богда, который был хорошо виден на всем протяжении. Гранитное поле, сильно снижаясь, тянется далеко к югу и почти достигает Сэрхэ. Оно производит впечатление наплыва со стороны Хангая, с С.-В., снижаясь как на юг, так и на запад. Сам хребет Сэрхэ имеет с севера совершенно другой вид, нежели с юга. Он низок (следовательно Биггэрская котловина значительно ниже равнины к северу от Сэрхэ), сравнительно мало изрезан и вообще имеет более мягкие формы, ничем не отличаясь по характеру от северных склонов более высокого Тайширского хребта. Последний также виден весь, до Хапчигин даба, но в 3/4. Хасагту хайрхан также виден весь. Это трио хребтов образует дугу, выпуклую к Ю.-З. Пространство между этой цепью, Баян хонгором и Цзабханом представляется холмистым и волнистым плоскогорьем, имеющим скат к Цзабхану.

Наинизшая точка водораздела Цзабхан – Южная озерная котловина находится, по-видимому, где-то на меридиане восточной оконечности Сэрхэ, невдалеке от этих последних гор, между ними и южной оконечностью гранитного поля. За восточной оконечностью Сэрхэ видны горы линии Даглант - Эрдэни. Чувствуется, что тальвег Озерной котловины действительно уходит за Сэрхэ, к Биггэр нуру.

К северу от Баян хонгора холмы повышаются, появляются отдельные небольшие массивы, сложенные уже не гранитом (по-видимому). Словом, начинаются настоящие предгорья Хангая. Растительность вокруг – типично степная, даже частью, пожалуй, горностепная. Подъем от Цзабхана значительный.

От Баян хонгора дорога идет на запад, все по тем же холмам, среди которых встречаются небольшие долины с хорошей степной растительностью. Севернее дороги все время видны отдельные небольшие массивы, преимущественно широтного направления. Сайры все имеют сток к югу. Км через 17 от станка дорога пересекает полосу "густых" холмов по узким ущельицам между ними и здесь она местами косогориста. Далее расположена равнинка с большим сайром в восточной части, открывающаяся к югу. Здесь с дороги снова видна Алтайская цепь, начиная с Сэрхэ и почти до Баян цагана. Алтаин нуру был оснежен. Подробности разобрать трудно, но, по-видимому, видна как северная низкая ограда, так частью и основная цепь. Подробностей пространства между Алтаем и Хангаем не видно, но в ту сторону, к югу, здесь, по-видимому на большое расстояние, идет равнинный рукав. Словом, на маршруте, скажем Цэцэрлиг - Биггэр с тракта следует сворачивать именно в этом месте.

При проверке по съемке оказалось что с точки наблюдений на описываемой равнинке действительно виден Баян цаган. Далее дорога идет еще несколько километров к востоку в прежнем направлении по долинам, причем пересекает еще один сайр, по которому в момент нашего проезда текла порядочная речка – очевидно результат дождей (Убур чжиргаланту?). Почти поравнявшись с остающейся к Ю.-В. порядочной плоской вершиной-массивом, видимой еще с окрестных Баян хонгору холмов, дорога делает довольно крутой поворот к С.-В. и подымается около 15 км по спускающейся с севера долинке, в вершине которой подымается на небольшой перевал, затем огибает подошедшую с запада довольно высокую гряду и спускается в долину. Внизу ключ. Здесь мы встретили первые после Баян хонгора юрты. До Цзага оставалось недалеко и около полудня мы были уже там. Местность между описанным перевалом и Цзагом схематично такова: 4 перевала (о первом уже сказано) и 3 широкие и плоские долины между ними. С четвертого перевала идет спуск уже к самому Цзагу. Названия первой долины не знаю. Вторая называется Гурбан булаг (ключ). Здесь раньше находилась тамга хошуна Богда марал ула. Теперь сумун, кажется того же названия, что и ключ. Много аккуратных юрт, постройка. Верховье этой долины не очень далеко от дороги (км 15). Там виден очень оригинальный с виду,

относительно невысокий, округлый голец розового цвета, а может быть просто гора, имеющая случайно гольцеобразную круглую форму; последнее впрочем сомнительно. Далее за узким гребнем идет новая долина, такая же широкая и плоская. Тоже ключ, название – Хобур (Ногон хобур?). Юрты. Долины эти, как и разделяющие их гребни, направлены, в общем на юг. Но вообще разобраться в местности как следует я не смог. Да и трудно сделать это, быстро двигаясь по хорошей дороге, торопясь все вперед и останавливаясь лишь для того чтобы наспех сделать 2-3 засечки – лишь бы не потерять маршрут. Только и осталось в памяти – широкие размытые степные долины и относительно невысокие каменистые горы между ними. Отмечу кроме того, что выше, севернее тракта, горы заметно выше и "сгущеннее". Там выделяются отдельные массивы. Южнее горы мельчают.

С последнего перед Цзагом перевала открывается более обширный и определенный вид на восток. Горизонт закрыт могучим гольцовым валом - водоразделом между истоками Байдарага и Цаган туруту, начинающимся от вершины в истоке Дабату – Сэнчжит (см. мой дневник и съемку 1928 г.). Севернее его намечается провал-седловина Эгин даба. Вал этот, на котором насажена шапка Ягачин таг – не знаю, впрочем, она ли видна с данной точки, необходимо проверить по съемке, - довольно короток и быстро снижается. Намечаются глубокие, постепенно сближающиеся к югу впадины – долины Байдарага и Цзага. Хорошо виден клин гор между ними, высокий, с гольцами на севере и быстро сходящий на нет к югу, к стрелке – слиянию обеих рек.

Пологий и довольно прямой спуск по степной долине скоро привел нас к станку Цзаг байдараг, расположенному на высокой террасе правого берега реки, почти в устье долины, по которой мы спускались. Имеется несколько деревянных построек. Управление Цзаг сумуна (в юртах), первичка МНЦК (усадьба), отдельной усадьбой лавка-палатка СТМ, станок Монголтранса (в юртах).

Мы стали своим лагерем около станка. Вода в Цзаге была большая и было решено несколько переждать. Я сходил в экскурсию за укосными площадками.

Во время экскурсии я еще лишний раз отметил, что овцы пасутся по крутым склонам с самым мелким травостоем, рогатый же скот держится внизу. Лошади тянут к середке.

27/VIII утром наши шоферы (от Хан тайшири мы ехали с дряхлым "Додж"-иком МНЦК "последней марки", на котором ехал из Хобдо заведующий Хобдоским отделением Банка) попытались перебраться через Цзаг в разных местах - и оба сели. Особенно глубоко села наша машина,

попавшая под очень сильную струю - человека около нее буквально сбивало с ног. Пришлось звать быков, благо на другом берегу стоял караван. Провозились почти целый день и проторчали в воде порядочно. Вода нахлестала мне ноги до того, что они покраснели и потом дня три саднило. Вдобавок вода была совсем не теплая. Нашу машину в воде быки сдвинуть не смогли, главным образом потому, что их самих вода сбивала с ног. Шуму и возни было достаточно. На другом берегу пришлось разбивать майхана и устраивать основательную сушку динамо автомобиля и прочих вещей. За этим мирным занятием пришлось провести весь день 28-го. Тронуться далее мы смогли лишь утром 29-го августа. Задержка эта помогла мне продвинуть дневник и съемку.

29/VIII утром, не очень рано, мы двинулись дальше. Долина Цзага в этом месте широка и плоскодонна. Река бьет под правый обрывистый берег. Растительность долины – мелкотравный полуболотный луг, переходящий под левым краем долины в ковыльковую сухую степь. Такой характер долина р. Цзага сохраняет, по-видимому, на большом протяжении вверх. Местами в долину эту впадают большие сухие степные пади, наподобие той, по которой мы спустились к станку. По пересечении долины Цзага, дорога двумя подъемами переваливает снижающуюся часть горного клина между Цзагом и Байдарагом, и спускается в долину последнего. По дороге отмечу пышную ковыльную степь, почти годную под сплошную косьбу. Долина Байдарага несколько у́же долины Цзага, более заболочена. Вода в реке стояла на высоком уровне, но помогло нам то обстоятельство, что в месте брода разлив реки большой и она делится на 4-5 рукавов.

Обычная дорога пересекает Байдараг бродом чуть выше устья долины Ногон хундэй, вверх по которой и направляется к Эгину. Новый же брод расположен выше на несколько км. Повозились в речке мы весьма основательно. День был холодный с дождиком. Наши авто по очереди садились, по очереди вытаскивали друг друга и в конце концов благополучно перебрались на левый берег реки. Пришлось отогреваться в юрте.

Далее дорога пошла перпендикулярно реке по широкой степной пади, имеющей почти общую вершину с Ногон хундэй. Падь эта, таким образом, отрезает, изолирует каменистую гору – водораздел Ногон хундэй – Байдараг. Везде прекрасный ковыль. В вершине пади мы выехали снова на основной тракт и повернули по нему на С.-В., к Эгин даба. Нетрудным подъемом мы поднялись на водораздел третьего порядка, за которым спустились к речке, берущей начало непосредственно с гольцового вала Ягачин тага. Здесь машина отказалась работать и мы доехали до станка

Улан чулу на “Додж”-е. Пройденный перевальчик имеет характер гладкого степного вала. За речкой дорога огибает каменистый, гладкий сверху мыс и подходит к станку, стоящему на следующей речке, текущей с того же гольца. Здесь уже начинается ледниковый ландшафт. Речка завалена валунами, ее широкая долина заболочена, всюду сочится вода. Немного ниже дороги обе речки сливаются и текут в Байдараг одним руслом. В вершинах их видны кое-где маленькие клочки лиственничного леса. “Ковыльный” пейзаж кончился. Началось ледниковое высокогорье. На Улан чулу мы заночевали, авто МНЦК ушел на помощь нашему и в сумерках оба вернулись. Оказывается ферodo сильно замоченного в Байдараге диска слиплось, отодралось и превратилось в муку. Сцепление прекратилось. Сменили диск и все снова стало в порядке.

Вечером шел основательный дождь, и утром гольцы были под снежком. Автодвижение на этом участке почти остановилось из-за рек и на Улан чулу скопилось большое число пассажиров - учителей со съезда и женделегаток. Вечером подошел “Шевроле” Минпроса.

30/VIII утром двинулись брать Эгин даба. Сразу же за каменистой речкой взяли подъем на новый водораздел третьего порядка, затем пересекли еще одну речку, берущую начало все с того же гольца. Чем выше, тем четче делаются остатки работы ледника в виде боковых морен, уже ясно отличимых. Дорога в достаточной степени камениста. За третьим водоразделом третьего порядка, таким же волнообразным, дорога пересекает речку, текущую уже с седловины Эгина и правым, западным ее берегом, большей частью по боковой морене, начинает подниматься к перевалу. К камням присоединяется гольцовое болото.

Дорожные работы здесь еще не производились и пробираться было трудновато. Одолев последний невысокий взлобок, мы оказались на плоской болотистой и каменистой широкой седловине Эгина. Объезд по гольцовому кочкарнику в стороне от грязнейшей дороги – и наши авто у обо Эгина. Отсюда открылся столь знакомый еще по 1928 году пейзаж – вершина Сэнчжит, Гурбан ангархай, Ботогон и скалы устья Йолы.

Съемка сомкнулась со старым маршрутом и в дальнейшем я ограничился лишь записью расстояний. На Эгин мы поднялись около полудня. Погода была солнечная, ясная. В тени термометр показал лишь +5°С. Соседние гольцы были припорошены свежим снегом. Гольцовая осоковая растительность уже вся пожелтела. Воздух стоял кристально чистый, холодный, бодрящий. Быть в это время в горах, на вершинах – одно наслаждение. Остро чувствовалась вся прелесть осенних странствий.

Схематизируя участок пути Байдараг – Эгин, можно сказать

следующее: крутой, рассыпистый склон гольцового вала – водораздела второго порядка (условно Ягачин таг) между Байдарагом и системой Цаган-Турута выдвигает к Байдарагу 4 валообразных гладких мыса – водораздела третьего порядка. Второй с юга мыс короток, и дорога огибает его снизу. Остальные мысы протягиваются к Байдарагу и ниже дороги развиваются в скалистые и каменистые горные группы. Эти валы-мысы разделены более или менее широкими болотистыми долинами речек, берущих начало в узких и очень крутобоких типичных гольцовых ущельях западного склона гольцового вала водораздела второго порядка. Ниже, там где мысы развиваются в горы, долины речек, как-будто, снова сужаются. Таким образом в разрезе получается следующая картина: <...>

Следовательно подъем от Байдарага по Ногон хундэй сразу, по-видимому, приводит к первому с юга мысу, а дальше идет уже описанная выше местность.

Гольцовый вал, условно обозначаемый мною названием Ягачин таг (здесь он носит как будто название "Хара модоту таг") короток и скоро обрывается. От места слияния Цзага и Байдарага почти перпендикулярно ему идет широкая степная долина, выводящая малозаметным (по-видимому) перевалом в систему р. Цаган туруту. В районе перевала имеется порядочное соленое озеро. Этой долиной идет старый автотракт, так называемый "Южный Улясутайский" или "Гобийский". Таким образом в районе истоков Байдарага и р. Цзаг южные склоны Хангая характеризуются сравнительно слабым развитием гольцовых водоразделов второго порядка, широкими и плоскими речными и сухими долинами, разделенными относительно невысокими каменистыми гребнями горно-степного типа. Этот же характер сохраняется и в районе бассейна р. Утаин гола, в окрестностях мон. Дашидогун (Баян хонгор). Дорожные работы Монголтранса подошли уже к гребню Эгин даба с северной стороны и спуск не представил затруднений. Далее дорога пошла левым берегом р. Ботогон, следуя большой луке этой речки, по левой боковой морене.

Около стрелки Ботогон - Йола, составленной исключительно моренными нагромождениями, построен мост через р. Ботогон и дорога переходит на правый берег, почти против слияния Ботогона с Йолой. Справа же дорога огибает и исток Чулуту, пересекая почти незаметную здесь (ушедшую в почву?) рч. Бугуту. Далее дорога идет все время правой стороной р. Чулуту, вдоль западного крутого края Галутуин тага. На этом крутом склоне хорошо заметны 2-3 ступеньки-борозды, вероятно оставленные разными уровнями ледника. В 1928 г. они, кажется, остались мною незамеченными. Против впадения в Чулуту с запада долины Цаган сайр со стороны Галутуин тага выдвигается скала-бом, под которую и

бьет Чулуту. Здесь, для обхода этой скалы, приходится дважды переезжать рч. Чулуту. Броды неглубокие и мы одолели их благополучно. Перед устьем Галуту дорога, шедшая до этого непосредственно по плоскому дну долины Чулуту, взбирается на моренно-холмистую окраину Галутуин тага и в дальнейшем идет этой окраиной, делая петли, подъемы, спуски и иногда выходя снова к Чулуту. Переправу-брод через Галуту мы прошли без затруднений. Не доезжая устья р. Ульцзэйту (?), мы спустились с морены в расширение долины и стали огибать северную оконечность Галутуин тага, оставив к С.-З. обособленную горку, стоящую в районе стрелки Чулуту - Хурмэин гол. Довольно крутой подъем вывел нас на мыс, протянувшийся от горки Цогту хайрхан к Хурмэин голу, спустившись откуда мы подъехали к этой реке. Мост через нее еще не был готов. Вода была большая. Хурмэин гол вообще самый многоводный из истоков Чулуту. Пришлось звать быков. Рядом оказался аил моего старого знакомого Долгорчжаба, откуда мигом пригнали огромных хайнаков. Мы, как говорится, ахнуть не успели, как обе машины оказались на том берегу. Особенно интересно было с “Додж”-ем, которого быки поперли рысью, бултыхнули с обрывистого берега в яму и прежде чем шофер успел раскрыть рот, уже подняли на противоположный берег. Солнце закатилось. Спутники с машинами ночевали недалеко от станка Бумбату, у строящегося моста, а я в юрте Долгорчжаба. Говорили мы на разные темы долго и уснули поздно. Приятно было чувствовать себя почти в “родных” местах. Оснеженный Харлагский кряж, лесистая Бумботу с цирком и характерной скалой-выступом вверху, шишка Сумбэру улы на юге – все это так знакомо.

31/VIII поехали дальше к Цэцэрлигу. Хорошая дорога незаметно вывела нас на Ялатуин дурулчжи, за которым пошел спуск вниз, по Ханую. Разделанная Монголтрансом дорога идет по левому краю долины под горами.

Около Баян хайрхана брод через Хануй, пустяковый для автомобиля. Долина Хануя плоскодонна и сильно заболочена. К устью Ара улалцзая леса почти исчезают. Подъем на перевал местами каменист, но не очень труден. Довольно хороший спуск приводит к знакомой мне во всех подробностях долине Хойту Тамира. Дорога идет левым краем ее плоского дна и перед самым мон. Хан ундур взбирается на левую террасу, на которой расположен монастырь. За монастырем и поселком дорога отходит от дна долины Хойту Тамира и поднимается на перевальчик через скалистый мыс, упирающийся в реку и закрывающий Хан ундур с востока. Далее, продолжая идти на некотором расстоянии от долины реки, дорога пересекает пологий степной скат от гор к этой долине, открытое устье

сухой, большой, но довольно узкой пади Хурай, в вершине которой видны небольшие участки лиственничного леса, оставляет вправо небольшой овраг с котлообразным расширением в вершине, где находится ключ Убур бахан булаг, и взбирается на пологую же степную седловину. За этой последней идет спуск в новую широкую степную долину Сурту, за которой небольшой подъем приводит к телеграфным столбам и тракту на Таряту. Далее идет спуск к мосту через Хойту Тамир. За мостом дорога по широкой в этом месте долине Хойту Тамира направляется к левому (по течению) краю Арцату ама и идет по ней до устья Шабарту. Впереди невдалеке виден Халцзан даба, падь к Цаган даба и т.д. В Шабарту дорога идет также левым, здесь увальным, краем долины, кое-где исправлена и вообще хороша. Узкая долина Шабарту, густо облесенная по северному склону, очень красива. По речке богатая урема с обилием красной смородины. На лужайках стояли копны сена. В самом интересном месте у нашего "Додж"-а – "последнего слова американской техники" – неожиданно слетело переднее колесо. Пока возились, прошел основательный дождь и возможность одолеть Гурбан даба своими силами стала сомнительной. Действительно, в амфитеатрообразной вершине пади, где склоны представляют собой сплошь сочащееся лесное болото, забуксовала наша машина, а "Додж" просто сел задом в канаву. Благоразумие подсказало взять быков стоявшего здесь каравана с шерстью из Тарят. Наш грузовой "Шевроле" поднялся вполне благополучно, а "Додж" застрял в отчаянном зыбуне, в который превратилась дорога Монголтранса под давлением воды сверху. Интересно было видеть, что кузов сел всей площадью на грязь, а задний мост отошел от него вглубь. Быки вытащить не смогли и машину оставили так до завтра. Тем временем стемнело, полил дождь, в полной темноте мы поставили майхана и мокрые забрались внутрь. Дождь сменился обильным снегом. И вот в 18 км от Цэцэрлига, в ночь под 1-ое сентября, мы ночевали среди совершенно зимнего пейзажа, не скажу, чтобы с большими удобствами.

1/IX утром авто подняли на домкрате, подложили камней, поддали сзади вагой, те же быки выдернули его наверх. Далее дело пошло беспрепятственно. Осторожно спустились по скользкой дороге с перевала, внизу снега уже не было, выехали к долине Урду Тамира и через короткое время были в Цэцэрлиге, с трудом после дождя одолев косогористый и скалистый перевал (от моек) к поселку. Этап Хан тайшири – Цэцэрлиг был пройден. Погода стояла препаскудная. То и дело шел дождь, либо снег, было холодно и ветрено.

В Цэцэрлиге я застрял более, чем надолго. Прежде всего, в связи с расходами, надо было выписать денег. Деньги я получил лишь 9/IX.

Закупив все, что было необходимо, мы выехали 11/IX и ... поломались сейчас же за мостом. При переезде протоки, в камеру сжатия попала вода и вылетело 3 поршня. Началась посылка телеграмм в Уланбатор, попытался съездить туда Вагапов, но вернулся с дороги, так как авто на котором он поехал, также поломался близ Орхона. В результате, в самое горячее время мы сидели, ездили по очереди в Цэцэрлиг и ждали у моря погоды. Поломались мы, правда в хорошем месте – около воды, в уреме Урду Тамира, невдалеке от аилов. До Цэцэрлига было всего верст 25. Вынужденно свободное время я использовал, закончив съемку, приведя в порядок выписки по скоту и подогнав дневник.

Кроме того сделал экскурсию на Хойту Тамир, объехав там всех знакомых и вошел в курс тамошних дел. Почти все мои приятели с Цэнхэр гола перекочевали к Цэцэрлигу и живут теперь около моек, на протоке. Бывал я у них неоднократно, ночевал и чувствовал себя, как дома.

Съездил верхом в район Хан ундура, переночевав предварительно у Чжигижита. До Гурбан даба ехал по автодороге. Погода была хорошая и можно было рассмотреть кое-какие подробности топографии местности за Урду Тамиром. Падь Ихэ тээли начинается под Субурга хайрханом и впадает в Тамир, перпендикулярно ему. Широка, хорошо облесена с обоих сторон, имеет правильные очертания, прямое направление, склоны одинаковой небольшой крутизны, вершину широкую, амфитеатром, облесенную. Таким образом речки Могой, Цэнхэр и Ширдэгиин гол почти перпендикулярны ей. Последняя берет начало с С.-В. склонов непосредственно самого Субурга Хайрхана и имеет в вершине ледниковый цирк. Ее южный водораздел представляется мощным обильно облесенным валом, имеющим на гребне зачатки гольца (в своей западной части). Течет Ширдэгиин гол на восток и впадает в Цэцэрлиг (?). Внизу, ниже перевала к цэнхэрскому Халун усу (Боро тала), были разведки на золото (Монголор). Монголы говорят, что золото было обнаружено, но затем скрыто. Солнопек Ширдэгиин гола – сплошные большие увалы.

К северу от Субурга Хайрхана отходит плоский отрог с большим гольцовым полем наверху. Истоки Цэнхэр гола начинаются, по-видимому, с этого отрога. Затем Цэнхэр гол течет также на восток и впадает в Цэцэрлиг. Долина его широка, особенно в районе горячих ключей, где она расширяется до небольшой степи (Боро тала).

В истоках Цэнхэра видны красивые скалистые вершины (ниже гольца), расположенные к западу от Боро тала.

На водоразделе Ширдэгиин гол – Цэнхэр выделяется округлая гора – Баян ундур, увальная с юга и облесенная с севера. С ее северо-восточного склона течет речка, протекающая через Боро тала и впадающая в Цэнхэр

ниже горячих ключей.

Прочие пади направлены на север и составляют часть истоков Цэнхэра. К западу от Баян ундура с гольцового поля начинается узкая падь Соготу, впадающая в Ширдэгиин гол. Падь Могой впадает в Урду Тамир под острым углом, довольно короткая, обильно облесена в вершине (с северной стороны) и начинается с водораздела Цэнхэр – Тээли. <...> Такова примерно схема[25)] между Цэцэрлигом, Субурга хайрханом и Урду Тамиром. Возможны некоторые ошибки. Ширдэгиин гол и Цэнхэр даны по впечатлениям прошлого года (1930 г.), в дневник не записаны.

Поднявшись на автомобильный перевал Гурбан даба, я взял прямой, тележной дорогой. Она пересекает исток Шабарту и подымается на второй перевал. Дорога здесь плоха даже для монгольских телег. Везде сочится вода, каменисто, болотисто. Подъем на второй перевал крут, короток и неудобен. Спуск идет в правую ветвь довольно узкой пади Нарин улэнтэй, направляющейся прямо на север, к Хойту Тамиру. Спуск весьма крут и каменист. Тип пади обычный. Левая сторона верхней части облесена, ниже лес дробится на колки и внизу вовсе исчезает. Правая сторона сплошь увальная. Спустившись вниз примерно до середины пади, я свернул к западу, на крутой перевальчик к Ихэ улэнтэю. Подъем на перевальчик крут и доступен разве только пустым телегам. С него открывается широкий вид на долину Улэнтэя, водораздел обоих Тамиров с гольцами Халтар булу и Хан ундур, часть долины Хойту Тамира с хуриэ Хан ундур. Все это было мне в достаточной степени знакомо.

Улэнтэй образуется из нескольких речек, начинающихся в лесистых падях пониженной части водораздела обоих Тамиров. Из них лишь самая западная течет с гольца Халтар булу. Средняя часть долины Улэнтэя широка и заболочена. Ниже, перед впадением в Тамир, долина эта суживается. К западу от Улэнтэя водораздел высылает к Хойту Тамиру низкий холмистый отрог, заканчивающийся скалистыми, обрывистыми к Тамиру двумя вершинами. Между ними находится небольшая широкая степная падь Бахан булаг, с небольшим озерком. Этот раздвоенный низкий безлесный холмистый отрог соединен с главными склонами водораздела, обильно облесенными, узкой и низкой седловиной. Далее к западу главные склоны этого отрога непосредственно переходят в долину Хойту Тамира. Я проехал через восточную ветвь отрога, мимо озерка и устьем пади Бахан булаг спустился к Тамиру. Проехав вверх по нему до устья балки Убур бахан булаг, я переехал вброд Тамир и поднялся к

25) Рисунок схемы отсутствует в доступной составителям копии оригинала (*прим. сост.*).

ключу в верховье этой балки, где жил мой приятель Дугарчжаб. У него я задержался недолго, так как торопился доехать до Шамая. Далее я проехал мимо монастыря Хан ундур и бывшего хошунного управления, переехал снова Тамир и знакомой дорогой полегоньку потрусил вверх по долине. Стало уже темнеть, когда я подобрался к устью Мухура. Заехав в юрту, я узнал, что Шамай живет выше, в устье Хатугиин ама. Пришлось ехать дальше по уреме, под сильным дождем и в полной темноте. Память с 1928 года не изменила и устье пади я нашел легко. Показались столь приятные в такую скверную погоду огоньки и через несколько минут я оказался в юрте у Шамая. Начались расспросы, разговоры, затянувшиеся до поздней ночи.

Хозяйство Шамая. Верховья Хойту Тамира. Он держит 4-х сарлыков-быков для кочевок. Извозом не занимается, поэтому больше ему не надо. Для молока 6 коров сарлычек. Он считает, что для этого места монгольский скот уже не совсем подходит, кроме того сарлыки лучше переносят цзут. В извоз сарлыки, как правило не ходят. Хайнаки лучше всего, но дороги. Сдохнет один – большой убыток.

Коз держат главным образом ради молока – они в сумме дешевле коров при соотношении (5 коз по молоку равны одной корове).

Коней Шамай держит – один-два для пастьбы скота, два для разъездов. Увеличивать это число нет необходимости.

Лошадей раньше разводили ради кумыса и для заработка на уртонной службе, так что нерентабельным видом скота их считать нельзя. В настоящее время наиболее рентабельными видами скота Шамай считает крупный рогатый скот и баранов.

Утром следующего дня я выехал в обратном направлении, переехав сразу на северный берег Тамира, так как хотел еще заехать к Бальчжинеме, юрта которого стояла близ Хайрхана. Дома его не оказалось, он уехал на собрание. Первая жена его умерла. Вторично он женился неудачно – жена ушла, теперь взял молоденькую и пока доволен, но о первой жене вспоминает с грустью, как о “настоящей”. Его я застал в Хан ундуре и с час проболтал с ним о разных делах и жизни района. Затем заехал и напился айрагу в хурене у Цеден Дамба габчжу, который поджидая кого-то, важно сидел на олбоках в чистой и богато убранной тибетскими сукнами юрте. Такая обстановка в соединении с хитрыми речами безусловно должна производить впечатление. После этого, уже под вечер я направился в Бахан булаг к Дугарчжабу, где и заночевал, так как вечером пошел дождь. Утром без особых приключений выехал несколько другим путем – обогнул холмистый отрог Халтар булу с запада и под лесом, через седловинку, мимо моей стоянки 1928 г., выехал на Улэнтэй.

В день моего приезда было представление артистов Госцирка СССР, собравшее много народу и прошедшее с большим успехом. Стрельба, акробатика, жонглерство.

Представление проходило под навесом большого открытого майхана, публика сидела под открытым небом.

Накануге артисты хоронили одного из товарищей, умершего здесь в Цэцэрлиге от, кажется, менингита. Место для могилы было выбрано очень удачно – холм к югу от Цэцэрлига, откуда открывается вид на поселок, монастырь и окружающие скалистые, облесенные горы. Картина живописная и не совсем обычная.

* * *

Предпринятая мною охотничья экскурсия дала представление о небольшом новом участке страны к югу от Хойту Тамира. Прежде всего необходимо отметить, что на участке между скалистым мысом ниже Мухур тээли (у его устья) и скалистым же островом на правом берегу Тамира, ниже моек, горы отступают от правого берега реки и образуют широкую (около 2-3 км) и ровную степную (*Stipa*) террасу. На этой террасе имеются следы очень старых оросительных канав. Галечные площади на ней мною не отмечены. Возникает предположение о возможности организации здесь крупных посевов. Плюсы: 1) Тамир, 2) близость Цэцэрлига, 3) возможность устройства плотины в Тамирских "воротах" и, следовательно, регулирования водоснабжения.

Об этих воротах следует сказать особо. Образованы они мысом, отгораживающим Цэцэрлиг от Тамира и упомянутым скалистым островом-останцом. Расстояние между ними невелико, и у цзаинцев уже появилась мысль о "Тамирстрое". Плюсы постройки плотины: 1) орошение упомянутой площади, 2) установка электростанции для освещения Цэцэрлига и для снабжения электроэнергией небольших полукустарных мастерских аймачного масштаба, мельницы и лесопильной установки.

До этого времени серьезных разговоров о возможности как сооружения плотины, так и посевов, по-видимому, не было. На этой же террасе находится несколько больших, хорошо сохранившихся кэрэксуров. Поднявшись по короткой, безводной в обычное время, облесенной вверху пади (Мухур могой?) мы перевалили в Ихэ могой, взяв влево. Ихэ могой изгибается и вершина его, носящая название Олон нурин гол, не направлена перпендикулярно Ихэ тээли, а отклоняется к югу. Берет начало она со скалистой, богатой россыпями (гранит?) вершины Улан чулу, являющейся водоразделом Цэнхэра, Могоя и Ихэ тээли. К северу от этой вершины расположена плоская болотистая седловина - перевал между верховьем

Олон нурин гола и крайним восточным истоком Ихэ тээли, падью Хонгилин байца. Эта последняя, имея расширенную довольно пологую и болотистую вершину, в дальнейшем суживается и имеет в средней своей части очень крутое падение. Ее левый водораздел, начинающийся от Улан чулу, несет на себе небольшую скалистую вершину Обогор хара и заканчивается большой округлой горой Шара булу. Гора эта как бы запирает собой с юга широкую долину нижней части Ихэ тээли. Выше слияния с ручьем Хонгилин байца эта речка, огибая Шара булу, сильно суживается, ее тесно обступают горы и она скрывается с глаз. Кроме Хонгилин байца она имеет еще несколько вершин. Линия Улан чулу - Субурга Хайрхан служит уже водоразделом между Цэнхэром и Ихэ тээли.

Ниже устья Ихэ тээли (устья долины, а не речки, потому что последняя долго следует параллельно Тамиру и впадает в него около уже упомянутого скалистого мыса ниже Мухур тээли) в долину Урду Тамира впадают еще Нарин тээли и Мухур тээли. Обе эти пади коротки (особенно последняя) и почти безводны. Ниже Хонгилин байца Ихэ тээли получает еще один приток справа – порядочный в данном году ручей, имени которого я не знаю. К северу от перевала Олон нурин гол – Хонгилин байца расположена вершина со скалами и россыпями. Ее имя – Хонгил. С нее хорошо виден Субурга Хайрхан и плато к северу от него, откуда берут начало пологие вершины речек (истоки Ихэ тээли?). На убуре Хонгиля мы убили изюбря. Такова географическая схема поездки. Интересен факт осеннего глухариного тока. Далее, нам очень повезло, так как при сравнительно небольшом количестве изюбря в Хангае вообще, в районе нашей охоты собралось не менее 5-6 быков, частью с матками. Ревели они почти круглые сутки, за исключением, может быть, нескольких часов в середине дня.

Коз в районе очень мало, в особенности по сравнению с Хэнтэем. Возможно, некоторую роль сыграла тяжелая весна этого года. Кабаньи следы нередки.

Монголы говорят, что и в Олон нурин ама когда-то русскими велась разведка на золото.

Лесная растительность сплошь лиственница. В верхнем поясе примесь кедра, лишь местами значительная. В долине Олон нурин гола отмечен остров ели. Сосны местные жители не знают совершенно.

Лес довольно густ, но качество его нельзя признать сплошь хорошим. Деревья, в общем малорослы и сучковаты. Словом оценка та же, что и в 1928 году относительно Хан-ундурского массива (см. мой дневник). Вверху по болотистым долинам речек - тальник и ерник. Увалы развиты сильно, как и везде в Хангае, но, вместе с тем и лесной покров представляется

достаточно мощным и ни в коем случае не угнетенным. Долина Ихэ тээли особенно богата хорошими кормами. Во всем районе, где возможно, - сенокосы (Ихэ тээли, Олон нурин гол и др.). Сена было накошено много.

На источник Боро тала мне попасть не удалось и я ограничился кое-какими расспросами по этому поводу. Пока я собирался, прислали поршни, и надо было собираться и уезжать. Поршни, между прочим, не подошли, и их пришлось обтачивать на случайно нашедшемся токарном (по дереву!) станке. В последний момент перед отъездом на юг я получил телеграмму, вызывающую меня в Уланбатор.

Из Цэцэрлига я выехал в Уланбатор, где задержался, впрочем, всего на сутки, и вместе с гидрогеологом П.М.Васильевским на его автомобиле выехал на юг, в Баян тухум.

Прожив в последнем несколько дней, мы с М.А.Симуковой приняли участие в небольшом разъезде на восток, совместно с П.М.Васильевским и геологом З.А.Лебедевой.

13-Х выехали в разъезд вокруг Цзун сайхана на “Бьюике” в составе П.М.Васильевского, З.А.Лебедевой, М.А.Симуковой, Цэбэга, меня и шофера. Ехали сначала по Шара цзам. От Баян тухума ведет постепенный подъем, восточный край тойрима остается южнее. Далее начинаются пологие холмы, идущие от Баян далая. Разобрать подробно рельеф в этом месте трудно. От Баян далая пошел постепенный подъем по ровной степи к холму Чиндамани, где была сделана небольшая остановка. Около этого холма дорога подходит к самому тальвегу ара хоолая Ихэ аргалинту. Хоолай этот тянется от западной оконечности холмов Булаган (там перемычка) по прямому направлению к Байшинту, с уклоном в ту сторону. По этому хоолаю есть ряд колодцев, помеченных еще Казнаковым: Чжимэгэр, Утугэр, Чиндамани, Хобур. Сайры, сбегающие с района Эхин хутуля, не сообщаются с этим тальвегом, а имеют сток в сторону Баян далая. Далее на восток идет подъем к Цаган голу. Сток района Шара амааа направляется, по-видимому, к головному участку Ихэ-аргалинтускогоара хоолая , находящемуся к востоку от Чиндамани. Тальвег здесь, между прочим, несколько расширяется. От Чиндамани мы свернули по прямому направлению на Цаган гол, без дороги. Вскоре попали на тропу, по которой ехали в прошлом году, и без затруднений добрались до ключа. Воды в нем гораздо больше, нежели в прошлом году. В дэрисе стоят две юрты. Прикочевали сюда с Охин-хутуля. От ключа мы поехали почти по старым следам 1930 года к восточной оконечности Хурмэина, выбрались затем на Шара цзам и поехали сначала по ней на восток. Вскоре подъехали к гряде низких пологих холмов, протянувшихся от Бага аргалинту по направлению к Улцзэйту ундуру. Наметилось подобие прорыва с дэрисом. Колодец

Тугуриг. Далее этот вариант дороги подымается к убуру Улцзэйту ундура и уходит, по-видимому, в седловину между ним и Ихэ номоганом. От этого колодца мы свернули к Ю., вдоль Ю.-В. склона холмов, без дороги. Вскоре выехали на второй вариант этого Шара цзама, уходящий к кл. Борцзон. Разделяются они, видимо, от Шулутуин хуриэ. Перевалив холмы, дорога эта проходит мимо колодца (название?) и очень скоро спускается в котловинку с ключом Эрдэни-булаг. Ключ этот и был целью нашего поворота к югу, вследствие слухов о каменном угле. Подъехали к нему мы после заката солнца и устроились на ночевку, отложив работу на завтра.

14-X. Почти весь день пробыли на Эрдэни булаге. Осмотрели его во всех смыслах основательно. Общая картина местности такова.

Ключ этот бьет в самом низком месте впадины, расположенной к югу от Улцзэйту ундура. Сюда сходятся сайры с этой группы и большой сайр тальвега долины между Дала уха и Ихэ номоганом (вернее его западная часть). К югу идет пологое повышение, составляющее как бы продолжение южного бэля Ихэ номогана. Ключ начинается среди бугристых песков у восточного подножья окраинных восточных холмов Бага аргалинту, протекает двумя руслами между отдельных холмов. В дальнейшем эти русла соединяются в одно. Русло это устремляется на юго-восток, проходит (вернее разрывает) две гряды холмов и направляется в убур хоолай Бага аргалинту. Характер окрестности ключа обычный. Бугристые донные пески с хармыком, немного дэриса, около ключа ирис. Начинается ключ двумя мочажинами и двумя русельцами на расстоянии, примерно, 150-200 м одно от другого. Выпоты хучжира.

Выехали с Эрдэни булага мы поздно, часа в 3 пополудни. Направились без дороги на восток, по направлению к Ихэ номогану. Доехав с двумя-тремя короткими остановками до северного подножья западной части этих гор, мы свернули на север, к южному подножью гряды Дала уха, к видневшемуся аилу. Аил этот стоял на колодце Гучин, через который проходит северный вариант Шара цзама. От аила мы поехали обратно по дороге. Как раз против вершины Улцзэйту ундур на дороге есть еще колодец. Осмотрев его, мы по той же дороге доехали до Тугурига, откуда свернули по прямому направлению к Цаган голу, где решили ночевать. Этот короткий разъезд дал представление о небольшом участке к югу от моего прошлогоднего маршрута. Основные черты его следующие. Небольшой и невысокий массив Бага аргалинту расположен на довольно обширном холмистом поднятии. Восточное крыло этих холмов, снижаясь и выклиниваясь, почти соприкасается с пологим, также выклинивающимся мысом, идущим к западу от группы Улцзэйту ундур. На месте их стыка в небольшой дэрисунной котловинке и расположен колодец Тугуриг.

Местность к югу от этой линии составляет самостоятельную котловину, наиболее низкое место которой - ключ Эрдэни булаг - расположено примерно к югу от Тугурига, в разрозненных окраинных холмах в части Бага-аргалинтуского поднятия. С юга место это загорожено пологой и низкой холмистой грядой-увалом, служащей как бы Ю.-В. продолжением упомянутого поднятия. Большой сайр, являющейся продолжением двух русел ключа Эрдэни булага, как бы прорывает, устремляясь на юг, это поднятие, отделяя упомянутую гряду-увал от собственно Бага аргалинту. Вся котловина, эта таким образом, имеет сток через Эрдэни булаг этим сайром в убур хоолай Бага аргалинту. Таким образом северную границу этой котловины составляет линия: восточные холмы Бага аргалинту - кол. Тугуриг - Улцзэйту ундур - Дала уха. Южную – упомянута гряда-увал, переходящая в плоское и широкое степное поднятие, составляющее как бы западное продолжение пьедестала Ихэ номогана. Западная часть этого хребта и составляет Ю.-В. границу описываемой котловины. На востоке рукав котловины втягивается постепенно повышающейся долиной между Дала уха и Ихэ номоганом. Примерно в районе Булаг сучжи долина эта имеет перегиб, который и является западным водоразделом описываемой котловины. В дальнейшем долина между горами Дала уха, Буур и Ихэ номоганом имеет скат на восток, к Хармагтаю. Восточным водоразделом служит поднятие Бага аргалинту.

Вся котловина имеет гладкую степную поверхность, покрытую в этом году прекрасным кормом. Сайры имеют сток к Эрдэни булагу, выход воды которого на поверхность объясняется таким образом весьма просто: подпором коренных пород (порфириты, аплиты и т.д.) в самом низком месте котловины. Ничего похожего на каменный уголь мы не нашли. Наоборот, ближайшие к ключу породы не дают основания предполагать, что он здесь имеется.

Эрдэни булаг в этом году обилен водой и вообще производит впечатление большого ключа. Аилов не видно. По берегам обильные выпоты хучжира. Бугристые донные пески с уже крупным здесь хармаком, гойо. Именно из этого ключа пили виденные нами в прошлом году у западной оконечности Улцзэйту ундура хуланы. С дичью было слабо. На ключе отмечены запоздалые утки, носились стайки бульдруков. Еще бегали ящерицы, летали <…>.

Переночевав в Цаган голе, мы обогнули Цзун сайхан с востока, заехали на Далан цзадгад, Бацзар и через Охин хутуль вернулись в Баян тухум. Прожив в последнем еще несколько дней мы с М.А.Симуковой на автомобиле ГВО выехали в Уланбатор, чем и закончилась моя экспедиционная работа 1931 года

(АИГМ № 116, машинопись) **1931 г.**

Работы Гобийской экспедиции НИК'а и ЭКОСО 1931 года
(за период с 13/VI по 13/VII)

1. В целях отыскания места для аймачного центра Южно-Гобийского аймага произведен объезд этого аймага по маршруту Сангин далай – Дэлгэр хангаяй – Шарангутай – Докшихо – Шанхай ула – Далангийн гол - кл. Бацзар – Баян тухум - Дэлгэр хангаяй общим протяжением до 1000 км. В результате этого объезда новый центр аймага намечен в местности Далангиин гол. Эта наметка согласована на двух специальных собраниях с активом (вернее, пленумом) аймачных работников и аймачных парт- и профорганизаций, которыми и вынесено соответствующее постановление, направляемое в Правительство и ЭКОСО. Новое место изучено с точки зрения путей сообщения, центрального положения в аймаге, сосредоточия населения, экономического тяготения, климата, растительности и кормов, почвы, воды и топлива (найден по указанию местного населения и осмотрен каменный уголь).

2. По указанному маршруту и некоторым боковым разъездам сделана топографическая съемка в масштабе 2 км в 1 см (1:200.000) на протяжений 700 км по маршруту, захватывающая площадь до 12.000 кв. км. Съемка эта удачно пересекает и тем самым связывает целый ряд старых и новых съемок, позволяя их проверить и увязать в общую сводку.

3. По всему маршруту дано подробное географическое описание с указанием растительности, распределения осадков к моменту поездки, заметками о фауне, населении и т.д. В описании, на основании данных этой экспедиции, прежних экспедиций НИК'а и литературы, сделан ряд важных географических обобщений, впервые дающих ясное представление о районе в 15.000 кв. км, т.е. об 1/10 всей МНР, до сих пор освещенном слабо.

4. Полностью выявлены все большие дороги Южно-Гобийского аймага

(2 меридианальных и 7 широтных), намечен вариант новой дороги из Уланбатора к новому месту для аймага.

5. Отмечен ряд новых месторождений полезных ископаемых (большей частью по перекрестным расспросам): каменного угля - 7, горючего сланца - 1, золота - 1. Одно месторождение каменного угля осмотрено и взяты образцы.

6. Проделена небольшая работа по экономике – подтверждено влияние географическо-ландшафтного фактора на состав аратского стада в сомонном разрезе (до сих пор это же было сделано мною в хошунном разрезе).

7. Собран небольшой фотоматериал.

8. Собраны данные по вопросам товароснабжения, о положении местных колхозов и т.д.

9. Записан ряд местных терминов по ботанике, зоологии, собран небольшой материал по кочевкам.

10. Дан ряд заметок по разным мелким вопросам (границы новых сомонов и т.д.) и собраны некоторые коллекционные объекты по зоологии и ботанике.

Мною за месяц покрыто до 2500 км маршрута, из них до 700 км верхом, остальное на автомобиле. Дневник включающий все записи, занимает до 150 страниц.

15/VII, Уланбатор.

Кроме этой сводки мною дан в ЭКОСО подробный (на 10 страницах большого формата) доклад о работе по отысканию нового центра Южно-Гобийского аймага.

(АИГМ №116, автограф, машинопись) **1931 г.**

Работы Гобийской экспедиции НИК'а и ЭКОСО 1931 года
(за период с 15 июля по 1 сентября)

Во время моей поездки в Уланбатор для доклада ЭКОСО о новом центре Южно-Гобийского аймага и для увязки моей работы с работами отрядов АН СССР, работа остальных сотрудников сводилась к следующему:

1) В.Д.Якимов производил обследование местных колхозов и молочности местного скота (Дэлгэр хангаяй);
2) М.А.Симукова гербаризовала местную флору (там же);
3) С.М.Ураков обрабатывал мою съемку по Южно-Гобийскому аймагу (в Уланбаторе).

28-го июля я выехал из Уланбатора на соединение со своим отрядом в Дэлгэр-Хангай, куда прибыл 29-го, перебросив туда же попутно на автомобиле экспедиции ботанический отряд АН СССР. 30-го июля экспедиция в полном составе выехала на юг и 31-го прибыла в Гурбан сайхан (Баян тухум), где стала лагерем. В ожидании автомобиля, ушедшего снова в Дэлгэр хангаяй для переброски в Гурбан сайхан же ботанического отряда, я занимался приведением в порядок материалов и организацией базы для своего отряда и отрядов АН СССР. Местный кооператив отдал в наше распоряжение юрту для базы, сомонное управление разослало вызовы лицам, намеченным в проводники и рабочие, с управлением же я договорился о доставке отрядам верблюдов и лощадей по твердым ценам. Кроме того я вместе с М.А.Симуковой провел несколько экскурсий в окрестностях Баян тухума по сбору кормовых площадок и написал инструкцию по этому вопросу. В.Д.Якимов занимался изучением местного колхоза и взвешиванием удоев местного скота. 3-го августа вернулся автомобиль экспедиции с ботаническим отрядом.

4-го всей экспедицией была совершена экскурсия для сбора фотоматериала, кормовых площадок, охоты и для ознакомления с характером гор в хребте Баян цаган, откуда вернулись 5-го.

6-го августа багаж экспедиции был перевезен на базу в юрту, куда и переселилась М.А.Симукова с рабочим Бацзаром. За время моей и В.Д.Якимова поездки в Алтайский аймаг, она должна, следуя данной ей

мною инструкции, сделать с целью сбора кормовых площадок ряд разъездов (в 6-ти направлениях), радиусом до 30-40 км, имея базу в Баян тухуме.

С.М.Уракова я послал в легкий разъезд на верблюдах с одним проводником по маршруту Баян тухум – хр.Цзолэн – седловина между горами Цзурумтай и Дэнг, затем на восток по равнине вдоль южного склона гор Цзурумтай, Ихэ аргалинту и Бага аргалинту до кол. Тугуриг, откуда по Цончжийн цзам снова в Баян тухум. Цель разъезда – восполнение пробелов 10-ти верстной карты Гурбан сайханского района. Общее протяжение маршрута – от 250 до 300 км. По окончании разъезда он должен поступить в распоряжение топографов гидрогеологического отряда. Выехал С.М.Ураков 6-го августа.

Этого же числа мы с В.Д.Якимовым, шофером А.Вагаповым и рабочим-переводчиком Климовым, взяв лишь самое необходимое, выехали на экспедиционном автомобиле на запад, по направлению к Хан тайшири. Избранный мною маршрут на монастырь Амор буянту (бывший Юм бэйсэ) вдоль северного склона цепи Цзолэн – Сэбэрэй – Гильбэнт – Нэмэгэту - Алтан ула и далее вдоль южного склона гор Ихэ баян цаган – Цаган халга – Чжинсэту оказался чрезвычайно трудным для автомобиля и опасным для нас вследствие полного безлюдья (за исключением первых 100 км) и значительных безводных пространств. Пришлось пережить несколько очень тяжелых часов, когда в томительный жар (до + 40°С в тени) автомобиль поминутно останавливался из-за кипевшего радиатора и скверной дороги, запасы воды истощились и мы жестоко страдали от зноя и жажды, так как, желая сберечь воду для радиатора, не пили, а, следовательно, и не ели уже сутки, да и накануне пили далеко недостаточно До колодцев же, известных мне по моей экспедиции 1927 года, оставалось еще далеко. В конце концов пришлось идти на крайнюю меру и залить в радиатор бензина. Выручил нас сильный ливень, образовавший местами лужи, у одной из которых мы и остановились, не доехав около 3-х км до одного колодца и около 5-7 км до другого. В дальнейшем дорога, делавшаяся с каждым километром все труднее и труднее, заставила нас изменить маршрут и свернуть к северу, миновав лишь Ихэ баян цаган и не доехав до мон. Амор буянту около 120 км. Случайно найденный удобный перевал через широкую холмистую гряду, частью которой является упомянутый хребтик, вывел нас в район к югу от Ихэ богда, где мы без труда выбрались на старый китайский тракт Хобдо - Хуху хото, по которому и доехали до Биггэр нура, откуда, взяв проводника, без труда, но по скверной дороге добрались до Хан тайшири. От Баян тухума до Биггэр нура мы ехали без проводников, руководствуясь личным общим

знанием местности. Расстояние от Баян тухума до Хан тайшири по нашему маршруту получилось около 850 км, покрытых нами в 10 суток, из которых пять мы не видели людей.

По всему маршруту мною велась топографическая съемка, вычерченная в масштабе 4 км в 1см (1:400.000) и захватывающаяся весьма значительный по площади район. Кроме того велся подробный географический дневник, занимающий до 100 стр. обычного формата тетради. В.Д.Якимовым попутно был обследован колхоз на Биггэр нуре и в некоторых местах взвешены удои местного скота.

Прибыв в Хан тайшири 16-го августа, мы сразу же приступили к выполнению задания ЭКОСО по определению места для постройки аймачного центра Алтайского аймага. 17-го провели собеседование по этому вопросу с некоторыми работниками аймага.

18-го мы с В.Д.Якимовым, поминструктора аймконторы МНЦК и представителем аймпарткома выехали на автомобиле МНЦК в разъезд по аймагу для осмотра подходящих для постройки центра мест. 21 августа мы вернулись из этого разъезда, покрыв около 300 км по маршруту Хан тайшири – Шаргин гол – Халюн – Намалцзаха - Дуту даба - Хан тайшири.

Местом центра Алтайского аймага избрана речка Халюн (см. мой доклад о новом центре, посылаемый одновременно с этим отчетом в ЭКОСО). По всему маршруту мною велась топографическая съемка в том же десятиверстном масштабе, увязанная с предыдущим маршрутом. По-прежнему велся подробный географический дневник, собран небольшой фотоматериал. 22-го я сделал доклад о новом центре на собрании аймпартактива, на котором наша работа была вполне одобрена и избранный центр утвержден. 23-е число посвящено писанию доклада в ЭКОСО и настоящего отчета. 24-го я собираюсь выехать в Баян тухум северным путем через Цзак-Байдараг и Ламаин гэгэн. В Гурбан сайхан надеюсь прибыть не позднее 1-го сентября. Вследствие вышеупомянутых задержек, я счел нужным послать из Хан тайшири в Баян тухум срочного гонца с письмом, определяющим срок моего прибытия. По всему обратному пути предполагаю вести съемку и такой же подробный дневник, иллюстрированный фотоматериалом. В.Д.Якимов и Климов оставят наш автомобиль в Цзаг байдараг и направятся прямо в Уланбатор.

Всего с 28-го июля мною покрыто до 1850 км и до 1-го сентября должно быть покрыто еще от 900 до 1000 км. Сотрудниками своими я вполне доволен.

23/VIII-1931 г. Хан тайшири **(А.Симуков)**

(АИГМ № 64, машинопись) **1932 г.**

План Гобийской экспедиции Научно-Исследовательского Комитета 1932 года

1. Общие установки

Текущий год должен быть заключительным для общего исследования гобийской части МНР, проводившегося Географическим Кабинетом НИК-а в течение ряда лет (1927,1929, 1930, и 1931 годы). До этого года исследования сосредоточивались главным образом на территории Южно-Гобийского аймага. Соседние районы были охвачены лишь частично (гобийская часть Убур-Хангая - в 1927 г., Восточно-Гобийский аймаг - в 1929 г., Алтайский - в 1931 году).

Выполнение поставленного выше условия возможно лишь при большом напряжении, так как необходимо осмотреть весьма большую площадь. Правда, изучение этой площади (см. маршрут) облегчается наличием большого опыта по исследованию Гоби, накопленного в прошлые экспедиции.

Изучению необходимо подвергнуть: южную часть Восточно-Гобийского аймага, южную часть Убур-Хангайского аймага и Алтайский аймаг.

Географический Кабинет НИК-а считает, что выбор указанных районов для работ этого года оправдывается следующими соображениями.

1) Гобийские аймаги являются наиболее отсталыми в хозяйственном отношении.
2) Перестройка хозяйства этих аймагов требует особенно тщательного изучения естественных условий, ввиду специфичности этих последних.
3) Естественные ресурсы гобийских аймагов все еще мало изучены, тем более, что аймаги эти стравнительно редко посещаются квалифицированными хозяйственниками по линии животноводства, земледелия и общей экономики.
4) Необходимо полностью использовать богатый опыт прошлых лет и закончить раз начатое дело.

2. План работы

a) Маршрут

Юго-восточный район: Уланбатор - Далай сайн шанда – Удэ - Хубсугул сомон – Соланг хэрэ - Наран булаг сомон - Далай сайн шанда.
Отсюда либо возвращение в Уланбатор, либо движение на запад, через Южно-Гобийский аймаг (Далан цзадагай) в южную часть Убур-Хангайского аймага.

Юго-западный район: Уланбатор (или Южно-Гобийский аймаг) - низовья Онгиин гола – Тацин цаган нур - Орог нур - низовья Байдарага – Биггэр нур – Шаргиин Гоби – Алаг нур – Аджи богда- Цхазой Цзарман – Амор буянту хуриэ – Орог нур - Уланбатор.
Общее протяжение основного маршрута (включая нерабочие пробеги от и к Уланбатору) - 4500 км, с заездом в Уланбатор из Восточно-Гобийскогко аймага и 4000 [км] - без заезда (т.е. через Южно-Гобийский аймаг). С боковыми разъездами общее протяжение маршрута должно быть до 5000 км.

b) Задания

1) Общее географическое описание местности по маршруту.
2) Топографическая съемка.
3) Картирование пастбищных типов и определение их кормовой производительности. Изучение их состава.
4) Изучение и обмеры ключей и колодцев.
5) Изучение гобийских речек (низовья рек Убур-Хангая, Шаргаин гол) и вопрос об их использовании.
6) Изучение больших ключевых урочищ (главным образом в Алтайском аймаге).
7) Изучение условий и методов скотоводства, кочевок, использования кормов и т.д.
8) Изучение существующего земледелия в Гоби (Убур-Хангайский и Алтайский аймаги). Перспективы развития земледелия.
9) Охотпромысел, его размеры и характер, промысловая фауна, ее биология, количество и т.д.
10) Регистрация полезных ископаемых.
11) Геологические наблюдения. Нанесение их на карту.
12) Пути сообщения.
13) Изучение вопроса о засухе.
14) Сбор фотоматериала.

15) Сбор различных объектов для Музея.

3. Срок работы, средства передвижения и состав экспедиции

Большой план, приведенный выше, требует и большого срока работы. Начать ее следует не позже середины июня, а предположительное окончание отнести на конец сентября – начало октября. Максимальный срок - 4 месяца.

Средством передвижения должен быть грузовой автомобиль грузоподъемностью до 2 тонн.

Боковые разъезды могут быть совершаемы верхом на лошадях и верблюдах. Бензина потребуется около 100 пудов.

Состав экспедиции намечается следующий: руководитель-географ, топограф, коллектор по кормам и ботанике (он же фотограф и наблюдатель по геологии), шофер.

4. Смета

Основные части сметы – оплата персонала и транспорт. Ориентировочно требуемые суммы сводятся к следующему:

1. Суточные географу, топографу и шоферу (4 мес.)	1600 тугр.
2. Зарплата коллектору-фотографу (4 мес.)	800 тугр.
3. Расходы на транспорт (не считая стоимости автомобиля) - бензин, масло и т.п.	1500 тугр.
4. Разъезды (верхом) и проводники	300 тугр.
5. Дополнительное снаряжение	300 тугр.
	Итого: 4500 тугр.

Возможен некоторый перерасход, но во всяком случае общая сумма не превысит 5000 тугриков.

5. Предполагаемые результаты

а) Необработанные материалы.

1. От 4 до 5 тысяч километров съемки по маршруту (или от 70 до 100 тысяч кв. километров съемки по площади) - работа топографа.
2. Не менее 1000 страниц общего дневника, включающего записи по всем вопросам, перечисленным в плане работ - работа руководителя.
3. Определение состава и сырого и сухого веса не менее 300 пробных

укосных площадок – работа коллектора.

4. Производство не менее 300 фотоснимков – работа коллектора.
5. Гербарий и зоологические объекты для музея.

b) По обработке,

В связи с материалами прошлых лет, должен быть дан полный очерк трех гобийских аймагов, иллюстрированный фотоснимками и подробной картой, включающий детальную работу по гобийским кормам и пастбищам, составленную по материалам 3-х лет (на основе 500 укосных площадок) и ряд статей по другим специальным вопросам.

1932 г. 1/VI
Уланбатор

(АИГМ № 118, машинопись) **1932 г.**

А.Симуков

Краткий предварительный отчет о работах Гобийской экспедиции 1932 года

По первоначальному плану Гобийская экспедиция 1932 года должна была завершить работу по общему исследованию южной окраины МНР, производящуюся с перерывами с 1923 года и планомерно – с 1930 года. Соответственно этой задаче и был построен маршрут, захватывавший плохо известные участки и восполнявший пробелы в топографической съемке района.

Вследствие ряда обстоятельств (главным образом запоздалый выезд на работы и неприбытие в Убур-Хангай заказанного бензина) план этот пришлось изменить, выбросив совершенно Алтайский аймаг и уделив соответственно больше внимания Южномй Гоби и Убур-Хангаю. Поэтому первоначальное задание экспедиции нельзя считать выполненным полностью.

Состав экспедиции в текущем году был сокращен до минимума и состоял первоначально из 3-х человек (руководитель и географ Симуков А.Д., коллектор Симукова М.А. и шофер Вагапов А.А.). В Южно-Гобийском аймаге был нанят рабочий, сопровождавший экспедицию до Уланбатора.

Средством передвижения служил в основном грузовой 2-тонный автомобиль марки “Бедфорд”. Некоторые боковые разъезды были сделаны верхом, на лощадях и верблюдах.

Экспедиция выехала 10-го августа 1932 года и вернулась 30-го октября того же года. Руководитель экспедиции, закончив некоторые дополнительные работы вернулся в Уланбатор 10-го ноября.

Работы экспедиции заключались в следующем.

1. Буссольная глазомерная топографическая съемка, по возможности площадная.
2. Подробный дневник, заключающий в себе географическое описание по маршруту и заметки по различным вопросам, затронутым работами

экспедиции.

3. Картирование пастбищных типов, определение кормовой производительности пастбищ, видового состава, описание их характера и значения в местном скотоводческом хозяйстве.
4. Геологические заметки по маршруту со сбором образцов.
5. Ряд мелких работ – сбор фотоматериала, промеры колодцев и т.д.

* * *

Первой задачей экспедиции, согласно плану, было меридиональное пересечение южной половины Восточно-Гобийского аймага для определения общего характера этого района, почти не посещавшегося исследователями. Пересечение было совершено по маршруту Далай сайн шанда - Хубсугул сомон - Агарутэ сомон - Хатон булаг сомон.

Маршрут этот по характеру местности разбивается на три неравномерных участка.

Первый участок- от Далай сайн шанды до равнины Баянгиин гоби. Здесь небольшие замкнутые впадины с тойримами (днища временных озер) на дне разделены сетью холмистых гряд, частью скалистых, частью пологих, с мягкими очертаниями, Таким образом участок этот всецело принадлежит к “области тойримов”, выделенной С.А.Кондратьевым на основании работ 1929 года.

Область эта ограничена с севера линией депрессий Центральной впадины, непрерывность которой в этом районе еще плохо выяснена. На западе “область тойримов” упирается в северо-восточный угол Шанхайского нагорья в районе монастырька Баян булаг.

Как абсолютные, так и относительные высоты этой местности невелики (для Монголии, конечно). Высотные ее лимиты по грубым предварительным подсчетам – от 900 до 1100 м абс. Отдельные вершины поднимаются, может быть и несколько выше.

Растительность этого района определяется в основном рельефом и абсолютной высотой. В депрессиях развиты ассоциации мелко-кустарниковой пустыни и тойримов. На возвышенностях преобладает травянистая полупустыня. Ключей на этом участке не встречено. Колодцев мало. Большие участки песков не отмечены.

К югу от области тойримов залегает обширная равнинная депрессия Баянгиин гоби. В месте нашего пересечения она достигает 40 километров ширины. Самое низкое ее место, отмеченное но маршруту, достигает всего 800 метров абс. Западной окраины ее определить не пришлось. Основываясь на маршруте 1929 года можно преположить, что на востоке она заканчивается примерно на меридиане Далай сайн шанды. На запад же

депрессия эта уходит весьма далеко. Некоторые данные говорят за то, что она ограничивает с юга всю область тойримов, так же упираясь в Шанхайское нагорье. Но пока это положение я выдвигаю лишь как гипотезу.

В Баянгиин гоби нами отмечены главным образом крупно-кустарниковые песчано-пустынные и, отчасти, мелкокустарниковые полупустынные ассоциации. В самых низких местах встречаются поросли саксаула.

К югу от депрессии Баянгиин гоби и до Хатон булаг сомона включительно расположена весьма сглаженная возвышенность, высшие точки которой не превышают 1100-1200 м. По ней разбросаны небольшие скалистые грядки. Возвышенность эта пересечена местами широкими и пологими неглубокими долинами. Высоты тальвегов этих депрессий на нашем маршруте не опускались ниже 900 метров. Таких долин нами пересечено три. Необходимо отметить, что направление всех крупных форм рельефа на данном пересечении Восточной Гоби не нарушает общемонгольского закона, являясь, грубо говоря, широтным, с небольшим уклоном к С.-В.

Как и следовало ожидать, преобладающим типом растительности этого участка являются ассоциации травянистой полупустыни. Местами вкраплены пятна задерненных песков. Прочие ассоциации редки и не занимают значительных площадей.

Я назвал бы эту возвышенность “Хубсугульской”, по имени небольшой горной гряды Гурбан хубсугул, расположенной в западной ее части. Осмотр горизонтов с возвышенных пунктов по маршруту показал, что к западу от гряды Гурбан хубсугул намечается равнинная депрессия. Я склонен считать ее продолжением Баянгиин гоби.

Колодцы по маршруту были весьма немногочисленны, хотя большая его часть пролегала по одному из старых больших китайских трактов. Ключ встречен был лишь один - около Агарутэ сомона. Следует отметить почти полное отсутствие дэрисунных порослей на всем вышеописанном пересечении.

Второй задачей экспедиции была увязка меридиального пересечения Восточной гоби с работами 1930 и 1931 годов в юго-восточном углу Южно-Гобийского аймага с попутным беглым осмотром юго-западной окраины Восточно-Гобийского аймага. Эта задача была выполнена прокладкой маршрута Хатон булаг сомон - Галба сомон (Южная Гоби) - гора Галба хайрхан. Местность к югу и юго-западу от Хатон булаг сомона меняет свой характер. Хубсугульская возвышенность переходит в

скалистую пустыню, где мелкие скалистые гряды широтного направления перемежаются с долинами этого же направления. Вероятно, что этот характер местность сохраняет до государственной границы.

Соответственно этому растительность сразу же принимает пустынный характер. Основным фоном являются мелкокустарниковые ассоциации. Другие типы растительности случайны и редки. Таким образом, на основании работ 1929 и 1932 годов мы можем дать нижеследующую предварительную разбивку Восточно-Гобийского аймага на географические участки.

1. Весь северо-западный угол аймага до колодца Сайн усу по юго-восточному тракту занят восточной половиной Средне-Халхасской возвышенности с наиболее высокой точкой в Чойрине (1420 м), фактически уже за пределами аймага. Характеристика этой возвышенности была дана в отчете по экспедиции 1931 года, поэтому повторять ее здесь я не буду. Напомню лишь, что основным типом растительности Средне-Халхасской возвышенности является степь. Но в пределах Восточно-Гобийского аймага чистая ковыльная степь почти отсутствует, сменяясь переходной к полупустынным комплексам полосой. На пересечении Чойрин - Сайн усу, гобийские лук и ковылек (тана и хилагана) перемешаны с полынями, несколькими мелкими злаками; местами встречаются островки ковыля. По низинам еще за 80 км к северу от Сайн усу начинает попадаться улан бударгана. Тем не менее, как и было отмечено в 1929 году, истинной северной границей пустынных и полупустынных комплексов (главным образом первых) является Центральная впадина.

2. Это последняя, как указывалось еще в отчете за 1931 год, узкой полосой котловин окаймляет с юга Среднехалхасскую возвышенность и в пределах Восточно-Гобийского аймага выяснена еще недостаточно.

3. К югу Центральной впадины залегает “область тойримов”, очерченная выше.
   Далее к югу следуют:

4. Восточно-Гобийская равнина (так можно назвать Баянгиин гоби);

5. Хубсугульская возвышенность и, наконец,

6. Южный скалисто-пустынный участок.

Суммируя данные о растительном покрове всего аймага в целом, мы приходим к выводу, что большая часть пастбищ относится к типу ковыльково-луковой полупустыни и очень близкой ей здесь по составу обедненной степи.

Этот тип пастбищ занимает 60-75% всей площади аймага (предварительный подсчет), остальные 35-40% падают на долю мелкокустарниковой и крупнокустарниковой пустыни. Таким образом в качественном отношении пастбища Восточной Гоби стоят высоко. Вместе с тем преобладание ассоциации травянистой полупустыни делает кормовой фонд аймага крайне неустойчивым, ставя его в большую зависимость от засух, во время которых больше всего страдают именно эти ассоциации. Отсутствие горных массивов, концентрирующих влагу, растительность которых в засуху страдает не так сильно, как в мелких холмах или на равнинах, равно как и отсутствие больших ключевых урочищ и больших зарослей дэрисуна лишают местное скотоводство и этих слабыех точек опоры при засухе, ставя скот целиком под удары последней. В этом отношении Восточно-Гобийский аймаг МНР стоит на последнем месте.

* * *

В отношении годности очерченных выше географических участков Восточно-Гобийского аймага для разных видов скота укажем следующее.

1. Северо-западный угол аймага (Среднехалхасская возвышенность) годен преимущественно для разведения ***овцы,*** затем лощади и, отчасти, верблюда.
2. Котловины Центральной впадины - почти исключительно для верблюда и козы.
3. Область тойримов - верблюд, коза, овца.
4. Восточно-Гобийская равнина - верблюд, отчасти коза.
5. Хубсугульская возвышенность - овца, лошадь, верблюд, коза.
6. Южный пустынно-скалистый участок - верблюд, коза.

Расспросы о засухах показали, что в южной части аймага (Хубсугульская возвышенность и южный скалисто-пустынный участок) более или менее засушливый период продолжался свыше 20 лет и только в 1931 и 1932 г.г. прошли действительно хорошие дожди. Правда, в середине этого 20-летнего периода выдались один-два года со средними осадками. По центральному району аймага сведения ограничиваются последними тремя годами. 1930 г. – осадки ниже среднего, 1931 г. –

поздние осадки тоже ниже среднего, 1932 г. - поздние (первый дождь 11-го июля) средние (?) осадки.

Таким образом, краткая характеристика Восточно-Гобийского аймага выразится в следующих положениях.

1. Восточно-Гобийский аймаг расположен между 108-м и 112-м меридианами восточной долготы от Гринвича и 42-м и 46-м градусами северной широты, занимая крайний юго-восточный угол Монгольской Народной Республики.
2. Рельеф его территории имеет в сильной степени сглаженный характер, приближаясь на многих участках к пенеплену. Относительные высоты незначительны, не превышая 200-300 м. Абсолютные высотные лимиты – 750 и 1300 м (Центральная впадина у Сайн усу и Среднехалхассая возвышенность близ Чойрина). Направление основных форм – широтное, с уклоном к северо-востоку[1)].
3. Климат сух и континентален. Район подвержен засухам больше всех других районов МНР. Естественных водоемов почти нет. Ключей очень мало.
4. Почвы аналогичны гобийским почвам вообще (см. отчеты Б.Б.Полынова и В.И.Лисовского за 1926 г.). Пески (почти исключительно закрепленные) развиты, может быть в несколько большей степени, нежели в прочих гобийских районах.
5. Растительность, в основном, гобийского типа. Преобладает травянистая полупустыня и обедненная степь. Амплитуда кормовой продукции аймага должна быть поэтому весьма значительной. Возможности непосредственной заготовки кормов почти отсутствуют.
6. Промысловая фауна бедна видами. Горные копытные крайне редки.
7. Основная масса населения сосредоточена в северной трети аймага. Центральная часть и, особенно южная треть, населены редко.
8. Ведущими видами скота (скотоводство – основное и почти единственное занятие населения) являются верблюд и, отчасти коза.
9. Скотоводство пастбищное, экстенсивное и несомненно еще довольно долго будет таковым, так как природные предпосылки к его интенсификации отсутствуют, а коренное изменение условий содержания скота возможно лишь при больших капитальных затратах

1) О геологии Восточно-Гобийского аймага см. отчеты И.П.Рачковского и отдельный отчет М.А.Симуковой.

на создание искусственных кормовых баз, при отсутствии наружных естественных водоемов.

10. Крупных населенных пунктов, кроме аймачного центра, нет. Удобных путей сообщения мало. Большинство дорог пересекает территорию аймага по диагонали с северо-запада на юго-восток.

В районе Галба сомона Южно-Гобийского аймага установлено следующее. Между выдвинувшейся к востоку частью южной гряды Шанхайского нагорья (Галбаин хяр и Цокцолаин хяр) и юго-западным мысом Хубсугульской возвышенности (если считать за таковую горы у ключа Хатон булаг и расположенные далее к западу по этой линии) существует желобообразный проход, соединяющий Восточно-Гобийскую равнину с котловинами к югу от Шанхайского нагорья (Галбаин гоби, Дайчин гоби, Цзаг сучжиин гоби). Проход этот резко ограничивает Шанхайское нагорье с юга-востока.

Отмечу чрезвычайное обилие (до тысячи) крупных ильмов (хайляс, *Ulmus pumila*) в одном из сайров у южного подножья Галбаин хяра (Бага мото).

Галбаин хяр мы пересекли значительно восточнее пересечения 1930 г. (Ундагиин гол), на меридиане горы Галба. На новом пересечении гряда эта состоит, в основном, из сильно разрушенного гранита. Водораздел находится почти у северного края гряды. Северный склон очень короток и относительно невысок.

На северном склоне Галбаин хяра мы выехали на маршрут 1931 года и без работы пересекли этим маршрутом юго-восточную часть Южно-Гобийского аймага до аймачного центра.

Третьей задачей экспедиции было восполнение ряда пробелов в карте южной окраины Южно-Гобийского аймага, что и было выполнено путем разъезда из аймцентра к южной границе. В этом разъезде принимал участие начальник Гобийской партии геолого-разведочной экспедиции Минторгпрома гидрогеолог А.А.Маккавеев, с которым мы встретились в Далан цзадагаде.

Маршрут был следующий: Далан цзадагай – кл. Баян (лагерь А.А.Маккавеева) - Цаган гол – Булган сомон – мон. Эхин цзаг - мон. Улан эрги – пост Улан тологой – пост Улан дэль – мон. Байшинту – кл. Баян. Кроме того мы сделали отдельный заезд в горы Цзурумтай. В результате этого разъезда я получил, в соединении с работами прошлых лет, сплошную площадную съемку южной части Южно-Гобийского аймага и полное представление о топографии и общем характер этого района.

Выяснена связь между горной группой Цохио и грядой Хонгорчжи через горы Хундус, что позволяет выделить эти постепенно затухающие к западу гряды, ограниченные с востока котловиной Борцзон гоби, в особый рельефный участок, который может быть охарактеризован как гористая пустыня. Весьма вероятно, что участок этот простирается на юг, уже за пределами Республики, до котловины Гойцзо, заполняя собой самую южную оконечность МНР. Направление крупных форм рельефа этого участка, как и следовало ожидать, в основном широтное. От южной цепи Гобийского Алтая группа Цохио - Хонгорчжэ отделена широким рукавом равнины, залегающей между горами ноян Богдо и Эцзингольскими озерами. На меридиане гор Барун цохио рукав этот переходит в плоскую и широкую перемычку-седловину, откуда далее на восток идет уже спуск в Борцзон гоби.

В различных местах этой равнины есть пески и большие поросли саксуала.

В отношении растительного покрова участок Цохио - Хонгорчжи является смешанным (в связи с пересеченностью рельефа). Горы заняты ассоциациями травянистой полупустыни, в холмах и долинах преобладает мелкокустарниковая полупустыня и, местами, кустарниковая пустыня.

Одной из задач этого разъезда был, кроме того, беглый осмотр свинцового месторождения близ г. Булган. Осмотр обнаружил вполне промышленные запасы свиновцых руд, местами с очень богатым содержанием чистого металла (по глазомерному определению Маккавеева - до 20%). Расспросы показали, что таких месторождений имеется несколько. Так, в районе г. Булган их три (в непосредственной близости от горы к Ю.-В., затем несколько дальше к югу и км в 30 к Ю.-В., в горной группе Далан). Кроме того, одно месторождение имеется на западе, в горах Хонгорчжи. Всеми этими месторождениями пользовались монголы, выплавляя свинец для своих нужд. Геологическую характеристику месторождения см. у А.А.Маккавеева в его отчетах и заметках.

На северном склоне гор Цзурумтай нами были обнаружены пласты горючего сланца, гипса и 4-метровый пласт бурого угля, по слухам известный мне еще с 1930 года. Помимо работ, непосредственно касающихся экспедиции, мною во время пребывания в лагере Гобийской партии была оказана А.А.Маккавееву помощь в смысле установления тесной деловой связи с местными властями и населением.

По возвращении в Далан цзадагай экспедиция выехала в северо-западном направлении в Убур-Хангайский аймаг. На участке между хребтами Гурбан сайхан и восточной оконечностью хребта Арца богда был обнаружен ряд ключей, вытекающих из-под полого опускающейся к

северу от хр. Барун сайхан террасы, круто обрывающейся в глубокую котловину озера (большей частью сухого) Онгиин улан нур.

Таким образом, в долине к северу от Сайханской цепи, начиная от ключей Далан цзадагай, на юго-востоке мы имеем ключи, расположенные со сравнительно небольшими интервалами, и питающиеся подпочвенной влагой за счет конденсации атмосферной влаги высокими хребтами Гурбан сайхан. Ключей этих насчитывается до 10. В год с хорошими осадками ключи эти в общей сложности должны давать не менее 50 литров в секунду. Каптаж их может увеличить эту цифру вдвое. Иначе говоря, в течение вегетативного периода каптированные источники эти могут дать в лучшем случае до 1.000.000 кубометров воды.

Четвертой и самой большой задачей экспедиции было исследование гобийской части Убур-Хангайского аймага. Исследование это было выполнено в два приема.

Проехав вдоль северного подножья гор Арца богда до Хобдо сомона Убур-Хангайского аймага, экспедиция сделала разъезд на южный склон Арца богда, обогнув этот хребет с запада. С ряда возвышенных точек был произведен детальный осмотр и топографическая съемка огромного района между цепью Бага богда - Арца богда и цепью Сэбэрэй - Нэмэгэту, захваченного в его южной части моим маршрутом 1931 года.

Основные черты этого района следующие.

На южном бэле гор Арца богда, на некотором расстоянии от этого хребта, тянется разорванная линия скалистых гряд, сложенная известняками и глинистыми сланцами. Группа Дулан богда принадлежит именно к этой линии. Пространство между этой линией и западной оконечностью гор Баян боро нуру изборождено отдельными мелкими грядками и одинокими горками, частью вулканического (горки Цзосту) происхождения. Западнее, на меридиане хребта Бага богда, расстилается огромная щебнистая равнина, покатая к югу, а на севере непосредственно переходящая в бэль Бага богда. Южная часть этой равнины суживается в желобообразный рукав, разделяющий восточную оконечность гряды Баянгин нуру (Ихэ- и Бага баян цаганы) от находящейся на той же широте (а, следовательно, и на широте возвышенности Ирэн) расплывчатой группы холмов Барун- и Цзун шорголга. Далее к югу рукав этот соединяется с глубокой котловиной, расположенной к северу от гор Гильбэнт (цепь Сэбэрэй - Нэмэгэту). Котловина эта является, по-видимому, наиболее пониженным местом всего описываемого района. Именно в ней в 1931 году Б.Чудиновым были найдены многочисленные остатки ископаемой позвоночной фауны.

Я считаю возможным выдвинуть гипотезу, что эта котловина является

местом стока всех подземных вод очерченного выше огромного района, к которому прибавляется еще широкая долина между грядой Баянгин нуру и хребтом Ихэ богда, уходящая далеко на запад. Весь этот огромный бассейн очень беден наружными водоемами. Ключей почти нет. Они разбросаны по периферии района. В центральной части его редки и колодцы. Вся эта равнина занята преимущественно пустынными растительными ассоциациями. Травянистую полупустыню можно найти лишь по горным хребтикам. Население почти отсутствует, будучи сосредоточено на южных сколнах Арца- и Бага богда.

После разъезда на южный склон Арца богда, экспедиция выехала к ключам Хун хуре на северном склоне Бага богда. Следует упомянуть о наличии в этом районе трех больших ключевых урочищ. Это значительная для Гоби речка Хобдо гол, ключи Хун хуре и ключ Тухум.

От ключей Хун хуре мы свернули прямо на север и пересекли тем самым восточную половину Южной озерной котловины, являющейся составной частью Центральной впадины. Этот участок котловины, богатой песками вообще, оказался сплошь песчаным. Пески закреплены травянистой растительностью и кустарниками. Здесь развиты ассоциации обедненной степи с караганой. Проехав между грядами Ушуг и Аргалинту, которые представляют собой здесь четкую границу Центральной впадины и южных предгорий Хангая, мы поднялись долиной Аргуин гола к озерку Гун нур, в окрестностях которого выехали на так называемый Южный Улясутайский автомобильный тракт. Свернув по этому тракту на запад экспедиция без затруднений доехала до аймачного центра Убур-Хангая на Туин голе.

В аймачном центре предстояло решить вопрос о дальнейшем маршруте экспедиции. Бензин из Цэцэрлига не прибыл. В местной конторе Монголтранса бензина также не оказалось. Время было позднее - последние числа сентября. Я решил использовать остающееся время для более детального исследования южной части Убур-Хангайского аймага, исключив из плана Алтайский аймаг целиком.

Съездив на уртонских на разведку пути к Орог нуру и догнав там отряд И.П.Рачковского, я вторично пересек на автомобиле Южную озерную котловину в районе р. Туин гол. Значительная часть покатой к югу равнины северной половины Озерной котловины песчановата и представляет собой, с точки зрения пастбищ, обедненную степь с караганой, лишенную, за исключением р. Туин гол, водопоев. На автомобиле, при хорошем знании дороги, можно подъехать к самому озеру Орог нур, что мы и сделали, простояв там день общим с отрядом И.П.Рачковского лагерем.

Дальнейшие разъезды от Орог нура предстояло делать уже на лошадях

- было мало бензина, да и незачем было рисковать автомобилем при отсутствии запасных частей.

Целью предстоящего разъезда было изучение района к югу, западу и северо-западу от хребта Ихэ богда. Для этого необходимо было обойти этот хребет кругом.

Оставив автомобиль под охраной одного из участников, мы вышли в экскурсию в наиболее высокую часть Ихэ богда, с целью добраться до вершины этого высочайшего из всего Гобийского Алтая хребта. Пешеходная "прогулка" на вершину, уже укрытую, помимо пятен вечного снега, новым и довольно глубоким снегом, в труднейших условиях, заняла более суток времени. До самой вершины добрался я один, после 10 часов беспрерывного хода с минутными отдыхами, в 5 часов вечера. Обратный спуск до самой верхней юрты занял 6 часов. К сожалению мглистый день не позволил использовать восхождение полностью и я ограничился отсчетом анероида, несколькими засечками и дюжиной фотоснимков. Высота Ихэ богда, как и предполагал, оказалась равной примерно 3700 метрам над уровнем моря. Последнюю часть подъема пришлось делать при сильном пронизывающем ветре, взметавшем вихри сухого мелкого снега.

Потратив на эту экскурсию с дорогой три дня, мы караваном (всего один вьючный верблюд) через Убту даба вышли на южный склон Ихэ богда. Дальнейший маршрут захватил речку Убур цаган гол, горы Сэрхэ, урочище Бургутай гол, перевал Хухэн даба и урочище Хуныk. Из Хуныка я один, налегке, съездил однодневным разъездом в горы Улан Аргалинту. Этот маршрут дал возможность разобраться в топографии района между хр. Ихэ богда и грядой Баянгин нуру - Чжинсэту ула, в характере и взаимном расположении хребтов ноян, Таряту, Бахар и Улан Аргалинту и в характере Хуныкской долины. Этим и было, в основном, закончено исследование гобийской части Убур-Хангайского аймага. Вернувшись к автомобилю, мы выехали в обратный путь. Из Убур-Хангайского аймцентра я отослал автомобиль с сотрудниками в Уланбатор, а сам верхом отправился в Цэцэрлиг, чтобы связать работы по Гоби с работами 1926 и 1928 г.г. по Хангаю. По выполнении этой задачи я вернулся в Уланбатор 10-го ноября.

Результаты экспедиции, таким образом, сводятся к следующему.

1. Получено общее представление о географии Восточно-Гобийского аймага.
2. Дополнительно к работам прошлых лет изучены новые районы

Южно-Гобийского аймага.

3. Изучена гобийская треть Убур-Хангайского аймага.
4. Произведена топографическая буссольная съемка площади в 100.000 кв. км в масштабе 1:400.000.
5. Собраны материалы для составления карты пастбищ по указанным выше районам в том же масштабе.
6. Для изучения кормовой производительности гобийских пастбищ собрано 150 укосных площадок, что вместе со сборами 1930 и 1931 г. г. составит 350 площадок.
7. Проведно изучение видового состава пастбищ с количественным учетом фоновых растений в большинстве площадок и зарисовкой 50 типичных метровых квадратов.
8. Проведены геологические наблюдения по маршруту со сбором образцов.
9. Произведены обмеры ряда колодцев.
10. Собран небольшой фотоматериал (около <...> снимков). Кроме того собран отрывочный материал по многим отдельным вопросам, связанным с географией и экономикой района (засухи, пути сообщения, кочевки и т.д.).

Общее протяжение маршрута экспедиции с боковыми разъездами достигает 4000 км, не считая моего возвращения через Цэцэрлиг, которые были покрыты в 80 дней. Средний пробег, таким образом, равнялся 50 км в день, что и было предположено по плану. Считаю нужным отметить, что этот большой рейс, частью по бездорожью, на автомобиле, хотя и новом, но без единой запасной части, был делом безусловно рискованным. Успех экспедиции во многом зависел от опыта, внимания к автомобилю и дороге и выдержке шофера А.А.Вагапова, приведшего наш "Бедфорд" в Уланбатор в полном порядке.

Средний расход бензина определился в 310 грамм на километр.

Расходы по экспедиции без стоимости автомобиля и основных окладов руководителя и шофера определились приблизительно в 4000 тугриков.

Работы экспедиции 1932 года, заполняя наиболее крупные пробелы в общем географическом исследовании южной окраины МНР, позволяют дать связное подробное географическое описание площади в 500.000 кв. км, составляющей треть всей территории МНР, иллюстрированное в значительное степени сплошной картой этой площади, в масштабе 1:500.000.

Кроме того работы эти, в связи с работами 1930 и 1931 г.г. дают

возможность составить в этом же масштабе карту пастбищ значительной части указанной выше территории, и дать подробную характеристику состава, производительности этих пастбищ и их значения в местном скотоводческом хозяйстве.

Поэтому общее исследование Гобийской окраины Республики в сфере вопросов, разрабатывающихся Гобийскими экспедициями НИК-а в течение трех последних лет, можно считать вчерне законченными. Желательны дополнительные исследования в Восточно-Гобийском и Алтайском аймагах.

(АИГМ №117, машинопись, тит. лист - автограф) **1932 г., 1935 г.**

А.Симуков

Путевые заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1932 года
(Исправлены и снабжены примечаниями в 1935 году)

Выезд экспедиции, в которую кроме автора входили его помощница М.А.Симукова и шофер А.Вагапов (на новом грузовом автомобиле марки "Бедфорд") состоялся в 13 часов 10 августа 1932 года.

Вопреки уже установившейся за предыдущие 2 года традиции, на этот раз мы выехали, во-первых, довольно рано, а во-вторых без дождя. День был прохладный, с небольшим ветром. Ехали потихоньку, "нащупывая" новую машину с полной нагрузкой. Раздувшиеся от дождей Улятуй и Толу (т.е. ее протоки до моста) проехали вполне благополучно, мост был в полном порядке. Наматывая километр за километром по Калганскому тракту еще до заката солнца мы добрались до станка Угомор, где заночевали.

Съемки по тракту я не вел и первый день мы вообще по дороге не работали. Мимолетные впечатления следующие: до самого перевала Холтуин даба тянется преимущественно мелкотравная нагорная степь, обильная аги с вострецом. За перевалом же до Угомора основной, почти сплошной фон дает ковыльная степь. Корма в этом году были изумительные. Зелень ярка. Недавно выколосившийся ковыль густым ковром волновался от ветра. Дожди на всем перегоне были, по-видимому, одинаковы с уланбаторскими. Воды везде много. Автомобили вынуждены были огибать почти каждую глинистую котловинку, встречающуюся на дороге.

Юго-восточные отроги Богда улы совершенно незаметно сливаются с северными отрогами водораздельного хребта Хэнтэйской системы. Слева от дороги до самого подножья последнего видна волнистая равнина Налайхи. За хребтом идет пологий спуск, приводящий в широкую плоскую долину. Долина эта, по-видимому, открыта на запад (вернее на юго-запад). К востоку же она суживается и горизонт закрыт холмами. За этой долиной начинается гранитный пенеплен Средне-Халхасской возвышенности, очень типичный на этом отрезке.

11/VIII мы проехали много – обедали в Чойрине, на закате были в Сайн усу и уже в темноте приехали в Далай сайн шанда, сделав таким образом свыше 300 км. По дороге работа ограничилась сбором 8 площадок, общим наблюдением за растительностью и ландшафтом вообще. Данные этих наблюдений следующие. До Чойрина основной фон составляет четко выраженная ковыльная степь. К ковылю около Угомора примешана *Carex stenophilla(?)*, далее начинают попадаться полыни. Км в 40 от Угомора нам попался участок чистой полынной степи, протяжением км до 10. Далее снова пошел ковыль с примесью йерхуга (*Agropyrum*) и полыней (мелких). Обширных пространств караганно-ковыльной степи не отмечено нигде. Около самого Чойрина тот же ковыль. Но далее картина быстро меняется. Ковыль скоро исчезает, появляется тана, на смену ковылю идет хилагана и растительность имеет характер обедненной степи, так как, несмотря на состав, полупустыней ее еще назвать нельзя – много полыни, есть еще злаки (кроме хилаганы) и местами встречаются островки ковыля. Далее кое-где, особенно на песчаной почве, появляется хумуль иногда дающий основной фон. На равнине перед Сайн усу тана, хумуль и злак цагальчжи дают основной фон ландшафта. Влияние Центральной впадины начинает чувствоваться км на 30 к северу от Сайн усу – по низинам появляется улан бударгана. Но, как и было отмечено еще в 1929 году, истинной северной границей пустынных и полупустынных (главным образом первых) комплексов является Центральная впадина.

Суммируя все эти данные можно провести следующие более или менее определенные границы растительных комплексов на этом пересечении. Нагорная степь – до спуска с Холтуин доба (Великий водораздел); ковыльная степь – до Чойрина (включения полынных участков). Дальнейший участок до Сайн усу следует признать за обедненную степь, очень близкую по составу к ковыльно-луковой полупустыне. Наконец, от Сайн усу сразу начинаются гобийские комплексы. Границы географических участков: до широкой долины за Холтуин даба – отроги Хэнтэйской горной страны; за этой долиной сразу начинается обширный пенеплен Средне-Халхасской возвышенности, доходящей до самого Сайн усу. Вероятно это пересечение данной возвышенности будет наиболее широким ее местом. Граниты на всем этом протяжении явно преобладают. За Чойрином на довольно большом протяжении (км на 30, начиная примерно с 25 км от Чойрина) тянутся базальты, обильна халцедоновая мелкая галька.

На 60-м километре от Чойрина нам встретилась белая кристаллическая порода с листочками черной слюды и ржавыми точками.

Новой дороги от Сайн усу в аймаг мы хорошо рассмотреть не могли,

так как ехали почти в темноте. Она отходит от Удинской дороги сейчас же после тойрима Сайн усу и идет большей частью по пологим холмам. Дорога хорошая, мы развивали, несмотря на темноту, значительную скорость. Дожди испортили дорогу основательно лишь под самым Чойрином, в гранитных скалах. На равнинных же местах дорога по-прежнему изумительна.

В отношении кормов следует отметить, что до Чойрина корма были исключительны. Далее тоже хороши, затем они делались все хуже и на спуске к Сайн усу тана еще не цвела и верхушки ее подсохли.

Начиная с Угомора (а может быть и несколько раньше) и кончая районом Чойрина вся степь, вся трава была густо усыпана мелкими черными гусеницами. Гусеницы эти неохотно ели ковыль, но усердно нападали преимущественно на полынь. На тане их не было вовсе.

Цзэрэнов мы видели всего одно стадо (вскоре после Угомора), но стадо это исчислялось несколькими тысячами голов.

12-13/VIII два дня мы простояли в Далай сайн шанда. Первый день ушел на приведение в порядок вещей и мыслей, и на отдых после Уланбаторской беготни и суматохи. Несколько осмотрелись и кое о чем расспросили. Второй день экскурсировали главным образом с геологическими целями.

Далай сайн шанда – типичный кочевой "город" новой формации. Все в юртах. Деревянных построек была одна, именно столовая. Имеются аймуправление со всеми необходимыми учреждениями, МНЦК райконтора и первичка, Монголтранс, почта и телеграф, банк, ГВО, школы, уртон. Худонских юрт поблизости не было видно. Все эти учреждения были раскинуты довольно широко. Поселок в целом защищен с севера невысокой грядой с крутым падением на юг и пологим – на север. С этой гряды открывается довольно широкий вид. На север идет прерываемый одним-двумя увалами пологий спуск к ясно намечающемуся Сайн-усинскому рукаву Центральной впадины. Видна часть Сайн-усинского тойрима.

За впадиной виден пологий подъем на Среднехалхасскую возвышенность. На юг – типичный гобийский ландшафт. На переднем плане грядки мелкосопочника, затем обширная овальная "гоби" (в узком смысле) – одна из линзообразных депрессий, типичных для этого района. За ней выделяется ясно видный во всех подробностях крутой, расчлененный хребтик Чойлин, состоящий, по-видимому, из осадочных пород. На юго-востоке и востоке далеко видны невысокие грядки из тех же пород. На юго-западе, ближе Чойлина, видна такая же темноцветная, как и последний, маленькая грядка Унигэт.

Район к северу от аймага – почти чистая тановая полупустыня. Около самого аймага попадается багалур и стволики, вероятно, боро бударганы. Корма были средние. Первый дождь упал только 11/VII. До этого была настоящая засуха.

Тут же в самом поселке мы отметили много бачжу, но довольно мелкого. Топливом служит цзаг – привозят его за 2 уртона.

Геологическая экскурсия по территории поселка и вокруг его показала, что он стоит на осадочной толще, где чередуются различные песчаники, отчасти глины и глинистые сланцы. Большая часть отмеченных пластов имеет широтное простирание и падение на север, довольно крутое (30°-40°). Нарушается эта картина лишь пластом конгломерата, выходящим на маленьком гребне непосредственно к югу от поселка. При том же широтном простирании падение здесь южное.

Один из небольших выходов глинистых сланцев несет в себе массу однотипных растительных отпечатков (лентовидные листья с продольной жилковатостью). В другом, очень тонком пласте сланец резко листоват, темен, несет углистые следы и напоминает битуминозные сланцы.

Галька конгломерата скреплена песчаником, хорошо окатана и весьма разнообразна по составу. Здесь есть и граниты, и сланцы, и яшмы и другие породы. Большинство песчаников и конгломерат окрашены вероятно окисями железа в различные тона от светло-желтого и охристого до ярко-красного и буро-фиолетового.

По указанию одного из сотрудников МНЦК примерно в 1 км к югу от поселка мы осмотрели большой ствол окаменелого дерева. Ствол этот торчит в горизонтальном положении из крутого склона терраски-холма, из пласта песчаника со ржаво-желтым оттенком. Рядом же слои конгломерата.

На Ю.-Ю.-В, км в 40, около мон. Хамарин хид находится месторождение каменного угля. Уголь бурый, по качеству ниже Налайхинского, т.е. обычный уголь осадочных толщ юга МНР. Была попытка разведки, забит небольшой шурф, потом заброшенный. Мощность этого угля довольно значительна.

В аймаге ничего особенного относительно полезных ископаемых мне не сообщили.

Спрашивал о засухах. Данные следующие. Здесь, в районе аймага, в 31 г. поздние (как и в 1932 г.) дожди среднего качества (в сумме до локтя), вернее ниже среднего. 1930 г. - ниже среднего. В южном районе (Хутуг ула): 1929 – плохо, 1930 – плохо и средне, 1931 – хорошо, 1932 – очень хорошо. Дожди там, подобные 1932 году (т.е. исключительно хорошие) шли лишь 25 лет тому назад. Все остальные годы – засуха, разбитая

одним-двумя несколько лучшими годами лет 10-12 тому назад.

Из Далай Сайн шанды мы выехали в дальнейший путь, к Хатон булаг сумуну, **14/VIII**, пользуясь автомобильными следами.

Автодорога, недавно проложенная из Далай Сайн шанды в южные сумуны ("Хутугин табу"[1]), идет не прямо на юг, на Хубсугул сумун, а сначала на протяжении почти 70 км ведет на запад-юго-запад, до встречи с одним из больших старых трактов, по которому и направляется на юг, вернее на юг-юго-восток. По выходе из поселка дорога эта направляется на юго-запад, к северному подножью горы Унигэту, имея справа низкие холмы – продолжение гряды к северу от аймага. По дороге встретилось русло с 6-8 ильмами. Близ аймага шла чистая тана, далее, ниже, много багалура.

Оставив Унигэту к югу, дорога все время подымается на плоскую широкую седловину, замыкающую с запада депрессию, лежащую к югу от Далай Сайн шанды. Здесь, близ перегиба, вся степь была покрыта мелким видом метельчатого злака. Далее мы ехали высокой волнистой степью, придерживаясь правой стороны пространства между "аймачной" грядой холмов и холмами-продолжением хребтика Чойлин. За перегибом в этом пространстве наметилась долинка, покатая уже на юг. Мелкий злак сменился тановой полупустыней. Вскоре дорога перешла на левую сторону долинки, стала песчановатой. На 31-м км от аймага долинка закончилась небольшим тойримом. На песчановатой степи появились хуйрик, багалур, боро бударгана, но тана не исчезла. Эта комбинация как бы составляет переходную стадию между тановой полупустыней и мелкобугристой мелкокустарниковой полупустыней. Отмечено большое количество бачжу, превратившегося здесь почти в фоновое растение.

Постепенно поднимающаяся здесь дорога вдруг оказалась на обрыве. Открылась обширная вытянутая в широтном направлении депрессия с большим тойримом. Большая часть тойрима была занята значительным временным озером – результат больших дождей. С юга депрессия ограничена холмами, все еще лежащими примерно на линии Чойлина. На запад за депрессией намечается мелкосопочное каменистое поднятие, к С.-З. – небольшие горы. Более северная цепь их кулисой отходит к северу от аймачной гряды.

Спустившись с обрыва, мы стали огибать озеро с севера. На 40-м км от аймага пересекли большой песчаный сайр, впадающий в озеро с севера. У сайра отмечены нохой ширин, тэсх, дэрис, шара шабаг. Вообще же в низине силен багалур. К западу от сайра налицо почти чистая его поросль.

---

1) т.е. пять сумунов, составлявщих до нового районирования хошун Хутуг ула.

Далее к нему прибавляется боро бударгана. На 44-м км пересекли второе русло (сайр). Багалур продолжается. 47-й км – справа подошли горы. Наконец на 50-м км слева кончился тойрим, дорога поднялась на небольшую терраску, пошла вдоль гор. Постепенно стали подходить холмы и слева. В районе терраски – мелкокустарниковая полупустыня с таной и хумулем. Далее – луково-злаковая полупустыня. На 56-м км, на небольшой равнинке мы нашли остатки построек, вероятно небольшого монастырька. Огороженный следами валика квадрат, ориентированный на юго-восток (азимут южной стороны 230°). По углам кучки камней. Вход с юго-востока, не на середине валика, а сдвинут к западу. Длина южной стороны квадрата – 136 шагов (120 м). Западная сторона не измерена, но кажется немного длиннее. Внутри квадрата фундаменты, сложенные из дикого камня. Кладка напоминает таковую Хадасанских развалин, 2 или 3 фундамента прямоугольной формы – для построек, остальные (всего их десяток или чуть больше) – круглые для юрт.

Главная постройка находилась против входа, к ней была сделана дорожка. Постройка эта имела сзади маленький придел. Размеры ее ничтожны: 5 х 6 м приблизительно.

Вскоре за развалинами мы уклонились слегка к югу, въехали в аргиллитовый (?) мелкосопочник, перевалили его и заночевали на его южном склоне в небольшой долинке. В районе остановки – луково-злаковая полупустыня.

15/VIII мы выбрались поздно. Утром я сходил на гребень вздутия и осмотрел горизонты. Проверил впечатления предыдущего участка, посмотрел на юг. В ту сторону намечается сильное понижение, замкнутое на дальнем горизонте валом, ближе виден небольшой черный хребтик. Видимость была плохая, мешала сухая мгла.

Выехав, мы уже через 2 км попали на один из старых китайских трактов и свернули по нему на Ю.-Ю.-В. Сразу же начался гранит. Тракт идет правым берегом большого сайра, сбегающего с холмов, где мы ночевали. Немного далее в сайре не то затопленный колодец, не то ключик без течения. По сторонам растительность была очень бедна. Плохой редкий багалур, шара шабаг. Редкие ильмы. Вокруг типичные гобийские обрывы и террасы. Русло это дорога пересекает несколько раз. Ниже по сторонам начинается крупнокустарниковая песчаная пустыня – торлаг, крупная песчаная серая полынь, шара шабаг. Здесь в стороне от дороги найден осколок обработанного кремня каменного века.

Затем сайр уклоняется к востоку. Дорога идет по песчаной волнистой равнине, сложенной песчаником, выходы которого встречаются довольно часто. Равнина эта - часть Баянгиин гоби.

Посреди равнины, к западу от дороги, поднимается сложенный теми же песчаниками бугор. Здесь во время нашего проезда стоял Хонгор уртон, представленный одним единственным синим майханом довольно скверного качества.

Воду уртонщики брали из временного озера в нескольких км к югу. Выпив по чашке чая, мы двинулись дальше. В низине к югу от бугра и к западу от дороги значительный тойрим с временным озером. Берега последнего совершенно оголены, если не считать редких кустов саксаула. Глина, прикрытая гравием. К востоку от дороги видна небольшая поросль саксаула.

Очень красиво было посмотреть вблизи на табунок самцов хара сульт на фоне чистого песка с саксаулом. Действительно Центрально-азиатский кадр.

Короткий подъем приводит к Цзаг обо (цзаг-то сгорел), стоящему на седловине между хребтиками Дулан хара (восток) и Шарангад (запад). Сейчас же за обо обнажения глинистого плотного сланца почти белого цвета. Спуск по террасам, сложенным главным образом этой породой, мимо двух отдельных горок, приводит к уклоняющемуся к юго-западу большому руслу. Несколько выше пересечения русла дорогой, под восточной из горок, находится в самом сайре кол. Эргини усу. Около него ярко-сине-зеленый приземистый саксаул. Ниже по руслу также видны его поросли. Еще ниже в русле видна группа ильмов. Сайр песчаный и достался нам нелегко. За ним пошел постепенный подъем по высокой, чуть волнистой равнине, тянувшейся км 25. На равнине этой сначала идет почти чистый багалур, затем постепенно он исчезает и начинает преобладать боролзай и хумуль. За высшей точкой этой равнины пошел небольшой спуск и через 7 км мы заночевали, въехав в холмы около большого сайра, падающего на север. Утром собрали несколько площадок. Окрестности стоянки – луково-ковыльковая полупустыня, достаточно типичная. На многих участках тана заменена хумулем. Покров был хорош, выше среднего безусловно. Но исключительным его назвать нельзя. По холмам редкий и мелкий цзагсагал, в русле пара ильмов, шара шабаг.

Тронувшись далее, мы всего в полукилометре от нашей стоянки выше по сайру обнаружили кол. Цзамиин гун, с изрядно пахнувшей, застоявшейся водой.

Дальше дорога пошла вверх по сайру. Км через 7 увидели первых, чуть ли не от аймага (не считая Хонгор уртона) людей. Здесь тракт разветвляется. Мы поехали правой ветвью. Левая проходит близ сумунного управления Улан бадараху. Приостановились около бедной юрты,

прикочевавшей из Сайхан дулан сумуна и бравшей воду из временного озерка.

Из сайра дорога уже выбралась и близ юрты поднялась на высокую точку гряды. Далее пошел спуск по каменистому и скалистому мелкосопочнику. Км через 9 мелкосопочник кончился. Кончилась и луково-ковыльковая полупустыня. Хоолай, в который мы спустились, сильно забит песком. Растительность типична для задерненных песков – цаган харагана, полынь, хумуль, цаган соли. Долинка эта (Шируни хоолай) всего около 6 км ширины. С юга тянется гряда холмов. У северного ее подножья автоследы оставляют тракт и резко сворачивают к западу, вдоль этих холмов. Северный бэль этих последних – багалур, хуйрик, улан бударгана, тана.

Далее к западу, км в 10 от поворота, с севера подошли каменистые холмы, довольно низкие. Пошла тэсховая степь, на буграх остался багалур. К северу от дороги, которая стала подыматься, остался отмеченный горкой с обо кол. Боро Хамарин усу. Подъем привел к юго-восточной оконечности пологого вздутия Гурбан хубсугул. Несколько км вдоль убура – и мы подъехали к Хубсугул сумуну. Ночевали в 1 км от него на колодце в сайре. Вокруг ночевки – сглаженные каменистые холмы. В ущельицах и по руслу - несколько ильмов.

Утром, перебрав груз (сожгли от Уланбатора 10 пудов бензина, по 70 км на пуд), двинулись также без проводника дальше. Дорога пошла прямо на юг, вниз к хоолаю. По дороге травянистая полупустыня с хорошим покровом. В хоолае - хилагана, хумуль, тэсх, много лапчатки. Центр хоолая дальше к востоку. Мы же пересекли отдельную котловинку, лежащую выше хоолая. Затем пошел подъем на плоскую возвышенность. Здесь стали встречаться пятна закрепленных равнинных песков с цаган хараганой и типичной для таких песков травянистой растительностью – цаган соль, хумуль, серая полынь. Покров был хороший. На последнем участке подъема мы основательно покопались в песке. Гурбан хубсугул представляется с этого поднятия пологим и плоским вздутием, достаточно обширным, слегка разрезанным небольшими ущельями, так сказать, пенепленизированным. На южном поднятии показались каменистые холмы, юрты, хайлясы. Покров был прекрасный. Хумуль, боролзай, мелкий тэсх, отдельные поля таны. Вскоре в стороне влево остался колодец Худуг сучжи. Около одного из аилов были кобылицы. Далее в одной из лощин с бывшим уиром я взял образец исключительно хорошего корма. Хумуль, хилагана, тана, хамхул. Последнего вообще было много – вероятно следствие обильных осадков. Далее слева подошла дорога, по которой и пошли в дальнейшем автоследы. Через километр слева остался

уртон Напчу. Затем, после двух-трех неудобных овражков, подъехали к подножью холмов (каменистых) у колодца Гуни усу (?). Почти сейчас же за колодцем дорога раздвоилась, автоследы пошли по правой ветви. Через 3 км мы вылезли на перевал. С перевала хорошо было видно Хубсугульское вздутие, и на Ю.-В. показалась плоская гряда Эргилин цзо, обрывающаяся к северу. Именно о ней мне говорили еще в 1930 г., как о месте находок ископаемых костей. На гребне тэсх и тана. За гребнем на протяжении почти 10 км идет высокая равнина с травянистой полупустыней. Затем начинается спуск в новый хоолай. Здесь открывается довольно широкий вид на юг (общее направление дороги здесь, за исключением первого участка от Хубсугула км в 10-12, юго-западное). Горизонт закрыт линией невысоких скалистых горок, из которых восточная грядка носит название Цэль, а южная (вернее Ю.-З.) – Бурханту. Направление этих гряд – почти широтное, с уклоном на С.-В.

Спуск очень скоро приводит к сумунному управлению Агаруту (737 км от Уланбатора), расположенному в хоолае на берегу большого русла. Сам хоолай носит характер широкой степной долины.

Здесь в Агаруту следы сворачивают с дороги круто на запад, даже на З.-С.-З., с целью объезда русла, по которому местами пробиваются ключики. По краям русла есть бугры с нитрарией, но не сплошь. Объезд большой – мы проехали в сторону хорошо видного отсюда Эргиля почти 10 км. Сайр выклинился. Ковыляя по кочкам, мы перебрались на его южную сторону и постепенно подымаясь поехали по обширной равнине (опять-таки травянистая полупустыня) на Ю.-З. На 754-м км слева подошла старая дорога, через 3 км езды по ней слева подошли низкие холмики, за которыми мы пересекли Харчин цзам около бывшего уртона Тугуриг (см. 40-верстку).

Еще через 9 км мы доехали до сумунного управления Хатон булаг, бывшего Хутуг-ульского тамагана.

В Хатон булаге мы простояли 18-ое и 19-ое августа. Первый день приводили в порядок материалы и сделали небольшую геологическую экскурсию в ближайшие холмы. Второй день я писал дневник и вел кое-какие расспросы. М.А.Симукова с Абдурахманом Вагаповым съездили на Эргилиин нуру в экскурсию.

Таким образом меридиональное пересечение Восточно-Гобийского аймага можно было считать почти законченным. Пересечение это довольно сильно изменило мои представления о южной половине этого аймага, которые создались на основании маршрута 1929 года, и изменило в благоприятную в смысле ландшафта сторону.

Абсолютные высоты этого пересечения и ближайших окрестностей

маршрута (по крайней мере на несколько десятков километров в обе стороны) колеблются в пределах 750-1200 м. Собственно по маршруту лимиты составляют 800 и 1100 м. Таким образом в этом отношении новое пересечение почти не выходит из схемы высот, данной С.А.Кондратьевым для юго-востока на основании маршрута 1929 года. Но в отношении рельефа данное пересечение дало много нового. Система низких гряд с включенными в них линзами депрессий ограничивается, по-видимому, лишь районом маршрута 1929 года. Участок же от выхода на большую дорогу (что невдалеке от местности Янта хурэту на маршруте 1929 г.) и до Цаган байшина (Хатон булаг сумун) представляется в следующем виде.

Сначала идет обширная депрессия-гоби широтного (грубо) направления, идущая далеко на запад. На восток она идет, по-видимому, не так далеко. Самые низкие ее точки не превышают, вероятно, 750 м. За ней к югу идет очень широкий и пологий вал того же направления, возвышающийся над этой депрессией не более, как на 400-450 м. В сущности вся местность до Цаган байшина – это сплошное поднятие, разбитое неглубокими пологими долинами на параллельные плоские гряды.

Таких гряд можно наметить три - первая, очень широкая, начинается невдалеке от кол. Эргини усу, гребень ее проходит южнее кол. Цзамиин гун, а южным краем можно считать Гашуни хоолай или Шируни хоолай, вернее первый. В состав этой гряды входит и Гурбан хубсугул. Вторая гряда, более узкая, лежит между Гашуни хоолаем и долиной у Агаруту сумуна. Третий кряж Бурханту с окрестностями (не считая его западной оконечности). Далее к югу, по-видимому, местность меняется. Рельеф мельчает, появляются скалистые грядки и типичные гобийские хоолаи. Мы имеем дело почти с такой же скалистой пустыней, как и на маршруте 1929 г. На это указывают и сведения о том, что южнее Цаган байшина нет сульхира, т.е. больших песков, распространенных по хоолаям и валам пройденного нами участка. Район маршрута Цаган байшин – Галба сумун – уже скалистая пустыня юга, или может быть, измененное, пониженное западное крыло самого южного вала.

Таким образом весь юго-западный район Восточно-Гобийского аймага можно разбить на следующие участки.

1. Область небольших замкнутых депрессий по линии маршрута 1929 г. Ограничена с севера линией (может быть в данном месте воображаемой) Центральной впадины, а с юга – вероятно горами Хояр улцзэйту и Ихэ

дулан.

Район Цзамиин удэ следует, по-видимому, присоединить к данному участку.

2. Обширный равнинный участок, залегающий к востоку от Шанхайского нагорья. Ограничен с юга отчасти Галбаин и Цогцолаин хярами (Гурбан хэрэсиин гоби), имеет выход в Галбаин гоби, далее ограничен группами Хасарай и, в дальнейшем, Хатон-булагской. К северо-востоку выклинивается, проходит по-видимому, до Эргиля и Гурбан хубсугула. Максимальные предполагаемые его границы – до Хояр улцзэйту и Ихэ дулана, включая Оушиин гоби. Возможно впрочем, что эта последняя самостоятельна и отделена от основной равнины какими-нибудь возвышенностями, нарушающими этот общий равнинный характер рассматриваемого участка.

3. Хубсугульская возвышенность. Этим названием я временно обозначу уже рассмотренную выше возвышенность к югу от Эргини усу.

4. Южный гористый участок. Сюда войдет область к югу от широты Бурханту хяра.

Основное направление всех основных форм рельефа, как и следовало ожидать, - грубо широтное. Изогнутость к северо-востоку, по-видимому, намечается, но проверена еще недостаточно.

В Хатон булаге (т.е. Цаган байшине) я расспрашивал одного старика в возрасте 61 года по многим интересовавшим меня вопросам.

1. Засухи. 50 лет назад (хара морин чжил) была сильная засуха года 2 -3, с укочевкой населения на Хатон гол. Лет 25 спустя повторение. 1931 г. хорошо, лучше 1932 г., до этого 3-4 года очень плохо. 1924, 23, 22 года средне (хуже нынешнего). 3-4 года назад сильные бури с С.-З., угонявшие скот даже за границу.
2. Лошадь питается главным образом хилаганой и аги. Последняя полынка имеется здесь, но пятнами и в не очень большом количестве по возвышенным местам. Весеннее значение аги для быстрой поправки скота подтверждается. Овцы едят решительно все, даже разную бударгану. Но, конечно, последняя особенно в пользу им не идет. Лошадям же бударгана вредна (?) – в глотке (?) заводятся черви. Горы для верблюда не подходят. Лучше гоби. Необходим худжир или

худжиристый корм.

3. Кочуют в среднем 6-8 раз в году. Конечно, количество кочевок сильно варьирует вследствие разнообразных причин. Особых мест для летовок и зимовок нет. Зимуют как в горах, так и на равнине. Верблюдоводы перебираются к гобийским участкам (в узком смысле). Права на убульчжон не существует. Их занимают явочным порядком и протесты по этому поводу как-будто неизвестны.
4. Колодцы. Расчищаются (обвалившиеся) и копаются новые (доклад сумунного дарги). При современном количестве скота питьевой воды в общем хватает.
5. При феодальном режиме перекочевки внутри хошуна были совершенно свободны и не стеснялись сумунами. Пастбища не распределялись свыше. Налоги брали больше по скоту. Скот составлял собственность владельца и экспроприация его феодалом была возможна лишь при помощи обходных действий – в результате неуплаты налога, невыполнения повинностей, действительного или мнимого совершения какого-либо проступка и т.д. Вместе с тем за забранный феодалом у купцов товар отвечал хошун в целом, причем купец мог ставить любую цену. Если феодал уезжал в Ургу или Пекин, то расходы по поездке также ложились на хошун. Хамчжилга имели свой скот и феодал не мог непосредственно этим скотом распоряжаться. Он заставлял их служить себе, смотреть за его скотом, они сопровождали его в поездках. Налоги же они платили князю.

Другой старик, родом харчин, рассказал следующее.

В отношении засух он более или менее подтвердил сказанное выше. Добавил, что нохой чжил, почти два цикла тому назад был очень хорошим.

В отношении скота и пастбищ примерно та же картина, что и выше. Гуджир или гуджироносные травы (бударганы) необходимы скоту зимой и весной. Поэтому в это время многие кочуют в гоби. Особенно необходим этого сорта корм в указанные времена года верблюду. На одной сухой мелочи, вроде хилаганы, верблюду зимой плохо.

Сульхир растет главным образом к северу и северо-востоку от Хатон булага. К югу его нет, так как нет песков. Галечная гоби и горы.

В районе есть манул, рысь, сусликов нет. Хуланы в старое время изредка появлялись отдельными особями. Аргали заходят в Хутуг улу и другие хребтики близ границы. Козлов нет.

Юрта (войлока) служит 3 года. Овчинная шуба 2-3 года. Тэрлэг – 2 года. Штаны и рубаха – год, гутулы год-полгода. Табаку нужно на одного

человека около пачки в месяц. Пшена средняя семья может употребить до 8 пудов в год, муки 12 пудов (и больше, до 16 пудов). За зиму и весну такая же семья съедает более десятка мелкого скота.

Сам спрашиваемый живет отчасти на жалованье сына, а потому о доходах со стада я его не спрашивал.

Кроме того, я дополнительно спрашивал первого старичка (с него снял два фото – лицо было весьма "фотогенично") о его хозяйстве.

Мелкого скота у него до 40 штук, из них 15 баранов. Семья – 2 человека. За зиму и весну они съели до 15 штук – почти уравняв приплод. Козьего пуха взяли до 6 джинов (1 джин с 4 коз), продано по 48 мунгу за джин. Баранки – 15 джинов (по джину с барана) – продана по 24 мунгу за джин. Итого за все получено 8.40 тугриков, увеличив несколько - до 10 тугриков. В общем, доход этой семьи за год, включая продажу овчин и т.д. не превысил 40-50 тугр. Основной, по-видимому, расход был на чай. В летнее время выходило до 3-х кирпичей в месяц. Надо считать, что было выпито не менее 20 чаев. Остальное пошло на муку, табак и прочее.

Затем я спрашивал группу из 2-3 человек о нормативах потребления. Получились скорее желательные нормативы, нежели фактические. Тэрлэг служит 1-2 года, в зависимости от характера работы. Рубаха и штаны пожалуй менее года. Русские сапоги – год (вопрос с починкой). Гутул едва хватает на год.

Табак – 1 пачка в месяц, спичек курящему до 1 коробки в день, соль на хозяйство в один месяц – 2 джина. Потребность в муке 1 джин на человека в день (sic!). На месяц семье – 2-3 чая. Буда – 1 джин в день (тоже ничего себе!).

Потребление хлебопродуктов здесь было явно преувеличено, вероятно вследствие голода на них. Чай – нормально. Табак – тоже. Одежда – сроки меньше нормальных.

Из Цаган байшина мы поехали по недавно проложенной автодороге на ключ Хатон булаг. Равнинная дорога ведет на юго-запад. На Ю.-В. в отдалении тянется постепенно выклинивающийся хребтик Бурханту, примыкающий к холмам, у подножья которых стоит сумунное управление Хатон булаг. Справа, на С.-З., сначала идут низкие увалы, а затем появляются невысокие горные группы, носящие отдельные местные названия – например Ханагиин боуца и т.п. Уже км в 15 от Цаган байшина низкие каменистые мысы этих горок начинают пересекать дорогу. На 13-м км влево на равнине приблизительно в километре от дороги остается кол.

Цаган чжирим. На 20-м км под оконечностью последнего из этих мысов находится кол. Чжирим, окруженный с трех сторон небольшим тойримом с шара бударганой и донными буграми. Дорога огибает этот тойрим справа, с С.-З. За Чжиримом (к Ю.-В. все время идет равнина) горы справа временно отступают от дороги, становятся выше и далее снова выступают к югу. Здесь у их южного подножья и находится ключ Хатон булаг. Последний участок дороги у подножья этих гор в достаточной мере скверен – каменист и ухабист. Горы сложены главным образом известняками и отчасти конгломератами (вернее брекчией). Они каменисты, крутосклонны и плосковершинны. На отдельной вершине, стоящей как раз над ключом, сооружено большое аккуратно сложенное обо с целой серией мелких [обо], расходящихся лучами. С этого обо открывается довольно обширный вид на юг. В этом направлении сначала расстилается вытянутая в широтном (грубо, точнее пожалуй Ю.-З. - С.-В.) направлении равнина, ограниченная на Ю.-В. западным окончанием гряды Бурханту. На юге на одной линии с Бурханту тянется гряда Абдарантай хабирга, соединенная с Бурханту пологой и широкой седловиной. Далее за этими грядами виднеется еще одна грядка, в которой почти прямо на юге выделяются две округлые куполообразные вершины. Далеко на Ю.-В. торчит еще одна отдельная скалистая вершина. Равнина в этой ее части носит название Хатонгиин хундэй.

21/VIII мы выехали из Хатон булага[2)] на запад, по направлению к Галба сумуну Южно-Гобийского аймага. Ехали со случайным проводником.

Путь сначала шел по междугорным холмам запутанной Хатон-булагской группы. Вывершив сайр, выходящий из этих гор у ключа (южный из двух сайров этого направления), мы через низкую седловину попали в систему другого сайра, имеющего сток уже на запад. Проехав всего около 11 км от стоянки, мы оказались на границе гор и упомянутой выше равнины, оставив на километр к югу ущелье-прорыв с колодцем Улан эрги. Местность, где мы выехали на равнину, называется Улцзэй шабагтай. Далее путь лежал на запад, по северной окраине той же равнины, носящей здесь название Цаган тугуригиин хундэй, на седловину между холмистыми группами Тэмэн чулун хяр и Хутуль усуни хяр.

2) Участок нашего пути от Хатон булага до Галба сумуна совпал с маршрутом американской экспедиции Р.Ч.Эндрюса. Далее, к северу от г. Галба (у г. Гурбан галюту) мы снова выехали на этот маршрут и следовали по нему до г. Хан ула.

Первая группа расположена к югу, вторая – к северу от седловины. Равнина, сильно изборожденная здесь мелкими холмами и впадинами (особенно по тальвегу), уходит к западу южнее Тэмэн чулу. Южный горизонт закрыт грядой Ходогор цаган обо. У подножья Тэмэн чулу нам встретился сайр меридианального направления с рощицей хайлясов и ключом Улан обо. Здесь, у северного края рощицы, мы выехали на Хобдо – Калганскую дорогу (маршрут Эндрюса). За седловиной между Тэмэн чулуни хяром и Хутуль усуни хяром пошли холмы, составляющие северную окраину все той же равнины. В этих холмах мы миновали кол. Хутуль усу, около которого где-то пересекли старый Соланхэрский автотракт[3)], но сам я его как-то не заметил, а проводник забыл показать. За колодцем мы пересекли две равнинки "местного" значения, а затем спустились в значительную депрессию, имеющую по-видимому, сток на юг и загороженную на западе группами небольших гор. Справа к северу от дороги остались грядки Сучжиин шара и Хара баян. К югу от дороги в 1 км остался кол. Гун сухайту. Он расположен под каменистым мысом почти оконечностью шедших все время к югу от дороги холмов. За депрессией пошел опять подъем на седловину между группой Уцзюр шанда (юг) с отдельно стоящей к северу от нее округлой горой Барун хайрхан и группой Хасарай, южная часть которой называется Цзун хайрхан. Дорога проходит в 2-3 км к северу от северного подножья Барун хайрхана. Уже на спуске с седловины справа, с севера, подходит песчаный сайр с довольно обильным тамариском (последний был встречен впервые на нашем пути), огибающий с севера каменистую горку, связанную с группой Уцзюр шанда. Дорога в дальнейшем уходит по этому руслу; мы же пересекли сайр и поднялись на холмы к северу от него, проехав небольшую равнинку. Именно здесь мы пересекли границу между Восточно-Гобийским и Южно-Гобийским аймагами. С холмов открылся широкий вид на юг. Широко расстилалась равнина, составляющая восточное продолжение Галбаин гоби, которая называется здесь Бургусутай гоби (?). На Ю.-З. виднелась отдельная плоская гора Номоган, а за ней - гребень Ихэ аргалинту. Довольно далеко на западе обозначилась гряда Цогцолиин хяр – Ю.-В. оконечность Шанхайского нагорья. Равнина Цаган тугуригиин хундэй – Хатонгиин хундэй составляет, как оказывается, С.-В. продолжение Цзаг сучжинской депрессии и выклинивается, как мы видели, около Цаган байшина. К западу от холмов, с которых я видел всю эту картину, мы пересекли довольно широкую долину, замкнутую на юге сходящимися крыльями холмистых гряд, ограничивающих эту долину с

3) Эта автомобильная дорога ныне заброшена.

востока и запада. Там имеется прорыв этих холмов сайром, а в прорыве (или немного ниже его) кол. Баян Хошу. Именно через него проходит оставленная нами у русла с тамариском старая дорога. За долиной мы снова поднялись на холмы и заночевали близ одного из аилов.

22/VIII, продолжая двигаться в западном направлении, мы через 5-6 км после ночевки, выехали снова на оставленную нами старую дорогу. На одном из высоких холмов, не доезжая дороги, я сделал точку съемки. Вид открылся обширный. На север и северо-восток уходила бескрайняя равнина, отмеченная мною в прошлом 1931 году под именем Алаг баянгиин гоби. Гоби эта широким рукавом с саксауловыми порослями, лежащими между точкой наблюдения и Цогцолаин хяром, сливается с Галбаин гоби. Долина, пересеченная нами накануне, также составляет один из рукавов этой Гоби. Таким образом холмы, где находилась точка наблюдения, составляют незначительное поднятие, как бы разграничивающее Алаг баянгиин гоби от Галбаин гоби. Группа Хасарай была видна в профиль. К северу от нее не обозначалось никаких высот. Поэтому можно с большей долей уверенности предположить, что Алаг баянгиин гоби уходит на северо-восток до Эргиля и Гурбан хубсугула, т.к. к западу от последних также была отмечена равнина. Спуск по дороге привел к упомянутому рукаву с саксаулом, который мы миновали беспрепятственно. Затем начался подъем к Цогцолиин хяру. Холмы этой группы уходят довольно далеко на север, где км в 40 от дороги виднеется широтного направления гряда Хара нюдун. Поднявшись по дороге довольно высоко, мы резко свернули на юг, без дороги, к Галба сумуну, который находился км в 8 от дороги на колодце Хуриэ. После кратковременной остановки двинулись дальше. Боясь песков северной окраины Цогцола, я решил обогнуть его с юга и пересечь эти горы близ Галба хайрхана по одной из южных дорог. Огибать пришлось далеко и мы основательно спустились по равнине к югу, не доехав до Номогана всего км 20. Затем повернули на запад и вскоре, покопавшись в одном из сайров, доехали до кол. Боро хошу, на котором и нашли дорогу, идущую с юго-востока и проходящую у северного подножья Номогана. По-видимому, именно этой дорогой шел когда-то Певцов, хотя на сорокаверстке она нанесена не совсем правильно – отнесена к северу. По пути до этой дороги было довольно ясно видно западное окончание хребта Ихэ аргалинту, горка Того и грядка Гурбан цзэрдэ[4)], стоящие на одной линии. Хуца хайрхан не виден. Проехав немного по дороге, мы

4) В этой грядке находится большая пещера, осмотренная мной в 1930 г.

заночевали около аила на кол. Хобур.

23/VIII утром стояла сильная мгла, не позволившая детально рассмотреть окрестности и сделать необходимые засечки. Тронулись мы позно – около обеда. Дорога пошла западным берегом большого сайра – первого из серии меридианальных сайров, сбегающих на юг с южной гряды Шанхайского нагорья (см. 1930 год). Данный участок этого сайра носит название Баг модо и отличается необыкновенным обилием хайлясов, которых здесь имеется несколько сот - вероятно до 1000. Картина широкого песчаного русла, сопровождаемого группами раскидистых темнозеленых могучих деревьев была очень живописна.

Подымаясь по сайру, мы вступили в передовые холмы Галбаин хяра (или Цогцолиин хяра) и вскоре подъехали к широтного направления гряде, прорванной донным сайром. Гряда сложена, по-видимому, грауваккoвой свитой.

В прорыве находится ключ Улан булаг, сильно нас задержавший. Через топкое место пришлось мостить дорогу для нашего авто и перетаскать не менее тонны камня.

Общее направление дороги было С.-З., почти на видневшуюся вершину Галба хайрхана. Последняя гора чтилась или чтится, видимо, особо, так как носит у местного населения название “Хан богда”.

Сейчас же за прорывом выступили граниты, местность приобрела типичный вид гранитного мелкосопочника с небольшими останцами и лишь по соседству с Галбой виднелись более значительные высоты. Но подъем все же был заметный. Вскоре мы были вынуждены бросить дорогу, пошедшую по самому сайру и самостоятельно искать прохода через гряду. Изрядно покружив между гранитными останцами, но не потеряв направления, мы заночевали в 4-5 км к югу от Галбы, в ложбинке у колодца.

24/VIII утром двинулись дальше, объезжая Галбу с запада. Нашли пологий перевал и всего два километра спуска привели нас к широтного направления долине, ограничивающей Галбаин хяр с севера. Выяснилось, что сайр Баг модо берет начало под самой Галбой.

Открывшаяся долина уходила далеко на запад. Впереди протянулся гранитный же хребетик, очень быстро выклинивавшийся как в западном, так и в восточном направлении. Долина эта в дальнейшем на западе пересекается сайрами вроде Ундагиин гола[5)], берущими начало в более

5) См. заметки по маршруту экспедиции 1930 г.

северной, нежели Галбаин хяр, гряде. По-видимому основной тальвег ее восточной части (Гурбан халиб в данном месте) уходит севернее только что упомянутого гранитного хребтика.

Выехав в эту долину, мы повернули к востоку, нашли дорогу, проходящую у восточного подножья Галбы и попытались по ней перевалить упомянутый короткий хребтик. Но спуск оказался заваленным камнями и нам пришлось огибать этот хребтик с востока. Затем мы снова выехали на дорогу и, спустившись по пологой длинной покатости, доехали до Халиб худуга, где моя съемка сошлась со съемкой прошлого 1931 года. Погода была неважная, прошел дождь. Далее ехали уже без работы по знакомой, положенной на карту дороге. Как водится, в хоолае около Хэрэ булага попутались без дороги, затем в виду г. Цэцэй свернули под проливным дождем к пос. Шанхай ула, но не доехали и под дождем же остановились в степи. Дождь лил всю ночь.

25/ VIII. Дождь прекратился довольно поздно. Оказалось, что мы ночевали в районе холмов Табун тологой. Не заезжая в сумун, мы выехали на дорогу и двинулись на запад. Но автомобиль резал колесами сырую почву даже на дороге. Не доезжая Чжирима мы остановились у русла с глиной и водой, переехать которые возможности не представлялось. Попробовали сунуться к северу – вязли прямо на степи. Кое-как вернулись на дорогу и заночевали. На 15-20 км сожгли бак бензина.

За сутки немного подсохло и **27/VIII** мы уже гораздо легче объехали тойрим с юга, Чжиримский ключ Шобун чжирима тоже с юга и сравнительно рано добрались до Далан цзадагада; по дороге ничего нового отметить не пришлось.

Монценкопцы проложили новый автослед из Шанхая в аймаг - севернее Нарин хара. Все дороги – наша, Шанхайская и Уланбаторская сходятся к западу от Хан улы. Уланбаторская была уже хорошо накатана[6]. Аймаг расположился к северу от ключа, в порядочном от него отдалении, как и было условлено в прошлом 1931 году для того, чтобы не очень загрязнялась вода[7].

---

6) Ныне автомобильную дорогу Уланбатор – Далан цзадагад перенесли дальше к западу. Она проходит через мон. Ухтал сангин далай, мон. Хошу хид и Баян цзаг, подходя к Далан цзадагаду с северо-запада.

7) Аймачное управление Южно-Гобийского аймага, образованное в результате нового районирования в 1930 году, находилось сначала временно в пос. Дэлгэр хангаяй. Найти для него постоянное место было поручено мне, что я и выполнил во время экспедиции 1931 года. На новое место аймачное

Вернусь к растительности по пути. Сразу за Цаган байшином началась мелкокустарниковая пустынная степь. Пошла сплошная боро бударгана. Далее к ней прибавлялась тана. За Цаган чжиримом появился тэсх, улан бударгана. Тана продолжается. В тойриме у Чжирима - шара бударгана. Далее до Хотон булага в основном та же картина, за исключением, конечно шара бударганы. Наружные склоны Хатон-булагских гор – то же самое. Внутри - травянистая полупустыня с обильным, местами, тэсхом. По горам есть цзагсагал.

Далее на выходе из гор отмечены цзагсагал, нохой ширин, тэсх. По равнине к Улан обо - обе бударганы, тана, хумуль. Много тэсха. У Хутуль усу багалур, улан бударгана. В дальнейшем фон дают, в основном, обе бударганы (главным образом боро бударгана).

Ближе к Галбаин гоби появляется шара модо. За Баян хошу – сплошной багалур. Около Галба сумуна – обе бударганы, шара модо. То же повторяется в основном по всему пути к югу от Цогцола. При пересечении этой гряды внутри нее обнаружены большие пространства хуйрика.

Саксаул отмечен лишь в хоолае между Галба сумуном и Баян хошу. Тамариск – только под Барун хайрханом. Хайлясы – довольно частое явление. Отмечены у Хатон булага, в сайре Улан обо, около Гун сухайту, около Барун хайрхана, около Галба сумуна, по Номоганской части Галбаин гоби, особенно много в Баг модо. Кроме того, довольно много их внутри гор Галба - Цогцол.

Дожди шли почти по всему району равномерно, начались в июле. Хуже всего корма были в районе Далай Сайн шанды, так как там дожди прошли позже всего.

Вследствие хороших дождей во многих местах в сильной степени изменилась типичная картина основных фоновых ассоциаций. Почти везде очень много солянки хамхаг и колючки хамхул. Местами в огромном количестве растет шарильчжа. Так например, степь на бугре к западу от Баян хошу дает сначала впечатление полынной. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что это чистая багалуровая поросль, совершенно заглушенная обильной шарильчжей – результат хороших дождей. Вследствие этого нередко полупустыня производит впечатление хорошо покрытой степи несколько своеобразного вида[8)].

управление перекочевало осенью 1931 года.

8) В своей работе о гобийских пастбищах я называю подобные травянистые растения, появляющиеся после больших осадков и временно меняющие характер основных для данного места фитоассоциаций - “эфемерами”.

Беглый осмотр встречавшихся по дороге хайлясов показал, что здесь, в районе, где их безусловно много, положение Н.М.Пржевальского, что якобы встречаются только старые экземпляры, не совсем верно. Нами наблюдались как деревья среднего возраста, так и молодые. Последних, правда, не очень много, но исключения они не составляют и к каким-нибудь особым местам не приурочены. Больше всего хайлясов в одном месте нам встретилось, как и было указано выше, в сайре Баг модо, где их количество доходит, вероятно до 1000.

Сводя все записи по растительности в единую схему, мы получим следующую общую картину.

1. Участок Далай сайн шанда – выход на тракт – травянистая полупустыня, нередок хумуль по возвышенностям (т.е. в основном), на понижениях сначала переходные формы, а внизу мелкокустарниковая полупустыня. Песков не отмечено.

2. Депрессия Оушин гоби. Песчаная крупнокустарниковая пустыня, достаточно типичная. По закраинам – багалур.

3. Район Эргини усу – Цаган байшин. Травянистая полупустыня с преобладанием хумуля над таной. Значительные пятна закрепленных песков с типичной для этого рода пастбищ растительностью – цаган харагана, соль, сульхир и т.д.

4. Участок Цаган байшин – Галба. Мелкокустарниковая полупустыня, как основной фон. Незначительные включения других ассоциаций.

Следует отметить крайне ничтожное распространение шара бударганы, встречающейся положительно, как исключение. Мало очень, по крайней мере по нашему маршруту, и дэрисуна. Как видно, мои предположения об общем характере растительности Восточно-Гобийского аймага не совсем оправдались.

С фауной (крупной, конечно) дело обстоит чрезвычайно слабо.

Из копытных – одни хара сульты и не в очень большом числе. Встречаются они почти повсеместно, но редковато. Обыкновенны волк и лисица, по холмам и горам водится манул.

Аргали постоянно держатся в Цогцоле (видел следы, лежки). Далее к востоку они бродят в Гурбан цзэрдэ, Ихэ аргалинту, иногда появляются в Хатон-булагской группе, через Солан хэрэ и Хутуг улу доходят до Удэ (изредка). Козлов в районе нет, по-видимому, вовсе. Барс, как-будто,

иногда тоже пробирается до Хатон булага. Относительно рыси точных данных нет. Грызунов наблюдали мало. Тушканчики (*Alactaga saltator*?), шара оготоно, редко гухуль оготоно, зайцы. Боцзолага нет (?).

С птицами тоже слабо. Много и часто видели бульдруков, кэклики наблюдались лишь в Цогцоле, саксаульная сойка – тоже. Ничего интересного, выдающегося, отметить не могу.

Из пресмыкающихся – *Phrinocephalus*'ы. *Eremias* как-то не отметили. Змей не видели вовсе, хотя они, конечно, имеются.

На пути по Шанхайскому нагорью отмечено, что в понижениях большую роль играет боро бударгана, образующая местами чистые поросли. Пространство Галба – Халиб - чистый багалур, местами с тэсхом.

Отмечу, что воды встречали мы очень мало. На участке до большого тракта это может быть объяснено тем, что автодорога не считается с водой, выбирая места, удобные для проезда автомобиля. Но и на большой дороге воды было до грусти мало. На всем его протяжении нами отмечено всего два колодца – Эргини усу (которого мы так и не видели) и Цзамиин гун. Кроме того в самом начале тракта нам попалось что-то вроде ключа. В дальнейшем колодцы встречались чаще. Ключей совсем мало.

Несколько слов о путях сообщения. На основании сделанного нами пересечения в районе к западу от Калганского тракта имеются следующие дороги.

1. Калганский тракт (с ответвлением на аймаг).
2. Хуху хотоский тракт (?), пересеченный нами в 1929 г. около Янта хурэту и прослеженной в текущем году до широты Хубсугула.
3. Харчинская дорога (пересечена нами у Тугурига, близ Цаган байшина).
4. Старый Соланхэрский автотракт.
5. Автодорога аймаг – Хатон булаг, совпадающая на значительном участке с Хуху хотоским трактом. Хобдо – Калганская дорога с вариантами.

Имеется еще несколько мелких дорог. Большинство дорог имеют северо-западно - юго-восточное направление, т.е. являются старыми, китайскими. Перпендикулярных им путей очень мало. Качество всех этих путей весьма различно. Наиболее известный Калганский тракт, идеальный в сухую погоду, показал в этом году, насколько ненадежны гобийские дороги в редкие дождливые годы.

Попавшие в самые дожди автомашины шли из Удэ до Уланбатора

около 20 суток, т.е. тише верблюдов. В нормальное же время тракт этот идеален для автодвижения. На всем перегоне Уланбатор – аймаг плохи только подъем к Чойринским скалам, сильно размытый этими дождями, и небольшой участок песка в Сайн-усинской депрессии. В дальнейшем участок автодороги до старого тракта (№2) приличен, в некоторых местах слегка песчановат и еще плохо пробит машинами (мелкие кочки кустарников), 2-3 песчаных русла. Участок по тракту приличен, за исключением некоторых сайров (самое песчаное русло – около Эргини усу). Дальнейший участок до Хубсугула сносен. Между Хубсугулом и Агаруту – прескверные пески, где, по-видимому, копается каждая машина. Протяжение их невелико – около километра. Агаруту – Цаган байшин – дорога сносна. Цаган байшин – Хатон булаг – тоже, хотя последние 2-3 километра неудобны и каменисты.

Вскоре после нашего прибытия в Далан цзадагад, туда же приехал из Уланбатора гидрогеолог А.А.Маккавеев. Я договорился с ним о посещении его лагеря в ур. Баян и двух совместных экскурсиях – к г. Цзурумтай (где надо было посмотреть уголь и показать Маккавееву ближайший к его лагерю саксаул) и к г. Булаган (проверить один из слухов о нефти и посмотреть свинцовое месторождение). Весь груз оставлен в Далан цзадагаде, где осталась и чувствовавшая себя нездоровой М.А.Симукова. Я поехал на экспедиционном автомобиле с А.Вагаповым.

Поездка в Цзурумтай. Выехали мы из Баяна на автокаре Маккавеева **31/VIII** после полудня. Направление взяли прямо на Хонгор обо, оставив Баян Далай невдалеке вправо. Хонгор обо обогнули с востока, нижним краем бэля. Почва здесь песчаная, тэсховая степь.

За Байшинту почва стала щебнисто-галечной, появилась тана с большими голыми плешинами. Корма здесь хуже, нежели в районе Баян – Баян Далай. Донные бугристые пески Байшинтуской котловины вытянулись в узкий хоолай, отделяющий здесь бэль Хонгор обо от бэля Ихэ аргалинту. Наш путь лежал по северному краю этого хоолая. Километрах в 15 от Байшинту в хоолае обозначился ключ Наран. Хоолай стал поворачивать к западу. Седловина Ихэ аргалинту - Цзурумтай высока и выражена отчетливо, поэтому первый хребет орографически связан именно со вторым, а не с Хонгор обо, от которого отделен глубоким, хотя и не широким хоолаем. С седловины между Ихэ аргалинту и Цзурумтаем к хоолаю спускается широкая ложбина, в которой начинает попадаться саксаул. Тальвег хоолая ближе к Цзурумтаю, нежели к Цзолэну. Бэль первого хребта круче. Ко второму же идет полого поднимающаяся равнина. По нашему пути здесь шел сплошной багалур с

таной. В тальвеге кроме саксаула есть еще и шара бударгана.

Горы Цзурумтай выражены с севера весьма четко. Гребень их слабо изрезан и лишен выдающихся вершин, полого спускаясь к западному и восточному концам хребта. Оба эти мыса не сходят постепенно на нет, а выражены достаточно четко. Хребет в целом лишен характера исключительной скалистости, характеризующей, например, Баян цаган. Изрезан довольно сильно, но формы мелко-круто-округлы. В западной части северного бэля размыты большие террасовые разрезы гобийской свиты.

Против середины Цзурумтая северная окраина хоолая стала выше и более размыта, напоминая невысокие холмы.

Багалур отчасти сменился боро бударганой и шара модо.

Общий характер растительности стал мелкокустарниковый. Впереди четко обозначился Дэнг и Уурт хайрхан.

Миновав середину Цзурумтая, мы спустились в самый хоолай к саксаулу, оставили там рабочих, а сами переехали хоолай и поднялись до половины бэля Цзурумтая, где и заночевали среди классических разрезов-терасс гобийской свиты.

1/IX на заре мы с А.А.Маккавеевым пошли на охоту-экскурсию в горы. Довольно быстро и легко добрались до гребня, откуда открылась широкая картина. На восток горизонт был закрыт основной массой Цзурумтая (мы находились в его западной половине) и видным в профиль хребтом Ихэ аргалинту. На северо-востоке горизонт последовательно закрывали Цзун сайхан и Думда Сайхан. Прямо на север отчетливо виднелся Баян цаган. Цзолэн виден весь. На северо-западе полностью виден Сэбэрэй и далеко за ним чуть маячат вершины Гильбэнта. Южный склон Цзолэна чрезвычайно скалист, изрезан и весьма нечетко отграничен от бэля. В западной части хребта от него отделяется расчлененный низкий хребтик, тянущийся к востоку под острым углом к Цзолэну. В восточной части промежутка между Цзолэном и этим хребтиком и расположен посещенный мною в 1929 г. мон. Цаган дэрэсу, также видный с нашей точки в Цзурумтае. Хребтик этот очевидно упоминается у Козлова под именем Куку нуру. Проверить это название мне пока не пришлось. Наибольшие высоты Цзолэна находятся, по-видимому, в его западной части.

Ихэ номоган едва заметен за гребнем собственно Цзолэна, который представляется с Цзурумтая сплошным хребтом. Прямо на запад, на горизонте виден южный хребет ноян Богда с г. Хугшин Тахилгой. Более северная часть этого хребта с грядой Ханан закрыта группой Дэнг. Эта

последняя отодвинута несколько к северу от линии ноян Богда – Цзурумтай и с нашей точки наблюдения представляется широким и пологим вздутием с насаженными на нем отдельными невысокими скалистыми массивами с мелкими формами. Массивов этих, по-видимому, три. Высшая точка вздутия находится в западной ее части. Взаимное расположение трех массивов Дэнга разобрать трудно. Для этого необходимо объехать эту группу[9]. Между восточным массивом и Цзурумтаем залегает впадина - залив "общего" хоолая к северу от Цзурумтая и Дэнга. Впадина эта закрыта с юго-запада отдельным четко выраженным массивом Уурт хайрхан, стоящим как бы на общем основании с Дэнгом, но на пониженном мысе этого основания. Между Уурт хайрханом и западной оконечностью Цзурумтая имеются "ворота"-прорыв, отмеченный мною с Сайханских высот еще в прошлом 1931 году. Именно этим прорывом (Боро хацабчи?) и прошел Козлов в Камскую экспедицию.

Тальвег ара хоолая Цзурумтая огибает общее вздутие Дэнга с севера, причем против середины вздутия имеется очевидно перегиб, откуда идет сток уже в сторону Тэксэн гола. Весь тальвег этого хоолая, начиная почти от Ихэ аргалинту, в большей или меньшей степени зарос цзагом. Северная отлогость этого хоолая, примыкающая к Цзолэну, достигает наибольшей ширины, по-видимому, против западной части этого хребта, несмотря на то, что Дэнг сильно выдается к северу. Уурт представляется темноцветной массивной горой на яркокрасном мелкосопочном пьедестале. По этим красным холмикам разбросаны многочисленные хайлясы. К югу с нашей точки наблюдения открывается также весьма широкий горизонт. Если на север все заполнено скалистыми хребтами, хотя и разделенными широкими равнинными хоолаями, то на юге картина резко меняется. Преобладает равнина. Сейчас же за Цзурумтаем налицо довольно глубокая и очень широкая депрессия с пятнами барханных песков ("песчаный увал Сербень нуру" Козлова). За ней намечается слабое повышение, замыкающее впоследствии на западе горизонт, примыкая к ноян Богдо. На этом слабо намеченном валу насажены ничтожно возвышающиеся над ним расплывчатая группа Тарбагай – Шобун шара[10] и довольно четкий узкий и острый гребешок Элигэн (?). За широкой седловиной между этими двумя возвышенностями на самом горизонте чуть синеет далекий вал гор Хонгорчжи. Вероятно, виден их западный конец. Восточнее Элигэна видны еще хребтики в районе, примерно, нашего с Глаголевым маршрута 1925 г. (Тэрмис худуг). Шильбисин гол приходится примерно против

9) гору Дэнг я затронул маршрутом 1935 года.

10) См. маршрут Глаголевской партии экспедиции П.К. Козлова в 1925 году.

упомянутой седловины. Но очень трудно сказать, имеет ли он истоком котловину непосредственно к югу от Цзурумтая или начинается на южном склоне этой седловины. Последнее вероятнее. За барханными песками этой седловины чуть видна группа хайлясов. Вообще же район к югу от Цзурумтая можно охарактеризовать, как необъятные пустынные просторы. Разница с Гобийским Алтаем ощутительная, и характеры обоих районов безусловно различны.

Самые горы Цзурумтай в районе точки наблюдения разбиты холмистым ходасом, имеющим сток к югу, на два хребта, из которых южный значительно ниже, но изрезан больше основного хребта и, пожалуй более скалист. Ходас невелик, к западу постепенно повышается и выклинивается. К востоку, по-видимому, тоже.

Центральная часть хребта при взгляде вдоль гребня представляется как бы мелкосопочником, так равно и правильно происходило его размывание. Выдающихся, изрезанных, очень скалистых вершин нет. Сложен хребет в основном метаморфизованными сланцами. На северном склоне в районе нашей экскурсии – гранитом. В ходасе я заметил две юрты – должен быть колодец. Пройдя немного по гребню на восток, я спустился одним из ущелий по направлению к лагерю. Растительность гор типична. Близость пустыни чувствуется сильно. Багалур подымается до гребня. Но в основном преобладают злаки, главным образом, хилагана и хацзар. Много таны. Многие растения цветут. Меня поразило обилие *Incarvillea Potanini*.[11] Из кустарников фон дает цзагсагал. Есть тэсх. Буйлэса мало. На северном склоне пески подымаются местами почти до гребня. С ними подымаются цаган соль и сульхир. А.А. [Маккавеев] нашел старую обмолоченную кучу соломы сульхира. Сбор сульхира в горах, на гребне! Сайр, по которому я спускался, образует в двух или трех местах ступени-водопады во время ливней. Ступени эти, кажется, все находятся в гранитной зоне. В районе нашей экскурсии целый ряд сайров объединяются к выходу из гор в один. Благодаря этому (а может быть и по какой-либо другой причине) в бэле получилась глубокая промоина в виде острого треугольника с отвесными краями. Эти размытые и выветренные края и дают идеальнейший разрез значительной толщи прилегающих к граниту хребта отложений, в которых нами найдены каменный уголь, гипс и горючий сланец. Основную массу отложений составляют глинистые сланцы разнообразнейших цветов. Кроме того есть песчаник и конгломерат (собственно брекчия?). Место в этом отношении чрезвычайно любопытное.

11) *Incarvillea Potanini* отмечена мною в большом количестве в 1935 году также в г. ноян Богдо и Тосоту.

Обильное грубым песком дно размыва поросло редким саксаулом. Это обстоятельство в связи с сыпучим песком кое-где на склонах и желтой и красной расцветкой окрестных обрывов придает всему ландшафту специфически гобийский, пустынный характер. К сожалению мы торопились, а потому я не успел по возвращении с экскурсии (прошел же я не менее 16 км по горам) сделать необходимые фотоснимки.

Фауна посещенной части Цзурумтая: видел следы аргали, несколько стай *Caccabis*'ов, саксаульных соек, подымающихся также до гребня. На бэле - сульты. Спускаясь по ущелью вниз, я нашел колодец и два убульчжона. Вечером накануне в обрывах ухал филин.

Около часу дня в самую жару, мы вернулись вниз, в саксаул. Автомобиль загрузили этим последним и направились в обратный путь. По краю саксаула мною отмечена мелкокустарниковая полупустыня. На обратном пути мы поднялись сначала немного выше по бэлю Цзолэна, к восточной оконечности Хуху нуру, и тем самым объехали размытую, холмистую часть бэля внизу у тальвега. Наиболее скверным участком пути оказался восточный бэль Хонгор обо, изобилующий мелкими промоинами и кочкообразующими кустарниками (тэсх и уртуцза – *Oxytropis aciphylla*). Южный бэль Цзолэна вполне проходим для авто. Полагаю, что этим бэлем можно проехать до Алтан улы.

Седловина Ихэ аргалинту – Цзурумтай также доступна, по-видимому, автомобилям. Относительно же Боро хацабчи – трудно сказать что-либо определенное.

Вернулись в Баян еще до заката.

2/IX я съездил в Баян Далай и Байшинту. Линию Баян Далай – Баян я сделал базисом (13 км) для новой глазомерной триангуляции района к югу от Сайханов. Вычерчивание дало хорошие результаты и я думаю, что новая карта этого района, при использовании моих старых материалов (1929, 1930 и 1931 г.г.), будет достаточно верной.

Из Байшинту я взял хранившиеся там метеорологические будки и столбы для передачи Маккавеевской партии. Несмотря на все пертурбации, вещи эти сохранились.

3/IX мы с А.А.Маккавеевым на моей машине выехали в разъезд на юго-восток, желая посмотреть кл. Ингриин цзадагай (нефть). Выбрались довольно поздно. Поехали привычным уже маршрутом по Цончжиин цзам[12)] на восток, от Чиндамани свернули севернее, на Цаган гол. В Цаган

12) См. записи экспедиции 1930 года.

голе стоит Хурумэин сумун. Зайдя в кооператив, свернули на юг, к кол. Тугуригу. К северу от холмов Булаган наткнулись на большое стадо цзэрэ (сульты в этом районе не видели), из которого убили двух. От Тугурига поехали по дороге по южному подножью Улцзэйту ундура (осенний маршрут 1931 года). За колодцем, у которого мы выехали на эту дорогу в прошлом году, дорога затерялась, и мы нашли ее через несколько километров, спустившись в хоолай. Против Уцзюр сучжи снова увидели значительное стадо цаган цзэрэ. Продолжая ехать по дороге, мы увидели вскоре в западном конце ара хоолая Бага номогана, у озерка Хармагтай, постройку и юрты Булаган сумуна[13)] и незадолго перед закатом солнца были там. Сумун стоял к югу от озерка, недалеко от северного склона восточного края Бага номогана. Вся долина к северу от обоих Номоганов густо зеленела. Это составляло чрезвычайный контраст с 1930 годом, когда я именно здесь фотографировал, как образцы, совершенно бесплодные пространства.

4/IX. Получив из сумуна проводника к горе Булаган, мы довольно поздно выехали на юг. Через километр-полтора въехали в восточную оконечность Бага номогана и еще через полкилометра оказались на совершенно незаметном с севера перевале. Далее начался длиннейший спуск по сайру Уголцзин. До выхода из гор спускались 14-13 км. Горы здесь чрезвычайно расчленены и представляются отдельными скалистыми массивами и сопками, в сильной степени разобщенными, с мелкими холмами и широкими сайрами в промежутках. К западу, впрочем, массивы эти сдвинуты более тесно. Очень сильно выражен пустынный загар и вообще у гор вид гобийский. Растительность в основном – горная травянистая полупустыня. Колодец нам встретился только один.

От южного подножья гор должен был открыться широкий вид на Борцзон гоби и южные грядки и гряды. Но все кругом было в сильной мгле, что в соединении с ветром предвещало, по-видимому, дождь. Никаких горизонтов. С трудом взял засечки на ближайшие хребтики.

Впереди за гладкой покатой к югу равниной протянулся длинный хребтик Дурульчжи с прорывом Хацабчи на восточном конце. Западная часть этой гряды расплывчата. На юго-западе виднелась почти на широте Дурульчжи тоже весьма расплывчатая грядка Нарин цохио. Ближе ее более четко выделяется маленькая группа Тахилт шандани улан. На западе видно продолжение Бага номогана. На восток также видно продолжение гор, из которых мы только что выехали, еще более

13) Ныне Номоган сумун.

расплывчатое и беспорядочное. Там невдалеке к югу вытягивается мелкоскалисто-холмистый мыс Хайляст хяр. Между его южным концом и восточным концом Дурульчжи помещается еще довольно четкий хребетик Хобурин дэль. Наконец, далее на восток в тумане чуть обрисовывалась громада Хурхэ, которая должна была бы быть видна во всех подробностях.

Далее пошел пологий спуск без дороги по гладкой щебнистой равнине, скупо поросшей багалуром. Здесь было всего два дождя по 4 пальца[14] (см. площадки №№ 56 и 57). Подъехав к Хацабчи, мы спустились в сайр и еще через километр миновали ключик того же имени. Около сайра бугры с нитрарией.

Далее на 4 километра тянулись низкие холмы с редкой растительностью. Затем они кончились и снова пошла чуть волнистая, покатая к югу, поросшая багалуром щебнистая равнина с редкими низкими холмами-террасами. Это уже северная окраина Борцзон гоби. Вскоре слева пошла дорога на мон. Эхин цзаг, и несколько км мы ехали по ней. Где-то здесь мы пересекли глаголевский маршрут 1925 года, а сами ехали почти по маршруту Казакевича 1924 года[15]. Впереди под бугром показались крыши мон. Эхин цзаг. Мы свернули с дороги вправо и проехали в километре-полутора от монастыря к западу от него. Эхин цзаг расположен на спуске с террасы к широкому сайру Цубурагиин гол. Сайр этот, усеянный донными буграми с нитрарией, мы пересекли легко. После легкого подъема началась равнина, слегка волнистая. В тумане впереди и вправо виднелись горы Цохио. Слева тянулась депрессия. Дороги нет. Сначала тянулись рассеянные по песчано-щебнисто-гравийной поверхности в одиночку и группами песчанные бугры с нитрарией. В промежутках – никакой растительности. Местами попадались совершенно оголенные увалы. Настоящая пустыня. Далее влево осталась группа сыпучих, совершенно оголенных больших барханов. Понемногу стал появляться саксаул, ставший скоро почти сплошным. Мы держались в основном его западной окраины. Восточнее, в депрессии, то и дело виднелись пески. Кроме того пески залегают и западнее нашего пути, близ подножья Цохио. Увидав в саксауле аил из двух юрт, мы заехали туда и напились чаю. Это было зажиточное, видимо, хозяйство, почти исключительно верблюдоводческое. Аил стоял на колодце Амаин усу. В его районе прошел хороший дождь и растительность была вполне приличная (см.

14) т.е. промочивших почву на глубину в 4 пальца каждый. Монгольский способ определения силы дождя.

15) Маршрут Н.М.Пржевальского остался восточнее.

площадки №№ 62 и 63). Мелкокустарниковая пустыня с примесью однолетних, как результат дождя.

Продолжая двигаться далее на юг, по направлению к слабо видневшемуся во мгле кряжу Халцзан, мы въехали скоро снова в донные бугристые пески такого же характера, как и на северной окраине Борцзон гоби, пересекли 2-3 неудобных размытых сайра и вскоре увидели монастырек Улан эрги, стоящий на большом русле с разбросанными хайлясами. В километре за монастырем стояли юрты погранзаставы, где мы и остановились на ночевку, пересекши таким образом полностью Борцзон гоби. Автомобили до нас здесь бывали – мы видели старый след. Фауны по дороге никакой – только под Улан эрги, да в самом начале близ Хацабчи видели нескольких хара сульт. Мгла сильно испортила нам все дело. Вместо площадной съемки всей котловины я даже не мог как следует взять всего маршрута. Суровая сама по себе Борцзон гоби казалась еще более жуткой в глухой серой мгле.

Вечером, как и полагается, начало капать и всю ночь то и дело моросил дождь с ветром средней силы.

Оба монастырька – Эхин цзаг и Улан эрги – даже по-южному невелики и рассчитаны на 50-100 лам каждый (максимум). Стиль южный. Глиняные постройки, храмы смешанного тибето-китайского стиля. Сильно напоминают мон. Ламаин дуган и Баг модо. Между прочим монастырей с названием Баг модо два - один находится в уратском хошуне. Халхасский называется Халхаин баг модо.

Саксаульные заросли Борцзон гоби весьма обширны – тянутся на десятки километров, достаточно густы. Саксаул достигает 2-х с лишним метров высоты. Сток Цубурагин гола направлен, видимо, на восток.

5/IX. С утра шел перемежающийся дождик. Сначала предполагали сделать разъезд на верблюдах или конях к югу, на Халцзан, но потом из-за дождя отставили это дело. Боясь застрять с машиной, решили доехать до следующей на запад заставы Улан тологой, которая находилась под самым Булаганом. Перед отъездом немного прояснило и я [с]мог взять засечки на большое расстояние. От поста открывается следующий вид. Открыта вся депрессия Борцзон гоби, ограниченная с севера длинной цепью гор Хурхэ, протянувшихся с северо-запада на юго-восток. Хребет представляется сплошным, с неровным гребнем, разбитым седловинами на ряд массивов с отдельными вершинами. К юго-востоку от восточного конца хребта видна отдельная группа, виденная нами в 1930 году. Точного ее названия я так и не узнал. Еще далее к юго-востоку виден отдельный конус Ундур богда. Южнее горизонт закрыт пологим возвышением,

составляющим южную ограду депрессии. Продольной долины, разрезающей восточную часть Хурхэ и виденной мною в 1925 году, не видно, но проводник указал мне направление, в котором находится ее устье. Долина эта, по его же словам, на востоке замкнута и с севера ее не видно, что могу подтвердить и я на основании виденного в 1930 году. Таким образом горы, в которых мы охотились в 1925 году, есть часть Хурхэ. Тот же проводник указал мне направление на Хайчи даба, кл. Борцзон и на Баян булаг. В сторону Эхин цзага почти ничего не было видно. Ближе обозначалась восточная оконечность гор Цохио. На юге невдалеке виднеется короткий, но высокий, с крутыми боками и ровным гребнем кряж Халцзан. Восточнее его выступали еще невысокие горы Аргал или Аргалинту. На западе глазам наблюдателя представляется запутанная система мелких скалистых грядок, за которыми возвышается весьма напоминающая по характеру Халцзан гора Булаган. Грядка, лежащая севернее линии Халцзана называется Цанкэ, далее к северу идет гряда Сухайн хара.

Между ними залегает продольная долина, повышающаяся к западу и запертая (на взгляд) в том направлении грядкой Хонгиль, находящейся к северо-востоку от Булагана.

Выехав с поста, мы направились к этой долине, держа [направление] на выступающие посредине ее устья холмики Цахюр.

Достигнув этих холмиков, мы в дальнейшем направились вверх по долине, выбирая удобные для проезда места. Вся она изрезана сетью сайров и оврагов, собирающихся в большом русле, которое направляется к центральному тойриму Борцзон гоби. Здесь местность уже имеет вид настоящей пустыни, так как, несмотря на прошедшие дожди, растительность сосредоточена по водостокам и плоские водоразделы этих водостоков совершенно оголены.

Вскоре за Цахюром долина значительно расширяется. Мы держались ее левого по течению (северного) края, следя за чуть заметной колеей прошедшего здесь не так давно автомобиля аймуправления. Дорога на этом участке прескверная. Выше долина сузилась, мы спустились в сайр и уже по сайру поднялись до Хонгиля. Южнее последнего есть седловинка на которую мы и поднялись. Хонгиль – небольшая грядка широтного направления. Сайр, по которому мы подымались, уходит дальше в горы севернее Хонгиля. С седловинки открылся вид на небольшую котловину, лежащую непосредственно у северного подножья Булагана. С запада котловина эта закрыта грядкой с острой вершинкой Цалагай. Сток этой котловины направлен на юго-восток и проходит восточнее Булагана, уходя в одну из южных депрессий. С севера котловина эта закрыта

скалистым мелкосопочником.

В западной части котловины у подножья небольшого красноватого холма Улан тологой и был расположен следующий от Улан эрги к западу пост Улан тологой. Приехали мы туда довольно поздно и заночевали[16].

6/IX. Довольно поздно, после обеда, приехал вызванный начальником заставы проводник, старик охотник Хухэнху, с которым мы и отправились верхом на верблюдах в разъезд на свинцовые месторождения и ключ Ингриин цзадагай. Общее направление разъезда – юго-восток. Сначала поехали почти прямо на юг, огибая гряду Булаган с востока. Выехали на ведущую в Ловун чимбу дорогу (маршрут В.А.Обручева). За невысоким перевальчиком взяли влево, к востоку, в горы и в одном из русел, открывающихся к югу, Хухэнху показал нам многочисленные копани, где местное население добывало свинцовую руду[17].

Окрестные горы (Дугуй) сложены розоватым гранитом. Осмотрев месторождение, мы двинулись дальше на восток к ключу Ингриин цзадагай. Ключ этот расположен у южного подножья гряды, служащей восточным продолжением Булагана и выклинивающейся группой Цанкэ невдалеке к югу от Улан эрги. От ключа хорошо виден Халцзан. Вся местность далее к югу, к границе, представляется морем мелкого скалистого серого мелкосопочника и имеет очень суровый, пустынный вид. На юго-востоке виден обрывистый кряж Далангиин нуру, весьма напоминающий как кряж Халцзан, так и Булаган, и сложенный, по всей вероятности, тем же гранитом. Об этом говорит и его цвет (розовато-желтоватый). На ключе никаких следов нефти. Это можно было ожидать, видя окружающие породы. Вода очень хороша. От засух ключ не страдает, но и не прибавляется особенно от дождей. Две вершинки. Сток всего района ключа – далекие южные депрессии за границей (например Хэрэс ингэни гоби). Так, по крайней мере, говорят монголы. В окрестностях встречено несколько хара сульт.

Возвращались мы в Улан тологой уже ночью; вел Хухэнху и часа через три мы были на месте. Этот небольшой разъездик помимо специальных вопросов познакомил меня с общим характером самого южного угла Монгольской Народной Республики.

Кроме сульт по горам, по словам Хухэнху, изредка проходят аргали.

---

16) Здесь мой маршрут пересекает маршрут В.А.Обручева, шедшего окружным путем с Эцзин гола через ноян Богдо, мон. Байшинту, горы Ихэ аргалинту и Цохио на Желтую реку.

17) Руда эта оказалась очень богатой свинцом.

Волков в округе почти нет, так как он добросовестно их истребляет, несмотря ни на какое время года, и следит по следам за появлением новых особей. Хуланы в районе не появляются, встречаясь очень редко лишь, может быть, в районе Эхин цзага.

Месторождения свинца распространены широко. Кроме осмотренного нами места, месторождения эти имеются и далее к югу, и в Далангиин нуру и (?) к западу от Булагана.

Сам Хухэнху постоянно кочевал южнее Булагана, но теперь перекочевал несколько к северу, за линию постов и живет км в 7-10 от Улан тологоя.

С этим разъездом мы считали нашу основную задачу оконченной и отъезд в обратный путь назначили на 7/IX.

7/IX. Утром я проинтервьюировал Хухэнху о его бюджете.

Ответы он давал охотно и, видимо, правильные. Сам он член партии. Хозяйство его исключительно верблюдоводческое. Мелкого скота нет вовсе. Всего верблюдов у него 30 штук. Из них до 20 маток и около 10 атанов. Взрослых маток 7, старых атанов 5. Остальное - молодь. В прошлом году приплод был 6-7 ботого. Нынче – 2 (верблюдицы дают приплод раз в два года).

Шерсти он собирает 5-8, в среднем 7 джинов с головы. Сдавал ее Монценкопу по 51 мунгу за джин. Итого доход от шерсти – 107 тугриков. В истекшем году один из его верблюдов сходил в Алтанбулаг. Хухэнху получил за это 30 тугр. В этом и выражается его денежный доход от стада (137-140 тугр.). Молоко все расходится в хозяйстве и учесть его, конечно, трудно.

Кроме того Хухэнху – дархан-слесарь. Охотно берет работу по выделке трубок, замков и т.п., имея от этого довольно крупный приработок. Так, за истекший год он заработал не менее 100 тугр. Итого его годовой доход выражается округло в 250 тугр.

Расходы же были следующие.

Он купил за год около 200 джинов муки, что стоит приблизительно 48 тугр., и столько же пшена, что стоит 44 тугр. Итого хлебопродуктов на 92 тугр. Чая идет около 18 кирпичей в год – 27 тугр. За зиму он купил и съел со своей семьей около десятка мелкого скота – баранов и коз, что ему стало в 50-60 тугр. Итого - на питание истрачено округло до 180 тугр.

Гутул за истекший год он совсем не покупал, далемб купил всего 4 шт. - 8 тугр.

Для выделки войлоков он купил до 50 джинов овечьей шерсти по 25 мунгу за чжин – 12 тугр. 50 мунгу. Итого пока расход выражается в сумме

до 200 тугр. Неучтенной осталась разная мелочь – табак, сахар и прочее. Налога он не платил.

Семья его состоит из 4 человек: он с женой и двое детей, еще маленьких. Хухэнху 64 года.

Основной вывод – концы с концами он сводит хорошо исключительно благодаря трудовому заработку, как слесарь.

Кочует он очень мало. Народу кроме него в округе почти нет, радиус выпаса у верблюдов большой и кочевой темперамент Хухэнху, как видно, невысок.

Пушнины он в истекшем году не продавал, так как убил всего 2 волков и то в неурочное время. Цзэрэнов бил очень мало.

После расспросов я занялся укосными площадками в окрестностях поста. Общий стиль растительного покрова тот же, что и в долине к востоку от Хонгиля. Мы имеем совершенно или почти совершенно оголенные щебнистые плоскости, разделенные сайрами и просто мелкими водостоками, по которым и ютится вся растительность. Всю формацию можно, пожалуй, назвать крупнокустарниковой пустыней. Из кустарников чаще всего попадается нохой ширин. По западинам много отдельных донных песчаных бугров с хармаком. Там же растет разрозненный дэрис. Кроме того изредка встречаются кусты буйлэса, цзагсагала и караганы. Травянистая растительность состоит, главным образом, из шарильчжи, хамхага, разной мелочи, боролзая, изредка хилаганы, хумуля и мелких злачков. По бортам плешин и на самих плешинах – редкая боро бударгана и улан бударгана.

Дожди в этом году прошли хорошие. Чаще вся эта мелочь не появляется вовсе и верблюды питаются одними кустарниками. Прошлый год был также хорош, а до того около 10 лет стояла засуха. Лу могой жил Хухэнху помнит, как сильную засуху.

Около полудня мы тронулись дальше на северо-запад, взяв проводником одного из цириков. Этот последний должен был довести нас до поста Улан дэль.

Ехали без дороги, изредка замечая старые следы автомобиля, прошедшего до нас. Взяв на запад, км через 8 мы поднялись на плоскую седловину между грядой Булаган и хребтиком Цалагай, выдвинутом к югу из скалистого мелкосопочника, окружающего Улан-тологойскую котловину с севера. Эта седловина составляет западную границу указанной котловины. По дороге к ней, в сайре, я заметил обнажение пласта конгломерата, а на самой седловине – выход песчаника. Таким образом эта сравнительно незначительная котловина, окруженная изверженными породами (главным образом граниты) выполнена осадочной толщей. У

восточного подножья Цалагая расположен опустевший в настоящее время монастырек Булаган хурал.

За Цалагайской седловиной открылся спуск в обширную депрессию, окруженную со всех сторон горами. Спустившись немного в юго-западном направлении, мы повернули на северо-запад и поехали по восточной окраине этой депрессии, как бы под бэлем Цалагая. Картина открылась следующая. Депрессия имеет заметную покатость на юг, где, суживаясь, видимо, в одно русло, прорывает южную свою ограду – обширный скалистый мелкосопочник. К этому же прорыву уходят и западные отроги Булагана. Западнее прорыва в мелкосопочнике резко выделяется высокий останец, имеющий форму майхана. Это Гургуль хайрхан. Тот же скалистый мелкосопочник охватывает описываемую депрессию и с запада, составляя, как выяснилось позже, восточное продолжение обширной и сложной, хоть и невысокой гряды Хундус.

К нему примыкает более высокая гряда (или две-три параллельных грядки), замыкающая депрессию с севера.

Наиболее высокая часть этой гряды называется Гурбан булагиин хяр. Направление – широтное. Между восточной оконечностью этой гряды и общей массой гор, лежащих к северу от Улан тологоя (назовем их Цохиони шили) есть неширокий плоский проход-седловина, составляющая крайний северо-восточный угол очерченной выше депрессии. Именно к этой седловине, все время подымаясь, мы и направились.

К северу от Гурбан булагиин хяра виднеется более высокая гряда, выклинивающаяся к западу. Это – Цзун цохио, на северном склоне которых расположен мон. Аршан хурал. Дорога по депрессии была прескверная – вся ее плоскость была изрезана тысячами водомоинок, сайров и больших русел. Растительность – крупнокустарниковая пустыня, с приуроченным к водостокам покровом. Среди кустарников преобладает нохой ширин. Второй ярус дают обе бударганы и третий – травянистые (боролзай, хилагана). Последние сосредоточены исключительно по водостокам. Словом, типичная картина крупнокустарниковой формации.

Выше у седловины картина стала меняться. Обильным стал багалур, образующий здесь фон. По нему рассыпана редкая сеть тэсха и прибавляются хумуль и редкая шарильчжи.

Около седловины я взобрался на горку восточной оконечности Булагиин хяра. С нее хорошо видна вся южная депрессия с Гургуль хайрханом, Булаган, Цалагай.

К северу от гряды Гурбан булагиин хяр, между ней и грядой Цохиони шили, переходящей на западе в горы Цзун цохио, идет в широтном (скорее З.-С.-З.) направлении широкая долина, покатая к западу и имеющая

вершиной-истоком тот же проход-седловину, только что упомянутую. Вниз по этой долине, точнее наискось, по направлению к западной оконечности г. Цзун цохио, и лежал наш путь.

Багалуровая с плохой, островками, хилаганой степь перешла ниже в мелкокустарниковую (обе бударганы, главным образом боро бударгана) полупустыню. Почва местами делалась песчаной; начинающиеся в гряде Цохио сайры идут не на запад, по долине, а поперек ее, прорывая гряду Гурбан булагиин хяр. Против западной оконечности гор Цзун цохио - гряды довольно узкой - гряда Гурбан булагиин хяр выклинилась. Путь наш стал поворачивать к северу, постепенно подымаясь. Бэль гор здесь – снова крупнокустарникового характера. На юг открывается более широкий вид, но о нем ниже.

Ныряя по оврагам бэля, мы углубились в холмы невысокой грядки, составляющей кулисообразное продолжение (более северное) гор Цзун цохио, перевалили их малозаметным с юга перевальчиком и спустились в глубокую продольную долину, отделяющую Цзун цохио с их продолжением от гор Барун цохио, имеющих такое же продолжение. Именно этой долиной шли мы с Глаголевым в 1925 г., ночевав в оставшемся км в 15-20 к востоку, на северном склоне г. Цзун цохио мон. Аршан хурал. Кол. Сайрин худуг находится в этой же долине, но несколько ниже, к западу от нашего пересечения.

Пересекши эту долину, мы стали подыматься широким логом к западной оконечности гор Барун цохио, на седловину между этими горами и продолжением их к западу. Уже стемнело, и пришлось зажечь фары.

Поковыляв по руслам и буграм, мы свернули по одному из русел вверх, к востоку, и, въехав в довольно дикие горы, уже в полной темноте остановились у погранпоста Улан дэль, стоявшего в горах, у сайра с колодцем. Отсюда на север вела уже довольно накатанная автомобилями дорога на Байшинту, совпадающая со старой большой дорогой на Алашань.

8/IX. Первая половина дня была посвящена подробному осмотру далеких горизонтов, открывающихся с вершин, расположенных около поста. Виды открываются обширнейшие - от Хурхэ до ноян Богда и от Хундуса до Цзун сайхана.

Осмотр этот дал следующее.

На юго-востоке видна верхушка кряжа Булаган, но горизонт закрыт грядой Гурбан булагиин хяр, из-за которой чуть видна вершина Гургуль хайрхана. На меридиане западной оконечности Цзун цохио, Гурбан

булагиин хяр прерывается, выклиниваясь. На его же линии далее к западу возвышаются одна-две мелкие холмистые группы, а затем подымается гряда Шабаганцаин хяр, составляющая начало большой гряды, уходящей далеко на запад. Наивысшую видимую ее часть, расположенную к Ю.-З. от Шабаганцаин хяра, мне называли "Тологойту хяр".

К восточной же оконечности Шабаганцаин хяра примыкают (?) и холмы, составляющие продолжение гор Цзун цохио. К югу от линии Гурбан булагиин хяр – Шабаганцаин хяр, за указанными выше прорывами видна большая широтная депрессия – Хундусиин ара хоолай. Видна, собственно, ее восточная часть, тут же выклинивающаяся и отгороженная от депрессии к югу от Гурбан булагиин хяра перемычкой скалистых холмов. За Хундусиин ара хоолаем горизонт замыкается широкой грядой Хундус, имеющей широтное направление. Восточное крыло этой гряды уходит к Гургуль хайрхану и к нему примыкает вышеуказанная холмистая перемычка, составляющая восточную границу Хундусиин ара хоолая. Сама гряда Хундус на видимом участке разбита слабым понижением на две части, имеющие самостоятельные вершины – Цзун хундус и Барун хундус. Таков характер южного горизонта.

Долина, отделяющая Цзун цохио от Барун цохио и, понижающаяся к западу, в дальнейшем расширяется и становится ара хоолаем гряды Шабаганцаин хяр – Тологойту хяр. Именно в этой долине расположены Сайрин худуг, Хэримиин худуг, Тэрмис худуг и, далее на запад, Хоолаин гашун худуг. Таким образом эта долина открывается к руслу Шильбис. Между ее тальвегом и северным склоном Тологойту хяра залегает широкий бэль-терраса, на которой останцами торчат две горы – Ихэ ула и Бага ула (по Глаголеву). Тологойту хяр на меридиане Шильбиса должен, как-будто, выклиниваться. В описываемой долине сильно развиты пески и саксаул. Кроме того, примерно в районе Хэримиин худуга, посреди ее торчит конический останец Хатон суудль.

Северную окраину описанной долины составляют сначала холмистые грядки, являющиеся продолжением гор Барун цохио. Часть их носит название Тугуриг. Далее на этой же линии встает скалисто-холмистая группа Элигэн, выклинивающаяся на западе у Шильбисинского русла.

Между Элигэном и Тугуригом на той же линии находится еще небольшая черная грядка, названия которой я не знаю.

Разрозненные холмистые грядки, составляющие западное продолжение гор Барун цохио, образуют как бы треугольник, направленный вершиной к западу, по направлению к Элигэну. Холмы, составляющие эту вершину, называются Цахир. К северной стороне этого треугольника прислонена гряда высоких песчаных барханов с острыми верхушками и ребрами,

сильно напоминающих Хонгориин элэсу. Гряда эта локализована и имеет северо-западное направление, имея в длину около 15 км.

Подробности района к северо-западу и северу от Улан Дэля см. ниже в описании дальнейшего маршрута.

Дальние же подробности нижеследующие.

Хорошо видна вся южная гряда Гобийского Алтая, начиная от ноян Богда, в котором четко выделяется Хугшин тахилга и отчасти видны горы к западу от нее. Далее видны Дэнг, отношение которого к ноян Богдо разобрать трудно, четко виден Уурт хайрхан, затем Цзурумтай, Ихэ аргалинту. К югу от этой очень четко выраженной цепи залегает обширнейший хоолай, замкнутый на западе повышением между ноян Богдо и слабой возвышенностью Тарбагай – Шобун шара. Имеет ли он выход в Шильбисинский сайр или нет – вопрос. По съемкам – будто да, но осмотр с Цзурумтая этого, как-будто, не обнаружил. Может быть этот выход не широк и замаскирован увалами?

К северу от Элигэна и на южной окраине собственно указанного хоолая на обширной равнине торчит одинокая грядка Атагар.

Таким образом, густо укрытая грядами скалистая пустыня района Цохио как бы замирает к западу и северо-западу, превращаясь в обширную равнину, уходящую затем к депрессии Эцзингольских озер.

Южная часть скалистой пустыни в виде гряд Хундус и Хонгорчжи вытягивается дальше всего к западу, выклиниваясь уже недалеко от Эцзина.

Южная гряда Гобийского Алтая к востоку от Ихэ аргалинту сильно снижается, так как Бага аргалинту представляется с высоты Барун цохио холмистым вздутием крайне незначительной относительной высоты. За этим вздутием полностью виден стоящий на высоком бэле, значительная часть которого также видна, Цзун сайхан.

Убур хоолай Улцзэйту ундура с Эрдэни булагом открывается в убур хоолай обоих Аргалинту. Далее на восток, кроме Улцзэйту ундура и Дала уха, видны оба Номогана и значительная часть хр. Хурхэ, до его восточной оконечности (?). Между Ихэ номоганом и группой Цохио существует плоская седловина-перемычка, разделяющая бассейны Борцзон гоби, к которой с этой перемычки сбегает долина Цубурагиин гол, и убур хоолая Аргалинту.

На этой перемычке разбросаны отдельные небольшие грядки, например, Нарин цохио и т.д. К югу от Эрдэни булага имеется отдельная возвышенность в виде гладкого плоского купола, называемая, кажется, Мандал.

Такова, в общих чертах, картина, развертывающаяся перед глазами с

западных вершин гор Барун цохио. Горы эти лежат к северо-западу от гор Цзун цохио, на общем пьедестале, кулисообразно. Разделены узкой долиной, заканчивающейся на востоке, против восточного конца Барун цохио, холмистой перемычкой.

В гряде Цзун цохио видна вершина, у северного подножья которой, в холмах, находится монастырь Аршан булаг.

Изучение всей вышеописанной картины заняло полдня, после чего мы тронулись в дальнейший путь.

Спустившись от поста по сайру в западном направлении, мы через пару километров выехали на тропу, идущую вдоль вала Юншобу хэрим[18]. Вал этот заметен на этом участке хорошо. Местами видны следы кладки из дикого камня. В дальнейшем он отмечен близ Хэримиин худуга и Тэрмис худуга нами еще в 1925 г. Кроме того Казакевич нашел его к востоку от гор Цохио. Следуя довольно-таки причудливым изгибам этого вала в северо-западном направлении, мы км через 3-4 выбрались на большую дорогу меридианального направления, проходящую южнее, вероятно через Сайр худуг. Ландшафт вокруг совершенно гобийский. На западе в непосредственной близости видна упомянутая выше песчаная гряда, начинается саксаул, в обрыве увала выходы песчаника. Покров был очень плох. Хорошая дорога повела нас вниз, через редкую саксауловую поросль к высокому характерному останцу Харату, оставшемуся в километре к западу от дороги. Затем мы перевалили грядку увалов, совершенно оголенных. К востоку горизонт был закрыт тоже увалами, составляющими как бы бэль гор Барун цохио. По долинам между увалов зеленела кое-какая растительность. Так, около Харату отмечены боро бударгана и багалур. Эта скудная зелень привлекала, тем не менее, довольно много хара сульт, встречавшихся на каждом шагу. За грядкой увалов дорога пересекает долину с той же растительностью (багалур, боро бударгана, редкий хумуль), бывшей к тому же, в плохом, сильно подсохшем состоянии. Широтная долинка эта закрыта с севера небольшой горной грядкой, названия которой я так и не узнал. У ее подножья на дороге два колодца; обоими давно не пользовались, вода провоняла и застоялась. Объезжая эти горки с востока, мы перевалили протянувшуюся от них на восток же грядку холмов, перевальчик этот был на 30-ом км от Улан дэля.

---

18) Весьма древнее сооружение, относящееся, возможно, к временам расцвета тангутского царства Ся. О нем упоминают П.К.Козлов и В.А.Казакевич (рукопись “Центральная Гоби и Золотой Караул”). Вал этот направляется к Эцзингольским озерам. Восточнее Борцзон гоби он пока не прослежен. Возможно, что с ним связаны древние сторожевые башни и остатки укрепления у г. Гурбан цзэрдэ (см. заметки экспедиции 1930 г.).

Взгляд с перевальчика назад показал уже отмеченную пересеченность местности к северо-западу от Барун цохио мелкими формами рельефа. В районе Харату нам пришлось одолеть песчаный подъем на террасу, не очень удобный.

На север от перевальчика, км в 15 наметилась новая небольшая группа горок – Босо. Растительность по дороге – преимущественно мелкокустарниковая пустыня. Местами встречались хара сульты.

Пересекши новую долинку, мы подъехали к группе Босо. У подножья каменистой горки с обо - снова два колодца. С горки этой открывается широкий вид и я мог сделать повторные засечки на весь северный горизонт от ноян Богда до Бага аргалинту и Цзун сайхана. Номоганы были закрыты облаками. На юго-западе были видны Элигэн и горки к востоку от него, на западе – Атагар. За седловиной Цзурумтай – Ихэ аргалинту виднелась вершина Баян цагана.

Местность к западу от Босо, по направлению к Атагару, представляется слабо повышенной, разделяя собственно убур хоолай Цзурумтая от ара хоолая Элигэна, выклинивающегося на востоке в районе нашей дороги, южнее безымянной группы горок.

Холмы северного склона Босо, среди которых идет дорога, сильно занесены песком. Растительность соответствующая, вплоть до мелкого саксаула.

За этими холмами открывается обширнейший хоолай с правильными пологими склонами. Сначала идет полоса песчаной крупнокустарниковый пустыни. Наиболее часты нохой ширин, торлаг, цаган карагана. Эта полоса занимает всю верхнюю половину южной (обращенной к северу) покати хоолая. Ниже начинается мелкий саксаул. Еще ниже – проходит неширокая полоса багалура. Затем по тальвегу идет снова не очень густой саксаул средней величины. Северная покать в ее основной части – совершенно чистый багалур на ровной слабо покатой мелкощебнистой равнине. Идеальная багалуровая полупустыня. Багалур крупный, хороший. Здесь у нижнего края этого багалура, мы встретили одинокого жеребца хулана. Хуланьи следы начались еще в холмах северного склона Босо. До хоолая встречались сульты. Около горки в Босо, где я брал засечки, Абдурахман удачным выстрелом уложил самца хара сульты.

Вечер был очень чист и хорош. Где-то около ноян Богда садилось солнце. Мы легко катили по хорошей дороге среди постепенно повышавшейся багалуровой степи. От кустиков багалура на чистый щебень ложились четкие тени. Впереди стенами вставали Цзурумтай и Ихэ аргалинту, к седловине между которыми ведет дорога. Картина совершенно гобийская.

Ихэ аргалинту имеют с юга значительно более внушительный вид, нежели с севера, вставая четкой крутой и изрезанной скалистой стеной. На их южном бэле, довольно далеко от гор, имеется маленький хребтик Хэбтэ, вытянутый в направлении с С.-З. на Ю.-В. Дорога пересекает его западную окраину, идя среди мягких холмов.

Под его северным склоном мы увидели несколько юрт – первые после Борцзон гоби, если не считать [юрту] Хухэнху.

Далее начались террасы собственно бэля, размытые руслами, шедшими почти поперек дороги. Луково-злаковая полупустыня. Затем снова пошел ровный подъем, и на седловину Цэлиин хутуль мы поднялись беспрепятственно.

Общая ширина хоолая от подножья Босо до Цэлиин хутуля оказалась равной приблизительно 40 км.

Солнце уже село. С седловины я взял засечки на Сэбэрэй, Баян цаган и обратную на Барун цохио. Дорога здесь раздвоилась, и мы поехали было по восточной, но очень скоро начались широкие и глубокие овраги, промытые в толще гобийских осадочных пород, с прекрасными многометровыми разрезами, но совершенно непригодные для автодвижения, похожие на таковые по ара бэлю Цзурумтая, но несколько меньшего масштаба. Одолев сумасшедший подъемчик с песчаным косогором, совершенно в жюльверновском, по мнению Абдурахмана, вкусе (дорогу прокопали, но в первый раз машину чуть не обернули), мы встали в тупик перед песчаным подъемом во втором овраге, тем более, что стемнело и мы ехали с фарами. Пришлось спуститься по руслу вниз и выехать на западную дорогу. По этой дороге уже в полной темноте мы спустились в тальвег, как раз к ключу Наран. Думая перебраться и обогнуть Байшинтуские пески с запада, мы здорово сели передними колесами в ключ и провозились там довольно долго. Пришлось тут же заночевать, хотя мы и собирались добраться до Баяна. Ночью я до 4-х часов сидел над съемкой, заканчивая материал по разъезду. Съемка получилась весьма широкая. Несколько испортил дело туман в Борцзон гоби, не давший возможности захватить целиком Хурхэ и точно дать Ундур богда. Дело отчасти исправится съемкой 1930 года.

Всего Баянский разъезд дал до 40.000 кв. км съемки.

9/IX. Утром я определил засечками местоположение Нарана и мы, благополучно переехав ключ, добрались до Баяна, закончив таким образом шестидневный разъезд.

Между прочим, глаз не может подметить перегиб в узком тальвеге, идущем от Байшинту к Нарану и далее к ара хоолаю Цзурумтая.

Маккавеев высказал предположение, что если не наружный (что покажет нивелировка), то подземный перегиб имеется, и ключ Наран – это избыточная вода, переливающаяся через край подземного Байшинтуского бассейна.

Впоследствии мне сообщили монголы, что по их мнению вода Баяна появляется в Байшинту, затем в Наране и, далее, в Цаган голе. Этот последний ключ, которого мы не видели, находится в ара хоолае Цзурумтая, выше того места, где мы этот хоолай пересекли. Остается открытым вопрос: имеет ли вся эта система выход на юг, через Боро хацабчи, или нет.

Всю остальную часть дня я занимался вычерчиванием съемки, пользуясь отчасти материалами 1931 года. Получился большой планшет, копию которого Маккавеев взял для своей партии.

С одним из знакомых у меня зашел как-то разговор о вулкановидной отдельной горке, находящейся к югу от ноян Богда. Оказывается, что эта горка – Галбас – по всей вероятности действительно вулкан, так как по словам рассказчика хорошо сохранился кратер.

Цогту Очир сообщил мне, что помимо угля на том же ара бэле Цзурумтая имеется медь и квасцы (? байбан). Им же сообщено, что в Хонгорчжи имеется свинец лучшего качества, нежели в Булагане.

Хас Очир рассказал, что где-то в Хундусе имеется ключ, из которого вытекает некая жидкая масса, не замерзающая зимой. Он заказал привезти бутылку этой массы для показа Маккавееву и отсылки в Уланбатор.

17/IX. Мы выехали из Далан Цзадагая на запад. Как водится, всякие дела задержали нас до обеда. Поехали по прямому направлению на ключ Бацзар. Объехав его с юга, на западных холмах выехали на дорогу, по которой и двинулись дальше на северо-запад. Дорога идет как бы по высокой террасе, разрезанной местами пологими долинами. Километрах в 20 от Бацзара на дороге небольшой ключик и два колодца Нюцугун. За этим колодцем мы потеряли дорогу и напрямик выехали на пересечение с Сайханской западной дорогой (фыновской) км в 2-3-х южнее кл. Дала. Найдя здесь снова нужную нам старую дорогу мы проехали еще км 13-14 и остановились на ночлег у кл. Булаган, проехав за этот день около 100 км. Весь путь – щебнистая травянистая ковыльково-луковая полупустыня, местами с примесью багалура, местами с обильным хацзаром. Корма были посредственны. Дождей было, видимо, мало и при этом поздних. В районе Далы встретились многочисленные стада цаган цзэрэ и одинокий крупный волк. В участке Бацзар – Дала разобраться довольно трудно. К северу от этой террасы (иначе это место не назовешь) тянется широтная

долинка, ограничивающая с юга гряду Ханан. Весь вопрос в том, является ли эта долинка стоком для всей Бацзар-хуйтэнской депрессии, или нет. Вопрос этот заинтересовал меня еще осенью прошлого года, когда я смотрел на район Бацзара во время случайной экскурсии-охоты с гор восточной части Думда сайхана. Далее, идет ли этот сток до Улан нура, или нет? Вот вопросы, которые пока еще для меня неясны.

Начиная от кл. Дала упомянутая терраса падает размытыми мысами уже непосредственно к котловине оз. Улан нур, видного с нашей остановки. По котловине этой разбросаны террасы-останцы. Хорошо видно западное крыло гряды Ханан с острой сопкой, видной почти от Хошу хида. Улан нур в этом году был наполнен водой. Насколько участие принимала в этом р. Онгиин гол – сказать трудно.

18/IX. Простояли на той же стоянке, приводя в порядок автомобиль. Немного экскурсировали.

За Улан нуром на север и, главным образом, северо-запад идет постепенное волнистое поднятие. Высшая точка его – горы Ахар. На юг упомянутая терраса идет до подножья Барун сайхана ровной щебнистой степью. В месте обрыва этой террасы к северу, т.е. на линии нашей дороги, часты места, близости подпочвенных вод. Тогда появляются наплывы нитрариевых бугров, дэрисун и ирис.

Корма в окрестностях стоянки были скверные. Растения очень мелки - видимо летом дождей не было, а недавно прошел поздний дождь. Народу не было совершенно. Араты еще в прошлом 1931 году в большинстве скочевали на южные склоны Сайханов, да там и остались.

19/IX выехали дальше на северо-запад. Дорога шла по-прежнему под краем террасы. Через 8 км переехали ключ Нарин, после которого поднялись на террасу, здесь достаточно высокую. Отсюда очень слабо были видны вершины Дэлгэр хангаяя.

Далее дорога пошла по верху террасы, прорезанному местами пологими оврагами. Почва делается более песчаной, соответственно этому меняется и растительность. Появился мелкий шара шабаг, цаган харагана. Стал попадаться соль. Километров через 14 после ключа Нарин дорога подходит к крутому спуску с террасы. Внизу, в яме, у южного подножья большого обрывистого белого останца-террасы, находится ур. Тугуриг. Большое пятно дэриса, яркой зелени, с двумя-тремя синими пятнами соленых озерков. Вероятно, есть ключ. Посмотреть подробно не было времени. Спустившись вниз, мы обогнули это урочище с юга, изрядно покопавшись в песке и сменив, кроме того, спустившую покрышку.

Здесь на склоне террасы, отмечена средней густоты кочковатая поросль *Convolvulus Gortschakovii*, между которыми обычный травянистый фон, бывший здесь очень бедным и редким. Редко разбросаны кусты цаган хараганы. С высокой террасы, ограничивающей яму Тугурига с запада, видны подробности восточного бэля Арца богда. Эта высокая терраса, изрезанная местами открытыми к северу долинами, уходит к Ю.-В. оконечности Арца богда – хребтику Цзун халцзан. Угол же между нею и бэлем Арца богда представляется пониженным, местами холмистым, и имеет сток на северо-восток, в сторону Улан нура. Яма Тугурига также имеет род выхода к северу. Кроме того между упомянутым белым останцом и террасой, с которой мы спустились к Тугуригу, на северо-восток уходит небольшая долина с редким саксаулом.

Перевалив неширокий мыс террасы, с которой я смотрел на запад, дорога, направляясь прямо на северо-восточный мыс Арца богда, пересекает небольшой тальвег с дэрисунными и нитрариевыми буграми. Есть вода – временная, или постоянная – не скажу. По закраинам тальвега немного шара бударганы, затем улан бударгана и боро бударгана. За тальвегом начались низкие базальтовые холмы, почти без почвы и потому, а кроме того и вследствие плохих осадков, лишенные, или почти лишенные растительного покрова. Лишь местами попадался мелкий багалур, по руслам – мелкий саксаул, уже пожелтевший и ярко выделявшийся на черном фоне холмов.

Холмы эти протянулись по дороге км на 10, имея большое развитие к северо-востоку от дороги, нежели к северо-западу от нее. Далее пошли те же холмы, но уже сложенные сланцами. За узкой полосой мелкого саксаула на базальтовом щебне и камнях мы стали переезжать небольшой сайр с ключиком Бумба. Совершенно неожиданно правое заднее колесо автомобиля провалилось до оси в прикрытую обыкновенной глинисто-гравийной солонцовой коркой жижу красной глины. К счастью эта подземная яма[19)], в которую уходило 3/4 лопаты, оказалась небольшой по площади и три остальных колеса были на сухом. Пока возились с цепями и домкратом – уже стемнело. Разбили палатку, вытащили авто и заночевали. Ночью был сильный ветер, переходивший в бурю.

20/IX. Двинулись дальше, все по той же дороге. Между прочим я не

19) Такие подземные ямы в сайрах, выполненные жидкой глиной, встречались мне и раньше (в 1929 г. у кол. Шабагтай к северу от г. Хояр улцзэйту и в 1930 г. в южной гряде Шанхайского нагорья). Происхождение их загадочно. Быть может это остатки древних колодцев.

заметил, где от этой дороги отходит ветвь, уходящая на южный склон Арца богда и идущая далее на Лэгин гол и Юм бэйсэ. Отойти она могла у Нарина, либо в Тугуриге.

Через два километра после стоянки – очень неудобный глинистый овраг с ключом (Цабчир?). За этим оврагом стало ровнее, но очень каменисто. Растительность – травянистая полупустыня с багалуром, в основном, а по водостокам – главным образом боро бударгана – была очень плоха.

Дождей, видимо, почти не было, да и прошедшие небольшие дождики были поздними. Начался заметный подъем наискось по бэлю к самой С.-В. оконечности Арца богда, так хорошо видной с западной Сайханской дороги. Утро, вследствие ночного ветра, было мглистое, дали задернуты и взять засечку на Дэлгэр хангаяй, как я рассчитывал, мне не удалось. Километров через 9 после стоянки проехали 3 колодца Цзамиин хашату и заехали в стоявшую неподалеку юрту. Это были первые люди на нашем пути после уртона в Нюцугуне. Соображения, высказанные выше, относительно дождя, подтвердились.

“Американская” дорога (маршрут Эндрюса) находится значительно ниже этого места, Чацеринги худуг П.К.Козлова – тоже.

Все время подымаясь по весьма каменистой дороге, мы скоро добрались до подножья С.-В. мыса Арца богда. Здесь корма были уже лучше. Травянистая полупустыня с тэсхом. Хара сульт, изредка встречавшихся внизу, сменили цаган цзэрэ. По дороге нам попалось довольно большое стада.

Около мыса, откуда еще видны Барун и Думда Сайханы, как бы кончается Сайханский район и начинается район Гурбан богда (Арца -, Бага - и Ихэ богда).

Дорога делается в дальнейшем менее камениста и несколько спускается, отходя от гор к северу. Здесь высокий бэль занят местами почти чистой ковыльковой ассоциацией.

С севера горизонт закрыт холмами и увалами широтного направления, подпирающих ара бэль Арца богда.

Впереди виднеется громада Бага богда, а ближе ее черный плоский стол Тэбши. Горы Арца богда представляются с севера очень крутыми, слабо скалистыми, но тем не менее, сильно изрезанными. Ара бэль полог и, к удивлению, почти лишен сайров, представляя собой просто ровную степную покатость. Объясняется этот факт, отчасти, вероятно, следующим образом: северный склон Арца богда, несмотря на свою высоту и крутизну, очень короток, и сайры не успевают забрать, так сказать, силу.

Под бэлем все время идут холмы. Удаляясь постепенно от Арца богда,

дорога направилась на перевальчик к северу от Тэбши, между этой последней горой и скалистой грядой, именуемой на сорокаверстке "Ульцзуйта". Именно через этот перевальчик прошли мы с Глаголевым в 1926 году[20], перевалив Арца богда с юга на север перевалом Харангат.

Доехав до урочища Хояр худуг (дэрисун и бугры с нитрарией), я расспросил местных жителей о местонахождении управления Хобдо сумуна. Здесь мы свернули с дороги под острым углом к западу и направились гладкой, покатой к северу степью бэля к проходу между Арца богда и южной оконечностью г. Тэбши. Растительность по степи – преимущественно ковыльково-луковая, местами с боро и улан-бударганой.

Вскоре после Хояр худуга мы оставили в нескольких км к северу ключ Тухум, а затем стали огибать с севера г. Тэбши, подымаясь на слабо выраженную седловину между ней и г. Арца богда. За этой седловиной начался спуск в долину рч. Хобдо гол. Поднявшись по этой речке км на 4, мы остановились на южной ее стороне, против сумунного управления Хобдо сумуна.

21/IX. Для подробного ознакомления с пустыней к югу от Арца богда и Бага богда я решил сделать разъезд в ту сторону, так как ехать в Убур-Хангайский аймаг южной стороной Бага богда через Тана даба мне отсоветовали – трудно пересечь ара хоолай.

Взяв проводника, мы собрались и выехали в западном направлении. О районе к северу от Арца богда я скажу ниже. Ехали без дороги, под северным бэлем Арца богда, здесь очень коротким и слабокаменистым. Горы и здесь, в их западном конце, сохраняют описанный выше характер – т.е. очень крутосклонны и сравнительно бедны скалами. К северу от нашего пути шел постепенно поднимающийся к западу тальвег Хобдо гола, исток которого мы скоро и миновали.

Впереди обозначилась плоская седловина между западной оконечностью гор Арца богда и восточным крылом хр. Бага богда. Проехав непосредственно у подножья западной оконечности Арца богда, мы пологой степной покатостью стали подниматься на эту седловину (Далангиин хутуль).

Продолжением Арца богда к западу служит гряда невысоких горок и холмов, протянувшаяся на 15 км. Она отделена от Арца богда довольно пологой седловиной.

Поравнявшись с вершиной этой гряды, мы остановились, и я поднялся

20) Обратный путь Восточной партии экспедиции П.К.Козлова.

на нее вместе с проводником. Вид открылся обширный – на юг до цепи Сэбэрэй - Алтан ула, и на запад до Ихэ Баян цагана и Ихэ богда. Но подробно о всей этой местности – несколько ниже. Увидев впереди км в 15-20 хребтик Барун халцзан, я решил спуститься к нему, для того, чтобы рассмотреть южную пустыню во всех подробностях. Вернувшись к автомобилю, мы поехали далее к западу, в объезд упомянутой гряды холмов, одновременно спускаясь с Далангиин Хутуля. Километров через пять гряда выклинилась. В сайре, ограничивающем ее с запада, находится ключ Таргату гол. Повернув к югу, к Барун халцзану, мы ехали по заметно покатой к югу щебнистой равнине, прорезанной неглубокими сайрами и водостоками. Невдалеке от Барун халцзана пересекли полосу саксаула, растущего на песке по бокам большого сайра, идущего от западной оконечности Арца богда. За этим руслом вскоре подошло второе, ограничивающее Барун халцзан с севера. Тоже редкий саксаул. После короткого песчаного с камнем и щебнем подъема мы остановились у северного подножья Барун халцзана, решив здесь ночевать. Не теряя времени, я полез с проводником по скалам на вершину. Открывающийся с Барун халцзана вид заслуживает детального описания.

Южный горизонт замкнут цепью Сэбэрэй - Алтан ула. Видны Бага Номоган, Ихэ номоган, Сэбэрэй, Гильбэнт, Нэмэгэту и Алтан ула. Оба Номогана представляются отдельными звеньями этой цепи, соединенными низкой перемычкой гор. Цзолэна не видно вовсе. В остальном осмотр этой цепи с Барун халцзана ничего нового не дает.

Далее к юго-востоку горизонт закрыт цепью Барун сайхан – Баян боро нуру. Западная оконечность последнего хребта и возвышенность Эриэн, соединенная с этой оконечностью плоской седловиной, видны отчетливо. Между Эриэн и цепью Номоган – Сэбэрэй желтеют огромные песчаные барханы Хонгор элэсу. Почти в подробностях виден наш маршрут 1931 года вдоль этих песков.

На юго-западе подымается широкий и относительно невысокий вал Баян-цаганской гряды, в котором выделяются несколько вершин Ихэ Баян цагана. Вал этот пологим мысом спускается к востоку, где против Гильбэнта выклинивается окончательно. В этом районе, т.е. к северу от Гильбэнта, намечается наибольшее понижение рельефа для всей видимой с Барун халцзана местности. Туда же спускается расплывшаяся западная оконечность песков Хонгор элэсу. Посредине расстояния между Эриэн и восточным мысом Баян-цаганской гряды, к северо-западу от западной оконечности Хонгор элэсу находится расплывчатая и довольно обширная (до 20 км в диаметре) группа холмов и горок Цзун шорголга и Барун Шорголга. Именно в этих холмах и путались мы в прошлом 1931 году

ночью и утром после объезда Хонгорских песков. Все пространство между Барун халцзаном и этой группой, а также между Барун халцзаном и восточной частью Баян-цаганской гряды – покатая к югу щебнистая равнина, совершенно пустынная. Западнее Барун халцзана эта равнина подымается далее к северу и непосредственно переходит в южный бэль хр. Бага богда.

К западу от Барун халцзана на этой равнине одиноко торчит оригинальный правильный черный конус горки Хатан суудль, отмеченный еще Клеменцем.

Создается впечатление, что сток всей этой равнины направляется в проход между холмами Барун Шорголга и восточным мысом Баян-цаганской гряды, заканчиваясь в ара хоолае Гильбэнта, т.е. в так называемой "Чудиновской яме"[21]. Предположение это было подтверждено проводником, но все же еще требует проверки.

Весьма трудно было разобраться в западном горизонте.

Хорошо виден в профиль Ихэ богда. Основная часть этого хребта представляет собой, вообще говоря, треугольник, вершиной направленный к западу. Наиболее высокая часть хребта находится в вершине треугольника. С Барун халцзана треугольник этот виден со стороны его основания. Хорошо различимы огромные ледниковые кары истоков ущелья Битютэн ама. Верхняя часть хр. Ихэ богда представляется плоской, покатой к востоку и прорезанной узкими немногочисленными ущельями. Ближе, к востоку от основной части Ихэ богда, выделяется столообразная, явно базальтовая гора Чжаран. К востоко-юго-востоку от Ихэ богда хорошо видна скалистая группа Ихэ Халбаганту с трапециевидной вершиной. Еще ближе Ихэ Халбаганта видна низкая скалистая темная гряда Гойоту, уходящая, постепенно выклиниваясь, на север, к седловине Тана Хутуля. В районе седловины видна островершинная горка Тана Хутулиин босог.

Бага богда с юга имеет совершенно иной вид, нежели с севера. Острой трапециевидной скалистой северной вершины не видно. Южная вершина плоска, склоны хребта круто ниспадают к бэлю и весь он имеет какой-то куполообразный вид. Бэль гладкий, без холмов. Труднее всего разобраться в районе между Ихэ Баян цаганом и Ихэ богда.

Впечатление, что там, кроме собственно Баян-цаганской гряды есть еще одна грядка, расположенная севернее и отделенная от первой гряды покатой неширокой плоскостью вроде бэля. Лэгин гол расположен, как-будто, под восточным мысом этой второй гряды, у северного его

21) Ширэгин-гашунская котловина (см. мою работу об остатках ископаемой фауны в этой котловине).

подножья.

Осмотр всего вышеописанного и работа с бусолью заняли часа два-три. Солнце уже садилось, когда мы вернулись к своему лагерю.

22/X. Утром я снова слазил на вершину Барун халцзана и тщательно просмотрел всю панораму снова.

После этого мы двинулись дальше, решив пробраться поближе к Дулан богда.

Сам Барун халцзан – короткий и крутой, весьма скалистый хребтик, сложенный известняками, очень круто падающими на юг. Местами скалы совершенно отвесны. Короткие ущелья северного склона чрезвычайно дики, круты и завалены крупными обломками и щебнем.

Растительности мало. Обычный комплекс гобийских гор – хилагана, местами йерхуг и еще кое-что. Зимой здесь держатся козы, приходящие с Арца богда. С юга к Барун халцзану непосредственно примыкают невысокие черные сланцевые холмы. Они также в достаточной мере каменисты и скалисты. Это Барун халцзангиин араг.

По северному склону Барун халцзана воды нет вовсе.

Проехав несколько км по северному бэлю Барун халцзана по направлению к востоку, мы выехали на тропу, идущую в том же направлении. Влево у самой дороги остался маленький холмообразный хребтик. Далее с севера от западной оконечности Арца богда подошел широкий сайр с редким саксаулом, направляющийся в прорыв восточной оконечности Барун халцзана. Не доезжая сайра мы встретили одинокого хулана.

Далее через километр дорогу пересекло второе русло с колодцем Шабагиин усу, около которого араты из ближних юрт катали войлока.

Восточнее колодца, Барун халцзан выклинился окончательно и дорога пошла покатой к югу равниной, сплошь изрезанной сайрами и оврагами. По руслам местами попадался саксаул, тамариск и дэрис. В остальном у местности характер крупнокустарниковой пустыни где кустарники сосредоточены по руслам и водостокам, а на неразмытых плоскостях – бедная травянистая растительность. Дождей здесь было немного, и корма были посредственны. Дорога для автомобиля очень плохая – все время приходится ковылять по руслам и мысам. По такой дороге мы проехали еще несколько километров и остановились у колодца Тулигун усу близ большого меридианального русла, за которым возвышается небольшой известковый холм того же имени. Здесь я нанял лошадей и поехал дальше на восток к Дулан богда вместе с проводником.

В нескольких километрах от стоянки Тулигун усу мы пересекли широкий и глубокий сайр, врезанный в толщу красной глины и потому видный издалека. Этот сайр, как и вообще все большие сайры, встреченные нами, берет начало на южном склоне хребта Арца богда.

Еще в 3-4 км далее к востоку находится новое широкое русло, уже не врезанное в равнину и весьма обильное тамариском, соответственно чему оно и носит название “Сухайту”. Вскоре за этим руслом мы подъехали к южному склону группы Гахай цэхэр, к урочищу Гахай, находящемуся в широкой размывине, идущей в меридианальном направлении, от южного склона вышеупомянутой группы. Группа Гахай цэхэр состоит из двух частей – северной, обрывистой, крутобокой и скалистой, напоминающей по характеру хребтик Барун халцзан, и южной, невысокой, округлой и пологой. Обе части сложены известняками. За ур. Гахай мы, продолжая огибать Гахай цэхэр с юга, повернули несколько к северо-востоку и вскоре, поднявшись по волнистой террасе немного вверх, оказались на краю глубокого ущелья прорезанного в слоистой известковой толще. Неудобный, доступный лишь верховому и лего навьюченному верблюду спуск привел нас на дно ущелья. По забочинам сайра здесь растет дэрисун. В самом сайре течет небольшой ключ.

Известняк здесь имеет очень правильную слоистость. Простирание в основном широтное, некрутое падение на юг. Ясно выраженные слои имеют одинаковую толщину в 20-30 см.

Падение их не везде одинаково. В одном месте отмечена ясно видная двойная складка. Проехав с километр вверх по ущелью, мы выбрались наверх, на его восточную террасу и продолжали свой путь к востоку. Здесь мы ехали у подножья гряды Нарин хара. Эта скалистая гряда, сложенная в основном метаморфизованными глинистыми сланцами, тянется длинным хребтиком вдоль всего южного склона западной половины хребта Арца богда, будучи отделена от последнего широким и ровным, покатым к югу бэлем этого хребта. Вышеописанное ущелье прорывает эту гряду в месте сочленения ее с группой Гахай цэхэр. Здесь, невдалеке от нашего пути, известняки контактируют со сланцами, накрывая эти сланцы и имея близ места контакта весьма крутое падение (до 60°). Гряда Нарин хара не сплошная. Она разделена широким проходом на две половины. Сайры южного бэля западной половины Арца богда либо направляются в этот проход, либо прорывают гряду насквозь.

Западная оконечность Нарин хара находится примерно на меридиане восточной оконечности Барун халцзана, значительно севернее последней. Участок южного бэля западной оконечности хр. Арца богда против западного конца Нарин хара имеет холмистый характер.

Проехав несколько км вдоль южного подножья Нарин хара, мы заночевали в бедной юрте среди скалистых холмов. Отсюда до Дулан богда оставались уже сущие пустяки. Вся дорога от Гахай цэхэра имеет характер частью травянистой, частью мелкокустарниковой полупустыни с сильно щебнистой поверхностью. Корма были весьма посредственны.

23/IX. Утром поехали дальше, все в том же восточном направлении, снова вдоль подножья Нарин хара.

Довольно высокая и крутая группа Дулан богда виднелась всего в нескольких км. Проехав это расстояние, мы пересекли русло, отделяющее восточную оконечность Нарин хара от западной окраины группы Дулан богда и въехали в эти последние горы с их западной стороны. Поднявшись по сайру к подножью западной вершины, я оставил лошадей и проводника, и поднялся на нее. Группа Дулан богда оказалась сложенной исключительно известняками с простиранием приблизительно 280-310 и падением в 40-60° к югу.

В главной части массива известняки эти имеют весьма четко выраженную слоистость, аналогичную наблюдавшейся в ущелье по дороге (см. выше). Юго-западная часть массива - те же известняки, но уже без этой слоистости, с округлыми формами поверхности. Ущелья дики, круты, завалены крупным известняком и щебнем. Особенно диким оказалось ущелье к юго-западу от западной вершины (Сэндэртэй хундэй). Левая (по течению) его сторона – почти, а местами и совсем отвесные скалы. Правая – сильно изрезанные скалистые гребни. Сайр ущелья крут, завален обломками. Место для горных козлов, барса и ягнятника.

В отвесных скалах левого бока имеется небольшая пещера-щель. Около нее на высоте 15 метров от подножья скалы имеется какой-то натек желтовато-розового цвета. Вещество это монголы называют “сэндэр” и указывают, что оно употребляется в тибетской медицине.

К данному натеку сумел когда-то подобраться один охотник, вероятно сверху и с помощью веревки. Снизу же подобраться почти невозможно. Я пробовал отстрелить кусок этого натека, но безрезультатно.

Сэндэртэй хундэй внизу меняет западное направление на южное, но при этом сужается в такую щель, что с конем пробраться там нет никакой возможности. Поэтому нам пришлось выехать из гор почти старым путем, а потом огибать их бэлем с юга. На южном склоне падение известняков делается более пологим, не превышая 30°. Бэль сложен (на его поверхности, по крайней мере) брекчией, падающей также на юг под углом в 20-30°. Проехав немного по бэлю, мы въехали в главное ущелье массива Дулан богда, разрезающее его почти пополам. Наиболее высокие вершины

массива находятся к востоку от этого ущелья.

Проехав немного вверх по большому сайру, мы повернули к востоку и одним из крутых, но широких логов поднялись к одной из вершин. По дороге встретили стадо горных козлов с 2-3 хорошими рогачами, по которым я исправно промахнулся. С вершины, на которую я забрался пешком, открылась обширная панорама, охватывающая все виденное с Барун халцзана плюс район к западу от Бугу хайрхана и к югу и юго-востоку от Дулан богда.

Хребет Арца богда, имеющий в основном почти строго широтное направление, образует в районе его северо-восточного мыса некий излом и под тупым углом поворачивает к юго-востоку, постепенно снижаясь и сужаясь. Именно в этой его части находится хорошо видный с Дулан богда конус Бугу хайрхана. Водораздел хребта Арца богда находится, по-видимому, севернее средней линии этих гор. Насколько крут северный склон Арца богда, настолько полог южный, имеющий вид постепенно поднимающегося к гребню ровного мелкосопочника. К югу от Арца богда залегает уже упомянутый выше широкий и пологий бэль. Бэль этот ограничен с юга грядой Нарин хара – Дулан богда. К востоку от Дулан богда на этой же линии находятся еще две небольшие горные группы, за которыми идет расплывчатая гряда низких холмов, примыкающая к хр. Арца богда в углу упомянутого выше излома. К юго-востоку от Дулан богда имеется длинная, но очень низкая и узкая грядка Хацабчи (глаголевский маршрут 1926 года). Южнее этой грядки тянется линия разрозненных низких холмов Томбон, примыкающая на востоке к низкой розоватого цвета грядке Яган унэту. Далее к югу, после довольно широкого равнинного пространства (тальвег?) тянется грядка Буридуни хуху, возвышенная западная часть которой называется Охид. Далее к югу есть еще грядка разрозненных холмов, у южного подножья которых находится ключ Дуган гол. На западе холмы эти примыкают, по-видимому, к отдельной горке Тубши, находящейся на меридиане г. Эриэн, недалеко к северу от последней. К западу от Тубши тянется постепенно выклинивающийся мыс, ограничивающий с севера покатую песчаную равнину, замкнутую с юга песками Хонгор элэсу, а с востока – возвышенностью Эриэн (см. заметки 1931 г.). К северо-западу от этого мыса возвышается связанная с ним холмами (?) вытянутая в широтном направлении волнообразная грядка Талаин гашун. Между Талаин гашун и Цзун шорголга имеется еще одна грядка черного цвета, также вытянутая в широтном направлении. Ее название – Хулангиин цапчал. Она приходится против северного конца впадины с песками, протянувшейся к северу от западной оконечности Хонгор элэсу, той самой, проход через

которую для машины искал я в прошлом 1931 г. С севера к гряде Хулангиин цапчал примыкает участок барханных песков Хосиин элэсу, около которых, к северу же от Хулангиин цапчала, видна одинокая конусообразная горка Хос.

К северо-западу от Талаин гашуна имеется еще гряда Улаин гашун, несколько меньшего, нежели Талаин гашун, размера, также вытянутая в широтном направлении.

К югу от Дулан богда находится группа почти черных, наверное вулканического происхождения, горок Цзосту. Помимо них в этом же районе, т.е. к северу от Талаин гашуна, разбросан ряд одиноких холмов то конусообразного (Шомбон, Тоорай), то столовидного (Тэбши, Ихэ- и Бага дурбэльчжи) вида, также, по всей вероятности, вулканического происхождения.

Таким образом, пространство между возвышенностью Эриэн и Арца богда, имея, в основном, характер обычного широкого желобообразного хоолая, оказалось испещренным мелкими грядами широтного направления и группой отдельных горок вулканического происхождения.

Почти на меридиане Бугу хайрхана между ним и Баян боро нуру видно пятно песков Хояр худуг. Цзун халцзана не видно. На его линии (почти по меридиану) посреди равнины есть еще одна горка желтоватого цвета.

(АИГМ № 120, машинопись) **1933 г.**

Программа полевой работы А.Д.Симукова в сезон 1933 г.

Летний сезон 1933 года предполагается использовать для изучения кочевок и скотоводческого хозяйства вообще путем детального изучения небольшого участка (одного сумуна). Таким участком выбран Ихэ тамир сумун Ара-Хангайского аймага. Причины выбора именно этого сумуна заключаются в следующем: 1) участок типичен для густонаселенной части Ара-Хангая, 2) география его изучена в 1928 г., 3) имеется съемка, 4) налицо прочные связи с населением.

Подлежат выяснению следующие вопросы.

Раздел I. Кочевки

1. Место и время летовок, причины выбора места, постоянство летовок, нормальное количество летних перекочевок, естественные факторы, на него влияющие: корма, вода, насекомые, температурные и др. климатические данные, видовой состав стада и т.д.

2. Те же вопросы по осенним кочевкам.

3. Зимние кочевки. Кочуют ли зимой. Время перехода на убульчжон и время уходя с него. Постоянство убульчжона. Необходимые условия, определяющие его местонахождение.
   Особо: подробное описание убульчжонов (***фото***), местонахождение, топография, характер постройки и т.д.

4. Весенние кочевки. Те же вопросы, что и по летовкам.

5. Какие факторы, помимо естественно-географических, влияют на выбор места для стоянок, число и направление кочевок: экономическая зависимость от зажиточных хозяйств, родственные и другие связи, поиски побочных заработков, монастырь, лавка, служба и т.п.

6. Отклонения от нормального хода кочевок, их причины (цзут и т.п.). Периодичность или эпизодичность отклонений, их характер, размеры.

7. Стеснен ли выбор пастбищ и места для стоянок и чем именно. Какие тенденции намечаются в отношении кочевок. Кочевки в прошлом.

8. Нанесение кочевых орбит на карту.

(АИГМ № 120, автограф) **1933 г.**

Краткий предварительный отчет о работе 1-ой партии Объединенной экспедиции НКЗ СССР, МСЗ МНР и НИК МНР за время с 20/VII по 8/VIII 1933 г.

1. Хронология работ

20/VII члены партии Н.П.Максимов, А.М.Михалевская и Г.Доржиев выехали из Уланбатора к месту работы в Цэцэрлиг, где к этому времени находились начальник партии А.Д.Симуков и прикомандированный к экспедиции зоотехник Г.В.Успенский. 22/VII партия полностью собралась в Цэцэрлиге. Починка автомобиля задержала партию до 25/VII. Это время было использовано для покупки ряда предметов дополнительного снаряжения. В этот день партия частью на автомобиле, а частью на лошадях выехала в Ихэ тамир сумун. Два дня 26 и 27/VII были потрачены на передвижение на быках в верховья р. Хойту Тамир, откуда было предположено начать работы. Полевая работа была начата 28/VII. 8/VIII были закончены работы по изучению высокогорной зоны Ихэ тамир сумуна и партия передвинулась в его центральную часть.

2. Методы работы

Ввиду разнообразия задач экспедиции и специальностей членов партии, последняя была разбита на группы и работа проводилась каждой группой отдельно. В наиболее центральном месте избранного для первого этапа работ района была устроена база, и работа групп производилась разъездами налегке по радиусам. Т[оварищи] Максимов, Михалевская и Доржиев работали совместно по съемке района, картированию пастбищ и определению их кормовой производительности. Для них был нанят отдельный проводник-рабочий. Эта группа захватила частью и ненаселенные высокогорные участки и пробыла в разъезде 7 дней. Во второй группе работал т[оварищ] Успенский с отдельным переводчиком, нанятым в Цэцэрлиге. Эта группа, имея специальное задание изучать вопросы животноводства, работала самостоятельно время от времени возвращаясь на базу. На последней постоянно находился нанятый на месте рабочий.

Начальник партии А.Д.Симуков работал отдельно, составляя особую группу и изучая кочевки и ряд других вопросов, входящих в программу экспедиции. Кроме того, встречаясь неоднократно в разъездах с двумя первыми группами, он разрешал на месте возникавшие в процессе работ разные вопросы технического и методического порядка. На нем же лежала обязанность поддерживать связь с местной властью и населением.

3. Результаты работ

В десятидневный срок проделана следующая работа.

1. Засняты глазомерной съемкой в масштабе 1:100.000 верховья р. Хойту Тамир (сделан маршрутный ход в 112 км) (Н.П.Максимов).

2. Собраны материалы для картирования пастбищ по этому маршруту (А.М.Михалевская).

3. Для определения кормовой производительности района собрано 64 укосных площадки по 1 кв. м каждая. Особое внимание уделено высокогорным ассоциациям, так как в дальнейшем они встречаться не будут (А.М.Михалевская).

4. Установлены кочевые участки всех хозяйств (150), кочующих по указанному району, места зимовок, летовок и т.д., число годовых перекочевок, их время и т.д. (А.Д.Симуков).

5. Собраны материалы о порядке землепользования в районе (А.Д.Симуков).

6. Установлены принципы объединения в хотоны (группы), характер последних и взаимоотношения внутри них (А.Д.Симуков).

7. Изучены методы ведения скотоводческого хозяйства (выбор производителей, время случки, содержание молодняка и т.д.) (Г.В.Успенский).

8. Выяснены размеры и характер сенокошения (Успенский и Симуков).

9. Получены данные по факторам состава стада отдельных хозяйств, процентам отхода, причинам последнего, официальные и частично

проверенные расспросные данные по количеству скота в каждом хозяйстве изученного района (Симуков и Успенский).

10. Собраны мнения лучших скотоводов по вопросу улучшения местного скотоводческого хозяйства (А.Д.Симуков).

В результате получена полная картина скотоводческого хозяйства района, на основании которой уже можно сделать ряд ценных практических выводов, приводить которые тем не менее, мы считаем пока преждевременным.

В общем изучением затронуты все вопросы, указанные в программе экспедиции.

8/VIII-33 г. **Нач. 1ой партии А.Симуков.**

(АИГМ № 119, машинопись) **1934 г., [1933 г.]**

А.Д. Симуков

Краткий предварительный отчет о полевой работе 1933 года
(Приложение: Географический очерк Ихэ Тамир сомона Ара-Хангайского аймака)

Объектом исследований в полевой сезон текущего года были намечены кочевки и кочевой быт населения МНР. Для этой цели было решено остановиться на одном выборочном участке и изучить его возможно более полно. Таким участком был избран Ихэ тамир сумун Ара-Хангайского аймага по следующим причинам:

1. Сомон является типичным для наиболее густонаселенной части МНР, в частности для горной лесостепной части Ара-Хангая.

2. Зона эта характеризуется наименьшим радиусом кочевок. Таким образом, выбранный участок должен был осветить характер именно такого типа кочевок.

3. Географически этот сумун уже подвергался изучению (1928 г.), что сильно облегчало работу.

4. Весьма важным явилось и то обстоятельство, что с населением этого сумуна были еще в 1928 году завязаны хорошие отношения, поддерживавшиеся в последующие годы. Это облегчило сбор расспросного материала.

Перед самым отъездом в поле (в начале июля) выяснилась необходимость, в целях расширения круга работ и их детализации, объединиться с работниками МСЗ МНР и НКЗ СССР (последние были присланы в МСЗ для полевой экспедиционной работы). Вследствие моего опыта в экспедиционной работе в условиях МНР, мне пришлось взять на себя руководство этим объединенным экспедиционным отрядом.

Работа отдельных участников экспедиции была тесно связана, а потому ниже я очерчу результаты экспедиции в целом, лишь несколько выделив работу сотрудников НИК'а.

Состав экспедиции и круг деятельности каждого из участников были следующими:

1. ***Начальник партии*** – ***Симуков А.Д.*** Работа – общее руководство отрядом, методические указания сотрудникам, изучение кочевок и хотонов.
2. ***Топограф*** – инженер-землеустроитель ***Максимов Н.П.*** (прислан НКЗ СССР). Работа – детальная топографическая съемка изучаемой площади с нанесением на нее по указаниям геоботаника пастбищных типов.
3. ***Геоботаник Михалевская А.М.*** (прислана НКЗ СССР). Работа – изучение характера, состава и продуктивности пастбищ.
4. ***Практикант от НИК'а Содбо***. Работа – помощь Симукову А.Д. в деле изучения кочевок.
5. ***Практикант от МСЗ Гомбо Доржиев***. Работа – главным образом переводчик при Максимове и Михалевской.
6. ***Зоотехник Успенский Г.В.***, прикомандированный по приказу МСЗ от Ара-Хангайского аймага. Работа – зоотехническое обследование.
7. Кроме того в этом же районе, но большей частью отдельно от экспедиции, пробыл несколько дней ***зоотехник Азаров С.Г.*** (МСЗ). Работа – общее обследование скотоводства.
   Средства на экспедицию были отпущены НИК-ом и МСЗ.

Я выехал из Уланбатора 11 июля. Практикант Содбо – на несколько дней раньше. Закупив в Эрдэни цзу часть лошадей для экспедиции, мы проехали верхом в Цэцэрлиг, где встретились с остальными членами партии. 25 июля вся партия выехала на место работ в Ихэ тамир сумун. Работа по Ихэ тамиру была закончена к 1-му сентября. 2-го сентября партия выехала в Лунг сумун Ара-Хангайского аймага. Дав оставшимся на работу в этом сумуне Н.П.Максимову и А.М.Михалевской задания и план работы, я выехал 5-го сентября вместе с Содбо в Уланбатор. Общая программа экспедиции почти не отличалась от программы составленной НИК-ом. Поэтому приводить ее здесь я считаю излишней, и перейду непосредственно к очерку результатов работы.

На территории Ихэ тамир сумуна была произведена следующая работа:

1. Сделана глазомерная буссольная съемка всей площади пастбищ сумуна, за исключением неудобных высокогорных районов, в масштабе – 1:100.000 (1 км в 1 см) (Максимов).

2. На эту съемку нанесены основные типы пастбищ сумуна и таким образом получена пастбищная карта изученной территории (Максимов и Михалевская).
3. Изучен видовой состав основных типов пастбищ и входящих в них различных растительных ассоциаций. (Михалевская).
4. Для определения кормовой продуктивности отдельных типов пастбищ собрано и взвешено в сыром и сухом виде 186 укосных пробных площадок по 1 кв. метру. К каждой площадке дана ее полная характеристика (Михалевская).
5. Определены кочевые участки 650 хозяйств (свыше ста хотонов) из 850, входящих в сумун (5 багов из семи) (Симуков и Содбо).
6. Изучена схема кочевок этих хозяйств, типы стоянок по временам года и факторы выбора места стоянок (Симуков и Содбо).
7. Получены подробные подворные списки по всему сумуну за текущий год (Симуков и Содбо).
8. Вследствие проведенной при определении кочевых участков поименной переписи всех хозяйств, подворные списки прикреплены к кочевым участкам. Таким образом, получена нагрузка скота на каждый отмеченный на пастбищной карте кочевой участок, т.е. есть возможность сравнить продукцию пастбища с потребностью скота в кормах (Симуков и Содбо).
9. Произведено изучение хотонов: принципов объединения, социального состава, родственных связей и т.д. В общем обследовано свыше ста хотонов. Более детально изучена треть этого количества. Поименные списки хотонов в связи с их характеристикой и привязанными к ним официальными данными о семье и количестве и видовом составе скота, на фоне определенного кочевого участка, пастбища которого нанесены на карту и охарактеризованы в отношении состава и продукции, дают конкретную физиономию каждого, или почти каждого из обследованных хотонов (Симуков и Содбо).
10. Произведено общее зоотехническое обследование с изучением методов скотосодержания, сбором данных по сенокошению и по зимним хашанам (Азаров и Успенский).

Сводка всего этого материала должна дать довольно полную и связную, а главное, достаточно конкретную, документальную картину кочевого быта, собственно кочевок и сущности хотонов изученного района. Нет сомнения, что обработанные материалы партии дадут возможность ближе подойти к нуждам арата-скотовода и, может быть, наметить ряд конкретных мероприятий по улучшению условий

скотосодержания и интенсификации скотоводства вообще. Необходимо отметить, что именно таковой была целевая установка экспедиции.

Весь необработанный материал партии сдан мне, так как я взял на себя обработку этого материала. Кроме того в этой обработке должен принять участие и проф. Азаров.

При обработке материалов партии, к которой я приступаю немедленно, я полагаю использовать свои материалы 1928 года и некоторые другие.

Схема обработки представляется в следующем виде:

1. Географический очерк территории Ихэ тамир сумуна, его положение в аймаке. Соседние районы.
2. Очерк пастбищ сумуна и их продуктивности.
3. Население, его количество, половой и возрастной состав, плотность.
4. Скот сумуна.
5. Кочевки и кочевые участки.
6. Хотоны.
7. Выводы.

К этой работе должны быть приложены:

1. Рельефная карта Ихэ тамир сумуна.
2. Карта пастбищ этого сумуна.
3. Карта кочевых участков сумуна, и разные схемы.

Кроме того, в качестве документальных данных:

1. Список собранных кормовых площадок с их характеристиками.
2. Подворные официальные списки.
3. Данные по каждому обследованному хотону.

Как было указано выше, товарищи Максимов и Михалевская продолжали работу в Лунг сумуне того же Ара-Хангайского аймага. Ими было взято два выборочных участка в сумуне, где произведена работа почти по той же программе, что и в Ихэ тамире, с той разницей, что в Лунг сумуне взято лишь 125 хозяйств и несколько изменен метод работы.

Эти материалы также поступили мне в обработку и будут присоединены к перечисленным выше.

Общий объем обработанных материалов предполагается не менее 300 страниц. Обработка должна быть закончена не позднее 1-го января.

(АИГМ, № 462, автограф)

Приложение

Географический очерк района Ихэ Тамир сомона Ара-Хангайского аймака

Территория Ихэ Тамир сомона Ара-Хангайского аймака находится в центральной части Хангайской горной страны на северном склоне среднего участка Хангайского горного хребта, примыкая к гребню этого хребта своей южной границей и захватывая истоки рек Хойту Тамира и Хануя.

Хангайский хребет в этом районе представляет собой высокую и массивную горную гряду, отдельные вершины которой поднимаются на 3500 метров над уровнем моря, а перевалы не опускаются ниже 2700 метров. Настоящего вечного снега в районе нет, но на северных склонах упомянутых вершин сохраняются круглый год небольшие снежные пятна, почти исчезающие в сухие, жаркие годы и сильно увеличивающиеся в прохладные и влажные периоды. Эта главная гряда Хангайского хребта имеет в данном районе весьма мощно развитые предгорья в виде массивных отрогов, разделенных узкими долинами рек, стекающих с главного хребта. По мере удаления от гребня Хангайского хребта отроги эти начинают снижаться, расчленяясь, становятся менее массивными и относительно доступными, переходя в типичную для Хангая в целом горную страну.

Границы территории Ихэ Тамир сомона как раз и проходят по двум таким отрогам, не имеющим у местного населения общих названий.

Охарактеризовав таким образом общее положение района, уместно очертить границы Ихэ Тамир сомона, чтобы впоследствии к ним не возвращаться (см. карту).

Если принять за исходную точку вершину Цзамтуин эхин гоцзогор на гребне Хангайского хребта, то упомянутая граница идет сначала по этому гребню в северо-западном направлении через Цзамтуины даба, южнее обоих истоков реки Бугуту, через перевал Ихэ Цохиотуин даба и Нарин Цохиотуин даба, вершину Хохо нурин урида обогор, по седловине Хохо нура южнее этого озера и поднимается на Анагин нуру к узловой вершине, лежащей между истоками речек Ульцзэйту (система р. Цаган туруту бассейна р. Байдараг), Ацзаг шибэту (система р. Чулуту) и Нурин гол (система р. Хойту Тамир). Здесь граница, разделявшая до этого пункта Ихэ Тамир сомон Ара-Хангайского аймака и Мандал сомон бывшего Убур-Хангайского аймака (ныне этот последний сомон также вошел в состав Ара Хангая), оставляет главный хребет Хангая и поворачивает на север и

северо-восток, разделяя Ихэ Тамир сомон от Чулуту сомона того же Ара-Хангайского аймака. Оставив главный хребет, эта граница проходит по гребню мощного его отрога – водораздела систем рек Хойту Тамир и Чулуту и одновременно водораздела бассейнов р. Селенги (Чулуту) и Орхона (Хойту Тамир). Здесь она огибает с запада левые притоки верхнего Хойту Тамира, а именно Нурин гол, Нарин гол и Чжиргаланту гол. За этой последней речкой граница Ихэ Тамир сомона снова поворачивает на северо-запад, оставляя упомянутый водораздел, и по боковому отрогу спускается к Илатуин дурульчжи – седловине, отделяющей исток р. Хануй от бассейна р. Чулуту. Пройдя по этой седловине, рассматриваемая граница поворачивает снова на северо-восток, а в дальнейшем и почти на восток, идя горами левой стороны р. Хануя до места впадения в долину последней реки падей Хорай Хануй и Донго. Здесь граница поворачивает на юг и пересекает р. Хануй, водораздел Хануй – Хойту Тамир и р. Хойту Тамир, отделяя Ихэ Тамир сомон от Бугуту сомона. Дойдя до водораздела Хойту Тамир – Урду Тамир близ Цэцэрлига, граница Ихэ Тамир сомона поворачивает по его гребню на запад и юго-запад, проходя через Цаган даба, Халцзан даба, Гурбан даба, г. Хан Ундур, г. Гунга начин, Чжирхэ нуру, Хамар даба, Цзайтангин нуру, Эмэлин даба и примыкает в истоке р. Цзамту около вершины Цзамтуин эхини гоцзогор к гребню Хангайского хребта.

Очерченная вышеописанной границей территория имеет продолговатую, изогнутую форму и занимает площадь в <...> кв. км. Главной осью района является р. Хойту Тамир. От основных пограничных хребтов - отрогов главного Хангайского хребта – к долине Хойту Тамира спускаются многочисленные отроги второго порядка, разделяющие собой долины притоков Хойту Тамира.

Такой же характер, менее ярко выраженный, имеет долина р. Хануй с ее боковыми хребтами. Таким образом, весь район является сильно пересеченным, представляя собой типичную горную страну.

Река Хойту Тамир берет начало, как указывалось выше, с главного гребня Хангая, имея несколько истоков. Основных истоков два – Хойту гол (западный) и Урду гол (восточный). Именно ниже их слияния река и получает название Хойту (или Думда) Тамир. Впрочем, настоящим верховьем этой реки надо считать Хойту гол. Исток Хойту гола находится под перевалом Нарин цохио и называется по имени перевала, получая имя Хойту гол несколько ниже, после впадения в него речки Бугуту.

На своем протяжении Хойту гол получает целый ряд притоков, текущих с боковых его хребтов. Из притоков левой стороны (западных) следует отметить Эхини хабчиг, Нурин гол, Шара булаг, Хабчиг, Дэльгэр

булаг, Дэду нарин, Чжиргаланту гол (или Харлагту ама), Доду нарин и Эмтэй. Из них особенно значительны имеющие в вершинах несколько разветвлений Нурин гол и Чжиргаланту гол. Притоки правой (восточной) стороны менее значительны и их немного. Отметим вышеупомянутую Бугуту, затем Ангархай и Ара убульчжони ама.

Урду гол получает начало от слияния р.р. Цзамту и Улясту, из которых Цзамту значительнее, достигая в длину 37 км. Цзамту не имеет значительных притоков и берет начало под Цзамтуин эхини гоцзогором на Хангайском гребне. Из боковых ущелий вершины этой речки можно указать Хасахту, Хорог и Убур Хуштэй (левая сторона) и Ара Хуштэй и Мухур Хуштэй (правая сторона). Река Улясту значительных притоков не имеет.

Место слияния обоих истоков Хойту Тамира называется просто "голин бэльчир", т.е. "стрелка". Этот участок территории сомона, являясь областью истоков Хойту Тамира, может быть охарактеризован, как типичный для центральной части Хангайского хребта настоящий высокогорный район, заполненный мощными хребтами, гребни и вершины которых все поднимаются выше 2500 метров (верхняя граница леса), достигая в отдельных случаях (гребень Хангая) 3500 метров над уровнем моря. Наиболее низкая точка района – слияние Хойту гола и Урду гола – находится на высоте <...> м. абс.

Все эти горы весьма крутосклонны, но в большинстве имеют округлые или плоские гребни и вершины, богатые россыпями. Скал относительно немного. Такой ландшафт, впрочем, характерен для Хангайского хребта почти на всем его протяжении. Долины речек в большинстве узки, имея характер настоящих ущелий. Сами речки представляют собой бурные горные потоки, с шумом пенящиеся по загроможданющим их русло валунам. Большая часть района несет на себе следы последнего оледенения в виде хорошо сохранившихся конечных и боковых морен (Нурин гол, Чжиргаланту гол, Цзамту и Улясту) и ледниковых каров в истоках речек. Моренные валуны и их нагромождения составляют характерную черту участка. Леса в истоках Хойту Тамира немного, он имеет угнетенный характер и растет островами. Описанный участок занят кочевьями третьего бага Ихэ Тамир сомона, подвергшегося наиболее детальному исследованию. Ниже голин бэльчира долина Хойту Тамира еще не широка и характер ее мало изменяется. Так продолжается до поворота долины на северо-восток около впадения справа рч. Мухур. На этом протяжении кроме Мухура, Хойту Тамир принимает слева рч. Шибэри, а слева – р. Хату. Описанный небольшой участок р. Хойту Тамир может быть назван верхним течением этой реки.

Ниже Мухура долина Хойту Тамира значительно расширяется и самая река, сохраняя горный характер, течет несколько спокойнее. Горы по обеим

сторонам долины, особенно с левой, северной стороны, сильно снижаются. Гольцовые вершины остаются лишь на правом гребне (Гунга Начин, Хан ундур, Халтар булу), склоны которого, обращенные к Хойту Тамиру, покрыты густым хвойным лесом.

На левой же стороне долины леса почти нет и выше его границы поднимается лишь одна гора Баян Цзурихэ.

<...>

Бассейн среднего и верхнего течения р. Хойту Тамир и бассейн верхнего течения р. Хануй, охватываемые территорией Ихэ Тамир сомона, представляют собой пересеченную горную страну с разностью абсолютных высот от 1600 до 3500 метров. В качестве элементов рельефа здесь можно выделить широкие долины первого порядка (Тамир, Хануй), большие долины второго порядка (Сурту, Арцагу, Улэнтэй, Хучжирту, а в истоках Тамира – Улятуй, Харлагту, Нурин ама), малые долины второго порядка, мелкие долинки и лога третьего порядка. Затем, обращаясь к выпуклым формам рельефа мы найдем мощные хребты первого (для района) порядка (водоразделы обоих Тамиров, и Хойту Тамир – Чулуту, переходящий ниже в водораздел Хойту Тамир - Хануй), их отроги второго порядка и дальнейшие, обычно короткие ответвления третьего порядка.

В вертикальном разрезе района можно наметить три ландшафтные зоны: верхнюю или высокогорную, среднюю и нижнюю.

Для верхней зоны характерны абс. высоты примерно от 2000 до 3500 метров, узкие, крутобокие речные долины с остатками древних морен, широкое развитие надлесной, зоны альпийских лугов и горной тундры (граница леса проходит на высоте 2500 м абс.) и, наоборот, относительно слабое развитие лесного покрова. И здесь лес, как и во всем Хангае, развивается исключительно на северных склонах. Южные же, как правило, безлесны и каменисты. Имея, таким образом, в начале верхней зоны возможность развиваться <...>.

Для общей ландшафтной характеристики истоков и среднего течения р. Хойту Тамира, т.е. местности, где производились сборы укосных площадок, мы считаем необходимым привести несколько обработанные заметки о растительности по маршруту моей Хангайской экспедиции 1928 года.

Падь Убур Халцзангийн ама, по которой начался маршрут экспедиции от Цэцэрлига, с правой стороны немного облесена. Лес мелкий, частью молодой, состоит из лиственницы, березы и ивы. Левая сторона крута и безлесна. По тальвегу верхней половины пади – заросли ивы, местами густые. В ее истоке прекрасный разнотравный травостой, имеющий

характер подлесного луга. Несмотря на вторую половину июля очень многие растения были еще в полном цвету. На самом перевале Халцзан даба сыро. Растения имеют уже альпийский характер (есть синие генцианы).

Спуск в Ара Халцзангин ама ведет сначала по заваленному камнями хорошему лиственничному лесу. Подлесок – береза и ива. Затем внизу дорога выходит из леса и идет по довольно широкой (до 1 км) долине Ара Халцзангин ама, направляясь к Хойту Тамиру. Травостой (злаково-разнотравный) хорош и местами, особенно под лесом, вполне пригоден для сенокоса. Ниже справа и слева подходят пади Арцату и Шабарту, обе в вершинах лесистые. В районе слияния трех падей травостой, несмотря на относительную удаленность от леса, все же еще хорош.

В долине Хойту Тамира, куда впадает Арцату ама, вдоль реки полоса густой уремы из тополя и ивы. Северные горы почти безлесны, в южных же все время виден лиственничный лес, растущий небольшими сиверами. Степь на террасе долины Хойту Тамира беднее, нежели в падях, много *Stipa capillata* (злаково-полынные ассоциации сухих террас). В самой долине есть осоковые болотца.

Путь шел от устья Арцату ама вверх по Тамиру. Следующая большая падь правой по течению стороны Хойту Тамира, Улэнтэй, начинается в густо облесенных горах водораздела обоих Тамиров. Падь эта в своей средней части заболочена. Выше нее между Тамиром и водораздельным хребтом тянутся степные увалы. <...>

(АИГМ № 119, машинопись) **1935 г.**

А.Симуков

Предварительный отчет о полевой работе 1935 года

План полевых работ 1935 года предусматривал в основном два вопроса: 1) изучение кочевок, 2) дополнительные к прежним географические исследования. В разделе кочевок были предположены проверка материалов 1933 г. и дополнительное изучение кочевок по Ара-Хангаю (Ихэ тамир сумун), маршрутное изучение кочевок от Хангая до Гоби поперек Убур-Хангайского аймага и детальное – в одном-двух сумунах Южно-Гобийского аймага.

В состав экспедиционной партии вошли я, как руководитель и основной работник, Дондог – как практикант и помощник и еще один рабочий – повар.

Партия выехала на автомобиле НИК-а 7-го марта текущего года в направлении на Цэцэрлиг, куда прибыла 8-го ночью.

В Цэцэрлиге и Ихэ тамир сумуне мы пробыли свыше месяца, перевалив Хангайский хребет 13-го апреля. За это время в связи с поручениями НИК-а мне пришлось дважды съездить в Цэцэрлиг, где 1) я выяснил положение с архивом, часть которого отослал на машине в Уланбатор, и 2) подготовил возобновление метеорологической станции и перенос ее в другое место.

Работа в пределах Ихэ тамир сумуна подтвердила все основные выводы относительно кочевок и хотонов, которые были сделаны мной в 1933 году и дала дополнительный материал по зимовкам, весновкам и группировке хозяйств весной. Проверка материала 1933 года проведена по 4 багам сумуна. Попутно, по просьбе аймачного центра, я сделал около 130 прививок оспы.

В Цэцэрлиге мне удалось купить трех верблюдов, на которых мы и двигались с нашим грузом в пределах Ихэ тамир сумуна, делая боковые разъезды на наемных лошадях.

Отмечу произошедшее 8 апреля, днем, падение большого метеорита, разорвавшегося на высоте около 15 км над гребнем Хангайского хребта в районе г. Субурга хайрхан. Последующие расспросы по маршруту показали, что метеорит этот был виден даже на южной границе республики

(Ноян сумун), т.е. на расстоянии 500 км от места падения.

Перевалив из истока Хойту Тамира труднейшим перевалом в Урду Тамир (часть груза пришлось втаскивать на перевал на себе), мы преодолели Хангайский хребет перевалом Хулюсай даба и большими переходами прошли вниз по Туин голу к оз. Орог нур, где стояли 5 дней. Здесь пришлось прикупить еще одного верблюда, что совершенно истощило наши финансы и в дальнейшем до Далан цзадагада мы шли около 500 км без копейки денег.

Как я уже писал в отчете, присланном в НИК Из Далан цзадагада, особый тип убурхангайских кочевок является, по крайней мере, отчасти, остатком феодального режима и в свое время был тесно связан с организацией огромного скотоводческого хозяйства Ламаин гэгэна. Для характеристики феодального строя специальное изучение этого хозяйства представляет собой весьма большой интерес.

Далее на юг мы шли отчасти новой для меня дорогой, перевалив Ихэ Богда ущельем Хонгинах, по которому еще не проходил ни один исследователь. Таким образом, отсюда началось выполнение второй задачи экспедиции, заключавшейся в пополнении географических сведений о стране.

Пересечение Убур-Хангайского аймага мы закончили на его южной границе, в ара хоолае хр. Нэмэгэту, откуда повернули на восток, к Далан цзадагаду. Это было 7-го мая.

Последующими переходами мы пересекли безлюдный пустынный район к северу от хребтов Нэмэгэту, Гильбэнт и Сэбэрэй, протяжением в 150 км. На этом участке наиболее важным моментом был осмотр богатейших залежей ископаемых костей в местности Ширэгин гашун, о которых в свое время сообщил сотрудник академической экспедиции 1931 года Б.Чудинов. Сообщение его подтвердилось. Теперь можно говорить определенно о том, что это место является буквально “кладбищем” вероятно сотен животных, относящихся, примерно, к третичной эпохе.

Наличие поблизости колодца и возможность проезда в этот район на автомобиле создают благоприятные условия для палеонтологических исследований, которые, несомненно, крайне желательны.

Последующие расспросы установили наличие остатков ископаемой фауны еще в районах Алтан улы, Тэксэй гола и Эмтэ тугуриг. Все эти места остались незатронутыми американской экспедицией Р.Ч.Эндрюса и настоятельно требуют изучения.

В Далан цзадагад мы прошли через Баян тухум и Охин хутуль. Первоначально намеченный срок экспедиции закончился.

Поэтому я отправил в НИК радиограмму с просьбой продлить срок

экспедиции еще на месяц и выслать дополнительно 500 тугриков.

Отсюда же отправился в Уланбатор Дондог и я остался вдвоем с рабочим.

Ожидание ответа и денег задержало меня в Далан цзадагаде почти на 10 дней. Здесь же я продал пришедших в негодность после 900 км пути своих верблюдов.

В Баян далае я снова задержался на такой же срок в поисках дешевых верблюдов, использовав это время для изучения кочевок и хотонов Хонгор обо сумуна, где мною взято 6 багов из 7. Купив 4-х верблюдов, я прошел в Ноян сумун, где также занялся изучением кочевок, охватив тоже 6 багов.

Всего же по Южно-Гобийскому аймагу собраны сведения о характере кочевок примерно 600 хозяйств.

В отношении географических исследований представлялось крайне желательным осмотреть район к юго-западу и западу от гор Тосоту и Алтан ула, в значительной своей части еще не посещавщийся исследователями.

Имея это ввиду, я запасся в Уланбаторе специальным разрешением ГВО на право работы в районе пограничных постов. Свидание с начальником пограничной заставы определило возможность посещения г. Цаган богда, а наличие в этих горах населения – возможность охвата огромного, почти неисследованного района, включающего горы Цаган богда и их продолжение к западу до г. Ата богда включительно, а также окрестные пустыни.

Западная Гоби между Эцзин голом и Тянь-шанем, Монгольским Алтаем и Бэй-шанем оставалась до сих пор наименее известным участком Центральной Азии к северу от Тибета. Впервые ее в 1899 г. пересек Ладыгин, не сумевший однако дать исчерпывающую характеристику района.

В 1927 году небольшой участок у г. Цаган богда был охвачен мной, а затем в том же году через район прошел путешественник Свен Гедин.

Условия зимнего времени и болезнь не дали ему возможности осветить район. Таким образом эта наиболее дикая часть Гоби, этот почти неизвестный участок юго-западной границы МНР оставался серьезным пробелом в познании страны. Поэтому я счел возможным потратить месяц времени на исследование этого района, в результате чего получил: 1) полную карту пространства в 100.000 кв. км, 2) полную географическую характеристику этого пространства. И то и другое сделано для указанного района впервые.

Вследствие того, что в ближайшее время возникает вопрос о точном

установлении всех границ МНР, эта моя работа приобретает особое значение, заполняя имевшийся до сего времени значительный пробел в познании границ республики.

Следует отметить что поездка в Цаган богда была связана со значительным риском и, в условиях жаркого гобийского лета, могла быть выполнена лишь при крайнем напряжении сил. Удачное ее завершение я считаю большим достижением.

По окончании этой работы я вернулся в Далан цзадагад, где узнал, что меня уже давно вызывают в Уланбатор. До этого я не получал ни телеграмм, ни писем, ни устных сообщений о вызове.

Прибыв в Далан цзадагад 12-го августа, я уже 13-го выехал в Уланбатор, куда прибыл 16-го вечером.

Всего за пять месяцев партией пройдено 3500 км, из которых 2500 км на верблюдах и 1000 км - на автомобиле. Стоимость экспедиции – около 2500 тугриков. Иначе говоря, километр маршрута обошелся в среднем в 70 мунгу.

Результаты экспедиции сводятся к следующему.

1) Дополнительно изучены кочевки Ара-Хангая.
2) Описан особый тип кочевок Убур-Хангая.
3) Детально изучены гобийские кочевки в районе Гурбан сайхан – Ноян богда.
4) Получен ряд важных дополнений к географии области Гобийского Алтая.
5) Впервые полностью исследован огромный район в 100.000 кв. км на юго-западной границе МНР.
6) Изучены залежи костей ископаемой фауны в районе Ширэгин гашун.

Полный отчет о работе я намерен представить в виде ряда отдельных работ, а именно:

1. Хангайские кочевки (материалы 1933 и 1935 г.г.).
2. Очерк кочевок Убур-Хангая.
3. Гобийские кочевки области Гобийского Алтая.
4. Очерк Ширэгин-гашунской впадины.
5. Дополнения к географии Гобийского Алтая.
6. Описание Западной Гоби.
7. Карта Западной Гоби.

Журнал "Современная Монголия", 1937 г., № 6(25), с.44-57

А. Симуков

По пустыням Западной Гоби
(Записки исследователя)

Великая центрально-азиатская пустыня Гоби раскинулась на огромном пространстве от Хингана до Памира и от Хангая до Куэн-луня, захватывая значительную часть Китая (провинции Чахар, Суйюань, Нинся, северо-западная Ганьсу и Синьцзян) и южную треть МНР. Ее суровая природа, сохраняя на всем этом пространстве общность основных черт (резкая континентальность и сухость климата, специфическая растительность и животный мир), естественно, имеет различные оттенки, различные особенности в каждом отдельно взятом районе. Степень изученности Гоби также крайне неравномерна. Вполне понятно, что наименее изученными остались самые пустынные, самые дикие ее участки, в большинстве совершенно лишенные населения. Одним из таких участков является Западная Гоби, щебнистые и в значительной степени бесплодные пространства которой залегают между р.Эцзин гол на востоке, хр.Тянь-Шань на западе, Монгольским Алтаем на севере и Куэн-Лунем (в частности, хр.Нань-шань) на юге, захватывая площадь от 160 до 200 тыс. кв. км.

Около 60 тыс. кв км этого пространства принадлежат Монгольской Народной Республике. Именно этот ее угол до самого последнего времени оставался почти неисследованным и совершенно неосвоенным. Первые конкретные сведения об этом интереснейшем районе дал В.Ф.Ладыгин (сотрудник Камской экспедиции П.К.Козлова), пересекший Западную Гоби с севера на юг в начале зимы 1899 года.

После почти тридцатилетнего перерыва, в 1927 году мне удалось совершить небольшую рекогносцировочную поездку в северо-восточную часть района, до пересечения с ладыгинским маршрутом. Месяцем позже, почти по моим следам, здесь прошла, следуя с Эцзин гола в Синьцзян, китайско-шведская экспедиция Свена Гедина.

Надо отметить, что и Ладыгин и, в особенности, С.Гедин проходили по району в начале зимы и, в силу неблагоприятных метеорологических условий, не могли дать исчерпывающей географической характеристики всего маршрута. Особенно досталось С.Гедину, шедшему на истощенных

верблюдах, бросая их одного за другим по пути, и вдобавок заболевшему в дороге. Донимали его и осенние бури, часто снежные.

Наконец, в 1935 году я снова получил возможность включить Западную Гоби в план своей очередной экспедиции и поработать там вторую половину июня и июль. Благодаря принятой мною методике производства топографической съемки и изучения конфигурации местности с наиболее высоких горных вершин, я смог зафиксировать на бумаге и получить реальное представление об огромном пространстве в 100 тыс. кв. км. Белое пятно Западной Гоби было расшифровано. Оставалась доработка деталей, чему, в частности, была посвящена совместная с П.И.Воробьевым осенняя поездка 1936 года.

В настоящее время участок Западной Гоби, входящий в территорию МНР, надо считать в основном освоенным. Дело за детальными исследованиями по отдельным отраслям (геология, гидрогеология, ботаника и т.д.).

Предлагаемый очерк имеет целью на фоне путевых заметок путешественника-исследователя познакомить читателей с одним из самых своеобразных районов МНР.

Для экспедиции 1935 года я избрал верблюжий транспорт. Выехав в начале марта из Уланбатора на автомобиле, мой отряд (всего три человека) быстро достиг Цэцэрлига, где у убурхангайских возчиков было куплено три верблюда. Поработав с месяц в Хангайских горах, мы двинулись форсированным маршем в Гоби и после 900 км интереснейшего маршрута вышли к Далан цзадагаду. Отсюда мой помощник выехал обратно в Уланбатор (он торопился на учебу в Ленинград), а я, вдвоем с рабочим, сменив полностью уставших верблюдов и оставив собранные коллекции и лишний багаж в одном из знакомых айлов, двинулся на запад. Четыре верблюда легко несли нас и наш сведенный к минимуму несложный багаж. В проводниках и переводчиках я не нуждался, и мы чувствовали себя вольными птицами.

Форсированным маршем, делая по жаре 40-50 км в день, мы за три дня добрались до гор Ноян богда, в которых я не был восемь лет. Отдохнув, мы двинулись дальше и еще через полтораста километров, детально ознакомившись по пути с хребтом Тосоту, наш миниатюрный “караван” достиг границы населенных пунктов, за которой начинались неосвоенные, дикие просторы Западной Гоби. Со стоянки на южном склоне хр.Тосоту перед глазами развертывалась огромная панорама голубеющей пустыни, пересеченной безвестными горными грядами и скоплениями холмов, в большинстве не нанесенными ни на одну карту. На юго-западном горизонте четким зубчатым силуэтом рисовалась скалистая вершина Цаган богда, до

которой предстояло идти около 120 км.

Пройдя первые 25 км, мы остановились на полуденный отдых в оазисе Чонай бом. Термин “оазис” здесь вполне уместен, вместе с тем подобные оазисы присущи в МНР только Западной Гоби. Близость подпочвенной воды и условия рельефа обусловили скопление песка в виде ряда огромных барханов. По их гребням разросся тамариск (монгольский сухай), резко контрастируя своими красными ветвями, нежной сине-зеленой перистой листвой (если можно назвать листвой верескообразные веточки) и крупными ярко-розовыми соцветиями с желтым сыпучим песком барханов. Рыхлые глинистые площадки между барханами поросли мелким камышем, дэрисуном и солодкой. По окраинам разбросались мощные искривленные кусты трехметрового саксаула. Наконец, у подножья самого высокого бархана шелестели листьями несколько евфратских (разнолистных) тополей. Евфратский тополь (*Populus diversifolia*) любопытен тем, что на одном и том же дереве молодые побеги имеют длинные ланцетовидные листья, как у ивы, побеги среднего возраста несут сердцевидные тополевые листья, а на старых – листья совершенно схожи с осиновыми.

Жара после полудня достигла 40°С в тени. Полузаброшенные колодцы оазиса сильно отдавали сероводородом. Но рабочий сделал открытие, что, переливая воду поварешкой в течение получаса, можно выгнать значительную часть газа, и затем с помощью клюквенного экстракта вода делается вполне приемлемой. Из брезентового плаща я сделал ванну, нагрев воду солнечными лучами, и смог основательно помыться.

Мы вышли с Чонай бома, когда солнце уже значительно склонилось к западу. Теперь наш караван был предоставлен исключительно своим собственным силам. Помощи ждать было неоткуда; четыре верблюда с двумя седоками тоненькой цепочкой уходили в пустыню. До следующей воды было около 70 км по прямой, причем я несколько сомневался в возможности найти закрытый холмами ключ, на котором был всего один раз восемь лет тому назад.

Чонай бом является довольно заметной границей, за которой, во-первых, сразу начинаются почти бесплодные пространства и, во-вторых, начинают встречаться следы дикого верблюда, в существовании которого до сих пор сомневается часть зоологов.

На свинцово поблескивавшей щебнистой поверхности пустыни лишь кое-где торчали истрепанные ветрами побелевшие от сухости кустики нитрарии (селитрянки) и эфедры.

Переночевав в холмах у двух-трех полусухих кустов саксаула в скрытом от глаз месте (ибо сюда уже не достигал закон и его носители), утром мы обнаружили течь в круглом медном алашаньском сосуде с водой,

принятом для путешествий по всему югу Гоби. Выпив остатки, мы вышли на огромную бесплодную равнину, не имея ни капли в запасе. И целый день, уже не останавливаясь в полдень, под палящим июньским солнцем медленно полз наш караван поперек этой равнины, держа курс на все так же голубевшую вершину Цаган богда. Лишь посредине, по берегам большого сухого русла был встречен зеленый саксаул, по которому всего день назад прошло стадо в 8 голов диких верблюдов.

Под вечер, когда длинноногие тени верблюдов стали еще длиннее, мы подошли к гряде холмов, за которыми я ожидал найти знакомый ключ. Здесь стали встречаться следы диких ослов (хуланов), всегда держащихся поблизости от ключей. Нечего и говорить, что от жары и многочасового сиденья в седле изныло все тело, пересох рот, и в глазах стали появляться нежелательные красные и зеленые круги.

Углубившись в черные бесплодные каменистые холмы, на которых лишь редкими точками белел засохший багалур (*Anabasis brevifolia*, мелкая верблюжья солянка), мы скоро их перевалили, и за одним из мысов я заметил на открывшейся равнинке зеленое пятно долгожданного ключа. Взятое с утра направление оказалось совершенно точным. Верблюды почуяли воду и дружно взяли рысью. Через двадцать минут мы были у заросших неизменным тамариском бугров, в кольце которых сочился ключик Бильгэхи, окруженный истоптанной хуланами порослью камыша.

Первый барьер был взят. Начинались предгорья Цаган богда.

Предосторожность требовала внимательного осмотра окрестностей. Поэтому, покончив с хозяйством, я влез на тамарисковый бугор и с помощью бинокля стал внимательно изучать окружающее. Через две минуты бинокль чуть не выпал у меня из рук – в трех километрах от нас, под холмами, паслось стадо баранов и коз. Рассчитывая, что наш огонь незаметен, мы улеглись спать не раздеваясь, с винтовками под боком, оставив выяснение неожиданных соседей до утра.

На следующий день мы за полчаса дошли со своим караваном до места, где накануне паслось возвращавшееся с пастбища стадо, и, учтя его направление, сразу заметили притаившуюся за мыском маленькую юрту, к которой и подъехали. Нас встретила вся трясущаяся от страха хозяйка, дрожащими руками подавшая полурасплесканные чашки чая. Когда она немного успокоилась, после двух-трех вопросов стало ясным, что этот айл эмигрировал из МНР вместе с рядом других, в результате вредительских действий “левого загиба”, бедствовал за границей под двойным прессом феодалов и китайцев и, наконец, ушел сюда, в этот забытый район, растеряв половину скота и не зная, можно ли вернуться на родину. Далее стало ясным, что юрта не одинока и что на ближайших колодцах и ключах

кочует еще несколько подобных же аилов “вне государства”.

В благодарность за чай насыпав хозяйке тарелку муки, мы двинулись снова по направлению к Цаган богда и скоро вошли в холмы предгорий. Растительность стала несколько богаче. Вследствие значительной абсолютной высоты (более 1500 м) появилась карагана. Но все же травянистая растительность отсуствовала совершенно (ее в этом районе вообще не бывает), а на кустарниках сильно сказалась засуха (дождей еще не было).

На следующий день мы стали на тоже известном мне с 1927 года ключе Сучжи, под самыми скалами горы Цаган богда, в непосредственной близости от трех эмигрантских юрт. Здесь уже нас не боялись, так как новость о нашем прибытии и поведении успела разнестись, и нашлись люди, помнившие меня по 1925-27 годам. Отношения с эмигрантами наладились и стало возможным вести расспросы о районе, об их злоключениях, намерениях и прочем.

Достигнув горы Цаган богда, я поставил себе задачей по возможности полностью исследовать все нагорье длиной в 300 км, выяснив его отношение к системам Гобийского Алтая и Тянь-Шаня. Поэтому, сделав небольшой разъезд на юг, до урочища Хуругчигут, где проходит истинная граница МНР, мы продвинулись километров на 25 к западу, где остановились у крайней к западу эмигрантской юрты, за которой начиналось абсолютно безлюдное пространство. С одной из соседних вершин я увидел синевшую на далеком западном горизонте двугорбую гору Ата богда, наиболее высокую в районе, которой кончается на западе все нагорье. Эта гора и была намечена конечной точкой путешествия.

Уже несколько ослабевшие верблюды нужны были для обратного пути. Необходим был проводник. Поэтому наш караван пришлось еще сократить, оставив рабочего, верблюдов и багаж, включая палатку, в аиле, из которого я взял проводника и свежих трех верблюдов. В таком новом составе, с минимальным багажом, мы двинулись вдвоем с проводником далее на запад.

Первая ночевка была у ключа Хатон судал, оказавшегося совсем не там, где его изобразил на карте В.Ф.Ладыгин. По пути к нему мы шли южным склоном нагорья. На юге расстилалась огромная долина в 40 км шириной, местами поросшая саксаулом, местами бесплодная. Она вытянута с запада на восток, безводна (за исключением двух обвалившихся вонючих колодцев ур.Хуругчигут на ее восточном конце и кл. Наран сэбистэй – на западном) и отделяет нагорье Цаган богда от следующего к югу нагорья Ханьшуй нуру. Граница МНР проходит по дну этой долины. Видимая глазом северная часть нагорья Ханьшуй нуру, полого поднимаясь, уходила

за горизонт. Вся она испещрена мелкими продольными скалистыми грядками, совершенно безводна и почти бесплодна. Судя по словам В.Ф.Ладыгина и рассказам проводника, этот огромный пологий вал имеет в ширину до 100 км, причем почти все водные источники находятся у его южного подножья. В районе же водораздела насчитывается всего ...три колодца на расстоянии не менее 100 км от любой воды южного склона Цаган богда. Таким образом, в этом центре Западной Гоби залегает полоса 100 х 200, т.е. 20000 кв. км, абсолютно лишенная водных источников и почти бесплодная. Через нее ведут старые караванные тропы, идущие из западной половины МНР в города западной Ганьсу (Сучжоу, Юймынь и Аньси).

На востоке Ханьшуйское нагорье расплывается и переходит в обширную песчаную равнину, которую я назвал Чжигдэн цагани гоби по имени оазиса, расположенного почти в ее центре. Проводник рассказывал, что по мере удаления к центру этой равнины исчезают все ориентиры, нередко путники начинают здесь кружить и затем умирают от жажды и истощения. Два таких случая произошли в недавнее время, причем люди, выехавшие на поиски пропавших, могли по следам восстановить трагическую картину медленной смерти в бескрайней пустыне.

На юге Ханьшуй нуру отделено неширокой продольной долиной с рядом колодцев и ключей от обширной горной страны Бэй-шань, уже более богатой растительностью и водой и в той или иной мере заселенной. Но это все еще Гоби. Только пересекши Бэй-шань, путник достигает протянувшейся у северного подножья Нань-Шаня (система Куэн-луня) узкой культурной полосы западной Ганьсу, за которой вздымаются вечноснеговые громады передних барьеров высочайшего в мире Тибетского нагорья.

* * *

От ключа Хатон судал мы пошли поперек нагорья Цаган богда к его северному склону. Путь шел по беспорядочному гранитному мелкосопочнику, в центре которого у красивой пирамидальной скалы Балин цохе мы остановились в полдень на маленьком колодце того же имени. Поднявшись на скалу, я сделал необходимые засечки своей буссолью и почувствовал необычайную усталость и сонливость. Любопытно, что на обратном пути, поднявшись на эту же скалу, я испытал то же самое, только в еще большей степени, пролежав в полубессознательном состоянии около часа. Накладка взятых засечек на планшет обнаружила явную магнитную аномалию.

Гранитный мелкосопочник со скалой Балин цохе является ядром всего нагорья Цаган богда и тянется на запад до самого конца нагорья, уходя

расплывающейся полосой к Тянь-Шаню. По обеим его сторонам тянутся параллельные темные хребты, сложенные сланцами и другими осадочными породами. Отсюда вырисовывается геологическая история нагорья.

Некогда здесь был огромный хребет с гранитным ядром и сланцевой "крышей". Прошедшие тысячелетия разрушили и развеяли его, оставив обнаженным ядро и остатки "крыши" по бокам. Практически важно обнажение контакта гранита с "крышей", которое часто несет с собой оруденение и золотоносность. Контактовая зона Цаган богда ждет своего исследователя.

К вечеру мы подошли к голове большого ущелья-прорыва, уходящего извилистой щелью сквозь северную ограду нагорья на северный его склон, и стали в урочище Баян тохой.

Привязав верблюдов и разлегшись на расстеленных по мягкому песку вьючных войлоках по обеим сторонам маленького огонька с медным кувшином чая, мы мирно разговаривали под шелест камышевых зарослей тамариска, мечтательно поглядывая на бездонное звездное небо и не ощущая ни малейшей нужды в палатке. Проводник оказался бывалым и словоохотливым. Здесь очередной темой был гобийский медведь, одинокий след которого, примерно трехдневной давности, был замечен поблизости от стоянки.

Этот любопытнейший зверь до сих пор совершенно неизвестен науке. Его не видел ни один из исследователей, и его, конечно, нет ни в одном музее мира. Вряд ли будет преувеличением сказать, что, при современном состоянии изученности крупной наземной фауны, этот медведь, быть может, последний неоткрытый ее вид.

Является ли он совсем особым, реликтовым видом или это просто приспособившаяся к специфическим условиям района ветвь тяньшаньского медведя? Может ли быть в природе больший парадокс, чем соединение понятий "пустыня" и "медведь"?

Насколько выясняется из расспросов, область распространения его весьма ограничена – это нагорье Цаган богда, хребет Эдэрэнгиин нуру и холмистая пустыня между ними. На востоке он заходит иногда в г.Алтан ула и когда-то (полвека назад) появлялся и в г.Тосоту. Количественно его немного, и этот редчайший вид, вероятно, вымирает.

Гобийский медведь ведет бродячий, главным образом ночной образ жизни, придерживаясь гор и холмов и кочуя в зависимости от урожая ревеня, корни которого, мучнистые и питательные, составляют его основную пищу. Этот факт подтверждается находимым мною несколько раз в 1936 году высохшим пометом зверя, состоявшим исключительно из частиц ревенного корня. Конечно, ревень не исключает мясного питания, и

гобийский медведь не прочь при случае пообедать свежим мясом или падалью. Человека он избегает и старается незаметно скрыться. Нуждается в воде, которую умеет находить, видимо, хорошо запоминает ее местонахождение и, кроме того, может в подходящих местах ее откапывать. Зимнюю спячку гобийский медведь проводит где-нибудь в пещере, в скалах, но спит недолго – всего месяца 2-3. Монголы его никогда не стреляли и особенно им не интересовались, так что от человека этот медведь не страдает. Таким образом, единственным его врагом является засуха, т.е. неурожай ревеня.

Я полагаю, что легенда об алмасах, т.е. волосатых диких людях, якобы живущих в глухих местах Гоби, очень распространенная среди монгол, ведет свое происхождение от похожих на человечьи следов западно-гобийского медведя, отдельные экземпляры которого могли и могут иногда уходить очень далеко от мест постоянного обитания. Это предположение тем более вероятно, что о существовании гобийского медведя знает лишь население прилегающих районов, и то далеко не все.

Вполне понятно, что получить в свою коллекцию подобного редкостного зверя – мечта любого исследователя. Но надо сознаться, что гобийский медведь упорно не дается в руки. Три мои экспедиции в Западную Гоби (1927, 1935 и 1936 г.г.), правда, все кратковременные, остались в этом смысле безрезультатными. Особенно обидно, что в 1927 году я наткнулся на совершенно свежий след медведя, убежавшего чуть ли не от наших выстрелов (мы добыли для музея хороший экземпляр хулана). Преследовать же его по следу было невозможно, так как мы шли без воды, в 35 км от последнего колодца, не зная, где будет следующая вода.

Наш наезд в урочище Баян тохой был вызван отчасти тем, что в предыдущем, 1934 году, когда аил проводника проводил лето в этом месте, в окрестности было много медведей.

Таким образом, гобийский медведь остается неразгаданной загадкой Западной Гоби. Вечерняя и утренняя экскурсии, рассчитанные на возможную встречу с медведем, не дали ничего.

Поздним утром мы пошли вниз по ущелью. Песчаное русло извивалось между зарослями высокого камыша, местами создававшего впечатление настоящих джунглей. Внимание было напряжено, и воображение ждало неожиданной встречи.

Ущелье, в котором, кроме кустарников, разбросанно растут раскидистые тоорои (тополя), скоро сузилось. С обеих сторон подступили высокие, обнаженные, почти отвесные, скалистые стены, черные от пустынного загара (специфическое для Гоби явление потемнения поверхности большинства горных пород). Отполированные ветром скалы мрачно

блестели тяжелым свинцовым блеском. Мы вошли в извилистый коридор многометровой (примерно 200 м) высоты. По узкому дну ущелья еще продолжались густые заросли камыша, тамариска и селитрянки. Любопытно, что последняя в таких оазисах превращается из ползучего кустарничка полуметровой высоты в деревцо 2-2.5 метров высоты, со стволом толщиной в руку.

За одним из поворотов в русле показался ключик. Проводник предложил посмотреть летнюю стоянку знаменитого разбойника и авантюриста Чжа-ламы. Я не буду останавливаться здесь на его истории, так как вкратце о нем сообщил т. Кичиков в одной из статей на страницах этого журнала.

Вынужденный уйти из населенных районов Халхи, этот, по-своему замечательный, авантюрист (им воспользовался, как канвой для приключенчески-мистического романа немецкий авантюрист-путешественник Констен) пересек со своими последователями зимой 1919-20 года безводную пустыню к юго-востоку от гор Ачжи богда и остановился на ключе Торойн булаг на северном склоне г.Ата богда, откуда летом 1920 года перекочевал в описываемое урочище Баян тохой.

Отсюда, к началу 1921 года, он ушел далее на юг, в район Ма-Цзун-Шаня, где и был убит в собственной юрте двумя смелыми разведчиками (Нанзад батор и Дугар бэйсэ), посланными вперед отрядом МНКА, высланным для уничтожения Чжа-ламы.

Свернув от ключа в заросли, мы через десяток метров обнаружили окруженную непролазным тамариском, усиленным искусственной изгородью, расчищенную площадку у подножья отвесной, огромной высоты, скалы. На площадке оказался каменный фундамент огромной юрты самого “Ноян багши” (“князя-учителя”), два фундамента поменьше и небольшая постройка из дикого же камня, крытая хворостом, с глиняной печкой. Это была кухня и склад. Около юрты был выкопан колодец, при чем боявшийся отравы Чжа-лама (его настоящее имя Дамби Чжанцан) под страхом смертной казни запрещал посторонним брать из него воду.

“Здесь у него есть и крепость”, - сказал проводник. Я поднял глаза и невольно стал искать по вершинам скал что-нибудь вроде развалин средневекового замка, но безрезультатно. Тогда проводник показал мне сложенную из камня небольшую ограду с бойницами, всего метровой высоты, находящуюся над “резиденцией”, на верхнем краю прислонившейся к отвесной скале небольшой россыпи. Надо сказать, что ловкий человек, забравшийся с тыла на вершину скалы над стоянкой, мог бы разрушить последнюю вместе с обитателями без единого выстрела, сбросив вниз два-три основательных камня.

Это разбойничье гнездо в диком ущелье, между мрачных черных скал,

в буйных зарослях камыша и тамариска, несомненно, надолго останется в моей памяти.

Я напомнил проводнику об изгнании Чжа-ламой, осевших на некоторых ключах этого района китайцев из Ганьсу, промышлявших верблюдами, охотой, разбоем и, между прочим, сеявших мак для опиума. Они ограбили два-три айла, хозяева которых пожаловались опричникам "святого". Чжа-лама решил обратить это дело в свою пользу и отдал приказ об изгнании китайцев "по старинным обычаям". Его приспешники нагрянули на китайские землянки, набросили веревочные петли на шеи несчастных ганьсуйцев и рысью поволокли изгнанников, вынужденных под градом палочных ударов, бежать за лошадьми на юг. На южном склоне нагорья, у порога уходящей за горизонт безводной пустыни стоверстной ширины, китайцам было предложено убраться восвояси, при чем на каждых двух человек была дана одна бутылка воды. Изгнанники, пробежавшие за лошадьми не один десяток километров, побрели на юг, а опричники "святого" по обычаю следили за ними, пока те не скрылись с глаз. Конечно, вряд ли кто добрел до первой воды.

Остатки миниатюрных маковых плантаций и развалины землянок до сих пор хорошо видны на ключах Сучжи, Цаган булаг, Торой шанда, Эхин гол и Шара хулусу.

После осмотра резиденции Чжа-ламы мы пошли дальше, вниз по ущелью. Оазис кончился, и путь шел по тому же узкому мрачному извилистому коридору, дно которого сплошь завалено остроребрыми обломками скал. Кроме редких кустов эфедры, часто встречались оголенные стволы и большие ветви тополей, вместе с застрявшим на кустах сором, которые показывали силу временных потоков, возникающих после редких летних ливней.

За одним из поворотов из-под ног моего верблюда мелькнуло в сторону какое-то маленькое животное. Вглядевшись, я увидел огромную ящерицу полуметровой длины, удиравшую, приподняв свой толстый хвост, под прикрытие куста эфедры, причем щебень так и летел из-под ее неуклюжих ног. Спешившись, мы подошли поближе, и я имел возможность посмотреть ее детально, так как ящерица тоже заинтересовалась нами. Нигде в Монголии я не встречал таких огромных пресмыкающихся, хотя слышал об их распространении в Западной Гоби, к югу от Алтая (г. Ачжи богда, г. Сумун хада, вероятно, хр. Эдэрэнгиин нуру, иногда г. Алтан ула и северный склон хр. Нэмэгэту).

Этот экземпляр имел полных полметра в длину. Толстое (около 10 см в поперечнике) тело поддерживали сильные, но неуклюжие ноги, не приспособленные к очень быстрому бегу. Широкая, тупая и плоская голова,

со ртом до “ушей”, была повернута в нашу сторону. Толстый, относительно короткий хвост, при беге, ящерица эта держит вытянутым и приподнимает его. Цвет ее серый с желтоватыми пятнышками, вполне защитный среди камней. Отсутствие спирта или формалина не дало возможности взять ее в коллекцию, поэтому мы ограничились внимательным осмотром. Возможно, что и эта ящерица – новый вид, неизвестный науке.

Утомительный путь по камням бесконечного извилистого ущелья вел все дальше вниз. Бесчисленные повороты и изгибы открывали все тот же бесплодный коридор, сжатый уходившими в небо отвесными скалами. На этих бесплодных скалах нечего делать даже таким любителям крутизны и камня, как горные козлы.

Часа через три напористого хода ущелье внезапно открылось в большую долину. Основной Баян тохойский массив кончился. Впереди виднелись расчлененные пологие горы. Идя все тем же Баян тохойским сайром (сухое русло) километров через 10 мы увидели впереди широкий прорыв, сплошь наполненный сочной зеленью камышей, над которыми поднимались раскидистые кроны многочисленных тополей. Это был оазис Цаган бургасу, один из крупнейших в районе.

Переход от пустыни к оазису, как всегда, очень резок. Широкое (до сотни метров) бесплодное каменистое русло, обставленное такими же горами, внезапно упирается в непролазную стену тамарисков и камышей трех-четырех метров в вышину. Где-то в зарослях журчит ручей. Почва сразу становится рыхлой, глинистой. Ее накопила растительность, вызванная к жизни водой. С соседней скалы открывается общий вид на веселое зеленое урочище, где камышевые заросли сменяются ярко-зелеными полянками с развесистыми ивовыми кустами (урочище называется “Белая ива”), рощицами тополей и большими купами тамариска. Можно представить себе, как приятно стать бивуаком под тенью раскидистого тополя и слушать шелест его листвы и камышей после многокилометровых бесплодных скал и камня.

Невольно вспомнилось виденное мною в этом оазисе в 1927 году. Тогда мы нашли у самого верхнего края оазиса, на границе растительности, где начинает сочиться вода, иссохший труп дикого верблюда. По-видимому, он пришел с юга, измученный весенней голодовкой и засухой, и издох после первого же глотка воды. Он так и лежал, бессильно вытянув шею к воде и зелени, и уже высохшая кожа обтягивала угловатые кости и ребра еще заживо превратившегося в скелет животного.

От стоянки открывался широкий вид на север, где широкий прорыв, в котором расположился оазис, всего в 2-3 км переходил в уходившие под голубую вуаль дали пустыни. Вдали виднелось горное скопление

Хабцагайту, а далекий горизонт очерчивался темной полоской хребта Эдэрэнгиин нуру.

Горы Хабцагайту, помеченные на ладыгинской карте двумя небольшими возвышенностями, были тогда еще загадкой. Лишь на следующий год (1936) я получил возможность расшифровать их, открыв целую горную страну из четырех отдельных цепей, площадью в 3000 кв. км.

Выйдя с приходом в Цаган бургасу на северный склон горной системы Цаган богда, мы повернули на следующее утро на запад и через 15 км пришли к наиболее богатому оазису района – урочищу Шара хулусу ("Желтый камыш"). Название его оправдывается непролазной чащей камыша, общей площадью в 10 га. Этот оазис, подобно предыдущему, также расположен в устье ущелье-прорыва, но более узкого и обставленного более высокими и крутыми горами, что вместе с пышной растительностью (значительные рощи тополей, обилие камыша и великолепные тамариски) придает оазису чрезвычайную живописность, отмеченную еще Ладыгиным (именно здесь проходит его меридианальный маршрут).

Говоря о фауне урочища, В.Ф.Ладыгин передает со слов проводников, что года за два до него водились здесь кабаны, потом исчезнувшие. Интересуясь фауной пустыни, я пользовался всеми случаями для расспросов, в частности, о западно-монгольском оазисном кабане. Собранные сведения дали весьма занимательную картину, рисующую характер миграции диких животных пустыни.

Камышовый кабан, помимо Чжунгарии и туркестанских оазисов, встречается в целом ряде местностей юго-западной Монголии. Не говоря о таких богатых растительностью местах, как р. Булаган и камышевые джунгли оз. Хара усу (близ г. Хобдо), дикие свиньи населяют, иногда, правда, в очень небольшом числе, целый ряд сравнительно мелких оазисов Приалтайской Гоби. Так, они зафиксированы на озерке Алаг нур, в урочищах Цзахой цзарман, Ихэ толи, Цзулуганай (т.е. уже в пределах Южно-Гобийского аймага), несколько особей постоянно держится в кустарниках р. Шаргаин гол (Шаргаин гоби) и в дэрисуне урочища Биггэр нур, где кабаны появились недавно. В 1935 году, будучи на Орог нуре (Убурхангайская Гоби), я получил сведения, что в дэрисуне западного берега озера в том году появилась одна (!) свинья, неизвестно откуда пришедшая. Одинокого же кабана, тоже отправившегося, видимо, на поиски "рек молочных, берегов кисельных" убили пограничники среди абсолютно бесплодной равнины севернее Гашун нура (южная граница МНР).

В одном случае, имеющем положительно анекдотический характер, хотя и вполне достоверном, в миграцию свиней вмешался человек. Года два-три тому назад свиньи неожиданно появились в довольно большом

числе в урочище Минган булаг, где раньше их не было. Оказывается, жители синьцзянского поселка Номи тологой, рассерженные постоянными потравами их посевов, учинили грандиозную облаву с целью изгнания свиней из окрестностей поселка навсегда и действительно выгнали все свиное население из оазиса в пустыню. Свиньи направились на север, перешли бесплодную пустыню почти в 100 км ширины и внезапно появились в урочище Минган булаг, изрядно удивив местное монгольское население.

По пути от Цаган бургасу к Шара хулусу мы впервые встретили небольшие поросли ревеня. На крупнощебнистой поверхности пологих холмов лежали широкие, большие (величиной с капустные) парные листья этого растения. Сочные мучнистые корни уходили далеко в землю, раздвигая остроребрые камни, и сидели в ней очень крепко. Между листьями торчали короткие плодоносящие стебли. Бросался в глаза контраст между голым щебнем и лежащими на нем сочными зелеными листьями с красными толстыми черешками. Вокруг было много старых медвежьих копаней, показывавших посещаемость района медведями, но все они были прошлогодними.

После полуденного чая, в тени шарахулусунских тополей, мы пошли вверх по главному ущелью. Здесь снова началась новая для меня дорога, так как в 1927 году, идя все время северным склоном, я дошел только до Шара хулусу.

Общая длина оазиса не более двух км, при ширине в 300-500 метров. Как всегда, заросли внезапно обрываются, и далее идет обычный песчано-каменистый сайр. Идя по дороге, мы обратили внимание на свежие следы прошедшего на юго-запад каравана.

Пользуясь неосвоенностью района со стороны МНР и желая обойти нинсяские и ганьсуйские таможенные посты, некоторые китайские караваны, начиная с 1926-27 годов, стали проходить новым путем, поднимаясь от Эцзин-гольских озер на северо-запад до Чонай бома, затем поворачивая на запад к Эхин голу и проходя далее через урочища Хутуль шанда, Цаган бургасу и Шара хулусу. От этого оазиса их путь поворачивал на юго-запад и через урочища Бильгэхи (западное), Булаган хошу, Наран сэбистэй и Улан булаг доходил до ур. Мингшуй – важного перекрестка дорог в северо-западном Бэй-Шане. От Минг-Шуя караваны шли уже на Хами или Баркуль (Синьцзян).

В последующие годы (до 1933) этим путем стали пользоваться китайские автомобили, шедшие из Суйюани в Синьцзян и обратно. Затем автомобили стали ходить другой дорогой, через ур.Чжигдэн цаган и по долине между нагорьем Ханьшуй нуру и Мацзуншаньской грядой.

Отдельные караваны изредка еще пользовались дорогой через Цаган-богдоское нагорье, и только теперь этот путь закрыт для китайцев окончательно.

Вечер застал нас все в том же Шарахулусунском сайре, поднимаясь по которому, мы пересекли сланцевые горы северной ограды нагорья и вошли в уже знакомый гранитный мелкосопочник его центра.

Вспоминая 1927 год, я спросил проводника о судьбе группы синьцзянских торгоутов (калмыков), осевшей лет двадцать назад в Мацзуншане и грабившей в 1926-27 г.г. приграничное население МНР.

“Их давно поголовно вырезали казахи” – был ответ. Оказалось, что история этой группы в 40-50 хозяйств была, примерно, нижеследующей.

Привыкнув к разбоям и грабежу, калмыки как-то решили, что ездить в Халху за десятком-другим верблюдов очень далеко и невыгодно и потому следует попытать счастья по соседству. В результате был совершен набег на стоянку казахов в западной части Ханьшуйского нагорья. Казахи оказались не такими покладистыми, как мирные жители Халхи, и в результате несколько человек, защищавших свой скот, было убито. Таким образом, возник повод к кровной мести. Спустя некоторое время на стоянку торгоутов приехало несколько казахов, объявивших, что они будут мстить за гибель сородичей.

Угроза возымела действие, и половина торгоутов ушла на восток, к глухому колодцу Шара-торой. Другая половина осталась на месте.

Китайские власти, прослышав о грабежах, также приняли меры, арестовав главу торгоутов и конфисковав его имущество в наказание за грабеж.

Через некоторое время казахи выполнили обещание, налетев на поселок и вырезав всех до последнего человека, не щадя ни жен, ни детей.

Ушедшие на восток торгоутские аилы также не избежали общей участи. Казахские разведчики разузнали об их местопребывании, налет и резня были повторены. Спаслись всего четыре-пять семей, заблаговременно ушедших кто на Эцзин гол, кто еще дальше – в Нань-шань. Так, в век самолетов и радио в глубине пустынь Центральной Азии переходят с места на место, появляются и исчезают, сводя друг с другом счеты, мелкие кочевые группы, оторвавшиеся от коренных мест обитания. В этом отношении Западная Гоби, особенно в своей южной, бэйшаньской части, может дать классические примеры, так как здесь сталкиваются китайцы, дунгане, торгоуты, казахи, халхи и узбеки, причем почти всегда сюда уходят элементы, не ладящие с законом.

Тот же проводник рассказал мне о двух случаях погони за грабителями,

в которых он сам участвовал. Дело происходило, примерно, в 1932 году, когда аил проводника кочевал в Мацзуншане.

Два вооруженных трехлинейными русскими винтовками грабителя угнали нескольких верблюдов и направились форсированным маршем поперек пустыни в сторону Халхи. Местными властями была снаряжена погоня, во главе которой поставили моего приятеля, имевшего тоже винтовку. В помощь ему дали четырех человек, вооруженных берданками. Погоня шла по следу свыше 300 км, ни разу не сбившись. Куперовским следопытам такие рекорды, вероятно, и не снились. Наконец, как-то днем бандиты оказались в поле зрения и, решив отбиваться, залегли в холмах.

Начался поединок в совершенно монгольском вкусе. Вследствие дальнобойности винтовок, обладатели бердан в бой пока не вступали, и перестрелка шла между двумя бандитами и моим проводником. Обе стороны жалели патроны, не торопились, а потому стреляли только наверняка. У проводника в нескольких местах был пробит рукав левой руки, поддерживавшей винтовку. Этот снайперский поединок мог бы продолжаться очень долго и с наступлением темноты и кончился бы ночью. Но тут берданочники сообразили зайти с фланга, откуда и открыли безвредную, впрочем, стрельбу.

Один из бандитов повернул в их сторону голову, слегка ее приподняв. Этого было достаточно для того, чтобы пуля проводника угодила ему в висок. Второй бандит бросился к верблюдам, чтобы попытаться уйти. Желая взять его живым, погоня методично уложила под ним верблюда. Тогда бандиту осталось только сдаться на милость победителей. Победители же, из предосторожности и для насмешки, держа его под прицелом, заставили бандита раздеться догола и только тогда разрешили ему подойти.

Во втором случае бандит был один. Погоня шла по следу еще большее расстояние и настигла его ночью, когда бандит, уже ничего не опасаясь, мирно спал с винтовкой под боком. Желая действовать наверняка и без риска, погоня расположилась на холмах вокруг и имела терпение дождаться рассвета. Наконец, бандит проснулся и, оставив винтовку на своем ложе, сделал несколько шагов к потухшему костру. Две-три пули, взрывшие песок между ним и винтовкой, немедленно доказали ему, что он обезоружен и полуодетый, лишен возможности бегства. Он сдался, причем, как и в первом случае, голоса невидимых людей приказали ему раздеться догола, а затем подойти к победителям.

Последний разбой на самом нагорье Цаган богда произошел в начале зимы 1936 года. Двое бандитов вырезали две безоружные семьи, кочевавшие у северного подножья горы Цаган богда. Впоследствии они были пойманы

погранохраной МНР и преданы суду, воздавшему бандитам должное.

История Западной Гоби полна подобными фактами. Я привел лишь наиболее характерные.

* * *

Наутро мы снова пошли по тому же руслу между гранитными холмами, намереваясь отдохнуть и набрать воды у ключа Бильгэхи, до которого оставалось около 10 км. Не доходя километра полтора до ключа, впереди между холмами прошел пасущийся верблюд. На ключе были люди. Свернув с дороги и привязав верблюдов в скрытом месте, мы осторожно выползли на холм. На ключе стоял китайский караван, по следам которого мы шли от самого Цаган бургасу. Я предложил проводнику поехать в китайский майхан и порасспросить хозяев о дороге, торговле и прочем. “Нет, это дело не выйдет – сказал мой спутник. – Китайцы знают, что это место безлюдно, несомненно, примут нас за разбойничий разъезд и обстреляют без предупреждения. Хозяева каравана, наверняка, вооружены маузерами. Судя по всему, это дунганский караван, а дунгане –народ смелый и скорый. Проще будет дождаться их ухода, не выдавая своего присуствия”.

Делать было нечего. Дунгане отдыхали в майхане, попивая чаек, а мы с проводником битых четыре часа жарились на июльском полуденном солнце, рассматривая караван и от скуки обсуждая возможность нападения на него. В караване насчитывалось около 200 верблюдов, пара лошадей, фураж для которых шел вьюком, и один или два осла. Верблюды паслись по тамарисковой заросли в двух-трех сотнях метров от нашего холмика. Солнце медленно ползло по безукоризненно ясному небу, немилосердно жаря наши спины. Наконец, когда оно заметно стало клониться к западу, среди караванщиков началось движение. Два-три погонщика пошли собирать верблюдов, причем прошли, громко перекликаясь, всего в сотне метров от нас. Воображаю, какой переполох произвел бы неожиданный выстрел.

Согнанные в кучу верблюды лениво побрели на водопой. В это время рабочие сняли майхан и стали готовить вьюки. Наконец, верблюдов развели по вьюкам, через двадцать минут караван стал вытягиваться поэшелонно в длинную цепочку и, извиваясь как змея, потянулся на юго-запад. Мы спустились к своим верблюдам и вскоре были на ключе, где за поздним временем пришлось заночевать.

Во время экспедиции 1927 года я видел на этой тропе четыре каравана общей сложностью свыше 2000 верблюдов. Организация их движения и даже терминология ведут начало с седой древности и невольно переносят воображение к временам Марко Поло, именно этим способом пересекавшего

с туркестанскими купцами бескрайние пустыни Центрально-Азиатского нагорья. Размер каравана считается по “огням”, при чем на один “огонь”, т.е.палатку, приходится 150-200 верблюдов. “Огонь” разбивается на эшелоны по 15-20 верблюдов, причем на каждый эшелон полагается по одному погонщику. Для того, чтобы вовремя заметить частые разрывы эшелона, на шею последнего верблюда вешается ботало. Мерное разноголосое перезванивание ботал идущего каравана – совершенно своеобразная и вместе с тем волнующая истого путешественника музыка. Головным верблюдом каравана выбирается самый большой старый атан, кастрированный самец с ровным шагом. На его вьюке укрепляется бунчук-копье с красным конским хвостом.

Путь из собственно Китая в Синьцзян измеряется тысячами километров, и на путешествие туда в обратно уходит обычно около полугода. Условия товарообмена таковы, что погонщики идут в передний путь пешком (!) и только на обратном имеют право и возможность ехать верхом. Переходы делают небольшие – от 15 до 25 км в день, летом с обязательным полуденным отдыхом, двигаясь лишь утром и вечером. Идут медленно, делая не более 4-х км в час. Обязанности строго распределены, быт налажен и традиционен. Часто делают дневки, приурочивая их к кормным местам. Хозяева чаще едут на смирных раскормленных лошадях.

Естественно, что для погонщиков подобное путешествие по бесконечным пустыням, пешком под палящим солнцем, менее всего похоже на увеселительную прогулку. Особенно дает себя знать Западная Гоби. Поэтому вполне понятна виденная мною в безотрадном урочище Шинэ усу, на пороге Западной Гоби, маленькая часовенка в виде шалаша из стволов корявого саксаула. На плоском камне неумелыми руками было намалевано изображение какого-то божества, перед которым лежали полусгоревшие остатки курительных свеч. Ветер трепал лоскутки красной материи с иероглифами, взывающими к духам пустыни о милости и пощаде. Так реагировали на трудности пути темные неграмотные погонщики, набираемые в глухих углах провинций Шаньси и Суйюань.

Журнал "Современная Монголия", 1938 г., № 1(26), с.31-43

А. Симуков

По пустыням Западной Гоби
(Записки исследователя)

/окончание/ [1)]

В Бильгэхи мы должны были снова оставить караванную тропу и повернуть на запад к четко видневшемуся двугорбому хребту Ата богда, до которого оставалось еще около 70 км.

Проводник предупредил, что на следующем колодце он был очень давно, еще мальчиком, и не уверен в том, что найдет его. Дальше же он не бывал ни разу.

Утром мы пошли без дороги все по тому же гранитному мелкосопочнику на запад. По дороге нам повстречался одинокий хулан. Часа через три в углублениях гранитного дна одного ущельица мы обнаружили порядочное скопление дождевой воды от недавнего дождя. Не трогая своих запасов воды, напились чаю. Наконец, вышли к большому поперечному руслу прямо у миниатюрного оазиса, где должен был быть колодец. Последний оказался настолько давно и основательно занесенным, что от него не осталось никаких следов, кроме старой долбленной из тополя колоды для водопоя. Излазив безрезультатно все заросли, мы пошли дальше и всего в километре нашли в совершенно закрытом скалами месте глубокий пруд дождевой воды. Место для скрытой стоянки было идеальное – подобие дворика в гранитных стенах, с песчаной почвой, прудом (правда временным) и несколькими кустами тамариска.

Был устроен совет. Проводник, ссылаясь на реальную возможность присутствия в районе гор Ата богда казахов (они кочевали там в 1931-32 годах), наотрез отказался идти дальше. Я решил идти к этому хребту один, с тем, чтобы проводник дожидался меня у найденной воды. На всякий случай мы решили, что мне надо идти ночью и взять молчаливого старого верблюда, отвергнув молодую крикливую самку, на которой, правда, можно было бы удрать от опасности.

Проводник, прождавши меня трое суток, должен был возвратиться

---

1) Начало см. журнал "Современная Монголия", № 6 (25) за 1937 г.

восвояси и сообщить рабочему о моей гибели.

Под вечер я снарядился, взяв полностью свое вооружение, принадлежности для съемки и записей, немного еды, ведерко для чая и деревянный бочонок с водой на три хороших чаевки. Перед закатом тронулся в путь, причем мой спутник поехал немного проводить меня. Через десяток километров мы расстались.

Ночь была облачная и потому очень темная. Луна должна была взойти после полуночи. Ориентиром был скорее угадываемый, чем видный, смутный силуэт Ата богда. До него оставалось не менее 40 км сплошного мелкосопочника. Началось утомительное нырянье по холмам и извилистым руслам, причем крутизну подъемов и спусков вследствие темноты определить было невозможно. Пришлось положиться на верблюда, давая ему лишь общее направление. В лабиринте серых холмов стояла полная тишина. Я напряженно вслушивался, опасаясь услышать собачий лай. В этих местах винтовка и старый верблюд – совершенно достаточный повод для убийства.

Шел час за часом. Чертов хребет все также слабо маячил в отдалении. Наконец, взошла луна, изредка выглядывавшая из облаков и освещавшая бесплодные щебнистые холмы с редкими кустарниками. Перед рассветом стало заметно, что Ата богда близко. Усталость взяла свое, и я решил прилечь, привязав верблюда к своей ноге (хороший способ для избежания ходьбы пешком!).

В усталой дреме чуть не пропустив рассвета, я вскочил и зашагал сначала пешком, с верблюдом в поводу, к ставшему уже совсем близким хребту. Вскоре холмы кончились, и открылась предгорная равнина в несколько километров шириной. Взошло солнце, и каждый предмет вырисовывался резко и четко. В стороне виднелся дэрисун – там должен был быть колодец. Пересекая равнину, я чувствовал себя довольно скверно и внимательно смотрел по сторонам, тем более, что встретил свежие верблюжьи следы. Домашний или дикий?

В скрытом ущелье предгорья стало спокойнее. Поднявшись повыше, я остановился в камнях и решил дальше лезть на вершину пешком. Сварив и напившись чаю, я накрепко привязал верблюда, спутав ему передние ноги, приладил на себе свое снаряжение и оружие (воду пришлось оставить) и полез в скалы, на штурм вершины. Эту последнюю было очень трудно определить, а потому я не удивился, когда оказалось, что до вершины еще далеко. С узкого гребня, во все стороны виднелись узкие извилистые, заваленные камнем ущелья, зубчатые отвесные скалы и крутые россыпи из крупных обломков.

Хребет в целом производил впечатление какого-то первобытно-

дикого. По пути в скалах я встретил одинокого горного козла. Бедняга голодал (и здесь стояла засуха), в бинокль можно было пересчитать его ребра. Несмотря на июль, на нем пучками торчали невылинявшая зимняя шерсть – верный признак истощенности.

Для того чтобы достичь вершины, пришлось чуть ли не на руках спуститься в глубокий коридор поперечного ущелья и снова лезть вверх. Наконец, после пяти часов беспрерывного карабканья по скалам под жгучим солнцем, я – на прохладной вершине огромного хребта.

Анероид показал, примерно, 2800 метров над морем. Вид с вершины открывался совершенно исключительный и вознаграждал за все трудности и опасности пути. Горизонт раздвинулся до 200, а местами и 300 километров. Немного отдохнув, я начал методически изучать впервые открывшуюся географу панораму совершенно неизвестной части пустыни.

Прямо на западе среди простора дикой пустыни четкой громадой вставал вечноснеговой Тянь-Шань, точнее его восточная оконечность, известная под названием Харлык таг. К югу и северу от него широкие рукава пустыни уходили за горизонт к Чжунгарской (север) и Таримской (юг) впадинам. В бинокль были ясно видны снега верхнего пояса гор, выступающие черные ребра скал, за которые цеплялись облака. До Тянь-Шаня оставалось всего около 150 км, т.е. пять дней нормального верблюжьего хода или один день на автомобиле. Глаз отмечал места расположения восточных городов Синьцзяна - Хами и Баркуля.

Между горами Ата богда и Тянь-шанем залегает широкая пустыня, абсолютно неизвестная географической науке. Я был первым, видевшим ее глазами исследователя.

Чжунгарский рукав пустыни ограждает с севера крутая громада хребта Ачжи богда - часть Монгольского Алтая. Восточнее ее тянутся горы этой огромной системы, достигающей вместе с Гобийским Алтаем 1600 км длины. Южные хребты Алтая, особенно хр. Эдэрэнгиин нуру, были видны во всех подробностях. Особенно интересно было совершеноо неизвестное до этого момента пространство между Эдэрэнгиин нуру и Ата богда, изображавшееся на картах как равнина. Почти сплошь заполненное мелкосопочником, среди которого выделялись два неизвестных хребта, которые я видел, таким образом, первым и, так сказать, их открыл, оно менее всего подходило под термин “равнина”. Вся эта картина была немедленно зафиксирована на карту.

На юго-западе Ханьшуйское нагорье сходило на нет, переходя в повышенную, частью скалистую, пустыню между Харлык тагом, Ата богда и Бэй-Шанем, уходившую за горизонт к Лоб нору и смертоносным

пескам пустыни Такла-Макан. На ее поверхности разбросаны отдельные каменистые горки-останцы. Видно было, что гранитный мелкосопочник ядра нагорья Цаган богда уходит далеко в сторону Тянь-Шаня и лежит в одном с ним направлении. Замечу попутно (это было выяснено на обратном пути), что по крайней мере северная ограда нагорья Цаган богда лежит на одной линии с южной цепью Гобийского Алтая и связана с последней. Таким образом, выяснилась геоморфологическая связь Тянь-Шаня и южной половины Гобийского Алтая.

Ближайшие окрестности вершины были закрыты соседними горами. Зимняя поездка начала 1937 года, когда мне удалось объехать на автомобиле Ата богда с запада, перевалив его западное крыло, показала, что значительно сниженная скалистая гряда, являющаяся продолжением Цаган-богдоского нагорья, тянется еще км на 70 к западу от Ата богда, делая дугообразный изгиб к югу и оставляя между собой и предгорьями Тянь-Шаня сравнительно неширокий (около 50 км?) равнинный проход. Эта же последняя поездка показала, что хребет Ата богда гораздо больше и сложнее, чем об этом можно судить по сведениям Ладыгина.

В южном направлении было видно, что широкая (до 40 км) долина, отделяющая нагорья Цаган богда и Ханьшуй нуру, сходит на меридиане Ата богда на нет, и скалистые гряды обоих нагорий почти сходятся. Хорошо виден был расположенный на упомянутой выше караванной тропе прорыв южной ограды Цаган-богдоского нагорья (Ханаин нуру), известный под именем Булаган хошу, а за ним низкая Наран-сэбистэйская гряда.

Зимой 1937 года мне удалось доехать на автомашине до урочища Наран сэбистэй и переночевать там. Ключ с большой зарослью камыша, но без тополей и тамарисков, расположен на покатых к югу подгорных наносах, размытых оврагами на пологие мысы. Несмотря на хорошую воду и камыши, это урочище, самое южное из оазисов Монгольской Западной Гоби, производит даже на привычного человека странно гнетущее впечатление. Этому способствуют маловыразительные, какие-то серые и бесплодные окрестности. Именно такие места впечатлительные монголы считают местопребыванием “читхура”, т.е. черта.

Через Наран сэбистэй проходят старые пути из МНР в Аньси и Юймынь – два города западной Ганьсу.

За Наран сэбистэйской грядой виднеются наиболее значительные возвышенности западной оконечности Ханьшуйского нагорья - удлиненный небольшой хребет Тойг добхур с характерной куполообразной вершиной и похожий на лежащего верблюда короткий двугорбый кряж Улан булагиин хяр. За ними на далеком юго-западном горизонте виднелись

пирамидальные массивы северной ограды Бэй-Шаня в окрестностях важного колодца Мингшуй.

Короче, с вершины Ата богда я оказался в состоянии получить и зафиксировать конкретное представление о площади в 100.000 кв. км, до этого момента совершенно неизвестной географической науке. Поистине, подобное достижение, заработанное тяжелым трудом и упорным преодолением всевозможных препятствий, вознаграждает за все лишения, все трудности и опасности пути.

Методически изучая горизонт участок за участком, в минуты отдыха я обращался все снова и снова к вечным снегам Тянь-Шаня. Ближе его виднелись сравнительно низкие, с резко выдающейся трапецевидной вершиной, горы Эмир таг, нанесенные, правда, на карту, но также не посещенные еще ни одним исследователем. Севернее вечноснегового Харлык тага виднелась впадина Туркуль нура, огражденная с севера темной низкой массой хребта Мэчин ула. За этой впадиной в далекой дымке блестели снега более восточных участков Тянь-Шаня.

Неумолимое солнце стало клониться к западу. Надо было расставаться с этой исключительной панорамой неведомых пустынь, впервые открывшейся исследователю. Кульминационная точка путешествия была достигнута.

Окинув еще раз взглядом все окружающее и в последний раз полюбовавшись на Тянь-Шань, я начал спускаться. Усталые ноги подгибались и дрожали. Теперь можно было уделить больше внимания непосредственно окружающим деталям ландшафта. Стало, например, ясным, что растительность самого верхнего пояса Ата богда приближается к типу хангайской нагорной степи, изобилуя северными злаками и другими северными растениями (йэрхуг – *Agropyrum,* еще некоторые виды, *Artemisia frigida,* северный вид лапчатки).

Спускаясь по каменистым завалам узкого ущелья, я пересек свежие следы стада горных козлов. Ниже, где падение ущелья стало более спокойным, встретились два-три очень старых убульчжона (зимние стоянки, характерные подковообразными каменными стенками для защиты лежбища мелкого скота от ветра). Очевидно, обитатели этих стоянок пользовались снегом, так как характер ущелий исключает возможность устройства колодцев обычного типа.

По мере приближения к своему “лагерю” меня стали интересовать два вопроса: во-первых, не оторвался ли голодный верблюд за время моего отсутствия и, во-вторых, не ждут ли меня нашедшие лагерь по следам непрошенные гости. Из предосторожности я перевалил в свое ущелье намного ниже “лагеря” и внимательно осмотрел песок и щебень русла, не

обнаружив никаких следов, кроме моих собственных. На стоянке все было на месте. Отпустив верблюда покормиться, я сварил котелок чая и блаженно отдохнул. Солнце было уже на закате. Надо было двигаться в обратный путь.

Завьючив свой багаж и воссев на своего старика-верблюда, я пустился в обратную дорогу. Солнце село. Предстояла вторая бессонная ночь, иначе говоря, конец вторых суток почти беспрерывного движения.

Несколько ниже "лагеря" в сумерках впереди мелькнули и исчезли три круторогих горных барана. Я пожалел о мясе, так как давно уже питался всякой чепухой – остатками жаренной муки и, главным образом, старым арулом (монгольский кислый сыр), что возможно только летом, при сравнительно малых затратах организма.

Уже в темноте я выехал из гор и направился к месту стоянки проводника, стараясь обойти надоевший за передний путь мелкосопочник.

Опять потекли часы нудного ночного марша. После полуночи, отойдя от Ата богда км на 25, я не выдержал, слез с верблюда и разлегся на щебне, привязав своего товарища по походу к ноге. Проснулся перед восходом солнца и снова зашагал к "дому".

Углубившись в холмы, я был удивлен раздавшимся в непосредственной близости хриплым лаем. Это лаяла на меня обшарпанная тощая лисица, бежавшая всего в двадцати метрах и необычайно заинтересованная странной, с ее точки зрения, парой. Лисица провожала нас с верблюдом несколько сот метров.

Далее, в одном скрытом месте я обнаружил свежую копань медведя, лакомившегося ревенем истекшей ночью. Немедленно бросив верблюда, я взобрался на холм и внимательно, но безрезультатно, осмотрел окрестности.

Нахальство лисицы, видевшей, вероятно, человека впервые, напомнило мне путешествие 1927 года. Тогда этот район был намного богаче зверем, в большинстве не знавшим людскую породу. Так, к моей стоянке на ключе Сучжи средь бела дня подходили на водопой хуланы, горные бараны и горные козлы. На стоянке в Цаган бургасу цзэрэны пили воду в 30-40 метрах от палатки. Наконец, когда я со спутником-монголом ехал по следам диких верблюдов, с нами долго шла хуланья кобыла с жеребенком, внимательно разглядывая нас на расстоянии в 100-150 метров, хотя в населенных местах хуланы начинают беспокоиться уже за добрый километр. Подобные встречи еще более усиливают колорит неизведанности глухих углов пустыни.

Реакция после штурма вершины Ата богда давала себя знать,

немилосердно жарило солнце, последние капли воды были выпиты. Безжалостно подгоняя усталого верблюда и ерзая затекшими ногами в седле, я продвигался к востоку. Вот, наконец, знакомые окрестности "тайной" стоянки, мои собственные следы, последний бугор – и я у дождевого пруда здороваюсь с искренне обрадованным моим благополучным возвращением проводником.

Напившись чаю (мне потребовалось по крайней мере тройная порция) и отдохнув в скупой тени скалы, мы тронулись в обратный путь. Поспешность диктовалась отсутствием продуктов. Я был измучен, так как это были третьи сутки верхового и пешего хода, с минимальными остановками.

Почти по своим следам мы шли скорым ходом на восток и в сумерках достигли ключа Бильгэхи. Здесь можно было блаженно вытянуться в предвкушении настоящего сна и мирно поболтать со спутником у огонька за чашкой вкусно пахнущего дымом чая.

Я записал сведения о старых меридиональных караванных путях, ведших из Халхи через район Цаган богда в западную Ганьсу (города Аньси, Юймынь и Сучжоу). Кроме того, мы много говорили о "цагачинах". Этим термином западные халхасы обозначают бродячих эмигрантов как своих, так и чужих, скрывающихся либо в неосвоенных местах, либо в чужих владениях от непосильных налогов, гонений, часто избегая ответа за совершенные преступления и т.д.

Вполне понятно, что при феодальном режиме цагачины были постоянным явлением. Они уходили с насиженных мест в неосвоенную пустыню юга, оседая в подходящих для кочевья местах (Цаган богда, Ма-Цзун-Шань) и иногда заходя до Нань-Шаня и даже до северного Цайдама. В то время, как живущему в пределах освоенных, хошунных земель населению были известны лишь караванные тропы, ведущие в Ганьсу, куда приграничные халхасы ездили ежегодно в "аин" за хлебопродуктами и товарами, легким на подъем цагачинам пустыни Западной Гоби были известны вдоль и поперек. Кроме того, многие из них знали пути в северный и южный Алашань, на Эцзин гол, в обширную горную систему Нань-Шаня, Цайдам и восточный Синьцзян.

Боязнь преследования и, главным образом, слабая кормовая производительность Западной Гоби, понуждающая к далеким перекочевкам, вследствие частых засух, выработали у цагачинов пренебрежение к прочному устройству на определенном кочевом участке, с неизбежной затратой труда на копку хороших колодцев.

В результате, последних в районе мало, и почти все они сосредоточены на караванных путях. Колодцы вне этих путей в большинстве крайне

несовершенны и по этой причине маловодны, имея явные черты временных, сделанных наспех, с расчетом недолгого пользования.

Зато те же цагачины наперечет знали места с близкой подпочвенной водой, временные (после дождей или в дождливые годы) ключи, места скопления дождевой воды в скалах, а в новых для них местах безошибочно ориентировались в вопросе добычи воды, с минимальной затратой труда и времени.

Собирая в 1935 году сведения о водных источниках района, я сплошь и рядом слышал такие определения: “в урочище Булаган хошу под скалой легко откопать воду”, “в урочище Хуцаин шанда после дождей бывает временный ключ”, “вода ключа Гашун цзоухэ горько-соленая и совершенно непригодна для питья, но если покопать выше ключа, то можно добыть приемлемую воду” и т.д. Очень часто воду цагачинам указывали хуланы, которые хорошо чуют близкую подпочвенную влагу и выкапывают своими крепкими копытами узкие ямы, иногда до метра глубины. Поэтому опытный цагачин всегда обращал внимание на направление хуланьих троп, определяя, переходная ли это тропа между пастбищными местами, используемая дикими ослами для своих перекочевок, или она ведет к воде.

Пребывание вне досягаемости закона и наличие преступных элементов нередко соблазняло цагачинов на грабежи и дальние набеги с целью угона скота. Но, как правило, цагачины занимались этим всегда вдали от своих стоянок.

После Монгольской революции для населения МНР стимулы к цагачинству в основном исчезли, оставшись в силе лишь для антигосударственных элементов. Последняя массовая вспышка цагачинства (1931 год) была результатом вредительских действий так называемого “левого загиба”, ликвидированного в 1932 году. В Цаган Богдо я встретился с эмигрантами именно этого периода, полностью владевшими, однако, цагачинской традицией дореволюционных времен. Для зарубежных же районов стимулы к цагачинству остаются в силе и по сей день. В частности в зарубежной части Западной Гоби можно встретить торгоутов из Карашара (Синьцзян), синьцзянских же казахов, китайцев-колонистов, ушедших по той или иной причине в глухие места, и т.д.

Но сейчас Западная Гоби уже почти не дает приюта внегосударственным элементам. Монгольская ее часть полностью освоена МНР, китайская – китайцами. Через китайскую часть Западной Гоби проходит автомобильный тракт Суйюань – Синьцзян, оборудованный станками с таможенными постами на важнейших из них, в Мацзуншане стоит военный отряд. Многолетняя эпоха разбойников и робинзонов пустыни заканчивается, и

сейчас Западная Гоби – ворота в Синьцзян – учитывается японцами как стратегический плацдарм так же, как Суйюань или Нинся. Недаром на ее пороге – Эцзин голе – уже свыше года работает японская военно-шпионская миссия.

Таким образом, заложившее фундамент для освоения района исследование монгольской части Западной Гоби, проведенное мною в 1935 году и дополненное в 1936, было более чем своевременно.

В дореволюционное время в приграничных хошунах Цзасакту-хановского аймага был еще один контингент аратов, хорошо знакомый с монгольской частью Западной Гоби. Это были охотники за диким верблюдом.

Тщательно избегающий людских поселений дикий верблюд населяет в настоящее время самые дикие и бесплодные районы Центрально-Азиатского нагорья, точнее – Гоби в широком смысле. Он встречается в центральных частях обеих огромных синьцзянских пустынь — Чжунгарской и Таримской (Такла-Макан и Лобнорской), — в северной (монгольской) половине Западной Гоби (от хр. Эдэрэнгиин нуру на севере до Ханьшуйского нагорья на юге, доходя на востоке до Эцзин гола) и в неисследованной пустыне северо-западного Цайдама. Биология этого редкого и интереснейшего животного почти неизвестна. Мало того, несмотря на наличие ряда коллекционных экземпляров в некоторых музеях Европы (зоологический музей Академии Наук СССР, Стокгольмский музей и т.д.), среди кабинетных ученых до сих пор идет спор о том, дикие ли это экземпляры или одичавшие.

Я видел дикого верблюда в его естественной обстановке, интересовался его биологией, охотился на него (один экземпляр со скелетом доставлен мною в государственный музей МНР), расспрашивал о диком верблюде хорошо знающих его монголов и, на основании всего виденного и услышанного, склонен думать, что это именно дикий, а не одичавший верблюд.

В частности, монголы легко отличают его от домашнего по внешнему виду (особой формы маленькие губы, слабая оброслость и вообще более короткая и нежная шерсть, более стройное сухощавое сложение и т.д.), а опытные охотники узнают его даже по следу.

Дикий верблюд – настоящее детище пустыни. Не зная определенных участков обитания, свойственных большинству диких животных, он бродит по огромному пространству от предгорий Тянь-Шаня до Гашун нура (Эцзин гол). Обладая прекрасным чутьем и памятью, он пользуется водопоями, отделенными иногда многими десятками километров, способен пить горько-соленую воду, от которой отказывается домашний его

сородич, и довольствуется самой неприхотливой пищей. Исключительные чутье и зрение, а также выдающаяся быстрота бега и крепость на рану, спасают его от врагов. Только очень опытный, выносливый, настойчивый и терпеливый охотник может с успехом охотиться за этим редким зверем. Кстати, в настоящее время дикий верблюд включен в список животных, охота на которых в пределах МНР запрещена законом.

В былое время некоторые охотники прилегающих к Западной Гоби хошунов специально занимались охотой на дикого верблюда. Эта охота, несмотря на кажущуюся выгоду (большое количество прекрасного мяса и жира, ценная своей прочностью шкура), требовала столько времени, сил и средств, что, несомненно, была скорее романтическим спортом, нежели экономически целесообразным предприятием. Охотники выезжали верхом на лучших верблюдах поздней осенью, снаряжаясь на срок от двух недель до полутора-двух месяцев и рыскали по безводным просторам, отыскивая свежие следы желанного зверя. Мой проводник говорил, что охота эта была опасной в том смысле, что часто охотничий азарт преследования зверя по следу заставлял пренебрегать нехваткой взятой с собой воды и усталостью верхового верблюда, и в результате бывали трагические случаи, когда охотник оставался среди безводной пустыни пешим и без капли воды. Эти охотники-энтузиасты отлично знали пустыню и биологию дикого верблюда. Особенно известен был среди них Бадар-цзанги, бывший проводником у В.Ф.Ладыгина, давшего первые по времени сведения о Западной Гоби.

Я встречал следы дикого верблюда на всем пространстве от Чонай бома до Ата богда как на окрестных равнинах нагорья Цаган богда, так и по большим долинам самого нагорья, а иногда и в его горных ущельях. Видеть диких верблюдов мне удалось дважды, оба раза в 1927 г. в пустыне к юго-востоку от горы Цаган богда. Именно там и был убит старый самец, доставленный в Уланбаторский музей.

Обнаружив однажды свежие следы этих животных у одного из ключей, мы верхом погнались по этим следам, предусмотрительно взяв воду. Выяснилось, что верблюды прошли после водопоя без кормежки 25 км, затем немного покормились и снова без ночевки ушли дальше. Так мы их и не догнали.

* * *

Переночевав в Бильгэхи, мы пошли вдоль нагорья по прямому направлению к аилу проводника, до которого оставалось два дня хода. Путь шел как раз по оси нагорья, мимо знакомой скалы Балин цохе, оставляя в стороне урочища Хатон судал и Баян тохой.

В стороне же остался непосещенный нами крутой и высокий массив Хуху тумурту (“Синий железный”) с колодцем Бабагай (“Медвежий”) у его подножья. Такое название колодец получил после того, как в него залез пожелавший напиться медведь, который застрял там настолько крепко, что не мог выбраться и издох.

В трех километрах от желанного аила, мы были застигнуты сильнейшим ливнем, первым за весь разъезд. Буквально через десять минут по всем сухим руслам зашумели бурные грязные потоки. Кроме того, вода текла прямо по земле, не успевавшей ее впитывать. Непривычные к грязи верблюды начали скользить, наш вьюк свернулся в грязь, и через секунду туда же полетел и я, сброшенный моей молодой верховой ингой (верблюдицей), испугавшейся происшествия.

После суток заслуженного отдыха в аиле, я тепло распрощался с давшим мне много нового проводником и снова на своих несколько отдохнувших верблюдах, вместе с рабочим, двинулся в обратный путь, в первую очередь к горе Цаган богда.

Остановившись в ущелье у ее южного склона на уютном ключике Хабцагайту, я немедленно полез по скалам на вершину, освободившись максимально от одежды и снаряжения. Путь оказался тяжелым, и, как я ни торопился, последнее препятствие было преодолено перед самым закатом солнца. Работа предстояла большая, но быстро наступившие сумерки прервали ее и заставили подумать о спуске. Поднявшись на вершину по скалистому гребню, я решил спускаться ложбиной. Последняя быстро превратилась в узкий извилистый коридор с отвесными скалистыми стенами пятидесятиметровой высоты. Вечернее небо виднелось узкой полоской где-то далеко вверху. Я осторожно пробирался в полутьме по сглаженному дождевой водой дну скалистого каньона. Наконец, впереди обозначилась узкая щель. Подойдя к ней, я обнаружил, что суженный коридор образует здесь отвесную пятиметровую ступень, под которой в выбитом в скале дождевыми потоками большом чашеобразном углублении чернела вода – след недавнего дождя. Отвесный, даже нависший, каменный спуск к пруду был сглажен водой.

Утомленный подъемом на вершину я должен был буквально собрать себя в кулак, чтобы вершок за вершком, пользуясь мельчайшими выбоинами и зацепками, благополучно спуститься, не сорвавшись на каменное дно каньона и избежав купанья в пруду. Облегченно вздохнув, я зашагал дальше, но через двести метров извилистого пути был остановлен новой, еще более высокой и такой же отвесной ступенью, с таким же черным прудом под ней.

Путь назад, к вершине, был отрезан предыдущей ступенью, подъем на

которую, особенно в темноте, был исключен. Надо было во что бы то ни стало спускаться. Внимательно, насколько позволила ночь, в подобном коридоре, осмотрев спуск, я полез вниз, буквально прилипая к обточенной водой скале. От камня шел неприятный могильный холодок. Стояла тишина, которую принято называть гробовой. Лишь изредка далеко вверху в скалах слегка шумел случайный порыв ночного ветерка. Исчезло понятие о времени, и я так и не знаю, занял ли мой спуск пять минут или полчаса.

Покурив у пруда, я поплелся, спотыкаясь о камни, дальше и через несколько минут остановился в полном отчаянии. Передо мной чернела новая ступень, не уступавшая предыдущим. Пришлось сильно сдержаться, чтобы не прыгнуть прямо вниз, в темноту, рискуя переломом ноги и медленной смертью в каменной могиле.

Ежесекундно под угрозой срыва, дрожащими от напряжения и усталости руками и ногами я цеплялся за малейшие неровности скалы, спускаясь к этой ступени вниз и не зная, сколько еще таких же обрывов ждет меня впереди. Когда я уже совершенно обессилел и почти перестал соображать, двигаясь совершенно машинально, бесконечный коридор, столько раз за короткое время угрожавший мне смертью, внезапно распахнулся, и я вылез в знакомое ущелье всего в полукилометре от лагеря. Звезды показывали полночь, а пройденный с заката путь не превышал двух километров.

Утром, проходя мимо злополучного каньона, я чуть не пропустил его – такой незаметной была узкая извилистая щель в отвесном боку ущелья.

Перевалив проходом Хиргисту даба на северный склон к знакомому ключу Сучжи, мы остановились, так как восхождение на Цаган богда надо было повторить. С перевала к вершине вела едва заметная тропинка, которой я и воспользовался, спугнув по дороге табунок горных козлов, таких же тощих, как и козел на Ата богда.

Теперь я мог спокойно изучить открывавшиеся с вершины огромные пространства восточной части Западной Гоби. Если вид с Ата богда показал взаимоотношения Цаган-богдоского нагорья и Тянь-Шаня, то с вершины Цаган богда оставалось выяснить связь нагорья с Гобийским Алтаем и сложную картину скалистой пустыни в направлении Эцзин гола.

Даже самый поверхностный взгляд на север предсказывал полное изменение старых карт района. Южная цепь Гобийского Алтая не обрывается на западе, как это показывали карты, а тянется в виде отдельных массивов и кряжей (Сэртэнгг, Сариг, Торойтуин хуху, Хабцагайту), насаженных на общем пьедестале, до соединения в районе

Шара хулусу с главной осью Цаган-богдоского нагорья. Все эти горы до этого момента были вовсе неизвестны географам. Таким образом, устанавливается орографическая связь систем южного Гобийского Алтая и Тянь-шаня.

На юге восточный конец Ханьшуйского нагорья примыкает к восточной же оконечности гряды Цаган богда, образуя в этом районе сложную систему скоплений невысоких скалистых гор и каменистых мелкосопочников, бесплодных и почти безводных. Вся эта система выклинивается на востоке на меридиане Гашун нура. Отдельные ее части в большинстве даже не имеют названий. Своей высотой выделяются горные группы Гурбан унигэту ("Три лисьих горы") и Сэрбэн Хоршиуд.

Ханьшуйское нагорье было видно с вершины Цаган богда целиком. Далеко (150 км) на юго-западе торчал из-за него гребень хребта Ихэ мацзуншань. Изучение местности с вершины Ата богда и Цаган богда дало исчерпывающую в общем картину всей Западной Гоби – от Эцзин гола до Тянь-шаня и от Мацзуншаня до видневшихся на северном горизонте хребтов системы Алтаин нуру, переходящей на меридиане Цаган богда в Гобийский Алтай. Цель экспедиции была достигнута – последний большой, почти неизвестный и наиболее труднодоступный участок МНР был положен на карту. Оставалась доработка деталей.

Применяемый мною метод изучения топографии местности с наиболее высоких вершин дает наилучшие результаты, требуя, правда, нередко большой затраты физической силы на преодоление крутизны и скал при подъеме. По обилию материала он не может быть сравниваем с обычным для исследователей методом фиксации местности только по маршруту следования, где часто неизбежны недооценка отдельных элементов рельефа и просто ошибки. В частности, на нагорье Цаган богдо, кроме описанных восхождений на Ата богда и Цаган богда, я взбирался (в 1936 г.) еще на вершины Дугуй хайрхан, Цзара хайрхан, Хабцагайту, Ланцзату, Торойтуин хуху и Ухур улан и только поэтому получил исчерпывающее представление обо всем нагорье и прилегающих пустынях.

Гора Цаган богда считается жилищем духа – покровителя всего района, а поэтому среди цагачинов существуют традиции ее почитания и жертвоприношений. Традиции этого рода, являющиеся остатком шаманского культа, вообще чрезвычайно широко распространены в Монголии и по сей день. Каждая отдельная местность имеет свое чествуемое обо, где раз в год, в определенное время (всегда летом или ранней осенью), собираются араты и после молебна с жертвоприношением (молочные продукты, кумыс, молочная водка) устраивают праздничную пирушку, нередко связанную с надомом (борьба, скачки и т.д.). Все или

почти все современные названия сумунов и багов являются названиями чествуемых в данном районе гор, иногда отдельных холмов, рек, озер и т.д.

Во времена манчжурского владычества императоры Дайциньской династии ежегодно присылали специальные посольства с дарами для принесения жертв горам, так сказать "всемонгольского" значения (Уланбаторская Богда хан ула, Хэнтэй хан).

* * *

Не желая повторять уже пройденный путь, я избрал для возвращения в Ноян богда более северный вариант, с расчетом посещения крупного оазиса Эхин гол. Тщательные расспросы показали наличие воды на малоизвестном даже цагачинам перегоне Эхин гол – горы Тосоту. Эту воду нам предстояло найти самим по описанию.

Выйдя со стоянки на ключе Сучжи, мы пошли прямо на север, пересекая запутанную систему северных предгорий Цаган богда по извилистым сайрам и продольным долинам.

Наконец, надоевшие горы и холмы кончились, и перед нами открылась покатая к северу равнина, сток которой направлялся к прорыву в ее северной горной ограде, где в бинокль виднелась зелень и деревья. Это и был оазис Эхин гол. В данном году людей на нем не было. Цагачины избегали этот оазис после того, как пассажиры пробиравшегося по караванной дороге в Синьцзян китайского автомобиля без всякого предупреждения обстреляли женщину, вышедшую к ключу за водой.

На Эхин голе пришлось бросить одного верблюда, заболевшего "вертячкой".

Отсюда наш путь пошел на восток, к видневшимся на горизонте горам Бумбу и Тосоту. Пятнадцатикилометровый пологий спуск привел нас к миниатюрному ключику Толи, расположенному на дне большой бесплодной впадины. В нескольких км к северу поднималась невысокая горная гряда с черным скалистым массивом Онгон ула на ее восточном конце. Опасения по поводу усталости верблюдов не дали возможности заглянуть на древние, давно заброшенные, золотые прииски у этого массива, пользующегося у цагачинов дурной славой (там бродят якобы души задавленных обвалом шахты китайских каторжников, работавших на прииске).

В былые времена золото добывалось китайцами в целом ряде мест Западной Гоби. Помимо Онгон-улы, местное население указывает на массив Алтан ула ("Золотая гора"), В.А.Казакевич осмотрел место добычи рудного золота в ущелье Хушоту (восточная часть хр. Эдэрэнгиин нуру),

Ладыгин упоминает о заброшенных разработках золота в ур. Аргалинту сайр (северный склон Ханьшуй нуру). Далее, на этом последнем нагорье два колодца носят название Алтан-усу ("Золотая вода"). Вероятно, не зря такой расчетливый и умный государственный деятель, как император Цянь-Лун, учредил так называемый "Золотой караул" ("Алтан харул"), посты которого были расположены по южному подножью Алтая, от гор Тосоту до современного Хобдоского аймага. Два поста постоянно кочевали в районе Цаган богда. Назначением этой караульной линии, существовавшей до автономии (т.е. до 1911 г.), была охрана казенных золотых приисков от разбойничьих элементов, постоянно державшихся в глубине, недосягаемой для китайской государственности Западной Гоби. Тема "Золотого караула", имеющая глубокий практический интерес, еще совершенно не разработана; не установлены даже, за небольшими исключениями, места стоянки его постов.

Пятидесятикилометровый переход по накаленной солнцем пустыне, где жидкая тень редких саксауловых кустов была желанным местом отдыха, должен был привести нас к спрятанному в оврагах ключику Улан ганга ("Красные обрывы"). Со второй половины пути начался подъем по засыпанным песком и причудливо обточенным ветром песчаниковым и конгломератным холмам, образующим бесплодный запутанный лабиринт ущелий, сухих русел, обрывов и плоских останцов.

Точное описание окрестностей ключа, данное мне цагачинами, знание монгольской географической терминологии и опыт в ориентировке помогли нам выйти непосредственно к ключу без лишних и крайне нежелательных для наших усталых верблюдов поисков.

Ключ Улан ганга оказался в одном из сложной системы оврагов, промытых в огромной толще ярко-красной гобийской (вероятно, третичной) глины и местами полузасыпанных песком. Даже наличие воды не вызвало здесь развития растительности. Лишь кое-где торчали отдельные кусты тамариска, под одним из которых мы остановились на полуденный отдых. Обстановка чем-то напоминала Африку. В закрытом от ветра овраге нестерпимо палило солнце. Синее безоблачное небо, ярко-красные размытые бока оврага с красновато - желтыми осыпями сыпучего песка, синеватая зелень редких кустов тамариска с красной корой его ветвей создавали впечатление именно африканской экзотики. Картину дополняли гигантские ящерицы, сонно гревшиеся там и тут на солнце или скрывавшиеся в тени тамарисков.

Около стоянки мы обнаружили следы человека, бывшего на ключе несколькими часами раньше нас. Угли костра еще не потухли. Человек ехал на двух верблюдах. Впоследствии выяснилось, что встреча с ним

сулила мало хорошего. Это был опасный вооруженный контрабандист, сумевший ускользнуть от пограничников, оставив им целый караван контрабанды и своих помощников, и ушедший за границу. В окрестностях ключа мы нашли целую свеженатоптанную контрабандистами тропу, о которой поставили впоследствии в известность ближайшую пограничную заставу. Ключ этот пограничникам известен не был.

Следующий переход должен был привести нас в освоенные и населенные места. Западная Гоби кончалась. Путь шел все время подъемом к горам Бумбу и Тосоту (южная цепь Гобийского Алтая). На север местность резко понижалась, переходя в огромную пустынную впадину Ингэни хобурин-Гоби, пока еще не исследованную и, вероятно, самую глубокую в МНР (по моим предположениям, около 500 м абс.). Утром около гор Сэртэнгг мы в течение двух часов шли в густом мокром тумане – явление очень редкое в Гоби. Большого труда стоило не сбиться с нужного направления и найти перевал через незнакомые горы.

Растительность стала заметно богаче, появился травянистый покров (лук, полынь, гобийский ковылек), совершенно отсутствующий в Западной Гоби (кроме отдельных высоких гор). Под вечер, выйдя на южный склон хребта Бумбу, мы увидели в отдалении юрты и стадо баранов. Начались места с постоянным населением.

С места стоянки под склонявшимся к закату солнцем снова, как и в передний путь, развертывалась подернутая голубой дымкой панорама пустынных равнин и диких скалистых хребтов Западной Гоби. Четким синим силуэтом рисовалась зубчатая острая вершина Цаган богда. Но теперь я уже легко разбирался в хаосе гор, холмов, долин и равнин, восстанавливая в памяти всю их последовательность, вплоть до вечных снегов Тянь-Шаня. Неведомая до этого времени “страна диких верблюдов и разбойников” была положена на карту.

Журнал "Современная Монголия", 1937 г., № 4 (23), с.85-92
(АИГМ № 78, машинопись)

П.И.Воробьев и А.Д.Симуков

Экспедиция в Цаган богда

13 сентября 1936 г. в полдень из хашана Ученого Комитета МНР выехала тяжело нагруженная трехтонная машина "ЗИС" научной экспедиции, снаряженной Комитетом для исследования юго-западной Гоби.

В этой экспедиции участвовали три сотрудника Ученого Комитета: {[1] П.И. Воробьев, А.Д. Симуков и т. Дашидоржи} Монголкино было представлено оператором {А.А. Лебедевым}. Кроме них, в составе экспедиции были водитель машины и рабочий {Ван-Фучин}. Груз состоял из значительного запаса бензина, так как маршрут был рассчитан на 3000 км, а возможность пополнения бензина в пути исключалась; затем порядочного запаса продовольствия и разнообразного экспедиционного снаряжения, начиная от 2-х майханов и кончая научными приборами и двумя киносъемочными аппаратами и оружием. Улан батор провожал нас плохо: погода была пасмурная, холодная и только изредка проглядывало солнце. Почти новая машина работала безотказно, путь шел по накатанному Даланцзадагайскому тракту, и к вечеру за нами остались первые 150 км пути. Уже в темноте экспедиция остановилась на ночевку у озерка под скалами Цзоргол хайрхана. Все очень устали и, наскоро поужинав, улеглись спать.

14 сентября. Встали в 6 часов утра и приступили к перепаковке багажа, чтобы более удобно и легко укладывать его в машину и иметь под рукой все наиболее необходимое в пути. В 8 часов утра выехали дальше при той же прохладной, но уже менее пасмурной погоде. В стороне от тракта под скалами видны хэрэксуры, указывающие на то, что 3-4 тысячи лет тому назад замечательные скалы хайрхана привлекали внимание людей, хоронивших здесь своих степных батырей. Со спуска на Адацагскую равнину открывается широкая панорама. Горный рельеф Уланбаторского района постепенно сглаживается: последние отроги Хэнтэйской горной страны остались позади.

---

1) { }-текст из машинописного материала (*прим. сост*).

Близ Цзоргола по сторонам видно много аилов, и везде бродит скот, хотя трава здесь в этом году уродилась плохо.

За Адацагской равниной, насчитывающей примерно 40 км, с колодца Баян хошу дорога идет уже среди холмов Средне-Халхасской возвышенности. Горизонт сокращается степными пологими увалами, долинами и котловинами, по которым белеют поросли дэрисуна. Вскоре исчезают последние тарбаганьи норы: здесь проходит южная граница этого грызуна. Степь беднеет, постепенно переходя в предгоби. Под вечер минуем монастырь Ухтал сангиин далай и, сделав за день 167 км, останавливаемся ночевать на южном склоне гряды Шабагиин цзан.

15 сентября утром мы проехали остававшуюся южную часть Средне-халхасской возвышенности с ее хараганной степью. Синевшие впереди горы Дэлгэр хангай – граница настоящей гоби – отошли влево, а затем остались позади. С безукоризненно ровной, покрытой щебнем террасы Онгиин гола, под которым спрятался от ветров монастырь Хошу хид, открывается величественный вид на Центральную впадину, за которой чуть голубеют вершины трех Сайханов. Стало уже заметно теплее. По изумительной своей природной ровностью дороге автомобиль развивает предельную скорость. Справа плывут назад дэрисуны Онгиин гола с разбросанными по ним юртами. У станка Утхун хобур в качестве топлива сложен цзаг – мы уже в Гоби! Развертывающиеся по мере нашего движения ландшафты, проходящие караваны верблюдов, пасущиеся стада, аилы – все это немедленно попадает в объектив нашего аппарата, и параллельно километрам пройденного пути увеличивается метраж использованной кинопленки. Сегодня мы пересекли у колодца Дэлгэрху ныне заброшенный тракт Пекин – Калган – Улясутай. Вечером остановились на ночевку в Баян цзаге – месте знаменитых раскопок американской экспедиции Эндрюса (1925 г.), давших науке богатейшие материалы по ископаемой фауне. От “щедрот” Эндрюса в Государственном монгольском музее в Уланбаторе можно видеть два яйца динозавров, принесенных в дар американской экспедицией. Все лучшие находки Эндрюсом переданы в американские музеи.

Уже тепло совершенно по-летнему. Ночью небо вызвездило исключительно ярко и особенно рельефен был Млечный Путь. Сегодня по дороге видели дроф и цзэрэнов. За день нами пройдено 210 км.

16 сентября. Летний теплый день. На небе ни облачка. С утра мы пошли посмотреть места палеонтологических эндрюсовских находок в самом урочище Баян цзаг. Баян цзаг представляет собою высокую террасу красного песчаника с размытыми обрывами, образующими глубокую котловину с песчаной дюной, поросшей саксаулом. С верхней точки

террасы Баян цзага далеко виден горизонт.

Побродив по размывам Баян цзага, нам удалось найти кое-какой материал раскопок, главным образом мелкие осколки костей. Под ногами шныряют ящерицы. Благодаря поздним дождям цветут хумуль, некоторые полыни, вьюнок; часто попадается мелкий сульхир, харагана и в большом количестве цзаг (саксаул). Пообедав, мы в 3 часа дня снялись с остановки и взяли направление на Далан цзадагад, до которого остается около 85 км. Дорога здесь поворачивает на юго-восток и идет прекрасной ровной степью вдоль северного подножья гор Гурбан сайхан. Хребты этой высокой цепи один за другим (Барун сайхан, Халга, Думда сайхан и Цзун сайхан) остаются позади нас; минуем ключи Нюцугун и Бацзар и к вечеру останавливаемся в степи, примерно, в 12 км от Далан цзадагада.

17 сентября. Утром в 8 часов снялись с места ночевки и направились в Далан цзадагад. Через час были уже там. Далан цзадагад – центр Южно-Гобийского аймага – построен в 1931 году и расположен, приблизительно, в 15 км к северу от восточной оконечности хребта Цзун сайхан. Он состоит почти сплошь из юрт, деревянных и каменных строений пока единицы; воды много и хорошего качества. Главная беда Далан цзадагада – сильные ветры, дующие с огромной силой, сносящие часто юрты, крыши и наносящие массу песка и пыли. Прежде всего мы направились в аймачное управление, где представились помощнику аймачного дарги (дарга был болен и находился у себя в юрте). Передали привет из Уланбатора, сдали привезенную из Ученого Комитета литературу для худонов и произвели киносъемку. {Лебедев снял радиостанцию, аймачное управление, кооператив, строящиеся здания аймака и ветеринарного пункта. Перед отъездом заехали в юрту к аймачному дарге. Из беседы с ним мы узнали, что около 60% аймака поражено цзудом (засухой), переходящим в стихийное бедствие. В отдельных сумунах почти голод. Доставка продуктов из Уланбатора очень трудна, благодаря отсутствию транспортных средств. В настоящее время пришлось мобилизовать около 1000 верблюдов, которые должны в срочном порядке перекинуть из Уланбатора муку и пшено, на которые аратство предъявляет усиленный спрос в связи с цзудом}. В 3 часа дня мы оставили Далан цзадагад и двинулись в дальнейшее путешествие, оставив в стороне почтовый тракт.

Сначала мы проехали около 30 км вдоль Цзун сайхана в обратном направлении на запад, затем свернули налево и въехали в горы. Дорога идет сначала между окраинных холмов, а затем спускается в главный сайр перевала.

Через 6 км сделали привал близ ключа в ущелье Хабцагайту, здесь же

остались и на ночевку. Двое из наших товарищей пошли на охоту.

На расстоянии, доступном глазу, нет ни одной юрты. Гряды скалистых гор гордо вздымаются ввысь в прозрачно-голубое небо. По осеннему пахнет полынью. Ничем не прерываемая тишина. Глушь. Центральная Азия!

Уже поздно. Только что вернулись наши охотники, принеся с собой пойманную змею, но без диких коз. Поужинали и легли спать.

18 сентября. Выехали в 8 ч. 30 м. утра. Ехали около 8 км северным сайром перевала Охин хутуль. Наивысшая точка перевала достигает около 2.500 метров. Затем идет спуск южным сайром того же перевала. По выезде из гор на южный бэль впереди открывается широкий вид на южную приграничную часть Гобийского Алтая, к которому относятся и Сайханы. Под теплым и бледным осенним небом вдали голубеют хребты Ихэ аргалинту, Цзурумтай, Цзолэн. Внизу в котловине желтеют барханы, около которых виднеются белые постройки монастыря Байшинту. Вправо, вдали вздымается крутым каменистым бэлем иззубренная скалистая стена хр. Баян цаган, спускающаяся к белым солончакам и ключам урочища Баян тухум.

От ключа Баян мы без дороги, прямо степью, взяли направление на чуть видневшиеся постройки поселка Баян далай, куда и приехали около 12 часов дня, спустившись с Охин-хутуля на 30 км. Общий вид Баян-далая типичен для оседлых сумунов юга: строения изготовлены из сырцового кирпича.

Побывали у сумунного дарги. Темой беседы была засуха. Только та часть населения, которая кочует в северной части территории сумуна – в его горной части – более или менее обеспечена кормами, остальное население кочует в поисках кормов, и поэтому вокруг сумуна на 40-50 км – пусто. Побывали в кооперативе, купили лапшу, муку, а затем снова тронулись в путь.

Тов. Даши Дорчжи остался в Баян-далае. В его задачу входит собирание фольклорных материалов в районе Баян далай – Ноян сумун. Сомон снабдил его, по нашей просьбе, средствами передвижения, и он, объехав весь указанный район и записав аратский старинный и современный фольклор, к моменту нашего возвращения из Цаган богда должен встретиться с нами в Ноян сумуне.

За дорогу мы все сдружились и было жалко расставаться с нашим молодым товарищем. Тов[арищ] Даши Дорчжи с большим успехом выполнил задание Ученого Комитета и записал очень много пословиц, загадок, благопожеланий, рассказов и сказок. Здесь нужно кстати заметить, что перед монгольским фольклористом находится непочатый край работы.

Монгольский фольклор очень значителен по своему разнообразию, но он еще мало изучен. Старый фольклорный материал требует особого к себе внимания, так как он уже имеет тенденцию к исчезновению, и прекрасным образцам монгольского народного творчества может грозить опасность полного забвения.

В 8-ми километрах от Баян-далая мы достигли песков Байшинту. Остановили машину и пошли пешком (2 км) через пески к монастырю. Была сильная буря. Тучи песка засыпали глаза, и идти было очень трудно. Монастырь подвержен действию северо-западных ветров, наносящих песок, и постепенно засыпается. Много построек разрушено, часть улиц полузасыпана песком. Ламы сидели по домам, улицы были пусты. Свист песчаной бури, свинцовое небо, засыпающийся монастырь, прижавшиеся по углам полуголодные одичалые собаки – все это произвело на нас гнетущее впечатление, хотелось скорее уйти из этого места мертвящей тоски и плесени. Засняв монатырь на кинопленку, мы тронулись в обратный путь к машине, увязая в песке и с большим трудом оберегая глаза от несущегося песчаного вихря. Через час дошли до машины.

Дорога от Байшинту очень плохая – сплошные кочки и рытвины. Здесь наш "ЗИС" получил первое и очень основательное "боевое" крещение, которое он выдержал с большой честью. Далее мы огибаем с юга гору Хонгор обо, минуем ключ Наран и поворачиваем на запад вдоль ара хоолая гор Цзурумтай. В хоолае видны заросли саксаула и шара бударганы. Километров через 40 спустились под холмы к речке Цаган гол и остановились на ночевку.

19 сентября. Встали в 7 часов утра. Погода прохладная, но ярко солнечная. Нам сегодня по маршруту предстоит сделать около 110 км до Ноян сумуна. Путь идет сначала по равнине южного бэля хребта Цзолэн. Дорога здесь сносная, но и только. У колодца Добуцаг мы перебрались через пески на южную сторону хоолая. Затем пошел подъем к Дэнгин-хонгор-обо. С этого обо открывается вид на огромное пространство между двумя южными цепями Гобийского Алтая. Широкой панорамой один за другим встают резко очерченные скалистые хребты обеих цепей и размашисто расстилается разделяющая их гладкая равнина. На самом обо имеется ряд каменных дощечек с высеченными на них "Ом-ма-ни-пад-мэ-хум". Произвели топографическую съемку, засняли весь ландшафт для кино, произвели ряд фотоснимков, попили чаю и двинулись дальше. На дороге то и дело попадаются цзерены (гобийские боро цзэрэ или сульту), убегающие от нас сбившейся кучкой. От Хонгор обо идет подъем между грядами гор Дэнг. Взяли воду из встретившегося на нашем пути колодца Барун буйлясун. Дальше опять подъем, местами песчаный, на перевал

Субуту дабан. С его седла открывается вид на горы Ноян богда с резко выделяющимися вершинами Гурбан тушемил. Сильно расчлененные, богатые отвесными, темными от пустынного загара, скалами и острыми пиками – горы Ноян богда производят сильное впечатление и запоминаются.

Спуск с Субуту дабан узок и крайне неудобен: идет по забитому песком узкому ущелью, очень скоро выходя на песчаный, поросший цаган солем, бэль. Спустившись вниз, решили для ускорения пути миновать Ноян сумун и ехать прямо на южный склон гор. Поэтому берем направление на восточную оконечность гор Хугшин, где, после бездорожного пути по сайрам и каменистым холмам, располагаемся на ночевку.

За сегодняшний день прошли всего 85 км. Километраж небольшой, но дорога была трудная. Вблизи стоянки, в широком русле мы увидели первые на нашем пути поросли тамариска. Розовые сухие корни его горели в нашем тулугуне ровным и ярким огнем почти без дыма, давая легкий и приятный аромат. Место сегодняшней ночевки – восточная оконечность гор Хугшин.

20 сентября. Температура в 7 часов утра + 0.6°. Высота 1.650 м. По бездорожью выбираемся с большим трудом на Хабхан цзам. Сначала огибаем восточную оконечность гор Хугшин и затем едем вдоль южного склона г. Ноян богда. На юг открывается уходящая вдаль равнина, полого спускающаяся к впадине Эцзингольских озер. Это уже пограничная полоса. На равнине кое-где тянутся грядки низких холмов, на горизонте голубеет полоска гор Хонгорчжи. Не видно никаких признаков жизни. Только кое -где танцуют тонкие песчаные вихри.

Один из наших товарищей дважды бывший на Эцзин-голе, рассказывает о бесплодной пустыне по пути к озеру Сого нур, где летом дрожит раскаленный воздух и не на чем остановиться глазу. По его рассказам, шестидесятикилометровый безводный переход приводит, наконец, к Эцзингольскому оазису. При приближении к этому оазису за грядами сыпучих песчаных барханов встают непроходимые заросли тамариска, тополевые леса и камыши, где дорогу то и дело перебегают красиво окрашенные яркие фазаны, а юрты торгоутов прячутся под раскидистыми деревьями, в тени которых отдыхают в полдень стада.

Впереди, в Западной Гоби нас ждут подобные же оазисы только меньших размеров, а потому мы торопимся все вперед и вперед.

Размытый и каменистый бэль Ноян богда очень труден для автомобиля. Беспрестанные крутые овраги задерживают машину, и мы рады выехать на верблюжью тропу Хабхан цзам, уводящую вниз, хотя первое время она идет по такой же местности.

Проезжаем монастырь Ганзагату хурал. По правую сторону дороги постепенно минуем горы Ноян богда, Ванцзад и останавливаемся на ночевку напротив гор Баян ундур (восточная оконечность гор Тосоту). Под вечер, по левую сторону, невдалеке от нашего пути, остался монастырь Оботу. Дорога очень тяжелая, приходится делать большие объезды, далеко удаляясь от дороги. За день по этому тяжелому пути сделали 120 км.

Покатый к югу, очень каменистый бэль гор Ноян богда заканчивается внизу грядой низких черных холмов, идущей параллельно горам. Эта гряда задерживает собой стекающую с гор подпочвенную воду и потому в прорывающих ее с севера на юг сайрах часты ключи и колодцы. Эти источники и соединяют Хабхан цзам. По пути все время встречаются густые заросли дэрисуна, беловатые глинистые солончаки с бударганой, ключи и колодцы. Засуха заставила население перекочевать к этой полосе, и нам все время встречаются юрты, стада мелкого скота (здесь мало овец и больше коз), верблюды, даже ослы и очень редко коровы. Араты с любопытством следили за нашей машиной, которая, тяжело пыхтя, одолевает дэрисунные кочки и рыхлую глину солончаков. Окрестная каменистая пустыня вследствие засухи была совершенно оголенной. Разбросанные по ней редкой сетью кустарники стояли полусухими.

Справа, примерно, в десятке километров от нашей дороги, нас сопровождали сначала оголенные зубчатые скалы гор Ноян богда с острой вершиной Хугшин тахилга.

В хорошие незасушливые годы эти горы очень богаты горным зверем – козлы (янгер яма), аргали, барс (ирбис), но в этом году зверя было мало.

Затем горы Ноян богда кончились и перешли в низкую перемычку с отдельной группой Ванцзад, против которой мы и миновали монастырь Оботу (Оботуин хурал), бедные постройки которого ярко блестели, освещенные заходящим солнцем. Далее горы снова стали выше: начался хребет Тосту (Тосоту).

Остановились на ночевку уже совсем поздно, когда совершенно стемнело. В темноте поставили майхан, быстро набрали саксаул и через несколько минут в тулугане весело горел огонь, предвещая и ужин, и чай после такой трудной и утомительной дороги.

Встали в 6 ч. 30 м. Температура + 14.6°. Высота около 1650 м. Дует сильный западный ветер (примерно 12 м в секунду). Едем дальше на запад. Путь сначала (около 50 км) идет вдоль гор Тосоту, а затем сворачивает на юг. Дорога – все та же Хабхан цзам – очень трудная, сильно размытая руслами, с бесконечными объездами. Собственно больше ищем объездов

дороги, чем едем по самой дороге.

Мы заночевали {у заставы}, в 6-ти км от дороги, среди темных каменистых холмов. Район этот носит название Хубдун гол и является западным окончанием описанной выше линии ключей и колодцев, тянущейся под южным бэлем гор Ноян богда и Тосоту. Здесь растительность уже меняется и напоминает собою Западную Гоби, которая отсюда собственно и начинается. Снова появляется саксаул, и около самой {заставы} мы увидели первую рощу тооройев (евфратский или разнолистный тополь), столь характерный для оазисов Западной Гоби. С высокого характерного обо у заставы далеко виден юг, где за грядами низких черных бесплодных холмов серебрится длинная полоса горько-соленого озера Гашун нур, до которого от этой {заставы} насчитывается около 50 км. На юго-запад уходит совершенно неисследованная безводная пустыня, где видны равнины и скопления холмов и небольших гор. Северный горизонт закрыт скалистой стеной гор Тосоту с высокой и крутой вершиной Шарго мориту. Отсюда начинается основная наша работа – исследование наименее известного и неосвоенного района МНР – нагорья Цаган богда с прилегающими к нему пустынями.

На заставе встретили нас очень приветливо, немедленно помогли поставить майхан, принесли мясо, чаю и пр. После трудной дороги приятно было провести день на стоянке. Сварили баранину, зажарили мясо на второе и отметили преодоление части трудного пути третьим блюдом – фруктовыми консервами.

После обсуждения решили выехать завтра, а сегодняшний день использовать для осмотра машины, пересмотра багажа и пр. Вечером поставили второй маленький майхан и устроили баню, где с удовольствием и вымылись. После бани пригласили товарищей с заставы к себе в майхан попить с нами чайку. Беседа была очень оживленная и интересная: мы были редкими гостями, да еще гостями, приехавшими из центра республики – Уланбатора. В наш вместительный майхан набился народ до отказу. Шум, смех, остроты то и дело прерывали разговор. В довершение всего принесли патефон, и грустная мелодия монгольской песни зазвучала среди притихнувшей молодежи. Ночь была восхитительной; вызвездившее небо, темные очертания гор и тишина пустыни, нарушенная своеобразным напевом песни, рожденной быть может этой же пустыней. Но уже поздно, пора спать.

22 сентября. Сегодня в 3 ч. 30 м. выехали в дальнейший путь. Перед отъездом купили 2-х баранов, налили водой 2 больших бидона, написали письма в аймак и Уланбатор, попрощались с нашими гостеприимными хозяевами и направились в конечную, главную и наиболее трудную часть

своего путешествия. Бензину берем с собой 44 пуда - в бочках и, 7 пудов, налитых в баках: для нас теперь самое дорогое и важное, он лимитирует диапазон пространства нашего исследования. С водой немного легче, но тоже требуется большая предусмотрительность и осторожность в ее использовании: пополнять запасы воды можем лишь только в оазисах, лежащих на нашем пути через довольно большие промежутки (100-120 км), и в случае аварии машины – отсутствие воды может стать для нас очень тяжелым.

Настроение у нас всех бодро подтянутое. Запас бензина обеспечивает нам возможность проехать минимум 900 км, запас продовольствия рассчитан на две - три недели, воды, при нормальном ходе машины, должно с лихвой хватить до первого оазиса с хорошей водой – до оазиса Эхин гол. Итак в путь! Первые десять километров ехали на юг по сайру и, наконец, выехали на следы старого Синьцзянского тракта, ныне брошенного. Этот тракт проложен китайскими караванами в 1927 г., избравшими это направление в целях избавления от непомерных таможенных обложений со стороны властей провинции Ганьсу. В дальнейшем по этому же тракту стали ходить *китайские* же автомобили; перестали пользоваться этим трактом около 1933 года.

По едва заметной колее этого тракта мы свернули на запад; по правую сторону нашего пути все еще виднеются Тосоту.

Характер местности типичен для Западной Гоби: покатая к югу щебнистая пустыня, частью с песчаной, частью с глинистой почвой, поросшая саксаулом. Едем местами, которые при полном отсутствии населения ныне совершенно не посещаются караванами. К вечеру расположились на ночевку в 3-х км от заброшенного колодца Шинэ усу. Термометр в 9 часов вечера показал + 14.2°. Высота 1.300 м. К ночи ветер стих, небо непривычно ярко вызвездило. Молчание пустыни торжественно и величаво. Это великое молчание незаметно действует на каждого из нас и мы, сбившись маленькой кучкой в майхане, замолкаем, и только яркий огонь тулугана, видный на далеком расстоянии, говорит о пришельцах, посмевших нарушить безмолвие этой заброшенной пустыни.

23 сентября. Встали в 6 ч. 30 м. Температура + 7.2°. Маршрут сегодняшнего дня: по тому же заброшенному Синьцзянскому тракту на оазис Эхин гол. На протяжении первых 40 км дорога в своей большей части – песок, покрытый щебнем, и чахлые кусты саксаула. Ветер, на наше несчастье, попутный, и благодаря трудной песчаной дороге нам приходится останавливаться почти через каждые 5 км и ждать охлаждения радиатора. Слева тянется гряда бесплодных холмов, справа вдали западная часть гор Тосоту. В 1 час дня термометр показывает + 20.0°. Останавливаемся на

чаевку.

На юго-западе холмистые гряды раздвигаются, и там на горизонте вздымается голубая острая вершина Цаган богда, ближе которой выделяется характерная красноватая гора Ухур улан. У подножья последней розовеет огромный *тойрим* или *шала* – днище временного озера, образующегося после дождей.

На юге голубеют просторы пустыни – родины дикого верблюда. Именно в этой южной пустыне за Ухур уланом в 1927 году был добыт дикий верблюд, шкура и скелет которого хранятся в уланбаторском музее.

Ближайший оазис - Чонай бом. Перевалив широкую гряду холмов, мы приехали к этому оазису в 4 ч. 45 м.; расстояние между Шинэ усу и Чонай бом составляет около 70 км, причем прямая дорога значительно ближе, так как Синьцзянский тракт на этом пути делает большой крюк из-за холмов, которые необходимо объезжать. Расположение оазиса очень живописно: высокие барханы, окаймленные густыми зарослями громадного зеленого саксаула с вкрапленными среди них большими экземплярами разнолистного тополя. Вода в колодце Чонай бом оказалась с сильным запахом сероводорода и почти непригодна для питья, но недалеко в стороне есть колодец с лучшей водой. Кроме саксаула, главным образом по гребням барханов, здесь растет много тамариска, а в понижениях с сыроватой глинистой почвой – камыш и солодка. Подобные урочища, где скопление барханного песка вызвано близостью подпочвенной воды и где барханы зарастают саксаулом и тамариском, известны среди аратства под термином “сондок”.

Растительность уже тронута осенью и красиво расцвечена желтыми, красными (тамариск) и зелеными тонами.

Колодец Чонай бом обычно использовался для водопоя верблюдов и другого скота.

После недолгой остановки с осмотром и фотографированием оазиса – мы двигаемся в дальнейший путь все в том же западном направлении. Перевалив невысокую ограду котловины Чонай бом, дорога идет пологим спуском по неширокой долине между песчаниковыми холмами. Темнеет. Мы внимательно следим за окружающим, так как в этот район уже давно не заглядывали люди и возможны всякие неожиданности. На севере уже кончились горы Тосоту и их продолжение – хребет Бумбу. Следовательно граница кочевок населения резко отошла на север, и в этом направлении аилов нет.

Останавливаемся на ночевку в урочище Торойту. Воды нет. Кругом типичные “сондоки” Западной Гоби – песчаные барханы с тополями,

тамариском и саксаулом. Всего за день проехали 105 км (от Чонай бом – 35 км). Высота 1.100.

(Продолжение следует)

Журнал "Современная Монголия", 1937 г., №5(24), с.85-94

П.И.Воробьев и А.Д.Симуков

Экспедиция в Цаган богда

/окончание/ [1)]

24 сентября. Поднялись в 5 ч. 30 м. утра. Географ пошел на близлежащую гору делать съемку, остальные отправились на охоту, но через час вернулись обратно без всякой добычи. В 7 ч. утра проверка метеоприборов показала: температура - 5,2°, высота - 1100 м. Сегодня наш маршрут: оазис Эхин гол и там дневка. Вернувшийся около 10 часов утра с горы Торойтуин хуху (6 км от нашей стоянки) географ рассказал, что с этой горы открывается очень широкий вид. На севере за впадиной, куда открывается прорывом долина Торойту, видна гора Онгон улан.

Во времена манчжурского владычества, когда существовал так называемый "Золотой Караул" (Алтан харул), на Онгон улане был золотой прииск, где в тяжелых условиях нестерпимо жаркой летом пустыни, при отсутствии воды (ближайшая вода в 15 км), под кнутами надсмотрщиков работали китайцы, присужденные в Китае за те или иные преступления к тяжелым каторжным работам. Как-то в одной из штолен случился обвал, засыпавший около 20-ти человек; остальные, подавленные и возмущенные этим несчастным случаем, взбунтовались и отказались работать. С этого момента прииск был заброшен, и среди окрестного населения пошла молва, что души задавленных бродят у этой горы и жаждут мести. Поэтому ни один монгол не осмелится приблизиться к этой горе, и даже имя ее не должно быть упоминаемо, если гора находится на расстоянии, доступном глазу.

Между Онгон уланом и горой Алтан ула (на которой тоже были прииски) находится огромная впадина Ингэни хобур, по всем имеющимся данным, по-видимому, самая низкая точка МНР (около 500 м). Собравшись, мы выехали в дальнейший путь. Дорога пролегает у северного подножья большого скопления каменистых холмов. На щебнистой рыхлой почве - редкий саксаул. За урочищем Хуцаин шанда, оставшемся в стороне, с нашей дорогой совпала тропа хуланов (диких ослов), на которой были

---

1) Начало статьи см. Журнал "Современная Монголия, №4(23), 1937 г.

видны их свежие следы и помет.

Через 40 км с небольшого перевала уже видны были купы тополей Эхин гола. Подъезжая к оазису, мы обратили внимание на совершенно свежие следы верблюдов и в тот же момент увидели среди зарослей тамариска этих животных. Это было неожиданно и пахло приключением. Так как верблюды были без бурундуков и среди них имелись дойные инги (верблюдицы), ясно было, что здесь находится аил. Проехав дальше к ключу, мы остановились и увидели в кустах обохай[2)] и юрту, а из кустов к нам навстречу вышел человек.

После расспросов выяснилось, что в этом оазисе кочуют 3 аила "ничейных" людей, перекочевавших сюда из-под Цаган богда.

В 1935 г. в районе Цаган богда кочевало около 30 подобных аилов, которые в 1931 г. эмигрировали из МНР на Эцзин гол и в другие места, а когда им там не понравилось, они ушли к Цаган богда и кочевали в неосвоенном районе МНР.

Эхин гол представляет собою оазис весьма значительных размеров, перерезанный небольшим ключом с очень хорошей водой. Особую привлекательность придают Эхин голу густые заросли высокого камыша (3-4 метра). Тополей здесь значительно больше, чем в Чонай боме. Большими купами вздымаются по-осеннему краснеющие шапки тамариска, но саксаул еще зелен. Над оазисом летают чайки, изредка утки. Абсолютная высота урочища - 1050 метров.

Хозяйство кочующих здесь двух юрт, как видно, крепкое: овец и коз около 250 шт., верблюдов около 20 голов. Все предметы домашнего обихода, а также такие продукты, как чай, муку, сахар и т.п. ездят закупать на Эцзин гол. И в настоящий момент хозяина нет дома, так как он уехал за покупками.

Расположившись лагерем, мы вступили в добрососедские отношения с обитателями юрт, и очень скоро у них исчезла настороженность и боязнь так неожиданно нагрянувших, неведомых для них, людей. Мы очень охотно поделились с ними кое-какими предметами домашнего обихода, чем окончательно рассеяли их опасения. А у нас, в дополнение к нашему скудному пайку, появилось молоко - подарок наших новых знакомых.

Из рассказов, которые мы вели с ними во время вечернего чая, выяснилась вся неприглядность и суровость жизненных условий этих "ничейных" людей. Они месяцами и даже годами не видят новых людей, до них не долетают никакие сведения о жизни МНР, и они всецело предоставлены самим себе. Лишенные права защиты, они в каждом новом

---

2) Обохай – войлочный шалаш или неполная юрта.

лице видят врага, который может посягнуть на их жизнь и имущество. Они с жадностью слушали наши рассказы о жизни в МНР, об улучшающемся с каждым годом благосостоянии аратства, о росте Уланбатора и пр. В этих разговорах незаметно наступила ночь, и луна щедрым светом залила пустыню.

25 сентября. В 9 ч. 30 м. утра тронулись дальше, предварительно заполнив эхингольской водой два имевшихся в нашем распоряжении бидона - емкостью около 20-ти ведер. Берем направление к совершенно неисследованным горам Ланцзату, о которых вскользь упоминает путешественник Ладыгин.

Сначала дорога шла по Синьцзянскому тракту (около 4-х км) а затем мы свернули с него и взяли путь прямо на Ланцзату. Ехать очень трудно: сплошные размытые сайры, при постоянном подъеме. Пришлось делать частые объезды и черепашьим шагом пробиваться вперед. Наконец, на 36-м км мы подъехали к подножью Ланцзату и остановились на вполне заслуженную чаевку. С вершины горы открывался вид на неизвестные горные цепи, нанесенные нами на карту. В ущельях мы обнаружили старый помет гобийского медведя. Факт обитания в этой части Гоби медведя, по нашему мнению, является несомненным, и найденный помет служит лишь дополнительным доказательством справедливости этого утверждения. Отсутствие подобного вида медведя в музеях Европы, Азии и Америки говорит только о трудности охоты за гобийским медведем, обитающим в недоступных для охотника уголках пустыни.

Погода изменилась к худшему: пасмурно, дует сильный западный ветер, стало холодно. Едем в направлении на горы Хабцагайту, также никем не исследованные и совершенно произвольно нанесенные на карту. Дорога все ухудшается и вблизи гор стала совершенно непроезжей: дикое нагромождение камня, сплошные рытвины и ямы. Опасаясь за судьбу машины, водитель категорически отказался ехать дальше. Мы все крайне утомлены этой дикой дорогой. Погода делается еще хуже: ветер - силы большого шторма, небо - совершенно свинцовое, холодно; того и гляди пойдет или дождь или снег. Кругом черный голый камень, точно специально набросанный какой-то невидимой рукой в самом диком и хаотическом беспорядке. Вот она - настоящая, дикая и неприветливая Западная Гоби! Наконец, решили остановиться. Поставили с большим трудом майхан, укрепив концы большим камнями, чтобы его не повалил ветер, и остались на ночевку. Ночью ветер разыгрался еще сильнее, и мы из опасенья, что он свалит майхан, укрепили полы майхана всем, что было тяжелого в нашем багаже и относительно благополучно дождались утра. За день нами сделано 49 км.

26 сентября. Температура утром +4,1°, высота - 1400 м. Дует такой же силы западный ветер, но проглянуло солнце. На душе стало немного веселее. Поднявшись на вершину Хабцагайту, произвели всю необходимую съемку, что позволит ликвидировать это “белое пятно” на географических картах МНР.

В 12 ч. 30 м. снимаемся и едем на северо-восток от Хабцагайту по удачно выбранному руслу, которое прорывает в указанном направлении горы к северо-западу от вершины Ланцзату. Выехав из этих гор, мы спустились в северном направлении к западной оконечности средней Эхингольской гряды, где и заночевали у подножья горы в прорыве.

После чаевки двинулись почти в западном направлении и, примерно, через 10 км у крайней западной оконечности Онгон уланской гряды совершенно неожиданно наткнулись на небольшой оазис, не нанесенный на карты.

Подпочвенная вода оказалась очень близкой, правда, она сильно отдавала сероводородом; но в этих местах Гоби и такая вода является большой радостью для путешественника. И мы, вырыв небольшой колодец, имели возможность пополнить свои запасы воды. На фоне мертвящей картины пустыни - оазис производит исключительно отрадное впечатление; здесь и небольшие заросли зеленого камыша наряду с необыкновенной величины саксаулом, здесь и большие песчаные бугры с тамариском, образующие как бы естественную стену, замыкающую собою оазис. Эти бугры довольно высоки и образовались в течение ряда столетий путем постепенного наноса песку.

Охотникам и контрабандистам, судя по остаткам золы и попадающимся черепкам посуды, этот оазис, вероятно, был известен. Но в настоящее время он, очевидно, забыт и является местом водопоя хуланов, бесчисленное количество следов которых ясно видно на всем пространстве оазиса. В глубине песчаных холмов залегают кости человека и животных. Мы их отрыли и взяли с собой для точного их определения по возвращении экспедиции в Уланбатор. Несмотря, как сказано уже выше, на значительный сероводородный привкус воды этого колодца, мы все же ею заполнили свои баки, так как ближайшую воду мы встретим у горы Атас, примерно, в 150-200 км. С завтрашнего дня, с того момента, когда покинем оазис, введем в первый раз со времени начала нашей экспедиции нормированный отпуск воды. Температура в 9 ч. вечера +10,4°.

27 сентября. Встали в 7 ч. Температура +5,4°, высота - 1100 м. Выехали сначала на северо-восток по направлению к белым обрывам с причудливыми выдувами, надеясь найти там ископаемые кости. Осмотрев эти выдувы и не найдя никаких остатков, повернули прямо на запад, беря

за ориентир горы Цзара хайрхан. Стоит жаркий день. Радиатор кипит через каждые 2-3 километра. В целях экономии воды отказались от дневного чая, поэтому около 3-х часов, пожевав всухомятку, поехали дальше. Перед самым закатом, спустившись в глубокую котловину, мы засели в рыхлом песке и глине. Первые попытки выбраться не увенчались успехом, и машина ушла в песок еще глубже. Положение становилось критическим: воды немного, помощи ждать неоткуда. Тогда мы пустили в ход все: доски, камни, саксаул, брезент и даже отдельные предметы своей одежды - все пошло под колеса. И когда уже стемнело, спустя несколько часов, нам удалось, наконец, выбраться на твердую почву, где совершенно измученные и решили заночевать. Вечерняя температура (9 ч.) +15,4°, высота около 800 м.

28 сентября. Встали в 7 ч. утра. Температура +4,2°. Немного пасмурно. Ветра почти нет. Направление то же: горы Цзара. Около первого десятка километров дорога идет по мягкому песчаному грунту и машину, вязнущую в песке, каждый раз с большим трудом приходится откапывать. Затем вплоть до самой горы Цзара дорога идет по сайрам Цаган бургасу и Шара хулусун. За день сделали окодо 40 км и, наконец, подъехали к подножью горы Цзара. На северо-востоке расстилается громадная пустынная впадина с теряющимися вдали горизонтами. Вечерняя температура +18.2°, высота – 1000 метров. Решили заночевать. Быстро поставили майхан, собрали сухих корней, и через несколько минут затрещал огонь нашего очага.

Через короткий промежуток времени готова наша незатейливая еда. Затем каждый из участников нашей экспедиции занялся своим делом: кто чинит одежду, кто пишет или читает, благо у нас имеется порядочный запас свечей, а кто и просто наслаждается безмолвием и тишиной этой забытой всеми пустыни. Географ ушел по скалам на вершину и вернулся уже ночью, пройдя около 12 км.

У всех одна мысль, выдержит ли наш “ЗИС” и не грозят ли нам в дальнейшем неприятные неожиданности. Ночью подул сильный ветер юго-западного направления; пришлось встать и заложить камнями полы майхана.

29 сентября. Как всегда, встали в 7 ч. Температура +8,0°. Направление: на запад - к горам Атас. Солнце. Ветрено. Неожиданно на 43-м км пути заметили вдали густые заросли тамариска, саксаула и отдельные высокие шапки зеленых тополей. Тотчас же свернули с нашего маршрута, взяли направление на эти виднеющиеся вдали заросли и через несколько километров доехали до них. Отправившись на рекогностировку и пройдя несколько шагов, убедились, что мы *второй* раз напали на оазис, не

занесенный ни на одну карту. Расположение оазиса следующее: в 15 км на юго-восток от гор Дугуй и на юго-запад от гор Бага-Богдо. Оазис оказался богатым ключевой водой с едва ощутимым запахом сероводорода. Судя по наружной воде, ее здесь больше, чем в Эхин голе.

Этот оазис лет 5-6 тому назад был обитаем: об этом свидетельствуют обильные остатки аргала и следы двух юрт. В настоящее время никто здесь не кочует. Из растительного царства, помимо саксаула, тамариска, камыша и тополей, по соседним каменистым холмам очень много ревеня – пищи гобийского медведя. Тополя поражают своей чудовищной величиной: один измеренный нами ствол оказался толщиной в три обхвата. Очень много следов и помета хуланов, цзэрэнов и пр. Над водоемом кружатся утки и не особенно пугаются непрошенных пришельцев. У всех непреодолимое желание устроить здесь дневку, что после небольшого обсуждения и делаем. Товарищ, отправившийся вечером на охоту, получил твердое задание не возвращаться без добычи, т.к. запас мяса у нас почти на исходе.

30 сентября. Встали около 8 ч. За много дней впервые основательно помылись в привели себя в возможный порядок. Настроение праздничное. Около 10 ч. утра вернулся наш охотник и принес хороший экземпляр убитого им цзерена-самца. Быстро освежевали тушу и с удовольствием полакомились мясом гобийского цзерена, очень приятным на вкус. Затем работа над картой, просмотр машины, багажа и пополнение воды. Утренняя температура впервые за время нашего путешествия -5,3°. Но через час после восхода солнца стало тепло и даже жарко.

При точном измерении количества бензина, которым мы располагаем, выяснилось, что его осталось около 27 пудов. Естественно возник вопрос о целесообразности дальнейшего движения вперед, тем более, что цель нашего продвижения на запад - горы Атас - уже находится в сфере видимости. Дальнейшая же дорога, видимо, представляет очень большие трудности для машины. Таким образом, достижение г. Атас представляется рискованным из-за нехватки бензина и возможности поломки машины. После обсуждения решаем повернуть в обратный путь, но избрав новый, несколько более южный вариант пути. От Уланбатора нами пройдено 1464 км.

В 3 ч. 30 м. машина готова, и мы повертываем в обратном направлении, избрав первой точкой своего назначения оазис Шара хулусун, расположенный на Синьцзянском тракте. Проехали 15 км, все время поднимаясь, к горам Дугуй хайрхан, и подошли вплотную к подножью хребта. Бесчисленные сайры, которые нам пришлось переехать, исключительно трудны и можно только подивиться поразительным

техническим качествам нашего “ЗИС”-а. Солнце уже садится, и ехать в темноте по такому пути уже бессмысленно, поэтому решаем остановиться на ночевку. До наступления полной темноты, осмотрев дорогу в восточном направлении, убедились в том, что путь упирается в горы. Завтра, видимо, придется спускаться по одному из сайров вниз и искать через хребет прохода, который вывел бы нас к Шара хулусуну. Настроение у нас всех неважное: 15 км тряски по сайрам - это большая доза даже для крепких нервов. Без обычных шуток укладываемся спать. Вечером температура +7,0°.

1 октября. Утренняя температура +3,8°. Утром с Дугуй хайрхана географ производит необходимую съемку, и мы отправляемся дальше. По указанию географа, быстро нашли сквозной проход через хребет и следуя вверх по дикому ущелью, наконец, выходим из гор и, взяв восточное направление поперек бесконечных сайров, на 35-м км подъехали к Шара хулусун.

Этот оазис, густо заросший камышем, окружен разбросанными рощами высоких тополей. Никаких признаков пребывания людей. Вода очень хорошая, без каких бы то ни было ощутимых на вкус примесей. При попытке развести костер для варки чая, вспыхнул сухой камыш, и нам стоило больших трудов погасить пламя. Если бы в это время был ветер, то мы невольно стали бы виновниками уничтожения камышевых зарослей оазиса. По своей площади Шара хулусун меньше Эхин гола, но картиннее и живописнее его. Во время функционирования Синьцзянского тракта Шара хулусун был местом ночевок проходящих по этому тракту автомашин и верблюжьих караванов. Теперь отсутствие людей придает ему вид печальной заброшенности и забытости.

Проехав около 15 км от Шара хулусун, мы останавливаемся на ночевку близ Цаган бургасу, точнее - северные склоны нагорья Цаган богда. С Цаган бургасу вдали на севере видна в голубой дымке пустыня Нарин хуху гоби.

2 октября. Температура +3,0°. Высота - 1250 м. Направление: Эхин гол – по Синьцзянского тракту. Через 20 км доезжаем до колодца Хутуль шанда. Здесь кочует аил, состоящий из двух юрт. В одной из юрт живет какая-то древняя старуха, в другой юрте - семья, состоящая из мужа, жены, трех мальчиков и двух девочек. Наш приезд смущает обитателей этих юрт, чувствуется боязнь и недоверие. Мы идем в юрту и успокаиваем хозяев. Хозяина нет дома, он уехал за покупками в Эцзин гол. Все продукты, как-то: чай, мука и пр. покупаются в Эцзин голе, до которого от Хутуль-шанды считается пять дней верблюжьего хода. Хозяйство аила зажиточное: 19 верблюдов и сотни две овец. Постепенно холодок в наших отношениях

исчезает, и мы имеем возможность сфотографировать и снять на пленку кино всех обитателей этого аила.

Идем дальше. Тракт сначала идет по долине, лежащей между холмами Цаган-богдоского нагорья и Хабцагайту. Затем дорога поднимается ближе к горе Цаган богда и дальше идет в северо-восточном направлении, пересекая холмы северного предгорья Цаган богда, - по громадному сайру. За день сделали 88 км и, наконец, решили заночевать. Температура ночью -3,0°.

3 октября. Утренняя температура (7 ч. утра) +3,6°. Проехав 32 км мы опять приехали в Эхин гол. Были радушно встречены нашими знакомыми— жителями аила. Никаких новостей за время нашего отсутствия не имеется. Хозяин еще не возвратился из Эцзин гола. Пополнили запасы воды, помылись и немного отдохнули. Затем после обсуждения решили изменить свой маршрут, спуститься на юг и, минуя тракт, ехать южным вариантом. По подсчетам, от Шара хулусун до Эхин гола по тракту оказалось 130 км.

Повернув на юго-восток и отъехав от Эхин гола 30 км, остановились ночевать на северо-восток от нагорья Цаган богда. Температура вечерняя +8,4°. Тихо. Темные громады Цаган богда черными силуэтами выступают вдали. В такие ночи очарование Гоби имеет какую-то особенную, ни с чем не сравнимую, прелесть. Все заботы, думы, мелкие треволненья дня - безоговорочно уступают место величавой тишине пустыни. Разговоры умолкают сами по себе.

4 октября. Температура утренняя +7,2°. Мяса цзерена остается у нас на один день. Сегодня произошла первая с момента выезда из Уланбатора авария машины - у нас “полетела” пружина в клапане. Имевшаяся у нас запасная пружина и дружная работа позволили благополучно ликвидировать аварию. Итак, завтра снова можем двигаться дальше.

5 октября. Температура +5,0°. Сегодня опять приключения: при быстрых сборах с места ночевки забыли маневиль и вспомнили об этом, отъехав с десяток километров. Пришлось идти его отыскивать, а машина стоит на месте, и мы теряем драгоценные утренние прохладные часы, столь благоприятные для машины. Но вот видим возвращающегося посланца, издали торжествующе помахивающего маневилем.

Машина снова идет с трудом по песчаному грунту и, наконец, через 21км мы добираемся до горы Ухур улан. Высота Ухур улан около 1350 м. У подножья ее проходит очень широкий сайр (сухое русло), состоящий из красной глины. Весь окружающий ландшафт характерен своей красной окраской, благодаря цвету этой глины. На вершине Ухур улан произвели съемку и затем спустились вниз по сайру и попали на совершенно гладкий

щебень, а с него на тойрим[3)], тянущийся около 7-8 км и похожий в это сухое время на асфальтированную мостовую. Через 27-28 км мы снова попали на колею нашего знакомого Синьцзянского тракта, значительно восточнее Чонай бома, и заночевали в небольшой котловине к северу от холмов Бачжуни хара. Вечерняя температура +6,8°. Высота - около 1200 м. Расстояние, пройденное за день, 66 км.

6 октября. Температура +2,0°. Направление: наша знакомал по переднему пути застава. По тракту едем 60 км, затем сворачиваем по направлению к заставе, попадаем на свои прежние следы и через 12 км - мы среди людей. Нас радушно встречают и ведут питъ чай. Вечером у нас большой прием. На "приеме" все население заставы. Все, что у нас имеется лучшего, выставлено на стол, и беседа затягивается до глубокой ночи. Вероятно, у всех наших товарищей по экспедиции осталось самое лучшее воспоминание об этом первом вечере по возвращении из Цаган богда.

7 октября. В 4 ч. дня, произведя переукладку багажа, двинулись дальше. Проехали 70 км и остановились ночевать близ Сухайту. Перед ночевкой заметили стадо цзэрэнов. Охота за ними дала нам возможность поужинать мясом молодой антилопы.

8 октября. Утро пасмурное: облачно и прохладно. Сегодня хотим добраться до Ноян сумуна, оставшегося непосещенным в передний путь. Через 15 км приехали в монастырь Оботу-хурал. Здесь нас окружило много лам, среди которых находилась и молодежь. Отправились на осмотр храма. Центральный храм по архитектуре типичен для большинства храмов гобийской полосы. В центре - статуя Майдари, по левую сторону - большой, из позолоченной меди, субурган, вывезенный из У-тай-шаня. В храме царит полумрак и прохлада. Сопровождающий нас лама охотно давал объяснения и после осмотра храма пригласил к себе выпить чаю. Он живет в юрте, очень просторной и хорошо убранной, а сама юрта с небольшим примыкающим к ней двориком окружена глиняной стеной. На вопросы о количестве монастырских лам и о числе молодежи получить вразумительный ответ не удалось. Когда мы возвратились к машине, то увидели целую кучу лам, предлагающих купить у них контрабандную дунзу (табак), шелк и пр. Как видно, приграничные монастыри не гнушаются и таким видом дохода. При выезде из монастыря встретили двух женщин, нагруженных священными книгами и совершающих обход монастыря во исполнение данного обета. Решили, чтобы не повторять старого пути, а также в целях сокращения дороги, свернуть в сайр, ведущий к Ноян богда, и попытаться

---

3) Тойрим – плоское и голое глинистое дно временного (после дождей) озера или лужи.

прорваться через хребет. Но время уже шло к вечеру, и пришлось заночевать в ущелье Хара обо, расположенном у восточного подножья главной вершины южного склона Ноян богда - Хугшин тахилга. Место, выбранное для ночевки, оказалось довольно живописным: небольшая горная долина, замкнутая со всех сторон горами. В горах Ноян богда водится много зверя: аргали, горный козел, барс и цзерен. Высота места нашей стоянки около 1900 м. Температура +10,8°. За день сделано 92 км.

9 октября. Держим путь на Ноян сумун. Несмотря на облачность, тепло. Решили рискнуть и проехать через перевал Ихэ дэбсэгиин даба, считавшийся непроезжим для автомобилей. Высота его 2000 м. Дороги в прямом смысле нет; это - узенькая лощинка, загроможденная камнями. Рискуя порвать покрышки, мы все же перевалили через дабан и через три километра были уже в сумуне.

В первую очередь зашли познакомиться с сумунным даргой. Дарга - человек лет 30, живой и общительный. Жалуется на плохую работу Монценкоопа. Побывали в кооперативе: купили рису, макарон и папирос. Здесь же в сумуне купили барана. Познакомились с членом Малого Хурала, работающим над расчисткой шерсти в кооперативном дворике. Это - старый, седой арат, чрезвычайно живой и симпатичный, очень живо интересующийся всем и вся. У нас с ним установились прекрасные отношения, которые мы закрепили фото- и киносъемкой. Здесь опять присоединился к составу нашей экспедиции товарищ, оставшийся для сбора фольклорного материала. За время нашего отсутствия он объехал очень большой район и собрал много произведений устной словесности. Мы все очень рады его видеть, тем более, что часть работы экспедиции, возложенная на него, столь блестяще выполнена.

В 2 ч. дня выехали из сумуна и, перевалив через хребет Ноян богда, спустились в равнину, держа направление на виднеюшуюся вершину горы Сэбэрэй. Большое пространство равнины занесено песками. Наша первая попытка прорваться через пески потерпела полную неудачу, и нам стоило очень больших трудов выбраться из них. Измученные и усталые, мы решили остановиться на ночевку. Равнина изобилует цзеренами и хуланами, то тут, то там перебегающими нашу дорогу. За день сделали 43 км.

10 октября. Температура +2,0°. Совсем близко от майхана видели 4-х хуланов. Делаем попытку прорваться к Сэбэрэй по сайру, находящемуся в 3-4 км к западу от нашей стоянки, и после некоторых усилий нам это удалось сделать. Но тотчас же после песков попали на равнину, почти сплошь усеянную кочками, с растущими на них кустиками шара модо. Такая дорога убийственна для машины и томительна для людей. Берем направление на горы и попадаем на верблюжью дорогу, идущую от

западного края Ноян богда на Хошу хид и Далан-цзадагадский тракт.

Не успели отъехать и нескольких километров от ключа Сангин далай, где мы останавливались на чаевку, как происходит вторая поломка пружины. Запасной "ЗИС"-овской у нас нет; пробуем обойтись случайно имеющейся у нас фордовской пружиной. Вторичная поломка пружины, незначительный запас бензина заставляют нас стать более осторожными в выборе маршрута, и мы вынуждены отказаться от направления на Арбай хэрэ и принять маршрут: Баян далай – Халга – Баян цзаг - Сангин далай - Уланбатор. Место нашей ночевки в 3-4 км к югу от монастыря Сэбэрэгиин цаган субурга. Вокруг на равнине стадами пасутся цзерены. К нашему майхану подъехало четыре местных арата. С большим интересом рассматриваем изделия из серебра, хорошей местной чеканки: чашки, принадлежности к трубке. Особенно хорошо чеканят местные мастера чашки; орнамент чеканки поражает филигранностью своей отделки. За день сделали 35 км.

11 октября. Направление - на колодец Добуцак. Жаркий солнечный день. Весь день едем по равнине Дэнгин ара хоолай. В своей значительной части, несмотря на кочки, она вполне пригодна для автомобильного транспорта. Сегодня впервые мы удачно поохотились, загнав стадо хуланов, состоящее из 14 голов: убить удалось четырех — одного самца и трех жеребят. Собрали всю свою добычу, раскинули майхан и стали сдирать шкуры. В это время подъехали араты, которые помогли нам в этом кропотливом деле, получив за труд почти все мясо. Вес взрослого хулана около 12-15 пудов, жеребят - 4-5 пудов. Мы с удовольствием полакомились вкусным мясом молодого хулана. Затем отправились дальше и за день сделали 93 км. Перед ночевкой собрали саксаул около колодца Добуцак и остановились ночевать немного севернее восточного конца Дэнга. В этот же день убили молодого цзерена, но по дороге его потеряли, так как плохо привязали к машине.

12 октября. Температура -2,0°. Направление - Баян далай. Солнце. Через 20 км были на ключе Цаган гол. Невдалеке от места ночевки нашли наши старые следы и уверенно едем, следуя колее. Воды в Цаган голе прибавилось в сравнении с нашим первым посещением. Через новые 20 км по прекрасной ровной местности доехали до ключа Наран. Едем дальше, проезжаем Байшинту, и на 70-м км мы снова в Баян-далае. Знакомая уже картина: у колодца расположился караван верблюдов, направляющийся в Ноян сумун; сумунный дарга приветствует нас, как старых знакомых; сбежались ребятишки и с любопытством рассматривают и нас, и машину.

Спустя 2 часа - снова в путь, но уже по новой дороге: берем направление на Халгу (перевал между Гурбан сайханом и Баян цаганом)

с расчетом выйти на Далан-цзадагадский тракт, минуя сам Далан цзадагад. Первые 15 км дорога идет гладкой ровной степью с постепенным подъемом. Дальше подъем идет широкими гребнями увалов, создающими картину волнообразного моря. Высшая точка подъема - 2300 метров - находится в 40 км от Баян-далая. Спуск в самом начале может быть опасен, и мы чуть было не скатились в пропасть, не видя ее из-за гребня. Дальнейший спуск с горы очень легок, и мы без помощи мотора прошли 5 км. Следующие 30 км ровной степной дороги мы шли со скоростью 60 км в час; благодаря этому, сделали за день 152 км и, выехав на Далан-цзадагадскую дорогу, остановились на ночевку у ключа Дала. Вода ключа очень хорошая. Над оазисом летают стаи уток; у ключа мирно пасется остановившийся на ночевку караван верблюдов.

13 октября. Сегодня ровно месяц с начала нашего путешествия. Температура +7,0°, при резком западном ветре. В Баян цзаге запаслись саксаулом до Уланбатора. Чаевали у монголтрансовского станка, сделав 86 км. Вот проезжаем Хошу хид; в стороне к востоку остается хр. Дэлгэр хангай и по существу оканчивается Гоби. Холодно. Одеваем дохи. На отдельных участках делаем по 60 км в час. Проезжаем колодец Дэлгэрху и останавливаемся у следующего колодца Цзамбалиин гашун (в 22-23 км). Температура 0°. За день проехали 220 км.

14 октября. Температура ниже нуля. Все соскучились по Уланбатору. Через 15-20 минут уже нет майхана, все нагружено, покрыто брезентом, перевязано, в последний раз обошли место стоянки, и мы уже едем. Через 10 км проехали колодец Цзабак, а через 28 км уже минуем монастырь Сангин далай с колодцем того же названия. От Сангин-далая есть дорога на Дэлгэр хан – Арбай хэрэ с ответвлением на Эрдэни цзу.

Едем в направлении на Цзоргол хайрхан, до которого, приблизительно, 60 км. Не доезжая до Цзоргол хайрхана, встречаем большое стадо цзэрэнов. Устраиваем охоту и в результате имеем трех убитых животных, привязанных к задку нашей машины. Осенний день короток, уже вечереет, и мы, отъехав от Цзоргол хайрхана около 65 км, несмотря на наше горячее желание скорее добраться до Уланбатора, решаем все же переночевать на перевале Ганга даба, который встречает нас холодом и снегом. Все продрогли, поэтому быстро ставится майхан, тулуган, и благодетельное тепло приводит нас в прекрасное настроение. За день сделано 240 км.

15 октября. Встали в 5 ч. С трудом завели машину и в 7 ч. направились в Уланбатор. В 2 ч. дня мы уже подъехали к городу. Несмотря на сравнительно раннюю осень, весь Уланбатор утопал в снегу и нам, привыкшим к гобийскому теплу и солнцу, было как-то непривычно видеть улицы, занесенные снегом. Но все же мы дома, в кругу знакомых людей и

вещей! И если были некоторые трудности в нашем путешествии, то сейчас они все позади и у нас остается в памяти лишь то хорошее, интересное и полезное, что дала науке и нам Западная Гоби.

(АИГМ № 125, автограф, вкл. схему) **1937 г.**

А.Симуков

Отчет о зимней поездке 1937 г. (январь) в район Западной Гоби

Зимняя поездка 1937 года была предпринята по предложению МВД для ознакомления с районом работников погранохраны и наметки новых мест расположения погранпостов. Средством передвижения был легковой автомобиль “ГАЗ”, сопровождаемый в качестве базы полуторатонкой той же марки. Подобная комбинация в связи с опытными водителями позволила объехать нагорье Цаган богда полностью, обогнув хр. Ата богда с запада. В настоящем отчете я излагаю те географические дополнения к сделанному прежде описанию района, которые были получены в результате этой поездки.

1. Путь до Хубдун оботу, т.е. по населенной части МНР, отличался от осеннего 1936 года спрямлением на участке Баян далай – Цаган дэрисуни хурал и далее до выхода в Дэнгиин ара хоолай. Верблюжья тропа на этом участке оказалась вполне пригодной для автомобилей, вплоть до груженых трехтонок. Закрепленные пески сев. подножья г. Хонгор обо проходимы по этой дороге свободно. Так же легко перевалить пер. Баян хутульь и проехать скалистым мелкосопочником западнее Цаган дэриса. Как всегда, некоторое препятствие создает песок вокруг колодца Добуцак и перед перевалом Субуту в горах Дэнг.

В горах Ноян богда был проложен след по ходасу южнее г. Хоримцук, где дорога оказалась вполне приемлемой. Открытый нами в 1936 г. автомобильный путь через Дэбсэгиин даба проторен теперь хорошо; на южном бэле исчезли даже камни. Таким образом окончательно наметился автомобильный путь в юго-западный угол Южно-Гобийского аймага.

Надо отметить, что на всем пути к югу от Сайханов снегу не было совершенно.

2. К юго-западу от Хубдун оботу мы ехали по старому Синьцзянскому тракту до южной оконечности гряды Алаг, откуда по обратным следам экспедиции 1936 года свернули к Ухур уланскому тойриму. Здесь надо

отметить наличие колодца в холмах западнее пути, неподалеку от тойрима (с одной стороны) и поворота тракта на северо-восток перед перевалом к Чонай бому. Колодец (их два) называется Шалаин худуг и был хорошо известен контрабандистам. Последние, выходя с Эцзэнэй гола, огибали группу Гурбан унигэту с востока и, идя большей частью мелкосопочниками, выходили через Ухур уланский тойрим к указанному колодцу, откуда тропа вела в обход кол. Чонай боом к кл. Улан ганга (см. материалы 1935 г.). На пространстве от Эцзэнэй гола до Шалаин худуга воды нет вовсе.

Миновав темно красный, местами отвесный массив Ухур улан, мы все теми же следами поднялись на западный перевал массива, откуда пошел спуск в сторону Цаган-богдоского ара-хоолая (пустыни между г. Ухур улан и ур. Хуцаин шанда).

Немного спустившись, мы оставили следы и взяли влево, к юго-западу, где в соседних пути горах оказалась седловина. Последняя легко доступна, но очень камениста. Вторая седловина такого же характера (они разделены падающим в северо-западном направлении руслом) привела к пологому спуску на равнину ключа Билгэхи, отделенную от упомянутого выше ара-хоолая узкой грядой высоких скалистых холмов, прорванной рядом сайров, направляющихся на север, в ара хоолай. Таким образом, упомянутые седловины можно объехать, спустившись с Ухур уланского перевала далее на северо-запад и поднявшись первым же сайром к югу.

В начале спуска на равнину, мы пересекли сайр, в котором выше нашего пересечения виднелась роща тоораев. Осмотр рощицы наружной воды не обнаружил, однако колодец вырыть можно. Камыш отсутствует. Вправо, ниже нашего пути, виднелась площадка мелкого камыша с пятнами хучжира, к которой сходились следы цзэрэнов. Очевидно, что там вода очень близка к поверхности.

Огибая юго-восточную горную группу (широкая массивная группа к юго-западу от Ухур улана), мы направились к крайнему восточному мысу хребта Цаган богда, не доезжая которого пришлось перевалить пологий увал с очень рыхлой глинистой почвой и саксаульной порослью на северном склоне. Увал тянется в сторону к Билгэхи и скоро выклинивается. Между увалом и мысом хребта Цаган богда залегает неширокая долина с сильно размытым сайром в тальвеге, густо поросшим тамариском, местами с примесью камыша. Русло уходит на запад и, вероятно, именно в нем находится временный колодец Билгэхиин татал, что в 3-х км к северу от Билгэхи. Обилие тамариска и наличие камыша также показывают близость подпочвенной воды. Верховье русла огибает мыс Цаган-богдоского хребта, так что его начало находится на южном склоне мыса и отделено

от убур хоолая пологим увалом, смыкающим хребет с Ухур уланской системой. Мы объезжали мыс в поисках ключа Элигэн, известного по расспросам, однако его не нашли (см. ниже) и были вынуждены повернуть к Билгэхи.

На ключе была большая наледь. Сам ключ оказался незамерзшим и значительно более обильным водой, нежели летом, причем запах сероводорода намного был слабее летнего.

От ключа мы съездили к ур. Билгэхиин татал, заросшему корявым тамариском вперемежку с саксаулом и, местами, камышом. Тамариск очень старый, много больших сухих стволов и корней. Копань временного характера оказалась под высоким берегом с зарослями на краю оголенного сайра и была сухой.

От Билгэхи наш путь лежал на Цаган булаг на южном склоне Цаган богда. Не желая огибать мыс хребта с востока, мы решили воспользоваться намечавшейся седловиной в хребте и поехали прямо на юго-запад. Заметный ровный подъем по равнине, незаметно переходящий в бэль, привел к окраине хребта, а осмотр местности с холма указал удобную седловину, единственную на этом участке. На седловине оказалась даже тропа. Перевал этот очень легок даже для тяжело груженых машин. На спуске были отмечены хуланьи тропы, ведущие поперек дороги к красноватой горе на водоразделе. Впоследствии оказалось, что именно под ней в непосредственной близости от перевала (к западу) находится ключ Элигэн.

Чтобы не пересекать сильно размытый глубокими и крутыми оврагами бэль Цаган богда, я решил спуститься наискось в хоолай, проехав в 1-2 км от урочища Торгоутиин сухай (1927 г.). В этом урочище (группа густого тамариска посредине бэля) оказался след стоянки аила, но без признаков наружной воды. Очевидно была незаметная копань или люди пользовались снегом.

Спустившись вниз до короткой грядки холмов, перегораживающей здесь бэль у самого хоолая, мы стали наискось подниматься к Цаган булагу, определить место которого было довольно трудно. Перед ключом пришлось покрутить по оврагам, но серьезных трудностей дорога не представила, и мы легко достигли урочища. Этим закончился этап перехода пустыни между Хубдун оботу и собственно нагорьем Цаган богда.

Люди автомобиля, шедшего значительно позади нас, видели молодого дикого верблюда у Ухур уланского тойрима. Второй верблюд был усмотрен в оврагах между Цаган булагом и кл. Торой шанда. Изредка встречались хара сульты. Несмотря на свежие следы хуланов, последние

встречены не были. Погода стояла тихая и было очень тепло, особенно днем на солнце.

Осмотр горизонта с Цаган булагского холма в сторону Сэрбэн хоршиуда и вообще на юго-восток уточнил представление о рельефе этой части пустыни. Впоследствии мне удалось узнать еще о двух источниках воды в этом направлении. Один из них – Шалаин цончжи – находится в северной части Чжигдэн цаганской равнины, примерно в 40 км прямо к западу от кол. Шара хулусу и, следовательно, км в 30 к северо-востоку от ур. Чжигдэн цаган. Большие тамарисковые бугры.

Второй - Адаг бом - расположен северо-восточнее или восточнее г. Сэрбэн хоршюд, в непосредственной близости от последней. Отмечен большим обо, а вероятнее старинной сторожевой башней-цончжи времен Тангутского царства. Между прочим, быть может к этим же временам можно отнести и сторожевое обо Хубдун оботу. Тогда линия северных и западных сторожевых постов Тангутского государства делается ясной (Улан цончжи, Хубдун оботу, Адаг бом, Шалаин цончжи?, Эцзин-гольская Улан цончжи).

Ключ Цаган булага оказался незамерзшим и вода настолько теплой, что в месте ее выхода в воде и около нее зеленели мелкие растеньица.

Выше я не отметил, что северная окраина горного скопления к юго-западу от Ухур улана является самой высокой во всем районе к востоку от Цаган богда, кроме, возможно, далекой вершины Гурбан унигэту.

Экскурсия в горы показала, что хребет Цаган богда разрезан ходасом, уходящим на запад мимо истока Чацахту хундэй (1927) к Боомин худуку и, кроме известного раньше выхода большим сайром на южный склон западнее Цаган булага, упирающимся восточнее в сайр Хабцагайту ама. Несколько ниже Хабцагайту ама отделена невысокой седловинкой от долины, открывающейся на южный бэль между Цаган булагом и Тоорой шандой.

3. От Цаган булага нам предстоял путь на запад по южной окраине нагорья с разъездами вглубь его. Для ознакомления с впадиной Шалаин хоолай во избежание утомительного пути по каменистому и размытому бэлю, я повел машину из Цаган булага прямо вниз, западнее ур. Хуругчигут.

Спустившись почти до тальвега, мы обогнули с юга узкую гряду холмов, протянувшуюся на юго-восток от хребта в районе Боомиин худука и проехали в непосредственной близости от огромного тойрима к западу от ур. Хуругчигут. Почва здесь очень рыхла (глина с щебневым и гравийным панцырем) и тяжела для машин. Пустыня почти бесплодна –

редкие кустики нитрарии и саксаула, главным образом по сайрам. Мысы и увалы оголены вовсе. Следы диких верблюдов.

Повернув на запад, я вскоре обнаружил впереди неизвестное мне большое скопление холмов, пересекающее тальвег и высоко поднимающееся по бэлю. От окрайних к северу холмистых гряд Ханьшуйского нагорья эти холмы отделены нешироким промежутком. В их центре мы пересекли Боомскую караванную тропу. Холмы эти, сравнительно пологие, не затруднили нашего пути. Незаметно поднявшись довольно высоко, наша машина очутилась перед крутым и высоким спуском ко второму тойриму, в который открываются сайры Боома и следующий к западу (из гряды Сухайту). С запада этот тойрим также закрыт холмами, но уже совсем низкими и небольшими по площади. Достигнув последних, мы стали подниматься наискось к ур. Хатон судал у восточного конца гряды Ханаин нуру. Середина бэля здесь оказалась занятой обширной зарослью довольно густого и рослого саксаула.

Невдалеке от входа в прорыв слева подошла Сучжоуская караванная тропа (Хатон-судалская), по которой мы быстро покатили к ключу. Километрах в 3-4 ниже последнего в прорыве небольшой оазис с двумя группами тооpоев. Есть старый колодец (сведения 1935 г.).

От Хатон судала (ключ замерз, пришлось долбить) предстоял разъезд внутри нагорья, который мы выполнили по маршруту кол. Индэрту – Хутуль шанда – Цаган бургасу – Баян тохой – Балин цохе - Хатон судал. Я никак не мог предположить, что этот маршрут можно выполнить на автомобиле и вел на риск. Тем не менее это оказалось возможным. Первая половина пути вела восточной окраиной высокой равнины в центре нагорья между ур. Хутуль шанда и Хатон судал с большим подъемом к кол. Тумуртиин хуху (Хуху тумурту). Путь здесь тяжел, так как местность сплошь размыта оврагами и поросла обширными зарослями саксаула. Площадь ската к Хутул усу [шанда] значительно меньше таковой южного, Хатон-судалского склона.

Прямой путь Хатон судал – Хутуль шанда, через центр равнины, вероятно несколько лучше.

Урочища Ламнариин тоорай мы так и не видели. Оно находится в одной из долин восточной окраины Баян тохойского массива.

Знакомая дорога по старому тракту из Хутуль шанда в Цаган бургасу не дала ничего нового.

От Цаган бургасу мы повернули снова на юг и по пройденному мной в 1935 г. на верблюдах пути направились в ур. Баян тохой. Надо отметить, что ключ Цаган бургасу оказался незамерзшим, в то время как в Хутул шанде мы с трудом нашли занесенный песком небольшой участок льда.

Примитивный колодец-копань оказался сухим.

Широкий, сплошь заваленный крупным камнем сайр Цаган бургасу привел к узкой расщелине устья Баян тохойского ущелья, обставленной высокими отвесными скалистыми громадами. Путь вверх по ущелью, заваленному камнями, был очень труден, но преодолим. Преодолимыми оказались и густые заросли нижнего участка оазиса, пересеченные нами по песчаному узкому руслу. Ночевали на ключе, рядом с развалинами ставки Чжа-ламы.

Подъем по Баян тохойскому ущелью был одним из наиболее тяжелых участков всей поездки.

Самый ключ оказался замерзшим, но мы нашли чуть выше его небольшую копань, старательно прикрытую вязкой камыша, где было довольно легко продолбить лед до воды.

Наутро мы выехали к Балин цохе, причем в головном участке Баян тохойского ущелья свернули в боковую (восточную) его ветвь и по ней выбрались к гранитному мелкосопочнику центра нагорья, причем вначале взяли к востоку, вдоль северного подножья Баян тохойского массива. Покрутив затем по местами неудобным запутанным ущельям мелкосопочника, наш автомобиль выехал к восточному подножью скалы Балин цохе, откуда, взяв к югу, ближе к гряде Ханаин нуру, мы без труда добрались до ключа Хатон судал.

С этого ключа я съездил налегке обратно в Цаган булаг другой дорогой, непосредственно по верхнему краю бэля. 70 км этого прямого пути оказались очень неудобными по причине каменистости и сплошных сайров с невысокими, но обрывистыми берегами. Между Боомской караванной тропой и Цаган булагом путь пролегает частью по холмам. Оба конца пришлось делать ночью, что не помешало, однако, ориентировке.

В дальнейшем от Хатон судала мы поехали по сквозной долине, отделяющей гряду Ханаин нуру от центрального гранитного мелкосопочника, с намерением перевалить эту гряду и выехать к ключу Наран сэбистэй. Как известно (1935 г.), гряда Ханаин нуру разбита невысокими седловинами на отдельные группы и прорвана западнее самой высокой группы Боро ханан в ур. Булаган хошу широким сайром. Мы поднялись коротким и пологим взлобком на вторую с востока седловину и спустились к южному бэлю длинным ущельем с заметным падением. В середине спуска, в суженном месте ущелья поросль тамариска с примесью камыша показывает близкую воду. Здесь был отмечен след стоянки аила. Возможно, что это урочище и есть Сухайту, указанное мне в 1935 году, как ключ на юго-восточном склоне Ханаин нуру.

Выехав на бэль, мы спустились довольно низко к тальвегу открытой здесь долины Шалаин холай, удачно поохотились на встретившихся хуланов и направились далее к западу, севернее подошедшей вскоре восточной оконечности Наран сэбистэйской гряды. Перевалив пологую и низкую перемычку между этой последней и бэлем Боро ханан, путь пошел по большому сайру западного направления, обильному тамариском. Растительность стала лучше и хуланьи следы попадались во множестве. В дальнейшем на дне ставшего оврагом сайра стали встречаться хуланьи копани, указывавшие на близость воды. Задачей было попасть на старый тракт, ведущий из прорыва Булаган хошу к Наран сэбистэю. Он оказался на несколько км западнее, чем я предполагал.

Повернув по дороге на юго-запад, мы сразу же поднялись на Сэбистэйскую гряду, которую прежде (1935 г.) я лишь смутно видел через прорыв Булаган хошу. Гряда эта оказалась очень значительной, хотя и невысокой, достигая в поперечнике 10 км. Она состоит из системы параллельных гряд и продольных долин, местами прорванных поперечными ущельями. Дорога не везде удобна. Есть узкие и очень каменистые места. Южная грядка скалиста и круто обрывается к югу, откуда вся система производит поэтому впечатление скалистого хребта средней величины.

Ключ Наран сэбистэй оказался расположенным в стороне от большого сайра, прорвавшего окраинную гряду, среди бесплодных серых увалов бэля. Большое пятно камыша без тополей, тамарисков и вообще кустарников. Несколько высоких эоловых бугров с довольно жалким тамариском расположены километром ниже.

Местность производит положительно гнетуще унылое впечатление.

Недостаток дров побудил отправиться к тамарисковым буграм. Так как наружная поросль была незначительной, пришлось откапывать корни. Я почти впервые видел, какой огромной величины достигают последние в высоких эоловых буграх, ими же образованных. Это целые стволы, причудливо изогнутые, узловатые, с розовой древесиной и бурой корой, толщиной местами до полуметра. Самое строение их говорило за то, что это скорее именно стволы, а не корни, глубоко погребенные в лессообразной почве бугров и давшие на поверхность лишь жидкую поросль тонких ветвей. Было бы очень интересно выкопать один такой ствол целиком, с корнями, но это весьма трудоемкая работа.

На Наран сэбистэе мы заночевали. Ключ, образовавший большую наледь, оказался незамерзшим. Вода его прекрасного качества.

Весной 1935 года здесь стоял китайский таможенный пост.

Утренний осмотр окрестностей выявил следующее. Тальвег хоолая находится не более, как в 10 км южнее ключа, но виден плохо, так как

скрыт холмами и очень узок. Непосредственно за ним начинается подъем к кряжам Тойг добхур и Улан булагиин хяр, почти сплошь занятый мелкими скалистыми грядками. Оба упомянутых кряжа видны очень хорошо, так как расстояние до них очень невелико – 30-40 км (?). Как указанный скалистый мелкосопочник, так и Наран-сэбистэйская гряда уходят на запад и там, по-видимому, сливаются в сплошную массу, среди которой выделяются две-три крутые и высокие изолированные вершины-останцы. Таким образом Шалаин хоолай на меридиане Наран сэбистэя выклинивается и западные оконечности нагорий Цаган богда и Ханьшуй нуру практически сливаются.

Нечего и говорить о том, что огромный район между Наран сэбистэем и Карлык тагом (восточная оконечность Тянь-шаня) совершенно неизвестен географам.

С Наран сэбистэя мы поехали сначала обратно по своим же следам. С одной из высоких точек северной части Наран сэбистэйской гряды открылся вид на юго-западную оконечность Цаган-богдоского нагорья с хребтом Ата богда на заднем плане. Оказалось, что гряда Ханаин нуру скоро выклинивается, дав две значительные крутые вершины. Наран-сэбистэйская гряда уходит, снижаясь, далеко на запад, и горизонт в ту сторону закрыт скалистой низкой грядой, очевидно связанной с нагорьем Цаган богда.

Севернее Ханаин нуру и южнее западного крыла Ата богда обозначился довольно значительный скалистый хребет, также уходящий к западу. Перевалив Наран сэбистэйскую гряду, мы оставили свои следы и свернули на северо-запад, прямо на Ата богда.

Наш путь пересек сначала широкую долину с рыхлой глинистой почвой, поросшую редким саксаулом. Удачно избранной седловиной, на которой оказалась старая тропа, автомобили перевалили узкую гряду Ханаин нуру значительно восточнее прорыва Булаган хошу и спустились в котловину западной части продольной долины Ханаин хоолай, закрытую с севера центральным мелкосопочником нагорья. В северной части котловины (бессточной) виднелись тамарисковые бугры, деревья и ярко желтые пятна камыша двух небольших оазисов. Осмотр их обнаружил старые стоянки аилов, сухой колодец-копань и хуланьи ямы. Характер почвы и размеры камыша показывали наличие воды на глубине не более полуметра. После дождей здесь несомненно текут ключики. Много следов дикого верблюда и хуланов. Здесь же, заходя в оба оазиса, проходит старая караванная тропа, уходящая на север к седловине между Ата богда и Бага богда, а на юг к Наран сэбистэю. Очевидно это урочище – Талаин мэлтэс расспросных сведений или Ихир мэлтэс В.Ф.Ладыгина (слово

“ихир” указывает на парность оазисов). Долина Ханаин холай открыта на восток, в сторону Булаган хошу. На западе она замкнута пологой, широкой и низкой седловиной без гор и холмов, закрывающей горизонт. К сожалению подняться на нее не пришлось, хоть вид с этой седловины должен был бы дать многое для расшифровки сложной западной оконечности нагорья Цаган богда.

Продвигаясь далее к северу, в направлении на высокую часть хр. Ата богда, мы обнаружили большой сайр, наискось с северо-запада на юго-восток, прорывающий центральный мелкосопочник по границе между гранитными холмами на западе и черной сланцевой (?) грядой на востоке. Эта черная гряда, островом возвышающаяся на общем гранитном фоне центра нагорья, была отмечена мною еще в 1935 году.

Тропа вела к устью сайра-прорыва, причем возможно, что там есть колодец (мы попали в сайр выше устья). Ряд безымянных колодцев, упоминаемых Ладыгиным, расположен, очевидно, по южному склону указанной черной гряды северо-восточнее Мэлтэса.

Подъем по широкому песчаному сайру вывел нас на высокий и пологий, холмистый водораздельный гребень-перемычку между хребтом Ата богда и центральным мелкосопочником, принявшим здесь более крупные, горные формы. В этом месте находится довольно сложный рельефный, водораздельный узел, от которого начинается уже общий склон к западу, в сторону Тянь-шаня.

Ближайший участок южного склона крутой стены Ата богда имеет стоком отчасти сайр, по которому мы поднимались, а затем, далее к востоку, быть может, еще 1-2 сайра, прорывающих к югу черную гряду центра, открывающихся либо в Ихир-мэлтэсскую котловину, либо к прорыву Булаган хошу.

Овражистый южный бэль высокой части Ата богда свободен от холмов и покрыт сносной растительностью.

К западу от упомянутой выше водораздельной перемычки налицо два больших, снижающихся в этом направлении, горных гребня: западная оконечность хребта Ата богда и параллельный ей высокий и крутой скалистый гребень, начинающийся двумя-тремя высокими вершинами на упомянутом водораздельном узле центрального мелкосопочника и являющийся как бы его продолжением. Между ними от водораздельной перемычки отходит на запад еще один короткий, быстро снижающийся гребень. Долины и русла между ними направлены в общем на запад и имеют довольно крутое падение.

Короткая остановка для съемки на водораздельной перемычке была ознаменована встречей с двумя охотниками-узбеками, приехавшими сюда

с Карлык тага (поселок Эхин тугурик на северном склоне последнего).

Здесь небольшими пятнами лежал старый осенний снег. Погода последние дни вообще хмурилась и можно было ожидать снегопада.

Высокую абсолютно перемычку мы перевалили без малейшего затруднения. Пологий спуск на запад привел к сайру, извилистым ущельем ушедшему в скалы. Заметно спускаясь мы выехали вскоре в относительно широкую долину западного направления и заночевали под средним коротким гребнем, снизившимся здесь до размеров низких холмов, недалеко выклинивающихся окончательно. Для воды натаяли снега.

Пользуясь разъяснившейся погодой я поспешно взобрался на ближайшую вершинку, чтобы до темноты осмотреть западный горизонт.

Справа к северу за неширокой долиной возвышалась резко очерченная крутая стена западного крыла Ата богда, все еще высокая и скалистая. В одном месте в ней было заметно большое ущелье, ведущее, возможно, к перевалу. Поворот этого крыла за высоким мысом к северо-западу не давал возможности увидеть его оконечности. Продольная южная его долина уходила вверх к водораздельной перемычке, где была видна открытая седловина. Ниже меня посреди долины возвышалась отдельная небольшая горная группа, соединенная с Ата богда открытой же плоской седловиной. Южный горизонт был закрыт отвесной скалистой стеной упомянутого выше гребня – продолжения мелкосопочника, обрывавшегося далее к западу крутым мысом. За этим мысом далеко на юго-западе виднелась низкая и широкая темная гряда скалистого мелкосопочника, уходившая на запад и делавшая широкую дугу к югу. Она заканчивалась скалистой возвышенной группой далеко на юго-западе, где-то на половине расстояния до предгорий Тянь-шаня (Эмир таг). Вечноснеговая громада Карлык тага была видна в подробностях. Так же хорошо виднелась и низкая группа Эмир тага с характерной высокой трапециевидной вершиной.

Эмир таг связан с упомянутой скалистой грядой линией равнинного водораздела. Вся эта система от Эмир тага до Ата богда образует открытую к северу подкову или дугу-амфитеатр с очень глубокой пустынной котловиной в центре, уходящей далее на север.

Эта совершенно неисследованная и в большей своей части безводная пустынная котловина огромных размеров залегает между Карлык тагом, Эмир тагом (Тянь шань), Ата богда, Арслан хайрханом, Ачжи богда и Хара хайрханом, уходя равниной на запад, где она сжата между урочищами Элэсуту минган и Номи тологой до стокилометрового расстояния, а далее переходит в Чжунгарскую пустыню.

Далеко на юго-западе, за упомянутой дугой, виднелись разбросанные

по пустыне отдельные скалистые останцы, придававшие этой части Гоби (район дороги Мингшуй - Бай) совершенно особый своеобразный характер.

Кстати, сухое русло речки, на которой стоит поселок Бай, сбегающее в вышеописанную пустынную котловину, проходит на расстоянии 30-40 км от Бая через урочище Бэль тоорай, где есть вода и залежи поваренной соли (расспросные сведения).

Таким образом остался нерасшифрованным лишь крайний юго-западный угол территории МНР к западу от урочищ Наран сэбистэй и Ихир мэлтэс и к югу от закрывавшего мне горизонт скалистого гребня, т.е., точнее, взаимоотношения западных продолжений Наран сэбистэйской гряды, Ханаин нуру и центрального мелкосопочника с уходящей к Эмир тагу грядой.

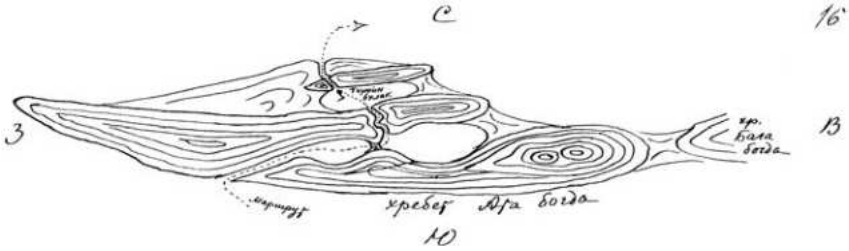
Задачей следующего дня было найти в этом сложном лабиринте гор ключ Торойн булаг, для чего следовало либо объехать Ата богда с запада, либо перевалить его западное крыло.

Пасмурное утро быстро перешло в снежную пургу, и мы с трудом отыскали вход в замеченное мною накануне ущелье Ата богда, оказавшееся вдобавок заваленным старым снегом. Ущелье вскоре повернуло на восток и стало продольным, расширившись в своем истоке в небольшую междугорную котловину. В горах северо-восточного угла этой котловины, также заваленной старым снегом, через который с трудом пробивались наши машины, оказался узкий вырез-седловина. С этого перевала открылся вид на большую междугорную покатую уже к северу котловину, сайры которой собираются в одно русло, узким и глубоким извилистым ущельем-каньоном, прорезающее северо-западный хребет Ата богда, оказавшегося двойным. Крутой спуск с перевала (обратный подъем для машин исключен) привел прямо к началу этого ущелья, по которому мы ехали 7-10 км. Наконец оно открылось в широкую, поросшую саксаулом продольную же долину, и широким руслом направилось по ней на северо-запад, к прорыву в северной, невысокой, но массивной горной ограде этой долины. У начала прорыва виднелась значительная роща тополей, камыши и тамариски. Это был искомый оазис Торойн булаг, единственный в данной северо-западной части нагорья.

Наружной водой оазис небогат - она представлена 1-2 ямами. В камышах мы нашли ямку с очень тонким слоем льда, почти незамерзшую.

Таким образом перевал через западное крыло хребта Ата богда обнаружил его обширность и сложность (см. примерную схему). Для автомобилей он оказался очень трудным главным образом вследствие

массы старого, осеннего снега.



Примерная схема хребта Ата богда

4. Торойн булаг был крайней северо-западной точкой маршрута. В дальнейшем предстояло возвращение. Спустившись извилистым ущельем-прорывом на северный бэль Цаган-богдоского нагорья (в ущелье я обнаружил впервые для этого района скальные рисунки), мы снова увидели Тянь-шань, отделенный от нас огромной котловиной. Здесь же ясно был виден резко обрывающийся и очень недалекий (15-20 км) западный конец Ата богда. Холмистая гряда Сэрбэн хайрхана, примыкающая к бэлю нагорья с севера, также сходила на западе на нет, спускаясь в равнину упомянутой котловины. Именно эту котловину, вероятно, называют “Номиин гоби”.

На северо-западном и северном горизонте виднелись Ачжи богда и Хара Хайрхан.

Спустившись по бэлю до подножья холмов, мы поехали открытой степью на восток, имея к югу хребет Ата богда, а к северу – холмы Сэрбэн-хайрханской гряды.

До ключа Шаргиин гол (1936 г.) оказалось от Торойн булага около 100 км. Сделать разъезд на север, к Арслан Хайрхану не пришлось, так как мы опасались за расшатанные трудной дорогой машины.

Западнее Шаргиин гола отмечу широкое русло, уходящее вглубь северных холмов и небольшой оазис (тамарисковые бугры, несколько тополей), к которому подходит с юга караванная тропа.

Очевидно там есть вода. Оазис этот находится всего в нескольких км к западу от Шаргиин гола. Здесь же мы наблюдали скопление нескольких косяков хуланов, общей численностью до 200 голов, пасшихся на участке эфемерной полынной степи. Снега здесь снова не было.

От Шаргиин гола мы поехали по следам экспедиции 1936 года к Шара хулусу, откуда старым Синьцзянским трактом поднялись к ключу Билгэхи (западному) в гранитном мелкосопочнике центра нагорья. Оставив

здесь дорогу, мы свернули через холмы на юго-восток и без труда достигли долины Ханаин холай, а затем и наших следов в этой долине, по которым легко добрались до ключа Хатон судал.

В дальнейшем мы ехали готовыми следами по маршруту Цаган булаг – Билгэхи – Ухур улан – Хубдун оботу. Поездка была закончена и оставалось возвращение в Уланбатор, которого мы достигли очень быстро. На дорогу от Ноян сумуна до Уланбатора (800 с лишним км) с заездом в Далан цзадагад потребовалось всего два дня.

(АИГМ № 119, автограф) **1938 г.**

А.Симуков

Отчет о работе экспедиции 1937 года

1. Вследствие ряда причин выезд на полевую работу мог состояться в истекшем году лишь в начале зимы. Это обстоятельство было учтено в плане работ, рассчитанных первоначально на 40 дней. План этот охватил ряд насущных вопросов сельского хозяйства, общей географии и экономики страны. В состав экспедиции вошли географ (он же общий руководитель), сельскохозяйственник, практикант при географе и работник Музея. В качестве транспорта была выделена грузомашина марки “ГАЗ”.

2. Выезд экспедиции состоялся 4-го ноября. Согласно плану, мы проехали по Цэцэрлигскому тракту до Хадасана, а оттуда свернули на юго-запад, к Эрдэни цзу. Везде уже лежал снег, выпавший большей частью в день нашего выезда. Проехав поселок Долон (Хашиату сумун Ара-Хангайского аймага) вечером 6/XI мы достигли Шанха сумуна. В соседнем ему Барун хуриэ следовало, согласно специальному заданию, изъять “Чингисово знамя”, хранившееся в этом монастыре. Это задание было выполнено утром следующего дня. Сейчас еще трудно сказать, к какому времени относится появление этого знамени, так как по этому вопросу следует провести специальное исследование. В Барун хуриэ это знамя было предметом культа и хранилось в отдельном небольшом храме, имевшем своего тахилчи. Мы не имели ни времени, ни возможности заниматься подробными исследованиями на месте, а потому ограничились тем, что погрузили знамя на машину и просили лам сохранить храм с его содержимым в неприкосновенности. После этого экспедиция продолжала свой путь на Цэцэрлиг. Орхон еще не замерз (были только забереги), уровень его был очень низким и мы беспрепятственно переехали его бродом, направляясь в Хотонту сумун. Здесь выпал большой снег, дорога не была еще наезжена и пробиваться было трудно.

   Использовав вечер в Хотонту для расспросов по сельскому хозяйству, наутро 8-го ноября мы снова пробивали снег на расстоянии

30 км до тракта, а под вечер были уже в Цэцэрлиге. До этого пункта виденные айли были еще на осенних стоянках; здесь же, в высокогорном Хангае, все перекочевали на зимовки.

3. Краткую (полтора дня) стоянку в Цэцэрлиге мы использовали для пополнения снаряжения и запасов. Кроме того, я с сельскохозяйственником (т[оварищем] Санчжа) успел съездить верхом в один из ближайших айлей и кое о чем порасспросить. После этого мы выехали по тракту же в Ихэ тамир сумун, где остановились в долине Хуху даба, км в 10 от сумуна. Здесь экспедиция простояла 4 дня. Это время было использовано для экскурсий по окрестностям (Дэндуб и Идамсурун) и для поездки верхом вверх по Хойту Тамиру (я и Санчжа). Во время этой поездки был произведен опрос одного из лучших местных скотоводов о методах скотоводства, причем результаты опроса записаны в связной форме. Кроме того, я собрал дополнительный материал по кочевкам. Здесь же выяснилось, что сумунное управление произвело разбивку пастбищ на летние и зимние, вследствие чего произошли некоторые сдвиги в кочевках отдельных хозяйств.

15/XI мы выехали в дальнейший путь, но не очень удачно, так как примерно через 40 км произошла серьезная поломка машины. Пришлось ставить майхан и чиниться, на что ушло двое суток. За это время мы сделали 1-2 небольших экскурсий по окрестностям. 17/XI после полудня выехали в дальнейший путь и ровно через 50 км, близ впадения реки Галуту в Чулуту, машина поломалась снова, уже без надежды на исправление своими силами. Перевезя груз и машину к близкому айлю, мы послали одного из нас (Идамсуруна) на проходившей почтовой машине в Уланбатор за запчастями, а сами остались ждать его в айле. Так прошло 12 суток. Как бывает всегда при непредвиденных и нежелательных задержках, эта стоянка не была использована полностью. Я съездил в верховья Галуту, Дэндуб – на хребет к западу от Чулуту. Санчжа записал две большие сказки. Я провел расспросы о фауне, а затем, для лучшего уяснения постоянства хангайских кочевок, записал кочевки десятка хозяйств за период в 10 и больше лет.

Наконец, 30/XI мы получили возможность снова тронуться в путь. В тот же день, перевалив Эгин даба, мы добрались до Цзага, оставив за собой, таким образом, северные склоны Хангая. На пройденном нами в пределах Ара-Хангайского аймага пути к западу от Цэцэрлига единственным подходящим для МСС местом является

долина Улэнтэй на Хойту Тамире. Это место было уже выделено для организации станции в 193? году работниками МСЗ. Поэтому, мы не стали осматривать это место.

4. В Цзаге снег отсутствовал совершенно. Ясным утром следующего дня мы выехали из этого пункта и стали держаться юго-западного направления, пересекая южный склон Хангайской горной страны.

   Обстановка резко изменилась. Исчез лес, потянулись широкие степные долины-хундэй, почти бесснежные, исчезли хашаны на зимних боуцах. Пробираясь степными дорогами, мы проехали около 100 км и заночевали почти на границе Гоби, близ мон. Дара эхэин чжиса. На следующий день, проехав еще 50 км, мы достигли соленого озера Борбай нур.

   Озеро это невелико по размерам и, при овальной форме, имеет около 700 м в длину и до 400 м в ширину. Все оно покрыто слоем глины до полуметра толщиной. Под глиной соляной раствор, а затем кристаллическая соль. Добыча соли ведется самым примитивным способом. Запасы ее очень велики – по примерным подсчетам 100-200 тысяч тонн. Солью этой пользуется почти весь Ара-Хангай, часть Цзабхана, часть Убур-Хангая; она попадает в Уланбатор и, вероятно, число ее потребителей доходит до 200 тыс. Правда, примерно этот же район обслуживает еще одно соленое озеро, находящееся между р. Байдараг и Цаган туруту (Баян цагани дабусу). Последнее время ара-хангайцы предпочитают соль этого последнего озера, белую и мягкую по вкусу. Баян цагани дабусу размером почти вдвое больше Борбая.

   В районе Дархиин чжисы есть несколько земледельческих оазисов – Улцзэйту гол, Баян, Буянту гол. Далее к востоку идут пашни Байдарага и Цаган гола (?), а затем Тациин гола. Сеют исключительно ячмень, урожаи бывают хорошие.

5. Осмотрев Борбай нур, 3/XII экспедиция повернула в Гоби, к хребту Хара аргалинту. На гладкой равнине Центральной впадины северо-западнее озера Бон цаган нур были встречены стада хуланов общей численностью в несколько тысяч.

   Переночевав близ юго-западного берега озера (берега его отличаются пустынностью), мы поднялись к горам и по ущелью Хулусун гол - Шара хундей выехали на южный бэль гор Хара аргалинту, где стали под самыми горами. На следующий день все пошли на экскурсию знакомиться с этим хребтом. В небольшой цепи Нарин хара – Улан аргалинту – Думда аргалинту – Хара аргалинту,

последний хребет самый большой и высокий. Общий его характер одинаков с обычными средними хребтами Гобийского Алтая. В верхней зоне появляется ковыльная степь, есть тарбаган и хойлик. По скалистым горам хребта бродит очень много горных козлов – за один день я видел 30 штук. Есть барс. Пастбища в горах очень хороши, но воды мало.

Ознакомившись с характером этого хребта, мы проехали к седловине между горами Цэцэн хайрхан и Бахар, где ночевали близ ключа Улан булаг. По дороге миновали ключи Далан туру с большими порослями дэрисуна.

Опросы по кочевкам выяснили, что чрезмерно растянутый радиус кочевок, отмеченный у ряда хозяйств бывшего хошуна Ламаин гэгэн, далее к западу не распространяется и, поэтому, эти кочевки навряд ли могут быть выделены, как особый тип кочевок, и представляют собой экономически неоправданный реликт феодального режима, интересный и заслуживающий изучения, как крайность.

Обогнув г.Цэцэн хайрхан с востока, мы выехали на равнину у оз.Унта ногон и направились на юго-запад к бывшему монастырю Амор буянтуин хуриэ. На этой равнине снова в большом числе были встречены хуланы, а затем боро цзэрэ и цаган цзэрэ. Снега не было совершенно, было тихо и тепло. Быстро продвигаясь вперед, мы заночевали на ключе Сухонту между горами Цзала чжинсэту и Бай баян ундур.

6. 8/XII. Мы выехали на равнину Чжинсэту холай и повернули по ней к юго-востоку, в направлении Алтан улы. Начиная от района Баян булага появился саксаул и травянистая Гоби сменилась кустарниковой. По почти бесплодной пустыне мы спустились в глубокую впадину Цзун модони холая и заночевали близ обрушившегося колодца Цзун модо. Вокруг него – большие заросли тамариска, значительная роща тооройев и площадка камыша. Таким образом, этот оазис относится уже к западно-гобийскому типу.

Дальнейший перегон привел нас к урочищу Цзулуганай Цзадагай. Это место оказалось очень интересным. Урочище состоит из двух частей, разделенных пространством в несколько км. В верхней, восточной части урочища течет речка. Расход воды ее составлял при нас около 25 литров в секунду. Долина ее сжата обрывами глины с севера и песками с юга. По заберегам - большие заросли камышей. Отдельные камышины достигают 5 метров в высоту. Затем много тамариска, роща тооройев и несколько десятков деревьев чжигды. По-

видимому, Цзулуганай – единственное место в МНР, где имеется такое количество этого южного дерева. Отдельные экземпляры его встречаются еще в Хубдун оботу и окрестных этому урочищу мелких оазисах. Кроме камыша имеется еще ряд травянистых растений, в том числе значительные поросли солодки.

Нижний оазис (Адаг цзулуганай) беднее водой. Вода появляется здесь в главном русле всего в одном-двух местах. Кроме того, есть еще боковой ключ, сильно пахнущий сероводородом. Камыш есть только у бокового ключа. Тооroев больше, чжигды не отмечено. В остальном – та же картина, что и в верхнем оазисе.

В камышах Эхин цзулуганая держится четыре диких свиньи, пришедших года 2-3 назад с запада. Кроме того мы видели не очень старый след гобийского медведя. Летом этот оазис несомненно очень интересен в отношении фауны.

На Цзулуганай цзадагае мы простояли три дня - с 10/XII по 13/XII.

Обнаружив, что у нашего автомобиля лопнула рама, мы отказались от поездки к горе Онгон улан для осмотра старого золотого прииска и решили двигаться в восточном направлении к горе Алтан ула.

Расположенная к востоку от Цзулуганая долина Даацин холай в значительной степени занесена песками (судя по расположению песка здесь преобладают западные и юго-западные ветры). Поэтому нам пришлось продвигаться по размытому бэлю гор Нарин хара. Проночевав близ этих гор из-за проколотых саксаулом покрышек (причем я успел ознакомиться с характером Нарин хара), мы продвинулись на следующий день очень немного, так как лопнувшая рама требовала починки. Поравнявшись с западным склоном горы Алтан ула, мы свернули к ней и остановились у подножья предгорий. Здесь лежал снег, сдутый в ложбины и под кусты. С починкой рамы мы простояли до 18/XII. Это время было использовано для нескольких экскурсий. В частности, я поднимался на вершину Алтан улы и хорошо ознакомился с общим характером массива. Кроме того, мы осмотрели песчаниковые овраги поблизости от лагеря, так как по прежним расспросным сведениям здесь должны были быть ископаемые кости. Это подтвердилось находкой одной крупной кости.

18/XII мы выехали дальше на восток вдоль хоолая, переехав пески в его тальвеге. Из-за снега этот участок пути оказался очень тяжелым. За день мы проезжали 30-40 км, беспрерывно прокапывая снег в руслах и ложбинах. Дорога к кол. Алтан хацабчи, где по плану

мы также должны были осмотреть старые разработки золота, была совсем закрыта снегом. Поэтому и от этой части плана пришлось отказаться. С трудом пробиваясь на восток, мы только к вечеру 20/XII добрались до урочища Тэсхиин барун гол. Это урочище надо было осмотреть и потому мы здесь дневали. Осмотрев урочище и собрав подробные расспросные сведения о залежах соли в ур. Тэсхиин думда гол, мы решили, ввиду позднего времени и плохого состояния машины, кратчайшим путем выбираться на автомобильную дорогу и ехать в Уланбатор через Далан цзадагад.

7. 22/XII мы выехали в направлении на Ноян сумун, в который приехали 23/XII. Здесь экспедиция задержалась для расспросов на один день. Затем, выехав 25/XII, мы в тот же день поздно вечером доехали до Далан цзадагада, откуда выехали под вечер на следующий день. Потекший радиатор задержал нас в пути более, чем на сутки и, потому, в Уланбатор экспедиция прибыла только 29/XII, пробыв таким образом в пути почти 2 месяца.

8. Из вышеизложенного видно, что различные обстоятельства вроде поломок, снега и т.д. помешали полностью выполнить намеченный план работ. Тем не менее, экспедиция имеет ряд несомненных достижений.

a) По линии ***географической*** получен новый материал о южном склоне Хангайской горной страны к западу от р. Байдараг, о Центральной впадине западнее оз. Бон цаган нур, о хребте Хара аргалинту и пространстве к югу от него до г. Цэцэн хайрхан. Кроме того, имеется новый материал по участку г. Чжинсэту - г. Алтан ула и по долинам Даацин холай и Тэсхиин холай. В частности, осмотром оазисов Цзун модо и Цзулуганай закончено ознакомление с западногобийскими оазисами. По пути все время велся подробный географический дневник.

b) В отношении ***пастбищ и растительности*** вообще, по гобийской части маршрута все время велись записи состава растительного покрова для последующего картирования и для более полного изучения растительных ассоциаций Гоби. Для определения кормовой производительности гобийских пастбищ в зимних условиях, взято 30 укосных площадок. Затем, собран новый материал о малоизученной кустарниковой Гоби и сделано 15 зарисовок типичных метровых

площадок. Особенное внимание было уделено крупным оазисам юга – Цзулуганаю и Тэсхиин барун голу. Проведены расспросы о ядовитых растениях.

c) В отношении ***сельского хозяйства*** в Ара-Хангае сделана плановая запись методов скоторазведения и скотосодержания, применяемых в истоках Тамира. Затем, по пути велись общие наблюдения и расспросы. В частности, получены дополнительные данные о земледелии в районе мон. Дара эхэин чжиса.

d) В отношении ***кочевок*** по Ихэ тамиру собран материал о кочевках ряда хозяйств на протяжении 10 лет, показывающий неизменность кочевых участков хангайских айлов. По линии хотонов зафиксирован состав 25 хотонов по р. Хойту гол и ниже, для сравнения с их составом в 1933 и 1935 годах. Зафиксировано проведенное сумуном деление пастбищ на зимние и летние. Далее собран материал о кочевках района Дархиин чжисы, собран материал о Хара аргалинту и г. Бахар. На всем пути от Эгин даба до Унта ногон нура сделаны зарисовки зимних стоянок.

e) Собран новый материал о распространении и биологии охотничье-промысловой фауны.

f) Выяснены ориентировочные запасы соли в Борбай нуре и Тэсхиин думда голе, оказавшиеся весьма значительными. Таким образом, в настоящее время выявлены основные месторождения соли по всей центральной части МНР, за исключением ее восточной и западной окраин. Таких месторождении насчитывается 5 (Цабданг нур, Борбай, Тэсхиин думда гол, Холбольчжи, Баян цаган), причем запасы соли покрывают потребность страны на сотни лет.

g) Подтверждены имевшиеся ранее расспросные сведения о наличии ископаемых костей на южном бэле гор Алтан ула и Нэмэгэту.

h) Изучение оазисов Цзулуганай и Тэсхиин барун гол было связано с вопросом возможности организации МСС в гобийских условиях. В результате, экспедиция наметила ряд реальных предложений, которые сводятся к использованию в первую очередь дэрисунных оазисов с параллельным улучшением их поверхности, подсевом трав и т.д.

i) В отношении колодцев – произведены промеры и зарисовки ряда колодцев; на территории Ноян сумуна Южной Гоби выявлены площади, нуждающиеся в обводнении, и наиболее важные из существующих колодцев, в целях последующего их улучшения в первую очередь.

j) В районе Эгин даба записаны две сказки. Кроме того, уже по приезде в Уланбатор записаны 5 сказок у рабочего экспедиции.

k) Собран материал для музея (гобийская растительность, образцы соли, образцы зерна и цзамбы из района Дархиин чжисы, шкуры хуланов и горного козла, ряд птиц и т.д.).

l) Одной из задач экспедиции было также ознакомление работников сельскохозяйственного и географического кабинетов с методами полевой работы.

В целом следует отметить, что несмотря на непредвиденные задержки из-за поломок, отнявшие в общем 20 суток, экспедицией собран новый и интересный материал по целому ряду вопросов. С другой стороны, следует признать, что зимнее время года мало пригодно для поездок, и в дальнейшем следует использовать преимущественно летне-осенние периоды года.

Журнал "Современная Монголия", 1938 г., № 2(27), с.69-75

А.Симуков

Путевые заметки по Хангаю и Гоби зимой 1937 года

Не имея возможности использовать для полевой работы летний сезон истекшего 1937 года, я выехал в степь лишь в первых числах ноября.

4-го ноября небольшая экспедиция, состоявшая из нескольких сотрудников Ученого Комитета МНР, выехала из Уланбатора на запад. Поздняя осень встретила нас в первую же ночь пургой. Наметив для начала своей работы район Ара-Хангая, мы довольно быстро добрались до Цэцэрлига, выполнив попутно одно поручение Ученого комитета в Шанха сумуне указанного аймага.

Первая остановка была намечена в Ихэ тамир сумуне Ара-Хангая. В числе вопросов, подлежавших изучению, я поставил себе целью выяснение района кочевок ряда хозяйств за длительный промежуток времени. Результаты оказались хотя и не неожиданными, но очень интересными. Взятые наудачу хозяйства, как оказалось, ***десятками лет*** не покидают свой, довольно определенный, кочевой участок, временно укочевывая с него только под давлением особых обстоятельств, не связанных с кочевым хозяйством. Таким образом, гипертрофические представления о монгольских кочевках, как некоем беспредметном блуждании в пространстве, еще раз оказываются несостоятельными, и "адрес" того или иного хозяйства остается неизменным годами. Иначе, почти всегда можно наверняка указать район (и для Хангая довольно узкий), где в данный момент кочует та или иная семья.

Поломка автомашины задержала нас почти на две недели в высокогорном районе истоков р. Чулуту, близ перевала Эгин даба. Здесь стояла уже настоящая зима с крепкими морозами. Мы жили в большом хотоне, разнообразя свое времяпрепровождение разъездами по окрестностям и вплотную знакомясь с повседневной жизнью хотона.

Этот район любопытен тем, что население его в отношении транспорта лишь недавно перешло от вьючных быков (исключительно сарлоков и яков) к телегам, причем еще не полностью овладело техникой изготовления последних. Телег мало и они плохи. Таким образом, здесь даже примитивная монгольская телега является прогрессом недавнего времени. Этому отчасти

способствовали специфические условия высокогорного района, сплошь заваленного моренными отложениями древних, ныне исчезнувших, ледников.

Длинные зимние вечера мы коротали, слушая были и сказки, которые рассказывал морщинистый высокий старик из соседней юрты. Лучшие сказки в стихах были записаны.

Наконец, в самых последних числах ноября мы получили возможность исправить машину и двинулись в дальнейший путь, в первый же день перевалив Эгин даба.

Южные склоны Хангайского хребта оказались совершенно свободными от снега, и желтый колорит ландшафта напоминал осень. Мы ехали на юго-запад, пересекая южную окраину Хангайской горной страны. Размашистые степные долины, желтевшие ковылем, сменялись невысокими грядами гор и холмов. В отличие от северного склона Хангая резко бросалось в глаза полное отсутствие навесов (хашанов) для скота на встречающихся зимниках. Лес в этом районе отсутствует совершенно.

Проехав за день около 100 км от поселка Цзаг, мы спустились почти до Гоби и заночевали поблизости от монастырька Дархиин-чжиса. С ближайших холмов развернулась широкая панорама далеких хребтов Монгольского Алтая, освещенная заходившим солнцем.

В монастырьке мы купили немного цзамбы – муки из поджаренного зерна местного производства. В этом районе, на речках и ключах южной границы Хангайской горной страны, там где она переходит в равнину Гобийской Центральной впадины, существует ряд небольших земледельческих оазисов. Мне были известны два из них – на р.р. Байдараг и Тациин гол. Теперь к этому списку прибавились оазисы на ключах Буянту гол, Улцзэйту-гол и Баян.

Земледелием занимаются исключительно монголы. Сеют голосемянный ячмень (арбай), причем урожай доходит до сам – десят. Пашут, вернее запахивают семена, китайским плугом. Пашни все поливные. Срок вегетации ячменя считают в 120 суток. В Дархиин-чжисе мы обратили внимание на амбары окрестного населения, сложенные из дикого камня и глины. Дерево употребляется лишь на двери и стропила (крыша глинобитная). Несомненно, что этот же материал можно применить здесь и для постройки хашанов на зимниках.

Повернув на запад, мы вскоре доехали до соленого озера Борбай нур. Оно оказалось на дне небольшой замкнутой котловины, среди пологих холмов и увалов, и имело вид обычного в Гоби тойрима, т.е. глинистого дна временной лужи (или озерка), образующейся после летних дождей.

На озере работали люди. На берегу были видны: майхан, обохай

(войлочный шалаш) и несколько верблюдов. Мы пошли к работающим по протоптанной в мягкой соленой глине тропе. Тропа вьется между ямами с незамерзшим соляным раствором. Эти ямы – следы добывания соли, которое здесь весьма примитивно. В глине выкапывается ямка (слой глины не превышает полуметра), появляется соляной раствор, а ниже идет соль, которую долбят пешней и вычерпывают черпаком. Соль кристаллическая, сероватого цвета. Пласт этой соли в озере неравномерен. Копщики говорят, что местами он достигает 2-х метров, местами же сходит на нет. Примерный подсчет количества соли в озере дает цифру в 100-150 тыс. тонн.

Расспросы в аиле по соседству от озера показали, что радиус кочевок местного населения невелик и не превышает 20-30 км. Далеко кочующих вовсе нет. Таким образом, сюда не распространяется выделенный мной ранее “убурхангайский тип кочевок”, характеризующийся очень большим (до 200 км) радиусом.

От Борбай нура мы повернули на юго-восток, к Гобийскому Алтаю, и вскоре уже ехали по равнине Центральной впадины, покрытой редкой гобийской растительностью. К сожалению, день был пасмурный, вокруг нависли низкие облака, и мы были лишены возможности рассмотреть в деталях скрытую туманом панораму хребтов Гобийского Алтая.

Через некоторое время впереди показались хуланы (дикие ослы). Вначале их было три, затем за небольшим увалом оказалось стадо голов в 200, а затем мы увидели еще несколько косяков. Всего хуланов в поле нашего зрения было не менее тысячи голов.

На этой гладкой равнине наш тяжело нагруженный “ГАЗ” шел без дороги со скоростью 40-50 км в час.

Вскоре, восточнее пути, забелело озеро Бон-цаган-нур, а впереди открылось подножье окутанной облаками горной цепи Аргалинту (Гобийский Алтай).

На следующий день мы пробрались красивым ущельем-прорывом на южный склон хребта Хара аргалинту и стали на дневку с целью подробно осмотреть горы. Утомительная экскурсия по скалистым высоким горам с узкими ущельями заняла целый день. Погода стояла теплая, заметно грело солнце. Экскурсия показала наличие в этих горах большого количества горных козлов; в верхнем поясе встречена горная индейка (хойлик) и отмечены тарбаганьи норы. Кроме того, мы видели свежие следы барса. Корма были очень хороши, но воды в горах Хара аргалинту маловато. Наличие в верхнем поясе гор элементов ковыльной степи, затем тарбагана и хойлика указывает на их значительную высоту.

После этой стоянки мы тронулись дальше на юг, по долинам между

хребтами Гобийского Алтая, проехав мимо хребтов Баян цаган, Цэцэн хайрхан, Бахар. Работа по пути заключалась в географических наблюдениях и регистрации состава пастбищ. Кроме того, мы брали четырехметровые укосные площадки для определения кормовой массы пастбищ в зимнее время. Встречаемое население опрашивали о кочевках.

На высокой степи, близ Унта ногон нура были снова в значительном количестве встречены хуланы. Снегу не было, и погода держалась теплая. Кроме нескольких стад хуланов, по степи виднелись табунки цзэрэнов обоих видов: белых степных и чернохвостых гобийских. Вечером второго дня, после выезда из гор Хара аргалинту, мы остановились в русле с ключом Сухонту, прорывающему одну из гряд Гобийского Алтая между горами Бай баян ундур и Цзала чжинсэту, неподалеку от бывшего монастыря Амур-буянтиин-хурэ (Юм бэйсэ).

Утром, выехав из гор на равнину Чжинсэтуин хоолай, мы повернули на юго-восток по направлению к горе Алтан ула. Здесь начался ненаселенный район. На юг, к далеким горам Цаган богда, уходила понижавшаяся пустыня, пересеченная мелкими хребтиками и низким валом хребта Эдэрэнгиин нуру. На равнине Чжинсэтуин хоолай мы снова увидели несколько небольших табунков хуланов. Гладкая степь быстро привела нас к пустынным холмам окрестностей урочища Баян булаг, где на одном из ключей мы и заночевали. Растительность резко изменилась: началась типичная для Западной Гоби кустарниковая степь.

В районе ключа мы отметили встреченную впервые на нашем пути заросль крупного саксаула, затем отдельные бугры с тамариском, густые поросли дэрисуна и поросли крупной деревянистой бударганы всех трех видов.

Далее пошел спуск в глубокую пустынную долину Цзун модони-хоолай. Дорога пересекала поросшие редким саксаулом ложбины с обрывистыми краями и бесплодные плоские террасы между ними. Перед нами развернулся широкий горизонт. Впереди виднелась покрытая снегом “Золотая гора” (Алтан ула), правее дороги равнина уходила к глубокой впадине Ингэни хобурин гоби, за которой синел низкий кряж г. Онгон улан, а еще дальше чуть рисовался в зимней мгле остроконечный силуэт высокой горы Цаган богда.

Перед закатом солнца мы спустились ко дну долины и остановились в оазисе Цзун модо, приютившемся у южного подножья небольшой гряды высоких песчаных барханов, поросших саксаулом и тамариском. Оазис состоит из густых зарослей тамариска, небольшой площадки камыша и рощи (деревьев 200-300) тооpоев, т.е. пустынных или евфратских тополей. У деревьев вполне здоровый вид, есть и молодая поросль. Наружной воды

нет – колодец обвалился. Как я уже указывал в своих прежних очерках, подобные оазисы типичны для Западной Гоби.

Было очень тепло. На утренней заре термометр показывал едва 8-9 градусов холода. По тамариску летали мелкие птички, под саксаулом полетнему бегали и свистели крупные песчанки. Снегу не было и в помине. Утром, после небольшой экскурсии, мы двинулись дальше и через 30 км достигли урочища Цзулуганай – одного из самых крупных оазисов Западной Гоби. Здесь мы простояли три дня.

Оазис расположен у небольшого ручья, текущего по значительному руслу, сжатому высокой обрывистой террасой с севера и сыпучими песками – с юга. Благодаря влаге, по закраинам русла развилась хорошая растительность, в то время как окрестная пустыня почти бесплодна.

Мы нашли здесь значительные поросли густого камыша, достигающего пятиметровой высоты, рощи тоороев (пустынных тополей), большие поросли солодки и с полсотни деревьев чжигды (*Eleagnus hortensis*). Это дерево, дающее массу мелких съедобных косточковых плодов, широко распространено в оазисах южной зарубежной части Гоби, провинции Ганьсу и Синьцзяне. В пределах же МНР Цзулуганай – единственное место, где число чжигды равно нескольким десяткам экземпляров. Кроме этого места, мне известны лишь несколько отдельных экземпляров в оазисах района Хубдун оботу, к югу от Цзулуганая. В будущем, при проведении широких работ по изменению Гоби, это дерево необходимо учесть и культивировать.

Любопытнее всего были явственные и свежие следы четырех (!) диких свиней, пришедших откуда-то с запада и обосновавшихся в этом оазисе года три тому назад. Вообще, по всем признакам, зоологическая экскурсия в этот оазис летом дала бы очень много интересного.

Оазис делится на две части, разделенные бесплодным пространством в несколько километров (вода временно уходит в землю). Верхняя часть богаче и характерна камышом и чжигдой, а нижняя – большим количеством тополей.

Лопнувшая рама автомобиля не дала нам возможности сделать разъезд к горе Онгон улан, где предполагался осмотр заброшенного золотого прииска времен манчжурского владычества. Поэтому мы повернули на восток. Путь стал тяжелее, особенно близ подножья г. Алтан ула, где широкой полосой прошел снег, сдутый затем ветром к кустам и в ложбины. Каменистая поверхность и бесконечные рытвины, забитые снегом, сильно задерживали движение вперед. На второй день пути мы стали лагерем у подножья Алтан-улы.

Четверо суток, ушедших на починку рамы, были употреблены на

экскурсии. Следует указать, что на Алтан-уле (как и на ее западном продолжении – гряде Нарин хара) не был еще ни один географ, и в литературе эти горы совершенно не освещены. Путем наших экскурсий было выяснено общее строение массива, характер его склонов, растительность и животный мир.

Район этой горы, за исключением западной оконечности, почти безводен. Население отсутствует. Типичные гобийские растения поднимаются до самой вершины. Склоны массива круты и скалисты, ущелья завалены обломками. Несмотря на гобийскую растительность, гребень массива посещают горные индейки, перелетающие с соседнего к востоку, значительно более высокого хребта Нэмэгэту. Из фауны чаще всего можно встретить горного козла. В песчаниковых оврагах восточной части подножья можно найти остатки ископаемой фауны.

Старые разработки золота, по которым гора получила свое название ("Золотая гора"), находятся в крайней северо-восточной ее части, у колодца Алтан хацабчи. Туда мы также не смогли попасть, т.к. именно район перевала Хутуль усу был сплошь укрыт толстой пеленой снега.

После починки машины и ознакомления с Алтан-улой, мы продолжили движение на восток.

Сыпучие пески долины Даациин хоолай миновали благополучно, но дальше отвердевший от ветра снег снова сильно задержал нас, заставив прокапывать каждую ложбинку. В день мы не могли сделать более 20-40 км. Наконец, снежная полоса кончилась, и вскоре мы увидели на дне той же долины несколько больших барханов сыпучего песка. Это было урочище Тэсхиин барун гол, которое также предстояло осмотреть. Спустившись к нему по хорошей степи, наш автомобиль прошел сквозь густую чащу саксаула и остановился у колодца. Экскурсия следующего дня выяснила характер урочища и познакомила с его обитателями. Людей мы не видели уже 12 дней.

Тэсхиин барун гол – типичный гобийский оазис ("гол гацзар"). Несмотря на слово "гол", т.е. "речка", ключи в нем отсутствуют, и население пользуется колодцами. Именем "гол гацзар" гобийцы обозначают места с близкой подпочвенной водой, иногда выступающей наружу в виде ключей, и относительно богатой растительностью, среди которой обычно занимает большое место дэрисун.

На этой стоянке выяснилось, что ехать в соседний оазис Тэсхиин думда гол для осмотра месторождения соли не стоит, т.к. сильные дожди прошлого лета размыли степь и залили водой самое месторождение. Поэтому мы ограничились детальными расспросами. Выяснилось, что характер этого месторождения сходен с таковым Борбай нура. Разница

лишь в масштабах: запасы соли в Тэсхиин думда голе, вероятно, близки к 1-1,5 миллионам тонн. Качество соли, по рассказам, очень хорошее. Это месторождение по своим размерам, безусловно, заслуживает внимания.

Таким образом, в западной половине МНР известны теперь пять значительных месторождений поваренной соли: Цабданг нур (на стыке Хубсугульского, Убсунурского и Цзабханского аймаков), Борбай нур, Баян цаган (Ара-Хангай, между реками Байдараг и Утаин гол), Холбольчжи (Убур-Хангай, у низовьев р. Туйин гол) и Тэсхиин думда гол.

Осмотром оазиса Тэсхиин думда гол экспедиция закончила свою работу. Декабрь приближался к концу и надо было торопиться в Уланбатор, чтобы участвовать в работе II-го пленума Ученого Комитета.

Зимние условия, несомненно, отрицательно повлияли на работу экспедиции в отношении ее объема. Тем не менее, был выяснен ряд интересных вопросов. По линии географии страны был важен маршрут от Цзага через Борбай нур и г. Хара аргалинту до г. Бахар, затем участок от Цзулуганая до Тэсхиин барун гола с осмотром Алтан-улы, т.к. в литературе по этим участкам никаких материалов нет.

Особое внимание было уделено растительности (пастбищам). По всей гобийской части маршрута велись наблюдения и запись состава растительности, собирались укосные площадки для определения выхода кормовой массы в зимних условиях и делались зарисовки метровых квадратов для определения степени густоты растительности и характера ее распределения.

Детально изучены оазисы (Баян булаг, Цзун модо, Цзулуганай, Тэсхиин барун гол). По всему маршруту велись расспросы о кочевках, а в гобийской его части делались, кроме того, зарисовки зимних стоянок, встречаемых на пути. В Хангае собран материал о методах ведения скотоводческого хозяйства и по охотничье-промысловой фауне. Кроме того, сделано много новых мелких наблюдений по различным вопросам природы и хозяйства страны.

Особое внимание, уделенное оазисам, было вызвано постановкой проблемы организации МСС в Гоби. Изучение этой проблемы привело меня к следующему заключению: организация МСС в Гоби еще более необходима, нежели в северной части страны, и вполне возможна. Нужна лишь небольшая подготовка и проведение ряда опытов. Вся работа в этом направлении представляется следующей: для начала следует использовать заросли дэрисуна в оазисах, путем скашивания их в молодом состоянии вручную. Весьма вероятно, что за лето дэрисун даст два, а может быть и три укоса. Густая поросль взрослого дэрисуна в Гоби дает около 6-ти тонн

сена с гектара. Поэтому уборка его в молодом состоянии, даже вручную, представляется вполне рентабельным предприятием. При норме в 1/4 гектара на одного рабочего в день и выходе сена в 3 тонны с гектара, один рабочий даст 750 кг сена в день, а впоследствии сможет довести это количество и до тонны.

Можно ли таким путем, хоть в какой-либо мере, помочь гобийскому скотоводству? Мне представляется это возможным. Возьмем для примера Ноян сумун Южно-Гобийского аймага, насчитывающий около 400 хозяйств. Для того, чтобы обеспечить каждое хозяйство тонной сена (что уже будет большим шагом вперед), потребуется около 500 человеко-дней на косьбу и значительно меньше на уборку. Можно считать, что 20 рабочих в течение одного месяца могут дать сумуну указанное обеспечение и что для этого потребуется около 130 га дэрисунной заросли при одном укосе и вдвое меньше – при двух. Такую площадь дэрисуна оазисы указанного сумуна дать, безусловно, могут. По своему качеству дэрисун можно отнести к средним кормам. Его едят все виды гобийского скота, включая мелкий. Стоимость дэрисунного сена, при уборке вручную, не будет превышать стоимости сена в северной части страны.

Однако, такое использование дэрисунных зарослей еще не решает поставленной проблемы во всем ее объеме. Одновременно с организацией скашивания на сено дэрисуна, необходимо приступить к работе по улучшению оазисных площадей. Здесь в основном нужны два мероприятия: уничтожение кочек и бугров и подсев годных под покос трав, ассортимент которых можно подобрать в тех же оазисах. Предпочтительны виды, пользующиеся подобно дэрисуну подпочвенной влагой и потому не страдающие от засух. Удачное разрешение проблемы улучшения оазисных площадей обещает в будущем развитие в Гоби сети сенокосных угодий, не зависящих от засух. Важность развития такой сети не подлежит сомнению. Кроме того, такое улучшение позволит постепенно перейти от ручной уборки сена к использованию сенокосных и сеноуборочных машин.

Говоря об организации сенокошения в Гоби, полезно затронуть для дальнейшего широкого обсуждения еще некоторые проблемы, касающиеся переделки гобийской полупустыни.

Дождевая вода летних ливней в гобийских горах не успевает вся впитаться в землю и скатывается в ущелья, образуя временные потоки, иногда довольно большой мощности и силы, текущие по промытым ими за сотни лет руслам вниз, на равнину. При большом количестве воды, потоки эти достигают дна замкнутых понижений в междугорных долинах и равнинах и образуют там временные озера. Для пастбищных площадей такая вода пропадает без всякой пользы, в то время как, ее можно было

бы употребить для орошения этих площадей в нужный момент. Для этого воду дождевых потоков следует магазинировать в ущельях, путем устройства в их устьях плотин с последующим выводом этой воды на подгорные пастбищные площади. В силу рельефа гобийской окраины страны, где горные хребты и скопления скалистых холмов встречаются очень часто, это мероприятие может иметь огромную будущность. Затраты будут невелики, т.к. устья ущелий большей частью нешироки и для подобных плотин можно использовать местный материал – камни и глину.

Кроме того, следует подумать и об орошении хотя бы небольших площадей водой имеющихся в Гоби ключей. В этом отношении интересны некоторые гобийские районы Цзабханского аймага, где вода ключей используется для поливки пашен. Этот старый опыт было бы неплохо распространить в рационализированном виде на Южную и Восточную Гоби. Многие ключи нуждаются в небольших каптажных работах, которые значительно увеличат расход воды в этих ключах.

Наконец, необходимо провести опыты по изменению состава пастбищных трав, вводя в него засухоустойчивые кормовые растения с развитой корневой системой. Помимо пастбищных растений, было бы полезно обратить внимание на растущие в Гоби древесные виды (разнолистный тополь, гобийский ильм, чжигда) для культивации их в подходящих местах.

Комбинация всех перечисленных мероприятий – освоение под сенокосы гобийских оазисов, магазинирование дождевой воды для полива пастбищных и земледельческих участков, использование для той же цели ключей и изменение в указанную сторону состава пастбищных растений – обещает полную переделку экономики гобийской окраины МНР, зависящей на сегодня исключительно от стихии.

Летом текущего 1938 года Ученый Комитет МНР предполагает провести небольшие опыты по некоторым из вышеуказанных мероприятий.

(АИГМ № 119, автограф /карандаш) **1939 г.**

Краткий отчет о работе экспедиции Ученого Комитета в западные аймаки в 1938 году

Основной целью экспедиции было изучение сельского хозяйства и условий его улучшения в западной половине страны. Кроме того она затронула изучением еще целый ряд вопросов, входящих в программу деятельности Ученого Комитета.

В состав экспедиции вошли 5 научных сотрудников и работников Ученого Комитета (Симуков – от кабинета географии и как общий научный руководитель, Санчжа – помощник руководителя и заведующий кабинетом сельского хозяйства, Цэвэн – от этого же кабинета, Гомбочжаб – заведующий фотокабинетом и Дамбарабчжа – заведующий Музеем). Далее, к экспедиции были прикомандированы зоотехник МСЗ Чулун и кинооператор Монголкино Дэмбрил. Два последних товарища вернулись из Хобдо. В порядке добровольца в экспедиции принял участие художник Померанцев. Техническим персоналом были шофер и повар.

Основным средством передвижения экспедиции был грузовой трехтонный автомобиль “ЗИС”. Кроме того целый ряд больших и малых разъездов был сделан верхом на лошадях. Общее протяжение маршрутов экспедиции достигает 10 тысяч км (около 6 тысяч на автомобиле и около 4 тысяч верхом).

Общее направление маршрута экспедиции было следующим: Уланбатор – Цэцэрлиг (с заездами к историческим памятникам для съемки их на кино); из Цэцэрлига разъезд на МСС; затем Ихэ тамир (разъезды на Хануй и в истоки Тамира); затем Таряты – Цзаг – Цаган олом – Хасагту хайрхан – Хуйсин гоби – Шаргаин гоби – Тонхил – Цэцэг нур – Цзэргэн – город Чжиргаланту (Хобдо). Отсюда разъезды на южный склон Алтая и в северные сумуны аймага. Затем Толбо нур – Улэгэй – Улан хусу – Цаган нур – Бухэй мурэн – р. Хобдо (разъезд в Алтан цугцэ и Баян нур сумуны) – Умун гоби сумун – Улангом (разъезды на юг, к хотонам и на север, в Дабусту ула сумун). Далее маршрут пошел на Дэчжиэлэнгг (разъезды на МСС и в Цзун гоби сумун), озеро Хиргис нур, затем через Цзабхан гол сумун в пределы Цзабханского аймага на сумуны Ургомал, Цзабхан мандал, Чиндамани улцзэйту и в город Чжибхоланту. Из этого последнего было сделано четыре разъезда на лошадях в северные и южные сумуны этого аймага, после чего экспедиция закончила работу и вернулась по

почтовому тракту в Уланбатор. Здесь не перечислены мелкие разъезды до 50 км протяжения.

Экспедиция выехала из Уланбатора 18 августа и вернулась 31 декабря, пробыв в поле 135 дней.

Результаты работ экспедиции довольно обширны и детальное их перечисление выходит за рамки данного отчета. Поэтому остановимся на главном.

Основное достижение заключается в том, что экспедиция добилась ***полного*** площадного освещения трех западных аймаков страны по всем вопросам сельского хозяйства. В частности:

1. В деталях изучены ***кочевки*** каждого сумуна (а в большинстве и каждого бага) по всем четырем временам года. При этом собраны сведения о постоянстве ***зимовок*** и о передвижениях зимой.

2. Получено общее представление о характере ***хотонов*** на всей данной площади.

3. В тридцати соразмерно размещенных по всей площади пунктах взяты детальные сведения о ***методах ведения скотоводческого хозяйства*** (по специальной анкете). Таким образом, получено полное представление по этому вопросу по всему западу Республики.

4. Полностью изучено современное положение в указанном районе по вопросу о ***хашанах*** и о ***сенокошении.***

5. Собраны подробные данные о ***земледелии***, весьма распространенном в западных районах страны.

6. Экспедиция может дать полную картину состояния ***водоснабжения*** посещенных районов (в частности, по вопросу о безводных площадях).

7. Специальное внимание было уделено новым факторам в сельском хозяйстве страны – ***МСС*** и артелям. В отношении МСС экспедицию интересовали главным образом вопросы о влиянии МСС на окружающее население и о возможностях расширения МСС.

8. По ***артелям*** экспедиция интересовалась в основном опытом наиболее старой и крепкой артели в Ара-Хангае, учитывая важность этого опыта для более молодых артелей.

9. Поздний выезд и, как следствие, конец вегетации не позволили развернуть работу по изучению ***пастбищ***. Тем не менее по всему маршруту велась запись характера пастбищ, велись расспросы о том же по сторонам пути, собран небольшой материал по производительности пастбищ и все время велись расспросы о вредных или ядовитых для скота растениях. Далее, собраны образцы различных кормовых растений для химического анализа.

10. Особое внимание экспедиция уделила ***национальному вопросу*** в

западных аймагах и, в частности, ***казахам.*** В результате получено полное представление о современном положении и нуждах казахских районов и о необходимых мероприятиях для улучшения хозяйства и быта казахов. То же относится и к урянхам. В целом посещены все национальности запада.

11. По линии ***этнографии*** экспедиция собирала фольклор, национальный орнамент, делались этнографические заметки, выявлялись мастера искусства и т.д. Кроме того было уделено внимание родовому составу национальностей и сделаны соответствующие записи.

12. Помимо вышеуказанных основных вопросов, экспедиция изучала еще целый ряд проблем, как например, распространение охотничье-промысловых и редких животных. Получена полная картина важнейшей фауны запада.

13. По всему маршруту велись общие ***географические наблюдения*** и проводились расспросы о малоизвестных районах. Таким путем удалось осветить совершенно неизвестный до сего времени в литературе южный пограничный район Хобдоского аймага.

Особое внимание было уделено распространению в западных аймагах ***древесных пород.*** Помимо этого по всему маршруту велись расспросы о ***полезных ископаемых.***

14. По всему пути велась ***фотосъемка*** по особому плану, а до города Чжиргаланту – и ***киносъемка***, причем на участке Уланбатор – Таряты проведена засъемка исторических памятников.

15. Наконец, экспедиция развернула в ряде пунктов и культурно-просветительную работу, проводя беседы о работе Ученого Комитета и лекции на научно-популярные темы. В аймачных управлениях проведены совещания актива с докладами о плане экспедиции и ходе ее работ. Все время поддерживалась тесная связь с сумунными управлениями. Все эти учреждения оказали экспедиции действенную помощь. Кроме того экспедицией проводилась вербовка корреспондентов-краеведов среди интеллигенции и аратов-активистов. Проверена работа уполномоченных Ученого Комитета. По мере возможности проводились сборы музейных предметов.

Уже в процессе работы и изучения материала в пути экспедиция пришла к ряду конкретных практических выводов и соображений, которые в самое ближайшее время будут переданы в соответствующие инстанции для осуществления. Ряд же обширных и детальных материалов по отдельным вопросам потребует довольно длительной обработки, после чего будут даны конкретные выводы и предложения по всем разделам работы экспедиции.

(АИГМ № 128, 462, машинопись, фрагменты автографа) **1939 г.**

А. Симуков

Тезисы доклада о работах экспедиции Ученого Комитета 1938 года

1. План работы экспедиции был довольно обширен и состоял из 40 пунктов. Основной упор был сделан на сельское хозяйство, но тем не менее следовало уделить внимание и целому ряду других вопросов, также имеющих большое значение в жизни страны.

   План был составлен с расчетом на летне-осенний период, но поздний выезд в поле (18 августа) заставил уже на ходу несколько изменить его. Некоторые пункты, касающиеся, главным образом, пастбищ в период вегетации и требующие длительных остановок в открытой степи, были совсем или почти совсем исключены, но зато был добавлен ряд новых пунктов, над которыми можно было работать и зимой.

   Основным принципом работы в западных аймагах было по возможности сплошное изучение района. Поэтому за недостатком времени пришлось совсем отказаться от Убур-Хангая.

2. Метод работы сложился отчасти уже в пути и представлял из себя комбинацию подробных расспросов по заранее выработанным анкетам с личными наблюдениями по пути. Анкетный способ был важен для получения однотипных сведений по всем сумунам на пути, и в трех западных аймагах. Сумунов, совершенно не затронутых изучением, осталось очень мало. Следует оговориться, что гобийские сумуны Цзабханского аймага были взяты только опросным путем, так как проехать по ним не хватило времени; вместе с тем по этому району есть непосредственные наблюдения в дневниках прежних экспедиций Ученого Комитета (1924 и 1931 годы).

   В течение всей экспедиции мною велся общий дневник[1)], куда записывались по возможности все наблюдения в пути. Дополнением к

1) До настоящего времени дневник в архивах не обнаружен (*прим. сост.*).

нему будут специальные заметки и записи товарищей, что в целом составит около 25 печатных листов.

Собранный материал весьма обширен и потребует для своей обработки довольно много усилий и времени. Вместе с тем мы можем теперь сказать, что знаем Западную Монголию довольно хорошо.

3. Перейду к изложению результатов экспедиции и отдельным пунктам плана.

1) В отношении МСС нас интересовали в первую очередь взаимоотношения МСС с окружающим населением и влияние их на это население. Экспедиция была на четырех МСС (Ара-хангайской, Хобдоской, Бухэй-мурэнской и Барун-турунской). Данный вопрос изучался путем разговоров с аратами. Основной вывод - станции на верном пути, но процесс врастания их в быт населения будет довольно длительным.

2) Относительно постоянства травостоя можно сказать, что в отношении всех этих станций дело обстоит вполне благополучно. Самый характер их ландшафта почти исключает влияние засух.

3) Характер травостоя МСС уже был изучен другими лицами, а потому мы на этом вопросе не останавливались. Почвы в местах западных станций были изучены еще в 30-31 г.г. Поэтому в этом мы ограничились рядом образцов с Ара-хангайской МСС.

4) В отношении новых площадей для МСС следует указать, что в Ара-Хангае экспедиция рекомендует обратить внимание на урочище Хурай хануй в истоках Хануя, а в Цзабхане – на ур. Цзагистай хундэй к северу от Цзагистай даба. Была оказана помощь Ара-хангайской МСС по линии увеличения ее площади.

По западу можно указать на Тугиин гол в низовье Цзабхана, куда можно выслать бригаду с Барун-турунской станции, и на реку Булаган.

Вместе с тем экспедиция имеет возможность заявить, что других сенокосных площадей на территории Хобдоского и Убсунурского аймаков нет или почти нет и в дальнейшем следует действовать иным путем, о чем есть особое предложение.

5) По всему маршруту экспедиции велась запись смены растительности

по пути и велись соответствующие расспросы. Эти материалы послужат для составления детальной пастбищной карты, а также являются ботанической характеристикой посещенных районов.

6) В отношении изучения производительности пастбищ большой работы провести по указанным выше причинам не удалось и собранный материал крайне невелик.

7) В различных местах маршрута производился сбор фоновых пастбищных растений для последующего их химического анализа. Растения брались как в зеленом виде, так и зимой.

8) Сбор гербария пришлось исключить совсем, ввиду окончания вегетации на значительной части маршрута.

9) Точно так же почти не пришлось делать зарисовок метровых площадок гобийской растительности, так как в Гоби экспедиция пробыла очень мало времени.

10) Поедаемость фоновых растений выявлялась путем расспросов.

Вопросы этого порядка были включены в анкету по скотоводству.

11) Сведения о ядовитых растениях собирались весьма тщательно по всему району сплошного исследования, и познания и жалобы арат в этом отношении известны экспедиции полностью. Позднее время не позволило собрать растения. Экспедиция выясняла места произрастания этих растений, их сезонность, характер воздействия на скот и т.д.

12) Как новый пункт, в план был введен вопрос об изучении возраста гобийских кустарников в различных условиях произрастания. Это новый вопрос в науке, который поможет разобраться в жизни гобийской растительности, о которой известно пока очень мало. Экспедицией взято около 100 срезов кустарников разных видов.

13) Экспедицией было уделено большое внимание изучению методов ведения скотоводческого хозяйства. В 34 равномерно распределенных по территории западных аймаков пунктах были проведены подробные расспросы по специальной большой анкете, предварительно проконсультированной Минскотземом. Этот материал дает

представление о методике скотоводства всего запада страны. После обработки на основании этих записей можно: 1) дать специальную работу о скотоводстве Западной Монголии и, 2) дать практические предложения аратам по улучшению их хозяйства.

14) Также очень детально был изучен тесно связанный со скотоводством вопрос о кочевках населения. В большинстве районов взяты сведения о кочевках каждого бага. Попутно экспедиция интересовалась постоянством зимовок и зимними перекочевками аратов. Все эти сведения дают совершенно полную картину аратских кочевок всего запада страны за весьма малыми исключениями. Ценность этого материала не подлежит сомнению.

15) Попутно с кочевками экспедиция занималась и хотонами, выясняя их характер, размер и постоянство. Здесь также мы имеем по этим главным вопросам полную картину по всему району.

16) По сельскохозяйственным артелям экспедиция имеет сведения о двух старых артелях Ара-Хангая и о двух вновь организующихся. Кроме того есть данные о ряде земледельческих артелей Цзабханского аймага. Особое внимание было уделено наиболее старой и крепкой Ихэ тамирской артели. Далее, экспедицией были изучены условия организации земледельческих артелей в западных аймагах.

17) В отношении изучения почвы, требующего большой затраты времени, экспедицией ввиду позднего времени не сделано почти ничего. Этот пункт из плана выпал.

18) По аратскому земледелию собраны детальные сведения о его методике, местонахождении пашен, урожайности, культурах, системе землепользования и водопользования, количестве занимающихся им хозяйств и т.д. Все эти сведения собраны по всему району сплошного изучения и дают полную картину земледелия Западной Монголии. На эту тему по обработке будет дана специальная работа.

19) В отношении водоснабжения экспедиция вела тщательную регистрацию участков, требующих обводнения колодцами, базирующуюся на пожеланиях и мнениях арат. Систематические расспросы на эту тему дают также полную картину водоснабжения посещенных районов.

20) Далее большое внимание было уделено вопросам хашанного строительства. Здесь также по обработке материала мы сможем дать полную и точную картину распространения хашанов по каждому типу в отдельности, районы, где хашаны отсутствуют, соображения о возможных типах хашанов по районам и материалах для их постройки.

21) По линии географии экспедицией на всем ее пути велся подробный географический дневник и проводились расспросы о различных районах в стороне от пути. В частности, собраны детальные сведения о совершенно неизвестном в литературе пограничном районе Тахин шара нуру – Байдаг богда, затем о районе Чингиль цаган гола, о верхнем Булагане и о районе Йолту – Ямату.

Освещением района Тахин шара нуру – Байдаг богда вчерне закончено изучение малоизвестной юго-западной приграничной полосы, начатое в 1935 году.

22) Как в Ара-Хангае, так и в западных аймагах велись наблюдения по лесной растительности. В Ара-Хангае обнаружена тенденция роста лесных площадей, а на западе произведена регистрация всех лесных участков и древесных зарослей с указанием их состава.

23) По линии фауны, главным образом, охотничье-промысловой, получена полная картина распространения всех крупных и важнейших млекопитающих Западной Монголии. Особое внимание обращено на редкие (соболь, медведь, куница, красный волк) и вымирающие (лошадь Пржевальского, сайга) виды. Весьма любопытна находка единственного в МНР местообитания бобра (река Булаган). Из птиц точно выяснен район обитания фазана и получены новые данные о распространении других промысловых птиц – горной индейки, тетерева и других. Помимо этого получены данные по биологии некоторых животных и сведения об уменьшении или увеличении их количества.

24) По линии изучения национальных меньшинств и взаимоотношений национальностей МНР, экспедицией проделана большая работа. Посещены все без исключения национальности и племена запада, причем изучение хозяйства проведено по каждой национальности, каждому племени отдельно. Особое внимание уделено казахскому вопросу, причем получена довольно полная картина положения казахов сегодня и их насущные нужды. С таким же вниманием

экспедиция отнеслась и к урянхам. Освещению положения этих национальностей будет посвящен специальный отчет с рядом практических предложений по этому вопросу. Здесь укажу лишь [на то], что работа по устройству казахов и урянхов далеко не доделана и недостатков в их положении и быту еще много. Так или иначе экспедиции удалось в значительной степени разобраться в сущности казахского вопроса.

25) Изучение национальностей запада поставило на очередь вопрос о родовом их составе, причем преимущественно у казахов этот последний фактор имеет серьезное практическое значение и на сегодняшний день. Экспедицией собраны весьма полные сведения о родовом составе казахского народа, делении родов на черную и белую кость, о вражде между кереями и найманами и о сравнительном количестве представителей разных родов на территории МНР. Неполные сведения о родовом составе получены по урянхам, дюрбетам и баитам. Этот пункт был включен в программу экспедиции впоследствии.

26) Новым же пунктом плана явились заметки по этнографии национальностей запада, составлявшиеся по особой программе. Широко эту работу развернуть не пришлось и дело ограничилось одной или двумя анкетами по этому поводу.

27) В ряде мест у разных национальностей произведена запись фольклора.

28) Новым же пунктом плана являлось собирание национального орнамента, в результате чего мы имеем небольшую его коллекцию, причем экспедиция считает, что это дело надо всемерно продолжить.

29) Далее в большинстве сумунов западных аймаков нами собраны сведения о лучших мастерах ремесла и искусства – певцах, музыкантах, сказителях, йорольчи, мастерах по серебру, железу, дереву и художниках.

30) Постоянным пунктом программы в местах сплошного исследования, а также по маршруту была регистрация исторических памятников, на основании которой можно составить себе представление о распространении памятников массового типа (херексуры) и наличии или отсутствии более редких типов памятников (развалины, каменные

бабы, оленные камни, надписи и т.д.). Сделан ряд фотографий с памятников по пути, а в одном месте близ Хадасана по указанию корреспондента-краеведа открыта новая небольшая турецкая надпись.

31) Так как геолог не мог принять участия в экспедиции, то исследования по геологии свелись к сбору сведений по полезным ископаемым, систематически проводившемуся по всем районам сплошного исследования. Таким образом зарегистрированы, во всяком случае, те ископаемые, которые хорошо известны аратам.

32) Сбор материалов для Музея дал ряд предметов феодального обихода и национальных костюмов, а также экземпляры фазана и горной индейки, но в целом был небогатым.

33) Относительно архивов новых сведений не собрано.

34) Так как одним из участников экспедиции был специалист-фотограф , то фотосъемка по маршруту была поставлена широко и велась по особому плану. Собран богатый материал по западу МНР, показывающий природу страны, различные национальности, ее населяющие, их быт и хозяйство. Затем показана новая культура – МСС, работа медпунктов и т.д.

35) От Уланбатора до Чжиргаланту (Хобдо) и во время разъезда в южную часть Хобдоского аймага велась киносъемка. Деятельность кинооператора была также весьма разнообразной. Первой задачей была засъемка важнейших исторических памятников (например, Хушо цайдам, Хара балгас и др.) Затем были отображены ландшафт, быт и хозяйство национальностей запада, новые достижения и т.д., а также работа экспедиции.

36) На ветпунктах по маршруту собирались сведения о эпизоотиях и болезнях скота.

37) Весьма интересным пунктом плана экспедиции был систематический сбор сведений о нуждах и пожеланиях населения путем опроса сумунных дарг, секретарей и отдельных аратов. После обработки этот материал даст конкретное представление о том, в чем нуждается аратство западных аймаков страны.

38) Новым пунктом плана был систематический сбор сведений о наличии холодных и горячих аршанов. В этом отношении мы также можем дать полную картину по всем трем западным аймагам, чего до сих пор не было.

39) Точно так же новым пунктом плана явился сбор сведений по метеорологии. Сюда относится регистрация засух и цзудов за период от 10 до 30 лет и сведения о тенденциях изменения климата за последние годы. Эти сведения показывают увлажнение климата. Особенно заметно это при наблюдении за вечным снегом.

40) Наконец в сферу деятельности экспедиции вошли и пограничные вопросы в виде сбора сведений по уточнению границы между МНР и Синьцзяном, по положению на тувинской границе, по географическому описанию приграничной полосы и т.д.

Доклад о ряде других пунктов плана (вербовка добровольных корреспондентов, культурно-просветительная работа экспедиции, связь с аймачными управлениями, проверка работы уполномоченных Ученого Комитета) уже сделал т[овариш]Санчжа.

Из этого краткого перечня работ экспедиции видно, что деятельность ее была обширна и разнообразна. Главной ценностью собранных материалов является их систематичность и единообразие. Точно так же весьма ценным моментом является сплошной охват запада страны. Таким образом, собранные сведения являются в значительной степени исчерпывающими каждый затронутый вопрос.

Все материалы подлежат немедленной обработке, причем в окончательном виде часть их будет представлять собой законченные научные труды. На основании материалов экспедиции можно написать следующие работы.

1. “Западная Монголия” – большой сводный труд взамен устаревшей работы Грум-Гржимайло.
2. “Сельское хозяйство западных аймаков МНР”
   (в двух частях: скотоводство и земледелие).
3. “Географический очерк Западной Монголии”.
4. “Охотничье-промысловая фауна Западной Монголии”.
5. “Национальности Западной Монголии и их хозяйство”.

Кроме того можно написать ряд статей по отдельным мелким

вопросам.

Предложения по охотничьему хозяйству

1. Экспедицией найдено единственное в МНР местообитание ***бобра***. Учитывая высокую ценность и редкость этого ***грызуна***, экспедиция предлагает: а) организовать на месте находки бобровый заповедник; б) организовать пересадку части бобров из Булагана в другие реки, подходящие для размножения бобров (часть реки Хобдо, низовье реки Тэс, некоторые участки р.р. Селенги и Орхона, р. Онон). Для этого следует командировать на эти реки для подбора участков хорошо знающего привычки бобров арата с реки Булаган (такой человек там есть) и запросить из СССР инструкции и материалы о пересадке этих животных (так как в СССР подобные опыты проводились), а затем произвести пересадку, организовав на новых местах небольшие заповедники.

2. Экспедиция собрала точные сведения о распространении и биологии ныне единственной в мире ***дикой лошади*** (лошадь Пржевальского или тахи аду). Этот вымирающий вид крайне интересен для науки и сохранение его необходимо. Экспедиция предлагает выделить в районе обитания этих лошадей 2-4 ключа и объявить их запретными для арат и пограничников, чтобы предоставить возможность лошадям спокойно размножаться.

3. Экспедиция собрала точные сведения о распространении в МНР ***фазана***. Так как эта ценная птица распространена на чрезвычайно небольшой площади (урема р. Хобдо и небольшой участок на р. Бухэй мурэн, общей сложностью до 200-300 кв. км), и легко поддается уничтожению, являясь в то же время ценной в промысловом отношении, экспедиция предлагает запретить убой фазана с тем, чтобы затем выработать меры по распространению и пересадке этой птицы в другие районы МНР.

4. Экспедиция считает необходимым пересмотреть ***закон об охоте*** в сторону его уточнения и дополнения местными запретами по отдельным видам животных и птиц для тех районов, где эти виды редки, и временными запретами относительно видов, пострадавших от ***стихийных бедствий и эпизоотий*** (цзэрэн в отдельных районах и т.д.).

5. Экспедиция считает своевременным организацию при сельхозкабинете Ученого Комитета секции ***охотничье-промыслового хозяйства***, которая

должна изучать охотничье-промысловую фауну и намечать мероприятия по правильному ведению охотничьего хозяйства.

6. Экспедиция считает своевременной широкую постановку вопроса об охотничье-промысловых ***заповедниках и заказниках***, являющихся наиболее действеннным средством сохранения охотничье-промысловой фауны.

Предложения по казахскому вопросу

Экспедиция считает, что работа по устройству казахов осталась незаконченной и казахский вопрос продолжает заслуживать большого внимания. По этому поводу будет представлен специальный доклад. Пока же в порядке предложений экспедиция выдвигает следующее:

1) Необходимо произвести территориальное ***размежевание*** казахских сумунов Цаган гол, Улан хусу и урянхайского сумуна Цэнгэл хайрхан, пользующихся в настоящее время в значительной степени одними и теми же пастбищами.
2) Прекратить зимнюю перекочевку дюрбетов и олотов на территории урянхайского Алтан цугцэ сумуна и казахского Баян нур сумуна.
3) Уделить особое внимание снабжению казахов товарами ***национального*** потребления.
4) Иметь при аймачном управлении в Чжиргаланту письменного переводчика казахского языка и отвечать на письма и запросы из казахских сумунов ***по-казахски***.
5) Учесть, что казахский Баян нур сумун остался без школы и по линии ***МКС*** имеет лишь палатку из монгольского Эрдэни-буринского кооператива, т.е. ***совершенно*** лишен национальных товаров, и исправить это положение.
6) Переход к латинскому алфавиту у казахов необходим и ***неизбежен***. Однако здесь следует провести тщательную подготовку перехода на этот алфавит, в виде подготовки достаточного количества учителей и т.д. Грамотных по арабскому алфавиту среди казахов не так уж мало.

Предложения по метеорологии

1) По собранным экспедицией материалам как в центральной части МНР (Хангай), так и в западных аймагах республики за последнее десятилетие наблюдается медленное увлажнение климата. Ввиду

огромной важности этого фактора для хозяйства страны, экспедиция предлагает по возможности детально осветить этот вопрос, для чего следует: a) проконсультировать этот вопрос с метеогруппой и через последнюю с одним из крупных специалистов-метеорологов СССР; b) установить ежегодные регулярные наблюдения за движением ледников и изменениями вечноснегового покрова и отдельных снежных пятен в определенных пунктах республики; c) продолжать сбор расспросных сведений по этому вопросу через сеть корреспондентов-краеведов, подбирать материал из литературных источников и т.д.

2) Предлагаемое экспедицией сокращение ежегодных перекочевок дюрбетов требует внимательного изучения климата Убсунурского аймага и, в частности, снежного режима этого района. Поэтому представляется необходимым: a) установить в Улангоме метеостанцию и, b) организовать на территории аймага сеть снегомерных пунктов.

Предложения по МСС

Экспедиция рекомендует следующие новые участки, годные под МСС: 1) Хурай хануй (Ундур улан сумун Ара-Хангайского аймага; небольшая самостоятельная МСС), 2) Цзагистай хундэй (Идэр сумун Цзабханского аймага; можно выслать бригаду из Нумургэ, с Тэльминской МСС); 3) Тугиин гол (Цзабхан гол сумун Убсинского аймага, бригада из Барун турунской станции) и, 4) Булаган гол (Булаган сумун Хобдоского аймага, самостоятельная МСС). Вместе с тем экспедиция имеет возможность заявить, что других сенокосных площадей на территории Хобдоского и Убсунурского, а также в южной части Цзабханского аймаков нет или почти нет, а потому в этом районе необходимо идти другим путем, именно путем использования ***дэрисунных*** оазисов. Большинство этих оазисов совпадает с крупными местами ***земледелия***, что позволяет организовать в этих оазисах комбинированные пункты по: a) прокату земледельческих сельско-хозяйственных орудий и агропомощи, b) организации дэрисунного сенокоса, c) сюда же можно присоединить точки мед- и ветпомощи, культ-просветобслуживания, торговли; d) при этих пунктах полезно организовать опытно-показательные участки и, e) эти пункты должны быть центрами пропаганды организации сельхозартелей.

Одновременно необходимо изучить вопрос мелиорации дэрисунных площадей для последующего перехода к машинной их уборке.

Предложения по национальному искусству и ремеслам

Вследствие конкуренции китайских ремесленников, монгольское национальное ремесло за время китайского владычества пришло в сильный упадок. Если после революции искусство (пение, музыка, театр) получило поддержку и стало развиваться, то отрасли изобразительного искусства (живопись, резьба по дереву) и ремесла остались и по сей день без внимания. Экспедиция считает полезным: 1) организацию в аймачном и республиканском масштабе конкурсов художников, резчиков, вышивальщиц, мастеров по серебру, железу и дереву с временными выставками и выдачей премий; 2) организацию сбыта предметов национального искусства и ремесла (соответствующие уголки в магазинах МКС, ГТО и Кустпрома и т.д.).

Далее экспедиция считает, что для ознакомления Центральной и Восточной Монголии (Халхи), а также Уланбатора с музыкой, пением и танцами национальностей и племен Западной Монголии сделано еще очень мало и вносит предложение усилить взаимное ознакомление по этой линии во время центрального и аймачных надомов, а также используя театр и кино.

Предложения по земледелию

Для интенсификации чрезвычайно примитивного земледелия западных аймаков МНР необходимо в первую очередь пригласить специалиста-агронома с опытом по поливным землям Средней Азии. Без этого проведение каких-либо мероприятий невозможно. Далее при наличии агропомощи следует организовать прокатные пункты сельскохозяйственных орудий, опытно-показательные участки, вести пропаганду организации сельскохозяйственных артелей и изыскивать способы расширения земледельческой площади (см. предложения по МСС).

Предложения по кочевкам

Экспедиция выявила чрезмерно большой радиус годовых перекочевок у дюрбетов Убсунурского аймага (Улангом, Турун гол, Умун гоби, Бухэй мурэн, Хобдо гол и отчасти Сагли сумуны), доходящий в общей сложности до 700 км в год. Подчеркивая полную невозможность обслуживания аратов при подобном положении дела (политико-просветительного, административного, медицинского, ветеринарного, торгового и т.д.) и,

как следствие, их значительную отсталость, экспедиция считает необходимым тщательно изучить причины этих перекочевок с целью их последующего ***сокращения*** и введения в определенное русло. Немедленно же следует воспретить (за исключением времени стихийных бедствий) перекочевку дюрбетов в пределы Хобдоского аймага на территорию Алтан цугцэ (урянхи) и Баян нур (казахи) сумунов, так как это вызывает нежелательную национальную рознь.

Предложения по транспорту

Ознакомившись на месте с условиями транспорта, экспедиция считает возможным и желательным внедрение хотя бы обыкновенной монгольской телеги в северо-западной части Цзабханского аймага, в ряде районов Убсунурского и отчасти Хобдоского аймаков, где при наличии вполне проходимых дорог и годного для телег леса, быки используются только под вьюк.

В каменистых районах юга Хобдоского и Цзабханского аймаков необходима пропаганда ковки лошадей, тем более, что пример налицо: и казахи и урянхи куют своих лошадей, а их соседи-монголы – нет.

Предложения по Музею

Учитывая заявления аймачных активов некоторых аймаков Запада и общую тягу к культуре, экспедиция считает своевременным поставить вопрос об организации аймачных филиалов Центрального Музея, концентрируя около них работу уполномоченных Ученого Комитета, добровольных корреспондентов-краеведов, учителей и активной интеллигенции.

Фотографии

Приведенные в данном сборнике экспедиционные фотографии А.Д.Симукова из Фотоархива Академии Наук Монголии были любезно пересняты с оригиналов для Н.А.Симуковой в 1992 г. с разрешения руководства Академии Наук Монголии.

Подписи к этим фотографиям даны в переводе с монгольского С.Батбилига.

Фотографии из архива семьи А.Д.Симукова скопированы Н.А.Симуковой на сканнере hp scanjet 8250 с разрешением 600 dpi.

110. Андрей Симуков после удачной охоты. Ноян ула, вблизи р. Хацуртэ. Март 1925 г. (*Фото С.А.Кондратьева. Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

111. Экспедиция 1927 г. в Ламин гэгэне.Слева направо: рабочий Джамба, М.А.Симукова, А.Д.Симуков, Джергал - помощник по Музею. (Малыш – из семьи местных сотрудников Монценкопа /Монгольский Народный Центральный кооператив/).
© Н.А.Симукова

112. А.Д.Симуков с проводниками по Западной Гоби. Слева – Лувсан, житель гор Тосоту, справа – Доржи, житель хр. Цзолен. Октябрь 1927 г., горы Ноян богда. (*Фото М.А.Симуковой. Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

113. М.А.Симукова и Свен Гедин в лагере Шведско-Китайской экспедиции на Эцзин голе, 7 ноября 1927 г. (*Фото А.Д.Симукова. Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

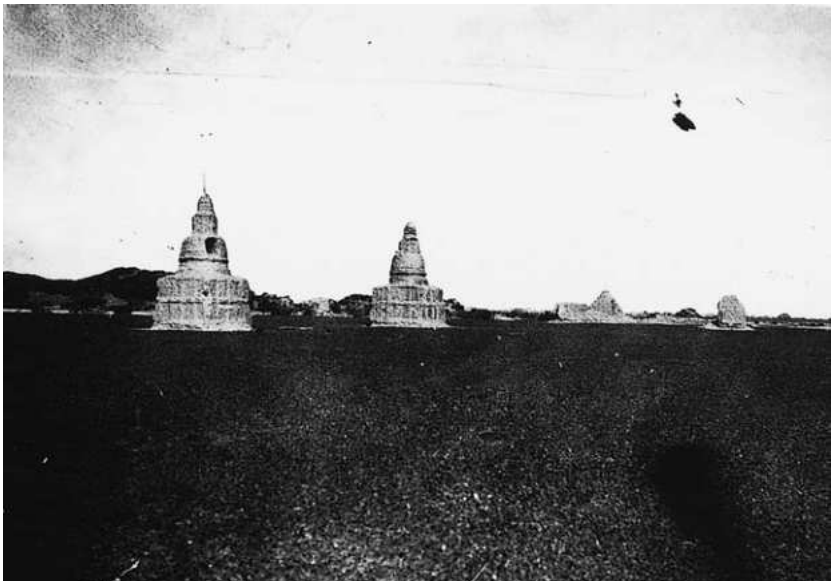
114. Типы эцзин-гольских торгоутов. Семья Циндэ. Экспедиция 1927 г. (*Фото А.Д.Симукова. Фотоархив АН Монголии*).

115. Жители окраины Эцзин гола: урат (слева) и тангут (справа). Экспедиция 1927 г. (*Фото А.Д..Симукова. Фотоархив АН Монголии*).

116. Хара хото, вид с северо-запада. Экспедиция 1927 г.
(*Фото М.А.Симуковой. Фотоархив АН Монголии*).

117. Хара хото, северо-западный угол города, вид изнутри. Экспедиция 1927 г.
(*Фото М.А.Симуковой. Фотоархив АН Монголии*).

118. Хара хото. Южная стена города, засыпаемая песками. Экспедиция 1927 г.
(*Фото М.А.Симуковой. Фотоархив АН Монголии*).



119. Хара хото. Субурганы и остатки построек в окрестностях города. Экспедиция 1927 г.
(*Фото М.А.Симуковой. Фотоархив АН Монголии*).

120. Переправа автомобиля через р.Орхон. Хангайская экспедиция 1928 г. (*Фотоархив АН Монголии*).

121. Восточная партия Хангайской экспедиции 1928 г. Слева направо: Дугэржав, В.Марчук, А.Д.Симуков, П.Ф.Чухломин. (*Фотоархив АН Монголии*).

122. Добыча для зоологической коллекции Музея. Хангайская экспедиция 1928 г., вблизи истоков р.Сэнчжит. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

123. Охотник-урянхаец и проводник Гендун (халхасец). Хангайская экспедиция 1928 г. (*Фото А.Д. Симукова. Фотоархив АН Монголии*).

124. Встреча в пути. А.Д.Симуков и лама-гэлюн (прошедший первые ступени монашеского обучения и посвящения), сын шамана. Танну ула, верхний Нарин. Хангайская экспедиция 1928 г. (*Архив семьи А.Д.Симукова*). © Н.А.Симукова

125. Сын шамана Пельчже, в традиционном одеянии ламы-джюдиста (последователь одной из школ буддизма). Танну ула, верхний Нарин. Экспедиция 1928 г. (*Фото А.Д.Симукова. Фотоархив АН Монголии*).

126. Шаман Пельчже в полном шаманском одеянии. Танну ула, верхний Нарин. Хангайская экспедиция 1928 г. (*Фото А.Д.Симукова. Фотоархив АН Монголии*).

127. Шаман Пельчже играет на варгане (музыкальный инструмент). Танну ула, верхний Нарин. Хангайская экспедиция 1928 г. (*Фото А.Д.Симукова. Фотоархив АН Монголии*).

128. Юрта шамана Пельчже. Танну ула, верхний Нарин. Хангайская экспедиция 1928 г. (*Фото А.Д.Симукова. Фотоархив АН Монголии*).

129. Чум зятя шамана Пельчже. Танну ула, верхний Нарин. Хангайская экспедиция 1928 г. (*Фото А.Д.Симукова. Фотоархив АН Монголии*).

130. Разъезд в верховья р. Нарин, Танну ула: А.Д.Симуков, проводник – шаман Пельчже, П.Ф.Чухломин (слева направо). (*Архив семьи А.Д.Симукова*). © Н.А.Симукова

131. А.Д.Симуков в хангайском кочевье. (*Фотоархив АН Монголии*).

132. Участники Гобийской экспедиции 1930 г. Слева направо: шофер А.А.Вагапов, топограф Ф.Ф.Большаков, рабочий В.Марчук, А.Д.Симуков, коллектор В.В.Балашова. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

133. Остановка на тракте. Запись расспросных сведений (на машине) и поиски запчастей (у дороги). Экспедиция 1931 г. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

134. Авто «сел». Центральная Гоби. Экспедиция 1931 г. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

135. На базе экспедиции 1931 г. в Баян тухуме (Гурбан сайхан). В 1-ом ряду слева направо: топограф М.П.Крупенин, шофер А.А.Турутанов; во 2-ом ряду слева – С.М.Ураков; в 3-ем ряду – М.А.Симукова. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

136. Первые жители г. Далан цзадгада. Южно-Гобийский аймаг. 1931 г. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

137. В лагере геологического отряда АН СССР у Орог нура. Слева направо: М.А.Симукова, Дандар, геолог И.П.Рачковский, А.Д.Симуков, топограф М.П.Крупенин, шофер и двое рабочих. Экспедиция 1932 г. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

138. А.Д.Симуков за съемкой маршрута (работа с буссолью). Район оз. Орог нур. Экспедиция 1932 г. (*Фото М.А.Симуковой. Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

139. Панорамная фотосъемка хр. Ихэ богда. Слева направо: А.Д.Симуков, М.А.Симукова, топограф М.П.Крупенин, шофер А.А.Вагапов. Экспедиция 1932 г. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

140. Караван экспедиции 1935 г., Баян далай. Справа налево: А.Д.Симуков, Дондог, Ван-Фучин. (*Архив семьи А.Д.Симукова*).
© Н.А.Симукова

141. В хангайском аиле. Экспедиция 1937 г. (*Фотоархив АН Монголии*).

142. Переправа через р.Чулуту. Экспедиция 1938 г. (*Фото М.Гомбочжаба. Фотоархив АН Монголии*).

143. А.Д.Симуков в экспедиции 1938 г. по Западным аймагам. (*Фото М.Гомбочжаба. Фотоархив АН Монголии*).

144. У юрты казаха Тунтэя. Экспедиция 1938 г. (*Фото М.Гомбочжаба. Фотоархив АН Монголии*).

145. Справа налево: А.Д.Симуков, (?), Бямба. Экспедиция 1938 г. (*Фото М.Гомбочжаба. Фотоархив АН Монголии*).

Senri Ethnological Reports (Recent Issues)

No.73 Forum on the Disaster Impact and Restoration in the 2004 Indian Ocean Giant Earthquake and Tsunami (2007; ed. Isao Hayashi)

No.72 The Twentieth Century in Mongolia (2): Political Life in Socialist Mongolia (2007; eds. Ichkhorloogiin Lkhagvasuren, Yuki Konagaya; in Mongolian)

No.71 The Twentieth Century in Mongolia (2): Political Life in Socialist Mongolia (2007; ed. Yuki Konagaya; in Japanese)

No.70 Genealogies of the chiefly families of Tai Dam in Vietnam (2007; Kashinaga Masao, Cam Trong; in Japanese and Tai Dam)

No.69 Korea in Globalization: Dynamic Intertwining of the Domestic and the Overseas (2007; eds. Toshio Asakura, Hiroki Okada; in Japanese)

No.68 Life Culture through Daily-use Articles: Omura Shige's Collection at the National Museum of Ethnology (2007; eds. Kimiko Yokogawa, Ryoji Sasahara; in Japanese)

No.67 A. D. Simukov Works about Mongolia and for Mongolia, Vol.2 (2007; eds. Yuki Konagaya, Sanjaasuren Bayaraa, Ichinkhorloo Lkhagvasuren; in Russian)

No.66 A. D. Simukov Works about Mongolia and for Mongolia, Vol.1 (2007; eds. Yuki Konagaya, Sanjaasuren Bayaraa, Ichinkhorloo Lkhagvasuren; in Russian)

No.65 Authenticity and Cultural Identity: Performing Arts in Southeast Asia (2007; ed. Yoshitaka Terada; in English)

No.64 Presenting 'Multiethnic Japan' a Special Exhibition (2006; eds. Hiroshi Shoji, Miseon Kim; in Japanese)

No.63 Cultural Dynamics among Ethnic groups in Border areas of China and Mainland Southeast Asia (2006; ed. Shigeyuki Tsukada; in Japanese, Chinese and English)

No.62 Anthropological Studies of Christianity and Civilization (2006; ed. Yoshio Sugimoto; in Japanese)

No.61 Building a Sustainable Relationship between Cultural Heritage Management and Tourism (2006; ed. Noriaki Nishiyama; in Japanese)

No.60 Bonpo Thangkas from Khyngpo (2006; eds. Tenpa Yungdrung, Per Kværne, Musashi Tachikawa, Yasuhiko Nagano; in English and Tibetan)

No.59 Polynesian cultures and Societies in the Days of James Cook (2006; Eikichi Ishikawa; in Japanese)

[国立民族学博物館刊行物審査委員会]

松園万亀雄　館長
田村　克己　副館長
松山　利夫　民族社会研究部
朝倉　敏夫　民族文化研究部
関　　雄二　先端人類科学研究部
小長谷有紀　研究戦略センター(研究出版委員長)
吉田　憲司　文化資源研究センター

平成20年 3 月14日発行

国立民族学博物館調査報告　74

編　者　小 長 谷 有 紀
サンジャースレン・バヤラー
イチンホルロー・ルハグワスレン

発　行　人間文化研究機構
国立民族学博物館
〒565-8511　吹田市千里万博公園10-1
TEL. 06(6876)2151(代表)

印　刷　株式会社 遊文舎
〒532-0012　大阪市淀川区木川東4-17-31
TEL. 06(6304)9325(代表)